

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-36152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в
сфере связи, информационных техно-
логий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: vestnik_history@bsu.ru

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на английский язык
А. Ц. Эрдынеева
Редактор Д. Н. Гармаева
Компьютерная верстка
И. А. Болонева

Подписано в печать 29.05.2015
Формат 60x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 26,8 Усл. печ. л. 33,95
Тираж 1000. Заказ 137
Цена договорная

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1997 г.

Выходит 15 раз в год

Выпуск 7/2015
ИСТОРИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ «ВЕСТНИКА БГУ»

Н. И. Мошкин, д-р техн. наук, проф., и. о. ректора Бурятского государственного университета (*председатель*); *А. В. Номоев*, д-р физ.-мат. наук, доц., проректор по НИР БГУ (*зам. председателя*); *П. А. Минакир*, д-р экон. наук, акад. РАН; *А. Л. Асеев*, акад., чл.-кор. РАН, вице-президент РАН, председатель Сибирского отделения РАН; *М. Р. Бакланов*, д-р хим. наук, проф. (*Бельгия*); *П. Ю. Саух*, д-р филос. наук, проф. (*Украина*); *С. Н. Васильев*, д-р физ.-мат. наук, акад. РАН; *И. А. Тайманов*, д-р физ.-мат. наук, акад. РАН; *К. Цецура*, д-р философии по коммуникации и связям с общественностью, проф. Университета Оклахомы (*США*); *Оде Сесилия*, проф. (*Нидерланды*); *Ван Яминь*, проф., декан факультета русского языка Института иностранных языков Восточно-Китайского педагогического университета (*Китай*); *Г. Ц. Дамбаев*, д-р мед. наук, проф., чл.-кор. РАН; *О. В. Матыцин*, д-р пед. наук, проф., чл.-кор. РАО, президент Российского студенческого союза, президент РГАФК

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

К. Б.-М. Митупов, д-р ист. наук, проф. (*главный редактор*); *М. Н. Балдано*, д-р ист. наук, проф. (*зам. главного редактора*); *В. В. Номоева*, д-р ист. наук, доц.; *Т. Е. Санжиева*, д-р ист. наук, проф.; *А. Д. Цыбиктаров*, д-р ист. наук, проф.; *С. В. Васильева*, д-р ист. наук, доц.; *Е. Н. Палхаева*, д-р ист. наук, доц.; *Т. В. Паликова*, д-р ист. наук, доц.

© Бурятский государственный университет, 2015

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945)

УДК 94(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-3-6

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ КОВАЛАСЬ ПОБЕДА: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

© **Боронова Маргарита Максимовна**

доктор исторических наук, профессор Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: mboronova@yandex.ru

Статья посвящена промышленности Бурятии в годы Великой Отечественной войны. Автор отмечает, что в период войны Бурятия не была регионом массовой эвакуации промышленных предприятий с западных территорий СССР, хотя отдельные производства были размещены в республике. Рост индустрии Бурятии в годы войны происходил за счет строительства новых промышленных предприятий, которые работали на использовании местной сырьевой базы. В статье на примере ведущих предприятий республики освещены вопросы перестройки индустрии на выпуск военной продукции, проанализированы сдвиги в ее структуре и территориальном размещении, показан трудовой героизм тружеников тыла, их борьба за выполнение и перевыполнение производственных заданий, отмечен вклад трудящихся Бурятии в победу советского народа над нацистской Германией.

Ключевые слова: промышленность, тыл, соревнование, продукция, фронт, победа, производство.

THE VICTORY WAS HAMMERED IN REAR: THE INDUSTRY OF BURYATIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Margarita M. Boronova

DSc in History, Professor, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the industry of Buryatia in the period of the Great Patriotic War. The author notes that during the war Buryatia was not a region of mass evacuation of industrial enterprises from the western territories of the USSR, although some productions were stationed in the republic. The growth of the republic industry was due to the construction of new industrial enterprises, which worked on the use of local raw material base. In the article on the example of the leading enterprises in the republic the issues of industry reorganization to military production are highlighted, the changes in its structure and in its location are analyzed, a labor heroism of the rear workers is shown, their struggle for fulfillment and exceeding production goals, the contribution of workers of Buryatia to the victory of the Soviet people over Nazi Germany is noted.

Keywords: industry, rear, competition, products, front, victory, production.

Стремительно летит время, проходят годы и десятилетия, но ничто не сможет стереть из народной памяти подвиг советских людей, сумевших ценою невероятных усилий одержать победу над фашизмом. 70 лет отделяют нас от исторической Победы, и чем дальше мы от этой страшной войны, тем дороже нам воспоминания о ней. Память о войне по-прежнему волнует каждого из нас, объединяет разные поколения людей, заставляет ощущать свою причастность к героическому прошлому.

Неоценимый вклад в победу над врагом внесли труженики тыла, для которых война стала серьезным испытанием на прочность. Бурятия, находившаяся в глубоком тылу, как и вся страна, жила по законам военного времени. Несмотря на то, что республика не стала краем массовой эвакуации, сюда было перемещено несколько промышленных предприятий из центральных областей страны. В частности, из Николаевской области был эвакуирован

Очаковский рыбоконсервный завод, на производственную базу Улан-Удэнского ПВРЗ переведено оборудование Острогожского вагоноремонтного завода из Воронежской области и литейно-механического цеха Люблинского вагоноремонтного завода, специальный цех одного из заводов Москвы и несколько мелких предприятий.

К середине 1942 г. в целом завершилась перестройка промышленности и всего народного хозяйства республики на военный лад. Ведущие промышленные предприятия начали производить оборонную продукцию, выпуск которой непрерывно увеличивался. Нужды фронта обеспечивали Улан-Удэнский ПВРЗ, мясоконсервный комбинат, стекольный, авиационный, судостроительный заводы, Ботогольский графитовый рудник, Джидинский вольфрамowo-молибденовый комбинат, предприятия пищевой, легкой, мясной и других отраслей промышленности. Так, Джидинский вольфрамowo-молибденовый комбинат в годы войны являлся главным поставщиком молибдена промышленным предприятиям Советского Союза. Улан-Удэнский мясоконсервный комбинат занимал 3-е место среди мясокомбинатов страны по объему валовой продукции. Здесь производились не только продукты питания, но и до 50 наименований медицинской продукции [1].

Перевод промышленности на военный лад привел к резкой смене номенклатуры выпускавшихся изделий, освоению новых видов продукции, перестройке технологических процессов, внедрению новых форм производственной специализации. В результате уже в первые месяцы войны на промышленных предприятиях республики был налажен выпуск военной продукции.

С первых дней войны на фронтовую вахту встал коллектив Улан-Удэнского паровозовагоноремонтного завода. Флагман индустрии республики работал круглосуточно. Были отменены выходные и отпуска, рабочий день длился по 14–16 часов. Производственники основных цехов перешли на казарменное положение. Руководители не уходили из цехов неделями, спали урывками. Освоение коллективом завода новой продукции, особенно оборонной, было нелегким делом: необходимо было быстро внедрять доселе незнакомые технологические процессы, осваивать станки и оборудование, безотлагательно решать вопросы обеспечения производства квалифицированными кадрами взамен ушедших на фронт.

Коллектив завода с честью выдержал тяжелейшие испытания первых месяцев войны. Завод начал выпускать минометы, боеприпасы, поезда особого назначения, бронеплощадки и другую спецпродукцию для фронта. В результате перевода предприятия на военные рельсы изменилось соотношение между военной и гражданской продукцией в общем валовом выпуске всей продукции ПВЗ. К концу 1942 г. удельный вес военной продукции составил 65,6 %. Завод работал безубыточно, с перевыполнением правительственных заданий и был награжден переходящим Красным знаменем ЦК ВКП(б) и Государственного Комитета Обороны. Самоотверженный труд многих заводчан был отмечен высокими правительственными наградами. В их числе начальник комплексной бригады паровозосборочного цеха Григорий Игнатьевич Коваленко, которому 6 ноября 1943 г. указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Социалистического Труда [2].

Улан-Удэнский авиационный завод (завод № 99), сданный в эксплуатацию в июле 1939 г., как многие другие предприятия республики с началом войны перешел на казарменное положение и выпускал продукцию для фронта. В 1941 г. заводчане приступили к производству фюзеляжа и оперения фронтового пикирующего бомбардировщика Пе-2. Коллектив предприятия под руководством директора С. И. Прокопьева и главного инженера В. А. Кучера успешно справился с заданием. С осени 1941 г. до июля 1942 г. было сдано 699 агрегатов. В годы войны Улан-Удэнский авиационный завод выпускал боевые самолеты «Ла-5», «Ла-7», «Ла-9», ремонтировал бомбардировщики. С конца 1942 г. до июля 1944 г. завод произвел и передал ВВС Советской армии 283 истребителя Ла-5 конструкции С. А. Лавочкина. На этих самолетах летали знаменитые советские летчики — трижды Герои Советского Союза И. Н. Кожедуб и А. И. Покрышкин. Летом 1944 г. авиационный завод приступил к серийному выпуску более совершенного и скоростного самолета Ла-7.

На предприятии с начала войны развернулось широкое социалистическое соревнование под лозунгом «Все для фронта — все для победы!». Заводчане несколько смен подряд не покидали своих рабочих мест. В коллективе создавались фронтовые комсомольско-молодежные бригады, среди которых особенно прославились бригады Анатолия Моисеенко и Григория Округина [3].

С первых дней войны перестроил свою работу на военный лад коллектив Джидинского вольфрамово-молибденового комбината. На предприятие легла основная нагрузка по добыче вольфрама и молибдена для нужд военной промышленности. В броне каждого третьего танка, выпущенного в тяжелые годы войны, был вольфрам с Джидинского комбината. Коллектив предприятия успешно решал сложные задачи по увеличению и удешевлению своей продукции, так необходимой для выпуска легированной стали, из которой делалась броня для танков, самолетов и артиллерии. В 1941–1942 гг. добыча вольфрамового концентрата возросла по сравнению с 1940 г. в 1,5 раза. Плановые задания 1943 г. были выполнены на 124 %, в 1944 г. — 142,5 %, в 1945 г. — 115,6 % [4].

О том, в каких условиях приходилось работать в годы войны, вспоминает руководитель обогатительной фабрики Джидакомбината Н. М. Николитч: «Прекрасные люди работали тогда на фабрике, никогда никакой халтуры, недобросовестного отношения к своим обязанностям, безотказное выполнение сверхнагрузок в экстремальных условиях неизбежных прорывов. Ночь-полночь наш плотник П. П. Витюнов приходит в 40-градусный мороз ремонтировать столы или желоба. Близится конец месяца, под угрозой план, потому что были простои, аварии, и тут уж выручали прославленные столовщицы-солдатки А. И. Анисимова и Н. П. Грязнова. Сколько раз они буквально «по зернышку» выбирали концентрат из старых шлаков и песков. В том, что фабрика работала несмотря ни на что, заслуга прежде всего ее механиков Петра Анисимовича Матеркова и Алексея Петровича Голубина» [4].

В сложных условиях работал Улан-Удэнский мясокомбинат. Предприятие испытывало недостаток в оборудовании и материалах для консервного производства. Почти полностью обновился состав рабочих. Место ушедших на фронт мужчин заняли женщины и подростки. За годы войны комбинат, несмотря на большие трудности, увеличил объем производства на 82 % по сравнению с довоенным 1940 г., дал фронту 18 575 вагонов высококачественной мясной продукции. Здесь был организован пошив полушубков, меховых рукавиц, производство валяной обуви и выпуск сухого спирта. По результатам работы предприятие неоднократно становилось победителем Всесоюзного социалистического соревнования [5].

Наряду с перестройкой на военный лад действовавших производств характерной чертой развития республики в годы войны стало существенное расширение предприятий местной государственной и кооперативной промышленности. Это было продиктовано трудностями военного времени, большой загруженностью железных дорог перевозками, что ставило вопрос о первостепенном развитии производств, базировавшихся на местном сырье. В связи с этим в Бурятии в годы войны продолжалось строительство новых промышленных объектов. В основном это были предприятия местного республиканского значения. Их количество увеличилось более чем в 3 раза, а выпуск продукции по сравнению с довоенным уровнем возрос в 2,2 раза [6].

В числе этих предприятий Селендумский мотороремонтный завод, табачная фабрика в г. Улан-Удэ, Бичурский сахарный завод, Заиграевский комбинат строительных материалов, Шулутский известковый завод, Илькинский авторемонтный завод и другие. В результате в период войны значительно расширился ассортимент товаров народного потребления для гражданского населения и армии. Предприятия местной промышленности освоили производство новых видов изделий: стеклянной и гончарной посуды, хозяйственного мыла и спичек, пуговиц и швейных изделий, асбеста, кожаной и валяной обуви, плодоовощных консервов и т. д. Наряду с продукцией для тружеников тыла небольшие фабрики, мастерские и артели выпускали амуницию и снаряжение для фронта. Их усилиями Советская армия получила десятки тысяч пар лыж, валенок, полушубков, шапок, рукавиц.

Таким образом, в тяжелые годы войны промышленные предприятия Бурятии внесли свой весомый вклад в общенародное дело борьбы против фашистской Германии. В короткие сроки в сложных условиях происходила перестройка на рельсы военного производства, наращивался выпуск оборонной продукции. Промышленная база республики значительно расширилась за счет ввода в эксплуатацию новых производственных мощностей. В результате за военный период основные производственные фонды индустрии возросли на 36 %. Промышленность пополнилась такими предприятиями, как шиноремонтный завод, Нижне-Ангарский рыбоконсервный завод, махорочная фабрика. Началось строительство Улан-Удэнской суконной фабрики, была расширена валяльно-войлочная фабрика.

Существенно возрос ассортимент, появились новые виды промышленной продукции. В отличие от других районов Сибири, которые наращивали свой индустриальный потенциал за счет эвакуированных предприятий с западных территорий СССР, промышленное развитие Бурятии в годы войны происходило за счет строительства новых производственных объектов республиканского значения, базировавшихся на использовании местной сырьевой базы. Сдвиги в структуре и размещении индустрии республики, произошедшие в период Великой Отечественной войны, имели большое народнохозяйственное значение в послевоенный период.

Литература

1. Халбаева-Боронова М. М. Бурятия: проблемы комплексного развития региона. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — С. 81.
2. Багонин В. М. Эстафета поколений — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. — С. 98.
3. Тихоновец А. И. Авиастроители. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1989. — С. 65–66.
4. Наш городок. Закаменску 60 лет // Знамя труда. — 2004. — С. 47.
5. Дондуков Ц. Ц. Улан-Удэ — столица Советской Бурятии. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. — С. 46.
6. Шулунов Ф. И. Формирование промышленности Бурятии и ее развитие в послевоенный период. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. — С. 66.

References

1. Khalbayeva-Boronova M.M. *Buryatiya: problemy kompleksnogo razvitiya regiona* [Buryatia: problems of complex development of the region]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2005. P. 81.
2. Bagonin V. M. *Estafeta pokoleny* [Relay generations]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe publ., 1982. P. 98.
3. Tikhonovets A. I. *Aviastroiteli* [Aircraft manufacturers]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe publ., 1989. Pp. 65–66.
4. *Nash gorodok. Zakamensku 60 let* [Our Town. Zakamensk 60 years]. Zakamensk: Gazety «Znamya truda publ, 2004. P. 47.
5. Dondukov Ts.Ts. *Ulan-Ude — stolitsa Sovetskoy Buryatii* [Ulan-Ude - the capital of the Soviet Buryatia]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe publ., 1961. P. 46.
6. Shulunov F. I. *Formirovaniye promyshlennosti Buryatii i eye razvitiye v poslevoyenny period* [Formation of Buryatia industry and its development in the postwar period]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe publ., 1969. P. 66.

УДК 94:273"/941/45"

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-7-13

ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© **Васильева Светлана Владимировна**

доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Статья посвящена освещению политической значимости религиозного вопроса в военный и послевоенный периоды. Особое внимание уделяется развитию законодательства СССР в области государственно-конфессиональных отношений. В результате исследования выявлено, что в 1943–1945 гг. произошли значительные изменения государственной политики в отношении религиозных организаций вообще и древлеправославной церкви в частности. Значительная часть верующих старообрядческой церкви БМААССР получила правовые гарантии и материальные возможности для исповедания веры, отправления религиозного культа, существования церквей. Появились новые государственные органы — Совет по делам РПЦ, Совет по делам религиозных культов, которые стали важным инструментом государственной политики в религиозной сфере.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вероисповедная политика, Совет по делам Русской православной церкви, Совет по делам религий, политико-просветительские организации, атеистическая пропаганда, древлеправославная церковь, старообрядческие общины, Бурят-Монгольская АССР.

CHANGE IN STATE POLICY CONCERNING THE OLD ORTHODOX CHURCH UNDER THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Svetlana V. Vasileva

DSc in History, A/Professor of the department of general and national history, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the elucidation of political importance of the issue of religion during the war and post-war periods. The special attention is paid to development of legislation in the USSR in the area of the relations between state and confessions. The research shows that since 1943–1945 the significant changes has been made in the state policy towards the religion organizations in general and Old believers in particular. The prominent part of the Old believers in the Buryat-Mongolian ASSR has been granted legal guarantees and financial resources for creed, religious practices, maintenance of churches. New state bodies were formed — the Council for the Russian Orthodox Church, the Council for Religious Worship, which became an important tool of state policy in the religious area.

Keywords: the Great Patriotic War, confession policy, the Council for the Russian Orthodox Church, the Council for Religious Worship, political and educational organizations, atheistic propaganda, the Old believers' church, Old believers' communes, the Buryat Mongolian ASSR.

Религиозная жизнь Бурят-Монгольской АССР в военные годы и послевоенные десятилетия может быть понята только в контексте изменения вероисповедной политики советского государства в годы Великой Отечественной войны.

Политическая значимость религиозного вопроса как на занятых фашистами советских землях, так и во внутривнутриполитической обстановке в стране отчетливо проявилась уже к концу 1941 г. Молчаливое признание этого факта содержится в изменении позиции государства, которое в течение первых двух военных лет фактически приняло позицию невмешательства в церковную жизнь страны. Разрешались общецерковные сборы средств и внекультовая деятельность религиозных объединений, русская православная церковь смогла расширить издательскую деятельность и выпускать книги и листовки. Государство де-факто признало

религиозные центры, которые во время эвакуации вывозились из Москвы вместе с государственными и общественными организациями [1, с. 119]. Появилась возможность устанавливать связи с зарубежными религиозными организациями.

Необходимо отметить, что эти действия определялись не только внутривластными причинами, но и внешнеполитическими. В условиях войны Советский Союз не мог игнорировать ни использования фашистской Германией «религиозной карты» на оккупированных территориях и в пропаганде, ни прогитлеровской позиции, которую заняла часть Русской православной церкви (на оккупированных территориях) и другие религиозные организации за рубежом. Но особенно важным было мнение союзников по антигитлеровской коалиции, которые (прежде всего США) согласовывали открытие второго фронта и оказание военной помощи СССР с расширением религиозных свобод в стране [4].

К концу лета 1943 г. сочетание внутри- и внешнеполитических факторов было таковым, что Советское правительство сочло возможным перевести развитие государственно-церковных отношений на новый уровень. Поворотным моментом в этом процессе стала историческая встреча И. В. Сталина с митрополитом РПЦ Сергием (Стагородским), состоявшаяся в ночь с 4 на 5 сентября 1943 г. [9]. Были достигнуты договоренности о восстановлении деятельности многих церковных институтов.

14 сентября 1943 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление об образовании Совета по делам Русской православной церкви (далее — СПД РПЦ), органа, созданного в целях осуществления политики государства в отношении религии и контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах. Новый орган стал частью системы центральных государственных учреждений и был отнесен к не-посредственному ведению правительства СССР. Все центральные партийные и советские учреждения и ведомства обязывались предварительно согласовывать с СПД РПЦ проводимые ими мероприятия, связанные с вопросами, относящимися к ведению Совета, и предоставлять Совету запрашиваемые им материалы и сведения. В союзных и автономных республиках, краях и областях, при исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся учреждались должности уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви. Бурят-Монгольская АССР не стала исключением. Совет по делам религий в республике был образован в 1944 г.

Проведенные мероприятия отразились в нормативном законодательстве СССР в области государственно-конфессиональных отношений. Уже в ноябре было принято постановление правительства № 1325 «О порядке открытия церквей». 1 декабря 1944 г. Совнарком СССР принял постановление № 1643–486–с «О православных церквях и молитвенных домах», где внесены изменения в утвержденную 5 февраля 1944 г. Советом по делам РПЦ инструкцию для уполномоченных [5]. Этот нормативный акт предусматривал не только новый порядок открытия храмов, но позволил собрать информацию о состоянии здания церкви: пригодно ли оно для богослужения, сохранилась ли необходимая утварь, когда и по решению каких органов церковь была закрыта.

Таким образом, государство постепенно стало брать под контроль использование храмовых зданий. Согласно постановлению «О православных церквях и молитвенных домах» от 1 декабря 1944 г., снос или разбор церковных зданий допускался только в исключительных случаях по решению крайисполкома при наличии заключения уполномоченного Совета по делам РПЦ [6]. Местным властям без разрешения Совета запрещалось закрывать культовые здания, переоборудовать их для других целей. Одновременно оговаривалось право Совета удовлетворять ходатайства верующих на предоставление соответствующего помещения или же предоставлять возможность для строительства храма. Постановление СНК СССР № 2137–546–с «По вопросам, относящимся к православной церкви и монастырям» дополнило постановление от 1 декабря 1944 г.: Совнаркомам республик и обл(край)исполкомам предлагалось при планировании «предусматривать в пределах возможного необходимость снабжения строительными материалами приходских общин для ремонта церковных зданий» [10, с. 220–221], не препятствовать церковным общинам производить колокольный звон в го-

родах и селах, не препятствовать приобретению колоколов. Этим постановлением церковным органам предоставлялись ограниченные права юридического лица, разрешались приобретение транспортных средств, строительство и покупка в собственность домов для церковных надобностей, производство и продажа предметов церковной утвари и религиозного культа.

Еще одним новшеством стало предоставление отсрочек от призыва православным священнослужителям, Постановление № 213 Комиссии при СНК СССР по освобождению и отсрочкам от призыва по мобилизации от 3 ноября 1944 г. гласило: «освободить от призыва по мобилизации священнослужителей православной церкви (военнообязанных запаса независимо от возраста и состава), имеющих иерейский и дьяконский сан, при условии, если они зарегистрированы в установленном порядке и служат в церкви. Освобождение священнослужителей от призыва в Красную Армию производить на основании справок их регистрации, выдаваемых уполномоченными Совета по делам Русской православной церкви при СНК республик, край(обл)исполкомах» [8, с. 15].

К началу 1945 г. Русская православная церковь, несмотря на репрессии 1920–30-х гг., оставалась крупнейшей православной церковью в мире. Она была самой большой религиозной организацией страны, которая побеждала фашизм. Русская православная церковь, в лице Московской патриархии, на протяжении всей Великой Отечественной войны поддерживала государственную власть Советского Союза в борьбе с гитлеровской Германией. Все это привело к значительному росту авторитета церкви, как в СССР, так и за его пределами. В рассматриваемый период на территории Бурят-Монгольской АССР было открыто 2 церкви. Так, постановлением Совнаркома БМАССР № 190 от 4 мая 1945 г. была открыта Заудинская Вознесенская православная церковь в г. Улан-Удэ. В следующем году по ходатайству общины верующих в количестве 48 чел. было получено в арендное пользование здание Успенской церкви г. Кяхты [12, с. 109]. Однако необходимо отметить, что не все ходатайства и заявления с просьбами верующих об открытии церквей положительно решались.

Вслед за урегулированием в годы войны отношений государства с наиболее многочисленной и авторитетной религиозной организацией — Русской православной церковью — последовало изменение государственной политики в отношении других церквей и религиозных групп.

19 мая 1944 г. Совет Народных Комиссаров принял постановление об организации наряду с Советом по делам РПЦ еще одного государственного органа — Совета по делам религиозных культов, в ведение которого передавались «связи» со всеми другими, кроме РПЦ, религиозными организациями.

Права и обязанности, сфера компетенции и организационная структура нового Совета были аналогичны Совету по делам РПЦ. В центральном аппарате Совета было сформировано четыре отдела: по вопросам мусульманского, иудейского и буддийского вероисповеданий; по вопросам Армянской, Католической и Лютеранской церквей; по вопросам старообрядческой и евангелической церквей и инструкторская группа. На последнюю возлагались обязанности по подготовке информационных материалов, инструктивных писем и циркуляров, обработка статистических данных и планирование работы аппарата. Такая организационная структура Совета по делам религиозных культов (далее — СПДРК) просуществовала до 1955 года. К своей непосредственной работе Совет приступил в июле 1944 года. Благодаря предоставлению Советом правительство СССР в конце февраля 1945 г. приняло решение о предоставлении отсрочек от призыва по мобилизации для духовенства армяно-григорианской, старообрядческой, католической, греко-католической, лютеранской, адвентистской, евангельско-христианской церквей, а также мусульманских и иудейских объединений [7, с. 113]. В условиях распределения продуктов питания и товаров первой необходимости по карточной системе Правительством Советского Союза 3 декабря 1946 г. было дано распоряжение о снабжении товарами служителей культа. Они и обслуживающий персонал городских приходов и религиозных общин стали снабжаться по нормам, установленным для служащих, в пределах численности, согласованной с уполномоченными Совета при обл(край)исполкомах и Совета

Министров республик [2, с.11].

Безусловно, лояльность Совета по отношению к «подведомственным» культам объяснялась патриотической позицией духовенства и верующих, которые, как и последователи РПЦ, собирали деньги и ценности, продукты питания и вещи, поддерживали раненных, семьи фронтовиков и детей-сирот, то есть стремились максимально помочь Родине в трудный час [2, с. 386–387]. Советом признавалась и приветствовалась патриотическая позиция старообрядцев белокриницкого согласия, мусульманских и иудейских религиозных организаций. Так, в еще 1942 г., в один из самых тяжелых периодов войны, старообрядческий архиепископ Иринарх обратился к жителям оккупированных территорий с посланием. В нем говорилось: «Возлюбленные чада старообрядческой христовой церкви, находящиеся в немецком пленении и оккупации... Из центра старообрядчества — из достославной Москвы, с Рогожской заставы, — я, ваш архипастырь и богомолец, обращаюсь к вам со словами утешения и надежды и призывом оказывать всяческое противодействие врагу. Помогайте партизанам, вступайте в их ряды, будьте достойны своих предков, бившихся за свою святую Русь. Помогайте нашей армии истреблять и гнать врага со священной земли нашей и тем самым приближать радостный час соединения с вами. Мы же здесь возносим Господу Богу непрестанные молитвы, чтобы он сохранил вас от зла и губительства и дал вам силы предков наших в борьбе за освобождение нашей отчизны от захватчиков» [10]. Древлеправославные христиане в период Великой Отечественной войны, как и в прежние трудные времена, встали на защиту Отечества. Многие тысячи старообрядцев пали на полях сражений, умерли от голода и болезней.

И наоборот, отношение к религиозным объединениям, которые, по мнению Совета, не занимали в годы войны антифашистских позиций, было настороженным, их деятельность подвергалась особым ограничениям. К ним относились римская католическая, греко-католическая и лютеранская церкви.

Итак, в 1943–1945 гг. произошли значительные изменения государственной политики в отношении религиозных организаций. Для обеспечения деятельности зарегистрированных конфессий была создана необходимая нормативно-правовая база. Значительная часть верующих получила правовые гарантии и материальные возможности для исповедания веры, отправления религиозного культа, существования церквей. Появились новые государственные органы — Совет по делам религиозных культов и Совет по делам РПЦ, которые, оказывая самое непосредственное воздействие на «подведомственных», стали важным инструментом государственной политики в религиозной сфере. Советская власть через эти органы контролировала и координировала внутреннюю жизнь конфессиональных организаций.

Несмотря на явное улучшение положения религиозных организаций в Советском Союзе, было бы ошибочным думать, что Советская власть и Коммунистическая партия в 1943 г. кардинально изменили свое отношение к религии. Более терпимым стало отношение к религиозным организациям, но не к религиозному мировоззрению. Подтверждением этому служат действия ЦК ВКП(б) и правительства СССР, предпринятые в 1940-е гг. и направленные на развитие у советского народа научного мировоззрения, материалистического понимания природы и общественной жизни. Так, уже 27 сентября 1944 г. Центральный Комитет партии принял постановление «Об организации научно-просветительской пропаганды». В нем не говорилось прямо об антирелигиозных или антицерковных мероприятиях, использовалась другая лексика, но подразумевала она по-прежнему борьбу с религией: «ЦК ВКП(б) указал в своем решении, что пропаганда естественнонаучных знаний приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультурья, суеверий и предрассудков» [6, л. 7, с. 98]. Постановление определяло: «Основным содержанием научно-просветительской пропаганды <...> должно быть материалистическое объяснение явлений природы, разъяснение достижений науки, техники и культуры» [6]. Центральный Комитет партии обязал наркомпросы союзных республик и партийные органы организовать чтение научно-популярных лекций по вопросам естествознания для широких слоев населения; Наркомпрос РСФСР и ОГИЗ

РСФСР — организовать издание научно-популярных брошюр; наркомпросы союзных республик — снабдить все избы-читальни массовой естественнонаучной литературой; Комитет по делам кинематографии при Совнаркоме СССР — выпускать и демонстрировать населению фильмы на естественнонаучные темы; размещать статьи на научно-популярные темы и методические материалы для лекций в журналах «Спутник агитатора», «Политпросветработа», «Работница», «Крестьянка», «Наука и жизнь».

Логическим продолжением политики, определенной постановлением ЦК ВКП(б) от 17 октября 1944 г., стало образование Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний [2, с. 34].

Несмотря на изменение в отношении государства к другим конфессиональным группам, положение древлеправославной церкви в данный период было тяжелым. Большинство закрытых в 1930-е гг. храмов так и не были возвращены церкви. Архиепископия Московская и всея Руси ютилась в подсобке единоверческого храма святителя Николы на Рогожском кладбище. Не было получено разрешения на открытие монастырей и учебных заведений. Единственным признаком религиозной «оттепели» стало разрешение издания церковного старообрядческого календаря на 1945 г. Только к концу 1940-х годов в древлеправославной церкви начинают служить пять епископов, что позволяет рукоположить несколько десятков священников и восстановить несколько старообрядческих общин.

В БМАССР оживление религиозной жизни старообрядцев после Великой Отечественной войны связано с началом богослужений в молитвенной часовне с. Новый-Заган Мухоршибирского района (1947 г). Инициатором был уставщик Назар Петров из Бичуры. По просьбе верующих в начале 1950-х гг. из Новозыбкова прибыл священноиерей Петр (Симонов) с матушкой [3, с. 3]. В селе возрождаются церковные обряды, проводится огромная работа по укреплению древлеправославной веры. Благодаря его активной деятельности Ново-Заганская старообрядческая церковь действовала до 1963 г. Богослужения стали проводиться в доме иерея Петра (Симонова).

Таким образом, само создание всесоюзной политико-просветительской организации подтверждало, что Коммунистическая партия и Советская власть не могли отказаться от антирелигиозной идеологии. Но в свете новой государственной политики в области религии антирелигиозная пропаганда получила другое название — научно-просветительская, или научно-атеистическая, и стала проводиться с несколько иных позиций, а именно — через массовое распространение научных знаний и научную критику религии.

С 1948 г. вполне определенно изменение политических установок проявилось в директивных письмах Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов, в указаниях членов правительства, адресованных руководству Советов.

Особенно наглядно прослеживается изменение отношения государства к религиозным организациям по ведомственной переписке Совета по делам религиозных культов и уполномоченных Совета на местах. В ноябре 1947 г. в письме уполномоченному по Забайкальскому краю разъяснялась установка СПДРК в отношении малочисленных групп верующих: «Наличие в группе верующих двадцати или несколько больше человек, которые хотят образовать из себя религиозную общину, не говорит еще за необходимость непременно удовлетворения ходатайства верующих во всех случаях» [2, с. 36].

Более определенные формулировки, свидетельствующие об активизации антирелигиозной работы среди молодежи, прозвучали на первых послевоенных съездах комсомола. XI съезд ВЛКСМ (29 марта — 8 апреля 1949 г.) собрался после тринадцатилетнего перерыва. На нем большое внимание уделялось идеологической работе и в частности подчеркивалось: «Необходимо усилить среди молодежи пропаганду естественнонаучных знаний, вести настойчивую и повседневную борьбу с религиозными предрассудками» [2, с. 76].

На XII съезде ВЛКСМ (19–26 марта 1954 г.) речь шла не только о непримиримой борьбе с пережитками прошлого в сознании советской молодежи, но и о работе с пионерами: «Комсомол и пионерская организация должны не допускать проникновения в детскую среду вредных

влияний, религиозных предрассудков» [2, с. 136]. Стремление оградить молодежь и детей от религиозного влияния, сформировать у подрастающего поколения советских людей материалистическое мировоззрение оставалось неизменным. Комсомол под руководством партии был нацелен на выполнение этих задач.

Необходимо отметить, что изменения в отношении государства к религиозным организациям зависели не только от курса ВКП(б), но и от международного положения СССР. На внутреннюю политику влияли процессы, происходившие на международной арене. В 1946 г. на смену Второй мировой войне пришла «холодная война», предпосылки которой складывались еще в 1941–1945 гг. Политика «холодной войны» стала ответом западных стран на укрепившиеся международные позиции СССР, появление новых социалистических стран, рост влияния коммунистических и социалистических партий во многих странах мира.

Таким образом, государственная политика СССР в отношении религии и религиозных организаций в 1940–1950-е гг. претерпевала значительные изменения, обусловленные военным периодом и связанными с ним внешне- и внутривластическими причинами. Но общий курс Коммунистической партии и Советского государства в отношении религии не изменился, что наглядно проявилось при смене политического руководства страны после смерти И. В. Сталина. 7 июля 1954 г. было принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», которое стало логическим завершением политики временного «потепления» в отношениях между религиозными организациями и государством, строившим социалистическое общество.

В указанный период происходит постепенная смена акцентов в отношениях старообрядческих «согласий» с Русской православной церковью, которая в предшествующий период выполняла по отношению к старообрядчеству преимущественно функции полицейского характера. Теперь на передний план постепенно начинают выдвигаться догматические дискуссии, которые сменяются осознанием единства обеих церквей перед лицом общей угрозы.

Литература

1. Алов А. А., Владимиров Н. Г. Православие в России. — М., 1995. С. 119.
2. Васильева С. В. Восстановление церковной соборности старообрядчества в контексте институциональных трансформаций XX–XXI вв. // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — Вып. 7. — С. 41–44.
3. Истоки Руси. — 2010. — № 8. — С.3.
4. Мосс В. Православная церковь на перепутье (1917–1999). СПб., 2001. С. 207–222.
5. ГАРБ Ф. 1857. Оп 1. Д. 19. Л. 4.
6. ГАРБ Ф. П 248. Оп.1. Д. 19.Л.4.
7. Одинцов М. И. Власть и религия в годы войны. — М., 2005. — 540 с.
8. Одинцов М. И. Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — М., 1995. — 350 с.
9. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. — М., 1995. — 455 с.
10. Религия и власть на Дальнем Востоке России: сборник документов Государственного архива Хабаровского края. — Хабаровск, 2001. — 345 с.
11. URL: <http://rpsc.ru> (дата обращения: 12.11.2010).
12. Цыремпилова И. С. Религиозные организации РБ. Словарь-справочник. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — 240 с.

References

1. Alov A. A., Vladimirov N.G. *Pravoslaviye v Rossii* [Orthodoxy in Russia]. Moscow: 1995. P. 119.
2. Vasilyeva S. V. *Vosstanovleniye tserkovnoy sobornosti staroobryadchestva v kontekste institutsionalnykh transformatsy XX–XXI vv.* [Restoration of the Old Believers Church catholicity in the context of the institutional transformation of the XX–XXI centuries.]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Seriya istoriya — Bulletin of the Buryat State University. Series history*, 2010. Ussue.7. Pp. 41–44.
3. *Istoki Rusi* [The origins of Russia]. 2010. No.8. P. 3.
4. Moss V. *Pravoslavnnaya tserkov na pereputye (1917–1999)* [The Orthodox Church at the Crossroads (1917–1999)]. St. Petersburg: 2001. Pp. 207–222.

5. GARB (State Archive of the Republic of Buryatia). F. 1857. Op 1. D. 19. L. 4.
6. GARB. F. 248. Op.1. D.19. L.4.
7. Odintsov M. I. *Vlast i religiya v gody voyny* [Power and religion during the war]. Moscow: 2005. 540 p.
8. Odintsov M. I. *Religioznye organizatsii v SSSR nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941-1945 gg.* [Religious organizations in the USSR on the eve and during the Great Patriotic War of 1941-1945]. Moscow. 350 p.
9. Pospelovsky D. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov v XX veke* [Russian Orthodox Church in the twentieth century]. Moscow. 455 p.
10. *Religiya i vlast na Dalnem Vostoke Rossii: Sbornik dokumentov Gosudarstvennogo arkhiva Khabarovskogo kraya* [Religion and Power in the Russian Far East: A collection of documents of the State Archives of Khabarovsk Territory]. Khabarovsk. 2001. 345 p.
11. *Sayt Russkaya Pravoslavnaya Staroobryadcheskaya Tserkov* (Website Russian Orthodox Old Believer Church), available at: <http://rpsc.ru/> (accessed 12.11.2010).
12. Tsyrempilova I. S. *Religioznye organizatsii RB. Slovar — spravochnik* [Religious Organizations of the Republic of Buryatia. Dictionary - reference. Publishing House of the Buryat State University]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2000. 240 p.

УДК 93

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-14-18

ЖЕНЩИНЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© Доржиева Виктория Владимировна

доктор исторических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права
Северо-Восточного государственного университета

Россия, 685000, г. Магадан, ул. Портовая, 13

E-mail: dorvic68@mail.ru

В статье рассматриваются региональные аспекты истории северо-востока СССР в годы Великой Отечественной войны. На основе массива архивных документов автор исследует отличительные черты организационных форм и методов вовлечения женщин коренных малочисленных народов в работу советских и партийных органов. Определены актуальные векторы деятельности органов власти в контексте условий, целей и задач военного времени. Приведены данные об участии представительниц коренных малочисленных народов в общественном производстве, их вкладе в помощь фронту. Автор отмечает трансформацию традиционных сфер деятельности женщин коренных малочисленных народов в годы войны. В военный период продолжалась работа по включению женщин коренных малочисленных народов в культурное пространство, хотя еще фиксировалась и реализация традиционно-бытовых практик. Выявлены объективные сложности развития и функционирования системы органов здравоохранения и социальной сферы в регионе в военный период.

Ключевые слова: женщины, северо-восток, война, коренные малочисленные народы, Красная яранга, сельсовет, всеобуч, пошивочная мастерская.

WOMEN OF THE LOCAL MINOR NATIONS OF THE NORTH-EAST OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Viktoriya V. Dorzheeva

DSc in History, Head of the department of theory and history of state and law, North-Eastern State University

13 Port St., Magadan, 685007 Russia

In the article the regional aspects of history of the North-East of the USSR during the Great Patriotic War are considered. Basing on archive document collection the author researches the distinctive features of organizational forms and methods of drawing the local minor nations' women into the Soviet and Communist party bodies. The actual vectors of the authorities' activity are defined within the scope of conditions, goals and objectives of the war time. The data on the participation of the representatives of local minor nations in social production, their contribution to front support are submitted. The author notes the transformation of traditional areas of local minor nation women's activities during the war. The article underlines that even in the war period the work of including the local minor nation women into cultural area continued although the implementation of traditional and domestic activities was still recorded. The objective complexity of the development and functioning of health care and social authorities in the region during the war period was revealed.

Keywords: women, North-East, war, native minor nations, the Red yaranga, the council of the village, general compulsory education, sewing workshop.

В год празднования 70-летия великой победы несомненный интерес вызывают различные аспекты истории военного периода. Обращение к гендерному анализу исторических процессов позволяет глубже проанализировать социокультурные особенности развития региона в этот переломный исторический момент. На северо-востоке страны в годы Великой Отечественной войны не шли боевые действия, по территории не проходила линия фронта. Но население региона, как и весь народ, было включено в решение общей задачи — приближение победы.

В военный период все социально-экономические процессы, развернувшиеся до войны, приобрели мобилизационный характер. Еще в предвоенное время (начало 1940-х гг.) явно обозначился количественный рост партийных и комсомольских рядов, а также увеличение

в их составе представительниц коренных национальностей. Чукотская окружная организация ВЛКСМ в 1939 г. рекомендовала в кандидаты ВКП(б) 83 комсомольца, из которых 24 человека — представители коренных национальностей, 17 женщин [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 52. Л. 32]. Приведем выдержку из текста характеристики, выданной в 1941 г. Марковским райкомом ВКП(б). К сожалению, нет даты рождения кандидатки в члены партии и сведений о ее семейном положении, однако примечательно, что женщина работает на производстве, не сопряженном с традиционными формами труда. «Тнана — эскимоска, кандидат партии, работает поваром школы колхозных кадров. К выполнению своих обязанностей относится добросовестно, дисциплинирована, активная общественница, занимается в кружке низового звена» [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 78. Л. 86]. В период с 1944 по 1946 г. в Чукотском национальном округе было выдвинуто на партийную, советскую, комсомольскую и хозяйственную руководящую работу по номенклатуре окружкома партии 343 человека, из которых 32 человека — местные национальные кадры, 18 женщин, из них 7 — из числа коренного населения Чукотки [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 218. Л. 131].

Продолжался начатый в 1930-е годы процесс вовлечения женщин в советские и партийные органы власти. В июне 1940 г. Чукотский окружком партии на бюро вынес постановление о необходимости укрепления кочевых национальных советов депутатов трудящихся грамотными работниками, способными проводить на практике работу по советизации кочевых и полукочевых народностей Севера [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 55. Л. 110]. В годы войны женщины выдвигались на руководящую работу в аппарат райкомов партии, райисполкомы, в сельсоветы. К 1946 г. в Чукотском национальном округе насчитывалось 67 национальных сельсоветов, в которых работали 46 председателей и 40 секретарей из числа коренных национальностей Чукотки [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 218. Л. 49]. В ходе очередной кампании по перевыборам советов в газете «Советская Колыма» публиковали биографии и портреты женщин-кандидатов в депутаты разных уровней. В 1948 г. в составе депутатов местных Советов Чукотского округа 42 % составляли женщины [5, 1948. 7 марта].

Работник Красной Яранги в 1941 г. отмечал, что в беседе на тему «Какие права предоставляет сталинская конституция всем гражданам СССР» чукчи одобрительно отзывались о праве на труд, на отдых, социальном обеспечении нетрудоспособных граждан. Слушатели соглашались с провозглашенными принципами равноправия граждан, свободы совести [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 241. Л. 7]. В 1941 г. на Чукотке было вновь организовано 12 красных яранг. С началом Великой Отечественной войны им дали новые функции — сбор военного налога, госпоставки. В 1943 г. на Чукотке было проведено 325 лекций, прочитан 281 доклад, поставлено 136 спектаклей. На всех этих мероприятиях побывало 16 480 кочевников [2, П-22. Оп. 1. Д. 148. Л. 76].

Руководство Дальстроя уже в довоенный период осознавало необходимость модернизации профессионального обучения представителей коренных народов. Для достижения этой цели нужно было повысить уровень образования местного населения. В довоенный и военный период при ликвидации женской неграмотности и малограмотности в районах Колымы были проблемы организационного характера. На общих собраниях граждан Гаданжинского сельсовета в 1939 г. отмечалось, что в школу малограмотных и неграмотных записано 46 женщин, однако посещаемость занятий плохая, многие женщины не ходят в школу из-за ее отдаленности [2, Ф. Р-124. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 об., 8 об.]. В отчете заведующего Гаданжинским агитпунктом в 1942 г. отмечалось, что беседы на ороchonском языке не проводились и некоторые слушатели «мало понимают, особенно женщины». В связи с этим Гаданжинский сельсовет постановил переводить проводимые беседы на родной язык и шире привлекать женщин [2, Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 11. Л. 5, 5 об.]. На страницах местной печати пропагандировался опыт ликвидации неграмотности. В газете «Советская Колыма» в 1940 г. писали о комсомолке, депутате Наяханского сельского совета П. С. Кудриной, «хорошо организовавшей работу по ликвидации неграмотности в колхозе» [5, 1940. 5 сентября]. Однако далеко не везде перенимали передовой опыт.

В приказе Главного и Политического управлений Дальстроя¹ в 1940 г. отмечалось, что заведующие избами-читальнями в большинстве малограмотные, советы изб-читален не работают [2, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 1. Л. 25]. В указанных национальных районах в этот период было создано и работало всего 5 клубов и 17 изб-читален, большинство из них были плохо оборудованными. Административно-гражданский отдел Дальстроя в начале 1941 г. еще не имел «точных данных охвата учебной населением» на подконтрольной территории [2, Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 5. Л. 19].

С 1928 по 1941 г. в стране возросла численность женщин с высшим средним специальным образованием — от 151 до 864 тыс. Удельный вес женщин-специалистов за этот период вырос с 29 до 36 % [6, 1981. С. 77–102]. Деятельность по развитию образования и в северных регионах постепенно приносила результаты. К 1945 г. на Чукотке процент осуществления всеобщего составил 92,5 [3, с. 257]. Обучением не удалось охватить только детей из самых удаленных стойбищ. К 1947 г. Анадырское педучилище выпустило 45 учителей — представителей местных национальностей.

Особое внимание в военный период было обращено на промышленное производство для нужд фронта. В 1941 г. в Анадырском районе Чукотского округа была открыта одна пошивочная мастерская, которая выпустила готовой продукции на 24 500 р. В мастерской работало около 10 женщин [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 2]. В годы Великой Отечественной войны промышленное развитие в регионе набирает высокие темпы. В максимально короткие сроки необходимо было обеспечить страну оборонным металлом, в первую очередь оловом. Развитие горнодобывающей промышленности дало новый импульс развитию территории. Продукция всех видов традиционных промыслов была очень востребована возросшим населением рабочих поселков. Значительным спросом у местного и приезжего населения пользовались меховая одежда и обувь. Женщины колхоза «Ударник» Марковского района Чукотки в 1941 г. проявили себя при выполнении военного заказа, осуществляя пошив теплой одежды для Красной Армии [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 78. Л. 43]. В постановлениях Чукотского окружкома ВКП (б) в начале 1940-х гг. акцентируется внимание на проблеме организации общественного питания, которое признается одним из самых заброшенных и «безобразно работающих хозяйственных подразделений Чукотторга», не перестроивших свою работу на военный лад [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 123. Л. 1]. Стране нужны оборонная продукция, рабочие руки, женская рабочая сила. На предприятиях местной промышленности постепенно внедряются новые формы и методы организации и стимулирования труда. По результатам социалистического соревнования между Анадырским и Чаунским районами Чукотского национального округа в 1942 г. перевыполнение плана составило: пошивка торбазов из камуса — 180,8 %, пошивка торбазов из шкур нерпы — 205 %, пошивка «чижей» (меховых оленьих чулок) — 145,1 % [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 129. Л. 29]. К 1944 г. в колхозах Чукотского округа действовало 25 пошивочных мастерских, в которых работали женщины [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 148. Л. 9 об.]. Объемов выпускаемой продукции было недостаточно. В докладных записках о работе среди женщин коренного населения чукотские райкомы ВКП (б) в военный период отмечают «слабое вовлечение женщин в колхозный труд» [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 168. Л. 2 об.]. На общих собраниях в поселках партийные и советские работники агитировали женщин активнее участвовать в работе пошивочных мастерских, оленеводческих колхозов и в пушном промысле. На агитацию откликнулась молодежь. Стали создаваться комсомольско-молодежные бригады в оленеводстве, морзверобойном и охотничьем промысле.

Уклад жизни на Севере изменялся, и постепенно женщины (в основном молодые девушки) начинали осваивать мужские виды деятельности. В центральных районах страны еще в 1930-е гг. возникло движение за овладение женщинами мужских специальностей (трактористки П. Ангелина, П. Кавардак, машинист железной дороги З. Троицкая). Происходит революционный переворот в общественном сознании — женщина становится экономически самостоятельной единицей и приобретает новый социальный статус независимого и рав-

¹В 1934 г. Охотско-Эвенский округ был ликвидирован, вопросы социально-экономического развития населения национальных районов переходят в ведение треста «Дальстрой».

ноправного члена общества. В марте 1940 г. на совещании инструкторов Политического управления национальных районов Дальстроя местным Советам было вменено в обязанность «решительным образом бороться» за подготовку квалифицированных кадров строителей из представителей коренного населения [4, 1940. 6 марта]. В национальном поселке Гарманда в сентябре 1940 г. вступил в строй кирпичный завод. Женская национальная бригада систематически перевыполняла план изготовления кирпича-сырца [4, 1940. 29 сентября]. В годы Великой Отечественной войны в колымских районах женщины коренных народов осваивали новые производственные специальности. В таежных колхозах Ольского района женщины осваивали «мужскую» профессию каюра [4, 1944. 8 марта]. В военные годы пушнина стала ценным экспортным товаром. Охотников-женщин за перевыполнение плана заготовок пушнины награждали грамотами и ценными подарками, объявляли им благодарности и пропагандировали их опыт. План заготовок пушнины 1941/1942 гг. на Колыме был выполнен на 128,7 %. Активно начинает осваиваться относительно новый для женщин вид деятельности — пастушество в оленеводческих стадах. Традиционно женщины оказывали помощь мужчинам, но прежде эта работа никогда не была для них основной. В 1944 г. в Чукотском округе работали пастухами в колхозных оленьих стадах 32 девушки, и их труд оценивался как достаточно успешный. Комсомолка-пастушка Кергина выработала за 1943 г. 186 трудодней в Уэкальском колхозе [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 168. Л. 73].

Кроме непосредственной работы на производстве женщины Севера, как и весь советский тыл, посильно помогали фронту. За время войны женщины Дальстроя и национальных районов Колымы собрали и послали защитникам Родины 64 тыс. теплых вещей и 12 тыс. индивидуальных подарков, связали 2 тыс. пар рукавиц и свыше 1 тыс. пар шерстяных носков. Женщины Дальстроя собрали свыше 68 тыс. вещей для подшефных детских домов и населения районов, освобожденных от оккупации [4, 1944. 8 марта].

К концу войны процесс вовлечения женской молодежи в различные отрасли производства ускорился. В марте 1944 г. на Чукотке был проведен первый кустовой слет женской молодежи, на котором присутствовали девушки-учетчицы, пастухи, охотницы, обозницы. Слетом было принято обращение к чукотским девушкам. В результате к концу 1944 г. 20 девушек коренной национальности пошли работать в морской зверобойный промысел, 150 девушек стали работать на предприятиях по обработке рыбы [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 168. Л. 73]. В колымских районах и после войны создавались женские рыболовецкие бригады, перевыполнявшие планы работ [4, 1946. 14 августа], опыт женщин, освоивших мужские специальности, пропагандировался в местной печати. Газета «Советская Колыма» в честь празднования дня 8 Марта публиковала портреты и сведения о женщинах-стахановках, призывая равняться на их достижения [4, 1947. 8 марта].

Внимание к общественно-политической активности женщин не ослабевало. В Постановлении ЦК ВКП (б) от 10.03.1948 г. предлагалось провести Международный женский день под знаменем мобилизации советских женщин на восстановление и дальнейший подъем народного хозяйства страны. ЦК партии напоминал всем партийным, советским и профсоюзным организациям о необходимости дальнейшего усиления роли женщин во всех областях общественно-хозяйственной деятельности, усилить заботу о женщине-матери, улучшать условия труда и быта женщин, расширять сети детских садов, яслей, родильных домов, предприятий общественного питания [1, 1948. 10 марта]. Использовались моральные и материальные стимулы. Чукчанка Тауруквуна, член Чукотской районной организации ВКП(б), была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Как и во всей стране, социальная сфера в годы войны сталкивалась с объективными проблемами, имевшими на северо-востоке региональную специфику. Родовспоможения и медицинское обслуживание кочевого населения по-прежнему оставались функцией медпунктов при Красных Ярангах. Врачи медпункта Амгуэмской Красной Яранги (Чукотка) в 1941 г. выезжали в тундру (две командировки), ими было принято 52 человека больных,

оказано 2 родовспоможения [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 241. Л. 12]. Проблемы и трудности в работе этого медпункта были общими для всех выездных медицинских учреждений. Работники медпункта Амгуэмской Красной Яранги в отчете за 1941 г. писали, что медикаменты на морозе замерзли, разбились и отсырели, а противником медиков продолжал оставаться шаман. Был описан характерный случай, свидетельствующий не только о недостаточно эффективной борьбе власти с шаманизмом, но и существовании института двоеженства у чукчей в начале 1940-х гг. При родах второй жены Иттытегина врача Красной Яранги к ней сначала не допускали. Когда врач все-таки уговорил родственников и благополучно принял роды у женщины, шаман резко высказывал свое недовольство, запугивая людей, вещал: «Красная Яранга идет с севера, с моря, заболеем, умрем» [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 241. Л. 13]. Только в послевоенные годы в удаленных районах стали открываться женские и детские консультации. В Марковском районе Чукотки первая женская консультация была открыта при районной больнице в 1947 г. [2, Ф. П-22. Оп. 1. Д. 297. Л. 26]. Для привлечения коренного населения и охвата его медицинским обслуживанием проводилась агитационная работа. Серьезной проблемой оставалась неразвитость системы детских дошкольных учреждений. Для организации оздоровительной работы среди детей коренного населения было решено в 1941–1942 гг. в национальных поселках на Охотском побережье организовать постоянно действующие круглосуточные детские комбинаты для детей в возрасте старше 1 года. Развитие сети детских дошкольных учреждений было призвано освободить женщин для участия в общественном производстве. Приказом Главного и Политического управления № 126 АГО Дальстроя был обязан организовать тщательный уход за детьми и постоянное медицинское обслуживание детей, посещающих детские комбинаты. Для детей школьного возраста из числа коренных жителей предлагалось установить круглогодичное медицинское наблюдение в интернатах. Кроме этого, предписывалось проводить активную разъяснительную работу среди местного населения «о значении данного мероприятия».

На северо-востоке в годы Великой Отечественной войны, как и во всей стране, все усилия были направлены на скорейшую победу. Женщины коренных малочисленных народов региона участвовали в этом общем деле, вносили посильный вклад в помощь фронту.

Литература

1. Большевик Чукотки.
2. Государственный архив Магаданской области (ГАМО).
3. Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. — Новосибирск: Наука, 1974. — 453 с.
4. Советская Колыма.
5. Советская Чукотка.
6. Шакулова В. С. Культурная революция и женский вопрос // Опыт КПСС в решении женского вопроса. — М.: Мысль, 1981. — С. 77–102.

References

1. *Bolshevik Chukotka - Bolshevik Chukotka.*
2. *The State Archives of the Magadan region (GAMO) (The State Archives of the Magadan region (GAMO)).*
3. *Ocherki istorii Chukotki s drevneyshikh времен do nashikh dney [Essays on the history of Chukotka from ancient times to the present day].* Novosibirsk: Nauka publ., 1974. 453 p.
4. *Sovetskaya Kolyma - Soviet Kolyma*
5. *Sovetskaya Chukotka - Soviet Chukotka*
6. *Shakulova V. S. Kulturnaya revolyutsiya i zhensky vopros [The Cultural Revolution and women's issue]. Opyt KPSS v reshenii zhenskogo voprosa - The experience of the CPSU in addressing women's issues.* Moscow: Mysl publ., 1981. Pp. 77–102.

УДК 94:37.035"1941/45"

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-19-23

ТИМУРОВЦЫ: МАЛЕНЬКИЕ ВОЛОНТЕРЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

© **Балакирев Алексей Николаевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета
Россия, 670000 г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail.ru: balakirev75@mail.ru

В 1940 г. после выхода в свет повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда» в СССР возникло движение юных волонтеров — тимуровцев. Это было совершенно необычное для того времени явление, потому что работа тимуровских команд была основана на самостоятельности и по инициативе самих ребят, деятельность тимуровцев носила ярко выраженную общественно-полезную направленность. В статье обосновывается актуальность волонтерства в современной России, рассмотрены некоторые аспекты возникновения и становления тимуровского движения, а также проанализированы основные направления деятельности юных волонтеров в годы Великой Отечественной войны в СССР и Бурятии. Материалы статьи могут быть интересны для историков, педагогов, специалистов в области общественных наук, а также для всех, кто интересуется историей нашей страны.

Ключевые слова: тимуровское движение, волонтерство, пионерская организация, Великая Отечественная война.

TIMUROVTSY: YOUNG VOLUNTEERS OF THE GREAT WAR

Alexey N. Balakirev

PhD in History, A/Professor of the department of general and national history, Buryat State University, Ulan-Ude
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

In 1940, after the publication of A.P. Gaidar's novel, «Timur and his team», a movement of Timurovtsy, young volunteers, arose in the USSR. It was quite unusual phenomenon for that time because the work of these commands was based on independence and initiative of the guys themselves, their activities had a strong social-useful focus. The article substantiates the relevance of volunteering in modern Russia, discusses some aspects of origin and development of the Timurovsky movement, and also analyzes the main perspectives of the young volunteers' activity in the years of the Great Patriotic War in the USSR and the Republic of Buryatia. The article can be interesting for historians, educators, professionals in the field of social sciences, as well as for anyone who is interested in the history of our country.

Keywords: Timurovsky movement, volunteering, Young Pioneers organization, the Great Patriotic War.

В феврале 2015 г. в Сочи прошел Всероссийский форум добровольцев, в котором приняло участие более 400 делегатов добровольческих организаций и волонтерских центров из всех 85 субъектов России. В приветствии Президента Российской Федерации В. В. Путина участникам и гостям форума говорится: «Традиции добровольчества, волонтерства имеют в нашей стране глубокие исторические корни. Во все времена представители разных сословий, возрастов, взглядов бескорыстно служили Отечеству, людям, активно участвовали в делах просвещения и благотворительности, содействовали решению общественно значимых проблем в сфере образования, здравоохранения, культуры, экологии». Глава государства отметил, что необходимо развивать потенциал добровольческих организаций России, расширять спектр их деятельности и привлекать к работе молодежь. При этом он добавил, что это «особенно актуально в преддверии 70-летия Великой Победы, которое мы будем отмечать в нынешнем году» [1].

Одной из самых ярких страниц волонтерства в нашей стране стало тимуровское движение, становление и бурное развитие которого пришлось на годы Великой Отечественной войны. Возникновению этого уникального общественно-социального явления мы обязаны замеча-

тельному писателю Аркадию Петровичу Гайдари, который в своей книге «Тимур и его команда» предложил совершенно новую форму организации ребят — общественно-полезную и абсолютно самостоятельную. Замысел повести «Тимур и его команда» возник у А. П. Гайдара постепенно, исподволь. Воспитывающую, умную, благородную игру Тимура и его команды, положенную в основу повести, писатель не выдумал за письменным столом. Подобную игру он наблюдал в жизни, да и сам постоянно разыгрывал ее. Знакомые мальчишки и девчонки были командой, а ее командиром — сам Гайдар. В своих воспоминаниях известный советский писатель К. Г. Паустовский рассказывает об одном из таких случаев, когда дворовая команда Гайдара помогла найти редкое лекарство для больного ребенка. При этом Паустовский отмечает: «Благодарить его было нельзя. Он очень сердился, когда его благодарили за помощь. Он считал помощь человеку таким же естественным делом, как, скажем, приветствие. Никого же не благодарят за то, что он с вами поздоровался» [2]. Начало работы над «Тимуром и его командой» относится к декабрю 1939 г., и первоначально сюжет был разработан Гайдарином как сценарий для кино. Повесть была завершена 27 августа 1940 г., а 5 сентября отрывок из нее был напечатан в «Пионерской правде». В течение всего сентября и по 8 октября 1940 г. повесть печаталась из номера в номер на четвертой странице газеты. Одновременно она передавалась в Москве по центральному радио. В 1941 г. повесть трижды выходила отдельными изданиями в массовых тиражах, а всего с момента создания книга была переиздана тиражом в несколько десятков миллионов экземпляров [3]. Повесть стала основой для одноименных кинолент 1940 и 1976 гг., а в 2013 г. она была включена в список «100 книг», рекомендованных школьникам Министерством образования и науки РФ для самостоятельного чтения [11]. Ни одна книга до того времени не завоевывала так быстро и так прочно симпатии детей, ни одна книга для детей не обладала еще такой силой воздействия на сердце и ум читателя, не становилась таким непосредственным организатором детей, как это случилось с повестью «Тимур и его команда». В городах и селах, в пионерских отрядах, школах, во дворах возникали тимуровские команды; зародилось тимуровское движение — патриотическое движение сотен тысяч детей.

В общественном сознании понятие «тимуровец» часто ассоциируется с понятием «пионер», тимуровское движение отождествляется с пионерским. Это неправильная точка зрения, и пример тому — военное лихолетье 1941–1945 гг. По данным профессора В. А. Кудинова, в годы войны из 20 млн детей пионерского возраста в организации состоял лишь каждый 3–4. В комсомольских отчетах республик, областей страны в военное время типичными были высказывания: «Дружины во многих школах оформлены на бумаге. В результате отсутствия политического воспитания рост пионерской организации прекратился». В то же время уже в июле — середине августа 1941 г. тимуровские команды начали действовать по всей стране. В 1945 г. общая численность детей и подростков, принимавших участие в тимуровском движении, составляла около 3 миллионов человек [7]. Многие дети, неудовлетворенные архаичными и вялыми формами работы, основанными на директивах «сверху», выходили из пионерской организации. Они вместе с другими «неорганизованными» вступали в тимуровские команды, которые предлагали общественно-полезную деятельность, где работа строилась по принципу самоуправления и инициативы самих ребят. Например, в Бурятии за годы войны количество пионеров сократилось почти на 5 тыс. человек, а вот число тимуровцев увеличилось в 3 раза и достигло в 1945 г. 25 000 человек [9].

Деятельность тимуровцев в годы Великой Отечественной войны имела огромное общественно-политическое и педагогическое значение. Это движение пользовалось огромной поддержкой ребят. О масштабах работы тимуровцев может дать представление простой перечень дел. Тимуровцы заботились о семьях фронтовиков, престарелых, кололи дрова, подносили воду, отводили в детский сад малышей, собирали золу, куриный помет, черный и цветной металл, стекло для парниковых рам, лекарственные растения, деньги и облигации на постройку самолетов, орудий и др., устраивали мастерские для починки, пошива белья для семей фронтовиков, шефствовали над госпиталями; выступали перед ранеными с концертами, беседами, читали вслух газеты, писали за них письма, боролись с безнадзорностью, возвращали ребят

в школу, собирали теплые вещи фронтовикам, отсылали посылки на фронт, выращивали овощи, собирали опавшие листья, которые служили сырьем для табачных фабрик, ремонтировали здания, расчищали дороги, заботились об эвакуированных детях.

В Челябинской области в 1942/43 учебном году 3 138 тимуровских команд, объединявших 28 тыс. учащихся, помогали свыше 15 тыс. семей фронтовиков. С первого дня войны кипучую деятельность развернули тимуровцы Хабаровского края: около 1 тыс. тимуровских команд ремонтировали квартиры семей фронтовиков, ухаживали за маленькими детьми, помогали обрабатывать огороды, заготавливать топливо. Тимуровские команды Воронежской области насчитывали свыше 50 тыс. школьников. Одним из важнейших участков своей деятельности они считали контроль за состоянием дорог, по которым подвозились к фронту войска и боеприпасы. Тимуровцы проводили также огромную работу в подшефных госпиталях. Так, за 1941/42 учебный год тимуровцы Вологды подготовили для раненых бойцов 153 концерта художественной самодеятельности. Школьники Горьковской области за все годы войны организовали для воинов, находившихся на излечении в госпиталях, 9 700 представлений художественной самодеятельности. Тимуровцы дежурили в госпиталях, писали письма по поручению раненых, выдавали книги из библиотек, помогали выполнять разнообразные хозяйственные работы [4].

Большую помощь тимуровцы оказывали детским учреждениям. Школьники шефствовали над детьми. Характерным и типичным примером был отряд Володи Миленкова в г. Новосибирске, созданный на Рабочей улице, в доме № 92. Он поставил перед собой задачу оказывать помощь семьям фронтовиков. «Мы решили, — рассказывал Володя, — позаботиться о детишках — дошкольниках, отцы которых на фронте, а матери работают. Наши ребята-тимуровцы хорошенько в этом доме убрали двор, садик, посадили там 250 кустов черемухи, малины, акации, сирени. Мы ухаживали за нашими деревцами, чтобы все они быстро принялись. Потом мы разбили несколько цветочных клумб, а вдоль дорожек посеяли просо. Наш двор превратился в цветущий сад. Хорошо там стало играть и бегать нашим дошкольникам. Особенно любили они возиться в песке, который мы для них привезли. Тимуровка Светлана Жук занималась с малышами. Она придумывала разные интересные игры, читала им вслух книги и водила на прогулку. Матери были довольны, что их детишки всегда под присмотром. У каждого тимуровца команды было свое дело. Дина Бобруйская была редактором стенной газеты, Света Семенова — библиотекарь. Мы сами собрали библиотеку, в ней было около 80 книг. Юра Кулаков, Валя Легченко и другие старшие ребята помогали семьям фронтовиков и инвалидам Отечественной войны подготовить к зиме квартиры» [6]. Детским учреждениям освобожденных районов тимуровцы собирали и отправляли литературу, учебники и учебные пособия, подарки. Так, уже в августе 1943 г. из Казани в Сталинград отправился первый паром «Пушкин», груженный подарками, собранными пионерами и школьниками республики.

Из года в год тимуровское движение стремительно развивалось, становилось все более широким и по форме, и по содержанию. В феврале 1942 г. по всей стране были проведены слеты тимуровцев, на которых они с гордостью докладывали о своей деятельности. О работе тимуровских команд рассказывали по радио, писали в газетах и журналах, они получали сердечную благодарность десятков тысяч фронтовиков и их семей. Особое значение приобрело тимуровское движение в осажденном врагом Ленинграде. Отряды тимуровцев являлись здесь «младшими братьями» комсомольских бытовых бригад, сыгравших исключительную роль в спасении населения от гибели, особенно в первую блокадную зиму. В 1941–1942 гг. в 753 тимуровских командах Ленинграда успешно работали 12 тыс. пионеров. Шефствуя над семьями фронтовиков, инвалидов, пенсионеров, они заготавливали для них топливо, убирали квартиры, получали по карточкам продовольствие [4].

Уже 29 сентября 1941 г. Иркутский обком ВЛКСМ принял специальное решение, в котором подчеркивалась необходимость всемерно содействовать распространению и развитию тимуровского движения в области, обеспечивать действенное руководство им со стороны старших пионервожатых, секретарей комсомольских организаций. В 1941/42 учебном году только в

17 районах области работали 237 тимуровских команд, объединявших 3 818 ребят. В 1943/44 учебном году тимуровцы шефствовали над 1274 семьями фронтовиков. В Пермской области в этом же году около 10 тыс. школьников состояли в 689 тимуровских командах. Свыше 2 тыс. тимуровских команд помогали семьям фронтовиков в Азербайджанской ССР. Около 1 260 команд тимуровцев действовали в Киргизской ССР. При их активном участии школьники республики отправили на фронт 25 тыс. теплых вещей, 6 тыс. индивидуальных посылок [5].

В Бурятии тимуровские команды были созданы во всех пионерских дружинах и почти во всех школах республики и охватывали главным образом учащихся 4–6 классов. При этом с каждым годом число ребят, занятых в тимуровском движении, возрастало. Если в 1942 г. в 1 100 тимуровских командах республики насчитывалось 8 284 ребят, то к концу войны тимуровцев было уже около 25 тыс. Только в течение первого года войны, к осени 1942 года, силами тимуровцев Бурятии было собрано в фонд обороны 250 тыс. р., на строительство военной техники — 120 тыс. р., более 12 тыс. т черного и цветного металла для нужд военной промышленности, 5 786 ц золы, 2 929 ц птичьего помета, 71 344 возов навоза для удобрения полей в колхозах и совхозах, проведено снегозадержание на площади в 1 550 га [8]. В отчете о работе тимуровских команд за 1 942 год отмечено, что большинство тимуровских команд работали плодотворно и добросовестно. Например, тимуровцы Мало-Куналейской средней школы Бичурского аймака обслужили 100 семей красноармейцев, послали подарков на фронт только одного мяса 105 кг и 340 кур. Команда средней школы № 6 г. Улан-Удэ во главе с тимуровцем Карповым оказала большую помощь семьям красноармейцев Коварского и Напушкова, они проводили уборку в комнатах, ходили за водой, за хлебом, рубили дрова, читали детям книжки и ходили с ними в кино. В Тарбагатайском районе 266 тимуровцев обслужили 50 семей красноармейцев. В Железнодорожном районе организовано 82 команды с охватом 732 ребят. Ими обслужено 413 семей красноармейцев. Хорошо работала тимуровская команда Петропавловской средней школы Джидинского аймака из 33 детей, ими напилено 18 кубометров дров, выметено 17 дворов, отремонтировано 2 сарая, собрано 40 ведер золы. Во всех районах были проведены слеты тимуровских команд с постановкой доклада «Задачи тимуровских команд в дни Великой Отечественной войны» [9]. Однако главной задачей тимуровцев являлось оказание всевозможной помощи семьям красноармейцев. Объем проведенной в этом плане за годы войны работы огромен и неоценим. В своих воспоминаниях супруга красноармейца, жителя г. Улан-Удэ, Т. Басович пишет: «...Очень приятно видеть, когда с малого до большого все стараются помочь тебе и окружить твою семью заботой. Большое спасибо тимуровцам за их помощь!» [10].

Благородная патриотическая деятельность тимуровцев получила заслуженное признание воинов армии и флота, высокую оценку и благодарность всех советских людей. Главной движущей силой всех помыслов и стремлений, всех волевых усилий и практических дел тимуровцев в дни войны было их горячее желание отдать Родине и народу все свои силы и умения.

Литература

1. URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/13/n_6921281.shtml
2. Жизнь и творчество А. П. Гайдара. — М., 1964.
3. Гайдар А. П. Собрание сочинений. — М., 1964. — Т. 3.
4. Ухьянкин С. П. Пионеры-тимуровцы. — М., 1961.
5. Фурин С. А., Симонова Л. С. Юным тимуровцам. — М., 1975.
6. Алещенко Н. М. Во имя победы. — М., 1985.
7. Кудинов В. А. Общественные организации детей и молодежи в России в XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. — Кострома, 1994.
8. ГАРБ. Ф. 36. Д. 1775. Л. 15.
9. Балакирев А. Н. Становление и развитие детского движения в Бурятии (1923–1991). — Улан-Удэ, 2014.
10. ГАРБ, Ф.36, Д. 1864, Л. 102.
11. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Тимур_и_его_команда

References

1. http://www.gazeta.ru/social/news/2015/02/13/n_6921281.shtml
2. *Zhizn i tvorchestvo A. P. Gaydara* [Life and Work of AP Gaidar]. Moscow. 1964.
3. Gaydar A. P. *Sobraniye sochineny* [Collected Works]. Tom trety. Moscow. 1964.
4. Ukhyanin S. P. *Pionery-timurovtsy* [Pioneers-timurovtsi]. Moscow. 1961.
5. Furin S. A., Simonova L. S. *Yunym timurovtсам* [Young Timurovtsev]. Moscow. 1975.
6. Aleshchenko N. M. *Vo imya pobedy* [In the name of victory]. Moscow. 1985.
7. Kudinov V. A. *Obshchestvennye organizatsii detey i molodyozhi v Rossii v XX v.* [Public organizations of children and youth in Russia in the XX century]. Doctor`s thesis. Kostroma. 1994.
8. GARB (State Archive of the Republic of Buryatia), F. 36, D. 1775. L. 15.
9. Balakirev A. N. *Stanovleniye i razvitiye detskogo dvizheniya v Buryatii (1923 - 1991)* [Formation and development of children`s movement in Buryatia (1923 - 1991)]. Ulan-Ude, 2014.
10. GARB. F. 36. D. 1864. L. 102.
11. https://ru.wikipedia.org/wiki/Timur_i_ego_komanda

УДК 329.78 (571.54):947.084.8

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-24-29

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

© Желаева Светлана Геннадьевна

кандидат исторических наук, заведующая научно-информационным отделом Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670042, г. Улан-Удэ, пр. Строителей, 14

E-mail: zhelaevas@rambler.ru

В статье рассматриваются основные проблемы социально-бытового характера, с которыми пришлось столкнуться рабочей молодежи, вновь прибывшей с сельских районов республики и других областей страны на промышленные предприятия Бурят-Монголии в годы Великой Отечественной войны. Нехватка жилья и неустроенность быта общежитий, проблемы в обеспечении одеждой и обувью, скудное питание, мизерная заработная плата стали основными факторами нарушений трудовой дисциплины, низкой трудотдачи на производстве и дезертирства молодого пополнения. Анализируются основные направления деятельности комсомольских органов в сфере материально-бытового обустройства рабочей молодежи, а также разнообразные формы конкретной помощи. Действительность показала, что многочисленные призывы и постановления комсомольского руководства без необходимого хозяйственного обеспечения не могли решить проблем. Однако творческая сила, организаторский талант, энтузиазм рядовых комсомольцев и секретарей в решении сложных задач помогли выжить трудящейся молодежи в суровых условиях военного времени.

Ключевые слова: комсомол, молодежь, Великая Отечественная война, тыл, социально-бытовая сфера, общежития.

YOUNG WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Svetlana G. Zhelaeva

PhD in History, Head of the scientific and informational department, East-Siberian University of Technologies and Management

14 Stroiteley Ave., Ulan-Ude, 670042 Russia

In the article the main problems of social and household nature are considered. The young workers had to face them when they came from the rural districts of the republic and other regions of the country to work at the industrial enterprises in Buryat-Mongolia during the Great Patriotic War. The shortage of housing and poor life conditions in dormitories, problems in provision of clothes and footwear, scarce meals, low wages were the main factors of labor discipline violations, low level of labor efficiency at manufacturing and desertion of young recruits. The main directions in the activities of the Komsomol authorities are analyzed in the sphere of the material and social resettlement of young workers as well as various forms of the exact aid. The reality proved that numerous appeals and resolutions of the Komsomol leaders couldn't solve the problems without the necessary economic support. However the creative force, organizational talent, enthusiasm of the Komsomol common members and secretaries in the solution of the hard problems helped the youth to survive in the severe conditions of the military time.

Keywords: the Komsomol, youth, the Great Patriotic War, rear, social and household sphere, dormitories.

В годы войны молодежь стала, по сути, основным источником восполнения рабочей силы в промышленности. На ведущих предприятиях республики ее удельный вес колебался от 50 до 87 % [1]. На производство влились тысячи юношей и девушек, большая часть из которых была мобилизована из сельских районов республики. Значительную долю в пополнении рабочего класса составили выпускники учебных заведений трудовых резервов, в том числе из других регионов страны. Именно эта категория молодых рабочих оказалась в наиболее уяз-

вимою положении. Возможности комсомола в их материально-бытовом обустройстве были ограничены объективными трудностями военного времени, тем не менее его деятельность заслуживает внимания.

Нехватка жилья в республике возникла еще до войны в связи с прибытием эвакуированных и переселенцев. С началом массовой трудовой мобилизации проблема размещения нового пополнения фактически впаала в ступор. В 1941 г. на Улан-Удэнский авиационный завод прибыло около 1 600 выпускников школ ФЗО из Подмосковья, Орловской области, Ташкента, Свердловска, Кирова [2]. Лишившись поддержки семьи, они еще и попали в совершенно иные этнокультурные и климатические условия. Обеспечение нормальных жилищно-бытовых условий было необходимо такой молодежи для скорейшей адаптации. Но из-за отсутствия стройматериалов, транспорта, рабочей силы ситуация с общежитиями была неблагополучной, не выполнялись даже мизерные планы их ремонта и строительства.

В середине 1943 г. в г. Улан-Удэ в 20 молодежных рабочих общежитиях проживало 2 437 чел. [2, Д. 2014. Л. 97]. Основной жилищный фонд представлял собой засыпные бараки постройки 1933–1934 гг., срок их эксплуатации давно истек. Практически все общежития были переполнены и нуждались в капитальном ремонте. В комнатах 10–12 м² проживало по 4–5 чел. Спали по двое-трое на одной койке. Больше половины барачников не имело освещения, повсеместно не хватало элементарной мебели и предметов домашнего обихода [2, Д. 1954. Л. 18; Д. 2014. Л. 18 об., 58; 3]. Обследуя общежитие Улан-Удэнского ПВЗ, инструктор обкома ВЛКСМ докладывала: «Антисанитария, баков для воды нет, замков нет. Жалобы на пропажу вещей, продуктовых карточек. Сами рабочие имеют жалкий вид — волосы длинные, грязные, нательное белье не сменяется по 2 месяца. Голодные рабочие кушают воду с капустой. Есть факты невыхода на работу по 2–3 дня из-за отсутствия обуви и одежды. Настроение крайне упадническое, можно услышать заявления: «лучше пусть судят, в тюрьме лучше», «завезли мучить и голодом морить» [4]. Зимой помещения почти не отапливались. Скученность, антисанитария и отсутствие внутренней отделки помещений способствовали распространению тараканов, клопов и вшей. Нередко вновь прибывшему пополнению приходилось ютиться в разбитых вагонах или в полужемлянках.

В чрезвычайных условиях войны все жизненные нормы и устои мирного времени подверглись ломке. Люди были вынуждены поддерживать свое существование любыми способами: «Голод заставлял искать картофель на выкопанных полях. В общежитии варить его было негде, поэтому варили в лесу и вокруг домов. Дрова собирали на день-два вперед и хранили в комнатах, чтобы не украли. Многие, ища пропитание, ходили в тайгу» [4, л. 41]. Падение уровня жизни толкало людей на любые ухищрения: «Воровали все: от инструмента с завода до дверных ручек и замков в общежитии. Крали хлебные карточки и последние вещи, меняя их на продукты. Воровали постельные принадлежности так, что некоторые отказывались от них, предпочитая спать на голых тюфяках» [4, л. 41].

Нерешенность материально-бытовых проблем была основной причиной нарушений трудовой дисциплины, текучести и дезертирства молодых рабочих. Так, из 1 262 выпускников ФЗО, прибывших на авиационный завод в 1941–1942 гг., ушли с завода 268 чел (21,2%), в том числе самовольно — 167 чел. За 6 месяцев 1943 г. с Улан-Удэнского ПВЗ дезертировало 443 молодых рабочих, за 1944 г. — 1 325 чел. [5] Большая текучесть была характерна и для относительно небольших предприятий: на Ключевской судовой верфи из 118 выпускников ФЗО, прибывших в 1943 г., к 1945 г. осталось 27 чел. [6]. Даже отдавая все силы работе, начинающие рабочие зачастую не могли изменить свое бедственное положение: перебои в работе предприятий, недостатки организации труда и производственно-технического обучения, отсутствие опыта и навыков не позволяли им рассчитывать на достойную зарплату. Как правило, их зарплаты хватало только на питание в течение 2–3 недель. Выборочная проверка, проведенная комитетом ВЛКСМ летом 1942 г., показала, что около 700 молодых рабочих Улан-Удэнского авиазавода получали зарплату 130–150 р., 200–300 чел. — по 70–80 р., 84 чел. и вовсе остались должны заводу [6. Д. 1825. Л. 38, 41]. Мизерные выплаты не позволяли даже выкупить

продукты, выдаваемые по карточкам. Среднерыночная цена 1 кг говядины составляла 55,3 р., десяток яиц стоил 73,3 р., 1 кг сливочного масла — 216 р. [7]. На Ключевской судовой верфи из 196 молодых рабочих 128 чел., т. е. более 65 %, являлись стахановцами и ударниками, но их производственные успехи не стали гарантом благополучного существования: из-за нехватки материалов судовой верфь не выполнила производственную программу и рабочие не получали зарплату 4 месяца [8].

Проживание значительной части трудящихся в сырых бараках и полуземлянках в крайне стесненных условиях, проблемы с топливом, полуголодное существование, отсутствие зимней одежды и обуви создавали благоприятные условия для развития и распространения простудных, туберкулезных и других заболеваний. Сложившаяся ситуация не могла оставить партийно-комсомольские органы безучастными, поскольку состояние социально-бытовой сферы напрямую влияло на трудовую отдачу молодежи. В октябре 1942 г. ЦК ВЛКСМ определил основные направления комсомольской работы в сфере материально-бытового обустройства рабочей молодежи:

- 1) налаживание быта в общежитиях;
- 2) организация питания на производстве;
- 3) установление контроля за поступлением на завод одежды и обуви.

В соответствующем постановлении Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ перед комитетами ВЛКСМ поставлена задача создания в каждом молодежном общежитии культурно-бытовой комиссии, бытового совета, санитарной комиссии и товарищеского суда [8. Д. 1785. Л. 161].

Спустя месяц комиссия обкома ВЛКСМ, обследовав рабочие общежития, зафиксировала прежнее положение дел. На общем фоне выделилась комсомольская организация Улан-Удэнского авиазавода во главе с комсоргом Бочаровым. Приложив максимум энергии и инициативы, в общежитии авиазавода создали бытовой совет, который координировал деятельность специальных групп, отвечавших за определенный участок работы: группа культмассовой работы оборудовала красный уголок, установила дежурство, составила график проведения бесед и докладов; санитарная группа следила за чистотой комнат, сменой постельного белья, контролировала работу прачечной, разработала график посещения бани и парикмахерской; хозяйственная группа отвечала за имущество общежития, доставку воды, дров, контролировала работу обслуживающего персонала [8, Д. 1825. Л. 42]. В каждой комнате были избраны старосты, которые следили за состоянием комнаты и поведением ее жильцов.

Впоследствии заводские комитеты ВЛКСМ добились создания подобных органов самоуправления в других общежитиях, но, как свидетельствуют архивные документы, их деятельность очень быстро прекратилась. Эффективность и масштаб подобной работы во многом зависели от степени внимания руководителей предприятия и хозяйственных органов к проблемам быта молодежи. Учитывая, что последние были озадачены решением более широкого круга вопросов, речь о бытовом обустройстве своих подопечных заводили лишь в самых критических случаях. Выбиваясь из сил от беспомощности, советы общежитий распадались. Периодическое реанимирование их деятельности носило формальный характер и в целом не сказывалось на качестве жизни жильцов.

С начала 1943 г. быту рабочей молодежи стало уделяться более пристальное внимание партийно-хозяйственных органов. На базе Улан-Удэнского ПВЗ в 1943–1944 гг. были построены шесть двухэтажных бараков. Однако несоблюдение технологий, некачественные стройматериалы и недоделки сделали наспех построенные общежития менее пригодными для жилья, чем временки начала 1930-х гг. Масштабные акции по благоустройству носили эпизодический характер. Так, весной 1943 г. было изготовлено более 2 тыс. предметов мебели и домашнего обихода, оборудовано 11 камер хранения, 14 красных уголков, 5 спортивных площадок, посажено более 4 тыс. деревьев. Но сразу после завершения месячника работа в этом направлении сошла на нет и многие общежития вернулись в прежнее состояние [8. Д. 1878. Л. 6].

И все же определенные позитивные сдвиги были: на Улан-Удэнских мясокомбинате, стекольном и судостроительном заводах молодые рабочие были переведены в более благоу-

строенные общежития. Сыграло роль и соревнование между общежитиями и между комнатами, инициированное комсомолом. Победителям вручался полный комплект мебели и хозяйственной утвари [8. Д. 1878. Л. 6; Д. 2014. Л. 97; Д. 2014. Л. 58; Д. 1954. Л. 6]. К 1945 г. количество молодежных рабочих общежитий БМАССР увеличилось до 41, с числом проживающих — 3 800 чел. Почти все они проживали в 25 общежитиях г. Улан-Удэ (3 383 чел.). Самый большой фонд принадлежал ПВЗ — 10 общежитий с 2 тыс. чел, далее 4 общежития принадлежало авиазаводу (483 чел.), 5 общежитий — железнодорожному узлу (400 чел.) и 2 общежития — мясокомбинату (300 чел.) [8. Д. 2015. Л. 20; Д. 1987. Л. 3об].

Введение нормированного снабжения, режим жесткой экономии топлива, увеличение трудовой нагрузки и отсутствие условий в общежитиях ограничили возможность индивидуального приготовления пищи. В г. Улан-Удэ к 1943 г. количество столовых увеличилось почти в два раза (с 21 до 41) [9], хотя качество их работы оставляло желать лучшего. Антисанитарная обстановка, несвежие продукты, низкое качество приготовления блюд нередко приводили к массовым отравлениям. Участились факты хищения продуктов. По инициативе комсомола на ряде предприятий в столовых были созданы комсомольско-молодежные посты для контроля за расходованием продуктов и качеством приготовляемых блюд. В архиве не нашлось отчетов или сведений о результатах их деятельности, возможно, здесь прав В. Н. Парамонов, который считает, что организованный контроль над работой предприятий массового питания не дал ожидаемого эффекта, поскольку общественные контролеры за небольшие продуктовые порции на многое закрывали глаза [10].

В условиях нормированного снабжения особое значение приобрело материальное поощрение рабочих в виде дополнительного питания. На авиазаводе лучшей комсомольско-молодежной бригаде ежемесячно вручался «стахановский пропуск» в столовую для передовиков с трехразовым улучшенным питанием. На ПВЗ комитет ВЛКСМ добился привилегий не только для ударников, но и для молодых начинающих рабочих: в 1943 г. они получали две обеденные карточки вместо одной. Позднее было установлено трехразовое питание [11].

Сокращение фондов централизованного снабжения товарами легкой и текстильной промышленности и почти полное отсутствие таковой в БМАССР обусловили острый дефицит одежды, обуви и предметов личной гигиены. Учитывая климатические условия зимнего периода в регионе, отсутствие соответствующей одежды и обуви было причиной нетрудоспособности. Конечно, наибольшие трудности в обеспечении промышленными товарами испытывали сельские труженики и работники местной промышленности и кооперации. Промышленные рабочие хоть и имели возможность получать товары, выделяемые по ведомственным фондам, тем не менее нередко оставались не у дел. В ходе общественного смотра готовности к зиме в сентябре 1942 г. комитет ВЛКСМ авиазавода выявил, что 80 % молодежи не имели сменного белья и 100 % имели поношенную одежду и обувь [11. Л. 38, 41; Д. 2014. Л. 31]. Основная масса рабочих снабжалась отреставрированной одеждой и обувью, которая быстро приходила в негодность. Несмотря на задекларированное право заводских комитетов ВЛКСМ на контроль за поступающей одеждой и обувью, промтовары, выделяемые специально для молодежи, зачастую распределялись не по назначению. Так, в 1944 г. по приказу наркома путей сообщения Л. М. Кагановича для молодежи Улан-Удэнского ПВЗ поступило 1,2 тыс. костюмов, 1,6 тыс. пар кожаных ботинок и 1 тыс. комплектов постельных принадлежностей [11. Д. 1954. Л. 27; Д. 2014. Л. 18об]. Но указанием администрации завода в распоряжение комсомола было выделено только 300 рабочих костюмов [11. Д. 2014. Л. 18об]. В конце 1944 г. заводской комитет ВЛКСМ направил письмо в ЦК ВЛКСМ с просьбой о помощи в обеспечении нуждающейся молодежи. В марте 1945 г. для молодых рабочих ПВЗ было выделено дополнительно 144 костюма, 1000 пар белья [11. Д. 1954. Л. 28; Оп. 1. Д. 1983. Л. 13]. В материалах архива имеется еще ряд документов, свидетельствующих о настойчивости комсомольских лидеров, сумевших облегчить условия жизни молодежи, несмотря на все трудности. Комсорг ст. Гусиное озеро Птицын добился для общежития 300 м мануфактуры, из которой сшили одежду и постельное белье. Комитет комсомола стекольного завода добился выделения 32 пары туфель, 96 м ма-

нуфактуры, 5 свитеров, 1 пары ичигов, 17 платьев, 15 фуфаяк, 50 пар носков, 47 юбок, 17 пар валенок [11. Д. 2015. Л. 20; Д. 2014. Л. 2].

Сельский комсомол решал вопросы организации быта в связи со спецификой работы тракторных бригад, поскольку нередко они трудились вдалеке от своего дома. Вопрос оборудования передвижных вагончиков для трактористов не раз поднимался в ряде постановлений Бурят-Монгольского обкома ВЛКСМ, однако эти вагончики рассматривались как центры агитационной работы среди колхозников, а не как место проживания трактористов. Только весной 1944 г. комсомольское руководство, наконец, приняло во внимание и это обстоятельство. Ведь многие тракторные бригады жили в непригодных для жизни вагончиках. Некоторым и вовсе приходилось устраиваться на отдых в поле под открытым небом. С марта 1944 г. подготовка передвижных вагончиков была возложена на комсомольские организации колхозов и МТС [11. Д. 1940. Л. 20]. Развернулась работа по ремонту и строительству вагончиков, организован сбор жилого оборудования, культурного инвентаря. Уже к апрелю 1944 г. было отремонтировано 535 станков, 202 вагончика, организовано 19 красных уголков, собраны книги, комплекты шашек и шахмат, музыкальные инструменты.

Война вызвала серьезные изменения в повседневной жизни всех социальных групп населения страны, особенно трудно пришлось вчерашним школьникам. Несмотря на то что комсомольское руководство говорило о бытовом обслуживании тружеников постоянно, решения по ним зачастую носили формальный характер, поскольку в большей степени все зависело от партийно-советских органов. Учитывая организационные проблемы комсомола и кадровый кризис, даже крупные организации ВЛКСМ, имеющие сильных авторитетных лидеров, редко могли реально повлиять на ситуацию. Тем не менее создание дополнительных стимулов, незначительных по нынешним стандартам, но ощутимых в военных условиях, когда нормой бытия являлось удовлетворение первичных потребностей, разнообразные формы конкретной помощи помогали выжить трудящейся молодежи. В таких условиях материальной необеспеченности и бытовых трудностей трудовой подвиг молодежи и комсомольцев Бурят-Монголии в годы войны представляется нам еще ярче и отчетливее.

Литература

1. Высотина Е. А. Рабочий класс Бурятской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1980. — С. 58.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ) Ф. 36-п. Оп.1. Д. 1825. Л. 38, 41.
3. Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). — Иркутск, 2000. — С. 226.
4. Из докладной записки инструктора обкома ВЛКСМ Грачевой от 30 окт. 1942 г. // ГАРБ. Ф. 36-п. Оп.1. Д. 1825. Л. 37.
5. ГАРБ. Ф. 2-п. Оп.2. Д. 1090. Л. 8.
6. ГАРБ. Ф. 36-п. Оп.1. Д. 2015. Л. 20.
7. ГАРБ. Ф. 196. Оп. 7. Д. 118. Л. 1–60; Д. 135. Л. 1–19.
8. ГАРБ. Ф. 36-п. Оп.1. Д. 2015. Л. 20.
9. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3946. Л. 122.
10. Парамонов В. Н. Тени военного времени 1941–1945 гг.: распределение и спекулятивный рынок // Вестник СамГУ. — 1999. — № 3. История.
11. ГАРБ. Ф. 36-п. Оп.1. Д. 1825. Л. 70.

References

1. Vysotina Ye. A. *Rabochy klass Buryatskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg.* [The working class of the Buryat Republic during the Great Patriotic War of 1941–1945.]. Candidate's thesis, 1980. P. 58.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya (GARB) (State Archive of the Republic of Buryatia (GARB))* F. 36-p. Op.1. D. 1825. L. 38. 41.
3. Shalakh A. V. *Sotsialnye problemy naseleniya Vostochnoy Sibiri (1940–1950 gg.)* [The social problems of the population of Eastern Siberia (1940–1950).]. Irkutsk, 2000. P. 226.
4. *Iz dokladnoy zapiski instruktora obkoma VLKSM Grachevoy ot 30 okt. 1942 g.* GARB. F. 36-p. Op.1. D. 1825. L. 37.

5. GARB. F. 2-р. Оп.2. D. 1090. L. 8.
6. GARB. F. 36-р. Оп.1. D. 2015. L. 20; D. 1825. L. 38, 41; GARB. F. 196. Оп. 7. D. 118. L. 1–60; D. 135. L. 1-19; D. 2015. L. 20; D. 1785. L. 161; D. 1825. L. 42; D. 1878. L. 6; D. 1878. L. 6; D. 2014. L. 97; D. 2014. L. 58; D. 1954. L. 6.
7. GARB. F. 36-р. Оп.1. D. 2015. L. 20; D. 1987. L. 3об.
8. GARB. F. 1-р. Оп. 1. D. 3946. L. 122.
9. Paramonov V.N. *Teni voyennogo vremeni 1941-1945 gg.: raspredeleniye i spekulyativny rynek* [Shadows of wartime 1941-1945: distribution and speculative market]. *Vestnik samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya — Bulletin of the Samara State University. Series history, Istoriya*, 1999. No.3. History.
10. GARB. F. 36-р. Оп.1. D. 1825. L. 70.
11. GARB. F. 36-р. Оп.1. D. 1825. L. 38, 41; D. 2014. L. 31; D. 1954. L. 27; D. 2014. L. 18об; D. 2014. L. 18об; D. 1954. L. 28.; D. 1983. L. 13; D. 2015. L. 20.; D. 2014. L. 2; D. 1940. L. 20; D. 1979. L. 26; D. 2041. L. 140.

УДК 947.084.8 (571.6)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-30-36

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА К ОБОРОНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследование выполнено при поддержке ДВФУ, проект № 14-08-05-2_и

© **Исаев Александр Александрович**

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и архивоведения
Дальневосточного федерального университета

Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, корпус 26F

E-mail: alex.hist@mail.ru

© **Федирко Оксана Петровна**

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения
Дальневосточного федерального университета

Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, корпус 26F

E-mail: fedenka.1967@mail.ru

В статье рассматривается деятельность общественно-политических организаций по подготовке населения Дальнего Востока к обороне страны в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание обращается на деятельность дальневосточных отделов Всеобуча; Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ); общественным организациям, действовавшим по программам массовой санитарной подготовки населения в 1934–1967 гг. Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР (ГКО), физкультурной подготовки в общеобразовательных, профессиональных и спортивных организациях СССР (ГТО) и программе начальной ступени всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (БГТО). Обозначаются и анализируются основные виды деятельности партийных и советских органов власти в области усовершенствования оборонных и физкультурно-спортивных мероприятий в Дальневосточном регионе, их достижения и недостатки.

Ключевые слова: Дальний Восток СССР, оборонно-массовая работа, ОСОАВИАХИМ, Всеобуч, ПВО, ПВХО, ГТО, БГТО, обороноспособность, военная подготовка.

PUBLIC POLITICAL ORGANIZATIONS' ACTIVITY ON PREPARING THE POPULATION OF THE FAR EAST TO DEFEND THE COUNTRY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

This work was supported by the Far Eastern Federal University, project.14-08-05-2_и

Aleksandr A. Isaev

PhD in History, A/Professor of the department of national history and archival studies, School of Humanities, Far Eastern Federal University

26 F, Building FEFU campus, Ajax St, Russkiy (Russian) island, Vladivostok, 690922 Russia

Oxana P. Fedirko

DSc in History, Professor of the department of national history and archival studies. School of Humanities. Far Eastern Federal University

Building 26 F, FEFU campus, Ajax St, Russkiy (Russian) island, Vladivostok, 690922 Russia

The article deals with the public political organizations' activity on preparing the population of the Far East to defend the country during the Great Patriotic War. The special attention is paid to the activity of the Far Eastern branches of the General Compulsory Education Organization (Vseobuch), the Society of Assistance to Defense and Aviation-Chemical Construction of the USSR (OSOAVIAKhIM), to the public organizations involved in the people's mass sanitary training programs in 1934–1967 held by the USSR Red Cross and Red Crescent Union, physical training in general educational, professional and sports organizations of the USSR (GTO) and the primary all-Union physical education complex "Ready for labor and defense" of the USSR (BGTO). The article outlines and analyzes the basic trends of the party and Soviet authorities' activity in the field of improving the defense and physical training and sports sphere in the Far East region, their achievements and drawbacks.

Keywords: the Soviet Far East, military-media work, OSOAVIAHIM, Vseobuch, PVO, PVHO, «Voroshilov Sharpshooter», defenses, military training.

С началом Великой Отечественной войны происходит расширение процесса милитаризации советского общества. В первые дни войны СССР был переведен на военное положение. В связи с непосредственной угрозой японского вторжения Дальний Восток страны, по существу, находился на положении невоюющего фронта. Эта специфика внесла свои коррективы в жизнь региона, поэтому призыв Коммунистической партии и Советского правительства обучаться военному делу и готовиться к отпору врага нашел среди населения отклик. В связи с этим актуально научное осмысление деятельности общественных организаций по подготовке населения к защите нашей страны в годы Великой Отечественной войны.

Военная подготовка гражданского населения в СССР осуществлялась через систему всеобщего обучения без отрыва от производства по графику. Прочее гражданское население могло получить военную подготовку и специальность через систему оборонных обществ.

Добровольные оборонные общества стали появляться на Дальнем Востоке в первой половине 1920-х гг., они не только осуществляли доармейскую подготовку новобранцев, но и распространяли военные знания среди гражданского населения. В этой системе главную роль играли добровольно-спортивные общества, оборонные общества, военно-учебные заведения, специальные курсы, запасные и учебные части. Деятельность этих обществ в довоенный период, направленная на привлечение молодежи в военные и спортивные кружки, секции и организацию среди населения идейно-воспитательной работы, призванной воспитывать советских патриотов, носила массовый характер. Сформированная советской идеологической системой у советских людей установка на получение военных знаний трансформировала их в военное время в потенциальный боевой резерв армии.

В июле 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», которым возложил обязанность за организацию всеобщей обязательной подготовки к противовоздушной обороне на Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ).

На Дальнем Востоке в 1939 г. ОСОАВИАХИМ объединял 8 областных, 13 районных, 3 379 первичных организаций численностью свыше 125 тыс. членов [1, л. 32]. Общества являлись организаторами массовых оборонных мероприятий, именно здесь происходила военная подготовка трудящихся края к защите страны. Дальневосточный ОСОАВИАХИМ располагал широкой сетью пунктов военной подготовки и значительной учебно-материальной базой. В рамках реализации подготовки граждан к сдаче норм «Готов к противовоздушной и противохимической обороне», подготовке инструкторов групп самозащиты Краевой совет ОСОАВИАХИМ создал в середине 1941 г. по образцу Владивостокской школы противовоздушной обороны (ПВО) ряд районных школ по подготовке начальствующего состава для групп самозащиты [2, 18 июля]. К участию в группах самозащиты местной ПВО и противохимической и противовоздушной обороны (ПХВО) привлекались в мужчины и женщины в возрасте от 16 до 60 лет. Группы создавались на предприятиях, организациях, учебных заведениях, колхозах [3, 2 июля]. Практика создания подобных групп широко освещалась на страницах дальневосточной прессы. По свидетельству газеты «Красное знамя», издаваемой во Владивостоке, на заводе «Металлист» г. Владивостока были созданы кружки по овладению военными знаниями, которые активно посещали как работники завода, так и члены их семей [4, 5 июля]. Через три дня в той же газете сообщалось, что в «Ивановском пчелосовхозе Приморского края все рабочие активно овладевали военным делом, сдавали нормы на значки ПХВО, ГСО, «Ворошиловский стрелок». В кратчайшие сроки были организованы кружки и группы по изучению военного и санитарного дела» [5, 8 июля]. Подобную активность населения отмечали и партийные органы. По мнению секретаря Свободненского райкома ВКП(б) Амурской области тов. Морозова, «... сейчас не надо посылать специальных уполномоченных в колхозы и села для мобилизации людей на хозяйственные и оборонные мероприятия. Ныне они (люди) организованы полностью и в срок сами являются к месту их назначения, заявляя хором, что готовы выполнить любое правительственное задание» [6, л. 1].

На организацию «Общество Красного Креста и Красного полумесяца» была возложена ответственность за подготовку санитарно-медицинских кадров для МПВО и ПВХО. В городах и районах края по этой системе обучались девушки-школьницы старших классов, женщины — домохозяйки. К лету 1941 г. на Дальнем Востоке на курсах, организованных ОСОАВИАХИМ, обучалось более 43 тыс. чел, а к концу 1941 г. только в Приморском крае работало более 2 тыс. инструкторов ПВХО [4, с. 1]. По всему Дальнему Востоку при помощи населения проводилась техническая маскировка стратегически важных объектов, заводов и учреждений в городах под цвет окружающего фона, а также затемнение зданий. Все наружное освещение и подвижный состав автомобильного и железнодорожного транспорта переводились на маскировочное освещение [8, с. 108].

В сентябре 1941 г. Государственный Комитет обороны СССР (ГКО) принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» (Всеобуч). С 1 октября 1941 г. занятия по всеобучу стали проводиться и на Дальнем Востоке, они были организованы специальным отделом Дальневосточного фронта. Программа обучения предусматривала 110-часовую подготовку без отрыва от производства мужчин в возрасте от 16 до 50 лет, а с 1942 г. и женщин. Военное обучение проводилось по территориально-производственному принципу в военно-учебных пунктах на предприятиях и учреждениях, в колхозах и совхозах. В программу подготовки входило изучение основ военных знаний с привязкой к гражданской обороне, приобретались практические навыки строевой и огневой подготовки. Главный упор делался на быстроту и качество подготовки. То, на что ранее уходили месяцы, в военное время необходимо было освоить быстро. Рабочие и служащие должны были быть готовыми в любую минуту вступить в бой, уметь бороться с просачивающимися частями или группами противника, не теряться при появлении врага и не падать духом, а уверенно вступать с ним в бой и истреблять его [9, 15 окт.]. Военные кабинеты при агитпунктах посещали не только бойцы и командиры всеобуча, но и домохозяйки, жены партийных работников, школьники и др. Население старалось изучать не одно, а несколько военных специальностей. Уровень дееспособности МПВО и ПХВО определялся, прежде всего, готовностью населения выполнять свои оборонные функции в военное время. Проверки системы подготовки населения показывали в целом хорошую теоретическую подготовку, а практические навыки были на удовлетворительном уровне [10, л. 97].

Для оттачивания практических навыков проводились тренировочные занятия на специальных учебных полигонах и стадионах в любое время суток и в любую погоду [11, 26 окт.]. Так, 19 октября 1941 г. во Владивостоке на центральном стадионе «Динамо» были проведены большие военизированные соревнования групп и отрядов Всеобуча. Отрабатывались методы ведения боевых действий, борьбы с танками, стрельба и преодоление препятствий [11, 21 окт.]. В годы Великой Отечественной войны в СССР проводились Всесоюзные соревнования по ПВХО с целью завершить подготовку всего населения к ПВО и ПХВО путем совершенствования навыков и знания трудящихся по ликвидации последствий вражеских налетов, укрепить и оживить работу первичных организаций ОСОАВИАХИМ, пополнить их новыми людьми. Участие в этих соревнованиях для ячеек, образованных на предприятиях, было обязательным, а результаты участия широко освещались в прессе. Так, в 1944 г., проанализировав результаты соревнований, было вынесено порицание организациям крупных предприятий г. Владивостока («Электротрест», «Горрыбкомбинат», «СРЗ №2»), которые остались в стороне от соревнований [12, 2 февр.].

Всего за годы Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке было проведено 7 очередей военного обучения. С 1 июля 1941 г. по 1 июля 1945 г., т.е. за 4 года, в Приморском и Хабаровском краях было обучено около 332 тыс. человек. Они получили специальности стрелков, шоферов, телеграфистов, моряков, мотоциклистов, медсестер, санитарных дружинниц [8, с. 121].

Усиленное изучение военного дела в условиях сложной военно-политической ситуации на Дальнем Востоке проводилось в приграничных районах. Здесь гражданское население

являлось активным помощником пограничникам в деле охраны рубежей страны, что в связи с высокой вероятностью японского вторжения было необходимо. Примером такой работы могут служить отчеты оборонных обществ, действовавших в приграничном Хасанском районе, где молодежь в частых тренировках и походах отработывала навыки в стрелковой подготовке, рытье окопов, как днем, так и ночью. Все тренировки проходили в условиях, приближенных к боевым [13, 26 дек.]. Комсомольские организации городов и районов Дальнего Востока принимали меры по улучшению оборонной подготовки молодежи. Однако, несмотря на это, на IV Пленуме Приморского крайкома ВЛКСМ (4 ноября 1941 г.) говорилось о существенных недостатках и упущениях в работе комсомола [13, 5 нояб.] — отсутствие материально-технической базы, достаточного финансирования, нехватка преподавателей с соответствующим образованием и т. д. Все это делало сложным, а порой и невозможным выполнение всех требований местных и центральных властей. Занятия с молодежью часто проводились только формально, нарушались устав и дисциплина, командиры и инструкторы не знали подчас своего дела и не выполняли прямых функциональных обязанностей. Центральный комитет ВКП(б) еще в марте 1942 г. в своих отчетах отмечал недостаточное внимание местных партийных властей к вопросам оборонно-массовой работы [14, 4 марта].

Тем не менее, несмотря на проблемы и минусы в работе, система военного обучения постоянно развивалась. Все проходившие обучение во всеобуче сдавали так называемые выпускные испытания. Они проходили по конкретному профилю и сочетали в себе как теорию, так и практику полученных военных знаний. К сдающим выпускные испытания предъявлялись серьезные требования, особенно к пулеметчикам и истребителям танков. Не прошедшие испытания переводились на вторую очередь обучения [15, 3 февр.].

Очень тесно с программой всеобуча развивались спортивные общества. За годы войны в системе военно-физической подготовки прошли обучение 27 тыс. дальневосточников, ставших значкистами ГТО и БГТО, 11,5 тыс. рукопашников и 30 тыс. лыжников [16, 25 июля].

В начале 1942 г. советским руководством начинается рассматриваться вопрос о введении начальной и допризывной военно-физической подготовки. Считалось, что с детства девочки и мальчики должны много заниматься спортом, больше уделять внимания военным играм. Рассматривалась необходимость ввода всех учебных заведений в систему всеобуча [17, 24 марта]. В связи с этим Совнарком СССР 24 октября 1942 г. издал постановление о введении военной подготовки для всех учащихся. Оно предназначалось для учащихся 1–4-х классов по программе «Военно-физкультурная подготовка», 5–7-х классов по программе «Начальная военная подготовка», 8–10-х классов — «Военно-призывная подготовка». Для учащихся фабрично-заводских и ремесленных училищ, техникумов и институтов военное обучение проходило по программе всеобуча. Девушки младших и старших классов проходили дополнительную специальную подготовку по программе «Санитарные дружинницы» [18, л. 49].

В военное время огромную помощь в деле освоения минимума военных знаний оказывали средства массовой информации. В летне-осенний период 1941 г. на страницах приморской газеты «Красное знамя» в помощь изучающим военное дело публиковались статьи на оборонную тематику, такие как «Устройство и применение противогаса», «Рукопашный и штыковой бой», «Методика снайперской стрельбы», «Борьба с танками» и др. [14]. Эти и другие публикации способствовали закреплению полученного на занятиях материала и улучшению оборонных знаний среди населения.

В работе с населением широко использовались все методы агитации и пропаганды. Проводились лекции, беседы, тематические вечера по вопросам ПВО и ПХВО. Получили широкое распространение беседы по радио на оборонные темы, в том числе об организации ПВО, об отравляющих веществах, помощи пострадавшим, при поражениях различными видами оружия. В кинотеатрах, клубах г. Владивостока только за 4-й квартал 1944 г. был проведен 131 сеанс с демонстрацией 14 фильмов на различные военные и оборонные темы [20, л. 11–15].

По решению Политбюро ЦК ВКП(б) и на основании постановления СНК СССР от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов»

[21, с. 56] при местных отделах УНКВД начали создаваться истребительные батальоны. Они формировались из числа, проверенного органами государственной безопасности партийного, комсомольского, профсоюзного и советского актива [10, л. 54]. Средняя численность одного отряда составляла от 50 до 500 человек. Эти батальоны в период войны оказали большую помощь в охране стратегически важных объектов (заводов, военно-хозяйственных учреждений), в борьбе со шпионами и нарушителями границы.

Критическая ситуация, сложившаяся на советско-германском фронте летом-осенью 1941 г., потребовала срочной переброски из тыловых регионов страны боеготовых частей и соединений РККА. Дальневосточный фронт не был исключением. Находясь в состоянии «невоюющего фронта», он нуждался в существенном пополнении. В случае начала полномасштабных боевых действий с Японией охрану стратегических объектов инфраструктуры, предприятий и организаций могли обеспечить истребительные батальоны, которым стало уделяться повышенное внимание в регионе.

На Дальнем Востоке истребительные батальоны начали создаваться в осенне-зимний период 1941 г. из лиц, не подлежащих призыву по различным причинам, кроме политических. Подготовка личного состава осуществлялась по основной 110-часовой программе всеобщего и дополнительной — 45-часовой специальной программе. Во время обучения особое внимание уделялось соблюдению воинской дисциплины, изучению топографии, стрельбе, приемам рукопашного боя и борьбе с танками. Члены истребительных батальонов обеспечивались вооружением, боеприпасами и снаряжением, которое передавалось после изъятия районными отделами УНКВД у организаций ОСОАВИАХИМ, в ущерб деятельности последней [10, л. 78].

К декабрю 1941 г. усиливается работа по улучшению снабжения и функционирования батальонов. Эта работа была направлена на обеспечение безопасности тыла, помощи милиции в деле охраны предприятий и содействие войсковым и пограничным частям в уничтожении возможных морских и воздушных десантов противника [22, л. 70]. Но, несмотря на усиленную работу в этом направлении, местные органы власти и силовые структуры отмечали низкий уровень боевой и политической учебы, большой недокомплект личного состава и т. д. В некоторых подразделениях вся работа проводилась только формально. Женщины в батальонах практически не обучались. Инструкторы по стрельбе, подрывному делу, вождению автотранспорта слабо знали свое дело и не выполняли порой своих прямых обязанностей [10, л. 1–2]. Это приводило к снижению уровня подготовки и вело к отсутствию дисциплины среди обучающихся. Для улучшения общего состояния деятельности и усиления обучения личного состава истребительных батальонов начиная с лета 1942 г. происходит их организационное укрепление. Ликвидируются формализм и условность в работе. Начинают проводиться интенсивные учения и тренировки в условиях, приближенных к боевым.

В помощь истребительным батальонам, перед началом войны с Японией, в приграничных городах и районах Дальневосточного региона при содействии городских и районных комитетов ВКП(б) создавались партийно-комсомольские отряды. Во Владивостоке такой отряд численностью около 2500 чел. был создан в конце 1944 г. для обеспечения в боевой обстановке охраны городских объектов и ликвидации десантных групп в случае их проникновения в городские районы [22, л. 45].

После окончания войны почти все истребительные батальоны, партизанские соединения и группы ПВО и ВХВО были расформированы. Продолжали работу только организации ОСОАВИАХИМ. Именно при хорошей организации и работе последних стало возможным четкое функционирование всех направлений оборонно-массового дела в послевоенное время.

Дальний Восток, занимая особое место в геополитике Советского Союза, нуждался в эффективной защите. Проводимые властью оборонно-массовые мероприятия способствовали широкому охвату населения страны и Дальневосточного региона. Однако существовали и серьезные недостатки в работе общественно-политических организаций по подготовке населения к обороне страны. За годы войны количество школ и состав инструкторов постоянно сокращались, что отрицательно сказывалось на состоянии системы ПВО и ПХВО. Личный со-

став общественно-политических организаций был непостоянным, особенно в среднем и младшем звеньях. В результате большой текучести кадров, сокращения штатного расписания на предприятиях и учреждениях, мобилизации для выполнения различных оборонных и производственных заданий подготовка рядового и вольнонаемного состава в среднем была очень низкой. Снижению качества оборонной работы способствовало представление как властных структур, так и руководящего состава о необязательности вовлечения в нее гражданского населения (особенно это наблюдалось в завершающий период Великой Отечественной войны).

Однако массовая мобилизационная работа и истинный патриотизм дальневосточников значительно укрепляли оборонный потенциал страны. Тем самым весь Дальний Восток оказался защищенным и готовым к возможным боевым действиям, что явилось одним из сдерживающих факторов для Японии.

Литература и источники

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 295.
2. Красное знамя. — Владивосток, 1941. — 18 июля.
3. Правда. — Москва, 1941. — 2 июля.
4. Красное знамя. — Владивосток, 1941. — 5 июля.
5. Красное знамя. — Владивосток, 1941. — 8 июля.
6. ГАХК. Ф.35. Оп.1. Д.981. Л.1.
7. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 68. Оп. 1. Д. 369.
8. Ткачева Г. А. Оборонно-экономический потенциал Дальнего Востока СССР в 1941–1945 гг. — Владивосток, 2005. — 331 с.
9. Правда. — Москва, 1941. — 15 окт.
10. ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 969.
11. Красное знамя. — Владивосток, 1941. — 26 окт.
12. Красное знамя. — Владивосток, 1945. — 2 февр.
13. Красное знамя. — Владивосток, 1941. — 26 дек.
14. Правда. — Москва, 1942. — 4 марта.
15. Красное знамя — Владивосток, 1942. — 3 февр.
16. Красное знамя. — Владивосток, 1945. — 25 июля.
17. Правда. — Москва, 1942. — 24 марта.
18. ГАХК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 153.
19. Красное знамя. — Владивосток, 1941. 19 июля, 23 июля, 26 июля, 13 авг., 7 окт., 10 окт., 18 окт., 21 окт., 28 окт.
20. ГАПК. Ф.3. Оп.1. Д.1030.
21. Базаржапов В. Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. — Новосибирск, 1981. — С. 340.
22. ГАПК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 946; Д. 1030.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK)* (The State Archives of Khabarovsk Territory (GAKhK)). F. 35. Op. 1. D. 295.
2. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1941. 18 iyulya.
3. *Pravda*. — Moskva, 1941. 2 iyulya.
4. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1941. 5 iyulya.
5. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1941, 8 iyulya.
6. GAKhK. F.35. Op.1. D.981. L.1.
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Primorskogo kraia (GAPK)* (State archive of Primorsky Territory (GAPK)). F. 68. Op. 1. D. 369.
8. Tkacheva G.A. *Oboronno-ekonomichesky potentsial Dalnego Vostoka SSSR v 1941 - 1945 gg* [Military-economic potential of the Far East of the USSR in 1941 - 1945 years.]. Vladivostok, 2005. 331 p.
9. *Pravda — Truth*. Moscow, 1941. 15 oktyabrya.
10. *Gosudarstvennyi arkhiv Khabarovskogo kraia (GAKhK)*. F. 35. Op. 1. D. 969.
11. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1941. 26 oktyabrya.
12. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1945. 2 fevralya.
13. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1941. 26 dekabrya.

14. *Pravda — Truth*. Moscow, 1942. 4 marta.
15. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1942. 3 fevralya.
16. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1945. 25 iyulya.
17. *Pravda — Truth*. Moscow, 1942. 24 marta.
18. GAKhK. F. 35. Op. 1. D. 153.
19. *Krasnoye znamya - Red Flag*. Vladivostok, 1941. 19 iyulya, 23 iyulya, 26 iyulya, 13 avgusta, 7 oktyabrya, 10 oktyabrya, 18 oktyabrya, 21 oktyabrya, 28 oktyabrya.
20. GAKhK. F.3. Op.1. D.1030.
21. Bazarzhapov V.B. *Natsionalnye rayony Sibiri i Dalnego Vostoka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [National areas of Siberia and the Far East during the Second World War]. Novosibirsk, 1981. 340 p.
22. GAPK. F.3. Op. 1. D. 946; D. 1030.

УДК 37(091)(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-37-42

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БУРЯТИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

© Семенова Екатерина Ефремовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

E-mail: semenova_ee@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые аспекты развития системы школьного образования Бурятии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. К ним относятся политехнизация образования, изменения содержания обучения в национальных школах, учебно-методическое обеспечение преподавания в школах. Замедлившиеся процессы развития школьного образования в годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период были ускорены, но уже на качественно ином уровне. Государство не справлялось с задачей открытия новых школ, поэтому их строительство взяло на себя население, главным образом сельское, поскольку большинство школ находилось в сельской местности. Национальная политика государства в тот период ставила перед школой задачу развития этнической культуры, сохранение языка. Поэтому ряд учебников был переведен на бурятский язык: алгебра, геометрия, физика и т. д. В новых условиях учителям требовались учебно-методические пособия, поэтому силами преподавателей Бурятского педагогического института создавался учебно-методический комплекс.

Ключевые слова: школа, Бурятия, военный период, послевоенный период, реформа, политехнизация образования, национальная школа, учебно-методическая работа.

SCHOOL EDUCATION OF BURYATIA DURING THE WAR AND IN THE POSTWAR PERIOD

Ekaterina E. Semenova

PhD in History, A/Professor of the department of history, Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Philippov

8 Pushkina St., Ulan-Ude, 670034 Russia

The article discusses some aspects of the school system development in Buryatia during the Great Patriotic War and in the postwar period. These aspects include polytechnic education, changes in the content of instruction in national schools, the creation of training and methodological support of teaching in schools. Slowing down processes in the development of school education during the Great Patriotic War, in the post-war period were accelerated, but at a qualitatively different level. The state didn't get through the problem of opening new schools, so the population, mainly rural, took over their construction, since most of the schools were in rural areas. The national policy of the state at that time set forward to the school the task of the development of ethnic culture, language preservation. Therefore, a series of books were translated into the Buryat language: in algebra, geometry, physics, etc. Under the new conditions the teachers needed training manuals, so the educational-methodological complex was developed by the teachers of Buryat Pedagogical Institute.

Keywords: school, Buryatia, war period, postwar period, reform, polytechnic education, national school, educational and methodological work.

Созданная в годы предвоенных пятилеток система народного образования Бурятии из-за трудностей военного времени сократилась: уменьшилось число средних и семилетних школ, количество учащихся в них. Многие школы, особенно в городах, были заняты под военные госпитали. В годы войны значительно ослабла учебно-материальная база школ. Уменьшилось количество учителей, снизился их качественный состав. В связи с уходом в армию многих квалифицированных учителей ряды учительства пополнились людьми, не имеющими опыта, а порой специального образования. Ослабили помощь и контроль за учебной работой детей со стороны родителей. В первом полугодии 1944/45 учебного года успевало 65 % учащихся [11, с. 306].

Количество учащихся в школах Бурятии сократилось с 100,1 тыс. в 1940/41 учебном году до 71,9 тыс. в 1944/45 учебном году [9, с. 205]. Это объяснялось тем, что часть учащихся десятых классов, достигнув призывного возраста, пополнила ряды Советской Армии. Недостаток рабочих рук вынудил школьников-подростков пойти работать на предприятия, в колхозы и совхозы. Поэтому в годы войны закон о всеобщем обучении осуществлялся не полностью. Особенно много учащихся без отрыва от обучения было задействовано в сельскохозяйственном производстве. Школьники оказывали заметную помощь колхозам и совхозам. В 1942 г. учащиеся школ республики выработали 590 тыс. трудодней, в 1943 г. — 939,9 тыс. Они активно участвовали в сборе средств в Фонд обороны, посылок и теплых вещей для воинов Красной Армии. Учащиеся работали агитаторами, устраивали громкие читки сообщений Совинформбюро, рассказывали о героических действиях Красной Армии и партизан, выпускали боевые листки и стенгазеты, выступали с концертами, шефствовали над госпиталями и семьями фронтовиков. Широкое распространение получило тимуровское движение [11, с. 390].

Многие учителя в трудные годы войны по своей инициативе обучали на дому детей, которые по тем или иным причинам не могли посещать школу.

В послевоенные годы необходимо было восстановить разрушенное народное хозяйство и достичь довоенного уровня производства. Эта задача усложнялась тем, что в годы войны резко сократилось количество специалистов. Общеобразовательная подготовка рабочих, крестьян и служащих была невысокой. Нехватка квалифицированных, подготовленных кадров значительно затрудняла выполнение задач экономического развития в послевоенные годы. Решение этой проблемы в основном зависело в тот период от школы. Поэтому государство уделяло большое внимание школьному образованию.

30 августа 1946 г. в Улан-Удэ состоялся первый послевоенный съезд учителей республики, где выявилось немало проблем в системе школьного образования: низкая успеваемость, второгодничество, слабая материально-техническая база, нехватка учителей и т. д.

Основным вопросом политики в области образования стало расширение сети школьного обучения. Во всех регионах страны, в том числе Бурятии, открывались новые школы. В 1949 г. в Бурятии было 503 начальные школы, 117 семилетних и 46 средних [5]. Основным упор делался на города и поселки городского типа, где число школ выросло почти в 3 раза: с 54 в 1940/41 учебном году до 163 в 1960/61 учебном году [10, с. 123]. Большинство школ республики, по данным на 1960 г., находилось в сельской местности: из 638 сельские составляли 517 (81 %) и число их росло. В них обучалось более 130 тыс. учащихся и работало 7 тыс. учителей [9, с. 205].

Учащиеся сельских школ во время каникул работали на колхозных полях, на животноводческих фермах и зарабатывали трудодни. В результате такой практики многие выпускники оставались работать в колхозах.

К концу 1940-х гг. значительно расширился контингент учащихся, главным образом за счет школ рабочей и сельской молодежи. Они давали возможность получить среднее образование подросткам, вынужденным в годы войны прервать учебу.

Однако только открытие новых школ было недостаточно для улучшения положения. Требовались изменения в содержании школьного образования. Например, в отчетах Министерства образования республики об итогах работы школ за первое полугодие 1951/52 учебного года говорится: «Учебно-воспитательная, внешкольная и внеклассная работа с учащимися по-прежнему остается на низком уровне. В результате этого значительный процент учащихся не успевает по основным предметам (русский язык и математика). Из 90386 учащихся успевает только 68533, что составляет 76 %. Особенно низка успеваемость учащихся в школах Окинского аймака — 66 %, Торейского — 70,5 % и Тункинского — 70,7 %» [6, д. 721, л. 168]. Тункинский аймисполком и его отдел народного образования не приняли необходимых мер к улучшению работы школ. План охвата детей обучением выполнен на 82,3 %, допущено второгодничество (541 учащихся). В аймаке совершенно не проводилась работа по ликвидации неграмотности и обучению бурятского населения письменности на русском языке [6, д. 703, л. 114–115].

В 1952/53 учебном году в республике было введено всеобщее семилетнее обучение. В связи с этим ассигнование на народное образование из государственного бюджета в нашей республике в 1953 г. по сравнению с 1923 г. возросло в 157 раз. Также были приняты меры по укреплению материальной базы школ. В ряде мест развернулось широкое инициативное строительство школьных зданий, интернатов, общежитий, мастерских, спортивных залов. Например, общественность Бичурского аймака поставила задачу в течение двух — трех лет ликвидировать многосменность в школах. Строительство школьных зданий, общежитий, мастерских силами населения развернулось повсеместно, особенно на селе. Только колхоз «Знамя Ленина» Мухоршибирского аймака за два года построил две восьмилетние и одну начальную школы, общежитие для детей животноводов [11, с. 337].

В 1958 г. был принят Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР [8, с. 53–61]. Перед школами страны была поставлена задача осуществления политехнического обучения. Министерство просвещения РСФСР разработало новые учебные планы и программы по трудовому обучению. В школах были введены не только новые предметы, дающие элементарные знания по основам промышленного и сельскохозяйственного производства, но и практическое приобщение учащихся к производственному труду на школьных опытных участках, в учебных мастерских, на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах. На предприятиях создавались учебные цеха и участки. Органы управления народным образованием и партийные комитеты контролировали выделение рабочих мест для прохождения производственной практики.

В большинстве средних и семилетних школ республики были созданы учебные мастерские по металлу и дереву. При средних школах открылись кабинеты машиноведения, введены практикумы по сельскому хозяйству, машиноведению и электротехнике, для этого в школах имелись 433 трактора и 57 автомашин. Многие школы имели учебно-опытные участки [13, с. 16].

При введении нового направления в обучении детей не было соответствующей материальной базы, не хватало учителей и мастеров, появился формализм в организации производительного труда, отрыв от обучения. Отсутствовали учебники по производственному обучению, не были разработаны методики. Поэтому теоретический курс был минимальным, основное время уходило на практику. Перестройка школы привела к перегрузке учебных программ и снижению общего уровня образовательной подготовки учащихся. Кроме того, профессиональная подготовка проходила без учета желания учащихся и потребностей предприятий. Директорам школ приходилось заниматься организацией производственного обучения, определять рабочие места там, где дадут. Политехнизация обучения не привела к росту рабочих среди бурят. Они предпочитали неиндустриальные виды труда, отдавая предпочтение образованию, медицине, культуре, строительству [12, с. 389].

В сельской местности профессиональная подготовка учащихся шла в форме ученических производственных бригад, которая работала в хозяйстве. На селе было легче организовать производственную практику, однако недостаток, а порой отсутствие техники снижали качество обучения. Сельские учащиеся испытывали большую перегрузку физическим трудом: старшеклассников постоянно снимали с учебных занятий по общеобразовательным предметам для уборки урожая.

В послевоенное время вопросы развития национальной школы решались на уровне нормативно-правового, научно-методического, кадрового обеспечения. В 1949–1953 гг. меняется языковая политика бурятской школы: пересмотрены учебные программы, ряд учебников переведен на бурятский язык, проведена перестановка кадров. Многие буряты-учителя были переведены из русских школ в национальные. Перед этим с ними летом 1950 г. проведены первые двухнедельные курсы. Родители 16 семилетних и средних школ Хоринского, Кижингинского, Джидинского, Баргузинского, Окинского, Кяхтинского аймаков высказали желание обучать своих детей на родном языке. Совещание по вопросам работы национальных школ, проведенное в июле 1951 г. при областном комитете партии, высказывалось за препода-

вание учебных предметов на родном языке до седьмого класса включительно. На двух языках (русском и бурятском) были изданы учебники по алгебре, геометрии, физике, химии, биологии, географии, истории, конституции СССР [3, с. 27].

Ведущие ученые Педагогического института и методисты принимали активное участие в разработке новых учебных планов и программ, готовили и издавали новые учебники, учебные пособия, велись экспериментальные и опытные исследования для совершенствования методов обучения и воспитания учащихся. Это учебник русского языка для 5–6-х классов бурятских школ, две книги для чтения по русскому языку, по русской литературе, сборник упражнений по русскому языку (автор Г. И. Упхонов), хрестоматия по родной литературе для 7-го класса бурятской школы (автор Ж. С. Сажин), пособие для учителей по методике изучения глаголов (автор М. Н. Мангадаев) и многие другие [7, с.43].

В 1950–1960 гг. расширилась тематика учебно-методических работ. Если ранее солидные пособия для учителей в основном посвящались проблеме обучения учащихся русскому языку, они стали охватывать все больший круг учебных предметов, различные стороны воспитательного процесса. За эти годы было издано в помощь учителям более 60 учебников, учебных пособий, монографий и брошюр, обобщающих опыт работы лучших школ и учителей республики.

Расширилась и стала постоянной методическая помощь учителям. Проводились практические занятия, консультации. Стало традицией проведение ежегодных выездных семинаров для учителей сельских школ. С февраля по май 1959 г. было проведено 13 семинаров с директорами школ, учителями, воспитателями и работниками отделов народного образования. Многие семинары проводились непосредственно в школах. Например, преподаватели кафедр литературы, истории, бурятской филологии для оказания практической помощи выезжали в Тункинский, Хоринский, Кижингинский, Бичурский, Закаменский, Торейский, Заиграевский и Кабанский аймаки [7, с.44].

В годы Великой Отечественной войны школа лишилась квалифицированных учителей и части учащихся в связи с призывом на фронт. Качество обучения снизилось из-за того, что учителями стали работать люди, не имеющие педагогическое образование, не было систематического обучения, поскольку большинство учащихся отвлекались на производство, особенно в сельском хозяйстве. Учащиеся старших классах ушли работать или на фронт.

В послевоенные годы, особенно в середине XX века, произошли изменения в области образования республики, связанные с реформами образования и демографической ситуацией. Росло число школ, увеличивалась численность учащихся.

Образовательная реформа конца 1950-х гг. имела некоторые успехи: получив профессиональную подготовку, многие учащиеся начинали работать по полученной профессии. Особенно эта тенденция проявилась в сельской местности, когда классы полным составом оставались работать в родном колхозе или совхозе. Однако эта реформа имела больше недостатков, чем успехов.

Включение производственного обучения в учебный план привело к тому, что у школ появилась несвойственная им функция — профессиональная подготовка. С другой стороны, учащиеся в стенах школы получали специальности рабочих промышленных предприятий и сельскохозяйственного производства. Однако ограниченность школьного трудового обучения давала недостаточные знания, умения, навыки, поэтому для работы на производстве выпускников школ приходилось доучивать или переучивать. Большой объем часов по производственному обучению привел к снижению знаний учащимися по общеобразовательным предметам. В 1964 г. эти недостатки были учтены, решением Министерства просвещения РСФСР 11-летние школы с трудовым обучением были преобразованы в 10-летние, часы на трудовое обучение были сокращены почти в 2 раза [8, с. 46].

Одной из региональных особенностей Бурятии является наличие национальных школ, в которых в исследуемый период увеличился объем преподавания на бурятском языке с появлением переводов ряда учебников. Стала постоянной учебно-методическая работа в связи с

появлением собственных специалистов в этом направлении.

Таким образом, послевоенные годы, главным образом 1950-е гг., стали периодом становления региональной теории школьного образования в Бурятии, где большинство населения — сельчане, школьное образование имело свою специфику, оно приобрело производственный характер до принятия закона 1958 г. Старшеклассники и учащиеся средних классов были задействованы в уборке урожая.

Если в довоенные годы система всеобщего школьного образования была создана, то в послевоенный период она была организационно оформлена. Несмотря на то что уровень успеваемости учащихся был невысоким, сохранялось второгодничество, школа Бурятии выполняла функцию обучения и культурного просвещения детей и всего населения республики.

Литература

1. Бартанов П. И. Высшая школа в годы создания развитого социализма // Становление высшего образования в Бурятии. — Иркутск, 1981.
2. Бартанов П. И. Развитие науки в БМАССР. — Улан-Удэ, 1957.
3. Бодиева Н. Ф. История становления национального образования в Бурятии // Высшая школа: история, современность, перспективы: материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Хабаева. — Улан-Удэ, 2003.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 1. Оп. 203. Д. 10.Л. 82.
5. ГАРБ. Ф. 1056. Оп. 2. Д. 6. Л. 32.
6. ГАРБ. Ф. Р-248. Оп. 1.
7. Елаев Н. К. Связь института со школой и органами народного образования // 40 лет Бурятскому педагогическому институту: материалы науч.-теорет. конф. — Улан-Удэ, 1974.
8. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сб. документов 1917–1973. — М., 1974.
9. Народное хозяйство Бурятской АССР: стат. сб. — Улан-Удэ, 1963.
10. Народное хозяйство Бурятской АССР. 1923–1983 гг.: юбилейный стат. сб. — Улан-Удэ, 1983.
11. Очерки истории культуры Бурятии. — Улан-Удэ, 1974.
12. Санжиева Т. Е. Политика «коренизации» в модернизационном процессе Бурятии // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию акад. РАН В. В. Алексеева (2–3 июля 2009 г.). — Екатеринбург, 2009.
13. IV сессия Верховного Совета БМАССР (25–26 марта 1957 г.): стенографический отчет. — Улан-Удэ, 1957.

References

1. Bartanov P. I. *Vyssshaya shkola v gody sozdaniya razvitogo sotsializma* [Graduate School during the creation of the developed socialism]. *Stanovleniye vysshego obrazovaniya v Buryatii - Formation of higher education in Buryatia*. Irkutsk, 1981.
2. Bartanov P. . *Razvitiye nauki v BMASSR* [The development of science in BMASSR]. Ulan-Ude, 1957.
3. Bodiyeva N. F. *Istoriya stanovleniya natsionalnogo obrazovaniya v Buryatii* [The history of formation of national education in Buryatia]. *Vyssshaya shkola: istoriya, sovremennost, perspektivy. Materialy k mezhhregionalnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Khabayeva* [High school: History, Present and Prospects. Materials for the inter-regional scientific conference devoted to the 100th anniversary of the birth of P.Habaeva]. Ulan-Ude, 2003.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya (GARB)* (State Archive of the Republic of Buryatia (GARB)). F. 1. Op. 203. D. 10.L. 82.
5. GARB. F. 1056. Op. 2. D. 6. L. 32.
6. GARB. F. R-248. Op. 1.
7. Elayev N. K. *Svyaz instituta so shkoloy i organami narodnogo obrazovaniya* [Communication Institute with the school authorities and the public education]. *40 let Buryatskomu pedagogicheskomu institute* [40 years of Buryat Pedagogical Institute]. Ulan-Ude, 1974.
8. *Narodnoye obrazovaniye v SSSR. Obshcheobrazovatel'naya shkola: Sb. dokumentov 1917–1973* [Education in the USSR. School: Sat. documents 1917–1973]. Moscow, 1974.
9. *Narodnoye khozyaystvo Buryatskoy ASSR. Stat. sb.* [The national economy of the Buryat Republic. Statistical information]. Ulan-Ude, 1963.
10. *Narodnoye khozyaystvo Buryatskoy ASSR. 1923–1983 gg. Yubileyny stat. sb.* [The national economy of the Buryat Republic. 1923–1983 years. Jubilee statistical compilation]. Ulan-Ude, 1983.
11. *Ocherki istorii kultury Buryatii* [Studies in the History of Culture of Buryatia]. Ulan-Ude, 1974.

12. Sanzhiyeva T. E. Politika «korenizatsii» v modernizatsionnom protsesse Buryatii [The policy of "indigenization" in the modernization process of Buryatia]. *Tsivilizatsionnoye svoeobraziye rossyskikh modernizatsy: regionalnoye izmereniye. Materialy vserossyskoy nauchnoy konferentsii. K 75-letiyu akademika RAN Veniamina Vasilyevicha Alekseyeva. 2–3 iyulya 2009 g.* [Civilizational peculiarity of Russian modernization: the regional dimension. Proceedings of the scientific conference. On the 75th anniversary of Academician Veniamin V. Alekseev. July 2–3, 2009]. Yekaterinburg, 2009.
13. 4-aya sessiya Verkhovnogo Soveta BMASSR. Chetvertogo sozyva (25–26 marta 1957 g.). *Stenografichesky otchet* [The fourth session of the Supreme Council BMASSR. Fourth Convocation (25–26 March 1957). verbatim report]. Ulan-Ude, 1957.

УДК 94 (571.54)“1941/45”

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-43-47

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© **Фартусов Дмитрий Борисович**

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, Ранжурова, 4

E-mail: d.fartusov@mail.ru

Статья посвящена проблеме политических репрессий, применявшихся государственными органами в годы Великой Отечественной войны. Особое внимание уделено судьбе граждан, арестованных на территории Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики в 1941–1945 гг. В статье на материалах семи томов «Книги Памяти жертв политических репрессий» представлены статистические данные о количестве репрессированных. Автором выявлены виды наказаний и длительность пресечений в военный период, определен половозрастной состав граждан, подвергшихся репрессиям. В статье подчеркивается, что репрессивная сталинская политика в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике имела те же формы и стадии, что и в других областях страны. В заключение автор приходит к выводу о том, что репрессии накануне и во время войны внесли свою лепту в снижение обороноспособности Отечества, вызвали дополнительную неразбериху и хаос как в общественном сознании, так и в государственном управлении.

Ключевые слова: репрессии, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, политические преследования, Бурятия, БМАССР, Бурят-Монголия, социализм, Сталин, антисоветская пропаганда.

REPRESSIVE POLICY IN THE BURYAT-MONGOLIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Dmitry B. Fartusov

Research Assistant of the department of national and world history, Buryat State University
4 Ranzhurova, Ulan-Ude, 670000 Russia

The article deals with the problem of political repressions executed by state authorities during the Great Patriotic War. The particular attention is paid to the fate of the people arrested in the territory of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the period of 1941–1945. The statistical data on the number of victims of political repression are presented in article on materials of seven volumes «Book of Memory to the Victims of Political Repressions». The author has revealed the types of punishment and the duration of restraint in the war period, defined gender and age composition of citizens who were repressed in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic. The article emphasizes that the repressive Stalinist policy in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic went through the same forms and stages, as in other areas of the country. In conclusion, the author concludes that the repression before and during the war contributed to the decline in the defense capability of our country, caused more confusion and chaos, both in the public consciousness and in the state administration.

Keywords: repressions, the Great Patriotic War, the Second World War, political persecution, Buryatia, BM ASSR, Buryat-Mongolia, socialism, Stalin, anti-Soviet, propaganda.

В общественном сознании 1937 год справедливо ассоциируется с пиком политических репрессий, широко применявшихся коммунистическим режимом после захвата власти в 1917 году. Это была верхушка айсберга, высшая точка репрессивной политики. Однако и до, и после 1937 г. были периоды в истории Советской России и СССР, когда политические репрессии приводили к не меньшим жертвам и имели глобальные трагические последствия. Фактически репрессии начались сразу после Октябрьской революции и продолжились во время гражданской войны, коллективизации, в предвоенный, военный и послевоенный периоды.

Напомним основные, наиболее массовые категории жертв политического террора в СССР. Первая массовая категория — это граждане, арестованные по политическим причинам государственными органами безопасности (ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ) и приговоренные внесудебными или судебными органами к разным срокам заключения в лагерях и тюрьмах, к смертной казни, ссылке, выселению, штрафам и др. Во всевозможных базах данных и книгах памяти наиболее полно представлены арестованные в период 1930–1953 гг. Это объясняется не только тем, что в этот временной отрезок осуществлялись особенно массовые репрессивные кампании, но и тем, что процесс реабилитации, начатый с подачи Л. П. Берия, а затем Н. С. Хрущева и возобновившийся при М. С. Горбачеве, в первую очередь коснулся жертв насилия 1937–1938 гг. и сталинского террора в целом.

Неполно в базах данных отражены жертвы преследований по политическим мотивам более раннего периода — до 1929 года. Самые ранние репрессии большевистской власти, относящиеся ко времени гражданской войны, документированы фрагментарно, не систематично, что затрудняет установление масштабов преследований по политическим мотивам тех лет. В это время зачастую проводились массовые расправы с «классовыми врагами» без документирования и соблюдения какой-либо законной процедуры. В связи с этим существуют обоснованные сомнения о возможности осуществить конкретные оценки объемов «красного террора».

Вторая массовая категория политических репрессированных — крестьяне, которых в основном административно выслали с места постоянного жительства во время кампании «уничтожения кулачества как класса». Какая-то часть из них была арестована и приговорена к заключению в концлагерь или к расстрелу. Помимо этого многие жители сельской местности бежали из деревень в города, надеясь спастись от коллективизации и голода, растворившись среди рабочих индустриальных строек. Одновременно с кризисом перепроизводства в странах «загнивающего» Запада Советский Союз столкнулся с массовым голодом, унесшим жизни, по разным оценкам, от 6 до 9 миллионов человек. Его причиной стала политика, проводимая в деревне сталинским режимом.

Всего в начале 1930-х гг. в СССР, по разным оценкам, были вынуждены покинуть родные деревни от 3 до 4,5 млн человек. Около 1,8 млн стали так называемыми «спецпоселенцами» в необжитых районах Европейского Севера, Казахстана, Урала и Сибири. Политика коллективизации деревни привела к массовым выступлениям крестьянства. Так, в 1930 г. прокатилась волна вооруженных крестьянских выступлений по стране, в том числе и в БМАССР. По данным секретной информационной сводки обкома ВКП(б) от 10 мая 1932 г., за второе полугодие 1931 и начало 1932 г. в сельских местностях Бурят-Монгольской АССР «оперировало 17 банд-шпак с общим количеством участников 743 человека». При этом наиболее «пораженными по бандитизму районами являются Хоринский, Агинский, Еравнинский, Эхирит-Булагатский, Мухоршибирский и Селенгинский» [2]. В тот же период в лесной местности республики появляются вооруженные группы ссыльных, «спецпереселенцев» и беглых заключенных из лагерей ОГПУ. Большую часть членов вооруженных групп составляли раскулаченные крестьяне.

Третья массовая категория арестованных по политическим мотивам — народы, депортированные с мест традиционного расселения в Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь. Административные депортации во время Великой Отечественной войны были наиболее масштабными. Одних обвиняли в сотрудничестве с немцами во время оккупации (калмыки, крымские татары, народы Кавказа). Других выселяли превентивно как потенциальных пособников врага (это немцы Поволжья, венгры, корейцы, румыны, греки, итальянцы). В то же время в современной России почти нет книг памяти, посвященных депортированным национальным группам [3].

Не стала исключением в репрессивной политике, проводимой правительством Советского Союза, и Бурят-Монгольская АССР [11]. В результате бесчисленных арестов, раскулачиваний, депортаций и вызванных репрессиями хаотических миграций больших людских масс произошли изменения в социальной структуре Бурятии. Огромные человеческие потери

понесли все слои населения. Колоссальным был нравственный «эффект», вызванный необоснованными и малопонятными арестами. Бесспорно, что на территории Бурятии сталинская репрессивная политика имела те же стадии и формы, что и в других областях и республиках Советского Союза.

На сегодняшний день известно, что на территории Республики Бурятия в советские годы репрессировано около 20 тысяч человек. В то же время из-за территориальных изменений и некоторой подвижности населения многие жители республики оказались репрессированными за пределами Бурятии, и их архивные дела хранятся в других регионах России, а иногда и других государствах.

Репрессии подверглись все группы и слои населения. «Массовые репрессии в БМАССР привели к окончательному «решению религиозного вопроса». Если ко времени образования республики в мае 1923 г. на ее территории продолжали действовать 211 православных храмов, 81 старообрядческий молитвенный дом, 44 дацана, 7 синагог иудеев, 6 мусульманских мечетей, 5 баптистских общин, 1 католический костел, то уже к середине 30-х гг. большая часть приходов была закрыта, а здания религиозных культов разрушены или перепрофилированы. Накануне войны в республике не было ни одного действующего храма, дацана [1]. Большие потери понесла научная и творческая интеллигенция. Трагична судьба выдающихся ученых-востоковедов Б. Барадина, Ц. Жамцарано, писателей Ж. Батоцыренова, Ц. Дондубона (Ц. Дона), П. Данбинова (Солбонэ Туя), Ч.-Ж. Базарона, Д. Дашинимаева» [4, с. 9]. Конечно, самые многочисленные репрессии были среди простых крестьян и рабочих.

Также следует заметить, что репрессии в предвоенный период не обошли стороной и спецслужбы республики. Уже в декабре 1937 г. внутри органов НКВД БМАССР была «вскрыта» и ликвидирована «антисоветская, правотроцкистская, националистическая, шпионско-диверсионная организация». Были репрессированы начальник областного управления НКВД Бурят-Монгольской АССР Д. Д. Никифоров, офицеры Л. Е. Помытов, Д. Ц. Чимьтов, С. Ч. Чимидун, К. К. Спелит, Г. М. Митыпов и другие [2]. Эти факты свидетельствуют о том, что массовое беззаконие и злоупотребление властью, введение чрезвычайных мер, не вызванных ни политической, ни оперативной обстановкой, привели к серьезному кризису во всех областях жизни как в Бурят-Монгольской АССР, так и в стране в целом.

Репрессии непосредственно накануне и во время войны внесли свою лепту в снижение обороноспособности Отечества, вызвали дополнительную неразбериху и хаос как в общественном сознании, так и в государственном управлении.

Проведя анализ архивных документов и материалов семи томов «Книги Памяти жертв политических репрессий по РБ» установлено, что с 1941 по 1945 г. арестовано 871 человек. Из них в 1941 г. арестовано 393 человека, в 1942 — 217, 1943 — 123, 1944 — 104 и 1945 г. — 34 человека.

Проведя анализ информации, содержащейся в Книге Памяти по данной категории репрессированных, мы выявили следующее. Самая многочисленная возрастная категория арестованных — от 30 до 50 лет, 401 человек. Старше 50 лет — 339. По месту проживания арестованных, после «столичного» Улан-Удэ (арестовано 313 человек из 871), лидируют приграничные районы БМАССР: Селенгинский — 78, Кяхтинский — 66, Мухоршибирский — 63, Закаменский — 60 человек соответственно. По половой принадлежности из 871 арестованного с 1941 по 1945 г. — 23 женщины. Самыми «популярными» пунктами 58 статьи Уголовного кодекса были пункт 1«а» (шпионаж) и пункт 10 (антисоветская агитация). Отметим, что по сравнению с 1937 г. в предвоенные и военные годы было снижено количество смертных приговоров. С 1941 по 1945 г., по данным Книги Памяти, было приговорено к высшей мере наказания 86 человек из 871 арестованного [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10].

Таким образом, изучив категорию граждан, подвергшихся политическим репрессиям во время Великой Отечественной войны, можно сделать вывод о том, что в Бурят-Монгольской АССР в период с 1941 по 1945 г. объем репрессированных резко снизился. Более того, с каждым годом войны снижалось количество арестованных по политическим мотивам. Также понизилось количество смертных приговоров, в свою очередь увеличился объем приговоров

со сроком от 5 до 8 лет лишения свободы. Эти факты позволяют нам говорить о значительном послаблении в репрессивной политике как в целом в СССР, так и БМАССР в частности. В то же время эта «либерализация» не была связана с процессом трансформации идеологии или приходом к власти более гуманных элит, а было продиктовано циничной оценкой сложившейся ситуации: военное время, общее ухудшение жизненного уровня, при которой дальнейшее «закручивание гаек» могло привести к негативным явлениям для режима. Главная задача власти по-прежнему заключалась в том, чтобы этот инструмент не давал сбоев в виде протестов, требования свободы и тем более попыток разрушить систему.

Литература

1. Васильева С. В. Харбин в истории старообрядчества Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — Вып. 7. История. — С. 126–130.
2. Доржиев Д. Л. Социально-политический протест и вооруженные выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1995. — 23 с.
3. Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. — URL: <http://lists.memo.ru/> (дата обращения: 10 марта 2015 г.).
4. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, Бурятский государственный университет; сост. С. В. Васильева [и др.]; науч. ред. К. Б.-М. Митупов. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007. — Т. 1: А-Б-В. — 290 с.
5. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Прокуратура Республики Бурятия, Управление ФСБ РФ по РБ, Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, Бурятский государственный университет; сост. С. В. Васильева [и др.]; науч. ред. А. А. Буркина. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2009. — Т. 2: А-Я. — 213 с.
6. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Прокуратура Республики Бурятия, Управление ФСБ РФ по РБ, Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, Бурятский государственный университет; сост. С. В. Васильева [и др.]; науч. ред. А. А. Буркина. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. — Т. 3: А-Я. — 251 с.
7. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Прокуратура Республики Бурятия, Управление ФСБ РФ по РБ, Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, Бурятский государственный университет; сост. С. В. Васильева [и др.]; науч. ред. К. Б.-М. Митупов, А. А. Буркина. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. — Т. 4: А-Я. — 234 с.
8. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Прокуратура Республики Бурятия, Управление ФСБ РФ по РБ, Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, Бурятский государственный университет; сост. С. В. Васильева [и др.]; науч. ред. К. Б.-М. Митупов, А. А. Буркина. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. — Т. 5: А-Я. — 246 с.
9. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Прокуратура Республики Бурятия, Управление ФСБ РФ по РБ, Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, Бурятский государственный университет; сост. С. В. Васильева [и др.]; науч. ред. К. Б.-М. Митупов, А. А. Буркина. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2012. — Т. 6: А-Я. — 238 с.
10. Книга Памяти жертв политических репрессий в Республике Бурятия / Правительство Республики Бурятия, Прокуратура Республики Бурятия, Управление ФСБ РФ по РБ, Бурятская ассоциация жертв политических репрессий, Бурятский государственный университет; сост. С. В. Васильева [и др.]; науч. ред. К. Б.-М. Митупов, А. А. Буркина. — Улан-Удэ: Республиканская типография, 2012. — Т. 7: А-Я. — 230 с.
11. Палхаева Е. Н., Митупов К. Б.-М. Общественно-политические условия советского национально-государственного строительства (1917–1923 годы) // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6. — С. 819.

References

1. Vasilyeva S. V. *Kharbinv istorii staroobryadchestva Zabaykalya* [Harbin in the history of the Old Believers of Transbaikalia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Istoriya - Bulletin of the Buryat State University. Series history*. 2009. Vyp. 7. Pp. 126 — 130.
2. Dorzhiyev D. L. *Sotsialno-politichesky protest i vooruzhennye vystupleniya krestyanstva v Buryatii na rubezhe 1920–1930-kh gg.* [Socio-political protest and armed actions of the peasantry in Buryatia at the turn of 1920–1930 years], candidate thesis, 1995. P. 23.

3. *Zhertvy politicheskogo terrora v SSSR* (The victims of political terror in the USSR) Available at: <http://lists.memo.ru/> (March 10, 2015)
4. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressy v Respublike Buryatiya* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican printing publ., 2007. Vol. 1. 290 p.
5. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressy v Respublike Buryatiya* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican printing publ., 2009. Vol. 2. 213 p.
6. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressy v Respublike Buryatiya* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican printing publ., 2010. Vol. 3. 251 p.
7. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressy v Respublike Buryatiya* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican printing publ., 2010. Vol. 4. 234 p.
8. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressy v Respublike Buryatiya* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican printing publ., 2011. Vol. 5. 246 p.
9. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressy v Respublike Buryatiya* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude, Republican printing publ., 2012. Vol. 6. 238 p.
10. *Kniga Pamyati zhertv politicheskikh repressy v Respublike Buryatiya* [The Book of Memory of Victims of Political Repression in the Republic of Buryatia]. Ulan-Ude: Republican printing publ., 2012. Vol. 7. 230 p.
11. Palkhayeva Ye. N. *Obshchestvenno-politicheskiye usloviya sovetskogo natsionalno-gosudarstvennogo stroitelstva (1917–1923 gody)* [Social and political conditions of the Soviet nation-building (1917–1923 years)]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya - Modern problems of science and education*. 2013. No.6. P. 819.

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94:338.45 (571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-48-51

УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БУРЯТИИ В 1960–1991 гг.

© **Тармаханов Ефрем Егорович**

доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: voistbsu@mail.ru

© **Будаев Дагба Алексеевич**

соискатель кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: budaev_da@mail.ru

В статье рассмотрены проблемы развития угольных предприятий Бурятии, главным образом Гусиноозерских шахт, основного поставщика топлива. Основное внимание уделено производственным процессам по добыче угля, их особенностям в условиях Бурятии. В статье обращено внимание на некоторые детали невыполнения плановых заданий угольными предприятиями, о которых ранее не писалось. Приведенные экономические показатели показывают уровень развития отрасли в целом, а также ее наиболее слабые места, к которым в первую очередь относятся колебания добычи угля. Одной из причин снижения прибыли от реализации товара стало низкое качество угля. В статье приведены попытки решить эти проблемы. Одним из действенных способов увеличения эффективности добычи угля стал переход от подземной к открытой добыче в связи со строительством Холбольджинского и Тугнуйского угольных разрезов. В статье уделено внимание задержке строительства указанных разрезов и путям ее преодоления.

Ключевые слова: угольная промышленность, Бурятия, Гусиноозерские шахты, экономическая эффективность, добыча угля.

COAL INDUSTRY OF BURYATIA IN 1960–1991

Efrem E. Tarmakhanov

DSc in History, Professor and Consultant of the department of general and national history, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Dagba A. Budaev

Competitor for scientific degree, department of history of Buryatia, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article deals with the problem of the development of coal enterprises in Buryatia, mainly of Gusinoozerskaya mines, the main supplier of fuel. The main attention is paid to the production processes of coal extraction, to their peculiarities under the conditions of Buryatia. The article drew attention to some details of default targets of coal enterprises, which had not been written before. The submitted economic indicators show the level of the development of the industry on the whole, as well as most of its weaknesses, which primarily include fluctuations in coal mining. The low quality of the coal became one of the reasons for the decline in profits from its selling. The article attempts to solve these problems. One of the most productive ways to increase the efficiency of coal mining was the transition from underground to open pit mining after construction of Kholboldzhinsky and Tugnuisky coal quarries. In this article the attention is paid to delay the construction of these quarries and ways to overcome it.

Keywords: coal industry, Buryatia, Gusinoozerskaya mines, economic efficiency, coal mining.

В Бурятии угольная промышленность имела давние традиции. Возникнув в начале XX в. в связи со строительством Транссибирской магистрали, угольная промышленность стала одной из ведущих в отраслевой структуре региона. Добытый уголь использовался как для внутреннего потребления республики, так и на вывоз. Наиболее крупным угольным предпри-

ятием были Гусиноозерские шахты, в исследуемый период топливная база пополнилась как крупными добытчиками угля — Холбольджинским и Тугнуйским угольными разрезами, так и небольшими ведомственными шахтами.

Гусиноозерское шахтоуправление за 6 месяцев 1961 г. план производства валовой продукции выполнило на 92,1 %, государству было недодано к плану продукции на 258 тыс. р. [2, Д. 37. Л. 27]. За 6 месяцев 1961 г. производство добычи угля уменьшилось по сравнению с соответствующим периодом 1960 г. на 78473 тонны. Основными причинами невыполнения этого плана производства являлись:

1. Консервация Загустайского разреза вследствие сложных горно-геологических условий и высоким содержанием золы в угле.
2. Аварийность с выработками и механизмами.
3. Ухудшение качества добываемого топлива.
4. Ограниченный сбыт продукции из-за отсутствия потребителей [2, Д. 37. Л. 27].

Из приведенных данных видно, что:

- 1) шахтоуправление за 1-е полугодие 1961 г. не выполнило плана производительности труда, что объяснялось невыполнением плана выпуска продукции, несмотря на то, что за 6 месяцев недокомплект промышленно-производственного персонала составил всего 13 человек, в том числе рабочих по добыче угля — 36 человек;
- 2) было допущено удорожание себестоимости добычи угля всего на 58,2 к., в том числе подземным способом на 56,6 к., открытым способом — 22 к. [2, Д. 37. Л. 28].

Шахтоуправление в 1-м полугодии сработало рентабельно, однако же в связи с удорожанием себестоимости добычи угля и ухудшением качества добываемого угля затраты на рубль товарной продукции превысили плановые на 10,2 к. [2, Д. 37. Л. 29]. Удорожание себестоимости было допущено по всем элементам затрат. Основными причинами допущенного перерасхода являлись:

1. Постоянные расходы при невыполнении плана добычи угля — 66,9 тыс. р.
2. Изменение структуры производства добычи угля (невыполнение плана добычи угля открытым способом с низкой себестоимостью) и снижение удельного веса ее в общем объеме — с 47,0 % по плану до 43,8 % фактически на сумму 80,6 тыс. р.
3. Перевыполнение плана прохождения подготовительных выработок при невыполнении плана добычи угля, что составило 1208 м по цене 75 р. 60 к. на сумму 91,8 тыс. р.
4. Непроизводительные расходы (сальдировано) — 15 тыс. р., в том числе штрафы, уплаченные за нарушение условий перевозок по железной дороге и невыполнение плана отгрузки угля, — 16,5 тыс. р. Пени и неустойки составили 1,3 тыс. р. по просроченным ссудам в Госбанке и несвоевременной оплате счетов [2, Д. 37. Л. 29].

В 1-м полугодии 1961 г. значительно ухудшилось качество добываемого угля, что превысило норматив зольности на 0,2 % и снизило прибыли от реализации товарной продукции на 17,8 тыс. р. [2, Д. 37. Л. 30]. Ухудшение качества добываемого угля произошло в результате резкого изменения структуры угольного пласта на восточном крыле участка открытых работ за счет большого числа включений породных прослоек [2, Д. 37. Л. 30].

Шахтоуправлением принимались меры по физическому обогащению углей путем ручной породотборки, что не могло обеспечить желаемых результатов, одновременно совместно с Управлением «Востуглесбыт» и Бурятским совнархозом был поставлен вопрос перед Управлением Росглауглеснабсбыта при ВСНХ о пересмотре в сторону повышения нормы зольности для углей Гусиноозерского месторождения. Гусиноозерскому шахтоуправлению было временно разрешено производить отгрузку угля с шахты № 7/8 с пределом зольности, увеличенной на 2 % [2, Д. 37. Л. 30].

В начале 1960-х гг. основным источником топлива в Бурятии были Гусиноозерские шахты № 2/5, 7/8 и участки открытых работ Холбольджинский и Загустайский, входящие в качестве подразделений в Гусиноозерское шахтоуправление. Шахты имели полный комплект поверхностных бытовых и технологических сооружений. Участок открытых работ

собственного техкомплекса и бытового комбината не имел и пользовался услугами шахт. В феврале 1961 г. Загустайский разрез был законсервирован из-за высокой зольности угля и невозможности выброса грунтовых вод [5, с. 20–21]. В декабре 1965 г. была введена первая очередь Холбольджинского карьера мощностью 300 тыс. т. угля в год, в 1966 г. — вторая очередь мощностью 300 тыс. т.

С 1949 г. при Джидинском вольфрамowo-молибденовом комбинате начала действовать Баянгольская угольная шахта. В 1969 г. в связи с полной отработкой запасов угля шахта была закрыта. Взамен комбинат начал разработку нового месторождения бурого угля — Сангинского, расположенного в 17 км от Баянгольской электростанции. Сангинский уголь по стоимости добычи был на 35 % дороже баянгольского угля и хуже по качеству (зольность составляла 30,7 %) [5, с. 21].

В январе 1973 г. шахтоуправление было реорганизовано в шахту Гусиноозерскую. План добычи угля коллективы шахты не выполняли ежегодно. Основной причиной этого были тяжелые гидрогеологические условия работ. Для компенсации объема не выданной подземной добычи угля были увеличены вскрышные работы и добыча открытым способом. План вскрыши в 1963 г. был выполнен на 198,1 %, план перевалки — на 363,4 % [6, с. 89]. В 1970-е гг. на Гусиноозерской шахте наблюдались большие колебания добычи угля. Так, в 1971 г. было извлечено 605 тыс. т., в 1973 г. — 597 тыс., 1975 г. — 405 тыс., 1976 г. — 524 тыс., 1980 г. — 551 тыс., 1981 г. — 462 тыс., 1982 г. — 390 тыс. т. [5, с. 21]. Разница в добыче объяснялась тем, что в 1975 и 1982 гг. отрабатывались пласты угля с большой зольностью и обводненностью. К 1975 г. на долю гусиноозерских углей приходилось 90 % всей добычи угля в республике, остальные 10 % — на сангинский уголь. В 1974 г. было начато строительство Холбольджинского угольного разреза мощностью 3 млн т угля в год. В 1976 г. были возведены мастерские для технического обслуживания и ремонта углевозов, построены объекты водоразборных и очистных сооружений, комбинат быта, 11 тыс. м² жилья и общежитие на 500 мест [4]. Освоение производственных мощностей Холбольджинского разреза шло медленно из-за технических ошибок в проекте.

В угольной промышленности в соответствии с заданием, установленным Программой по развитию топливно-энергетического комплекса, добыча угля в Бурятской АССР в 1990 г. должна была составить 4,4 млн тонн. Сложившееся положение с добычей угля в 1986–1988 гг. показало, что его добыча в 1990 г. должна была составить 4,9–5,0 млн тонн. Министерством угольной промышленности СССР с 1984 г. осуществлялось строительство Тугнуйского угольного разреза мощностью 9 млн т угля в год. В целях ускорения строительства Тугнуйского угольного разреза Минвостокстроем СССР в 1988 г. был создан трест «Тугнуйуглестрой». Основной причиной срыва выполнения заданий Программы по развитию топливно-энергетического комплекса являлось отсутствие строительной базы Минэнерго СССР в республике.

Таким образом можно констатировать, что с 1950-х гг. начинается качественно новый этап развития угольной промышленности республики в связи с геологоразведочными работами на территории Бурятской АССР. Ведущими предприятиями отрасли являлись Гусиноозерское шахтоуправление, Холбольджинский и Тугнуйский угольные разрезы и др. В годы перестройки угольная промышленность наряду с другими отраслями Бурятии стала нерентабельной [1, с. 194–195].

После распада союзного государства больше всего пострадали промышленные предприятия, продукция которых оказалась невостребованной и в большинстве случаев неконкурентноспособной. В советский период экономика Бурятии «характеризовалась как исходно-сырьевая и промежуточная база страны» [3, с. 63]. Горнодобывающая промышленность республики поставляла сырье для индустриальных центров страны, практически не производя ее обработку. Топливная промышленность республики обеспечивала внутренние потребности, но низкое качество угля и производственные проблемы снижали уровень развития отрасли.

С распадом СССР многие предприятия отрасли, оставшись без государственной поддержки, стали нерентабельными и были законсервированы. Поскольку продукция угольной промышленности обеспечивает производственную деятельность ряда отраслей, а также бы-

товые нужды населения, она сохранилась. Угольная промышленность Бурятии, несмотря на тяжелые условия, продолжала работать.

Литература

1. Балдано М. Н. Индустриальное развитие Бурятии (1923–1991 гг.): достижения, издержки, уроки. — Улан-Удэ, 2001.
2. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 899. Оп. 1. Д. 37.
3. Митупов К. Б.-М. Рабочий класс в социальных процессах Бурятии (1930–1970-е годы). — Улан-Удэ, 2002.
4. Правда Бурятии. — 1977. — 19 мая.
5. Санжиева Т. Е. Топливо-энергетический комплекс республик Сибири и его влияние на их социально-экономическое развитие. 1960–1985 гг. — Улан-Удэ, 1996.
6. Шагжиев К. Ш. Минерально-сырьевой комплекс в режиме особого природопользования. — М., 1990.

References

1. Baldano M.N. *Industrialnoye razvitiye Buryatii (1923–1991 gg.): dostizheniya, izderzhki, uroki* [The industrial development of Buryatia (1923–1991 years.): Achievements, costs, lessons]. Ulan-Ude, 2001. 431 p.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya* (The State Archives of the Republic of Buryatia). F. 899. Op. 1. D. 37.
3. Mitupov K.B.-M. *Rabochy klass v sotsialnykh protsessakh Buryatii (1930–1970-e gody)* [The working class in the social processes of Buryatia (1930–1970-ies)]. Ulan-Ude, 2002. 242 p.
4. *Pravda Buryatii - True Buryatia*. 1977. 19 maya.
5. Sanzhiyeva T.E. *Toplivno-energetichesky kompleks respublik Sibiri i ego vliyaniye na ikh sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye. 1960–1985 gg.* [Energy republics of Siberia and its effect on their socio-economic development. 1960–1985 years.]. Ulan-Ude, 1996. 162 p.
6. Shagzhiyev K.Sh. *Mineralno-syryevoy kompleks v rezhime osobogo prirodopolzovaniya* [Mineral resources complex in a special mode of nature]. Moscow, 1990. 157 p.

УДК 94(=512.31)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-52-59

ШЭНЭХЭНСКИЕ БУРЯТЫ: ПО ТУ И ЭТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

© Балдано Марина Намжиловна

доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: histmar@mail.ru

В статье рассмотрен феномен границы, непосредственно влияющий на жизнь шэнэхэнских бурят — группы, которую создала ситуация границы, определила ее основные параметры, задала направление ее судьбе. Граница объединила ее от материнского этноса. В результате сформировалась структурированная община — «шэнэхэнские буряты»: с четкой внутренней организацией, системой власти, контроля, санкций, с минимальной открытостью принимающему обществу. Откочевка как уход на новую территорию в другое государство родовыми группами, со скотом как основой экономической деятельности вела к автоматическому воспроизводству социальности, к трансплантации на новое место традиционной социальной структуры, системы властных и иных отношений, образа жизни, имущества и хозяйственного уклада. В общем контексте модернизационных процессов это вело к формированию новых типов социальности и новых механизмов межгрупповых взаимоотношений. Иными словами, шэнэхэнские буряты формировали новый тип трансграничных миграций. Граница в статье рассмотрена как самый сложный комплекс взаимоотношений между людьми, группами людей, государствами, как комплекс институтов, контактов, конфликтов, интересов. По высказываниям респондентов в Шэнэхэне, граница всегда была разной, в различные годы она изменялась, представляя собой то стену, за которой им удалось скрыться, то непреодолимую преграду, то нечто опасное, откуда могут прийти большевики и подвергнуть их репрессиям, а сегодня, переходя границу, они, будучи добропорядочными гражданами, порой чувствуют себя нарушителями.

Ключевые слова: российско-китайская граница, шэнэхэнские буряты, миграции, этничность, самосознание, приграничная территория, диаспоральная группа.

SHENEKHEN BURYATS: ON THAT AND THIS SIDE OF THE BORDER

Marina N. Baldano

DSc in History, Professor, Head of the department of history, ethnology and sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Russia

6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

In the article the border phenomenon is considered, it has a direct impact on life of Shenekhen Buryats — the group which was created by means of a border situation that determined its key parameters, set the direction to its destiny. The border separated this group from maternal ethnos. As a result the structured community was formed — “Shenekhen Buryats”: with the clear internal organization, system of power, control, sanctions, with the minimum openness to the accepting society. Moving to the new territory of the other state in patrimonial groups, with cattle as a basis of economic activity led to automatic reproduction of sociality, transplantation to a new place the traditional social structure, system of power and other relations, mode of life, property and economic structure. In the general context of modernization processes it led to formation of new types of sociality and new mechanisms of intergroup relationship. In other words, the Shenekhen Buryats formed a new type of cross-border migrations. In the article the border is considered as the most complicated complex of relationship between people, groups of people, states, as a complex of institutions, contacts, conflicts, interests. According to the opinions of the respondents in Shenekhen, the border always was different, in different years it changed, representing itself a wall behind which they could escape, an insuperable barrier, something dangerous, where the Bolsheviks could come from and repress them, and today while crossing the border, they, being respectable citizens, sometimes feel themselves like violators.

Keywords: Russian-Chinese border, Shenekhen Buryats, migrations, ethnicity, self-consciousness, border territory, diasporal group.

Российско-китайская граница — это не только геополитический рубеж. Казалось бы, она разделяет разные цивилизационные, демографические и политические системы. Но если за-

глянуть в историю, то окажется, что нынешняя граница между Россией и Китаем образовалась в результате влияния социальных, экономических и политических процессов, большинство из которых направлялось централизованно, сверху, а история ее формирования началась в конце 80-х гг. XVII в. Тогда между двумя империями образовалась самая длинная в мире граница общей протяженностью более десяти тысяч километров. Формирование границы было естественным процессом размежевания по рубежам, определенным в результате освоения и распределения между двумя большими государствами территориальных пространств, где изначально жили менее многочисленные народы, которые по разным причинам либо сочли целесообразным, либо были вынуждены войти в состав этих держав.

До этого на протяжении веков на гигантских просторах центра Азии формировался и развивался феномен — монгольская историко-культурная общность. Ареал этой общности был в дальнейшем рассечен государственными границами между Российской и Цинской империями. Этот фактор все еще продолжает играть роль в формировании этнического самосознания монгольских народов.

Кочевое скотоводство на протяжении веков было не только укладом экономики, но и образом жизни. И в представлении кочевников границы были подвижными и динамично изменявшимися под воздействием хозяйственной целесообразности. Вплоть до 20-х гг. XX в. буряты кочевали со своим скотом, нередко уходя на монгольские и китайские территории во время смены летних и зимних стойбищ.

В 1910-х гг. начался процесс национального самоопределения монголов, повлекший за собой изменение статуса некоторых территорий, входивших в состав Цинской империи, а, следовательно, и изменения линии границы между Россией и Китаем. Советско-китайская граница формировалась на лимитрофных (по В. Цымбурскому) территориях, населенных народами, меньшими по численности и отстававшими от России и Китая в культурном отношении [14]. Эта граница, отражая усиление России и ослабление Китая, за 250 лет существенно сдвинулась к югу и востоку, сокращая зону, подконтрольную Китаю.

С конца 1920-х гг. граница фактически стабилизировалась. Она не изменилась ни в связи с японской агрессией в Китай, ни в результате Второй мировой войны. По словам Ю. М. Галеновича, «в 1920-х гг. наша страна была единственной, помогавшей Китаю страной в деле его объединения в единое государство. Во время Второй мировой войны наши страны были на одной стороне. В 1950-х гг. отношения СССР и КНР официально являлись отношениями союзников...» [7, с. 32].

Основные откочевки бурят в Китай произошли в 1918–1922 и 1929–1931 гг. «Как единство внутренней оси, центра очерчиваемого мира и его периферии, граница проведена... в той области личного опыта, которая в наибольшей степени подвержена воздействию политических перемен», — отмечает Г. Гусейнов, и с этим нельзя не согласиться [8, с. 11]. Действительно, причины беженства бурят в соседний Китай были тесно связаны с проводившейся советской властью политикой по отношению к зажиточным слоям бурятского общества и связанными с ней репрессиями. Еще до революции ликвидация степных дум и реорганизация права владения землей, а также колонизация Восточной Сибири крестьянами из западной части империи ухудшили экономические условия бурят и эвенков. Восточные буряты были вынуждены арендовать земли у казаков. Ситуацию обострили дополнительные налоговые сборы и мобилизация на тыловые работы в район Архангельска во время Первой мировой войны. Революция, интервенция и гражданская война усилили миграционные тенденции на приграничных территориях.

Эту группу, по существу, создала ситуация границы, определила ее основные параметры, задала направление ее судьбе. Граница отъединила ее от материнского этноса. В результате сформировалась структурированная община — «шэнэхэнские буряты»: с четкой внутренней организацией, системой власти, контроля, санкций, с минимальной открытостью принимающему обществу. Самодостаточная, с точки зрения экономической специализации. Культурно отъединенная от принимающего общества бурятским языком, системой родовых связей,

обычаями, праздниками и традициями. Достаточно крупная для того, чтобы поддерживать структуру социальности — от внутренних браков до языка, образования и власти. Она опиралась на память об «исторической родине» и осознание себя ее «осколком», оторвавшейся частью бурятского народа [3, с. 538; с. 72].

Процесс их консолидации нашел отражение в возрастании этнического самосознания, в тенденции к слиянию в сплоченную этническую группу, в стремлении к относительной обособленности, ведущей к преобладанию числа эндогамных браков в пределах этнической общности, к сохранению языка, традиционной и материальной культуры. Наличие локального этнонима «шэнэхэнские буряты», во-первых, свидетельствует об осознанности членами группы их особого единства, отличия от материнского этноса в историческом, социальном, культурном развитии, во-вторых, подтверждает мысль о существовании автономного этнолокального самосознания, т. е. является наглядным внешним выражением последнего как на личностном уровне, так и на уровне этнической общности в целом. Процессу консолидации переселенцев-бурят в территориальную этническую группу «шэнэхэнские буряты» способствовало также и то, что в условиях проживания в отрыве от основной массы этноса, в иноэтнической среде актуализировалась дихотомия «мы-они», выдвинувшая на первый план этноинтегрирующие признаки. Если для материнского этноса характерным оставалось деление на региональные и локальные группы, то для этнической группы бурят Внутренней Монголии субэтническая принадлежность отходила на второй план, поскольку она противостояла, прежде всего, небурятам.

Этническая жизнь, как и другие уровни социального бытия, более всего закрепляется в традиции. Именно в ней сосредоточиваются многие стороны культурно-бытовой жизни этноса, и в случае с бурятами Внутренней Монголии КНР те социальные изменения, которые неизбежно происходили с ними в процессе этнокультурного взаимодействия, менее всего коснулись народных традиций, семейной обрядности, трудовых навыков, одежды и, конечно, религии, несмотря на то, что при всей стабильности и консервативности этнических свойств взаимодействие культур, как правило, приводит к их изменению.

Откочевка как уход на новую территорию в другое государство родовыми группами, со скотом как основой экономической деятельности вела к автоматическому воспроизводству социальности, к трансплантации на новое место традиционной социальной структуры, системы властных и иных отношений, образа жизни, имущества и хозяйственного уклада. Поэтому не происходило деклассирования и маргинализации — и в этом ее принципиальное отличие от классического беженства. Не происходило и растворения среди родственного по культуре принимающего общества. В общем контексте модернизационных процессов это вело к формированию новых типов социальности и новых механизмов межгрупповых взаимоотношений. Иными словами, шэнэхэнские буряты формировали новый тип трансграничных миграций [2, с. 171].

С начала 1930-х гг. Маньчжурия стала объектом японской агрессии. Период оккупации продолжался с 1932 по 1945 г. За это время были внесены существенные изменения в политическое, административное устройство региона. При японцах Бурятский хошун как самостоятельная единица с правами определения и регулирования основных вопросов внутренней жизни был ликвидирован и стал частью Солон хошуна. Один из уважаемых людей Шэнэхэна Дамбын Дамби рассказывал: «японцы наводили свои порядки очень скрупулезно. Дети должны были учить японский язык, а молодые люди — служить в японской армии, хотя при маньчжурах мы говорили исключительно по-бурятски. Содержание в боевой готовности миллионной Квантунской армии в Маньчжурии вызывало постоянное напряжение на советско-маньчжурской границе» [9].

Лишь после освобождения от японской оккупации был учрежден Хулунбуирский автономный округ, который после вхождения в январе 1948 г. в состав Автономного района Внутренняя Монголия был преобразован в Хулунбуирский аймак, тогда же был основан Шэнэхэнский сомон. Современная административно-территориальная структура управления берет свое начало с 1958 г., когда в итоге реорганизации шэнэхэнского сомона были созданы

Шэнэхэн Баруун, Шэнэхэн Зуун, Мунгэн Шулуун сомоны, вошедшие в состав Эвенкийского хошуна Хулунбуирского аймака.

С началом Второй мировой войны шэнэхэнские буряты, опасаясь вторжения советских войск, пытались уйти подальше от границы. Вплоть до 1947 г. наблюдалась миграция бурят в пределах Внутренней Монголии, сыгравшая наряду с эмиграцией существенную роль в динамике локализации бурятского этнического массива в Шэнэхэне. Сама жизнь бурят в Китае была определена границей: даже попытки уйти подальше от нее оканчивались тем, что их возвращали назад.

Безусловно, граница — это и самый сложный комплекс взаимоотношений между людьми, группами людей, государствами. Это и то, что думают и как представляют границу люди. Это комплекс институтов, контактов, конфликтов, интересов [4, с. 185]. Респонденты в Шэнэхэне отмечали, что граница всегда была разной, в различные годы она изменялась, представляя собой то стену, за которой им удалось скрыться, то непреодолимую преграду, то нечто опасное, откуда могут прийти большевики и подвергнуть их репрессиям, а сегодня, переходя границу, они, будучи добропорядочными гражданами, порой чувствуют себя нарушителями.

Буряты испытали на себе тяжесть массового террора 1929 г. во время событий на КВЖД, репрессий 1930-х и 1940-х гг. Известный шэнэхэнский летописец Согтын Жамсо рассказывал: «в СССР, на родине, мы считались предателями и японскими шпионами, а во времена культурной революции в Китае — уже советскими шпионами» [10].

Граница становилась водоразделом между суверенными государствами, гранью между разными обществами, все более укоренялось представление о четких и неподвижных границах — сталинских «границах на замке». В 1960-х гг. советско-китайская граница рассматривалась китайской стороной как «несправедливая». В 1962–1963 гг. китайские власти стали осуществлять продуманную систему постоянных грубых нарушений советской границы. В 1963 г. было более четырех тысяч нарушений. В них участвовало свыше ста тысяч гражданских лиц и военнослужащих КНР [6, с. 229]. Все это не могло не напрягать шэнэхэнских бурят, живших в непосредственной близости к границе, непонятными для них были и перспективы такого противостояния между двумя странами.

В период «культурной революции» провокации на границе участились: «нередко прямо против советских погранзастав выходили толпы провокаторов, переодетых военнослужащих, снабженных кольями, топорами, ломками и камнями. Нарушая границу, они отвечали отказом на требование советских пограничников покинуть территорию СССР» [12, с. 189]. Лишь с 1980-х гг. наметилась новая линия в переговорах о границе, а в 1995 г. была создана «Шанхайская пятерка», объединившая Россию, Китай, Казахстан, Киргизию и Таджикистан. В 2001 г. лидерами этих стран и Узбекистана была организована Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

В последние годы произошел переход от границы-стены, границы-барьера к месту интенсивного стыка, контакта, взаимодействия. И такая граница является реальным фактором повседневности шэнэхэнских бурят, так или иначе определяя их жизненные стратегии.

В начале 1990-х гг. начался процесс репатриации шэнэхэнских бурят. В Россию приехало (вернулось) около 300 человек. По оценкам респондентов, сегодня их численность возросла до 460, из них в Бурятии — более 300, в Агинском округе — чуть более 100 человек. Мотивы возвращения в Россию были разными: ностальгическими («родина предков»), экономическими (поиск новых возможностей), образовательными (в рамках существующих льготных программ). По словам респондентов, в Шэнэхэне молодых людей отправляли и для расширения круга брачных партнеров (небольшому замкнутому сообществу требовалась «свежая кровь»).

Именно в этот период в Бурятии, равно как и в Монголии, проявилась тенденция к регенерации «культурного панмонголизма». Это сложный феномен, имеющий уже длительную историю. В своем классическом виде он оформился еще на рубеже XIX–XX вв. Его идеи вновь возродились в контексте дискуссий, шедших в среде интеллигенции. Идея объединения играла разную функциональную роль: как в качестве непосредственной цели, так и инструмента

национальной консолидации. Именно эта органическая «встроенность» ирредентистской идеи в контекст объективно важнейшей задачи национального строительства, в модернизационные процессы предопределила ее возрождение в первые постсоветские годы.

Часть дискуссий была посвящена проблемам трансграничной интеграции монгольской историко-культурной общности практически при полном понимании того, что объединение невозможно. Иногда эта интеграция воспринималась и как государственное объединение, важной частью которого стала идея «собираания соотечественников». Идеологический и политический концепт «собираания нации» широко распространился на постсоветском пространстве. В качестве носителя «идеальной», аутентичной национальной идентичности излюбленным объектом выстраивания идеологических и политических конструктов выступали диаспоральные группы. В данном случае — шэнэхэнские буряты.

Предлагалось создать Фонд возвращения бурят-беженцев, определить размеры компенсации, содействовать размещению, создать специальную миграционную службу для содействия возвращению [11, с. 126]. Мотивация такого внимания четко и подробно была обоснована в статьях и политических заявлениях одного из основателей и руководителей Бурят-Монгольской народной партии и Движения национального единства «Нэгэдэл» В. А. Хамутаева. Он писал: «Осколки всех наций едут домой. Евреи через 2 тысячи лет возвращаются на историческую родину, немцы России через 200 лет возвращаются в Германию. Казахи Китая и Монголии едут на родину, на которой они никогда не жили. Правительство Назарбаева приняло программу возвращения казахов в генофонд нации, по которой предусмотрены меры по стимулированию возвращения на историческую родину, наделение земель реэмигрантов, обустройство их компактными деревнями со своим укладом жизни... Слабые нации, не сумевшие сгруппироваться внутри себя на собственных этнонациональных ценностях и интересах, растворяются в других...» [13, с. 177].

Возвращение рассматривалось не как гуманитарная, а как политическая проблема. Это была часть задачи «собираания нации», путь к ее консолидации, сохранению и развитию ее «генофонда». Репатриация выступала здесь как инструмент нациестроительства. Поэтому так важно было, что шэнэхэнские буряты «ведут традиционное хозяйство, учатся, поют, танцуют, играют свадьбы. Они сохранили все родное, бурятское: сознание, язык, игры, традиции, одежду, обряды, старомонгольскую письменность, «табан хушун» — традиционное животноводство и т. д. <...> Необходимо выделение земли для индивидуального строительства и компактного — в одной местности — расселения шэнэхэнских репатриантов с целью сохранения сложившегося мироустройства, порядка, традиций, быта, форм хозяйствования, ведения «табан хушун», огородничества. Сохранение устоявшегося традиционного уклада жизни уникальной этнокультурной группы отвечает интересам всего этноса» [13, с. 20]. Отсюда такое негодование по поводу адаптации репатриантов и их детей: «В Республику прибывают буряты из Китая, их дети, знающие только родной язык, вынуждены постигать чужую культуру, язык, мораль, манеру громко выражать эмоции, потому что их раскидывают по разным школам. С каждым днем они теряют все свое родное, этническое, тысячелетиями выработанные национальные качества, манеры, поведение, все больше превращаясь в шумных, визгливых советских манкуртов» [13, с. 99].

Все это совершенно не означало, что тема шэнэхэнских бурят была монополизирована дискурсом нациестроительства. Возможно, этот сюжет и стал играть такую роль в политико-идеологической практике, что опирался на вполне искренний и бескорыстный общественный интерес. Массе людей было просто интересно, как жили и живут «наши» в чужой стране. На этот интерес охотно откликались СМИ, уловившие природу такого интереса. Достаточно посмотреть на заголовки статей в газетах «Информ Полис», «Номер один» и других: «Русские буряты в Китае. Шэнэхэн — заповедный уголок бурятского духа и культуры», «Китайские буряты возвращаются на родину», «Урга — территория вернувшихся на родину».

Возможно, это чем-то напоминало огромный, можно даже сказать экзальтированный, интерес к российской послереволюционной эмиграции вообще. Так или иначе и власти не

смогли остаться в стороне от этой проблемы. Тем более что проявленный интерес к ней позволял демонстрировать готовность к диалогу с общественностью и внимание к ее этническим запросам, не раздражая при этом федеральный центр и собственных противников бурятского национализма. Кроме того, это был хороший повод для налаживания рабочих контактов с властями приграничных китайских провинций, для ведения повышающей статус активной внешнеполитической деятельности. Требовалось только увести проблему из опасной этнополитической сферы в область гуманитарную и культурную. Это и было сделано в «Концепции государственной национальной политики Республики Бурятия» (1997):

«Деятельность за пределами Бурятии:

- помощь и поддержка выходцам из Бурятии, проживающим в других регионах России, государствах СНГ и дальнем зарубежье;
- заключение межправительственных договоров с Монголией и Автономным районом Внутренняя Монголия КНР о культурном и экономическом сотрудничестве;
- поддержка общественных национально-культурных объединений бурятской диаспоры и выходцев из Республики Бурятия в различных регионах России, дальнем и ближнем зарубежье, их деятельности по удовлетворению национально-культурных запросов, сохранению и развитию родного языка, национальных традиций, укреплению связей с Бурятией» [5, с. 90–102].

Первым репатриантам была оказана помощь в оформлении вида на жительство, трудоустройстве и получении временного жилья со стороны Всебурятской ассоциации развития культуры, руководства Бурятского государственного университета, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии и сельскохозяйственного лицея, были выделены квоты для обучения их детей. Но республиканские власти не смогли сделать главного — оказать реальную помощь в получении российского гражданства. Не стала Бурятия участвовать и в программе по возвращению соотечественников. Александр Елаев, в то время первый заместитель председателя Комитета по межнациональным отношениям Администрации Президента Бурятии, подчеркнул: «Переселяющиеся к нам соотечественники — это конкуренты наших людей. То есть здесь — тоже конфликт интересов. И мы должны учитывать, прежде всего, интересы граждан России. Кроме федеральных средств понадобятся республиканские средства на обустройство этих переселенцев. Это предоставление жилья, предоставление работы. А с этим могут быть проблемы, и люди окажутся в подвешенном состоянии».

Интенсивные вначале усилия в этом направлении сменились осуществлением рутинных бюрократических процедур. Заключенные в последние годы договоры и соглашения между правительствами Внутренней Монголии и Бурятии не затрагивают проблемы возвращения шэнэхэнских бурят. В целом репатрианты оказались практически предоставленными самим себе. Они столкнулись с типичным для мигрантов набором адаптационных проблем. Остро стояли и стоят проблемы натурализации. Неожиданно сложной оказалась проблема аккультурации. Оказалось, что бурятская культура в Бурятии и бурятская культура в Шэнэхэне радикально отличаются. Почти век раздельного существования и развития не прошел даром. Фактически произошел контакт двух бурятских культур. Общая этничность не стала гарантом автоматической и безболезненной интеграции. За фасадом общей этничности и общей самоидентификации скрываются отличающиеся друг от друга социокультурные миры.

Окончилась «эпоха национально-культурного возрождения» 1990-х гг., у политиков и чиновников появилось много новых проблем и забот, казалось бы, угас общественный интерес. Но 7 мая 2010 г. министр экономики Республики Бурятия Татьяна Думнова сообщила газете «Деловой мир Байкала», что на федеральном уровне отработан вопрос по переселению в Бурятию 500 бывших соотечественников из Внутренней Монголии Китая. Инициативу Минэкономики поддержал депутат Народного Хурала Цыденжап Батуев. По его словам, «прежде чем предлагать людям переезжать, необходимо создать оптимальные условия, а также провести разъяснительную работу с жителями Тунки и Джиды. В Бурятии уже был опыт, когда переехавшие в Мухоршибирский район переселенцы из-за рубежа столкнулись

с проблемами нехватки покосов и пастбищ. Мы не можем людей дважды обмануть и дважды наказывать». А заместитель Председателя Правительства Республики Бурятия Александр Чепик 2 сентября 2010 г. посетовал в интервью газете «Информ Полис» по поводу шэнэхэнских бурят: «Безработица высокая, но нам не дают их привлекать. Они же скотоводы, никак не повлияют на безработицу, напротив, создадут дополнительные рабочие места на тех огромных площадях, которые в Сибири, в Бурятии у нас не освоены».

Жизнь шэнэхэнских бурят и возможность их возвращения перестали быть политически актуальной темой. Теперь репатриация — дело их индивидуального выбора и частных усилий представителей принимающего общества. Граница стала набором экономических, житейских практик. Основные занятия шэнэхэнских бурят в России — традиционное скотоводство, традиционная кухня, посредничество — использование ресурса жизни в двух мирах (китайский язык, связи в Китае, жизнь и связи в Бурятии, бурятский язык). И использование ресурса границы. Возвращение на историческую родину не привело к быстрому и безболезненному слиянию с материнским этносом. Шэнэхэн, в свою очередь, стал этническим «очагом» в Китае, второй родиной. Возможно, модернизация приведет к изменению роли границы в судьбе шэнэхэнских бурят.

Литература

1. URL: <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=29362>
2. Балдано М., Дятлов В. Шэнэхэнские буряты: из диаспоры в диаспору // Диаспоры. — 2008. — №1. — С. 164–192.
3. Балдано М. Н. Соотечественники за рубежом: ресурс, инструмент, вызов // Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В. И. Дятлов. — Иркутск: Оттиск, 2011. — 624 с. — С. 535–574; Санжиева Т. Е. Хозяйственная и социальная адаптация бурят в Северном Китае // Диаспоры в современном мире: материалы междунар. круглого стола (Улан-Удэ, 15 окт. 2007 г., Хулунбуир, 13 дек. 2007 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. — С. 70–74.
4. Baldano M. Chapter. People of the Border // Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border / Ed. by F. Bille, G. Delaplace, Humphrey. — Cambridge: Open Book Publishers CIC Ltd, 2012. — 280 p.
5. Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001). — М.; Иркутск: Наталис, 2002.
6. Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения. — М., 1972.
7. Галенович Ю. М. Россия и Китай в XX веке: граница. — М., 2001.
8. Гусейнов Г. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. — М.: ОГИ, 2005.
9. Интервью с Дамбын Дамби, 74 лет, Шэнэхэн, 23 авг. 2010 г.
10. Интервью с Согтын Жамсо, 84 лет, г. Хайлар, 16 июля 2011 г.
11. Нимаев Р. Д. Делегат от Конгресса бурятского народа. Выступление // Материалы II съезда народов Бурятии. — Улан-Удэ, 2001.
12. Прозрачные границы. Безопасность и трансграничное сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России. — М., 2002.
13. Хамутаев В. А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. — Улан-Удэ, 2000. — Ч. 1–2.
14. Цымбурский В. Л. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. — М., 2000.

References

1. <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=29362>
2. Baldano M. Dyatlov V. *Shenekhenskiye buryaty: iz diaspory v diasporu?* [Shenehenskie Buryats: Diaspora in the Diaspora?]. *Diaspory — Diaspora*, 2008. No.1. Pp. 164–192.
3. Baldano M.N. Gl. *Sootechestvenniki za rubezhom: resurs, instrument, vyzov?* [Compatriots Abroad: resource tool that challenge?]. *Vostok Rossii: migratsii i diaspory v pereselencheskom obshchestve. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [East of Russia: Migration and Diaspora in the resettlement community. The XIX–XX and XX–XXI centuries]. Irkutsk: Ottisk publ., 2011. Pp. 535–574; Sanzhiyeva T.E. *Khozyaystvennaya i sotsialnaya adaptatsiya buryat v Severnom Kitaye* [Economic and social adaptation drilled in North China]. *Diaspory v sovremennom mire. Materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola. Ulan-Ude, 15 okt. 2007 g., Khulunbuir, 13 dek. 2007.* [Diaspora in the world today. Materials of the international round table. Ulan-Ude, October 15. 2007 Hulunbuir, December 13. 2007]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2007. Pp. 70–74.

4. Baldano M. Chapter. People of the Border. Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border. Cambridge, Open Book Publishers CIC Ltd. 2012. 280 p.
5. *Baykalsky region: pravovoye pole etnopoliticheskoy situatsii (1992–2001)* [The Baikal region: the legal field of ethno-political situation (1992–2001)]. Irkutsk, Natalis publ., 2002.
6. Borisov O.B., Koloskov B.T. *Sovetsko-kitayskiye otnosheniya* [Soviet-Chinese relations]. Moscow, 1972.
7. Galenovich Yu.M. *Rossiya i Kitay v XX veke: granitsa* [Russia and China in the XX century: the border]. Moscow, 2001.
8. Guseynov G. *Karta nashey Rodiny: ideologema mezhd slovom i telom* [Map of our homeland: ideologem between word and body]. Moscow: OGI publ., 2005.
9. Intervyu s Dambyn Dambi, 74 let, Shenekhen. 23 avg. 2010 g.
10. Intervyu s Sogtyn Zhamso, 84 let, g. Khaylar. 16 iyulya. 2011 g.
11. Nimayev R.D. *Delegat of Kongressa buryatskogo naroda. Vystupleniye* [The delegate of the Congress of the Buryat people. Speech]. *Materialy II syezda narodov Buryatii* [Materials of the II Congress of the Peoples of Buryatia]. Ulan-Ude, 2001.
12. *Prozrachnye granitsy. Bezopasnost i transgranichnoye sotrudnichestvo v zone novykh pogranychnykh territoriy Rossii* [Porous borders. Safety and cross-border cooperation in the area of new frontier areas of Russia]. Moscow: Nauchno-obrazovatelny forum po mezhdunarodnym otnosheniyam publ., 2002.
13. Khamutayev V.A. *Buryat-mongolsky vopros: istoriya, pravo, politika* [Buryat-Mongolian question: history, law, politics]. Ulan-Ude. 2000. Ch. 1–2.
14. Tsymbursky V.L. *Rossiya — Zemlya za Velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i eye geopolitika* [Russia - Land of Great Limitrophe: civilization and its geopolitics]. Moscow, 2000.

УДК 930.85 (571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-60-65

ПРИРОДА И ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА В РЕГИОНЕ И ЕГО ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ)

© **Цыбиктаров Александр Дондопович**

доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории
Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: kafedra_vist@bsu.ru

В статье рассматривается проблема формирования кочевого (кочевое) скотоводства в Монголии и Забайкалье. Осуществлен пересмотр традиционной точки зрения о его появлении в скифскую эпоху, VIII–III вв. до н.э. Автор обосновывает точку зрения о появлении кочевого скотоводства в регионе в середине II тыс. до н.э. В результате аридизации климата во второй четверти II в. до н.э. экономика оседлых скотоводов и земледельцев селенгинско-даурской культуры раннего бронзового века трансформировалась в культуру плиточных могил. Выдвигаемое положение объясняет специфику культурно-исторического развития региона Монголии и Забайкалья в скифское время — отсутствие в плиточных могилах инвентаря скифо-сибирских форм. Кочевое скотоводство в регионе появилось намного раньше начала скифской эпохи VIII–III вв. до н.э. — в середине II тыс. до н.э. Поэтому кочевая материальная культура и погребальный обряд местного населения культуры плиточных могил продолжали сохранять свои формы с небольшими изменениями в VIII–III вв. до н.э.

Ключевые слова: Центральная Азия, кочевое скотоводство, селенгинско-даурская культура, культура плиточных могил, палеогеография, аридизация, адаптация, трансформация.

NATURE AND ANCIENT SOCIETY IN THE BRONZE CENTURY OF CENTRAL ASIA (TO THE PROBLEM OF FORMATION OF NOMADIC PASTORALISM IN THE REGION AND ITS INFLUENCE ON CULTURAL AND HISTORICAL PROCESSES)

Aleksander D. Tsybiktarov

DSc in History, Professor of the department of general and national history, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the problem of the formation of migratory (nomadic) pastoralism in Mongolia and Transbaikalia. A revision of its uprising has been carried out as the traditional view concerns this process took place in the Scythian epoch, the VIII–III centuries BC. The author has grounded a new dating of formation of nomadic economy and nomadic mode of life in the area in the middle of the II millennium BC. The economy of sedentary pastoralists and farmers of the Selenginsko-Daurskaya culture in the Early Bronze Age transformed in the Slab Grave Culture as a result of climate aridity in the second quarter of the II century BC. This proposal explains the specificity of the cultural and historical development of Mongolia and Transbaikalia in the Scythian time — the lack of objects of the Scythian-Siberian forms in the slab graves. Nomadic herding in the region arose much earlier the beginning of the Scythian epoch in the VIII–III centuries BC, it happened in the middle of the II millennium BC. Therefore, the nomadic material culture and the local population obsequies of Slab Grave Culture continued retaining its forms with minor changes in the VIII–III centuries BC.

Keywords: Central Asia, nomadic pastoralism, Selenginsko-Daurskaya culture, Slab Grave Culture, paleo geography, aridity, adaptation, transformation.

Центральная Азия считается одним из регионов классического кочевого скотоводства и кочевого образа жизни в мире. С этими понятиями ассоциировались монголо-, тюркоязычные народы этой области и их далекие предки — население культуры азиатских хуннов и сяньби рубежа эр, люди культуры плиточных могил и культуры херексуров бронзового и раннего железного веков. Носители этих археологических культур северными пределами своего обитания охватывали и степи Южного Забайкалья. Ученые при решении вопроса о времени

формирования номадного (кочевого) скотоводства, как в Центральной Азии в целом, так и в Забайкалье в частности, исходили из общепринятых закономерностей появления этого уклада хозяйства и связанного с ним подвижного образа жизни в Великом поясе степей Евразии в скифскую эпоху, VIII–III вв. до н. э. [8; 9; 7; 2; 3; 15].

Но вместе с тем советские исследователи В. В. Волков и Ю. С. Гришин, монгольский археолог Д. Наваан в качестве предположения не исключали возможности того, что скотоводство приняло кочевой характер в Монголии и Южном Забайкалье с начала I тыс. до н. э. [2, с. 92; 6, с. 104–105; 3, с. 194]. Однако они не настаивали на этом. Такой подход к определению времени появления кочевничества в Монголии и Южном Забайкалье во многом был связан с тем обстоятельством, что решение проблемы датировки начала номадизма в регионе напрямую было связано с решением проблемы датировки начала существования культуры плиточных могил в указанных областях Центральной Азии, т. к. ни у кого не вызывал сомнения факт того, что скотоводческое хозяйство населения этого культурного образования было кочевым или полукочевым. До конца 1980-х гг. господствовало мнение о том, что данная культура относится к скифскому времени — VII (VIII)–III вв. до н. э., а из этого следовало, что и появление кочевого скотоводства должно датироваться временем формирования этой культуры — началом скифской эпохи или, как самое раннее, завершением бронзового века.

Автор данной статьи в конце 1980-х гг. пересмотрел датировку культуры плиточных могил и обосновал археологическими и естественнонаучными методами время появления наиболее ранних ее памятников позднебронзовым временем и выделил ранний чулутский этап в развитии культуры, синхронный карасукской эпохе в Южной Сибири, — XIII–VIII вв. до н. э. [10, с. 11–13; 11, с. 88–106]. Соответственно было удревнено и время формирования номадного хозяйства и образа жизни в регионе Монголии и Южного Забайкалья до последней четверти II тыс. до н. э.

Позже, в конце 1990 — начале 2000-х гг., мной для изучения хода и характера экономических и этнокультурных процессов в пределах севера Центральной Азии были привлечены в гораздо большем объеме по сравнению с предшественниками материалы по палеогеографии региона. Такое изменение к подходу изучения эпохи бронзы и раннего железа на территории Монголии и Южного Забайкалья объяснялось тем, что до середины 1970-х — начала 1980-х гг. палеогеографические исследования в этих областях проводились в незначительном объеме [2, с. 88–90; 3, с. 188–189], а с указанного времени 1970–1980-х гг. они стали проводиться гораздо активнее [13, с. 54–63]. Вместе с тем объемы палеогеографических работ в Забайкалье уступали таковым в Монголии. Поэтому для получения более объективной характеристики палеогеографических процессов в Забайкалье были привлечены соответствующие сведения из Прибайкалья, где такие работы велись достаточно интенсивно в последние десятилетия XX в. и в начале 2000-х гг. [13, с. 63–65].

Обобщение всего объема информации палеогеографического характера по данным П. Б. Виппера, Н. И. Дорофеюк, Е. П. Метельцевой, В. Т. Соколовской, К. С. Шулия, Л. В. Голубевой, Л. Г. Динесман, Н. К. Киселевой, А. В. Князева с территории Монголии, И. И. Кириллова, Д.-Д. Б. Базарова, М. В. Константинова, А. Б. Иметхенова, Л. Д. Базаровой, В. В. Савиновой, Л. В. Лбовой, Э. Р. Гречищева, М. И. Дергачевой, А. Д. Цыбиктарова, И. К. Феденева, Н. В. Вашукевича, Н. И. Граниной — с региона Забайкалья, Г. А. Воробьевой, О. И. Горюновой, Н. А. Савельева — Прибайкалья, показало, что климатические и ландшафтные изменения на протяжении эпохи неолита, бронзового и раннего железного веков, соответствующих периодам второй половины среднего и первой половины позднего (верхнего) голоцена по геологической периодизации, по всем трем регионам Монголии, Забайкалья и Прибайкалья совпадают [13, с. 54–67].

Суть происходивших климатических и ландшафтных изменений заключалась в следующих природных процессах. На время развитого неолита приблизительно от 6 до 4,5 тыс. л. т. н. во всех трех областях приходится период климатического оптимума. В Монголии на протяжении этого времени леса имели достаточно широкое распространение даже в ныне почти

безлесной засушливой Восточной Монголии. Степная зона тогда прошла луговую стадию, о чем свидетельствует залегающий под каштановыми почвами современных злаковых степей более мощный по сравнению с ними гумусовый горизонт. Последующее суббореальное время в конце III — начале II тыс. до н. э. ознаменовалось похолоданием и сухостью. Период от 3 500 до 3 300 л. т. н. во всех трех областях характеризуется как увлажненный. Но в Монголии предшествующее ему время отмечается как сухое и теплое. В конце II тыс. до н. э. (в последней трети или четверти) как в Прибайкалье, так и в Южном Забайкалье наступили похолодание и сухость, а затем потеплело. Во второй четверти I тыс. до н. э. как в Монголии, так и в Прибайкалье усиливается континентальность климата. Таким образом с IV до середины I тыс. до н. э. климат в Монголии, Южном Забайкалье и Прибайкалье развивался приблизительно по одной схеме усиления аридизации с чередованием холодных и теплых фаз длительностью 250–500 лет, различающихся режимом увлажнения [13, с. 65–67].

Для освещения поднятой в статье темы большое значение имеет выявленный палеогеографами факт установления сухого и теплого климата в Монголии во второй четверти II тыс. до н. э. Эта фаза длилась около 300 лет. На ее протяжении развитие растительного мира на территории Монголии шло по линии сокращения лесопокровости в горных районах и ксерофитизации степной экосистемы [1, с. 165; 4, с. 197–200, рис. 1.7; 5, с. 34, 37 — табл. 2]. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что аналогичные процессы происходили и в природе сопредельных с Монголией степных районах Южного Забайкалья. Этот период сухого и теплого климата по археологической периодизации приходится на конец раннебронзового времени.

Жизнедеятельность людей во все эпохи истории человечества, а особенно на ранних этапах его существования, во многом была связана с адаптацией к условиям окружающей среды. Формы хозяйственной деятельности, орудийный набор, устройство жилищ, покроя одежды, особенности духовной культуры и другие стороны жизни людей в значительной мере были связаны с освоением окружающей среды с целью обеспечения своих жизненно важных потребностей. В результате природное окружение оказывало огромное воздействие на формирование материальной и духовной культуры человеческих сообществ.

В эпоху ранней бронзы, с конца III до середины II тыс. н. э., в степных и лесостепных районах Центральной и Восточной Монголии, Южного Забайкалья развивалась селенгинско-даурская археологическая культура. Ее население в конце III — начале II тыс. до н. э. в условиях все еще достаточно теплой и относительно влажной природной обстановки после климатического оптимума от 6 до 4,5 тыс. л. т. н. вело образ жизни оседлых земледельцев и скотоводов, в хозяйственных занятиях которых достаточно большое значение имели отрасли присваивающего хозяйства [12, с. 16–17, 29–30; 13, с. 74–101, 149–158].

Но с установлением сухого и теплого климата во второй четверти II тыс. до н. э. в Монголии и Южном Забайкалье ухудшились возможности для занятия земледелием и отраслями присваивающего хозяйства. По этой причине в связи с расширением зоны степей и лесостепей основой хозяйства населения селенгинско-даурской культуры постепенно становилось скотоводство. Оно к середине II тыс. до н. э. приняло кочевой и полукочевой характер. Люди перестали жить оседло и перешли к подвижному образу жизни. В процессе адаптации к изменившемуся образу жизни происходила трансформация материальной и духовной культуры. В результате произошло завершение развития селенгинско-даурской культуры, и она сменилась культурой плиточных могил [14].

Таким образом, собственно с формированием нового хозяйственного уклада — кочевого и полукочевого скотоводства у населения степей Центральной, Восточной Монголии и Южного Забайкалья — и связано происхождение археологической культуры плиточных могил. Население этой культуры со времени ее формирования в середине II тыс. до н. э. продолжало заниматься, как показывают материалы раннего тологийского этапа среднебронзового (XV–XIII вв. до н. э.) и чулутского этапа позднебронзового (XIII–VIII вв. до н. э.) времени, кочевым и полукочевым скотоводством на протяжении второй половины II тыс. и начала I тыс. до н. э. Эта форма ведения скотоводческого хозяйства у плиточников не

сменилась и на ацайском этапе VIII–VI вв. до н. э. в связи со вступлением в скифскую эпоху VIII–III вв. до н.э. по периодизации бронзового и раннего железного веков степной зоны Евразии. Весь же комплекс материальной и духовной культуры, в том числе инвентарь, религиозные верования и погребальный обряд населения культуры плиточных могил еще с середины II тыс. до н.э. были самым тесным образом связаны с кочевым и полукочевым скотоводством и с соответствовавшим такой номадной экономике образом жизни. По этой причине с началом скифской эпохи в степях Евразии население культуры плиточных могил в связи с сохранением прежнего типа хозяйства, кочевого и полукочевого уклада жизни продолжало пользоваться привычным инвентарем карасукских типов позднебронзового времени, придерживаться прежних верований, хоронить своих умерших сородичей по прежним погребальным обрядам. В результате на территории ее распространения в Монголии и Южном Забайкалье не произошло и смены археологической культуры, как это четко прослеживается в других областях Великого пояса степей Евразии от Причерноморья на западе до Южной Сибири на востоке с переходом от оседлого пастушеско-земледельческого хозяйства эпохи бронзы к кочевому и полукочевому скотоводству с началом раннего железного века — скифской эпохи. Эти процессы в Центральной Азии произошли гораздо раньше — в середине II тыс. до н. э. и завершились, как указывалось, сложением кочевнической культуры плиточных могил.

В результате мы можем сделать вывод о том, что главная особенность культурно-исторического развития населения степных районов Монголии и Забайкалья в эпоху бронзы и раннем железном веке в пределах середины II — середины I тыс. до н. э. по сравнению с другими районами Великого пояса степей Евразии заключалась в том, что на их территории номадное скотоводство возникло гораздо раньше, чем в других районах евразийских степей — в середине II тыс. до н. э., и такой тип хозяйства там продолжал сохраняться и с переходом к эпохе раннего железа (скифскому времени). В свою очередь эта особенность экономического развития степного центральноазиатского населения обусловила плавное эволюционное его вхождение в скифскую эпоху без кардинального изменения жизненного уклада, без трансформации материальной и духовной культуры и без смены культурного облика в целом. В результате с наступлением скифской эпохи в Центральной, Восточной Монголии и Южном Забайкалье продолжила свое развитие культура плиточных могил, которая по существу являлась культурой бронзового века, сформировавшейся еще в середине II тыс. до н.э. Эта специфическая особенность культурно-исторического развития данной общности центральноазиатского населения объясняет давно замеченный исследователями факт весьма слабого проявления в материалах культуры плиточных могил особенностей культурной специфики скифской эпохи для более западных областей, в частности так называемого скифо-сибирского звериного стиля в искусстве. Вместе с тем в скифское время в облике населения культуры плиточных могил появляются определенные новации, обусловленные общими эпохальными изменениями этого периода и контактами с группами населения культур скифо-сибирского типа соседних территорий. Но такие новации не определяли своеобразия и специфики культурного облика людей этой археологической культуры.

Литература

1. Виппер П. Б., Дорофеюк Н. И., Метельцева Е. П., Соколовская В. Т. Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. — М.: Наука, 1989. — С. 160–167.
2. Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии. — Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. — 148 с.
3. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. — М.: Наука, 1981. — 204 с.
4. Динесман Л. Г., Киселева Н. К., Князев А. В. История степных экосистем Монгольской Народной Республики // Биологические ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики. — Т. XXXII. — М.: Наука, 1989. — 215 с.

5. Дорофеев Н. И. Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов озерных осадков Монголии): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. — М., 2008. — 49 с.
6. Наваан Д. Дорнод Монголийн хурлийн уе. — Улаанбаатар, 1975. — 200 с.
7. Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. — 1941. — Т. 1. — С. 273–309.
8. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. — М., 1989. — 464 с.
9. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. — М., 1992. — 493 с.
10. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1989. — 24 с.
11. Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. — 288 с.
12. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II — первая половина I тыс. до н.э.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2003. — 49 с.
13. Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века, (конец III — первая половина II тыс. до н.э.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — 236 с.
14. Цыбиктаров А. Д. Формирование кочевого скотоводства в Центральной Азии в свете данных археологии и палеогеографии Монголии и Южного Забайкалья и его влияние на культурно-историческое развитие населения бронзового века // Этноистория и этноархеология Северной Азии: теория, методология и практика исследования. — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2007. — С. 194–198.
15. Членова Н. Л. Культура плиточных могил // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. — М.: Наука, 1992. — С. 247–354.

References

1. Vipper P.B., Dorofeyuk N.I., Meteltseva Ye.P., Sokolovskaya V.T. *Landshaftno-klimaticheskiye izmeneniya v Tsentralnoy Mongolii v golotsene* [Landscape and climatic changes in Central Mongolia in the Holocene]. *Paleoklimaty pozdnelednikovya i golotsena - Paleoclimates Late Holocene*. Moscow: Nauka publ., 1989. Pp. 160–167.
2. Volkov V.V. *Bronzovy i ranny zhelezny veka Severnoy Mongolii* [Bronze and Early Iron Ages in northern Mongolia]. Ulan-Bator: AN MNR publ., 1967. 148 p.
3. Grishin Yu.S. *Pamyatniki neolifa, bronzovogo i rannego zheleznogo vekov lesostepnogo Zabaykalya* [Neolithic, Bronze Age and early Iron Age steppe of Transbaikalia]. Moscow: Nauka publ., 1981. 204 p.
4. Dinesman L.G., Kiseleva N.K., Knyazev A.V. *Istoriya stepnykh ekosistem Mongolskoy narodnoy respubliki* [The history of the steppe ecosystem Mongolian People's Republic]. *Biologicheskiye resursy i prirodnye usloviya Mongolskoy narodnoy respubliki* [Biological resources and natural conditions of the Mongolian People's Republic]. Moscow: Nauka publ., 1989. Vol. XXXII. 215 p.
5. Dorofeyuk N.I. *Rekonstruktsiya prirodnykh uslovy Vnutrenney Azii v pozdnelednikovye i golotsene (po materialam diatomovogo i palinologicheskogo analizov ozernykh osadkov Mongolii)* [Reconstruction of the natural environment of Inner Asia in the Late Glacial and Holocene (based on diatom, and palynological analyzes of lake sediments in Mongolia)]. Candidate thesis. Moscow, 2008. 49 p.
6. Наваан Д. *Dornod Mongolyn khurlyn uye* [The Eastern Conference stage]. Ulaanbaatar, 1975. 200 p.
7. Sosnovsky G.P. *Plitochnye mogily Zabaykalya* [Tile graves of Transbaikalia]. *Trudy otdela istorii pervobytnoy kultury Gosudarstvennogo Ermitazha* [Proceedings of the Department of the history of primitive culture of the State Hermitage]. 1941. Vol. I. Pp. 273–309.
8. *Stepi Yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR* [Barrens European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Archaeology of the USSR]. Moscow, 1989. 464 p.
9. *Stepnaya polosa Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR* [Asian steppe zone of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Archaeology of the USSR]. Moscow, 1992. 493 p.
10. Tsybiktarov A.D. *Kultura plitochnykh mogil Zabaykalya i Mongolii* [Culture tiled graves Transbaikalia and Mongolia]. Candidate thesis. Moscow, 1989. 24 p.
11. Tsybiktarov A.D. *Kultura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaykalya* [Culture tiled graves Mongolia and Baikal]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 1998. 288 p.
12. Tsybiktarov A.D. *Tsentralnaya Aziya v epokhu bronzy i rannego zheleza (II - pervaya polovina I tys. do n.e.)* [Central Asia in the Bronze Age and early Iron Age (II - the first half of I millennium BC.)]. Candidate thesis. Novosibirsk, 2003. 49 p.
13. Tsybiktarov A.D. *Tsentralnaya Aziya na zare bronzovogo veka. (konets III - pervaya polovina II tys. do n.e.)* [Central Asia at the dawn of the Bronze Age. (end III - first half of the II millennium BC.)]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2006. 236 p.
14. Tsybiktarov A.D. *Formirovaniye kochevogo skotovodstva v Tsentralnoy Azii v svete dannykh*

- arkheologii i paleogeografii Mongolii i Yuzhnogo Zabaykalya i ego vliyaniye na kulturno-istoricheskoye razvitiye naseleniya bronzovogo veka* [Formation of nomadic pastoralism in Central Asia in light of archeology and paleogeography Mongolia and southern Transbaikalia and its impact on the cultural and historical development of the population of the Bronze Age]. *Etnoistoriya i etnoarkheologiya Severnoy Azii: teoriya, metodologiya i praktika issledovaniya - Ethnohistory ethnoarchaeology and North Asia: the theory, methodology and practice of research*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University publ., 2007. Pp. 194–198.
15. Chlenova N.L. *Kultura plitochnykh mogil* [Culture tiled graves]. *Stepnaya polosа Aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya. Arkheologiya SSSR - Asian steppe zone of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. Archaeology of the USSR*. Moscow: Nauka publ., 1992. Pp. 247–354.

УДК 378.4 (571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-66-70

**БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ВОСТОКЕ¹**© **Митупов Константин Бато-Мункич**доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей и отечественной истории, директор Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета
Россия, 670000 г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: mitupov@inbox.ru

© **Гармаева Татьяна Иннокентьевна**

кандидат философских наук, заведующая лабораторией культурной антропологии и межкультурной коммуникации Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: tanya_osorova@mail.ru

В статье анализируется необходимость принципиально новой модели университетского центра федерального уровня, ориентированного на комплексную разработку человеческого фактора и выявление механизмов внедрения экономических идей передовых стран азиатского региона. Сформулированная правительством России задача о переходе к новому технологическому укладу может быть реализована при активном участии Бурятского государственного университета в привлечении научных и технических кадров из стран Северо-Восточной Азии. Специфика региона как плацдарма России в сфере экономических международных контактов с азиатскими странами предопределяет миссию БГУ как проводника восточной политики России в странах Азии в области науки и образования, поскольку сложившаяся в начале XXI в. ситуация в области социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока требует пристального внимания к системе высшего образования. Геополитические интересы Российской государства остро нуждаются в подобного рода исследованиях, освещающих, кроме всего прочего, и место социально-экономического развития российского сегмента в региональном рынке Внутренней Азии.

Ключевые слова: Бурятский государственный университет, Республика Бурятия, высшая школа, образовательная политика, Внутренняя Азия, интеграционные процессы, образовательная безопасность, востоковедение.

**BURYAT STATE UNIVERSITY AS A TOOL
OF EDUCATIONAL POLICY OF RUSSIA IN THE EAST****Konstantin B.-M. Mitupov**DSc in History, Professor of the department of general and national history, Head of Inner Asia Institute, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia**Tatiana I. Garmaeva**

PhD in Philosophy Head of Cultural Anthropology Laboratory, Inner Asia Institute, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article analyzes the need for a fundamentally new model of university center of the federal level, focused on a comprehensive development of the human factor and the identification of mechanisms for implementation of economic ideas of the advanced countries of the Asian region. Formulated by the Russian government the problem of transition to a new technological structure can be implemented with the active participation of the Buryat State University in attracting scientific and technical personnel from the countries of Northeast Asia. The specificity of the region as a springboard Russia in the sphere of the economic international contacts with Asian countries predetermines mission of BSU as a conductor of Russia's oriental policy in the Asian countries in the field of science and education, because situation in the early XXI century in the field of socioeconomic development of Siberia and Far East requires close attention to the system of higher education. The geopolitical interests of the Russian state greatly need this kind of research, covering the place of socioeconomic development of the Russian segment in the regional market of Inner Asia.

¹Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 14-31-01299 «Социокультурное пространство столиц Внутренней Азии (на примере г. Улан-Удэ (Республика Бурятия РФ), г. Улан-Батор (Монголия), г. Хух-Хото (Автономный район Внутренняя Монголия КНР))»

Keywords: Buryat State University, Republic of Buryatia, higher school, educational policy, Inner Asia, integration processes, educational safety, oriental studies.

В современных сложных международных условиях Российское государство заинтересовано в тесном сотрудничестве с азиатскими странами. И в этом Бурятия как форпост России на востоке играет важную роль, представляя собой мост между культурными общностями Евразии, непосредственно контактируя с азиатскими державами — Южной Кореей, Сингапуром, Гонконгом, а также КНР, Монголией. По своему потенциалу, географическим, общественно-экономическим, духовно-культурным, цивилизационно-геополитическим параметрам Республика Бурятия вполне конкурентоспособна с этими странами.

В связи с этим БГУ может стать одним из ведущих институтов внешней политики России, определяющим разработку крупных международных проектов в странах Внутренней Азии. Специфика региона как плацдарма России в сфере экономических международных контактов с азиатскими странами предопределяет миссию Университета как проводника восточной политики России в странах Азии в области науки и образования.

Бурятский государственный университет располагает научным потенциалом среди университетов Внутренней Азии. В университете сложились научные школы международного уровня в востоковедении, лингвистике, педагогике.

Можно смело констатировать, что Бурятский государственный университет входит в группу лидеров высшей школы Внутренней Азии, и по ряду направлений и специальностей это признано южными соседями — КНР, Монголией, Южной Кореей и др.

Функционирует 9 докторских диссертационных советов, планируется открыть еще 6 советов. В настоящее время в университете работает около 1 тыс. преподавателей, из них 180 докторов и 600 кандидатов наук, индекс острепенности — 72,6 %, доля докторов наук, профессоров — 16,1 %, обучается 11 тыс. студентов, в том числе 120 иностранных студентов, более 450 аспирантов, докторантов, интернов и ординаторов.

Имея в виду интегративные взаимоотношения с академическими институтами, в университете работает 65 научных сотрудников, из них 22 кандидата и 41 доктор наук. Они трудятся на 18 кафедрах, 6 научных лабораториях и 4 научно-образовательных центрах.

Бурятский государственный университет имеет долговременные соглашения в области науки, культуры и образования с научными и образовательными центрами более 15 зарубежных государств: Китая, Монголии, Республики Корея, Японии, Тайваня, Вьетнама, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Италии, Франции, Финляндии, Норвегии, США.

БГУ входит в различные глобальные научные сети (Евразия Пасифик, Азия Нет Уорк), имеет опыт работы по крупным международным грантовым программам (например, TACIS). В 2005 г. университет вступил в международную сеть «Университеты Арктики», в 2006 г. — в сеть университетов UNINET.

Наиболее сильной стороной университета является сотрудничество с азиатскими странами. БГУ одним из первых в регионе установил рабочие связи и партнерские отношения с университетами, исследовательскими центрами, общественными организациями Китая. На сегодняшний день БГУ имеет 15 договоров с китайской стороной. В 2007 г. на базе БГУ создан Институт Конфуция. В 2014 г. открыт Институт короля Седжонга (Республика Корея). В этом смысле интеграция в образовательном пространстве Азии зачастую предполагает лидирующие позиции.

БГУ предлагает принципиально новую модель университетского центра федерального значения, ориентированного на Восток, на овладение опыта экономически развитых стран АТР.

В основе перспективного развития Сибири и Дальнего Востока Бурятский государственный университет занимает стратегическое положение на восточной границе России и Северо-Восточной Азии. Страны данного региона на протяжении последних 25 лет демонстрируют высокие темпы экономического роста. В этой ситуации ведущий вуз российского сегмента

Внутренней Азии — Бурятский госуниверситет — открывает ворота в АТР, через которые идет активный обмен новыми идеями в инновационном развитии, овладение технологическими разработками. Сегодня БГУ имеет партнерские отношения с рядом ведущих научных центров КНР, Южной Кореи и Японии. Активно развивая востоковедное направление в БГУ, сформирована информационная база, на основе которой можно развивать стратегическое научно-техническое сотрудничество с этими странами. Ныне востоковедение является неким ключом к пониманию и освоению технологий внедрения в практику. Именно этот раздел знаний позволяет нам сформировать представления о наиболее перспективных научных разработках в КНР, Японии и Корее. Вложения в развитие востоковедения позволят в перспективе Бурятскому государственному университету стать «связующим звеном» между крупнейшими научно-образовательными центрами Сибири и бизнес-корпорациями Северо-Восточной Азии. Логика построения сети федеральных университетов Сибири предполагает завершение треугольного построения университетских центров в Красноярске, Якутске и Улан-Удэ.

Сформулированная правительством России задача о переходе к новому технологическому укладу может быть реализована при активном участии Бурятского государственного университета в привлечении научных и технических кадров из стран Северо-Восточной Азии. Для этого необходимо наметить «точки роста», в первую очередь в образовательном пространстве, которые при достаточном финансировании могут дать серьезный результат в инновационном развитии региона в стратегической перспективе. Ежегодно сотни студентов БГУ должны стажироваться в Китае, Корее и Японии — все это создаст фундамент для развития деловых партнерских отношений. В числе перспективных тем для исследования в сфере востоковедения нам видятся:

- 1) СТС социология технических разработок в регионе;
- 2) анализ и мониторинг развития образовательных систем в Северо-Восточной Азии;
- 3) развитие человеческого капитала в регионе и трудовая миграция;
- 4) история научно-технического развития стран Северо-Восточной Азии;
- 5) инновационная экономика региона.

В ближайшей перспективе, сделав направление «востоковедение» базовым, Бурятский госуниверситет имеет возможности (при соответствующей поддержке федерального центра) занять ключевое место в системе сетевых взаимодействий региона. В будущем планируется реализация совместных с вузами СВА исследовательских программ с перспективой вовлечения в данное взаимодействие крупнейших естественнонаучных центров Сибирского федерального округа.

Надо отметить, что нельзя не учитывать высокие темпы экономического развития азиатского соседа России — Монголии, которую американский исследователь А. Кемпи называет «азиатским волком». По ее словам, «она (Монголия) имеет реальные предпосылки усиления своего влияния в политике, экономике и внутренних отношениях в североазиатском регионе» [3]. При этом исследования А. Кемпи, как американского советника президента Монголии, позволяют с высокой степенью достоверности принимать утверждения ведущих мировых экспертов о готовности этой страны повторить путь Катара и Брунея, которые за короткий срок достигли высочайшего экономического уровня.

В связи с этим нельзя не отметить, что на сегодняшний день ученые БГУ занимают одно из ведущих мест в российско-монгольском сотрудничестве.

В последние 10 лет ученые университета ведут более 50 международных проектов, в частности:

- сравнительно-правовые исследования стран АТР, изучены основные институты правовых систем этих стран;
- анализ основных направлений внешней политики Монголии, ее участие в глобальных и региональных организациях; исследованы геоэкологические проблемы в горнодобывающих районах Монголии;
- закономерности развития межконфессиональных взаимоотношений в Центральной Азии;

- переведена и опубликована часть фундаментальных первоисточников по тибетской медицине;
- разработано и внедрено в клиническую практику более 40 лекарственных средств и биологически активных добавок;
- выявляются особенности психологической и физиологической адаптации детей монгольских народов в полиэтническом пространстве (Россия, Китай, Монголия).

Развитие биотехнологии и интегративной медицины, основанной на адаптации и гармонизации достижений современной классической европейской и традиционной восточной, является важнейшим направлением. В силу исторически сложившихся культурных связей с Тибетом именно в Бурятии сконцентрированы основные результаты исследований в области тибетской медицины. В стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2020 года отмечено: «Перспективным для региона является развитие биотехнологий с использованием природного сырья, особенно с учетом традиций этого направления в соседних странах. С целью проведения научных исследований с применением современных биотехнологий необходимо предусмотреть проведение комплекса мероприятий по модернизации материально-технической базы научных организаций и учреждений высшего профессионального образования» [3].

Немаловажным фактором развития научно-образовательной деятельности БГУ является озеро Байкал как жемчужина планеты, уникальное создание природы, содержащее 20 % мирового запаса пресной воды, центр притяжения всего человечества.

На основе вышеизложенного необходима принципиально новая модель университетского центра федерального уровня, ориентированного на комплексную разработку человеческого фактора и выявление механизмов внедрения экономических идей передовых стран азиатского региона. Геополитические интересы Российского государства остро нуждаются в подобного рода исследованиях, освещающих, кроме всего прочего, и место социально-экономического развития российского сегмента в региональном рынке Внутренней Азии.

Сложившаяся в начале XXI в. ситуация в области социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока требует пристального внимания к системе высшего образования. Наличие трех федеральных университетов (в Красноярске, Якутске и Владивостоке) не снимает острой нехватки крупных исследовательских университетских центров. Это обусловлено масштабными расстояниями между федеральными университетами, а также устойчиво возрастающей тенденцией к молодежной образовательной миграции, направленной на университеты КНР, Южной Кореи и Монголии. В результате этого регион Восточной Сибири несет существенные потери в высококвалифицированных кадрах. Кроме того, финансирование вузов КНР и Южной Кореи в десятки раз превышает бюджеты университетов Дальнего Востока и Забайкалья. Одновременно особое внимание в Китае уделяется привлечению иностранных студентов, чему способствуют экономические успехи страны. Число иностранных студентов в Китае растет ежегодно. Так, по итогам 2011 г. количество иностранных студентов превысило 290 тыс. человек [4]. Китайское правительство надеется довести численность иностранных студентов до 500 тыс. человек к 2020 г. [5].

Так, к примеру, г. Хух-Хото — столица Автономного района Внутренняя Монголия — является административным, политическим, культурным и экономическим центром. В городе насчитывается 24 университета и института, из них 7 по подготовке бакалавров (1. Университет Внутренней Монголии 2. Технологический университет Внутренней Монголии. 3. Сельскохозяйственный университет Внутренней Монголии. 4. Педагогический университет Внутренней Монголии. 5. Медицинский университет Внутренней Монголии. 6. Университет финансов Внутренней Монголии. 7. Национальный институт г. Хух-Хото), выпускают специалистов по разным видам профессиональной подготовки. Годовой объем финансовых инвестиций в развитие науки в 2013 г. составил 93,96 млн юаней [\$ 15,7 млн]. В 2013 г. количество поступивших в колледжи и университеты составило 67 тыс. человек, выпускников — 63 тыс. человек [6].

Учебные заведения ведут подготовку специалистов широкого профиля и принимают на обучение иностранных студентов, в том числе и по различным стипендиальным программам

Правительства КНР в рамках реализации национальных проектов по повышению качества и распространению китайского образования в мире. В большинстве своем это студенты из Кореи, Монголии, США, Японии, как получающие стипендию Правительства КНР, покрывающую затраты на обучение, учебные материалы, медицинскую страховку, проживание, выплату ежемесячной стипендии, так и обучающиеся за свой счет. В целях популяризации университетского образования китайское правительство выделило из бюджета 500 млн юаней на обеспечение иностранных студентов [5].

Наряду с ростом численности иностранных студентов во Внутренней Монголии меняются и предпочтения в образовательных программах. В настоящее время велика доля тех, кто не только изучает китайский язык, но и получает бакалаврские, магистерские и докторские степени. По статистическим данным, в 2010 г. 40% иностранных студентов обучались по бакалаврской и магистерской программам, а 60% обучались по другим программам и курсам [6].

Все это ведет к активному развитию высшей школы КНР, к расширению возможностей для приглашения ведущих специалистов мирового уровня, расширяет доступ к мировым информационным базам данных. Интеграция в азиатское образовательное пространство позволит Бурятскому государственному университету качественно улучшить подготовку высококвалифицированных специалистов в области истории, филологии, культуры, восточной медицины и позволит России активно влиять на международную ситуацию, складывающуюся в АТР, используя колоссальный потенциал Байкальского региона.

Литература

1. Гармаева Т. И. Место и роль высших учебных заведений Внутренней Монголии в развитии Северного Китая // Вестник Бурятского государственного университета «Гуманитарные исследования Внутренней Азии». — 2014. — № 2. — С. 72–76.
2. Дудин П. Н., Митупов К. Б.-М. Геополитические факторы становления монгольской государственности во Внутренней Азии // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Вып. 7. — С. 12–16.
3. Митупов К. Б.-М., Михалев А. В. Монголия в меняющейся Азии // Эксперт. 15–21 сентября. — 2014. — № 38(915). — С. 56–58.
4. Zhongguo xinwen wang. URL: <http://www.chinanews.com/edu/2012/02-28/3702989.shtml>
5. Study in China. URL: <http://www.csc.edu.cn/Laihua/newsdetailen.aspx?cid=122&id=902>
6. Официальное бюро статистики г. Хух-Хото, отчет от 09.04.2014г. URL: http://www.huhhot.gov.cn/hhhtjij/show_news.asp?id=1066
7. Кессиди Ф. К. Глобализация и культурная идентичность // Вопр. философии.— 2003. — № 1. — С. 76–79.

References

1. Garmayeva T.I. *Mesto i rol vysshikh uchebnykh zavedeny Vnutrenney Mongolii v razvitii Severnogo Kitaya* [Place and role of higher education institutions in the development of Inner Mongolia, North China]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta «Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii» - Bulletin of the Buryat State University "Humanitarian Research of Inner Asia"*. 2014. No.2. Pp. 72–76.
2. Dudin P. N., Mitupov K. B.-M. *Geopoliticheskiye faktory stanovleniya mongolskoy gosudarstvennosti vo Vnutrenney Azii* [Geopolitical factors of formation of Mongolian statehood in Inner Asia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of the Buryat State University*. 2014. Vyp. 7/2014. Pp. 12–16.
3. Tsit. po: Mitupov K. B.-M., Mikhalev A.V. *Mongoliya v menyayushcheysya Azii* [Mongolia in a changing Asia]. *Ekspert — Expert*, 2014. No.38(915). Pp. 56–58.
4. *Zhongguo xinwen wang* (China News Network) Available at: <http://www.chinanews.com/edu/2012/02-28/3702989.shtml>
5. *Study in China*. Available at: <http://www.csc.edu.cn/Laihua/newsdetailen.aspx?cid=122&id=902>
6. *Ofitsialnoye byuro statistiki g. Khukh-Khoto* (Official Statistics Bureau of Hohhot, otchet ot 09.04.2014g.) Available at: http://www.huhhot.gov.cn/hhhtjijshow_news.asp?id=1066
7. Kessidi F.K. *Globalizatsiya i kulturnaya identichnost* [Globalization and Cultural Identity]. *Voprosi filosofii - Questions of philosophy*, 2003. No.1. Pp. 76–79.

УДК 351.816(091)(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-71-75

РОЛЬ БУРЯТ В РАЗВИТИИ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ, КОНЕЦ XVII–XIX вв.)

© Санжиева Татьяна Ефремовна

доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Бурятии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: sanj_te@mail.ru

В статье рассмотрены формы обслуживания почтовой связи в Западном Забайкалье бурятским населением. Управление этой повинностью шло через Степную контору, затем Степную думу, которые следили за организацией почтовой связи и выделяли работников на строительство и ремонт дорог. Уже в XVIII в. на территории Забайкалья была восстановлена монгольская «уртонная почта». На уртоны селили семьи бурят, которые занимались почтовыми перевозками, а также других грузов. Непосредственно в обслуживании почтовой связи были заняты хори-буряты, они строили и содержали почтовые станции, они занимались также строительством и ремонтом дорог. Остальным бурятским ведомствам поручалось только строительство и ремонт дорог на территории ведомства, а также крупных трактов в других местах, поскольку почтовая связь проходила через ведомство транзитом. Контроль за работой бурят осуществляли царская администрация и окружное полицейское управление. Статья посвящена участию бурят Хоринской, Баргузинской и Кударинской ведомств.

Ключевые слова: почтовая связь, Западное Забайкалье, буряты, «уртонная почта», почтовые дороги.

THE ROLE OF BURYATS IN THE DEVELOPMENT OF POSTAL SERVICES (WEST TRANSBAIKALIA)

Tatiana E. Sanzhieva

DSc in History, Professor of the department of the history of Buryatia, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

E-mail: sanj_te@mail.ru

The article describes the forms of postal services in Western Transbaikalia conducted by the Buryat population. The management of this duty was held by the Steppe office, then the Steppe Duma, which controlled the postal services arrangement and provided workers for roads construction and maintenance. In the XVIII century the Mongolian «urtonnaya post» was restored in the territory of Transbaikalia. The Buryats families settled in urtons, so they were engaged in the maintenance of the post traffic, as well as of other loads. The Khori-Buryats were directly engaged in the postal services, they built and maintained postal stations, they were also engaged in the construction and repairs of roads. The rest of the Buryats were entrusted only the construction and repairs of roads in the department area, as well as of large tracts in other places, because the post services passed transit through the department area. The control over the Buryats' labor was performed by the imperial administration and county police department. The article is devoted to the participation of the Buryats from Khorinsky, Barguzinskaya and Kudarinskoy departments.

Keywords: postal services, Western Zabaikalia, Buryats, «urtonnaya post», post roads.

Управление на огромных просторах Сибири ставило перед государством вопрос о средствах коммуникации — почтовом сообщении. На дорогах приоритетными были почтовые отправления. От Верхнеудинска до Иркутска были две почтовые дороги. Первая — по озеру Байкал. «Только зимою по ней идет почта, а летом только обозы, проезжающие и колодничьи партии, переезжающие Байкал на купеческих судах или на казенных галиотах. 2-я — вокруг Байкала: кроме нескольких зимних месяцев обыкновенная дорога для почты. В позднюю осень, когда судоходство по озеру прекращается, до покрытия его льдом, проходят по сей дороге на санях и обозы с товарами для Кяхты» [2, с. 44].

Первыми почтовую функцию стали выполнять казаки и служилые люди, доставляя

циркуляры центральной власти воеводам на местах, они же сопровождали казенные грузы, позже конвоировали ссыльных и т. д. Поскольку их возможности из-за малочисленности гарнизона были ограниченными, то к обслуживанию почтовой связи стали привлекаться титульные народы. Перевозка почтовых грузов и обустройство почтовых дорог стали одной из повинностей для бурят.

Непосредственным обслуживанием почтовой связи занимались в основном хоринские буряты, поскольку буряты других групп кочевали вдали от основных почтовых дорог, они занимались только ремонтом трактов и проселочных дорог. Так, в наказе хоринским родам отмечалось, чтобы буряты занимались перевозкой казенных грузов в летнее время на телегах, зимою на санях. Тем не менее буряты традиционно перевозили кладь, навьючивая ее на животных. Конвоированием грузов занимались казаки [7].

Хори-буряты стали активно участвовать в развитии почтового дела (почтового транзита) с 1642 г., после того как они впервые заключили мирный трактат с полномочным чиновником Поярковым. По требованию российских властей хори-буряты в меру своих возможностей возили почту и осуществляли грузоперевозки, доставляя необходимые предметы для строительства крупных городов Албазин, Нерчинск и многочисленных острогов [1, с. 88].

С 1658 г. хоринские буряты были приписаны к Нерчинскому воеводскому управлению, платили ясак с каждых 160 душ по 20 копеек, а также участвовали в возведении острогов по Нерчинской дороге, помогали казакам и крестьянам в их обустройстве. Кроме того, они строили и ремонтировали Нерчинскую и проселочные дороги.

Примечателен тот исторический факт, что «в рассуждении почтового тракта к Нерчинску Сенат имел в виду полученное из рук гр. Владиславовича странное предположение Бурцова, комиссара Нерчинских заводов, и передать его на рассмотрение местного начальства... Всего ближе возложить бы почтовую гоньбу в том краю на 11 родов хоринских бурят, как уже испытанных в верности, в бытность гр. Владиславовича за Байкалом» [6, с. 271]. Это позволяет высказать предположение, что именно хоринским бурятам были доверены почтовые перевозки и обустройство Сибирского почтового тракта в Забайкалье.

К середине XVIII в., когда возник вопрос о создании единой почтовой службы на территории Забайкалья, стали вновь возрождаться уртонные станции монгольского типа. Заново создавались почтовые станции, на содержании которых имелись почтовые лошади, вводились подорожные грамоты и многое другое. Монгольское наследие «уртоны» не было уничтожено, они использовались для перевозки почты и должностных лиц вплоть до середины XIX в., там, где не было железных дорог. Уртоны существовали и на юге-востоке Европейской России, и в азиатской ее части [9, с. 39].

На всем протяжении центральных дорог Забайкалья создавались почтовые станции, которые находились в ведении органов местного самоуправления, у бурят сначала степных контор, затем степных дум. При этом строительные работы велись местным населением. С течением времени почтовые функции станций подвергались изменениям. «На каждом из 15 постоянных уртонов от Верхнеудинска до Читинского острога держали в готовности, не получая от казны никакого вспомоществования, по одному почтовому дому, двору, повету, сараю, также по одному тюремному зданию с частоколом для содержания проезжавших осужденных, по 6 окованных железом тарантасов и саней» [1, с. 88].

После того как селенгинские казаки на территории Забайкалья были освобождены от сопровождения почтовых грузов [7, № 11978], хоринские роды стали нести новую дополнительную повинность — уртонную. С учреждением четырех шестисотенных полков из бурят для пограничных караулов по Верхнеудинскому округу они обеспечивали перевозку почты и должностных лиц на Сибирском почтовом тракте [3, с. 87].

С целью обеспечить охрану приграничных территорий с Китаем из бурятских родов Селенгинского, Хоринского, Агинского ведомств были созданы иррегулярные войска с вручением сине-голубых, красных знамен [8, с. 39]. «Его величество государь и император Петр II дал всемилостивейшей грамотой от 29 марта 1728 г. народу хоринских 11 родов Нерчинского

дистрикта звание сибирского пограничного иррегулярного войска и пожаловал 11 знамен» [1, с. 75]. Начало письменного делопроизводства среди хори-бурят относится к 1745 г., когда главный тайша Ринчин Шодоин привез одного русского писца и знатока монгольского языка [1, с. 69]. Они же обеспечивали охрану казенных грузов, отправляемых с Нерчинского завода, а также занимались сопровождением почтовых грузов. Возможно, это обстоятельство сыграло решающую роль в установлении почтового сообщения на землях расселения хори-бурят.

По всей линии Сибирского почтового тракта на территории Забайкалья с 1770 по 1870 г. хори-буряты ставили и красили придорожные верстовые столбы от Верхнеудинска до Читы, обновляли их, когда они приходили в ветхость. С 1875 г. стали ставить неокрашенные столбы [1, с. 88].

Хоринские роды несли различные повинности на Нерчинской и проселочных дорогах, они готовили для воинских нижних чинов и партий осужденных и переселенцев подводы, продовольствие, жилье и, кроме того, участвовали в перевозках грузов особого назначения, а именно пушек весом от 150 до 400 с лишним пудов, якорей и лебедек, перевозках легких грузов, различных мелких железных изделий, снарядов, пороха, свинца, также водки, муки, даже домашних пчел. С этой целью по Нерчинской дороге на одном уртоне содержалось от 125 до 200 лошадей с телегами и санями, подводчики с полным снаряжением и продовольствием. Все это обходилось весьма дорого, ежегодные расходы составляли 100 с лишним тысяч рублей. Сильно выросли расходы на продовольствие и подводы воинских частей, которые составляли около 70 тыс. рублей. Для того чтобы правительственные чиновники не испытывали задержек в пути, с самого начала было учреждено свыше 60 междворовых уртонов, на каждый из них были отправлены много лошадей, подводчики, телеги и сани с полным снаряжением. Ежегодно на это производились затраты в размере свыше 30 тыс. рублей [7, № 24803, № 24737]. Кроме того, до 1810 г. велась работа по строительству Нерчинской дороги и проселочных дорог, работы по их исправлению. Нерчинская дорога проходила по северной стороне Большого Еравнинского озера, по местности Ширингита к Еравнинскому острогу, оттуда к перевалу Конда, затем через Подволок на Яблоновом хребте к Читинскому острогу. Участвуя в этой работе, хоринское население заготовило «по той дороге гати и всякий другой лес». Была проведена работа, сопряженная с весьма большими расходами. Между тем Еравнинский острог был перенесен в Ухэр-нор, в результате этого прежние большие работы были за ненужностью брошены [6, с. 90].

С целью исправления нынешней дороги до Шинчила в 1811 г. был мобилизован состоятельный и работоспособный народ, который был поселен между Верхнеудинском и Читой. Через каждые 10 верст располагалась большая группа улусов с юртами и домашним скарбом, причем каждый улус был снабжен дойными коровами. Прокладывание этой дороги было сопряжено с крупными расходами. В этом же году разрешены «поселения с пособиями от правительства в Туруханском крае для усиления поселения зимовьев по р.Енисею и для перевозки почты и чиновников и по тракту от Якутска к Охотску, как на станциях, так и между ними, для большего удобства купечества и других проезжающих» [7, № 24803, № 24737].

В 1811–1812 гг. шли работы по восстановлению Кругоморского (Кругобайкальского) тракта. Но уже в 1819 г. обрубы во многих местах сгнили и упали, так что дорога самая «худшая и труднейшая» требовала вновь исправления или возобновления [2, с. 45]. «Не только вновь устроить ее, когда сгниют нынешние обрубы, но даже исправлять и поддерживать невозможно теми одними способами, которые преподаны уставом сухопутных сообщений в Сибири. Потребны к тому будут тысячи людей, лошадей и быков, и по необходимости надобно будет прибегнуть к наряду тункинских и селенгинских бурят, не отдохнувших еще от устройства сей дороги в 1811 году» [2, с. 47].

Кроме хори-бурят в обслуживании почтовой связи участвовали другие группы бурят. Поскольку они кочевали на периферии Западного Забайкалья, на их территории не было почтовых контор, то они занимались ремонтом потовых дорог и дорог, проходивших по их владениям. Для этого с населения собирались деньги и выделялись работоспособные мужчины.

В 1838 г. в Кударинском ведомстве на содержание почтовой и обывательской гоньбы, на отопление и освещение воинских помещений и на прочие земские повинности было собрано 4 534 р. 40 к. 4-мя кударинскими родами и 4 р. 28 к. ясашными оседлыми бурятами [5, с. 28]. Кударинские буряты занимались окраской верстовых столбов на Кругобайкальском тракте, поскольку кочевали ближе остальных бурят. На окраску 24 верстовых столбов в 1895 г. они собрали 30 р. [1, с. 124]

В Кударинском ведомстве почту получали через Кабанскую почтовую контору, для доставки конвертов использовались ящики, содержащие междворовую гоньбу при Степной думе [5, с. 67]. Трактовых дорог в ведомстве не было, кударинские буряты занимались ремонтом участка дороги в Ильинской волости и на Байкале, а также Степнодворецкого и Посольского мостов. Эти мосты были разрушены во время наводнения 1869 г. и восстановлены кударинскими бурятами, на ремонт было собрано 3 350 р. [5, с. 67].

Буряты Кударинского ведомства должны были следить за почтовой дорогой от Кабанской станции с 9-й версты до села Степной Дворец. Содержание дороги было сложным из-за наличия гатей и большого количества мостов. Главный тайша Кударинской степной думы З. Хамаганов построил другую трактовую дорогу, более сухую и твердую. Новая дорога кроме удобства для проезда была короче на 2 версты [5, с. 48].

В Баргузинском ведомстве также не имелось почты. В обязанность баргузинских бурят входил ремонт дороги от Усть-Баргузинской станции до г. Баргузина длиной 49 верст. Кроме полотна дороги необходимо было содержать в порядке гати, мосты, перила [4, д. 44].

Почтовое сообщение в Баргузинском ведомстве носило транзитный характер. В течение 1867 г. отправкой сельской почты в Верхнеангарск были заняты 30 человек и 90 подвод [4].

Ремонт почтовых дорог был для бурят тяжелой повинностью. Помимо сбора денег привлекалось большое количество самых работоспособных мужчин, отвлекая их на длительный срок от ведения собственного хозяйства. В 1873 г. в Баргузинском ведомстве должны были выделить 200 человек с инструментами и лошадьми с таратайками и 10 сохами. На ремонт почтового тракта от г. Баргузина до г. Верхнеудинска направлялись 60 чел. под наблюдением заседателя думы Доржи Маркунова и родового старосты Иринцын Сотиева, а также 30 чел. для ремонта дороги от урочища Подхребет до Верхнеангарского селения. 30 чел. были направлены в Баргузинскую степь, начиная от Городской грани, ответственным был назначен родовой староста Ирдыней Степанов. В Предписании Баргузинского окружного полицейского управления о ремонте дорог ответственность по ремонту почтового тракта была возложена на заседателя думы Д. Маркунова и родового старосту И. Сотиева. В случае неудовлетворительного ремонта дороги исправление должно будет произведено за их счет [4, д. 1559, л. 16–17].

Работа на почтовых дорогах имела большое государственное значение, поэтому за ходом строительства внимательно следили должностные лица. Так, в 1894 г. буряты, занимавшиеся ремонтом почтовой дороги, самовольно ушли. За это старшина Баргузинского улуса Ирдыни Гынтуев был подвергнут аресту на 5 суток [4, д. 2370, л. 120].

Значение почтовых дорог в качестве средства связи в Сибири было крайне важным. Для этого был принят Устав путей сообщения, по которому в определенное время ставились местные жители для ремонта дорог.

«Бурятская почта» использовала тот же механизм работы «уртонной почты» монголов, но отличалась своим масштабом охвата территории, скоростью обмена информации. Особенностью «бурятской» почты был ее почтово-перевозочный, транзитный характер, поскольку на территории ведомств отсутствовали почтовые конторы.

Плохие дороги тормозили скорость почтового сообщения, становилось очевидным, что вопрос устройства дорог необходимо было решать на государственном уровне. Тем не менее эта обязанность была возложена на население в качестве повинности. Содержание почтовых станций также легло на плечи местных жителей. Буряты внесли большой вклад в развитие почтовой связи Забайкалья, их усилиями строились и ремонтировались дороги. Хоринские буряты, по территории кочевий которых проходил почтовый тракт, создали уртоны, перевозили почту.

Почтовая связь и особенно почтовые дороги были бы качественнее, если бы государство полностью взяло на себя их обслуживание.

Литература

1. Бурятские летописи. — Улан-Удэ, 1995.
2. Гегеймейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. — СПб., 1854. — Т. II.
3. Геденштром М. М. Отрывок о Сибири. — СПб., 1830.
4. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 7 (Баргузинская степная дума). Оп. 1
5. История Кударинской степной думы в документах Национального архива Республики Бурятия (1825–1903 гг.). — Улан-Удэ, 2010. — 248.
6. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. — СПб., 1886.
7. ПСЗРИ Собр. I. Т. XVI. 1763. 11387
8. Путешествие по Забайкалью государя императора Николая II (1890–1891). // Путешествие на Восток. — Улан-Удэ, 1992. — 39 с.
9. Эрэнжэн Хара-Даван. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV. — 2-е изд. — Элиста, 1991.

References

1. *Buryatskiye letopisi - Buryat chronicles*. Ulan-Ude, 1995.
2. Gegeymeyster Yu. A. *Statisticheskoye obozreniye Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Saint Petersburg, 1854. Vol. II.
3. Gedenshtrom M.M. *Otryvok o Sibiri* [The passage of Siberia]. Saint Petersburg, 1830.
4. *The State Archives of the Republic of Buryatia*. F. 7. Op. 1.
5. *Istoriya Kudarinskoy stepnoy dумы v dokumentakh Natsionalnogo arkhiva Respubliki Buryatiya (1825–1903 gg.)*. Sb. dokumentov, perechen dokumentov [History Kudarinskoy steppe Duma in the documents of the National Archives of the Republic of Buryatia (1825–1903 gg.)]. Coll. documents, list of documents]. Ulan-Ude, 2010. 248 p.
6. Slovtsov P. A. *Istoricheskoye obozreniye Sibiri* [Historical review of Siberia]. Saint Petersburg, 1886.
7. *Polny Svod zakonov Rossyskoy imperii (P.S.Z)*. [Full Code of Laws of the Russian Empire]. Sobr. I. Vol. XVI. 1763. No 11978; Sobr. III. 1811. No 24737
8. *Puteshestviye po Zabaykalyu. Puteshestviye na Vostok Gosudarya imperatora Nikolaya II* [Travel Transbaikalia. Journey to the East Emperor Nicholas II]. Ulan-Ude, 1992.
9. Erenzhen Khara-Davan. *Chingis-khan kak polkovodets i ego naslediye. Kulturno-istorichesky ocherk Mongolskoy imperii XII–XIV* [Genghis Khan as the commander and his legacy. Cultural and historical overview of the Mongolian Empire XII–XIV]. Izd. 2. Elista, 1991.

УДК 94(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-76-81

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТИИ)

© **Номогоева Виктория Владимировна**

доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: nomogoeva67@mail.ru

В статье рассматриваются основные проблемы организации и деятельности изб-читален в Бурятии в первые годы строительства советской власти. Подробно исследуются мероприятия по организации финансирования, материально-технического оснащения и кадрового обеспечения этих учреждений. Выявляются особенности и трудности формирования бюджета на примерах отдельно взятых изб-читален. Анализируется процесс планирования деятельности изб-читален, который охватывал широкий спектр культурной сферы деревни. Акцентируется внимание на постепенном переходе управления процессом культурного просвещения в руки партийно-государственного аппарата. Рассмотрены проблемы литературного обеспечения в условиях слабой постановки издательского дела в стране. Отмечаются разнообразные формы привлечения населения к новым формам советской культуры, постепенного преодоления трудностей экономического, социально-психологического, организационно-кадрового и методического характера. Особое место уделено своеобразию хозяйственно-бытовых особенностей населения, территориальной разбросанности и ряду других причин географического характера.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, культурно-просветительская работа, кадры, материальная база, программно-методическое обеспечение, подготовка кадров.

VILLAGE READING ROOMS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER (ON THE EXAMPLE OF BURYATIA)

Victoria V. Nomogoeva

DSc in History, A/Professor, Dean of the historical faculty, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article discusses the main problems of the organization and activities of village reading rooms in Buryatia in the first years of Soviet power. The arrangements for financing, provision of material and technical equipment and staff engagement of these institutions are researched in detail. The peculiarities and difficulties of the budgeting are revealed on the examples of some reading rooms. The process of planning of the reading rooms activities is analyzed, it covered a wide range of cultural sphere in the village. There is a focus on the gradual transition of the process of education management to the Bolshevik authorities. The problems of literature provision in the poor conditions of publishing industry in the country are considered. There various forms of attracting people to new forms of Soviet culture are noted, as well as the gradual overcoming difficulties of the economic, social, psychological, organizational, personnel and methodological nature. The originality of household features of the population, territorial dispersion and other geographical factors highlights.

Keywords: illiteracy elimination, cultural and educational activities, human resources, material resources, program-methodological support, personnel training.

Современное общество развивается с огромной скоростью. Люди перестают читать книги, дети проводят дни за компьютером. Хотя общеизвестно, что роль книги в жизни человека огромна. Без нее были бы невозможны ни образование, ни культура нашего общества. Именно книга хранит в себе все то, что накопило человечество за все века своего существования в различных областях.

И каким бы нареканиям не подвергалась культурно-просветительская работа прошлых советских лет за излишне активную идеологию, мелочную опеку со стороны властных структур, сегодня именно эти сложившиеся в годы становления советской власти традиционные

формы и структуры продолжают выполнять задачи духовного воспитания подрастающего поколения, распространения культурных ценностей.

Очевидно только то, что в ближайшее время изучение истории культурной революции будет продолжать развиваться в условиях полиметодологической ситуации. Дальнейшая разработка проблемы будет зависеть не столько от введения в научный оборот новых документальных источников, сколько от более глубокого и всестороннего анализа традиционных и новых сюжетов, расширения исследовательской проблематики, повышения историографической культуры историков, научного уровня диалога между учеными — специалистами разных наук [1].

Изба-читальня как один из видов сельских клубных учреждений в СССР возникает в первые годы советской власти. В Бурятии и в некоторых других национальных регионах, кроме традиционных, созданы передвижные избы-читальни и красные юрты. Направление и содержание работы этих учреждений определялись циркуляром ВЦИК и СНК РСФСР от 18 сентября 1924 г., а затем постановлением ЦК ВКП (б) от 11 ноября 1929 г. «Об избах-читальнях».

Избы-читальни сыграли большую роль в ликвидации неграмотности населения республики и создании новой советской культуры, поскольку являлись «основным каналом политико-идеологического воспитания» [2].

В первые годы советской власти в Бурятии наблюдается бурный рост изб-читален. Пробудившийся интерес масс к политике и к общественной жизни и тяга к знанию заставляли почти каждый населенный пункт к их открытию. В 1920-х гг. в Бурятии система развития изб-читален и красных уголков выглядела следующим образом [3].

Учреждения	1923—1924		1924—1925		1925—1926		1926—1927		1927—1928		
	Бюдж.	Вне-бюдж.	Бюдж.	Вне-бюдж.	Бюдж.	Вне-бюдж.	Бюдж.	Вне-бюдж.	Бюдж.		
									Стац.	Передв.	Раз.
Избы-читальни	—	99	56	94	65	51	74	25	64	12	11
Красные уголки	—	—	—	84	—	228	—	177	—	—	—

Материальная база изб-читален возрастает ежегодно. Содержание бюджетных изб-читален происходило за счет средств местного бюджета, внебюджетных — за счет населения.

Динамика роста бюджета [3]

Бюджет	1924—1925		1925—1926		1926—1927		1927—1928	
	В абсол. цифрах	% к бюдж. нар. обр.	В абсол. цифрах	% к бюдж. нар. обр.	В абсол. цифрах	% к бюдж. нар. обр.	В абсол. цифрах	% к бюдж. нар. обр.
Госбюд	240 000	15,5	60 100	23,4	95 000	23,5	103 600	22,3
Местн. бюджет	174 600	18,1	146 500	13,4	198 900	13,7	284 600	14,7

Доля политпросвета в бюджете народного образования в абсолютных цифрах постепенно увеличивалась, но в процентном отношении замечалось снижение. Согласно постановлению коллегии Наркомпроса РСФСР, доля политпросвета в бюджете народного образования должна была составлять не менее 17 %.

Не имея достаточных средств по бюджету, избы-читальни республики особенно нуждались в соответствующих помещениях и в оборудовании. Собственных помещений имели ограниченное количество изб-читален, большинство находилось в простых малооборудованных крестьянских избах, на ремонт которых приходилась мизерная сумма. По отчетам Наркомпроса за 1924—1925 гг., оборудование большинства изб-читален не отвечало требованиям, предъявляемым к заведениям подобного рода. Например, для 4 бюджетных изб-читален в крупнейших селах Верхнеудинского района не было ни одного помещения, пригодного для культурной работы. В Большом Куналее изба-читальня имела два крестьянских дома, в которых не

было печей, поэтому работа фактически проходила в одной комнате размером 5х6 кв. метров; такое же положение наблюдалось и в с. Куйтун. В Тарбагатае в бывшем здании исполкома в 3 комнатах располагались сельсовет, комната милиционера, кутузка, районная библиотека, а для избы-читальни места не нашлось. В с. Новая Брянь изба-читальня находилась в бывшем здании ВИКа, в котором ей была отведена лишь одна комната размером 4х6 кв. метров, остальное занимали сельский совет, комната милиционера и кутузка. Особенно Наркомпрос возмущал факт соседства с кутузками, которые были заполнены хулиганами, пьяными, мешающими работе избы-читальни [3, д. 2, л. 3].

Такое же положение Наркомпрос отмечает в Боханском аймаке, в котором Осинская изба находилась в полуразрушенном здании, а в Укыре ютилась в помещении школы.

Отдельные выдержки из инспекторских проверок свидетельствуют о том, что внешний и внутренний вид изб-читален оставляет желать лучшего, поэтому низовые политпросветработники ставили вопрос о необходимости увеличения средств на хозяйственные нужды изб-читален.

Для культработы необходимо, прежде всего, уют и тепло, чистота и свет, удобство, как констатирует инспектор Наркомпроса. Вот как выглядела смета Ново-Брянской избы [3]:

	По смете (в р.)	Фактич. расход (в р.)
Отопление	19,60	48,0
Освещение	9,8	21,6
Мелкий ремонт	6,0	18,0
Инвентарь	—	42,0

Слабость материальной базы сказывалась и на деятельности изб-передвижек. Не имея собственной юрты, эти передвижки вынуждены были развешиваться и вести работу в том или ином улусе в чужой юрте, что, конечно, неблагоприятно сказывалось на самой работе.

В планы деятельности изб-читален входили следующие направления: советское и колхозное строительство, хозяйственно-политические кампании, общественная работа в деревне, а также кооперативная, естественно-научная и антирелигиозная пропаганда, военизация населения, санитарно-гигиеническое просвещение, физкультура и новый быт, революционные праздники и годовщины. Многогранность работы избы-читальни требовала приобретения литературы по военной и кооперативной пропаганде, сельскому хозяйству, санитарному просвещению, по женскому движению и т. д. Особенным спросом у населения пользовалась национальная литература.

Наркомпрос беспокоила слабая обеспеченность изб-читален учебными и наглядными пособиями. Выделяемые по бюджету средства на учебные расходы в среднем по 100 рублей не давали возможности более полно обеспечить их литературой, картами и другими наглядными пособиями. При этом 20 % средств, отпускаемых на учебные расходы изб-читален, использовались на покупку неперiodической литературы для пополнения библиотеки.

Из периодических изданий избами-читальнями Бурятии выписывались газеты: «Бурят-Монгольская Правда», «Бурят-Монголун Унэн», «Московская правда», «Крестьянская газета», «Беднота» и т. д., журналы: «Лапоть», «Крестьянка», «Безбожник», «Сам себе агроном», «Изба-читальня», «Спутник агитатора», «Крокодил», «Кооперативный журнал», «Безбожник» и другие.

На фоне постоянно растущего фронта деятельности избы-читальни наблюдался процесс сокращения учебных расходов по сметам. Так, например, Осинская изба-читальня в 1924/25 учебном году получила 200 р., в 1925/26 — 150 р., а в 1926/27 — 100 р. Реальный расчет на учебную часть избы-читальни исчислялся следующими цифрами [3]:

1. Выписка газет и журналов — 85 р.
2. Пополнение библиотеки массовой литературой — 25 р.
3. Пособия кружкам — 30 р.

4. Плакаты, географич. карты и проч — 20 р.

5. Прочие учебные расходы — 10 р.

Итого минимум — 170 р.

В целом за период 1924–1927 гг. наблюдалось постепенное уменьшение внебюджетных изб-читален, число которых уменьшилось в три раза, что, в свою очередь, объясняется переклассификацией части внебюджетных изб-читален в красные уголки. На учебную часть красных уголков отпускалось в среднем по 15 р.

В отчетных документах того времени при определении причин промедления политпросветработы указывается отсутствие со стороны центра Главполитпросвета и Наркомпроса РСФСР точных указаний по определению районов деятельности изб-читален, количественному охвату населения и других статистических установок [3], что, в свою очередь, свидетельствует о полной зависимости местного руководства от директив из центра. В документе, в частности, говорится о неизученности вопроса о районе деятельности передвижных изб-читален, хотя, по нашему мнению, инициатива по разрешению таких проблем как раз должна была исходить с низов.

Работники избы-читальни подбирались в основном из активистов, партийцев, комсомольцев, демобилизованных красноармейцев, окончивших совпартшколы. Ввиду недостатка культурных сил в Бурятии и слабой материальной обеспеченности деревенских политпросветчиков замечается чрезвычайная текучесть состава избачей.

Сведения о кадровом составе изб-читален 1926–1927 гг. из-за слабо поставленного учета дошли до нас в неполном виде:

Имеются сведения		66
Пол	Мужчин	64
	Женщин	2
Национальность	Бурят	35
	Русских	31
Партийность	ВКП(б)	42
	ВЛКСМ	17
	Безпартийный	7
Образование	Среднее	5
	Незаконченное среднее	12
	Низшее	49
Социальное положение	Крестьян	47
	Рабочих	4
	Служащих	15
Возраст	До 20 лет	4
	20–24 лет	33
	24–30 лет	22
	Старше 30 лет	7
Всего учтено работников		107

Данные таблицы свидетельствуют о том, что избачи в большинстве имели низкую квалификацию и недостаточную грамотность. Они знают, что надо вести беседы, читки, постановки и многое другое, но они не знают, как и что делать на практике, они сидят в четырех стенах и ждут, когда масса придет к ним и при этом заявляют, что работать с 5–10 «нет смысла» [7]. Частые переброски на другие места работы, текучесть кадров (в некоторых избах-читальнях происходило до 6 смен работников в год), чрезмерная загрузка другими видами деятельно-

сти, а также отсутствие условий для работы — все это оказывало отрицательное влияние на такую форму работы, как изба-читальня. Таким образом, существовавшие кадры работников изб-читален требовали повышения квалификации, особенно в направлении общеобразовательных дисциплин.

В области управления политпросветработой в связи с упразднением хошунных исполнительных комитетов хошполитпросветкомы были ликвидированы и вместо них были введены советы участковых изб-читален. На заседаниях советов изб-читален обсуждались вопросы организационного характера: распределение пунктов по ликвидации неграмотности, создание различных кружков, утверждение плана работ, распределение обязанностей между членами совета и т. п. Работа Советов изб-читален зависела не столько от объективных причин, сколько от инициативы самих работников-избачей, от решения вопросов коллегиальным путем, через широкое обсуждение актива. В большинстве же случаев избачи проявляли самостоятельность в решении намеченных вопросов и не использовали в организации своей работы представителей сельской интеллигенции.

Анализ планирования работы избы-читальни выявил следующие тенденции. С одной стороны, директивы из центра требовали чрезмерного планирования деятельности, которая иногда доходила до абсурда: составление слишком громоздких планов, повторение одного и того же, общие фразы, надуманность, расплывчатость; с другой — положительным моментом являлись возможность преодоления кампанейщины и формирование умения сотрудничать с другими общественными учреждениями и организациями села и улуса.

Работа избы-читальни была довольно многообразной. Первое место среди всех форм массовой деятельности занимала справочная работа по вопросам правового, бытового, хозяйственного и политического порядка. Беседы и чтения имели также важное место в работе изб-читален. Постепенно все больше проводились более оживленные и активные формы массовой работы. Шире начинает применяться форма вечеров вопросов и ответов. Большую посещаемость дают художественно-зрелищные формы работы: спектакль, художественные вечера, агитсуды, живые газеты, кино, радио.

Кружковая работа развивалась в таких направлениях, как общественно-политическое (кружки политграмоты, кооперативные, селькоровские, антирелигиозные); производственно-техническое (сельскохозяйственные, домоводческие, рукоделия); общеобразовательное (самообразования, заочного обучения, естественно-научные); художественное (драмкружки гармонистов, певческих, оркестровых живая газета и др.); военное (кружки военных знаний, стрелковые, красных сестер, физкультуры).

Усложняли работу своеобразные хозяйственно-бытовые особенности населения, территориальная разбросанность, ряд других причин географического характера.

Хотя общее состояние изб-читален в Бурятии 1920-х гг., характер и содержание их работы, а также их материальное положение значительно отставали от общероссийских темпов, тем не менее изба-читальня стала действительным организационным центром культурно-просветительной работы на селе и улусе.

Таким образом, обобщив вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что в 1920-е гг. в Бурятии создаются основы новой системы культурно-просветительной работы, главным проводником которой на селе являлась изба-читальня. Созданная сеть строилась в соответствии с административно-территориальным делением республики. Ее главной отличительной чертой являлось стремление приблизить новые формы культуры к населению через разнообразные формы работы.

Литература

1. Номогоева В. В. Культурное строительство в Бурятии в постсоветской историографии // Вестник Бурятского госуниверситета. — 2010. — Вып. 7.
2. Плеханова А. М. Бурятия в 1920-е гг.: опыт социально-экономической модернизации. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — С. 354.
3. ГАРБ. Ф-60. Оп. 3. Д. 22, 24. Л. 2, 3, 6, 7.

References

1. Nomogoyeva V.V. *Kulturnoye stroitelstvo v Buryatii v postsovetskoy istoriografii* [Cultural construction in Buryatia in the post-Soviet historiography]. *Vestnik Buryatskogo gos universiteta. Seriya istoriya - Bulletin of the Buryat State University. Series history*. Ulan-Ude. Ussue.7. 2010.
2. Plekhanova A.M. *Buryatiya v 1920-e gg.: opyt sotsialno-ekonomicheskoy modernizatsii* [Buryatia in 1920gg.: the experience of social and economic modernization]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center publ., 2011. P. 354.
3. GARB (State Archive of the Republic of Buryatia). F-60. Op.3. D.22, 24. L.2, 3, 6, 7.

УДК 339.9 (470+517.3)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-82-85

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БИЗНЕСА

© Гельман Вячеслав Александрович

доктор исторических наук, доцент кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления

Россия, 670013, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40В

E-mail: wigdan@mail.ru

Статья рассматривает роль предпринимателей в межрегиональном сотрудничестве Монголии и Республики Бурятия. Расширение торгово-экономического, культурного сотрудничества двух стран невозможно без учета исторических условий, в которых были сформированы современные предприниматели. Среднее и малое предпринимательство в значительной степени способствует созданию конкурентной среды, установлению рыночного равновесия. Развитие малого предпринимательства в Бурятии и Монголии является важным фактором, обеспечивающим занятость населения, насыщение рынка разнообразными товарами и услугами. В целях усиления наметившейся тенденции к развитию малого предпринимательства и необходима активизация действий исполнительных органов государственной власти Республики Бурятия и Монголии в части его поддержки и преодоления сдерживающих факторов. Руководители промышленных предприятий и гендиректора ведущих компаний Бурятии и Монголии должны видеть перспективы дальнейшего развития международной зоны свободной торговли, выхода на региональные и международные рынки при создании таможенного терминала на границе с Монголией.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, приграничные регионы, предпринимательство, сотрудничество.

RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION IN THE FIELD OF BUSINESS

Vyacheslav A. Gelman

DSc in History, A/Professor of the department of social technologies, East-Siberian University of Technologies and Management

57 Pugacheva St., Apt.60, Ulan-Ude, 670013 Russia

The article considers the role of entrepreneurs in the interregional cooperation of Mongolia and the Republic of Buryatia. The expansion of trade and economic and cultural cooperation between two countries is impossible without taking into account the historical conditions in which modern businessmen have been formed. The average and small businesses contribute significantly to the formation of the competitive environment, the maintenance of market equilibrium. The development of small business in Buryatia and Mongolia is an important factor that contributes to employment, to saturation the market with various goods and services. In order to strengthen the trend towards the development of small business it is necessary to accelerate actions of the state executive authorities of the Republic of Buryatia and Mongolia in terms of its support and overcome constraints. The heads of industrial enterprises and the general directors of leading companies in Buryatia and Mongolia should see prospects for the further development, with the creation of a customs terminal on the border with Mongolia, the prospects of an international free trade zone, access to regional and international markets.

Keywords: inter-regional cooperation, border regions, entrepreneurship, cooperation.

Межрегиональное сотрудничество Монголии и Республики Бурятия является одним из примеров сформированных добрососедских отношений для России и Монголии. Эти связи потенциально являются одним из важнейших резервов для расширения торгово-экономического, культурного сотрудничества двух стран. Общая граница связывает Монголию не только с Республикой Бурятия, но и с Иркутской областью, Республикой Тыва, Алтайским краем. Приграничные регионы имеют большое значение в сотрудничестве с сопредельной страной, являются одним из приоритетных экономических партнеров. Большую роль в этих связях играют местные предприниматели, которые и освоили монгольский экономический рынок. В настоящее время с развитием экономики Монголии и заключением совместных экономи-

ческих соглашений предприниматели Монголии выходят на региональный и международный рынок, успешно участвуют в реализации совместных проектов, сочетающих интересы монгольских регионов и Монголии в целом.

Развитие рыночных систем в Монголии имеет свою специфику, что отражается во многих сферах экономики и общественных отношений. Формирование рыночных отношений в Монголии напрямую связано с развитием предпринимательства и экономической активности населения. Проводимая экономическая реформа ставит задачу для создания высокоэффективной экономики, позволяющей поднять уровень жизни населения Монголии. Важную роль в этом должно сыграть предпринимательство, развитие которого является одним из решающих факторов успешного осуществления рыночных преобразований.

С переходом к рыночным отношениям в Монголии, как и в России в девяностые годы, развернулись большие социально-экономические преобразования: были приватизированы государственные предприятия, в результате чего в стране появился и начал развиваться быстрыми темпами частный сектор. В то же время сравнение уровня развития предпринимательства в двух странах показало, что Монголии предстоит еще пройти значительный путь по реструктуризации своей экономики для перехода от системы крупного и во многом еще монополизированного производства к гармоничному сочетанию крупных, средних и малых предприятий. Одними из главных условий для развития предпринимательства являются государственная поддержка, принятие законодательной базы и всесторонняя помощь со стороны государства.

По мере экономического роста в России и Монголии произошли положительные сдвиги и в торговых отношениях между Республикой Бурятия и Монголией. Если в 1995 г. доля Бурятии в товарообороте России и Монголии составляла всего 5 %, то в 2004 г. — 12 %, в том числе в экспорте — 11 %, в импорте — 32,4 %. В 2009 г. на Бурятию приходилось около 22 % внешней торговли России с Монголией. Внешнеторговый оборот Республики Бурятия с Монголией в 2009 г. составил 67,35 млн дол. (10,5 % всего внешнеторгового оборота республики), в том числе экспорт Республики Бурятия в Монголию — 62,71 млн дол., импорт — 4,64 млн дол. [1]. Монголия является важнейшим торговым партнером Республики Бурятия и занимает 6-е место в обороте внешней торговли республики, в том числе 6-е место в экспорте и 4-е — в импорте. Внешнеторговый оборот Республики Бурятия с Монголией за 2013 г. по сравнению с аналогичным периодом 2012 г. снизился на 6,8 % и в стоимостном объеме составил 42,2 млн дол. США [2].

В 1999 г. между Республикой Бурятия и Монголией подписано соглашение «О торгово-экономическом, научно-техническом и приграничном сотрудничестве с Республикой Бурятия». Благодаря этому в 2000-е гг. произошли серьезные изменения в монголо-бурятских отношениях. Предприниматели Бурятии стали активнее проявлять интерес к сотрудничеству с партнерами из Монголии. Большую роль в формировании региональных связей, торгово-экономического сотрудничества играют внешнеэкономические связи двух стран. В январе 2008 г. состоялся визит президента РБ В. В. Наговицына в Монголию, показавший заинтересованность в развитии торгово-экономических связей, были подписаны контракты между компаниями на сумму 175 млн р. В 2014 г. во время визита президента РФ В. В. Путина заключено соглашение с Монголией о безвизовых поездках граждан, вступившее в силу с 14 ноября 2014 г.

Предпринимательство Монголии проходит такой же путь своего развития, как и в других странах. Так, в 2007 г. парламентом Монголии принят закон о малом и среднем предпринимательстве, в Республике Бурятия закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Республике Бурятия» — в 2008 г. В рамках этого закона определены основные направления поддержки и развития малого и среднего предпринимательства, также принимается государственная целевая программа по развитию малого и среднего предпринимательства. В Монголии создаются центры развития предпринимательства в аймаках Завхан, Гови-Алтай, Дархан и в районах Сонгинохайрхан, Баянзурх г. Улан-Батора с целью поддержки малых и средних

предприятий. Эти центры проводят обучение и консультации с гражданами и предпринимателями и обеспечивают их информацией. В 2008 г. постановлением Правительства Монголии было создано Агентство по поддержке развития малого и среднего предпринимательства [3]. В 2007 г. в Республике Бурятия создан Фонд поддержки малого предпринимательства, в 2009–2010 гг. созданы муниципальные фонды в 21 муниципальном образовании, активы которых на 1 января 2011 г. составили 121 млн р. [4].

В 2009 г. с целью поддержки предпринимательства Монголии были выделены из государственного бюджета 30,8 млрд тугриков. Коммерческие банки и местные органы власти направили 30 % общей суммы кредитов на поддержку. Всего охвачены кредитами на 3 года 21 аймак, 1 528 хозяйственных организаций, 366 предприятий под 12 % годовых. В результате 995 хозяйственных организаций обновили технику и технологии, создали 5 502 новых рабочих мест, было сохранено 18 700 рабочих мест [5].

Структура предоставления льготных кредитов по отраслям следующая: производство продовольствия — 18 %, сельское хозяйство — 26 %, легкая промышленность — 24 %, стройматериалы — 11 %, другие отрасли — 21 %. Из всех заемщиков 30,1 % составляют начинающие производство, 69,9 % — расширяющие свой бизнес [5].

Развитие предпринимательства в Монголии позволяет создать новые рабочие места, решать проблему безработицы и уменьшить уровень бедности населения.

Таблица

Количество зарегистрированных малых предприятий

Годы	2004	2005	2007	2009	2010	2012
Бурятия	3 232	3 206	5 747	7 075	8 662	10 269
Монголия	25 356	22 547	32 105	59 700	—	—

Активное развитие малого и среднего предпринимательства происходит в сфере торговли и оказании услуг, преимущественно в крупных городах, особенно Улан-Баторе. При этом бизнес-климат в Монголии сейчас один из самых благоприятных в Азии, тогда как бизнес в России продолжает считаться рискованным и связанным с коррупцией и правовыми преградами. Монгольским бизнесменам нецелесообразно вкладывать свои деньги в российские отрасли, которые в настоящее время еще полностью не освоены.

На монгольском рынке высока конкуренция бизнесменов из Китая, Кореи и Казахстана, а бурятские компании в большей степени стараются сохранить свое присутствие. Наибольший интерес для наших предпринимателей представляет сотрудничество в сельскохозяйственной отрасли, где можно будет увеличить экспорт мяса из Монголии. Заинтересованность проявили представители предприятий агропромышленного комплекса Республики Бурятия, такие как ОАО «Макароны Бурятии», ГК «Титан», ТГ «Абсолют», ООО «Здоровое питание», ООО «Бурятмяспром», ОАО «Молоко Бурятии» и др. Перспективным направлением внешнеэкономической деятельности Республики Бурятия является международный туризм со странами АТР, в том числе и с Монголией, разработаны три международных туристских проекта: «Восточное кольцо», «Байкал — Хубсугул», «Чайный путь».

В то же время 70 % российско-монгольского экономического сотрудничества приходится на Иркутскую область. По итогам 2013 г., внешнеторговый оборот Иркутской области с Монголией составил 260,3 млн дол. США. На территории региона зарегистрировано 13 коммерческих организаций с долей инвестиций физических и юридических лиц Монголии. Основными сферами деятельности компаний являются оптовая торговля нефтепродуктами, лесоматериалами, автотранспортными средствами и деталями, строительство зданий и сооружений, розничная торговля мебелью, аренда недвижимости [6]. В отличие от нашей республики Иркутская область сохранила свой промышленный потенциал и экономические связи с сопредельной стороной. Предприниматели Иркутской области активно развиваются, в 2011 г. число малых предприятий (без микропредприятий) составило 3 866. Наибольшее их количество сосредоточено в таких видах деятельности, как «оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств,

мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования» — 33,1 %, «операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг» — 20 %, «строительство» — 13 %, «обрабатывающие производства» — 10,3 %. В регионе сформирована инфраструктура поддержки инвестиционной деятельности, принимаются новые законы о госгарантиях, которые должны стать одной из основных форм поддержки деятельности частных компаний, реализующих инвестиционные проекты в приоритетных отраслях экономики Приангарья [7]. Все это способствует активному формированию экономических связей с предпринимателями Монголии и взаимодействию с бизнес-структурами Бурятии.

Для полноценного развития внешнеэкономических связей предпринимателям Бурятии необходима государственная поддержка и свобода в решении хозяйственных вопросов. Одним из главных препятствий является жесткая регламентация деятельности со стороны государственных структур. В настоящее время высокий уровень инфляции, обесценивание рубля, ограниченный рынок, общий экономический спад не способствуют развитию двухсторонних связей. Так, в приграничном с Бурятией Алтан-Булаке открывается международная зона свободной торговли, которая так и не смогла заработать в полную силу из-за нерешенных транспортных проблем и пункта пропуска Кяхта — Наушки. Современная экономическая ситуация, в которой оказалась Россия, требует выработки новых социально-экономических решений осмысления своего исторического места в многополярном мире. История сотрудничества двух стран показывает, что предпринимательство способствует сбалансированным отношениям с Западом и Востоком, и развитие отношений России и Монголии должны быть построены на национальных интересах, взаимном уважении и партнерстве.

Литература

1. Внешнеэкономическая деятельность Республики Бурятия в 2009 году. — URL: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=259>
2. Материалы текущего архива Министерства экономики РБ. — URL: <http://egov-buryatia.ru/>
3. Монголия: проблемы привлечения прямых инвестиций в экономику / Л. Дугаржав [и др.]. — Финансы и кредит. — 2006. — № 30(234). — С. 80–89.
4. Гельман В. А. Развитие предпринимательской деятельности в Бурятии (1991–2010). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011. — 188 с.
5. Лундэнбазар Х. Малое и среднее предпринимательство в Монголии. — М., 2011. — 247 с.
6. Байкал24. — URL: <http://baikal24.ru/text/16-10-2014/torgovlja/>
7. Органы государственной власти Иркутской области: [сайт]. — URL: <http://irkobl.ru/sites/mongolpred/irkobl/economy>

References

1. *Vneshneekonomicheskaya deyatel'nost Respubliki Buryatiya v 2009 godu* [Foreign Economic Activity of the Republic of Buryatia in 2009]. Available at: <http://egov-buryatia.ru/index.php?id=259>
2. *Materialy tekushchego arkhiva Ministerstva ekonomiki RB* (Current archive materials of the Ministry of Economy of the Republic of Buryatia). Available at: <http://egov-buryatia.ru/>
3. Lundenbazar Kh. *Mongoliya: problemy privlecheniya pryamykh investitsy v ekonomiku* [Mongolia: the problem of attracting foreign direct investment in]. *Finansy i kredit - Finance and credit*. 2006. No 30(234). Pp. 80–89. No.31(235). Pp. 65–74.
4. Gelman V.A. *Razvitiye predprinimatelskoy deyatel'nosti v Buryatii (1991–2010)* [The development of entrepreneurship in Buryatia (1991–2010)]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2011. 188 p.
5. Lundenbazar Kh. *Maloye i sredneye predprinimatel'stvo v Mongolii* [Small and medium enterprises in Mongolia]. Moscow, 2011. 247 p.
6. *Baykal24* (Baykal24) Available at: <http://baikal24.ru/text/16-10-2014/torgovlja/>
7. *Sayt organov gosudarstvennoy vlasti Irkutskoy oblasti* (Government website Irkutsk region) Available at: <http://irkobl.ru/sites/mongolpred/irkobl/economy/>

УДК 94(571)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-86-90

ЮГО-ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ XIX — НАЧАЛА XX в. В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ

© Паликова Татьяна Вадимовна

доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: palikova@mail.ru

Статья посвящена некоторым сферам приграничного сотрудничества России с Монголией и Китаем во второй половине XIX — начале XX в.: межгосударственным отношениям, экономическим, хозяйственным и культурным вопросам, раскрывающимся на основе архивного, эпистолярного и опубликованного материала. Характеризуется роль Забайкалья в системе русско-восточных международных отношений, ключевыми центрами которых стали Троицкосавск/Кяхта и Маймачен. Дается сравнительная характеристика русско-монгольским и русско-китайским торговым контактам, ее структуре и значимости в системе международной торговли на восточной окраине империи. Однако основное внимание уделяется повседневным связям трех народов трансграничья, проявлявшееся, прежде всего, в хозяйственных отношениях, складывавшихся на протяжении длительного времени. Установление полосы беспошлинной торговли, возможность беспрепятственного проникновения на 50 верст вглубь приграничных территорий способствовали активизации международной деятельности, поддержанию межличностного общения. В рамках этого сотрудничества происходило приобщение к культурным традициям народов, оказавшее определенное влияние на русское хозяйствование на монгольских территориях, главную роль в котором играли приграничные города. Указывается, что стабильность и доброжелательность во взаимоотношениях жителей Забайкалья с монголами и китайцами, осуществлявшими свою деятельность в пределах пограничной полосы, имели стратегическое значение.

Ключевые слова: Россия, Китай, Монголия, Троицкосавск, Кяхта, Маймачен, международное экономическое, хозяйственное, культурное сотрудничество.

SOUTH-WESTERN TRANSBAIKALIA OF THE 19th — EARLY 20th CENT. UNDER THE TRANS-BOUNDARY CONDITIONS

Tatiana V. Palikova

DSc in History, A/Professor of the department of general and national history, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to some spheres of boundary cooperation of Russia with Mongolia and China in the second half of the XIX — early XX centuries: interstate relations, economic and cultural issues, that are revealed on the basis of archival, epistolary and published material. The role of Transbaikalia in the system of the Russian-oriental international relations is characterized, Troitskosavsk/Kyakhta and Maimachen became the key centers. A comparative characteristic of the Russian-Mongolian and the Russian-Chinese trade contacts is given, of its structure and significance in the system of international trade at the Eastern edge of the empire. However, more attention is paid to everyday ties of three trans-boundary peoples that revealed, first of all, in the economic relations that had been developing for the duration of long time. Establishment a band of free trade, unimpeded penetration by 50 miles deep into the border areas contributed to the intensification of international activities, the maintenance of interpersonal communication. Within this cooperation the introduction to the cultural traditions of the nations took place, it had a certain influence on the Russian economic activities at the Mongolian territory, where the frontier towns played the main role. It is stated that stability and friendly attitude in interrelations between Transbaikalia residents and Mongolians and Chinese, who performed their activities within the boundary band, had the strategic significance.

Keywords: Russia, China, Mongolia, Troitskosavsk, Kyakhta, Maimachen, international economic, cultural cooperation.

Забайкальская область — полиэтническое административно-территориальное образование Российской империи, которое развивалось в условиях трансграничья. В этих рамках мы обратим внимание на ее юго-западную часть — территорию современной Республики Бурятия. Признанная и узаконенная государственная граница незримо разделила территории по обе ее стороны на заграничье, пограничье и внутренние районы с типичными для каждой из зон официальными и частными бытийными практиками. Культурно-цивилизационная граница, очевидная и естественная, отличила народы, удостоверяла их самобытность, особость. Множественность существовавших границ, реальных и виртуальных, как оказалось, не стала непроницаемой для русских, бурят, монголов и китайцев, взаимодействию которых и посвящена эта статья.

Начиная с 17-го столетия в Забайкалье упорядочиваются контакты между разнотипными культурами. Нас в большей степени интересует вторая половина XIX — начало XX в. — время усиленного взаимовыгодного диалога, который затрагивал основные сферы деятельности народов.

В Юго-Западном Забайкалье точкой концентрации контактов естественным образом становится Троицкосавск (Кяхта). Сюда с караванами приходили монголы, здесь собирались буряты, занимавшиеся извозом, на границе компактно проживали китайцы.

Установившиеся дружеские отношения Забайкалья с монголами пограничной полосы имели не только стратегическое, но и экономическое значение. Последнее станет еще более значимым, если помнить о том, что Юго-Западное Забайкалье максимально использовало некоторые жизненно важные продукты монгольского производства. Основным видом экономического взаимодействия была торговая деятельность в приграничной зоне, которая в соответствии с Правилами для сухопутной торговли, установленными 15 апреля 1869 г., велась беспошлинно по границе обоих государств на расстоянии 100 китайских ли (около 50 русских верст) в ту и другую сторону (ст. 1). Эти правила привели к тому, что преобладающей становится меновая торговля, т. к. ею занимались в основном мелкие торговцы по обе стороны границы.

Главной, постоянно увеличивавшейся статьей монгольского импорта были скот и продукты животноводства. По данным отчетов забайкальских военных губернаторов, поставка крупного рогатого и мелкого скота увеличилась с 4 286 голов в 1865 г. до 78 393 голов в 1902 г. [3, л. 105–106]. При этом средняя цена одного животного оставалась почти неизменной: 36–45 р. для крупного рогатого скота и 3–5 р. для мелкого. Часть монгольского скота после Кяхтинского карантина следовала на Кяхтинскую скотобойню, часть транспортировалась в другие местности области, в частности на Верхнеудинскую скотобойню, третья часть мяса оставалась в Кяхте и Троицкосавске. Монголия отправляла на забайкальский рынок значительное число лошадей, стоимость которых в зависимости от качества, колебалась от 18 до 60 р. Из Монголии тысячами вывозились невыделанные кожи, необходимые для обшивки чая, животное масло и сало. Правда, по свидетельствам современников, монгольское масло обладало неприятным запахом, требовало дальнейшей обработки, но стоило дешевле масла, привозившегося из Западной Сибири (15–17 р. за пуд в Верхнеудинске, 1911–1912). Популярностью среди забайкальцев пользовалось топленое баранье сало, которое покупали и горожане, используя его для выпечки [12]. Животное сало-сырец завозилось на свечные и мыловаренные заводы, сосредоточенные вокруг Троицкосавска-Кяхты. В частности, открытый в 1897 г. стеариновый завод Г. М. Осокина работал исключительно на сале, доставлявшемся из приграничной зоны и отдаленных районов Монголии.

Однако объем импортных продуктов животноводства и скота иногда значительно снижался. Бичом скотоводческих хозяйств в Монголии и Забайкалье были эпизоотии чумы, которые распространялись по сопредельным территориям каждые 2–3 года. Несмотря на устанавливаемые караулы, забайкальским властям долго не удавалось справиться с ситуацией, тем более что монголы не предпринимали мер к лечению своего поголовья. Наиболее страшным по последствиям считается 1889 г., когда в Забайкалье погибло 73 699 животных при ежегод-

ной «нормальной» потере в 500–1000 голов [7, с. 4]. Только устройство противочумной станции на р. Иро, выработка и запас сыворотки положили предел тотальному распространению инфекции. Более того, монголы, видя эффективность деятельности русских ветеринаров, стали сотрудничать с ними, прививая свой скот.

Экономическое взаимодействие порубежных территорий осуществлялось еще по нескольким направлениям. Русские и буряты приобретали сенокосные участки в Монголии, делая запасы сена на зиму, одновременно с этим снабжением забайкальского приграничья сеном занимались и монголы. От 15 до 32 тыс. возов сена проходило ежегодно через Кяхту, две трети которого покупалось здесь же по цене 2–3,5 р. за воз в 8–10 пудов. Забайкальцами арендовались участки леса для заготовки дров и строительных материалов. В наибольшей зависимости от монгольского леса оказывались жители Троицкосавска (Кяхты), расположенного в малолесистой зоне. Причем местное население для доставки порубленного леса прибегало к помощи монголов, в том числе и по причине того, что ввезенный русскими лес облагался пошлиной. Несмотря на постоянное увеличение в ввозе леса, строительных материалов, их доля оставалась незначительной — 3,2, иногда доходя до 24 %. Ведь дрова использовались не только для хозяйственных нужд, но и для нужд производства. Живущие на границе добывали в Монголии гуджир и самосадочную соль, не встречая препятствий со стороны местного населения.

Взамен поставок сырья в Забайкалье монголы приобретали, чаще выменивали товары промышленного производства: сортовое железо, инструменты, косы, топоры, гвозди, медные тазы, чайники, чугунные чаши.

Практически безвозмездно жители Юго-Западного Забайкалья пользовались охотничьими угодьями и реками в приграничье (ни дичина, ни рыба не входила в питательный рацион монголов). На охоту не устанавливалась такса, но, как утверждает Г. М. Осокин, промышленники «почти всегда оплачивают свои охоты добровольно или одаривают монгол» [9, с. 274]. Мы не будем останавливаться на этом промысле или, как его называет И. И. Попов, спорте, он хорошо описан в литературе. Скажем только, что Монголия по обилию и разнообразию дичи, в том числе и пернатой, была «вполне охотничьим эльдорадо» [10]. Рыбный же промысел не имел промышленного значения и обеспечивал только личное потребление рыбаков, они так же, как и охотники, делали подношения монголам. Обе стороны проявляли здесь взаимное радушие и гостеприимство. Как пишет современник: «Мы в праве... утверждать, что в сношениях с монголами и тех взаимно хороших отношениях, которые мы наблюдаем на границе, русские охотники и промышленники играли далеко не последнюю роль» [9].

Граница не становилась препятствием для бурятских табунов, отправляемых на монгольские пастбища, а русские лошади отдавались монголам на прокорм и в большинстве случаев бесплатно.

При наличии на территории Забайкалья сильных минеральных источников популярностью среди населения пограничья пользовались горячие северные источники. Особо славился так называемый Иринский источник, куда съезжались как монголы и китайцы, так буряты и русские.

Заграничные (официальные) контакты забайкальцев с Монголией известны с начала 1860-х гг., когда в Урге возникла русская колония, при которой открылась школа переводчиков. Общеизвестным фактом является и устройство на монгольской земле в районе р. Иро усадьбы кяхтинца Швецова, просуществовавшей до 1920-х гг. Проникали русские торговцы в отдаленные хошуны, причем охотнее монголы общались с владевшими языком и знавшими традиции. Однако серьезного воздействия на соседний народ они не оказывали.

Бурят влекли в Монголию духовные связи, вера, стремление побывать в Урге и получить благословение от Хутухты, а в начале XX в. — от Далай-ламы.

Ежегодный поток мигрантов через русско-китайскую границу увеличивался. По официальным данным (т. е. зарегистрированных в русском консульстве в Урге или купивших билет в Кяхтинском пограничном управлении), в начале 20-го столетия он составлял в среднем выехавших в Монголию 398 чел., в 50-верстную зону — 498 чел., в пределы Забайкалья — 580 чел.

ежегодно [8]. Причем иностранных граждан на территорию России, как видим, въезжало больше, чем в Монголию.

В Забайкалье изменения, произошедшие во всех сферах жизни от этнических до культурных, связаны с тесным переплетением судеб двух народов и выработывались в ходе многовекового совместного освоения края. Главным катализатором этих изменений стали города. Именно эта особая социокультурная модель оказывала влияние на центрируемый ею округ, прежде всего, своей культурной инфраструктурой. Поэтому буряты близлежащих селений легче усваивали новшества, культивируемые городом в одежде, обычаях, времяпровождении.

Наиболее интенсивным было приобщение бурятского народа к образованию. Общеизвестны следующие данные. С 1865 по 1889 г. при Читинской гимназии был открыт пансион для бурятских детей, в Селенгинске (1873) — русско-монгольская школа, в Иркутске при Учительской семинарии — две школы для детей забайкальских и иркутских бурят (1881). Саму семинарию за 28 лет (1872–1900) закончили 23 буряты. В 1888 г. в школах Верхнеудинска, Селенгинска, Троицкосавска обучались до 18 бурят [6, л. 69]. Обучение велось на русском языке, что, с одной стороны, затрудняло процесс усвоения знаний бурятскими детьми, с другой — способствовало превращению их в носителей элементов русской культуры. Общий взнос бурятского населения Забайкалья в дело просвещения значителен: 143 393 р. на открытие Читинской мужской гимназии, 800 р. на учреждение стипендии при Читинской женской гимназии (1894), 7 тыс р. на строительство каменного дома для Баргузинского городского училища (1906) [4, л. 3,5,7].

Формой просветительства и межкультурного диалога стала деятельность ВСОИРГО с Троицкосавско-Кяхтинским (1894) и Читинским (1895) подотделами. Эти научные учреждения систематически и целенаправленно изучали старомонгольский язык, занимались переводом древнейших трактатов, собирали предметы ламаистского искусства. Городские музеи стали центрами прямого взаимодействия национальных культур, центрами притяжения сопредельных народов. Например, в 1898 г. за один только день Троицкосавский музей принял 582 посетителя, из которых до 350 человек китайцев и монголов. В 1900 г. эта группа посетителей составила 37 %, бурят — 5,6 %, а в 1913 г. — 14,2 и 4,8 % соответственно [1].

В отчетах музеев можно встретить массу упоминаний о дарениях коллекций и отдельных вещей бурятского быта, буддийского или шаманского культа и высокопоставленными лицами, и священнослужителями, и простыми буддистами. Значительными были этнографические коллекции других музеев: коллекции Читинского музея включали в себя 3 449 экспонатов (1907), а Троицкосавского — 3 280 (1914). Этнографические выставки стали традиционными и преследовали цель приобщения горожан к культуре и быту других народов, не только в границах губернии, области или уезда, но и России и мира. В знаменитой Всероссийской художественно-промышленной выставке в Нижнем Новгороде (1896) Троицкосавский музей продемонстрировал свои этнографические экспонаты в специальном павильоне в восточном стиле, а в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже коллекция Читинского музея получила диплом за свою коллекцию.

Вполне закономерен интерес научных обществ к жизни, культуре соседних народов (1891 г. — лекция врача В. Кирилова «Современное значение тибетской медицины как составной части ламайской доктрины»), быту, обрядам (сообщение Д. Клеменца в Троицкосавске о древних могилах близ Урги, 1897) [13].

Еще один аспект взаимодействия культур — национальные праздники. Показательным в этом смысле является деятельность бурятской национальной общины Иркутска. В декабре 1908 г. ею был организован первый бурятский вечер. С 1911 г. этнографические вечера стали традиционными и организовывались «Обществом вспомоществования учащимся бурятам» при ВСОИРГО [11]. Большое значение в узнавании приграничными народами, традиций друг друга имели достаточно подробные публикации в повременной печати. Газета «Байкал» писала о проходившем в июле монгольском празднике «Омбон», главными составляющими которого были скачки, монгольская борьба и традиционное театральное представление, или об истории празднования «Цаган-сара» («Белый месяц») у бурят [2]. В мае 1910 г. была запланирована так

называемая образовательная экскурсия для «сближения и знакомства монгольских учеников с русскими» по маршруту Урга — Троицкосавск — Верхнеудинск — Иркутск [5, л. 69].

Точно так же, как Монголия воспринималась территорией экономического транзита, забайкальцы считали область территорией культурного транзита. Если в первом случае предполагалось направление Китай — Монголия — Россия (Забайкалье), то во втором — Западная Европа — Россия (Забайкалье) — Монголия. Это недвусмысленно заявляли верхнеудинские отцы города в 1870-х гг.

Именно культура (язык, обычаи, традиции народа) хранит в себе в большей мере, чем другие сферы общественной жизни, национально-особенное, специфическое, присущее именно этой нации, народности, этнической группе. Именно культура становится инструментом, который способствует гармонизации межэтнических отношений и социокультурной адаптации в иноэтнической среде.

Таким образом, представленный материал, на наш взгляд, позволяет отметить не только расширение, но и углубление уровня внутри и межнациональных отношений. И город является тем пространством, в котором формируются этнокультурные связи.

Литература

1. Байкал. — 1898. — 25 окт.
2. Байкал. — 1903. — 13 февр.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 674.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 9. Д. 1560.
5. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 235. Оп. 9. Д. 235.
6. ГАРБ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 214. Л. 69.
7. Обзор Забайкальской области за 1889 г. — Чита: Тип. Заб. обл. правления, 1891.
8. Обзоры Забайкальской области за 1900–1904 гг. — Чита: Тип. Заб. обл. правления, 1901–1907.
9. Осокин Г. М. На границе Монголии: Очерки и материалы к этнографии Западного Забайкалья. — СПб., 1906. — 312 с.
10. Попов И. И. Минувшее и пережитое. Сибирь и ссылка. Воспоминания за 50 лет. — М; Л., 1924. — 215 с.
11. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924. — Иркутск, 1994.
12. Талько-Грынцевич Ю. Д. Сибирские страницы жизни. — Чита, 2000. — 96 с.
13. Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. — Иркутск, 1902. — Т. III, вып. 2, 3.

References

1. *Baykal — Baikal*. 1898. 25 okt.
2. *Baykal — Baikal*. 1903. 13 fevr.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykalskogo kraya (GAZK)* (The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK)). F. 1. Op. 1. D. 674.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO)* (The State Archives of the Irkutsk region (GAIO)). F. 25. Op. 9. D. 1560.
5. *GAIO*. F. 25. Op. 10. D. 235. Op. 9. D. 235.
6. *GARB*. F. 211. Op. 1. D. 214. L. 69.
7. *Obzor Zabaykalskoy oblasti za 1889 g.* [Review of the Trans-Baikal region in 1889]. Chita: Trans-Baikal regional board printing, 1891.
8. *Obzory Zabaykalskoy oblasti za 1900–1904 gg.* [Review of the Trans-Baikal region in 1900–1904 years]. Chita: Trans-Baikal regional board printing, 1901–1907.
9. *Osokin G. M. Na granitse Mongolii: Ocherki i materialy k etnografii Zapadnogo Zabaykalya* [On the border of Mongolia: Essays and materials to the ethnography of the Western Transbaikalia]. Saint Petersburg, 1906. 312 p.
10. *Popov I.I. Minuvsheye i perezhitoye. Sibir i ssylka. Vospominaniya za 50 let* [The past and experiences. Siberia and the link. Memories of 50 years]. Moscow - Leningrad, 1924. 215 p.
11. *Romanov N.S. Letopis goroda Irkutsk za 1902–1924* [Annals of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk, 1994.
12. *Talko-Gryntsevich Yu. D. Sibirskiye stranitsy zhizni* [Siberian pages of life]. Chita, 2000. 96 p.
13. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva - Proceedings Troitskosavsk-Kyakhtinsky the Amur branch of the Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk, 1902. Vol. III. Ussue. 2, 3.

УДК 94:008:39

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-91-95

ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ (1920–1990-е гг.)

© **Цыренова Зинаида Егоровна**

доктор исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: kafbur@mail.ru

В статье рассматривается традиционная культура автохтонов Восточной Сибири в один из самых противоречивых периодов российской истории — советский. Культура, языковое пространство, религия, искусство обоснованно признаются средоточием и яркими формами воплощения национального своеобразия. В период советского строительства в многонациональной России была сделана попытка сохранения и развития традиционной культуры этносов нашей страны, в том числе аборигенов Восточной Сибири. В указанный период произошли трансформация традиционного хозяйствования народов региона, колоссальные изменения в их культурной, духовной сферах. Изучению данных сложнейших противоречивых проблем посвящена статья. В ней анализируются этнокультурные процессы через призму национальной политики партийных и государственных структур в советский период, выясняется содержание советской социалистической культуры (как общегосударственной), взаимодействие с культурами других народов СССР.

Ключевые слова: традиционная культура, Восточная Сибирь, культурная революция, Советская культура, трансформирование.

EXPERIENCE OF PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONAL CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLES (1920–1990s)

Zinaida E. Tsyrenova

DSc in History, A/Professor of the department of the history of Buryatia, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

In the article the traditional culture of the indigenous peoples of East Siberia is considered in one of the contradictory periods of the history of Russia, i.e. Soviet modernization. Culture, language area, religion, art are truly recognized to be the concentration and embodiment of national peculiarity. In the period of Soviet modernization in multinational Russia, an attempt to preserve and develop the traditional culture of the ethnicity of the peoples of our country, including indigenous peoples of East Siberia was made. In this period a serious transformation of the traditional economy of the peoples of the region happened, as well as great changes in their cultural and spiritual spheres took place. This article is devoted to the study of these complex contradictory issues. The ethno-cultural processes are analyzed through the prism of national policy conducted by the Party and governmental bodies. The content of the Soviet socialist culture and its interaction with the cultures of other peoples of the USSR are revealed.

Keywords: traditional culture, East Siberia, cultural revolution, Soviet culture, transformation.

Человечество все более осознает ценность культурного и этнического многообразия народов. А эпоха советского социализма в эволюции национальной идеи, этнокультурного процесса высвечивает несколько этапов, крупных полос.

В первое послеоктябрьское десятилетие формирование «своей истории» происходило в обстановке сотрудничества центра с лидерами на местах, «коренизации», либеральной языковой политики, что стимулировало процессы образования наций, в основном среди крупных этносов. Национальное строительство ведется в русле советской интернациональной политики и пока еще под флагом краеведения.

Впервые в истории человечества в ноябре 1917 г. большевистским правительством России была выработана государственная национальная политика по защите коренных народов.

В соответствии с «Декларацией прав народов России» правительством РСФСР было принято «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». На местах были впервые созданы родовые собрания, родовые советы, туземные районные съезды и избираемые ими районные исполнительные комитеты. Те несколько послереволюционных лет, в течение которых создавались подобные уникальные документы, проводились прогрессивные мероприятия, означали лишь короткий момент представлений о всесторонне развивающейся, свободной от предрассудков личности и автономной культуре на местах. В основном происходило это из-за наивной веры в революционную и культурно-созидательную силу масс, овеянной романтикой раннего периода. В действительности уже к концу гражданской войны все меньше оставалось иллюзий по поводу быстрого перехода от старого буржуазного общества к новому. Это отразилось и в нэп, и в культурных преобразованиях [1].

Все более выявлялась центральная проблема начального периода культурной политики — создание нового человека для советского государства. Власть стремилась к переустройству всего внутреннего мира человека, а вот способы осуществления этой реорганизации определились к концу 20-х гг. прошлого века. Отныне под культурной политикой понималось «создание пролетарской культуры в условиях диктатуры пролетариата. Она есть борьба с буржуазной культурой, с ее пережитками, однако она означает и освоение буржуазной науки путем ее переработки». В этом определении не учтен решающий момент: кто является создателем новой культуры, хотя никто не сомневался, что это «государство», «партия», «небольшой круг представителей культуры», то есть «культурная элита». Они стали принимать и отвергать, систематизировать, контролировать, создавать институты и другие культурные структуры нового общества [2, с. 156].

С учетом полиэтничности России была признана необходимость проведения совещаний национальной интеллигенции, обсуждение национальной политики советской власти, вопросов языковой культуры (повышение квалификации, орфографии, терминологии), национализации школ и др. Проблемы, оказавшиеся при их реализации очень сложными, будут находиться в поле зрения партийных, государственных и других структур еще долгие годы, вплоть до конца 60-х годов прошлого века.

В обществе все больше приходили к пониманию того, что революция не ведет за собой автоматического уничтожения всех пороков предшествующего общества. Осознание живости старых традиций отразилось в понятиях, появившихся в середине 20-х гг.: быт, жизненный уклад, образ жизни. Появление темы быта во многом было признанием бесплодности дебатов о культуре. Кроме того, существовала глубокая пропасть во взглядах на идеологию, социальную сферу и переустройство внутреннего мира человека нового многонационального общества между разработчиками, плановиками культуры, властью и большинством населения.

Под влиянием индустриализации и коллективизации власти стало известно, какой в действительности была жизнь в городе и деревне, но это не приблизило к цели. Более того, после выяснения ситуации с жилищными условиями, укладом разных этносов, традициями, политическими взглядами и т. д. путь к цели показался бесконечным. Задачу должно было решить следующее поколение подрастающих коммунистов под руководством партии и приближенной к власти культурной элиты, то есть «кто держит власть, тот создает культуру». В документах тех лет все больше прослеживается мотив борьбы, руководство которой кроме партии взяла на себя редакция журнала «Революция и культура», основанного в 1927 г., на местах — различные печатные органы.

Культурная революция становилась одним из элементов классовой борьбы. Поскольку «одними разъяснениями и воспитательными мерами невозможно было разрушить вековые устои патриархально-семейного уклада, в интересах скорейшей ликвидации тяжелых пережитков прошлого советское государство наряду с широкими и разносторонними мерами воспитания применяло и меры принуждения». Таким образом, с конца 20-х гг. начались насильственный перевод кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни и их коллективизация. При этом место оседания вчерашних кочевников выбиралось без учета наличия воды, пашен,

близости сенокосения и т. д. Тогда власть не особо заботилась об устойчивости ландшафта к возрастающим антропогенным нагрузкам. Были заброшены многие пастбища, использовавшиеся веками, но оказавшиеся удаленными от центров оседания. В эти же годы проводилось и выселение улусов, хотонов (хуторов) [2, с. 96].

Как следствие данного модернизирования традиционного уклада народов разрушается система его культурных, духовных ценностей. В условиях нашей страны процесс дополнительно усугубляется жестким идеологическим прессингом.

Война и послевоенный период замедлили, но не остановили данный процесс. Бесспорно, решающую роль играла идеологическая обработка всех сфер жизни общества. Накануне войны власть во главе со Сталиным завершает идейную конструкцию, содержащуюся в документах 1934–1938 гг., делает более явной ее характер: баланс между классово-интернационалистским началом и державно-патриотическим подходом заметно изменился в пользу последнего. Однако ситуация в идеологии не была доведена до состояния ясных истолкований и установок и накануне 1941 г., когда произошло окончательное оформление национал-большевистской переориентации идеологии. В годы войны великодержавный национализм был поставлен на службу активизации патриотических чувств всех народов СССР. Понятие «Родина» отождествлялась с СССР, а не только с Россией. Ряду народов было отказано в патриотизме и, как следствие, произошли крупномасштабные акции политико-демографического (депортации народов) и культурно-национального характера (новое пресечение ростков национального сознания в историографии и литературе — приклеивание ярлыка «буржуазно-националистического» произведения к народным эпосам и т. д.).

Время Хрущева принесло не только «оттепель». Идеологическая система в тот период живо реагировала на проявления национальных настроений в среде интеллигенции. Кроме того, Хрущев, увлеченный созданием программы коммунистического строительства, заявил в 1961 г. об отказе «консервирования национальных различий». Это и другие дилетантские высказывания стали сигналом к подавлению всплеска различных проявлений национально-культурной жизни.

Логическим завершением на практике явилась разработка положения в законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране» (1958), по которому объявлялось, что изучение родного языка и обучение детей в школах на родном языке — дело добровольное. Постоянно и особо подчеркивалось, что «овладению в совершенстве местным и русским языком нужно уделить самое серьезное внимание». И вновь противоречие: слова верные, а практические меры были иными. Происходил радикальный пересмотр учебных программ и планов. Национальные школы всех типов переводили на русский язык обучения, сохранив родной язык только как предмет, изучавшийся на добровольной основе.

Наука, осуществляя национальную, языковую политику партии и государства, утверждала, что «в условиях социализма могут происходить частичные процессы добровольного слияния небольших этнических и экстерриториальных национальных групп, вкрапленных в крупные социалистические нации, с этими национальностями. Особенно важным в этом процессе является усвоение сливающимися этнографическим и экстерриториальными национальными группами языка крупной передовой социалистической нации, среди которых эти группы живут». Кроме того, «языковая консолидация» не есть естественный процесс, «сближение и расцвет наций протекают не стихийно, а планомерно... в нашем многонациональном государстве это осуществляется в процессе единого государственного планирования».

Предпосылкой осуществления национальной языковой политики советского государства этих лет служило научное изучение процессов «функционального взаимодействия языков народов Сибири». Разработка проблемы началась по инициативе Института истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск), но первые работы уже публиковались в начале 60-х гг. В основу разработки проблемы легли «данные переписей населения и специальные научные исследования», которые свидетельствовали об «...изменениях в распределении сфер

применения языков народов СССР. Отмечалось широкое и постоянно растущее распространение русского языка в качестве средства межнационального общения и повышения уровня культуры...». Научное изучение этих процессов, прежде всего, служило идеологическим целям, «по линии политического воспитания трудящихся», а также позволяло «сделать научно обоснованные выводы о целесообразности применения тех или иных языков в обучении и воспитании подрастающего поколения, в политическом и культурном просвещении трудящихся средствами устной пропаганды, печати, радио, ТВ и т. п. Они способствовали разработке теоретических проблем современного развития национальных отношений». На основании подобных научно-методических установок были даны рекомендации гуманитарным научным учреждениям обратить внимание «на актуальность социологических исследований проблемы функционального взаимодействия языков народов СССР на этапе коммунистического строительства, включение проблематики в планы 1967–1970 гг. и создание тематической социолого-лингвистической группы, отвечающей задачам науки, поставленным XXIII съездом КПСС (1966 г.)». Ссылки на документы данного высшего форума партии не случайны. Именно на съезде прозвучал властный окрик в ответ на обращение научной и творческой интеллигенции к правительству об опасности возвращения сталинизма после отказа от идей «оттепели». Страна тихо вползала в «застой» [2, с. 223–225].

В официальных документах этот период определялся как «развитой социализм», основными признаками которого назывались «высокая зрелость производительных сил и производственных отношений, высокая степень планомерности, гармоничности в экономике <...> духовной жизни общества»; кроме того, «развитой социализм означал высшую интенсивность интеграционных процессов общественной жизни, ...возрастание социальной однородности общества; дальнейший расцвет и сближение наций и народностей СССР, интернационализацию их образа жизни...» и т. д. Более того, под влиянием последнего фактора складывалась культурная общность не только отдельных наций (в том числе бурятской, эвенкийской, тувинской, хакасской и т. д.), но и всего советского народа — новой исторической общности людей.

Методологически это определялось «диалектическим процессом развития через расцвет к сближению и сближению на базе расцвета», а это, в свою очередь, «являлось важнейшей закономерностью прогресса всех национальных культур СССР». Бурятская культура так же, как и эвенкийская, тувинская, хакасская и другие, все больше приобретала черты «общесоветской, интернациональной культуры». Это же проявлялось, прежде всего, в «общности идеологии и методов реалистического отражения действительности».

Национальные отношения этого периода характеризовались двумя тенденциями: развитием наций и их сближением, они же распространялись и на национальные культуры. Основой сближения является «широкое и глубокое воздействие русского языка на языки народов СССР» и, как следствие этого, «распространение национально-русского двуязычия». Шла помимо естественного влияния русского языка как средства межнационального общения пропаганда протекционистской политики ведущей роли русского языка как составной части общей идеологии интернационализации, слияния и образования новой исторической нации «советский народ».

С позиций унитарного мышления все больше утверждалось мнение о беспроблемности национальных отношений. Теория межнациональных отношений разрабатывалась односторонне, а СССР представлялся только как общество дружбы народов, где быстрыми темпами происходит слияние наций и народностей в единый «советский народ». Такой подход к историческому опыту не соответствовал реалиям того периода, препятствовал объективному анализу проблем развития этносов СССР, способствовал утверждению догм, исключал возможность альтернатив в развитии общества [2, с. 240–241].

Признавая огромные достижения страны, а вместе с ней и коренных народов, нельзя не признать, что этносы были подвергнуты историческому эксперименту, который способствовал утрате связи с традиционным укладом, образом жизни, более того, привел к глубоким изменениям в культуре, которая частично подменялась инородной, частично разрушалась.

Логическим завершением различных мероприятий в этнокультурных преобразованиях явилось заявление о необходимости создания новой нации, новой исторической общности — «советский народ». Хронологически это связано с 1971–1972 гг., подготовкой и празднованием 50-летия СССР. Одновременно шла ресталинизация, проводимая послехрущевским руководством. На идеологических мероприятиях и документах тех лет прозвучало положение о советской культуре как сплаве культур народов СССР. Это стимулировало возрождение национального самосознания, подняло волну интереса к национальным традициям. Власть тут же на партийном съезде определила четкие условия, по которым указывалось, что «Советская культура — сплав достижений советских народов».

Все больше проявлялось противоречие между ожидаемым свободным этнокультурным развитием и жестким контролем со стороны центральных партийных и государственных структур. Вот почему трудно было оценить ситуацию, когда, с одной стороны, 70–80-е гг. прошлого века были периодом дальнейшего развития национальной драматургии, театра, живописи, а с другой — функционеры на местах оглашали официальную линию партии и правительства об отказе от родного языка в образовательной системе.

Политика экстенсивной эксплуатации природных ресурсов, разрушение традиционного хозяйствования, культуры — не советское изобретение, это реальность раннего индустриального периода. Более того, этот курс продолжал политику бывшего царского режима по отношению к природным и людским ресурсам азиатских окраин империи. Политика неограниченной эксплуатации богатств Сибири естественным образом была воспринята как царскими, так и новыми советскими специалистами. Политика и практика форсированного модернизирования понималась местными жителям, но они были немногочисленны, удалены от центральной власти и не авторитетны для нее. Следует учитывать популярность этой политики в стране в целом и заинтересованность в ней местных партийных и советских руководителей.

Советское общество в целом стояло на пороге глобальных перемен. Запущенный механизм медленно набирал обороты, возможно, поэтому партийно-государственный строй уже ничего не мог противопоставить в ближайшей перспективе процессам национального сепаратизма, росту национального самосознания и формированию национальных историографий.

Литература

1. Цыренова З. Е. Этносоциальное развитие в советском и постсоветском пространстве // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 7. История. — 2014. — С. 44–45.
2. Цыренова З. Е. Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири (1920 — конец 80-х гг.). Опыт сохранения и развития. — Улан-Удэ, 2008.

References

1. Tsyrenova Z. E. *Etnosotsialnoye razvitiye v sovetskom i postsovetskom prostranstve* [Ethnosocial development in the Soviet and post-Soviet space]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriya - Bulletin of the Buryat State University. Series history*. 2014. No.7. Pp. 44–45
2. Tsyrenova Z. E. *Traditsionnaya kultura korenykh narodov Vostochnoy Sibiri (1920-konets 80-kh gg.)*. *Opyt sokhraneniya i razvitiya* [The traditional culture of the indigenous peoples of Eastern Siberia (1920-late 80-ies.). The experience of preservation and development]. Ulan-Ude, 2008.

УДК 94(571.54)“1925/30”

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-96-100

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БУРЯТИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.)

© **Палхаева Елизавета Николаевна**

доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: palelizaveta@yandex.ru

© **Жукова Наталья Евгеньевна**

кандидат исторических наук, Бурятский государственный университет

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: nataliuiuk@mail.ru

Статья посвящена анализу деятельности республиканских общественных организаций во второй половине 1920-х гг. В работе сделан акцент на основных характеристиках и тенденциях развития, которые были присущи общественным организациям второй половины 1920-х гг., а именно: массовость, директивный механизм стимулирования работы, недостаток демократических начал в управлении общественными организациями, оторванность их руководства от основной массы рядовых членов. На данном этапе отношения между различными обществами и органами государственной власти претерпевают значительные изменения, что отразилось на характере их функционирования. Существование различных общественных организаций как формы содействия политике органов государственной власти стало основанием для всесторонней регламентации и контроля над обществами. Последнее обстоятельство изменило саму природу общественных организаций, сделало их адаптированными и включенными в политическую систему. Прямым следствием установившегося контроля государственной власти в Бурятии стал масштабный внутренний кризис общественных организаций, а также полное доминирование массовых обществ над другими видами общественных организаций.

Ключевые слова: общественные организации, власть, административно-идеологический контроль, кризис.

ACTIVITY OF PUBLIC ORGANIZATIONS OF BURYATIA (THE SECOND HALF OF THE 1920s)

Elizaveta N. Palkhaeva

DSc in History, A/Professor, Head of the department of general and national history, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Natalya E. Zhukova

PhD in History, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the analysis of activity of the republican public organizations in the second half of the 1920s. In the work the emphasis is placed on the main characteristics and tendencies of the development which were inherent to public organizations in the second half of the 1920s, namely: mass character, directive mechanism of work stimulation, lack of democratic principles in management of the public organizations, isolation of their management from bulk of ordinary members. At this stage the relations between various societies and bodies of the government underwent considerable changes that were reflected in nature of their functioning. The existence of various public organizations as one of the forms of assistance the policy of public authorities became the basis for a comprehensive regulation and control over societies. The last circumstance changed the nature itself of public organizations, made them adapted and included in a political system. A large-scale internal crisis of the public organizations and also complete dominance of mass societies over other types of public organizations turned out to be a direct consequence of the established control of the state power in Buryatia.

Keywords: public organizations, power, administrative and ideological control, crisis.

Одной из ведущих политических тенденций 20-х гг. XX в. стал процесс национально-государственного самоопределения народов молодого советского государства. В 1920-е гг. процесс создания самостоятельной государственности у отдельных народов зашел далеко и возврата на обновленной основе не предусматривалось [11]. Создание Бурят-Монгольской автономной республики, вхождение ее в правовое пространство РСФСР способствовали формированию общественных организаций, социалистических по форме и содержанию. Формирование общественных организаций в республике произошло позднее, чем в центральных районах страны, что было связано со становлением автономной государственности бурятского народа.

Во второй половине 1920-х гг. в республике завершается процесс создания общественных организаций, среди которых ключевую роль играли так называемые «массовые» общества — «Долой неграмотность!», «Друзья детей», «Союз безбожников» и др. Созданные общества представляли отражение гражданской активности и инициативности населения, проявленной в первые годы после образования республики. Общей целью для всех общественных организаций стало некое преобразование социальной и культурной действительности согласно новым общественным идеалам и ценностям.

Безусловно положительный эффект имела работа республиканского общества «Долой неграмотность!» (ОДН) для ликвидации неграмотности населения республики, проводившего разнообразные мероприятия — «трехдневники» и «недели» ликвидации неграмотности, создавалась сеть ликпунктов, читались доклады и лекции. Достижения и недостатки работы ОДН изложены во вступительной части циркулярного письма «О работе на зимне-весенний период» в октябре 1927 г. В качестве положительных сторон отмечено создание пунктов ликвидации неграмотности, которые организовывались при инициативе и финансовой поддержке ячеек ОДН. Проведение агитационной работы вызвало «заинтересованность рабоче-крестьянских масс в деле ликвидации неграмотности» [2, л. 23].

Такое же положительное значение имела деятельность созданного в 1926 г. общества «Друзья радио» с радиостудией при Дворце труда в г. Верхнеудинске, в котором проводились радиоконкурсы и радиоконцерты. В программе радиоконцертов было широко представлено национальное искусство, устраивались всевозможные конкурсы и вечера самодеятельности [8, с. 179].

Большую работу в проведении исследований флоры и фауны, геолого-минералогических изысканий, по изучению природных ресурсов производительных сил Бурятии осуществляло научное общество им. Д. Банзарова. Для организации научно-исследовательской работы были созданы физико-экономическая, политико-экономическая и историко-этнографическая секции. В 1927 г. образована секция школьного краеведения. Научным обществом для популяризации краеведческих знаний совместно с Бурятским ученым комитетом издавался журнал «Бурятиеведение», а также публиковались статьи в журнале «Жизнь Бурятии» [9, с. 25].

Следовательно, во второй половине 1920-х гг. ряд общественных организаций действительно способствовал развитию новых форм социального взаимодействия, а их цели, задачи и повседневная деятельность были направлены на решение многих общественно значимых проблем.

Однако не вся преобразовательная деятельность общественных организаций может быть оценена однозначно положительно. Существование отдельных обществ было продиктовано реализацией разнообразных государственных задач, идеологического обоснования политики правящей партии, в связи с чем эффективность их работы заметно снижалась. Ввиду того, что работа некоторых общественных организаций была рассмотрена подробно в ряде публикаций авторов [10], следует обратить внимание на ключевые характеристики развития общественной сферы второй половины 1920-х гг.

Следствием партийно-государственной политики по отношению к общественным организациям стал их внутренний кризис, продолжившийся в течение всего рассматриваемого периода. Признаками этого кризиса стало повсеместное падение членской активности, отсутствие систематической внутренней работы и связи между республиканскими ячейками. Так, например, в 1927 г. делегаты Тункинской аймачной конференции Международной организации

помощи борцам революции (МОПР) подчеркивали, что в ячейках «нет массовой работы. В некоторых ячейках по году не проводились общие собрания. Литература не распространена, лежит она в ячейках в хаотическом состоянии» [1, с. 4]. В протоколах заседаний Троицкосавской городской конференции МОПРа делегатом было отмечено, что, «несмотря на целый ряд как письменных, так и устных указаний со стороны Айкома МОПРа, [ячейки] работу совершенно не ведут, нет учета членов, членский взнос полностью не собирается, имеется задолженность, отсутствует воспитательная работа, к проводимым кампаниям относятся пассивно...» [3, л. 28]. Деятельность организации поддерживалась с помощью проведения «Недель МОПРа», в рамках которых собирали деньги для заключенных капиталистических тюрем, отправлялись письма, телеграммы и воззвания пролетариату капиталистических стран против общих классовых врагов. Вместе с тем это достигалось увеличением внутреннего административного влияния, а также определенного воздействия со стороны партийно-государственных органов.

Внутренний кризис сопровождал и работу образованного в 1926 г. в республике Союза безбожников (СБ). Анализ протоколов заседаний и конференций дает представление об эпизодической работе ячеек союза, показывает явное нежелание населения принимать участие в антирелигиозной работе. В отчете заведующего агитационно-пропагандистским отделом Тункинского айкома ВКП(б) Найданова за 1928 г. содержатся сведения о несистемной работе союза, о том, что были проведены антирелигиозные вечера и антипасхальная кампания. В документе также указывалось, что «...директивы по этому вопросу на места были даны своевременно. Однако проведена известная работа только в Аймцентре, Коймарах и Тунке. В бурятских и смешанных районах никакой работы проведено не было» [4, л. 45]. В качестве подведенного итога деятельности констатируется, что «ячеек СБ в аймаке фактически не существует. В аймцентре и то никакие меры не дают результатов» [Там же].

О проблемах внутрисоюзной жизни писал в своем обращении к товарищам секретарь союза А. Данилов: «...Все наши мероприятия по систематизации антирелигиозной работы в аймаках не увенчаются успехом. Даже после двухлетнего существования Бурорганизации безбожников в областном Совете нет точных данных о количестве членов СБ и ячеек по отдельным районам, а также неизвестно, что делается на местах во время антирелигиозных праздников» [5, л. 74].

Причины откровенно слабой работы ячеек Союза безбожников делегаты практически всех аймачных конференций видели в отсутствии партийного руководства работой низовых ячеек. На совещании секретарей ячеек города Верхнеудинска 10 сентября 1928 г. отмечалась низкая активность членов партии в процессе деятельности союза и проведении «антирелигиозной кампании»: «Партийцы говорили, что нам эта работа не нужна, лишь только потому, что мы сами в бога не верим», и далее «...они очень халатно относятся к этому», «ввиду халатного отношения к своей работе членов СБ бывает очень трудно собрать собрание или бюро» [6, л. 23]. Докладчик, председатель ячейки безбожников при винскладе, назвал отсутствие результатов работы ячейки прямым следствием недостатка партийного руководства: «...Библиотеки и уголка при ячейке не имеется. Работы никакой нет ввиду того, что нет партруководства со стороны партячейки» [Там же]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что, хотя большинство являлись членами и кандидатами РКП(б) и ВЛКСМ, тем не менее демонстрируется явная неэффективность присутствия партработников в составе СБ.

Практика насаждения единственно верного атеистического мировоззрения, сочетаясь с применением методов административного принуждения, порождала формальное отношение населения к работе СБ. Постепенно в ситуации отсутствия идеологического выбора, жесткого всеохватывающего контроля над личностью формировался определенный «общественный инфантилизм». Члены добровольной общественной организации, объясняя ошибки своей работы недостаточным партийным руководством, устранили себя от активной общественной деятельности. Безусловно, в случае с необходимостью изменения традиционного религиозного мировоззрения подобная общественная пассивность являлась оправданной, однако во второй половине 1920-х гг. она распространилась на все формы общественной самодеятельности.

Характерной чертой общественных организаций второй половины 1920-х гг. стало их функционирование как обществ «содействия социалистическому строительству». В этом качестве они мобилизовали народные массы для исполнения уже сформулированных государственной властью задач, двигаясь в заданном коридоре готовых решений. Большинство массовых организаций концентрировало общественную активность в ключевых направлениях политического и социального развития. Более того, все члены обществ были активными участниками политических кампаний. Например, в 1928 г. в период выборов в Городской совет г. Верхнеудинска республиканский МОПР поставил цель вовлечь всех в перевыборы в Советы. Работа МОПРа была построена под характерным для времени лозунгом: «Каждый член МОПР — активный участник в перевыборах в Советы!» [1, л. 65]. Политизация общественных организаций, как и в целом общественной жизни, стала непременным атрибутом, символом происходивших преобразований.

К концу 1920-х гг. проявившийся недостаток демократических начал в управлении общественными организациями, оторванность их руководства от основной массы рядовых членов также свидетельствуют о кризисе многочисленных обществ. Еще в 1927 г. в циркулярном письме «О работе на зимне-весенний период», адресованном обществу «Долой неграмотность!», подчеркивалась оторванность ячеек ОДН от крестьянских масс и, как следствие, отсутствие у последних интереса к работе общества, а также формальное отношение членов общественной организации к своим обязанностям [Там же].

В общественно-политических условиях конца 1920-х гг. рост количества партийных членов в массовых организациях казался единственно верным способом стимулирования общественной активности и обязательным условием их существования. В 1928 г. председатель Верхнеудинского городского совета ОСОВИАХИМА констатировал ослабление работы общества, причину он видел в том, что «парткомсомольские и профсоюзные организации до сего времени не уделяют должного внимания военной осохимовской работе, а подчас даже не интересуются ею» [7, л. 45]. В качестве решения данной проблемы бурятский областной комитет ВКП(б) постановил «принять решительные меры к вовлечению 100 % членов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также работников и работниц госпредприятий в члены ОСОВИАХИМА» [Там же]. К этому стоит добавить, что председателем почти всех обществ в разные годы избирался М. Н. Ербанов, а члены СНК Бурят-Монгольской АССР занимали ключевые позиции в общественных организациях.

Таким образом, развитие общественных организаций Бурят-Монгольской АССР во второй половине 1920-х гг. проходило в условиях нарастания партийно-государственного контроля, приведшего к доминированию в республике одностипных массовых общественных объединений, охвативших большинство населения. Сформированные общества фокусировали общественную инициативу, приспособлявая ее к государственному видению функций советской общественности.

Государственный идеологический контроль, обозначив рамки проявления общественной инициативы, изменил природу существующих коллективов. Добровольные массовые организации создавались при активном участии государственной власти, которая всецело регламентировала их деятельность, что стало главной причиной отчуждения населения от работы в них. Добровольные массовые общества являлись инструментом идеологического влияния партии, способом насаждения официальной идеологической концепции, частью механизма тотального, всеобъемлющего контроля над общественной жизнью, действуя в рамках единых централизованных структур, которыми было охвачено все общество снизу доверху.

Литература

1. Верхнеудинск // Бурят-Монгольская правда. — 1927. — № 59. — 18 марта. — С. 4.
2. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф Р-571. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
3. ГАРБ. Ф. Р-918. Оп. 1. Д. 1а. Л. 28.
4. ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 9. Л. 45.
5. ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 24. Л. 74.

6. ГАРБ. Ф. Р-581. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
7. ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1287. Л. 45.
8. История Бурятии: в 3 т. XX–XI вв. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — Т. 3. — С. 179.
9. Отчет о деятельности с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. / Бурят-Монгольское общество им. Доржи Банзарова. — Верхнеудинск, 1929. — С. 55.
10. Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е. Власть и общественные организации Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. // Вестник Бурятского государственного университета. — 2014. — Вып. 7. — С. 19–22.
11. Палхаева Е. Н., Митупов К. Б. Общественно-политические условия советского национально-государственного строительства (1917–1923 годы) // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 6 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.science-education.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

References

1. *Buryat-Mongolskaya pravda - Buryat-Mongolian truth*. Verkhneudinsk, 1927. No.59. Ot 18 marta. P. 4.
2. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya (GARB) (*The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB)*). F R-571. Op. 1. D. 2. L.23.
3. GARB. F. R-918. Op. 1. D. 1a. L. 28.
4. GARB. F. R-581. Op. 1. D. 9. L. 45.
5. GARB. F. R-581. Op. 1. D. 24. L. 74.
6. GARB. F. R-581. Op. 1. D. 5. L. 23.
7. GARB. F. R-1. Op. 1. D. 1287, L. 45.
8. *Istoriya Buryatii: v 3 t.* [History of Buryatia: in three volumes]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center publ., 2011. Vol. 3. P. 179.
9. *Otchet o deyatelnosti s 1 oktyabrya 1926 g. po 1 yanvarya 1929 g.* [Report of activities with October 1, 1926 on January 1, 1929]. *Buryat-Mongolskoye obshchestvo im. Dorzhi Banzarova - Buryat-Mongolian society named Dorjee Banzarov*. Verkhneudinsk, 1929. P. 55.
10. Palkhayeva Ye.N.ë Zhukova N. Ye. *Vlast i obshchestvennyye organizatsii Buryat-Mongolskoy ASSR v 1920-e gg.* [Authorities and NGOs Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic in 1920-years]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta - Bulletin of the Buryat State University*. 2014. Usser. 7. Pp. 19–22.
11. Palkhayeva Ye.N., Mitupov K.B. *Obshchestvenno-politicheskiye usloviya sovetskogo natsionalno-gosudarstvennogo stroitelstva (1917–1923 gody)* [Socio-political conditions of the Soviet nation-building (1917–1923 years)]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya - Modern problems of science and education*. 2013. No.6. Available at: <http://www.science-education.ru> (accessed 14.03.2015).

УДК 902/904(571.6)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-101-109

ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ

Исследование выполнено при поддержке ДВФУ,
проект № 14-08-05-2 и проект НИР № 1466

© **Крупянко Александр Александрович**

кандидат исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории, археологии и антропологии Дальневосточного федерального университета, директор Центра археологических исследований «Бохай»

Россия, 690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, корпус 26F

E-mail: krup1964@mail.ru

В статье рассматриваются различные взгляды на периодизацию палеолита российского Приморья от истоков их формирования до современности. В процессе анализа более чем полувековой истории накопления источников и информационной баз формулируется и аргументируется авторская точка зрения на рассматриваемую проблему. Делается попытка систематизации опорных междисциплинарных критериев, ряд из которых носит специфический региональный характер, для выделения хронологических этапов археологической эпохи палеолит на рассматриваемой территории. При этом констатируется закономерность дальнейшей корректировки, дополнения и уточнения предложенного решения одного из ключевых вопросов изучения древнейшей истории региона.

Ключевые слова: Российский Дальний Восток, Приморский край, эпоха палеолита, опорные памятники, хронологические этапы, взгляды, аргументы, дискуссии.

PALEOLITHIC AGE IN PRIMORYE: THE PROBLEMS OF DIVISION INTO PERIODS

Aleksander A. Krupyanko

PhD in History, Professor of the department of world history, archaeology and anthropology. Far Eastern Federal University, Director of Center for Archaeological Researches «Bokhai»
26F building, FEU campus, Ajax St, Russkiy (Russian) island, Vladivostok, 690922 Russia

The article considers various views on the division into periods of the Paleolithic age in the Russian Primorye from the very beginning of their formation to the present day moment. While analyzing the more than 50 years' history of accumulation of the source and information bases the author argues his own viewpoint on the problem under consideration. He also tries to systematize the basic interdisciplinary criteria some of which are of specific regional character. These criteria can be used to define the chronological stages of the Paleolithic archeological age in the area. The article states the consistent pattern of the further correction, addition and elaboration of the proposed solution for one of the key issues of study of the ancient history of the region.

Keywords: the Russian Far East, the Primorsky territory, the Paleolithic age, reference monuments, chronological stages, viewpoints, arguments, discussion.

История постановки проблемы. В 1918 г. венгерский военнопленный Жозеф Фаркаш нашел на берегу моря в районе с. Шкотово остроконечник, изготовленный на треугольной пластине из серо-зеленоватого кварцита. В 1925 г. артефакт попал в руки крупнейшему в то время специалисту А. Брейлю, который датировал первое из палеолитических орудий российского Приморья по стилю обработки и типологии эпохой палеолита, сравнимым с европейским ориньяком [1, с. 204–205].

Начало информационному заполнению проблемы первоначального заселения Приморья было положено около шестидесяти лет назад, когда А. П. Окладниковым на холме в долине р. Осиновки были найдены орудия из оббитых галек, напоминающих ручные рубила Европы [2, с. 96]. Вместе с этим на юге Приморья, на берегу озера Ханка (устье реки Мельгуновки, Астраханка, Камень-Рыболов), на территории города Уссурийска (Илюшкина сопка) и возле села Горный Хутор почти одновременно был открыт еще ряд археологических объектов с архаичного облика орудиями на оббитых гальках и крупных пластинчатых сколах. Эти находки

были объединены в новую осиновскую археологическую культуру. Вслед за этим открытием встал вопрос о датировке найденных материалов и их интерпретации.

Хронологическая интерпретация археологических материалов осиновской археологической культуры. Морфология артефактов «...позволяет датировать находки в нижнем слое Осинówki сравнительно с памятниками каменного века других областей, концом палеолитического времени и считать, что оставившие эти изделия древние люди жили здесь не менее 10–15 тысяч лет назад...» [3, с. 34]. Памятник на Осиновском холме определяется как «...древнейший из всех известных сейчас в Приморье памятников...» [3, с. 28; 4, с. 64–65]. Дальнейшее исследование осиновских разрезов позволяет отнести материалы нижнего, четвертого слоя к межледниковому времени — «...старше 35–40 тыс. лет...» [5, с. 73; 6, с. 12].

Подобная интерпретация разреза и, как следствие, датировка осиновского археологического материала до сих пор воспринимается неоднозначно. Существует мнение, что описание стратиграфической дислокации древнейшего комплекса находок на Осиновском холме на основании «...неверно понятой...» геологической интерпретации было «...логически исправлено...», а возраст археологического материала реально намного моложе — в пределах 10–8 тыс. л. н. [7, с. 6; 8, с. 188].

Ситуация с анализом разреза и стратиграфической дислокацией археологического материала на Осиновском холме сложна и неоднозначна. Анализ опубликованных на сегодняшний день осиновских материалов позволяет утверждать, что «исправление» и усложнение описания обсуждаемого разреза носят отнюдь не искусственный характер, а вполне соответствуют логическому развитию осмысления археологом информации и источниковой базы, накапливаемой в результате полевых исследований.

Работы на Осиновском холме в 2003 г. не дали находок, кроме нескольких массивных отщепов архаичного облика, которые можно было сопоставить с верхнепалеолитической культурой Приморья. Памятник, открытый и изученный А. П. Окладниковым, на момент исследований 2003 г. был уже разрушен полностью [9, с. 27–35].

Зафиксированная стратиграфическая ситуация соответствует колонкам, представленным ранее в различных исследованиях [10, с. 60–62; 4, с. 64–65].

Перспективным направлением в изучении древнейших археологических местонахождений Приморья является исследование пещерных памятников. Приморскими спелеологами в крае насчитывается более двух сотен пещер различных размеров, но пещерная археология пока развита сравнительно слабо, хотя исследование отдельных пещерных памятников получило широкую известность (пещера им. Географического общества, Чертовы Ворота, Посьетский грот, Малая Николаевская и др.).

Сведения о находках пещерной археологии Приморья связаны во многом с работами краеведов-любителей, что отражается на их информативности и, следовательно, возможности научного использования [например, 11]. Приходится констатировать, что большая часть уникального археологического материала из «исследованных» таким образом пещер безвозвратно потеряна для науки. В связи с этим особый интерес вызывают результаты исследования пещерных памятников, расположенных в богатой карстовыми полостями долине реки Партизанской [12, с. 93–103]. Одна из них, пещера им. Географического общества, дала наиболее информативный археологический материал. По результатам его анализа было высказано мнение, что «...инвентарь пещеры имеет некоторые точки соприкосновения с осиновской палеолитической культурой...» [13, с. 77–81; 14, с. 237–238]. Ее возраст первоначально был отнесен к временному интервалу 25–20 тыс. лет назад [13, с. 83]. Первая дата, полученная для слоя, с которым связывался археологический материал — 32570±1510 [15, с. 205–211; 16, с. 127]. На сегодняшний день получено еще десять радиоуглеродных дат. И теперь «...время обитания человека в пещере может быть определено как по меньшей мере 38 тыс. л. н...» [17, с. 196].

Таким образом, вопрос с датировкой и интерпретацией осиновской культуры остается дискуссионным, но важность его решения для археологии Приморья и Дальнего Востока несомненна. Пока же осиновские находки дают представление об одной из древнейших культур

Приморья, а попытки их хронологической привязки связаны морфо-типологическими особенностями орудийного набора и радиоуглеродными датировками материалов из пещеры им. Географического общества.

В течение нескольких сезонов (1998–2000 гг.) исследовалась пещера Сухая в Южном Приморье. Полученный при ее раскопках археологический материал, относимый к раннему этапу заселения пещеры, немногочислен и малоинформативен. На глубине 1,2 м был встречен обломок крупной, сильно окатанной пластины из кварцевого песчаника с выпуклой ретушированной ударной площадкой и бессистемной крупной ретушью. По мнению автора раскопок Н. А. Кононенко, «по своим технологическим и морфологическим особенностям пластина близка к аналогичным изделиям раннего комплекса стоянки Устиновка-7, хронологическая позиция которой предположительно определена периодом 30–33 тыс. лет назад» [18, с. 3–12]. На наш взгляд, хронологическая интерпретация указанного артефакта требует дополнительной аргументации.

Заселение пещеры авторы хронологически соотносят с пластинчатой технологией начала верхнего палеолита [19, с. 147]. Кроме того, из материалов пещеры получены радиоуглеродные даты: 25570±90 л. н. и 24400±90 л. н., которые исследователь не связывает ни с археологическим материалом, ни со спорово-пыльцевой характеристикой осадков.

Хронология археологических памятников устиновской археологической индустрии Восточного Сихотэ-Алиня. Одним из дискуссионных направлений в изучении древнейших этапов заселения территории является хронологическая интерпретация местонахождений прибрежно-таежной зоны Приморья, которая является наиболее изученной в плане количества и исследованности археологических объектов палеолитического времени.

Для понимания и раскрытия этого вопроса необходимо проследить динамику изменения взглядов исследователей на эту проблему в процессе наполнения информационной базы. Постараемся сделать это на примере нескольких, наиболее изученных палеолитических объектов, расположенных в долине реки Зеркальной в Восточном Приморье.

Дискуссионные памятники:

Стоянка Устиновка-1 — опорный памятник устиновской археологической индустрии, первый из устиновской группы памятников, обнаружен в 1953 г. геологом В. Ф. Петрунем.

Можно проследить, как меняются, конкретизируются и детализируются взгляды исследователей памятника на его хронологическую привязку со временем.

По публикациям В. Ф. Петруня [3, с. 43] и в связи с раскопками 1964 г. А. П. Окладников относит материалы памятника к мезолиту, отмечая при этом, что не отождествляет дальневосточный мезолит с европейским [20, с. 364].

По результатам раскопок 1966 г. авторы утверждают, что «сравнение находок из устиновских памятников с находками из различных сибирских поселений позволяет прийти к выводу, что элементы сходства прослеживаются с определенной закономерностью: чем древнее сибирский памятник, тем более сходных черт с устиновскими находками, особенно находками нижних слоев раскопа» [21, с. 29]

А. П. Деревянко удревяняет памятник до 20 тыс. л. н. [13, с. 91]. Р. С. Васильевский предлагает «по совокупности данных культурные остатки предварительно датировать так: третий слой — 17000–15000 лет, второй — 15000–12000 и первый — 11000–10000 л. н.» [22, с. 97].

Ссылаясь на мнение В. А. Кашина и дату 7800±500 л. н., В. А. Лыньша говорит о возможности отнесения устиновских культуросодержащих отложений к раннему голоцену [7, с. 4].

Таким образом, вопрос о хронологической привязке археологических материалов памятника Устиновка-1 остается открытым.

Попытки их датировки и периодизации основаны на результатах поиска аналогий орудийному комплексу памятника среди археологических материалов сопредельных территорий, в частности Японских островов, и анализа его стратиграфической дислокации.

К памятникам, анализ материалов которых может дать самые неожиданные результаты, в рамках рассматриваемой проблемы можно отнести стоянки Устиновка-5 и Устиновка-7, расположенные в долине реки Зеркальной.

Стоянка Устиновка-5. Специалисты в древнейшей археологии Северо-Восточной Азии единодушны лишь в одном: представленные артефакты из липарита типологическим своеобразием выбиваются из контекста устиновской археологической индустрии и, возможно, представляют более древний этап заселения территории. На это же указывают, на наш взгляд, и особенности их стратиграфической дислокации [23, с. 27–29; 24, с. 56–57].

Стоянка Устиновка-7. Характер ее изучения и современной интерпретации основан на двух факторах: палинологический и геологический анализ разреза [25, с. 50–55] и типология археологического материала. И то, и другое дают богатую информацию для размышления и аналогий. Исследователи памятника не скрывают, что затрудняются дифференцировать характер связи артефактов со стратиграфическими горизонтами, выделить типологически разновременные комплексы, представляющие хронологические этапы устиновской археологической культуры, но при этом рассматривают ранний комплекс Устиновки-7 как памятник начального этапа позднего палеолита Приморья, отмечая «...достаточно выраженные элементы технико-типологического сходства с пластинчатой индустрией раннего комплекса стоянки Устиновка-1, датированной 23–14 тыс. лет назад ...» [26, с. 361].

Изучение пыльцевой стратиграфии археологических памятников долины р. Зеркальной приводит к выводу, что главным ограничением использования спорово-пыльцевого анализа для расчленения отложений почвенного генезиса является слабая насыщенность их пыльцой и спорами, что вызвано особенностью почвообразовательных процессов региона [27]. В 1966 г. в работе Ж. В. Андреевой и Г. И. Худякова на Устиновке-1 в отобранных образцах пыльца не была выделена вообще [28, с. 324–333].

Это не мешает некоторым исследователям на основе анализа высокоинформативного и массового, по их мнению, археологического материала, палинологических и геолого-геоморфологических данных (высоты террасы), имеющих абсолютных дат на памятниках Устиновка-7, 7а, 6, 3, делать выводы и выделять этапы распространения в долинах рек Зеркальной, Илистой леваллуазской технологической традиции и комплексов с микропластинчатой индустрией [29, с. 72].

Дефлированные артефакты как аргумент древности. Еще одна «хронологическая загадка» приморского палеолитоведения — находки с коррозированной, дефлированной, ожелезненной поверхностью [30, с. 32, 192; 30, с. 170, 187; 31, с. 86]. Их единичные находки фиксируются исследователями на разных памятниках: Горбатка-3 (долина реки Илистой, юго-западное Приморье), Суворово-3, 4, 8, Устиновка-4 (долина реки Зеркальной, восточное Приморье), в различных контекстах или без таковых. Артефакты по-разному интерпретируются, но чаще всего выделяются из основного культурного комплекса. Некоторые исследователи относят их «к самому древнему сейчас в Приморье культурному комплексу», выделяя в «рабочем варианте» в отдельную археологическую культуру [31, с. 31].

Таким образом, критерием удревнения археологического материала здесь является выделение в комплексах отдельных артефактов, подвергавшихся длительному воздействию экзогенных факторов.

Сегодня эта проблема настолько интересна, насколько и далека от решения.

Альтернативные точки зрения на хронологию и периодизацию устиновской палеолитической индустрии.

1-я точка зрения. Устиновская культура «является на сегодняшний день единственным реальным феноменом, предшествующим эпохе неолита», ни на какие этапы не делится, является мезолитической. Ее хронологический диапазон — 10–8 тыс. л. н., соответствует по времени раннеголоценовой культуре тачикава или товарубецу — тачикава в японской схеме.

Культура непосредственно предшествует руднинской неолитической культуре (или даже частично сосуществует с ней). Выделяются три «анклава» — локальные варианты культуры. К признакам устиновской культуры относятся жилища с тамбурами, приемы расщепления нуклеусов и оформления орудий, ретушированные фигурки и другие.

Все известные радиоуглеродные даты с плейстоценовым возрастом подвергаются сомне-

нию [31, с. 164, 32, с. 31].

2-я точка зрения. Выделяется несколько этапов в хронологии стоянок Устиновского комплекса:

Первый этап — пластинчатые комплексы (33000–30000 л. н.). Аргументы: связь местонахождения с 40-метровой нижнечетвертичной речной террасой, палинологическая характеристика 4-го и 5-го культуросодержащих слоев (глубина — более 60 см), технологический контекст — «обнаруживающий достаточно выраженное сходство» с пластинчатым комплексом стоянки Устиновка-1. Хронологически сопоставляется с фазой относительного похолодания черноручьинского (каргинского) интерстадиала.

Памятники: индустрия раннего комплекса Устиновки-7.

Второй этап — ранние микропластинчатые комплексы (18600–12000 л. н.).

Аргументы: палинологические спектры, характерные для холодных ландшафтов, расположение на 40-метровой террасе, отсутствие резцов, микронуклеусы на бифасах, бедный состав бифасиальных орудий. Начало этапа определяется датой 18600 л. н. (OSL) для Устиновки-7, окончание — распространением комплексов с развитой микропластинчатой индустрией типа Устиновка-6.

Памятники: Ко второму этапу отнесены также Устиновка-7а и липаритовый комплекс стоянки Устиновка-5.

Третий этап — микропластинчатые комплексы (12000–11500 л. н.). Этап представлен материалами стоянки Устиновка-6. Радиоуглеродные даты памятника: 11550+240 и 11750+620 л. н.

Технологические маркеры этапа: пластинчатая технология, подпризматические и единичные конические нуклеусы, многовариантное расщепление, микронуклеусы на бифасах, ладьевидных заготовках, разнообразные резцы, рубящие орудия, скребки. Появляются наконечники стрел, украшения из камня.

Отмечаются изменения во внутренней структуре стоянок (очажный комплекс, производственная площадка). Усложняется модель расселения носителей традиции в этот период.

Памятники: Устиновка-6, Суворово-3, 4, «богопольская группа памятников и серия местонахождений в среднем течении р. Зеркальной».

Четвертый этап — поздний микропластинчатый (11500–10500 л. н.).

Дат нет. Включает стоянки Суворово-6 и Устиновка-4, «связанные с более низкими геоморфологическими уровнями».

Инвентарь «во многом аналогичен» третьему этапу, отличается наличием подшлифованных изделий, остатков жилых конструкций и производственных площадок «свидетельствует о некоторой асинхронности».

Пятый этап — бифасиальные комплексы (10500–9500 л. н.).

Представлен стоянкой Устиновка-3 и «отражает принципиально важные изменения в системе жизнеобеспечения и социальной структуре обитателей долины». Инновации: сооружение жилых конструкций, появление керамики и керамического производства, тепловая обработка камня. «Все эти элементы впоследствии получают свое развитие в комплексах руднинской неолитической культуры побережья».

Малочисленность памятников для первого этапа и значительный хроноразрыв со вторым этапом объясняется «недостаточной изученностью высоких структур рельефа долины» и (или) «поведенческой моделью охотников-собирателей» [26, с. 50–51].

3-я точка зрения. Древнейший пласт связан с первоначальным заселением этого района в позднем плейстоцене, включает в себя комплекс ножей типа моро, липаритовые мастерские Устиновка-5 и Суворово-М, дифлированные артефакты [34, с. 36–38; 32, с. 86].

Пока нет данных для более точного датирования этих свидетельств, чем возрастом древнее 16000 л. н.

Второй этап — 16000–12000 л. н. Для этого этапа есть пять радиоуглеродных дат (Суворово-4, Устиновка-5) старше 15000 л. н. полученных по углю, собранному на площадках, связанных с производственными и ритуальными комплексами. Включает памятники

Суворово-6 и 4, близкие по технике расщепления и обработке орудий.

Отметим, что выделение хронологического этапа 17000–12000 л. н. по материалам Устиновки-1 предполагал и А. П. Окладников [35, с. 117].

Третий этап — 12000–10500 л. н. Представлен большинством памятников территории. Происходят эволюция и совершенствование приемов расщепления микронуклеусов, появляются диагностичные типы резцов, тонкоретушированные наконечники. Вероятно, с этим этапом связаны остатки производственно — жилищных конструкций. Появляется маркер миграционных процессов — импортный обсидиан.

Четвертый этап — 10500–9000 л. н. Динамичный период, связанный в первую очередь с «керамической миграцией». Выделение этапа логически предопределяется традициями развития финальнопалеолитической индустрии и изменениями в природно-климатической обстановке плейстоцен-голоценового рубежа. Выделение этапа документируется сегодня материалами Устиновки-3 и рядом производственных и орудийных комплексов с сырьевой спецификой [32, с. 82–87; 36, с. 183–187].

Вывод. Ни одна из приведенных периодизаций не является безупречной и окончательной. При анализе точек зрения исследователей четко прослеживается, как критерии хронологической привязки и выделения этапов у исследователей разнятся, иногда даже в одной схеме, что, на наш взгляд, полностью лишает подобные периодизации смысла. Поэтому не ставится под сомнение закономерность их дальнейшей корректировки, дополнения и уточнения, для чего необходима презентабельная серия разноплановых датировок археологических комплексов, что ограничено на сегодняшний день почти полным отсутствием органических остатков в содержащих палеолитические артефакты слоях и скудностью палинологических материалов. Частично указанную проблему снимает корреляция на морфотипологическом уровне приморских материалов с более или менее корректно датированными комплексами памятников сопредельных территорий, в частности Сахалина и Японии, но и это, к сожалению, при субъективном подходе исследователей вопроса часто только запутывает ситуацию. Это четко видно на приведенных выше примерах аргументации выделения этапов развития одной культуры с использованием несовместимых или разновесомых критериев.

Большинство специалистов даже при наличии разночтений признает существование «доустиновского» заселения территории Приморья, технологического расцвета каменных индустрий 12000–10500 л. н., факт миграций и межкультурных контактов устиновцев. Решение спорных моментов теперь зависит от дальнейшего накопления материала и корректного сотрудничества заинтересованных в этом исследователей.

Литература

1. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Азия и проблема родины человека (История идей и исследования). — Новосибирск: Наука, 1969. — Ч. 1. — 391 с.
2. Окладников А. П. Открытие Сибири. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. — 205с.
3. Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. — Владивосток: Примор. кн. изд-во, 1959. — 291с.
4. Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. — Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. — 440 с.
5. Окладников А. П. История Сибири. — Ленинград: Наука, 1968.
6. Окладников А. П., Бродянский Д. Л., Чан Су Бу. Тихоокеанская археология. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1980. — 103с.
7. Лынша В. А. Проблемы возраста устиновской культуры в свете новейших исследований мезолита в Юго-Западном Приморье // Проблемы изучения памятников каменного века и палеометалла Дальнего Востока и Сибири. — Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1989. — С. 3–7.
8. Лынша В. А. Новый взгляд на стратиграфию Осиновки // VI Арсеньевские чтения (ТД). — Уссурйск: Изд-во УГПИ, 1992. — С. 187–189.
9. Крупянко А. А., Табарев А. В. Памятник Осиновка и палеолит Приморья: домикропластинчатый период // Report on the Archaeological Investigations in Primorye, Russia — Comparative Study on the Neolithic Culture between East Asia and Japan. — Tokyo: Kokugakuin University, 2004. — Vol. 1. — P. 27–35.
10. Никольская В. В. Палеографические данные о природных условиях древних поселений на террасе р. Осиновки (Приморский край) // Сибирь и ее соседи в древности. — Новосибирск:

- Наука, 1970. — С. 60–62.
11. Лешок Е. Г. Тайны пещер Сихотэ-Алиня. — Владивосток: Дальневост. изд-во, 1978. — 141 с.
 12. Верещагин Н. К. Записки палеонтолога. — Л.: Наука, 1981. — 166 с.
 13. Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. — Новосибирск: Наука, 1983. — 216 с.
 14. Палеолит Кавказа и Средней Азии. — Л.: Наука, 1989. — 270 с.
 15. Радиоуглеродные исследования радиометрической лаборатории Института географии АН СССР / И. П. Герасимов [и др.]. // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. — 1983. — № 52. — С. 205–211.
 16. Радиоуглеродная хронология древних культур каменного века Северо-Восточной Азии / Я. В. Кузмин [и др.]. — Владивосток: Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 1998. — 127 с.
 17. Радиоуглеродное датирование фауны млекопитающих и палеолита в пещере Географического общества (Приморье, Дальний Восток России) / Я. В. Кузмин, Г. Ф. Барышников, Э. Дж. Т. Джал, Дж. С. Бурр // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — С. 195–197.
 18. Природно-археологический комплекс пещеры Сухой в Приморье (российский Дальний Восток) / Н. А. Кононенко [и др.] // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. — Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2002. — С. 3–13.
 19. Охотники-собиратели бассейна Японского моря на рубеже плейстоцена — голоцена / А. И. Кононенко [и др.]. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. — 176 с.
 20. Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема дальневосточного мезолита (в связи с раскопками 1964г.) // Четвертичный период Сибири. — М.: Наука, 1966. — С. 352–372.
 21. Андреева Ж. В., Худяков Г. И. Палеолитический памятник на реке Зеркальной // Материалы по истории Дальнего Востока. — Владивосток, 1973. — С. 15–32.
 22. Васильевский Р. С., Лавров Е. Л., Чан Су Бу. Культуры каменного века Северной Японии. — Новосибирск: Наука, 1982. — 208 с.
 23. Васильевский Р. С., Крупянко А. А., Табарев А. В. Генезис неолита на Юге Дальнего Востока России. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. — 156 с.
 24. Крупянко А. А. К вопросу о «доустиновском» заселении долины реки Зеркальной // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке: материалы междунар. науч. конф. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. — С. 55–58.
 25. Короткий А. М. Изменение природных условий во время формирования археологического памятника Устиновка-7 (интерпретация геологических материалов) // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке: материалы междунар. науч. конф. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2002. — С. 50–55.
 26. Кононенко Н. А. Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плейстоцена — начале голоцена (устиновский комплекс, российский Дальний Восток) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2001. — 1(5). — С. 40–59.
 27. Короткий А. М. Географические аспекты формирования субфоссильных спорово-пыльцевых комплексов (юг Дальнего Востока). — Владивосток: Дальнаука, 2002. — 271 с.
 28. Крупянко А. А., Микишин Ю. А. Пыльцевая стратиграфия отложений археологических памятников долины р. Зеркальной (Приморский край) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнология, геоэкология, этнология и антропология: материалы всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рождения М. М. Герасимова. — Иркутск: Оттиск, 2007. — Т. 1. — С. 324–333.
 29. Короткий А. М. Памятники палеолита южного Приморья в свете геологических данных // Вестник ДВО РАН. — 2009. — № 5. — С. 58–74.
 30. Кузнецов А. М. Поздний палеолит Приморья. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1992. — 239 с.
 31. Дьяков В. И. Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка-IV) — Владивосток: Дальнаука, 2000. — 228 с.
 32. Крупянко А. А., Табарев А. В. Археологические комплексы эпохи камня в Восточном Приморье. — Новосибирск: Сиб. универ. изд-во, 2001. — 102 с.
 33. Дьяков В. И. Динамика археологических культур каменного века Приморья / Россия и Китай на дальневосточных рубежах. — Благовещенск: Изд-во Амур. госун-та, 2002. — С. 30–37.
 34. Крупянко А. А. Липаритовые комплексы — новая загадка палеолита Приморья // Вторая дальневосточная конференция молодых историков. — Владивосток: ДВО РАН, 1992. — С. 36–38.
 35. Окладников А. П. Мезолит Дальнего Востока: (Докерамические памятники) // КСИА. — 1977. — Вып. 149. — С. 115–120.
 36. Крупянко А. А. Культурно-сырьевая стратиграфия литокомплексов эпохи камня долины реки Зеркальной // Социогенез в Северной Азии: материалы III Всерос. конф. (Иркутск, 29 марта — 1 апреля 2009 г.). — Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. — С. 183–187.

References

1. Larichev V.E. *Paleolit Severnoy, Tsentralnoy i Vostochnoy Azii. Aziya i problema rodiny cheloveka (Istoriya idey i issledovaniya)* [The Paleolithic of North, Central and East Asia. Asia and the problem of human homeland (history of ideas and research)]. Novosibirsk: Nauka publ., 1969. Ch. 1. 391 p.
2. Okladnikov A.P. *Otkrytiye Sibiri* [Discovery of Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoye knizhnoye publ., 1982. 205 p.
3. Okladnikov A.P. *Dalekoye proshloye Primorya* [The distant past of Primorye]. Vladivostok, Primorskoye knizhnoye publ., 1959. 291 p.
4. Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. *Dalekoye proshloye Primorya i Priamurya* [The distant past of Primorye and the Amur Region]. Vladivostok: Dalnevostochnoye knizhnoye publ., 1973. 440 p.
5. Okladnikov A.P. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Leningrad: Nauka publ., 1968.
6. Okladnikov A.P., Brodyansky D.L., Chan Su Bu. *Tikhookeanskaya arkheologiya* [Pacific Archaeology]. Vladivostok: Far Eastern State University publ., 1980. 103 p.
7. Lynsha V.A. *Problemy vozrasta ustinovskoy kultury v svete noveyshikh issledovaniy mezolita v Yugo-Zapadnom Primorye* [Problems age Ustinovskii culture in the light of the latest research Mesolithic in southwestern Primorye, Far East State University]. *Problemy izucheniya pamyatnikov kamennogo veka i paleometalla Dalnego Vostoka i Sibiri* [The study of monuments of the Stone Age and paleometal Far East and Siberia]. Vladivostok: Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences publ., 1989. Pp.3 — 7.
8. Lynsha V.A. *Novy vzglyad na stratigrafiyu Osinovki* [A new look at the stratigraphy Osinovka]. VI *Arsenyevskiy chteniya* [VI Arsenyevskiy reading]. Ussuryysk: Ussuriysk State Pedagogical Institute publ., 1992. Pp.187 — 189.
9. Krupyanko A.A., Tabarev A.V. *Pamyatnik Osinovka i paleolit Primorya: domikroplastinchaty period* [Monument Osinovka and Paleolithic Primorye domikroplastinchaty period]. *Report on the Archaeological Investigations in Primorye, Russia. - Comparative Study on the Neolithic Culture between East Asia and Japan. Vol. 1. Kokugakuin University, Tokyo, Japan, 2004. Pp. 27 — 35.*
10. Nikolskaya V.V. *Paleograficheskiye dannye o prirodnykh usloviyakh drevnikh poseleniy na terrase r. Osinovki (Primorsky kray)* [Paleographic data on natural conditions of ancient settlements on the terrace p. Osinovka (Primorye Territory)]. *Sibir i yeye sosedi v drevnosti* [Siberia and its neighbors in antiquity]. Novosibirsk: Nauka publ., 1970. Pp.60–62.
11. Leshok Ye.G. *Tayny peshcher Sikhote — Alinya* [Secrets of the caves of Sikhote - Alin]. Vladivostok: Dalnevostochnoye publ., 1978. 141 p.
12. Vereshchagin N.K. *Zapiski paleontologa* [Notes paleontologist]. Leningrad: Nauka publ., 1981. 166 p.
13. Derevyanko A.P. *Paleolit Dalnego Vostoka i Korei* [Paleolithic Far East and Korea]. Novosibirsk: Nauka publ., 1983. 216 p.
14. *Paleolit Kavkaza i Sredney Azii*. Leningrad: Nauka, 1989. 270 p.
15. Gerasimov I.P., Chichagova O.A., Cherkinsky A.E., Afonsky V.L., Alifanov V.M., Tsyganov V.G. *Radiouglerodnye issledovaniya radiometricheskoy laboratorii Instituta geografii AN SSSR* [Radiocarbon studies radiometric laboratory of the Institute of Geography of the USSR]. *Byulleten Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda — Bulletin of the Commission for Quaternary Research*, 1983. No.52. Pp. 205–211.
16. *Radiouglerodnaya khronologiya drevnikh kultur kamennogo veka Severo-Vostochnoy Azii* [Radiocarbon chronology of the ancient cultures of the Stone Age of Northeast Asia]. Vladivostok: Tikhookeansky institut geografii publ., 1998. 127 p.
17. Kuzmin Ya.V., Baryshnikov G.F., Dzhali E.Dzh.T., Burr Dzh.S. *Radiouglerodnoye datirovaniye fauny mlekopitayushchikh i paleolita v peshchere Geograficheskogo Obshchestva (Primorye, Dalny Vostok Rossii)* [Radiocarbon dating of mammal fauna and Palaeolithic cave Geographical Society (Primorye, Russian Far East)]. *Sovremennyye problemy evraziyskogo paleolitovedeniya* [Modern problems of the Eurasian Paleolithic]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography publ., 2001. Pp. 195–197.
18. Kononenko N.A., Korotky A.M., Sleptsov I.Yu., Kadzivara Kh., Nakamura T. *Prirodno-arkheologicheskiy kompleks peshchery Sukhoy v Primorye (rossyskiy Dalny Vostok)* [The natural and archaeological complex in dry caves Primorye (Russian Far East)]. *Arkheologiya i kulturnaya antropologiya Dalnego Vostoka i Tsentralnoy Azii* [Archaeology and Cultural Anthropology of the Far East and Central Asia]. Vladivostok: Far Eastern State University publ., 2002. Pp.3 — 13.
19. *Okhotniki — sobirately bassey na Yaponskogo morya na rubezhe pleystotsena — golotsena* [Hunters - gatherers Sea of Japan at the turn of the Pleistocene — Holocene]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography publ., 2003. 176 p.
20. Okladnikov A.P. *Drevneye poseleniye na r. Tadushi u der. Ustinovki i problema dalnevostochnogo mezolita (v svyazi s raskopkami 1964g.)* [The ancient settlement on the river Tadushi at the village. Ustinovka Far East and the problem of the Mesolithic (in connection with the 1964 excavations.)]. *Chetvertichnyy period Sibiri* [Quaternary Siberia]. Moscow: Nauka publ., 1966. Pp. 352–372.
21. Andreyeva Zh.V., Khudyakov G.I. *Paleoliticheskiy pamyatnik na reke Zerkalnoy* [Paleolithic sites on the River Mirror]. *Materialy po istorii Dalnego Vostoka* [Materials on the history of the Far East]. Vladivostok, 1973. Pp. 15–32.

22. Vasilyevsky R.S., Lavrov Ye. L., Chan Su Bu. *Kultury kamennogo veka Severnoy Yaponii* [Stone Age cultures of Northern Japan]. Novosibirsk: Nauka publ., 1982. 208 p.
23. Vasilyevsky R.S., Krupyanko A.A., Tabarev A.V. *Genezis neolita na Yuge Dalnego Vostoka Rossii* [The genesis of the Neolithic in the south of the Russian Far East]. Vladivostok: Far Eastern State University publ., 1997. 156 p.
24. Krupyanko A.A. *K voprosu o «doustinovskom» zaselenii doliny reki Zerkalnoy* [On the question of "doustinovskom" settling Valley Mirror]. *Plastinchatye i mikroplastinchatye industrii v Azii i Amerike. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Plate and microplatelet industry in Asia and America. Proceedings of the International Scientific Conference]. Vladivostok: Far Eastern State University publ., 2002. Pp. 55 — 58.
25. Korotky A.M. *Izmeneniye prirodnykh uslovy vo vremya formirovaniya arkhеologicheskogo pamyatnika Ustinovka — 7 (interpretatsiya geologicheskikh materialov)* [Changes in environmental conditions during the formation of the archaeological monument Ustinovka - 7 (interpretation of geological materials)]. *Plastinchatye i mikroplastinchatye industrii v Azii i Amerike. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Plate and microplatelet industry in Asia and America. Proceedings of the International Scientific Conference]. Vladivostok: Far Eastern State University publ., 2002. Pp. 50 - 55.
26. Kononenko N.A. *Ekologiya i dinamika arkhеologicheskikh kultur v doline r. Zerkalnoy v kontse pleystotsena — nachale golotsena (ustinovskiy kompleks, rossyskiy Dalny Vostok)* [Ecology and dynamics of archaeological cultures in the valley. Mirror in the late Pleistocene - early Holocene (Ustinov complex, the Russian Far East)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii - Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001. No.1(5). Pp. 40 - 59.
27. Korotky A.M. *Geograficheskiye aspekty formirovaniya subfossilnykh sporovo — pyltsevykh kompleksov (yug Dalnego Vostoka)* [Geographical aspects of the formation of subfossil spore - pollen complexes (south of the Far East)]. Vladivostok: Dalnauka publ., 2002. 271 p.
28. Krupyanko A.A., Mikishin Yu.A. *Pyiltsevaya stratigrafiya otlozheniy arkhеologicheskikh pamyatnikov doliny r. Zerkalnoy (Primorskiy kray)* [Pollen stratigraphy of the deposits of archaeological sites Mirror Valley (Primorye)]. *Severnaya Yevraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologiya, geoekologiya, etnologiya i antropologiya: Materialy vserossyskoy konferentsii s m/n uchastiyem, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.M. Gerasimova* [Northern Eurasia in the built man, paleotekhnologiya, geo-ecology, ethnology and anthropology: Materials of All-Russian conference with m / n participation, dedicated to the 100th anniversary of M.M. Gerasimov]. Irkutsk: Ottiskpubl., 2007. Vol.1. Pp. 324 — 333
29. Korotky A.M. *Pamyatniki paleolita yuzhnogo Primorya v svete geologicheskikh dannykh* [Paleolithic southern Primorye in the light of geological data]. *Vestnik Dal'nevostochnogo Otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk - Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2009. No.5. Pp. 58 - 74
30. Kuznetsov A.M. *Pozdny paleolit Primorya* [Late Paleolithic Primorye]. Vladivostok: Far Eastern State University publ., 1992. 239 p.
31. Dyakov V.I. *Primorye v rannem golotsene (mezoliticheskoye poseleniye Ustinovka — IV)* [Primorye in the early Holocene (Mesolithic settlement Ustinovka - IV)]. Vladivostok: Dalnauka publ., 2000. 228 p.
32. Krupyanko A.A., Tabarev A.V. *Arkheologicheskiye komplekсы epokhi kamnya v Vostochnom Primorye* [The archaeological complex of the Stone Age in East Primorye]. Novosibirsk: Sibirskoye universitetskoye publ., 2001. 102 p.
33. Dyakov V.I. *Dinamika arkhеologicheskikh kultur kamennogo veka Primor* [Dynamics of archaeological cultures of the Stone Age Primorye]. *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China in the Far East boundaries]. Blagoveshchensk: Amur State. university publ., 2002. Pp. 30 — 37.
34. Krupyanko A.A. *Liparitovye komplekсы — novaya zagadka paleolita Primorya* [Liparitovye complexes - new puzzle Paleolithic Primorye]. *Vtoraya dalnevostochnaya konferentsiya molodykh istorikov* [The second conference of young Far East historians] Vladivostok: Far Eastern State University publ., 1992. Pp. 36–38.
35. Okladnikov A.P. *Mezolit Dalnego Vostoka: (Dokeramicheskiye pamyatniki)* [Mesolithic Far East (preceramic sites)]. *Kratkie soobsheniya Instituta arkhеologii (KSIA) - Brief reports of the Institute of Archaeology*. 1977. Вып.149. Pp.115–120.
36. Krupyanko A.A. *Kulturno-syryevaya stratigrafiya litokompleksov epokhi kamnya doliny reki Zerkalnoy* [Cultural and raw stratigraphy litokompleksov Stone Age Valley Mirror] *Sotsiogenez v Severnoy Azii: materialy 3-y vserossyskoy konferentsii (Irkutsk, 29 marta — 1 aprelya 2009 g.)* [Sociogenesis in Northern Asia: Proceedings of the 3rd All-Russian Conference (Irkutsk, 29 March - 1 April 2009) Brief Communications Institute of Archaeology]. Irkutsk: Irkutsk State Technical University publ., 2009. Pp.183–187.

УДК 947:32(571.54)

DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-110-118

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АППАРАТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ БУРЯТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© Протасов Евгений Тарасович

кандидат исторических наук, доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление»

Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова

Россия, 670034, г. Улан-Удэ, ул. Пушкина, 8

E-mail: protasoV-evg@mail.ru

В статье анализируется степень изученности проблемы становления и эволюции государственного аппарата власти страны и Бурятии 1920–2000-х гг. Рассматривается актуальная и малоисследованная тема, не нашедшая еще комплексного и всестороннего развития в отечественной историографии. Проведена работа по систематизации литературы и различных источников, что позволяет аргументированно и на достаточном научном уровне раскрыть процесс формирования органов государственной власти. Мнения и оценки политических деятелей, известных управленцев, исследователей последовательно отражают изменения, подходы в данной проблематике с учетом особенностей государственного строительства в различные хронологические периоды. Предпринята попытка отразить историю формирования кадров законодательных, исполнительных, управленческих органов страны и республики. Представленный анализ свидетельствует о том, что аппарат органов власти постоянно уделял внимание укреплению государственности, совершенствованию правовой базы для полноценного развития всех сфер жизни общества. С современных позиций дается определенная оценка их работы, а также имевшихся противоречий и неиспользованных возможностей.

Ключевые слова: органы власти, государственный аппарат власти, Бурятия, кадровая политика, труды отечественных исследователей.

PROBLEMS OF FORMATION OF STATE ADMINISTRATION AUTHORITIES OF BURYATIA IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Eugeny T. Protasov

PhD in History, A/Professor of the department of state and municipal governance, Buryat State Agricultural Academy named after V.R. Filippov

8 Pushkina St., Ulan-Ude, 670034 Russia

This article analyzes the degree of study the problem of formation and evolution of state administration authorities of the country and of the Buryat Republic in 1920–2000s. The urgent and less researched topic is considered, it has not been developed on the basis of integrated and comprehensive approach in the national historiography. The work on systematization of literature and various sources has been done, it allows to reveal the process of forming a government at a reasonably and sufficiently scientific level. Opinions and assessments of political figures, famous managers, researchers, consistently reflect changes in the approaches to this problem taking into account the peculiarities of state-building in various historical periods. An attempt has been made to reflect the history of the formation the legislative, executive, and administrative bodies of the country and the Republic. The submitted analysis proves that the authorities constantly paid attention to nation-building strengthening, improving the legal framework for the fruitful development in all spheres of social life. Some assessment of their work has been given from modern points of view, as well as of having been available contradictions and missed opportunities.

Keywords: authorities, state administration authorities, Buryatia, personnel policy, works of national researchers.

Историография становления и развития государственного аппарата власти объемна и разнообразна. Ее исследовательское поле увеличивалось вслед за изменением территориальных и административных границ субъекта, сменой идеологических установок и методологии науки, умножением объема знаний и расширением источниковой базы. Проблемы генезиса и эволюции органов власти привлекали многих исследователей. В той или иной степени, они затрагивались в работах, посвященных вопросам советского, партийного и национально-госу-

дарственного строительства в РСФСР, СССР в целом и в национальных регионах в частности.

Следует отметить, что данная проблема чрезвычайно широка и находится на стыке проблемных полей различных общественно-гуманитарных дисциплин, привлекала внимание философов, социологов, политологов. Во-вторых, существующие историографические источники представлены эмпирическим и теоретическим уровнями познания, имеют местное, региональное и/или общероссийское (союзное) значение. В-третьих, представляет собой сложносоставной феномен. Исходя из общепринятого определения госаппарата как системы органов и учреждений, посредством которых осуществляется государственное управление обществом и защита его основных интересов и как совокупность сотрудников центральных государственных учреждений, управляющих страной, мы остановимся лишь на основных его составляющих.

Конкретно-историческая литература обширна, но ограничена во времени. История органов власти и управления в советском государстве относится к числу тем, имеющих богатую историческую традицию, однако на протяжении десятилетий она находилась под грузом идеологических догм. Известные события второй половины 1980-х гг. обострили вопрос о сущности советской системы и механизмах власти. В 1990-х гг. развивалась тенденция абсолютизации негативных оценок недавнего прошлого и отказа от советского опыта. И, наконец, в 2000-х гг. наступило время понимания роли и значения советских органов управления в истории государства, а вместе с ним взвешенных, объективных оценок и возникновение интереса к органам власти и управления в современных условиях. Таким образом, выделяем два этапа (советский и постсоветский), каждый из которых имеет внутреннее деление, а разделителем станет смена идеологической доминанты и основанной на ней методологии.

Научное осмысление проблем государственного строительства в целом и проблем функционирования органов государственной власти в частности началось на ранних этапах развития советской науки. Наиболее важными для нашего исследования стали работы советских и партийных руководителей. В работах, выступлениях В. И. Ленина обосновываются роль, значение и задачи Советов как формы диктатуры пролетариата, политической основы общества, государственного аппарата нового типа, сформулированы принципы его создания, обобщен опыт работы местных Советов [43; 44].

Уже в первое советское десятилетие возникла необходимость осмысления эффективности работы Советов и их исполкомов, выявления недостатков управления. Появились не только работы научно-прикладного характера, разъяснявшие политику Коммунистической партии в советском государственном строительстве [10; 11], но и публикации, особо обращавшие внимание на кадровый состав аппарата местных и государственных органов власти. Становилось очевидным, что призыв к привлечению населения в органы управления обернулся снижением их квалификационного и образовательного уровня [5; 57].

В 1920–1930-е гг. вопросы кадровой работы были одними из серьезно обсуждаемых. Партийная риторика превращала кадровую политику в могучий рычаг воздействия партии на ход общественного развития, где главной задачей был правильный подбор людей, понимающих и умеющих исполнять директивы [58], с определенными морально-этическими нормами [56, с. 274], где классовый подход был доминирующим методом кадровой работы [50].

С середины 1930-х гг. заметно ослаб интерес к теоретическим и прикладным аспектам функционирования института представительной власти. Издание сборников «Советское строительство» и журнала «Власть Советов» прекратилось, институт советского строительства, готовивший кадры для государственного аппарата, реорганизован, а многие ученые репрессированы. Вплоть до середины 1950-х гг. «обескровленная» историческая наука находилась под воздействием идеологических догм, сформулированных в период культа личности. Основное направление развития отечественной историографии этого времени — комментирование Конституции 1936 года и пропаганда преимуществ советского аппарата [48; 52; 59; 60].

Новый этап в изучении означенного круга вопросов охватывает конец 1950-х — конец 1980-х гг. Развенчание культа личности обратило взоры ученых к творческому наследию В. И. Ленина. Появилась настоятельная потребность в анализе ленинских взглядов на стро-

ительство госаппарата, его вклада в государственное строительство [34; 45; 53]. Обращалось внимание на значимость ленинского положения о возрастающей роли масс в государственном управлении. В то же время большая часть исследователей придерживалась традиционной проблематики: роль и значение партии в руководстве партийно-государственным аппаратом.

Характерной чертой периода стало расширение исследовательского поля означенных проблем, как за счет вовлечения новых исследователей, так и за счет новых групп документов из фондов центральных и местных архивов. Приумножение источниковой базы, а также возросший научный и методологический уровень изысканий способствовали расширению диапазона рассматриваемых проблем, позволили выработать новые подходы к изучению истории вопроса. Сказанное в полной мере относится ко второй части коллективного труда «История советского государства и права» [31].

Первый опыт обобщения по истории советского государства воплощен в коллективном исследовании «Советы за 50 лет» [55]. Не менее значимой стала фундаментальная монография «История национально-государственного строительства в СССР» [28]. Специфика данного издания, как и всех работ, опубликованных в этот период, заключается в отсутствии критического анализа деятельности партии и государства по созданию и развитию национально-государственных образований при достаточно высоком теоретическом уровне исследований. Авторские оценки вопросов создания советского аппарата не выходили за рамки традиционных, устоявшихся, официально признанных оценок [32; 37].

Значительный вклад в исследование государственного строительства Сибири был сделан публикацией в 1960 году «Истории Сибири» и «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» [29; 30]. В этих изданиях определены основные этапы создания советского аппарата в Сибири и его состав. Выдвиженчество — один из способов рекрутирования в госаппарат рассматривалось авторами в положительном ключе как способ оживления работы аппарата и борьбы с бюрократизмом [9]. К сожалению, идеологическая заданность выводов не позволила коллективу авторов увидеть недостатки кадровой политики конца 1920-х гг., хотя даже на заре советизации подобная практика уже оценивалась неоднозначно. Не обошли сибирские ученые изучение особенностей формирования госаппарата у малых народностей Сибири [62], что также отражено в монографии Е. Н. Палхаевой [50].

Проблемы взаимоотношений органов государственной власти с населением, формы его участия в деятельности Советов поднимались в работах Т. Е. Абовой, Б. Н. Габричидзе, А. М. Селиванова [1; 54].

В 1960–1970-е гг. в сибирской историко-партийной историографии формируется направление, целью изучения которого являлась кадровая политика КПСС. В его рамках подготовлен и защищен ряд кандидатских диссертаций, в том числе по проблемам подбора и расстановки кадров [56]. Диссертация В. П. Бартукова представляла собой компаративный анализ деятельности Бурятской, Тувинской и Хакасской партийных организаций за одно десятилетие. Однако изучению и обобщению подвергся только опыт подбора номенклатурных кадров в трудовых коллективах, первичных партийных организациях, райкомах, горкомах и обкомах партии [7].

Проблемы организации советского госаппарата на разных уровнях, изучение основных направлений представлены в целом ряде изданий ведущих специалистов-историков 1960–1980-х гг. [13; 18; 22; 33].

На рубеже веков были защищены диссертации, посвященные проблеме подбора, подготовки и расстановки кадров аппарата государственного управления, практике формирования местного государственного аппарата и эффективности системы работы с кадрами в советский период [23; 26].

На современном этапе не ослабевает интерес ученых к начальным этапам утверждения советской власти. Так, один из ведущих исследователей советского госаппарата, монографии которого появились еще в 1960-х гг., Е. Г. Гимпельсон проанализировал основные этапы формирования различных ступеней госаппарата, а также создал портрет советского управленца

в соответствии с определенными критериями [14], придя к выводу о несоответствии «орабочивания» аппарата государственного управления реальному положению вещей [15; 16].

В то же время среди исследователей нет единого мнения относительно времени «обюрокративания» государства. Одним из первых вопрос о природе сложившегося партийного режима поставил Л. Д. Троцкий, признав его бюрократическим уже в первой половине 1920-х гг., а в дальнейшем назвав советскую бюрократию привилегированно-командующим слоем советского общества, основным источником власти и доходов которого была государственная собственность [61, с. 170]. Среди авторов середины 1990-х гг. нет единого мнения ни о времени, ни об истоках и причинах формирования бюрократии в СССР так же, как существуют разногласия и по вопросу о привилегиях [3; с. 38].

По мнению В. П. Данилова усиление роли бюрократии в жизни общества, гипертрофия командно-административной системы управления были естественным следствием форсирования индустриального развития России. Для решения насущных экономических проблем сталинское руководство могло опираться именно на бюрократическое перерождение советского государственного управления. С концентрацией власти в своих руках бюрократия обростала привилегиями, все больше «отрывалась от общественных интересов», утрачивала способность к эффективному политическому руководству, осуществила «бюрократическую феодализацию государства» [19].

В историографии проблемы применительно к советской правящей элите используется термин «номенклатура». Пальма первенства в исследовании этого аспекта принадлежит зарубежной историографии. К началу 1990-х гг. отечественная историография стала обогащаться зарубежными теориями «нового класса», тоталитарной элиты и другими, устанавливавшими зависимость между появлением однопартийного государства и номенклатуры. Широко известны исследования М. Джиласа, Л. Шапиро, М. Восленского и А. Авторханова [2; 12; 21]. Считалось, что после победы революции аппарат большевистской партии превращается в «новый правящий класс», сердцевину которого составляла политическая бюрократия, обладавшая монополией (собственностью) на распределение национального дохода, регламентацию зарплаток, выбор направлений развития, распоряжение имуществом [21, с. 200]. Однако единое мнение среди мыслителей о предмете отсутствует. В частности, М. С. Восленский предлагал классифицировать советскую властную элиту как господствующий, правящий, эксплуататорский и привилегированный класс, как «политбюрократию» в качестве главной черты тоталитарного общества, а партийный аппарат как элиту номенклатуры, подчеркивал зависимость управленческих кадров от парторганов [12]. Согласно А. Авторханову, в СССР функционировала уникальная система, которую он называл «партократией» и которая представляла собой идеально сконструированный и не имеющий аналогов в мировой истории инструмент личной власти диктатора. Основные принципы этой системы были заложены В. И. Лениным и доведены до совершенства И. В. Сталиным, после смерти которого система, изменяясь в деталях, продолжала функционировать [2].

Изучая номенклатурную систему управления советского периода, отечественные ученые констатировали ее доминирующие позиции в обществе. Исследователей интересовали ее истоки и содержание, методы подбора и воспитания в период сталинизма [20; 49; 52], способствовавшие созданию замкнутой корпорации. Обратим внимание на выработанное Т. П. Коржихиной и Ю. Ю. Фигатнер специфическое определение этого феномена («патология номенклатуры» определяется с 1923 г.), который авторы рассматривают с двух точек зрения — традиционно как перечень должностей и расширительно как совокупность документов, устанавливающих скрытые механизмы господства и воспроизводства касты советских руководителей, замкнутого слоя начальников всех уровней [36].

Следуя за В. П. Моховым, можно утверждать, что номенклатура — это один из тех элементов институционального развития, который обеспечивал непрерывность и преемственность политического порядка российского общества. Продолжая размышления, он пишет, что номенклатура является важнейшим политическим институтом и возникает как ответ властвующей политической (а затем и социальной) силы на сформировавшуюся обществен-

ную потребность в упорядочивании общественных отношений в нерыночном обществе, ее возникновение обусловлено волей господствующих партийных «верхов» и необходимо для поддержания стабильности и устойчивости общества. Партийные структуры выполняют в данной ситуации роль организатора новой «неформальной» государственной сети, придавая соответствующий статус всем тем организациям, объединениям, союзам, учреждениям, которые входят в сферу большого государства [46; 47].

Широкий круг исследований посвящен анализу трансформации советского аппарата управления в постсоветскую элиту, выявлению механизмов перерождения советской номенклатуры в управленческий аппарат современной России. Понимая под элитой правящий класс общества, который состоит из лиц, принимающих решения общегосударственного значения, выделив 6 функциональных групп и проанализировав биографии трех поколений элиты, О. А. Крыштановская не только нарисовала ее социологический портрет, но и обнаружила лишь незначительные различия между брежневской — горбачевской — ельцинской элитой [38]. Постепенный процесс смены элит, их тесная взаимосвязь, формирование нового управленческого аппарата на базе старого отмечают и у Т. Г. Архиповой, увидевшей в этом позитивный аспект [6]. Естественность перехода подавляющей массы работников партийного и государственного аппаратов после крушения коммунистической политической системы в элитарные позиции нового госаппарата, декларирующего свою антикоммунистическую направленность, проводящего в жизнь реформы капиталистического характера, констатировали и социологи В. И. Ильин и Н. В. Хосуева [27].

Важной составляющей историографического поля является исследование региональных структур власти. В рамках изучения региональных политических элит были рассмотрены вопросы их функционирования [47], проанализированы взаимоотношения центра и региональных элит в советский период [41], подверглись сравнительным исследованиям внутренние отношения («патрон-клиент») дореволюционной — советской элит [6], а также механизмы реализации руководящих установок региональными партийными аппаратами [8; 35].

Особенности функционирования политической элиты Бурятии в контексте исторического развития бурятского народа рассмотрены в работе А. А. Елаева «Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение» [24]. Интерес могут представить работы Е. Н. Палхаевой «Правовой статус бурятских автономных округов в связи с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г.» [51], Б. П. Крянева «Народный Хурал Республики Бурятия» и «Политические партии и предвыборные блоки Республики Бурятия» [39], а также статья Л. В. Кураса и О. Д. Базарова «Политические партии, общественно-политические движения и общественные объединения в Бурятии» [40]. Эти работы не преследовали цели прямого исследования политической элиты Бурятии и рассматривают лишь определенную сторону данной проблематики.

В определенной мере этот пробел восполняет работа В. Г. Жалсановой [25], предметом исследования которой стал процесс формирования и функционирования политической элиты Бурятии в современных условиях. Автор изучала особенности социальной трансформации политической элиты Республики Бурятия, определила ее место в социальной структуре общества и роль в процессе политической трансформации.

Таким образом, проблема становления и развития госаппарата и в части учрежденческой структуры, и в части кадрового потенциала получила свое развитие с первых лет формирования советской власти как в трудах идеологических классиков, так и работах ученых различных специальностей, что позволяет сделать вывод о междисциплинарности предмета и широты исследовательского поля и в хронологическом, и в тематическом плане. Комплекс историографических источников включает в себя произведения теоретического и прикладного характера зарубежных, российских, сибирских и бурятских ученых, дополняющих и расширяющих пределы исторического знания о госаппарате, вооружающих исследователей необходимыми научными методиками. Аппарат органов государственной власти Бурятии подвергался лишь фрагментарному изучению в ограниченных тематических и хронологических рамках в ряду других административных структур и персоналий в большей степени по-

литологами и социологами, чем историками. Проблема комплексного изучения становления, развития и трансформации государственного аппарата власти Бурятии в период с 1920-х гг. до середины 2000-х гг. требует углубленного исследования.

Литература

1. Абова Т. Е., Габричидзе Б. Н. Органы Советского общенародного государства. — М., 1979.
2. Авторханов А. Происхождение партократии // Октябрь. — 1991. — № 2. — С. 135–163; 1991. — № 3. — С. 148–181.
3. Агапцов С. А. Взаимоотношения государственных органов и правящей партии как предмет дискуссий в первые годы Советской власти // Политические дискуссии в 1920-е годы. — М., 1992. — С. 38.
4. Апевалов А. И. Борьба Коммунистической партии за создание советского государственного аппарата (октябрь 1917 — январь 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. — М., 1958.
5. Аскеров А. А. Очерки советского строительства. — М., 1953.
6. Архипова Т. Г. Номенклатура в посттоталитарной России // Российская государственность: опыт и перспективы изучения. — М., 1995. — С. 118–221.
7. Бартуков В. П. Деятельность партийных организаций национальных районов Восточной Сибири по подбору, расстановке и воспитанию руководящих партийных кадров (1970–1980): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1988.
8. Батуев Ц. Б. Создание органов государственной власти в Бурят-Монгольской АССР // Власть. — 2010. — № 3.
9. Боженко Л. И. Из истории выдвиженчества в Сибири (1921–1927 гг.) // Труды Томского университета. — 1972. — Т. 216.
10. Владимирский М. В. Строительство Советской власти на местах. — Краснодар, 1920.
11. Владимирский М. В. Советы, исполкомы, съезды Советов. — М., 1921.
12. Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. — М., 1991.
13. Генкина Э. Б. Государственная деятельность В. И. Ленина. 1921–1923 гг. — М., 1969.
14. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917–1920 гг.) // Отечественная история. — 1997. — № 5. — С. 44–54.
15. Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. — М., 1998.
16. Гимпельсон Е. Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. Ноябрь 1917–1920 гг. — М., 1982.
17. Горкин А. Ф. Партия и Советы. — М., 1947.
18. Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства. 1917–1918. — М., 1965.
19. Данилов В. П. Актуальность исследования советской бюрократии как нового класса // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства: материалы междунар. симп. (Москва, 12–14 января 1996 г.). — М., 1996. — С. 485–486.
20. Джавланов О. Т., Михеев В. А. Номенклатура: эволюция отбора: Историко-политологический анализ. — М., 1993.
21. Джилас М. Новый класс // Лицо тоталитаризма. — М., 1992.
22. Дробижев В. З. Главный штаб социалистической промышленности. — М., 1966.
23. Дудкина Д. В. Советская кадровая политика и местный государственный аппарат: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Самара, 2002.
24. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. — Улан-Удэ, 2007.
25. Жалсанова В. Г. Политическая элита в социальной структуре общества переходного периода (на материалах Республики Бурятия): дис. ... канд. социолог. наук. — Улан-Удэ, 2000.
26. Золотов В. А. Политическая элита СССР: социальный состав, образовательный и культурный уровень (1953–1991 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. — М., 2006.
27. Ильин В. И., Хосуева Н. В. Социальная мобильность региональной административной элиты в переходный период (партийно-советская номенклатура на рынке труда) // Рубеж (альманах социальных исследований). — 1997. — № 10–11. — С. 124–138.
28. История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978: в 2 т. Т. 1. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.); Т. 2. Национально-государственное строительство в СССР в период социализма и строительства коммунизма (1937–1978 гг.) / отв. ред. В. П. Шерстобитов и др. — 3-е изд., доп. и перераб. — М., 1979.
29. История Сибири: в 5 т. — Т. 4. Сибирь в эпоху социализма. — Новосибирск, 1965.
30. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. — Л., 1968.
31. История советского государства и права: в 3 кн. / отв. ред. А. П. Косицын. Кн. 2. Советское государство и право в период строительства социализма. (1921–1935 гг.) / отв. ред. Е. А. Скрипилев. — М., 1968.
32. Калинин А. Ф. Повышение роли Советов в период завершения социалистической реконструкции на материалах Ленинграда. — Л., 1976.

33. Караулов С. А. Руководящие кадры Российской Федерации в 50–80-е гг. — М., 2004.
34. Козлов Ю. М. Ленинский принцип участия трудящихся в Советском государственном управлении. — М., 1962.
35. Коновалов А. Б. Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП (б) — КПСС в регионах Сибири (1945–1991): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Кемерово, 2006.
36. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. — 1993.— № 7. — С. 25–38.
37. Косицын А. П. Государство, рожденное Октябрем. — М., 1987.
38. Крыштановская О. А. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. — 1995. — № 1. — С. 51–65.
39. Крянев Б. П. Политические партии и предвыборные блоки Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 1996.
40. Курас Л. В., Базаров О. Д. Политические партии, общественно-политические движения и общественные объединения в Бурятии // Республика Бурятия — государство в составе Российской Федерации. — Улан-Удэ, 1998.
41. Лапина Н. Ю. Региональные элиты России. — М.: ИНИОН, 1997.
42. Левин И. Советская демократия — высшая форма демократии // Пограничник. — 1945. — № 23.
43. Ленин В. И. О современном положении и ближайших задачах советской власти // Полн. собр. соч. — 1969. — Т. 29.
44. Ленин В. И. КПСС о работе с кадрами. — М.: Политиздат, 1979.
45. Минц И. И. Развитие взглядов В. И. Ленина на Советы // Вопросы истории КПСС. — 1960. — № 2.
46. Мохов В. П. Советская номенклатура как политический институт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pseudology.org/people/Nomenklatura.htm> (дата обращения: 26.04.2014).
47. Мохов В. П. Региональная политическая элита России (1945–1991 годы). — Пермь: Перм. кн. изд-во, 2003.
48. Мурзин Г. Советы — политическая основа СССР. — М., 1938.
49. Нефедов В. Н. Номенклатура империи. — Н. Новгород, 1994.
50. Палхаева Е. Н., Протасов Е. Т. Законодательная власть Бурят-Монгольской АССР (1923–1937 гг.). Историческое исследование. — Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2009.
51. Палхаева Е. Н. Правовой статус бурятских автономных округов в связи с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. // История государства и права. — 2012. — № 10.
52. Партия и Советы. — М., 1982.
53. Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное развитие в Сибири (1917–1937 гг.). — Улан-Удэ: Мысль, 1971. — 495 с.
54. Селиванов А. М. Советы в первые годы социалистического строительства. — Ярославль, 1979.
55. Советы за 50 лет / гл. ред. С. Ф. Найда. — М.: Мысль. — 1967. — 495 с.
56. Сольц А. А. О партэтике // Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов). — М., 1989.
57. Сорин Е. Рабочие и госаппарат. — М., 1930.
58. Сталин И. В. Сочинения. — М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. — Т. 6.
59. Титаренко С. Советский строй — самый демократический в мире. — М., 1946.
60. Трайнин И. Местные органы власти в СССР и «самоуправление» в капиталистических странах. — М., 1940.
61. Троцкий Л. Д. К истории русской революции. — М., Политиздат, 1990.
62. Хаптаев П. Т. Борьба большевиков за установление Советской власти в национальных районах Сибири. — Улан-Удэ, 1975.

References

1. Abova T.E. *Organy Sovetskogo obshchenarodnogo gosudarstva* [The bodies of the Soviet state of the whole]. Moscow, 1979.
2. Avtorkhanov A. *Proiskhozhdeniye partokratii* [Origin partocracy]. *Oktyabr — October*, 1991. No.2. Pp. 135–163; 1991. No.3. Pp. 148 — 181.
3. Agaptsov S.A. *Vzaimootnosheniya gosudarstvennykh organov i pravyyashchey partii kak predmet diskussy v pervye gody Sovetskoy vlasti* [Relations between state authorities and the ruling party as a subject of discussion in the first years of Soviet power]. *Politicheskiye diskussii v 1920-e gody* [Political debate in the 1920s.]. Moscow, 1992. P. 38.
4. Apevalov A.I. *Borba Kommunisticheskoy partii za sozdaniye sovetskogo gosudarstvennogo apparata (oktyabr 1917 — yanvar 1918 gg.)* [The struggle for the establishment of the Communist Party of the Soviet state apparatus (October 1917 - January 1918.)]. Candidate thesis. Moscow, 1958.
5. Askerov A.A. *Ocherki sovetskogo stroitelstva* [Sketches of Soviet construction]. Moscow, 1953.
6. Arkhipova T.G. *Nomenklatura v posttotalitarnoy Rossii* [Nomenclature in the post-totalitarian Russia]. *Chteniya pamyati professora T.P. Korzhikhinoy «Rossyskaya gosudarstvennost: opyt i perspektivy izucheniya»* [Reading the memory of Professor TP Korzhihinoi "Russian statehood: experience and

- prospects of studying."]. Moscow, 1995. Pp. 118 — 221.
7. Bartukov V.P. *Deyatelnost partynykh organizatsy natsionalnykh rayonov Vostochnoy Sibiri po podboru, rasstanovke i vospitaniyu rukovodyashchikh partynykh kadrov (1970 — 1980)* [Activity of the party organizations of ethnic regions of Eastern Siberia, on the selection, placement and education of leading Party cadres (1970 — 1980)]. Candidate thesis. Irkutsk, 1988.
 8. Batuyev Ts.B. *Sozdaniye organov gosudarstvennoy vlasti v Buryat-Mongolskoy ASSR* [Creation of public authorities in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. *Vlast — Power*. 2010. No.03.
 9. Bozhenko L. I. *Iz istorii vydvizhenchestva v Sibiri (1921-1927 gg.)* [History of vydvizhenchestva in Siberia (1921-1927.)]. *Trudy Tomskogo universiteta - Proceedings of Tomsk University*. 1972.
 10. Vladimirsky M.V. *Stroitelstvo Sovetskoy vlasti na mestakh* [Construction of the Soviet authorities in the field]. Krasnodar, 1920.
 11. Vladimirsky M.V. *Sovety, ispolkomy, syezdy Sovetov* [Tips, executive committees, congresses of Soviets]. Moscow, 1921.
 12. Voslensky M. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchy klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow, 1991.
 13. Genkina E.B. *Gosudarstvennaya deyatelnost V.I.Lenina. 1921-1923 gg.* [V.I. Lenin State activity. Of 1921-1923]. Moscow, 1969.
 14. Gimpelson Ye.G. *Sovetskiye upravlyentsy: politichesky i npravstvenny oblik (1917 — 1920 gg.)* [Soviet managers: a political and moral character (1917 - 1920 gg.)]. *Otechestvennaya istoriya - National History*. 1997. No.5. Pp. 44 — 54.
 15. Gimpelson Ye.G. *Sovetskiye upravlyentsy 1917 — 1920 gg.* [Soviet managers 1917 - 1920 years]. Moscow, 1998.
 16. Gimpelson Ye.G. *Rabochy klass v upravlenii Sovetskim gosudarstvom. Noyabr 1917 — 1920 gg.* [The working class in the management of the Soviet state. November 1917 - 1920 years]. Moscow, 1982.
 17. Gorkin A.F. *Partiya i Sovety* [The Party and the Soviets]. Moscow, 1947.
 18. Gorodetsky Ye.N. *Rozhdeniye Sovetskogo gosudarstva. 1917 — 1918* [The birth of the Soviet state. 1917 - 1918]. Moscow, 1965.
 19. Danilov V.P. *Aktualnost issledovaniya sovetskoy byurokratii kak novogo klassa* [The relevance of the study of the Soviet bureaucracy as a new class]. *Kuda idyot Rossiya?.. Sotsialnaya transformatsiya postsovetskogo prostranstva. Vyp. III. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma (12 — 14 yanvarya 1996 g.)* [Where goes Russia? .. Social transformation of post-Soviet space. Vol. III. Proceedings of the International Symposium (12 - 14 January 1996)]. Moscow. 1996. Pp. 485 — 486.
 20. Dzhavlanov O.T. *Nomenklatura: evolyutsiya otbora: Istoriko-politologichesky analiz* [Nomenclature: the evolution of selection: Historical and political analysis]. Moscow, 1993
 21. Dzhilas M. *Novy klass* [New class]. *Litso totalitarizma* [The face of totalitarianism]. Moscow, 1992.
 22. Drobizhev V.Z. *Glavny shtab sotsialisticheskoy promyshlennosti* [The General Staff of socialist industry]. Moscow, 1966.
 23. Dudkina D.V. *Sovetskaya kadrovaya politika i mestny gosudarstvenny apparat* [Soviet personnel policy and the local state apparatus]. Candidate thesis. Samara, 2002.
 24. Elayev A.A. *Buryatsky narod: stanovleniye, razvitiye, samoopredeleniye* [Buryat people: formation, development, self-determination]. Ulan-Ude, 2007.
 25. Zhalsanova V.G. *Politicheskaya elita v sotsialnoy strukture obshchestva perekhodnogo perioda: Na materialakh Respubliki Buryatiya* [The political elite in the social structure of the transition period: On Republic Buryatiya materials]. Candidate thesis. Ulan-Ude, 2000.
 26. Zolotov V. A. *Politicheskaya elita SSSR: sotsialny sostav, obrazovatelny i kulturny uroven (1953 — 1991 gg.)* [Political elite of the USSR: the social structure, educational and cultural level (1953 - 1991 gg.)]. Doctor's thesis. Moscow, 2006.
 27. Ilyin V.I., Khosuyeva N.V. *Sotsialnaya mobilnost regionalnoy administrativnoy elity v perekhodny period (partyno-sovetskaya nomenklatura na rynke truda)* [Social mobility of regional administrative elite in the transition period (Party-Soviet nomenclature in the labor market)]. *Rubezh (almanakh sotsialnykh issledovany) - Abroad (Almanac for Social Research)*. 1997. No.10-11. Pp. 124 — 138.
 28. *Istoriya natsionalno-gosudarstvennogo stroitelstva v SSSR, 1917—1978; V 2-kh t. T.1. Natsionalno-gosudarstvennoye stroitelstvo v SSSR v perekhodny period of kapitalizma k sotsializmu (1917—1936 gg.)* [The history of nation-building in the USSR, 1917—1978; In 2 v. V. 1. Nation-building in the USSR in the period of transition from capitalism to socialism (1917—1936 gg.)]. Moscow. Vol.2. 1979.
 29. *Istoriya Sibiri v 5-ti tomakh* [The history of Siberia in 5 volumes]. Novosibirsk, 1965. Vol.4.
 30. *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney V 5 tomakh.* [History of Siberia since ancient times to the present day In 5 volumes]. Leningrad, 1968. Vol. 4.
 31. *Istoriya soveskogo gosudarstva i prava. (V trekh knigakh)* [The history of the Soviet state and the right. (In the three book)]. Moscow, 1968.
 32. Kalinin A.F. *Povysheniye roli Sovetov v period zaversheniya sotsialisticheskoy rekonstruktsii na materialakh Leningrada* [Enhancing the role of the Soviets during the completion of socialist reconstruction on materials Leningrad]. Leningrad, 1976.

33. Karaulov S.A. *Rukovodyashchiye kadry Rossyskoy Federatsii v 50–80-e gg.* [Leading cadres of the Russian Federation in the 50–80-ies]. Moscow, 2004.
34. Kozlov Yu.M. *Leninsky printsip uchastiya trudyashchikhsya v Sovetskom gosudarstvennom upravlenii* [Leninist principle of participation of workers in the Soviet Government]. Moscow, 1962.
35. Konovalov A.B. *Formirovaniye i funktsionirovaniye nomenklaturnykh kadrov organov VKP (b) — KPSS v regionakh Sibiri (1945 — 1991)* [Formation and functioning of the nomenclature cadres of the CPSU (b) - CPSU in Siberia (1945 — 1991)]. Candidate thesis. Kemerovo, 2006.
36. Korzhikhina T.P. *Sovetskaya nomenklatura: stanovleniye, mekhanizmy deystviya* [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action /T.P. Korzhikhina, YY Figatner]. *Voprosy istorii - Questions of history*. 1993. No.7. Pp. 25 — 38.
37. Kositsyn A.P. *Gosudarstvo, rozhdennoye Oktyabrem* [State born October Revolution]. Moscow, 1987.
38. Kryshantovskaya O.A. *Transformatsiya staroy nomenklatury v novuyu rossyskuyu elitu* [The transformation of the old nomenclature to the new Russian elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost - Social studies and the present*. 1995. No.1. Pp. 51 — 65.
39. Kryanev B.P. *Politicheskiye partii i predvybornye bloki Respubliki Buryatiya* [Political parties and electoral blocs Republic of Buryatia]. Ulan-Ude, 1996.
40. Kuras L.V. *Politicheskiye partii, obshchestvenno-politicheskiye dvizheniya i obshchestvennye obyedineniya V Buryatii* [Political parties, political movements and associations in Buryatia Republic of Buryatia]. *Respublika Buryatiya — gosudarstvo v sostave Rossyskoy Federatsii* [Buryatia Republic of Buryatia - the state in the Russian Federation]. Ulan-Ude, 1998.
41. Lapina N.Yu. *Regionalnye elity Rossii* [The regional elite of Russia]. Moscow: INION publ., 1997.
42. Levin I. *Sovetskaya demokratiya - vysshaya forma demokratii* [Soviet democracy - the highest form of democracy]. *Pogranichnik - The border guard*. 1945. No.23.
43. Lenin V.I. *O sovremennom polozhenii i blizhayshikh zadachakh sovetskoy vlasti* [About the current situation and the immediate tasks of Soviet power]. Complete set of works. vol. 29.
44. Lenin V. I. *KPSS o rabote s kadrami* [The Communist Party of the work with the staff]. Moscow: Politizdat publ., 1979.
45. Mints I.I. *Razvitiye vzglyadov V.I. Lenina na Sovety* [Development of views Lenin on the Soviet]. *Voprosy istorii KPSS - Questions of history of the the Communist Party*. 1960. No.2.
46. Mokhov V.P. *Sovetskaya nomenklatura kak politichesky institut* [Soviet nomenclature as a political institution] Available at: <http://www.pseudology.org/people/Nomenklatura.htm> (accessed 26.04.2014).
47. Mokhov V.P. *Regionalnaya politicheskaya elita Rossii (1945 — 1991 gody)* [Regional political elite of Russia (1945 - 1991 years)]. Perm: Permskoye knizhnoye pabl., 2003.
48. Murzin G. *Sovety — politicheskaya osnova SSSR* [Council - the political foundation of the USSR]. Moscow, 1938.
49. Nefedov V.N. *Nomenklatura imperii* [Nomenclature empire]. Nizhny Novgorod, 1994.
50. Palkhayeva Ye.N., ProtasovYe.T. *Zakonodatelnaya vlast Buryat-Mongolskoy ASSR (1923 — 1937 gg.)*. *Istoricheskoye issledovaniye* [The Legislature Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic (1923 - 1937 gg.). Historical research]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2009.
51. Palkhayeva Ye.N. *Pravovoy status buryatskikh avtonomnykh okrugov v svyazi s prinyatiyem Konstitutsii Rossyskoy Federatsii 1993 g.* [The legal status of Buryat Autonomous District in connection with the adoption of the Constitution of the Russian Federation in 1993]. *Istoriya gosudarstva i prava - History of State and Law*. 2012. No.10.
52. *Partiya i Sovety* [The Party and the Soviets]. Moscow, 1982.
53. Sanzhiyev G.L. *V.I. Lenin i natsionalno-gosudarstvennoye razvitiye v Sibiri (1917–1937 gg.)* [V.I. Lenin and the national-state development in Siberia (1917–1937 gg.)]. Ulan-Ude, 1971.
54. Selivanov A.M. *Sovety v pervye gody sotsialisticheskogo stroitelstva* [Tips in the early years of socialist construction]. Yaroslavl, 1979.
55. *Sovety za 50 let* [Tips for 50 years]. Moscow, 1967.
56. Solts A.A. *O partetike* [About partetike]. *Partynaya etika: (Dokumenty i materialy diskussii 20-kh godov)* [Party Ethics: (Documents and Materials discussions 20s)]. Moscow, 1989.
57. Sorin Ye. *Rabochiye i gosapparat* [Workers and the state apparatus]. Moscow, 1930.
58. Stalin I.V. *Sochineniya. Tom 6* [Works. 6. Vol.]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury publ., 1947.
59. Titarenko S. *Sovetsky stroy — samy demokratichesky v mire* [Soviet system - the most democratic in the world]. Moscow, 1946.
60. Traynin I. *Mestnye organy vlasti v SSSR i «samoupravleniye» v kapitalisticheskikh stranakh* [Local authorities in the Soviet Union and the "self-government" in the capitalist countries]. Moscow, 1940.
61. Trotsky L.D. *Novy kurs* [New Deal]. *K istorii russkoy revolyutsii* [On the history of the Russian revolution]. Moscow, 1990.
62. Khaptayev P.T. *Borba bolshevikov za ustanovleniye Sovetskoy vlasti v natsionalnykh rayonakh Sibiri* [Struggle of the Bolsheviks to establish Soviet power in the national regions of Siberia]. Ulan-Ude, 1975.

УДК 94(=512.31)+33

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-119-124

НОМАДНОЕ ХОЗЯЙСТВО У БУРЯТ XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

© Санданов Юрий Борисович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, Ранжурова, 6

E-mail: sanny1959@mail.ru

В статье рассматриваются традиционные формы хозяйствования бурятского населения Восточной Сибири, изменения, происходящие после вхождения Бурятии в состав Российского государства. Прослеживается трансформация форм и методов ведения скотоводческого хозяйства на протяжении XVIII–XIX вв. вплоть до начала XX в. Автор исследует и анализирует важнейший процесс перехода от чисто кочевого образа жизни бурятского населения к полукочевым и оседлым способам ведения крестьянского хозяйства. В статье приводятся природно-климатические условия сельскохозяйственного производства, их различия между разными регионами Бурятии, которые определяли размещение отдельных отраслей аграрного производства, а также характер производства. В работе значительное внимание уделено негативным факторам, оказывавшим отрицательное влияние на скотоводство коренного населения региона, а также новым более современным способам ведения хозяйства, которые появились и получили развитие на протяжении рассматриваемого периода.

Ключевые слова: скотоводство, коневодство, овцеводство, буряты, Западная Бурятия, Забайкалье, циклические перекочевки, полукочевой и оседлый образ жизни.

NOMADIC ECONOMY OF BURYATS IN THE 18th — EARLY 20th CENT.

Yuri B. Sandanov

PhD in History, A/Professor of the department of the history of Buryatia, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

In the article the traditional forms of economic activity of the Buryat population in the Eastern Siberia are considered, the changes that take place in it after Buryatia joined the Russian state. The transformation of forms and methods of conducting cattle-breeding is traced for the XVIII — XIX centuries through the early twentieth century. The author researches and analyzes the most important process of transition from the pure nomadic mode of life of the Buryat population to semi-nomadic and settled ways of conducting farming. In the article the natural and climatic conditions of agricultural production are presented, their varieties in different regions of Buryatia that have determined the location of some branches of agrarian production and also the nature of the production. In the work the considerable attention is paid to negative factors that have negatively influenced on the cattle-breeding of the indigenous population of the region and also the article is focused on the new more modern ways of conducting economic activity that have arisen and developed for the considered period.

Keywords: cattle-breeding, nomadic economy, Buryats, Western Buryatia, Transbaikalia, cyclic migrations, mowing, hay meadows, utugi, natural economy, and semi-nomadic and settled mode of life, horse breeding, sheep breeding, indigenous population, market.

После присоединения Бурятии к России во всех областях жизни коренного населения происходят огромные изменения, коснувшиеся буквально всех и каждого. В этот период Россия проводит активную политику колонизации, хозяйственного освоения региона, идет массовое переселение русского крестьянства. Уже во второй половине XVIII в. коренное население края — буряты и эвенки — составляло меньшинство, а к концу XIX в. их доля в общей численности населения Иркутской губернии и Забайкальского края составляла около одной трети. Естественно, что эти процессы оказали колоссальное влияние на духовную и материальную культуру бурят. Происходят изменения и в области ведения скотоводческого хозяйства.

Кочевое скотоводство у бурят в XVIII в. продолжало оставаться ведущей отраслью хозяйства и носило экстенсивный характер. Формы и методы ведения скотоводческого хозяйства в

начале исследуемого времени не претерпели существенных изменений, поскольку возможности экстенсивного способа производства еще не были исчерпаны. Кочевое скотоводство давало человеку самое необходимое — мясо и молоко, одежду и жилище. Буряты разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, коз и верблюдов. Наиболее ценными породами скота считались овцы и лошади, которые составляли большую часть поголовья скота. Широкое распространение среди бурят получило коневодство. «Коневодство есть главная отрасль их хозяйства, — писал Георги, — и пользуется с их стороны необыкновенной любовью... Мясо лошадей есть величайший для бурят лакомый кусок; молоко дает напиток, вино, сыр; кожа — одежду, мех; кости — стрелы, навоз — отопление, волоса из хвостов и гривы — все необходимые веревки и бечеву» [1, с. 43]. Буряты гордились своими скакунами, очень любили верховую езду, состязания и славились как отменные наездники.

Овцеводство в большей степени было распространено среди хоринских и селегинских бурят. Оно давало мясо, шерсть, из которой изготавливали главным образом войлок, из овчин шили шубы. Очень ценной продукцией овцеводства являлась мерлушка — шкура ягненка.

Крупный рогатый скот разводили для получения мяса, молока, шкур. Быки использовались как для перевозки различных грузов, особенно тяжестей, так и для езды верхом. У бурят пища из молока занимала особое место. Разведение верблюдов в рассматриваемый период было незначительным, особенно к западу от Байкала, их использовали в основном для езды и перевозки грузов, также для получения шерсти, мяса и т. д.

Мы уже отмечали выше, что скотоводство носило в основном кочевой характер. Ранее амплитуда перекочевок у бурят была достаточно значительной, и они совершались на значительные расстояния, даже Байкал не являлся серьезным препятствием. Кочевья некоторых родов находились как с восточной, так и с западной стороны Байкала. Ясачная ведомость Селенгинского острога за 1720 г. сообщает об уплате ясака 44 иркутскими и верхоленскими ясачными людьми, «потому что обретаются за Байкалом морем близ Селенгинску» [2, с. 167]. В 1682 г. группа иркутских казаков сообщала, что «нерчинские братские люди кочуют мимо Удинска от Байкала моря вверх по обе стороны Селенги реки на Чирамскую и на Иволгинскую и на Оронгойскую степи по все годы» [2, с. 168]. Однако после подписания Нерчинского договора и Буринского трактата и проведения границы между Монголией и Китаем, с одной стороны, и Россией — с другой, возникновения русских острогов, деревень и заимок происходит ограничение перекочевок бурят со скотом. В это время у них распространяется циклическая форма кочевания, заключающаяся в регулярных перекочевках, связанных со временем года: зимник — летник — осенник — весенник или только зимник — летник. Количество перекочевок, как правило, зависело от численности скота, наиболее обеспеченные скотоводы кочевали чаще, чем малообеспеченные. Подобная форма ведения скотоводческого хозяйства наиболее полно отвечала требованиям времени и соответствовала суровым природно-климатическим условиям Бурятии. Расположение скотоводческих, скотоводческо-земледельческих зон, способы и методы ведения скотоводческого хозяйства в этот период полностью зависели от естественной среды обитания человека и не являлись результатом каких-то национальных или религиозных традиций коренных народов региона. Доказательством является тот факт, что русское и казачье население, проживавшее в степной зоне, также вело не земледельческое, а скотоводческое хозяйство, причем по бурятскому типу.

Местные бурятские породы скота были идеально приспособлены к суровым условиям кочевого хозяйства, а это в сочетании с наличием обширных пастбищ давало положительный результат.

Об ограничении перекочевок у бурят свидетельствует распространение в Западной Бурятии наряду с войлочными юртами, приспособленными к частому кочеванию, деревянных, главным образом в зимниках. В XVIII в. западные буряты под влиянием русского крестьянства начинают строить в зимниках избы и амбары, некоторые другие хозяйственные постройки. Понемногу зимник становится центром хозяйственной жизни населения, а летник приобретает вспомогательный, подсобный характер.

Исследователи и путешественники того периода отмечали, что по обеспеченности скотом предбайкальские буряты уступали забайкальским.

«По богатству, то есть по количеству скота, — писал Гмелин, — балаганские буряты далеко уступают бурятам, живущим за Байкалом» [1, с. 40]. Объясняется это как различием природно-климатических условий, так и тем, что среди западных бурят земледелие получило довольно широкое распространение уже в XVIII в. В Забайкалье наиболее обеспеченными скотом считались буряты хоринских родов. На втором месте по количеству скота находились селенгинские буряты, а меньше всего скота имели кударинские и баргузинские буряты. Необходимо сказать, что в рассматриваемый период забайкальские буряты являлись чистыми скотоводами, никаких следов пашенного хозяйства у них не обнаружено.

В это время у забайкальских бурят существовали как таборная, так и циклическая формы кочевания. Перекочевки не носили хаотического характера, каждый род имел свой строго определенный район для кочевки. Внутри этих районов многие скотоводы Забайкалья перемещались при таборной форме кочевания почти каждый месяц. Таборная форма перекочевок была особенно распространена среди селенгинских бурятских и монгольских родов.

В XVIII в. бурятские хозяйства продолжают успешно заниматься сенокосением. То, что сенокосение существовало у бурят еще до присоединения к России, совершенно очевидно. Об этом свидетельствует собственная терминология монгольского происхождения и архивные документы. Так, например, в 1689 г., как сообщают источники, буряты хонгодорского рода во время нападения на бурят готольского рода уничтожали скот последних и жгли принадлежащее им сено. А в 1697 г. между русскими крестьянами и бурятами возник конфликт из-за сенокосных угодий, буряты накосили на спорном участке земли более 400 копен сена. Также сохранились многочисленные жалобы забайкальских бурят на притеснения со стороны русских крестьян и казаков, выражавшихся в захвате покосов и других сенокосных угодий [2, с. 171]. Также известно, что буряты в этот период достаточно широко применяли орошение и удобрение своих покосов. Существовала так называемая утужная система сенокосения. В XVIII в., особенно по второй половине, сенокосение было распространено повсеместно, как среди предбайкальских, так и среди забайкальских бурят. Утуги — это особые сенокосные угодья, которые огораживались, очищались от естественного мусора, удобрялись и орошались. Особенно большое значение орошение имело в засушливых условиях Забайкальской области.

На общее состояние бурятского скотоводства в XVIII в. оказывали неблагоприятное воздействие следующие факторы: различные заболевания скота, эпизоотия, гололедица, нападения диких животных, бескормица и т. д. Однако в целом можно сделать вывод о том, что бурятское скотоводство в этот отрезок времени развивалось достаточно успешно, по-прежнему являлось ведущей отраслью хозяйства у бурятского населения.

В конце XVIII — первой половине XIX в. в России идет процесс разложения феодально-крепостнической системы и роста в его недрах капиталистических отношений. Эти процессы, несмотря на отсутствие помещичьего землевладения и крепостного права, были характерны и для сибирской деревни. В Бурятии так же, как и по всей Сибири, идет процесс формирования и роста рынков сбыта сельскохозяйственной продукции, складывается рынок наемной рабочей силы, растет численность городского населения, усиливается промышленный потенциал региона, значительно возрастает переселенческий поток и т. д. В таких условиях идет процесс социально-экономического развития Иркутской губернии и Забайкальского края. В это время скотоводство по-прежнему остается одной из ведущих отраслей хозяйства бурятского населения, однако во второй половине века в скотоводстве происходят значительные изменения. В XIX в. начинает складываться сельскохозяйственная специализация отдельных районов, поэтому в Предбайкалье и в Забайкалье уровень развития скотоводства довольно сильно различался. Также состояние скотоводства, формы и методы ведения такого хозяйства в начале и в конце столетия были различны.

В первой половине XIX в. скотоводство по-прежнему носило кочевой, экстенсивный характер. Формы и методы ведения скотоводческого хозяйства не претерпели существенных изменений. Содержание скота в бурятских хозяйствах сводилось к следующему: весной весь скот буряты пасли на лугах и утугах, а с началом лета, примерно в конце мая — начале июня скот перегонялся на летние пастбища, которые были расположены в отдалении от зимников. Подобные перекочевки производились в основном всем улусом вместе, причем брали с собой только самые необходимые вещи, остальное же имущество оставалось в зимниках. Летники представляли собой деревянные или войлочные юрты, иногда даже жилые дома и различные хозяйственные постройки для содержания скота. Скот до окончания сенокосных работ находился на летних пастбищах, после чего он снова перегонялся в зимники, где до поздней осени кормился на уже выкошенных летом утугах и сенокосных лугах, а после окончания хлебной страды и на полях. Зимой почти весь скот, кроме табуна лошадей, если такой имелся, переводился на полустойловое содержание. Лошади всю зиму находились на подножном корму. Так, буряты Селенгинского и Верхнеудинского округов давали крупному рогатому скоту и овцам сена два раза в день в наиболее суровый зимний период, в остальное же время применялась так называемая «тебеневка» — зимняя пастьба скота по ветошам. Довольно часто, особенно в малоснежные зимы, на подножном корму содержался и весь гулевой скот — яловой и нерабочий. Надо отметить, что буряты Забайкальской области использовали «тебеневку» значительно шире, чем буряты, проживавшие в пределах Иркутской губернии. В Восточном Забайкалье этот прием был развит еще значительно, чем в западной части области. В целом содержание скота в течение всей зимы на подножном корму в Забайкальской области применялось повсеместно, где были для этого условия. Как и в предыдущем периоде, кочевки в основном совершались по давно сложившемуся маршруту: зимник — летник, иногда осенник — весенник.

Количество перекочевки в основном зависело от богатства собственника, от численности скота. Во второй половине века размеры перекочевки сокращаются, постепенно идет переход к полуседлому и оседлому образу жизни. Особенно быстро этот процесс происходил в Иркутской губернии. И. А. Асалханов в своей работе «Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в.» очень убедительно показал, почему в Западной Бурятии земледелие довольно быстро выдвинулось на первые роли. Значительная часть бурятского населения начинает культивировать хлебопашество, а скотоводство отходит на второй план. Изменяется видовой состав стада. Верблюдоводство у западных бурят в этот период исчезает практически полностью, значительно сокращаются размеры коневодства и особенно овцеводства. Развивается стойловое содержание скота, возрастает роль и значение сенокосения.

Совсем другая картина складывается в Забайкальской области. Скотоводство имело огромное значение в жизни населения области. По уровню обеспеченности скотом в расчете на душу населения Забайкалье занимало одно из первых мест в Российской империи. Если взять количество населения края в 1897 г. — 654 656 человек и количество скота — 3 569 701 голов скота, то получится, что в среднем на каждого человека в Забайкальской области приходилось 5,4 головы скота. В конце прошлого века в Забайкалье на сто душ населения приходилось 49 десятин посева и 520 голов скота, что было значительно выше, чем в других районах Сибири и в целом по стране. Например, в 1898 г. в соседней Иркутской губернии на сто человек было 67 десятин посева и всего 198 голов скота. И даже в Акмолинской области, населенной в основном казаками, эти показатели были значительно меньше: соответственно 11 десятин и 328 голов скота [3, с. 57]. Приведенные выше данные о состоянии скотоводства, взятые из уже опубликованных источников, подтверждаются архивными материалами. Например, в 1893 г. в Забайкальской области насчитывалось 3 232 824 головы скота, а население составляло 599 096 человек. То есть на одного человека в среднем приходилось 5,3 головы скота, что доказывает правильность сделанного ранее вывода. Если же выделить из общего количества сельского населения Забайкалья бурятов, которые и были основными скотоводами области, то получится, что у русских крестьян на одного человека приходилось в среднем 1,7 головы скота, у казаков — 3,8 и у бурят — 7,7.

Таким образом, на основе приведенных данных мы можем отметить, что Забайкальская область занимала одно из первых мест по количеству скота на душу населения как в Сибири, так и в России в целом. Среди сельского населения области первое место по обеспеченности скотом занимали буряты. Так, в 1909 г. бурятам принадлежало 1 460 599 голов скота, а русским крестьянам — 575 934 головы. Как видно, по видовому составу стада крестьяне опережали бурят только по количеству свиней, по остальным же категориям скота буряты были значительно лучше обеспечены. Так, например, крупного рогатого скота у бурят насчитывалось 448 321, а у русских крестьян — 186 783 головы, мелкого скота — 674 163 и 172 682 (овец) соответственно, лошадей — 224 804 и 136 010 соответственно и т. д. Особенно значительно превосходили буряты русских крестьян по количеству скота в Читинском, Селенгинском и Баргузинском округах. Например, в Читинском округе коренное население имело в своем распоряжении 721 870 голов скота, а русское население всего — 197 492. В Селенгинском округе буряты владели 261 356 головами скота, а русские крестьяне — 64 267. Верблюдов же бурятское население имело в своем пользовании в 20 раз больше, чем русское население. Но в этих материалах отсутствуют данные о скотоводстве казачества. Если сравнить соотношение количества скота у бурят, казаков и крестьян в 1915 г., то получится, что русские крестьяне области имели в своем распоряжении 145 675 лошадей, 244 894 головы крупного рогатого скота, 167 702 головы мелкого рогатого скота. Казаки в своих хозяйствах держали 214 898 лошадей, 329 185 голов крупного рогатого скота, 413 570 голов мелкого скота, 2 119 верблюдов и 94 оленя. Буряты имели 221 669 лошадей, 629 929 голов крупного рогатого скота, 705 903 мелкого скота, 8 991 верблюда и 2 118 оленей [4, с. 41].

Среди бурят Забайкальской области особенно выделялись буряты Агинского ведомства, которые в исследуемый период являлись чистыми скотоводами, так как 141,5 десятины зерновых и 32,5 десятины картофеля на все ведомство — это еще не земледелие. Всего в Агинском ведомстве числилось 38 584 человека, а имели в своих хозяйствах они 835 176 голов скота, т. е. на одну душу населения приходилось в среднем около 21,7 голов скота [5, с. 306]. А если учесть, что в среднем семья состояла из пяти человек, то мы получим, что буряты Агинского ведомства имели в среднем на одно хозяйство более ста голов скота. В целом же в 1917 г., например, буряты Забайкалья держали в своих хозяйствах 51,1 % всего поголовья скота области [5, с. 348].

В XIX в. в Бурятии значительно возрастает роль сенокосения. Это было связано с частичным переходом бурят на полукочевое и стойловое содержание скота и особенно с развитием рынков сбыта сельскохозяйственной продукции. Буряты, обладавшие значительными сенокосными угодьями, были основными поставщиками кормов в регионе. Например, в Балаганском ведомстве в 1803 г. было заготовлено 186 980 копен сена, в 1832 г. — уже 370 тыс. копен сена, а в 1887 г. — более 700 тыс. копен сена. Значительное развитие получило утужное сенокосение. В целом у бурят сено, заготовленное на утугах, составляло не менее 1/5 части от общего сбора. А в некоторых ведомствах, например, в Тункинском и Аларском, утужное сено составляло более 70 % общих сборов. В республиканском архиве сохранились данные Селенгинской степной думы о том, что в 1886 г. на территории думы орошалось 9 044 десятины земли, из которых 6 944,5 десятины являлись сенокосными угодьями. В пределах Хоринского ведомства на участке от Верхнеудинска до Онохойской почтовой станции существовало 13 оросительных канав общей протяженностью в 38,5 версты; по левой стороне р. Уда — 5 канав общей длиной в 3,5 версты; на участке от Онохойской до Курбинской почтовой станции — 22 канавы длиной общей сложностью в 75,5 версты; по берегам р. Курдун — 17 канав в 69 верст, на р. Хилок — 32 канавы протяженностью в 65 верст.

Всего же в перечисленных районах Хоринского ведомства существовало 89 канав длиной в 252 версты и благодаря этой огромной оросительной системе поливалось 9 096 десятин пашни, угугов и поливных сенокосных угодий. Здесь надо заметить, что приведенные сведения, скорее всего не полные, т. к. охватывают далеко не все районы Хоринского ведомства, а ведь буряты этого ведомства проживали еще и в долинах рек Курбы, Витима, Кижинги, в районе Еравнинских озер и там наверняка также существовали подобные оросительные системы [3, с. 41].

Во второй половине XIX в. значительно возрастает товарность скотоводства. Бурятские хозяйства под влиянием рынка все больше втягиваются в товарно-денежные отношения. Постоянно растущие рынки сбыта сельхозпродукции положительно влияли на развитие скотоводства в целом, на размещение его отдельных отраслей, на видовой состав стада. Так, например, в результате роста рыночного спроса увеличивается поголовье крупного рогатого скота. Его численность составляет в скотоводческих хозяйствах не менее половины стада. Буряты были крупнейшими производителями товарной продукции скотоводства. Забайкальские скотоводы полностью покрывали не только внутренние потребности области, но и поставляли свою продукцию в соседние регионы.

Как и в предыдущие периоды, на развитие скотоводства Бурятии отрицательно сказывались различные заболевания скота, бескормица и т. д. Например, в 1882 г. дикие животные заражали 4 873 головы скота, а в 1898 г. только в Забайкалье от инфекционных заболеваний пало 82 370 голов скота. Ветеринарная служба была развита недостаточно. В Иркутской губернии в конце XIX в. на территорию площадью более чем 42 тысячи квадратных верст приходился один ветеринарный врач. Еще хуже положение с ветеринарной службой было в Забайкалье. В 1898 г. на всю область было всего 13 врачей, причем 8 из них были командированными по линии Министерства внутренних дел [3, с. 211].

В целом на протяжении всего XIX в. скотоводство у бурят успешно развивалось и являлось одной из главных отраслей хозяйства. Регион занимал ведущее место в Российской империи по количеству скота в расчете на душу населения. Вплоть до 1895 г. шел и абсолютный рост поголовья скота, и его увеличение в расчете на душу населения.

Литература

1. Санжиев Г. Л., Санжиева Е. Г. Бурятия. История. (XVII–XVIII вв.). — Улан-Удэ, 1998. — С. 43
2. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. — Улан-Удэ, 1958.
3. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века. — Улан-Удэ, 1963.
4. Санданов Ю. Б. Сельское хозяйство Забайкальской области в конце XIX — начале XX в. — Улан-Удэ, 2008.
5. Труды Агинской экспедиции. — Чита, 1911.

References

1. Sanzhiyev G.L., Sanzhiyeva Ye.G. *Бурятия. История. (XVII — XVIII вв.)* [Buryatia. History. (XVII - XVIII centuries.)]. Ulan-Ude. 1998. P. 43
2. Zalkind Ye.M. *Prisoedineniye Buryatii k Rossii* [Accession of Buryatia to Russia]. Ulan-Ude.1958.
3. Asalkhanov I.A. *Sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye Yugo-Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka* [Socio-economic development of southeastern Siberia in the second half of the nineteenth century]. Ulan-Ude. 1963.
4. Sandanov Yu.B. *Selskoye khozyaystvo Zabaykalskoy oblasti v kontse XIX — nachale XX h v.* [Agriculture Trans-Baikal region in the late XIX - early XX century]. Ulan-Ude. 2008.
5. *Trudy Aginskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Aga expedition]. Chita. 1911.

УДК 94(571)

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–7–125–129

РОССИЙСКО-ЦИНСКИЕ ДОГОВОРЫ XVII–XVIII вв. И СТАТУС ТИБЕТО-МОНГОЛЬСКОГО БУДДИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке ргнф № 13–01–00086
«Традиция и инновация в Восточном Тибете»

© **Цыремпилов Николай Владимирович**

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Бурятии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: tsyrempilov@gmail.com

В статье анализируется взаимосвязь между заключением Нерчинского, Буринского и Кяхтинского договоров России и Цинской империи в XVII–XVIII вв. и статусом тибетского буддизма, который исповедовала часть забайкальских бурят-монголов. В фокусе исследования находится ранняя российская государственная политика в отношении буддийского меньшинства в Забайкалье, для них непереносимым условием принятия российского подданства было разрешение следовать собственной религии. В то же время для властей предметом беспокойства являлись трансграничный характер буддийской общины и мобильность ее членов, для которых административные границы империи лежали на пути паломнических маршрутов. В статье рассматриваются меры, предпринятые российскими администраторами, в целях снижения политического значения тибетского буддизма, автокефализации буддийской общины Забайкалья и установления российского контроля над буддийской общиной Забайкалья.

Ключевые слова: тибето-монгольский буддизм, Российская империя, Цинская империя, договоры, ламы, граница.

RUSSIA-QING TREATIES OF THE 17–18th CENT. AND THE STATUS OF TIBETAN-MONGOLIAN BUDDHISM IN THE RUSSIAN EMPIRE

Nikolay V. Tsyrempilov

PhD in History, Head of the department of the history of Buryatia

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article analyzes the interrelation of conclusion the Nerchinsky, Burinsky and Kyakhtinsky treaties between Russia and the Qing empire in the 17–18 centuries and the status of the Tibetan Buddhism practiced by the part of Transbaikalian Buryat-Mongols. The research is focused on the early period of the Russian state policy towards the Buddhist minority in Transbaikalia whose indispensable condition for adoption of the Russian citizenship was permission to practice their own religion. At the same time trans-boundary nature of the Buddhist community and mobility of its adherents was the subject of anxiety in authorities as the empire's administrative borders were on the paths of pilgrimage routes. The article considers the measures taken by the Russian officials for decreasing the political significance of the Tibetan Buddhism and establishing the Russian control over the Buddhist community in Transbaikalia and autocephaly of the Buddhist community Transbaikalia.

Keywords: Tibetan-Mongolian Buddhism, the Russian empire, the Qing empire, treaties, Raguzinsky, lamas, border.

Конец XVII — начало XVIII в. — период окончательного разделения сфер влияния между Российской и Цинской империями. Вопрос о делимитации границ между империей Романовых и маньчжурским государством возник к концу XVII в., когда обе державы уже получили относительно достоверные сведения о размерах и степени могущества своих соседей. Каждая из империй руководствовалась собственными мотивами при проведении разделительной линии, и если для маньчжуров приоритетным было обезопасить свои северные границы для того, чтобы сосредоточиться на многочисленных проблемах внутри империи, то для России важнее было наладить стабильную торговлю с Китаем, хотя вопросы безопасности на плохо освоенной

периферии также имели большую значимость и для российской стороны [4, с. 8]. Вопрос о размежевании границ между Россией и Цинской империей стал предметом на переговорах между двумя сторонами в Нерчинске, русском укрепленном остроге, построенном на спорной территории, находившейся к тому времени под контролем российской стороны. Уже в начале переговоров маньчжуры обозначили свою позицию, претендуя на свой контроль над эвенкийским и бурят-монгольским населением Забайкалья [8, с. 165]. Российская делегация осознавала, какое значение для исхода переговоров имеет позиция родовых лидеров бурят-монголов, обладавших хорошей военной организацией и представлявших серьезную силу. К тому же селенгинские буряты к тому времени уже стали последователями тибетского буддизма, что укрепляло их связь с остальным буддийским миром Азии, частью которого были и маньчжуры. Во время самых драматичных стадий переговоров бурят-монгольские шуленги разделились во мнении и некоторые из них со своими людьми стали открыто переходить на сторону маньчжуров [Там же, с. 173]. Федору Головину, представлявшему российскую сторону на переговорах в Нерчинске, пришлось приложить немало усилий, чтобы бурят-монголы «из-под самодержавных великих государей руки не изменяли и ни на какие прелести не склонялись, а за это им будет их, великих государей, премногая милость» [Там же, с. 174]. И действительно, после заключения договора в Нерчинске 27 августа 1689 г. и принесения забайкальскими бурят-монгольскими родами шертной присяги последние получили широкую автономию в пределах очерченных границ. Одним из главных условий лояльности новых подданных была религиозная свобода, особо оговоренная Ф. Головиным: «В православную христианскую веру их людей, также и самих их тайшей и зайсангов не велено ни крестить и не принуждать» [7, с. 167].

По мнению А. М. Позднеева буддийские ламы сразу же потребовали от русских властей особых условий в обмен на лояльность зайсанов и шуленг, уже обратившихся в новую веру:

«Принимая откочевавшие из Монголии роды, окольный Головин в 1689 г. ручался им, что принудительного крещения не будет — этим неременным условием дорожили новопривывшие, потому что в их числе были ширетуи (начальствующие старшие ламы), тогда как местные инородцы еще шаманствовали и не радели сознательно о сохранении веры. Но буддизм сразу потребовал неприкосновенности и, заручившись ею, начал успешную проповедь, значение которой слишком поздно стало очевидно». [1, л. 1]

Разумеется, первоначальная либеральная позиция российских властей в религиозном вопросе объяснялась совершенно иными приоритетами. Забайкалье было зоной фронта, и места расселения бурят-монголов прилегали к территориям Цинской империи, давно провозгласившей свое покровительство тибето-монгольскому буддизму.

Нерчинский договор определял границы двух империй лишь по территориям восточнее Забайкалья. Полное территориально размежевание, включая обширные территории по Саяно-Алтаю вплоть до казахских степей, стало предметом на переговорах в Пекине, Буре и Кяхте, закончившихся заключением договора в Кяхте 14 июня 1728 г. Российскую сторону на этих переговорах представлял один из давнишних фаворитов Петра Великого иллирийский граф из Рагузы Савва Владиславич (1669–1738). Переговоры между двумя державами продолжались долго (с октября 1726 г.), в общей сложности более чем полтора года, и в весьма напряженной обстановке. Маньчжуры все еще с большой опаской относившиеся к перспективе альянса Джунгарского ханства с Российской империей испытывали российских представителей на прочность в их намерениях удерживать Забайкалье. Однако, как и несколько десятилетий ранее, цинские власти нуждались в надежном мире с российской стороной для того, чтобы решить затянувшуюся проблему с ойратами. В свою очередь, российские власти помимо основной цели стремились разрешить торговый кризис с Китаем и установить новые правила торговли (от которой очень зависела государственная казна), решить вопрос об учреждении постоянной российской дипломатической миссии в Пекине, разрешить проблемы с перебежчиками, организовать эффективную защиту границ силами местных жителей, учредить правила административного управления жителей приграничных территорий, в том числе их религиозной жизни.

Заключение Кяхтинского договора 1727 г. определило отношения между двумя империями на ближайшие полтора столетия, и отношения эти характеризовались невмешательством во внутренние дела друг друга. Однако сам факт проведения границы и введения пограничного контроля оказал огромное воздействие на тех подданных империи, для которых прежде границ не существовало. В данном случае имеются в виду не только многочисленные племена эвенкийских, даурских и монгольских кочевников, маршруты регулярных передвижений которых традиционно лежали по обе стороны от внезапно возникшей границы, не только торговцы, которые обязаны были теперь подчиняться правилам таможенного режима, но и буддийские монахи, к тому времени уже освоившие территории к северу от Халхи, но не терявшие связей с главными центрами тибето-монгольского буддийского мира.

Несомненно, для всех государств без исключения мобильные группы, свободно передвигающиеся с места на место, представляют большую проблему. Их трудно облагать налогами, обязывать выполнять трудовые повинности, искать среди них преступников, проводить их учет и перепись. Для маньчжуров и русских на стыке XVII и XVIII вв., занимавшихся консолидацией своей власти на приграничных территориях, вопрос контроля над кочевниками, дезертирами и перебежчиками приобретает критическую важность. Буддийские ламы также входили в эту категорию «проблемных» с точки зрения имперских администраций групп. После снижения возможности свободного передвижения и четкого определения подданства, власти могли заняться вопросами интеграции жителей фронта в имперскую управленческую и социальную структуру.

Деятельность миссии Рагузинского предполагала освоение приграничных территорий через учреждение единообразных правил управления, создание административных институтов, картографирование, приобретение сведений о социальной организации местных жителей, их образе жизни, языке, религии и культуре. Главным итогом пребывания графа Владиславича Рагузинского в Забайкалье помимо, разумеется, дипломатических договоров, заключенных с цинскими властями, стала «Инструкция Посольской канцелярии от 27 июня 1728 г. графа Рагузинского пограничному дозорщику Фирсову и толмачу Кобею», важный документ, ставший основным в вопросах регулирования отношений российских властей с аборигенными сибирскими народами на несколько десятилетий.

В «Инструкции» Рагузинского впервые были зафиксированы принципы профессионального регулирования сибирских «иноверцев» — вопрос, который до этого вообще не находил никакого отражения в законах империи. «Инструкция пограничным дозорщикам» стала первым документом, не только косвенно признававшим существование буддийской сангхи на сибирской территории империи и, таким образом, легитимировавшим ее статус, но и заложившим основные принципы отношения к ней со стороны властей. При этом документ содержит только один пункт, касающийся деятельности буддийской сангхи на территории Российской империи. В полном виде он говорит о следующем:

«...лам заграничных, чужих подданных в улус к себе ясным инородцам не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на российской стороне для того, дабы российских подданных пожитки не чужим, но своим доставались, так как между ламами не без обманщиков бывает, то чтобы шаманством и прочим непорядком простых людей не грабили. Ежели оставшихся лам на российской стороне по нынешнему разграничению недовольно, в таком случае выбирать их между собою из каждого рода по два мальчика благоразумных и к наукам охотных, хотя из сирот или кто похочет, и отдавать тайше Лупсану¹, дабы при нем обретающиеся ламы оных учили мунгальской грамоте и прочему, что таким принадлежит, дабы верноподданным ныне и впредь в чужих ламах не было нужды, а которые выучатся совершенно мунгальской грамоте, в которой российским подданным и иноземцам не без нужды, тех обнадёживать милостью его императорского величества в произведении чинов и в начальники» [5, с. 130].

¹Приемный сын и наследник Ухин-тайши, лидера военно-племенной конфедерации цонголов, вошедших в конце XVII века в состав бурят.

Из данного документа становится ясно, какие вопросы российская администрация пыталась решить на первых этапах взаимоотношений с буддистами:

- 1) изолировать буддийскую общину от религиозных институтов, находившихся под контролем Цинской империи;
- 2) устранить угрозу финансовой состоятельности местного населения в связи с деятельностью пришлых буддийских монахов;
- 3) сосредоточить контроль над ламами в руках одного из родовых лидеров и, таким образом, централизовать управление делами буддийской сангхи.

Первая проблема была особенно актуальной в связи с главной целью миссии Рагузинского, которая, заметим, курировалась Коллегией иностранных дел. Достигнутое соглашение с Цинскими властями далось не без труда, пограничный режим находился на стадии установления, лояльность бурят-монголов, особенно прибывших из пределов соседней империи, все еще не была гарантированной, а обратные перекочевки не были редкостью. Для традиционной политической практики Внутренней Азии люди, а не территории, представляли главный политический капитал, и для монгольских кочевников смена сюзерена представлялась естественным явлением. Потому вопрос о перебежчиках, таких, например, как Гантимур, всегда был больной темой во время переговоров между двумя державами. Потому максимально возможная изоляция от влияния извне новых подданных представлялась критически важной, а религия, главные центры которой находились вне сферы влияния России, представляла собой эффективный канал для связи с подданными соседней империи. Обвинения в «инородности» и «чуждости» буддийской конфессии бурят-монголам и на этом основании нелояльности их царскому режиму в адрес буддийских лам будут в последующем раздаваться очень часто. Впрочем, такова была судьба почти всех «иностранных» исповеданий в России. В то же время ущемление религиозных свобод новых подданных в XVIII в. легко могло стать причиной откочевки части бурят-монголов, что в ситуации критической нехватки людских ресурсов имело бы разрушительные последствия для российского присутствия в Забайкалье. Прагматичность в подходе к «ламскому» вопросу хорошо прослеживается и в том, что власти пытаются извлечь определенные выгоды из деятельности лам среди бурят-монголов. Монгольское письмо будет использоваться в родовых управлениях, а позднее в земствах, все время существования империи. Дефицит грамотных людей, необходимых для ведения делопроизводства и официальной переписки на фоне отсутствия институтов светского образования, делал общину единственным поставщиком кадров для родовой администрации. Это был ресурс¹, который власти оценили в самом начале, но тщательно замалчивали его полезность и необходимость в последующем.

Сбор ясака с подвластного населения имел не только символическое, но и реальное экономическое значение для государственной казны, несмотря на то, что забайкальские бурят-монголы платили ясак по пониженной ставке. И все же фискальные интересы всегда служили важным фактором в вопросах управления подданными империи и обсуждались и при разборах злоупотреблений местных администраций, родовых начальников и общины лам. И на примере «Инструкции» Рагузинского мы видим, как вопрос о якобы значительном экономическом обременении ламами верующих неконтролируемыми поборами в виде пожертвований с самого начала находится в центре обвинительной риторики властей и православного духовенства в адрес буддийской монашеской общины.

По мнению поздних имперских наблюдателей, Рагузинский своим первым актом, регулирующим дела буддистов в Российской империи, определил направление, ставшее «руководящей нитью всей дальнейшей деятельности администрации...» [2, л. 5а]. Однако эти ограничительные меры на деле так и не обеспечили, по справедливому мнению, Ухтомского, изоляцию бурят-монгольских буддистов от религиозных центров за рубежом. Напротив, как

¹В одной из своих статей известный сибирский краевед Кирилов отмечает, что распространение грамотности среди бурят, объясняющееся влиянием буддизма, быстро принесло результаты. По его сведениям, «в 1762 году письменность настолько распространилась, что зайсаны стали записывать сбор податей, а до этого времени все делопроизводство шло словесно» [3, с. 127].

он утверждает, фактическое узаконение сангхи Рагузинским привело к ее дальнейшему закреплению и бурному развитию: «Заботливость Рагузинского (он намечал даже выдающихся среди нашего населения тибетцев в будущие духовные иерархии) дала могучий толчок нарождающемуся движению. [...] Граф Рагузинский первый неправильно посмотрел на дело, давши буддизму твердую почву для развития» [Там же; л. 89б, 102а].

Однако косвенное признание буддизма среди бурят-монголов, имевшее действительно решающее значение для его дальнейшей истории, трудно назвать по-настоящему либеральным шагом. Первое же узаконение, касающееся деятельности буддийской сангхи в Забайкалье, все же носило, как мы видим, характер ограничения. Кроме того, это признание было вынужденным, и поздние наблюдатели должны были учитывать, какие непредсказуемые последствия для пока еще хрупкого равновесия между двумя империями имело бы запрещение буддизма. Поэтому первые правила, разработанные российскими властями в лице специального посланника Коллегии иностранных дел в отношении буддизма, отраженные в «Инструкции пограничным дозорщикам», носили двойственный характер: желание ограничить сочеталось в них со стремлением упорядочить и использовать в своих целях. В чем совершенно прав князь Ухтомский, так это в том, что граф Владиславич Рагузинский определил вектор развития политики России в отношении буддистов, которая всегда будет характеризоваться этой амбивалентностью.

Литература

1. Позднеев А. М. Буддизм в Забайкалье. Фонд востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 44. Оп.1. Ед. хр. 128.
2. Ухтомский Э. Э. Князь. Очерк развития ламаизма на восточно-сибирской окраине и наиболее целесообразное средство для борьбы с ним. РГИА Ф. 821. Оп. 133. Д. 420.
3. Кирилов Николай. Дацаны в Забайкалье // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. — СПб., 1896. — Т. 1, вып. 4. — С. 115–140.
4. Мельников В. С. Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916). — М.: Памятники исторической мысли, 2004. — 695 с.
5. Очерк о ламаизме, составленный под главною редакциею Статс-Секретаря Куломзина И. В. Сосновским. — СПб., 1905.
6. Подгорбунский Иннокентий. Буддизм, его история и основные положения его учения. — Иркутск, 1901.
7. Подгорбунский Иннокентий. Буряты. Исторический очерк // Байкал. — 2007. — № 2. — Март-апрель. — С. 162–178.
8. Яковлева П. Т. Первый русско-китайский договор. — М.: Изд-во АН СССР, 1958.

References

1. Pozdneyev A.M. *Buddizm v Zabaykalye* [Buddhism in the Trans-Baikal region]. Fund orientalis of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. F. 44. Op.1. Ed. khr. 128.
2. Ukhtomsky E.E. *Ocherk razvitiya lamaizma na vostochno-sibirskoy okraine i naiboleye tselesoobraznoye sredstvo dlya borby s nim* [Outline of the Development of Lamaism on the outskirts of the East Siberian and the most appropriate means to deal with it]. Russian State Historical Archive. F. 821. Op. 133. D. 420.
3. Kirilov Nikolay. *Datsany v Zabaykalye* [Datsans Transbaikalia]. *Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva - Notes of the Amur department of the Imperial Russian Geographical Society*. Saint Petersburg, 1896. Vol. 1. Usser. 4. Pp. 115–140.
4. Melnikov V.S. *Russko-kitayskiye dogovorno-pravovye akty (1689–1916)* [The Russian-Chinese treaty-legal acts (1689–1916)]. Moscow: «The monuments of historical thought» publ., 2004. 695 p.
5. *Ocherk o lamaizme, sostavlenny pod glavnoyu redaksiyeyu Stats-Sekretarya Kulomzina I.V. Sosnovskim* [Outline of the Lamaism, compiled under the main edition of The State Secretary Kulomzin IV Sosnowski]. Saint Petersburg, 1905.
6. Podgorbunsky Innokenty. *Buddizm, ego istoriya i osnovnyye polozheniya ego ucheniya* [Buddhism, its history and the basic provisions of his teachings]. Irkutsk, 1901
7. Podgorbunsky Innokenty. *Buryaty. Istorichesky ocherk* [Buryats. Historical Review]. *Baykal. Literaturno-khudozhestvenny i obshchestvenno-politichesky zhurnal - Baikal. Literary and political magazine*. Mart-aprel. 2007. No.2. P. 162–178.
8. Yakovleva P.T. *Pervy russko-kitaysky dogovor* [The first Russian-Chinese treaty]. Moscow: USSR Academy of Sciences publ., 1958.

УДК 930(517.3+470)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-130-136

**ПЕРЕПИСКА ВОСТОКОВЕДОВ
О. М. КОВАЛЕВСКОГО И В. П. ВАСИЛЬЕВА
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ**

© Полянская Оксана Николаевна

кандидат исторических наук, доцент Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: polgrab@mail.ru

Статья посвящена анализу переписки востоковеда В. П. Васильева (1818–1900) со своим учителем монголоведом О. М. Ковалевским (1801–1878) с точки зрения становления и развития востоковедения в России в 30–40-е гг. XIX в. Письма ученых отражают решение одной из главных задач этого периода — подготовку востоковедных кадров. Изучение языка, культуры, истории монгольских народов стало возможным благодаря научным экспедициям, в том числе и в составе Российской духовной миссии в Пекине. Статья характеризует переписку ученых как источник по истории научной экспедиционной работы востоковедов, сыгравшей основополагающую роль в их становлении. Письма В. П. Васильева из Пекина содержат материалы о его деятельности по изучению восточных языков, истории, географии, этнографии, о покупке книг и рукописей и решении многих других научных задач, возложенных на него Казанским университетом. Таким образом, в этой работе письма представлены как материалы о создании источниковедческого фонда по изучению народов Востока. Кроме того, письма рассказывают и о трудностях, с которыми приходилось В. П. Васильеву сталкиваться, выполняя научные задачи. Материалы, собранные В. П. Васильевым, стали основой его фундаментальных работ по Китаю, Монголии, буддизму.

Ключевые слова: монголоведение в России, Российская духовная миссия в Пекине, О. М. Ковалевский, А. В. Попов, В. П. Васильев, Монголия, буддизм.

**ORIENTAL STUDIES SCHOLARS O. M. KOWALEVSKY'S
AND V. P. VASILEV'S CORRESPONDENCE AS A SOURCE
ON THE HISTORY OF MONGOLIAN STUDIES**

Oksana N. Polyanskaya

PhD in History, A/Professor, Buryat State University, Ulan-Ude

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the analysis of orientalist V.P. Vasiliev's (1818–1900) correspondence with his teacher, O.M. Kowalevsky (1801–1878), a Mongolian studies scholar, from the point of view of the beginning and development of the Russian Oriental studies in the 30–40s of the XIXth century. The scientists' letters reflect the solution of the main problem of that period — training experts for Oriental studies. The scientific trips jointly the Russian spiritual mission in Peking helped to study language, culture and history of the Mongolian people. The article characterizes the scientists' correspondence as a source on the history of science work at the expeditions of orientalists that played a fundamental role in their formation. The V. P. Vasiliev's letters from Peking contain materials about his activities in studying oriental languages, history, geography, ethnography, buying books and manuscripts and about solution of many others problems, assigned to him by the Kazan University Thus, in this work the letters are presented as materials concerning the creation of the sources fund for studying the Oriental peoples. Besides, the letters describe difficulties on Vasiliev's scientific path. The materials, collected by V. P. Vasiliev became the basis of his fundamental works on China, Mongolia and Buddhism.

Keywords: the Mongolian studies in Russia, the Russian spiritual mission in Peking, O. M. Kowalevsky, A. V. Popov, V. P. Vasiliev, Mongolia, Buddhism.

Осип Михайлович Ковалевский (1801–1878) и Василий Павлович Васильев (1818–1900) — два известных имени в истории российского востоковедения XIX в. Каждый из них представляет собой авторитетного исследователя Востока, если О. М. Ковалевский больше известен как монголовец, основатель научной школы монголоведения в России, то В. П. Васильев —

как синолог, автор первых в России историко-географических работ по истории, географии, языках, литературе Китая. Однако следует отметить, что многих российских востоковедов отличал широкий диапазон исследований, не только в рамках изучения какого-либо одного народа или государства, но и в целом в изучении восточных народов. О. М. Ковалевский, занимаясь изучением монгольского языка истории, культуры монгольских народов, немало внимания уделял рассмотрению вопросов, связанных с Китаем, значителен его вклад в изучение буддизма, санскрита, китаистики и маньчжуристики. В. П. Васильев, всю жизнь посвятивший постижению Китая, немало сделал для изучения монгольских народов. Он на основе собственных наблюдений, исследований и тщательного изучения китайских источников подготовил работы по истории и философии буддизма: «Буддизм, его догматы, история и литература» (1837–1869), полное обозрение китайского собрания буддийских книг, терминологический буддийский лексикон, в 1857 г. вышел его первый том «Буддизм» — «классический до сих пор в лучшем смысле» [7, с. 543]. О. М. Ковалевский и В. П. Васильев знали в совершенстве многие восточные языки: китайский, монгольский, тибетский, маньчжурский, благодаря этому их труды стали основополагающими в изучении Монголии и Китая. В. П. Васильев в последствие написал: «...чтобы приобрести знание языков крайнего или действительного Востока — китайского, маньчжурского и даже монгольского — нужно было отправиться в китайские владения... Без китайского языка нельзя быть знатоком не только маньчжурского, но и монгольского, даже японского, корейского; основанием литературы этих языков, а с тем вместе и умственного, равно как гражданского и политического развития тех стран, где они употребляются, служит все та же китайская литература; без нее нельзя знать и понимать не только древней истории всех этих стран и народов, но и настоящего их строя, их учреждений, их взглядов, а без знания последних не возможно ни самому говорить, ни убеждать туземцев при всяких сношениях» [1].

Василий Васильев был одним из выдающихся учеников О. М. Ковалевского по Казанскому университету, который также воспитал таких известных востоковедов, как Доржи Банзаров, Галсан Гомбоев, Алексей Бобровников, Константин Голстунский и Василий Васильев. Считали себя его учениками Алексей Позднеев и Владислав Котвич, учившиеся уже только по его трудам. Под руководством профессора О. М. Ковалевского студент В. Васильев не только в совершенстве овладел монгольским языком, но и приобрел обширные знания в области буддийской литературы. Все это позволило ему по окончании Казанского университета в 1837 г. представить дипломную работу «Дух буддийского сочинения Хутухту Дэгэду Алтай Гэрэлту Судур» (Сутра Золотого блеска) [12, с. 96]. Таким образом, В. П. Васильев начал свою научную деятельность с монголоведения.

О. М. Ковалевский с большой ответственностью относился к изучению буддизма, совершенно верно полагая, что религия может познакомить нас со многими особенностями народа, и эту позицию передал своему ученику. В результате, продолжая постигать основы буддизма, В. Васильев в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию на тему: «Об основаниях буддийской философии». Учитывая блестящие способности студента В. Васильева, О. М. Ковалевский посоветовал ему продолжить изучение буддизма (северного буддизма — ламаизма) по монгольским, китайским и тибетским источникам. С этой целью учитель ходатайствовал пред руководством университета об отправлении В. Васильева в Китай в составе XII Российской духовной миссии, полагая, что нахождение В. Васильева при миссии в Пекине станет хорошей практикой в подготовке его как разностороннего востоковеда. Таким образом, командировка магистра В. П. Васильева в Китай была полностью подготовлена его учителем профессором О. М. Ковалевским. Сначала он написал специальное донесение о кандидате В. П. Васильеве на имя попечителя казанского учебного округа М. Н. Мусина-Пушкина, в котором характеризовал Василия Васильева как достойного кандидата для длительной командировки в Китай, а также сообщал о всех необходимых документах [6], которые он подготовил кандидату Васильеву на время пребывания его в Пекине, объясняя это необходимостью «для открытия входа господину Васильеву к важнейшим Пекинским ламам, особенно к Минджул

хутухте (П. О. — Минджул хутухту — один из высших сановников буддийского духовенства, О. М. Ковалевский познакомился с ним во время своего пребывания в Пекине в 1830–1831 гг.) [9]. Кроме того, просил попечителя снабдить В. Васильева необходимыми подарками, которые, «по азиатскому обыкновению, должны находиться при сопроводительных письмах» [4, л. 53].

Задачи, возложенные на В. П. Васильева университетом, были огромны. О. М. Ковалевский подготовил основательное «Наставление отправляющемуся в Пекин господину Васильеву» [4, л. 22–28 об.], которое представляло собой подробную программу действий В. П. Васильева в Китае по сбору материала и изучению языков: китайского и тибетского. Казанский университет отправлял его с целью «...приобретения в нем отличного преподавателя тибетского языка и глубокомысленного исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих восточную полосу Азии...» [4, л. 22–28 об.]. После изучения тибетского языка и «составления учебных для него пособий» первое место занимало изучение истории Тибета и древностей народов, имевших влияние на судьбу Тибета, или находившихся в непосредственных с ним сношениях, «потому Индия, Китай, Монголия и другие страны должны войти в круг любознательности господина Васильева...» [8, с. 117–128]. О. М. Ковалевский буквально по пунктам расписал деятельность В. П. Васильева вдали от родины. В «Наставлении» видна заинтересованность профессора О. М. Ковалевского в успехе командировки своего студента в далекую интересную и одновременно неизвестную страну [4, л. 28 об.].

По дороге в Пекин и во время пребывания в нем В. П. Васильев вел оживленную переписку со своим учителем О. М. Ковалевским, начал путевой дневник, а также представлял отчеты попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину. В письме к последнему из Троицкосавска от 7 марта 1840 г. В. П. Васильев писал: «...В Иркутск приехали мы 21 февраля, воспользовался временем и осмотрел собрание монгольских и маньчжурских книг, хранящихся в библиотеке гимназии и семинарии, познакомился с учителями монгольского языка... В семинарии принята в качестве руководства грамматика бывшего протоиерея Бобровникова (авт.: протоиерей Александр Бобровников — отец монголоведа Алексея Бобровникова, автора «Грамматики монгольско-калмыцкого языка»), почитают ее первой грамматикой монгольского языка. В Троицкосавске я встретил обильную практику для разговорного монгольского языка в знакомстве с бурятами, которые беспрестанно ко мне приходили...» [4, л. 146–147 об.]. Содержание выше приведенного письма, как и другие подробные сообщения, которые В. Васильев направлял в Казань в начале своего пути в Китай, характеризуют его как монголоведа. Они несут информацию о состоянии преподавания монгольского языка за пределами Казанского университета, в данном случае в Иркутске, а также дают некоторые сведения о формировании и продвижении Российской духовной миссии. В целом по пути в Китай В. Васильев совершенствовал себя в тех знаниях, которые им были получены во время учебы на монгольско-калмыцком отделении восточного разряда Казанского университета, — продолжал изучать монгольский язык, собирал этнографические сведения из жизни бурят и монголов и отправлял их своему наставнику О. М. Ковалевскому. «Спешу написать Вам хоть что-нибудь из среды Монголии... Признаюсь, Монголия поражает меня своей неподвижностью... Однако я напрасно нападаю так на китайские владения, в Курэне произошла важная перемена, на старом месте остался только один храм Майдари, с его огромным истуканом, а прочие строения все перенесены к западу на холм; есть вести, что наш живописец (П. О. — художник А. М. Легашов. В составе XI Российской духовной миссии был художник, цель которого — дать представление о неизвестной стране) [10] снимал портрет с самого Гэгэна...» [3, л. 255–255 об.]. XII миссия, в которой состоял В. Васильев, прибыла в Пекин 9 октября 1840 г., но в Китае еще оставалась прежняя XI миссия, которая оправилась в обратный путь только летом следующего года.

В. П. Васильев в июле 1841 г. пишет новое письмо для своего наставника в Казань, чтобы отправить его с возвращающейся в Россию XI миссией. В нем В. П. Васильев сообщал о нелегкой жизни в Пекине: «Мне хотелось, чтобы возвращающаяся миссия доставила Вам от меня самое подробное письмо. Я думал описать Вам в нем каждый мой шаг заграничной жизни, рассказать

Вам ... о всех мучениях моего духа ..., я сделался вполне рабом, когда одно желание свободы стоит мне ... забот и страданий, за которые я расплатился расстройством здоровья и даже упадком умственных сил... Одно чрезвычайно волнует меня, а именно то, что я не смог отыскать для Вас ни одной книги, которую Вы желали иметь» [3, 253–254]. Столь удручающее настроение В. П. Васильева объясняется тем, что он, прикомандированный к XII миссии, очутился на положении студента и попал «под руководство» архимандрита Поликарпа Тугаринова — начальника XII миссии. «Жестокий до самодурства», так характеризовал его В. П. Васильев в одном из писем, он не позволял без его разрешения и ведома распоряжаться средствами, даже из денег, которые высылал В. Васильеву Казанский университет для оплаты учителей восточных языков, последних нанимал сам Тугаринов, не взирая «на их неграмотность и полную беспомощность» [11, с.141–142]. Последствия «руководства» архимандрита Тугаринова прослеживаются и в последующих письмах В. Васильева, с каждым разом все более напоминая, в каких тяжелых условиях приходилось ему заниматься. Поэтому письма от учителя профессора О. М. Ковалевского, лично познавшего «печальное покрывало» разлуки, находясь в миссии, были для Василия Павловича светлой отдушиной, добрым знаком, источником творческой и просто жизненной энергии. «Добрый, благородный наставник! Я никогда не пускался передавать моим бессильным пером священного для меня чувства беспредельной благодарности и высочайшего уважения к Вам. Я никогда не забывал, что ни Ваше достоинство, ни Ваши заботы обо мне не нуждаются в напоминании и со всегдашнею гордостью быть учеником Вашим я сохранил столько нравственности, чтобы осознавать то добро, которое мне сделали и делают [3, л. 261–262 об.]».

В. П. Васильев сообщал О. М. Ковалевскому о своих уроках следующее: «...мешал занятия трудного китайского с более доступным мне тибетским языком и не могу похвалиться, что изучил хоть один из них обстоятельно, и как могло быть иначе, когда у меня нет до сих пор тибетского учителя, когда простой солдат толкует мне живописно удивительный язык... Что я могу сделать сам при самых лучших желаниях, ни мои средства, ни мое положение не дают мне возможности действовать самому, вырваться из круга, которым меня очертили. Нечего и говорить, как это состояние особенно отзывается на отыскание любопытных тибетских и монгольских сочинений... Я никогда не забывал поручения Вашего о книгах. Все, чем я могу похвалиться, так это буддийскими школами в Тибете, сочинением, помещенном в одном Сумбуме, принадлежащем библиотеке миссии. Дай Бог, чтобы состоялось приобретение Ганжура и Данжура <...> Ради Бога продолжайте не забывать меня, мой почтенный наставник! Новой жизнью, которая, чувствую, зарождается во мне, я обязан последнему Вашему письму-поддержке. Как жалею, что так давно расстался с Вашим руководством; не смею просить Вас, но желал бы, чтобы Вы для подкрепления и направления моих занятий задали мне несколько вопросов!.. Примите уверения в глубочайшей преданности и истинном уважении Вашего покорнейшего слуги и ученика В. Васильева. — Пекин, 8 марта 1844 г.» [3, л. 261–262 об.]. Это письмо характеризует В. П. Васильева как преданного науке человека, на которого возложены огромные надежды в изучении истории Китая, тибетского и китайского языков. Чтобы оправдать доверие своего учителя и руководства Казанского университета, ему приходилось преодолевать огромные трудности. Письмо написано в 1844 г., спустя четыре года после того, как Васильев приехал в Пекин, и до 1844 г. у него не было учителя тибетского языка. Причину этого мы уже выяснили — жесточайший контроль финансового вопроса со стороны начальника XII миссии архимандрита Поликарпа Тугаринова. Как человек ответственный, Василий Павлович сильно переживал, что все — и сбор материала, изучение языков ему дается с большим трудом по причинам, от него независимым, и очень критично оценивал свою деятельность в Пекине. Хотя, теперь известно, что эти десять лет (1840–1850), проведенные востоковедом в Китае, были насыщены разного рода занятиями, которые проходили в упорном труде и дали Василию Павловичу те громадные познания Востока, ставшие основой его фундаментальных трудов по филологии, истории, религии.

Профессор О. М. Ковалевский в ответном письме от 8 марта 1844 г. отмечал излишнюю самокритику своего студента, высоко оценивал его в Китае, подчеркивал его познания в ли-

тературе и давал дополнительные рекомендации для приобретения книг: «Мне приятно было усмотреть из Вашего письма от 8 марта, что Вы, Милостивый государь мой, руководствуясь данными Вам инструкциями, употребляете все зависящие от Вас средства к обогащению университетской библиотеки сочинениями достопримечательными как по своему содержанию, так и по красоте изданий. Я с удовольствием Вас уверяю, что добросовестные Ваши труды, клонящиеся к пользе и чести нашего заведения (П. О. — Казанского университета), не останутся без надлежащего внимания со стороны начальства, которое постоянно следит за Вашими занятиями и успехами. Зная Ваши познания и вкус в литературе, я излишним считаю стеснять Ваш выбор при покупке книг... Нужным почитаю присовокупить, что... необходимо постараться приобрести важные книги тибетские и монгольские, изданные вне Пекина, при разных монастырях; не упускать из виду санскритских буддийских книг, равно и книг, печатанных и рукописных, принадлежащих жителям Туркестана, Джунгарии» [4, л. 225–225 об.].

Все трудности, которые встретил В. П. Васильев в Китае, заставили его спустя почти три года проживания при миссии, обратиться к руководству Казанского университета (письмо попечителю Казанского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину от 4 октября 1843 г.) [4, л. 207–208] для удовлетворения прошения о возвращении на родину раньше срока. Однако ему было отказано, была прервана переписка с учителем О. М. Ковалевским. Можно полагать, что О. М. Ковалевский, преданный науке, видимо, не одобрил желание В. Васильева покинуть Китай, так как, несмотря на все неприятности и трудности жизни, работа в составе миссии была хорошей возможностью для ученого, занимающегося Востоком, погрузиться в кладовую с неизвестным и любопытным материалом по истории, литературе, религии восточных народов. Здесь О. М. Ковалевский проявил себя как твердый наставник с богатейшим опытом педагогической работы и не стал писать В. П. Васильеву нравоучительных посланий, и этим все было сказано.

Возобновил переписку В. П. Васильев (15 июня 1848 г.): «Из всех мучений, которым я подвергся в Пекине, самое тяжкое, хотя, может быть, и более заслуженное, есть забвение, которому Вы обрекли меня. Знаю, что сам навлек его своим неблагоразумным поступком; но поверьте, что тут несколько не участвовало дурное намерение, я не думал, чтобы это был проступок против Вас и такой важности, как он представился мне после, когда Ваше молчание дало мне понять всю его силу. Вы поймите, чего не придет здесь в голову одному, оставленному в молодых летах, без всякого совета и руководства, не знакомому еще с опытностью, но клянусь, что никогда, ни на одну минуту, не поколебались во мне чувства привязанности, почтения и благодарности ко всем тем, которые осыпали меня своими милостями и во главе их стоите Вы!» «...[3, л. 264]. Будучи уже академиком, В. П. Васильев напишет об О. М. Ковалевском: «Моим развитием я обязан поляку Осипу Михайловичу Ковалевскому...» [14, с. 17]. «... Со времени жесткого отказа Михаила Николаевича (П. О. — М. Н. Мусин-Пушкин — попечитель казанского учебного округа) на мою просьбу о выезде, мне написали, что Вы сердитесь на меня, и это утвердило меня в решимости писать к Вам и просить прощения. Вот уже приближается срок нашего выезда. Вы, наверное, знаете, что в будущем 1849 году придет к нам на смену миссия. Это известие несколько оживило меня и только боюсь, чтоб и в это последнее время не покинуло меня воодушевление. Я начал приводить в порядок свои выписки, между которыми находится большой промежуток по случаю болезни, но не смею наперед обещать Вам ни одного [законченного] труда. Только известие, что г-н Жульен переводит «Си-юй-цзи», заставило меня несколько призадуматься. Перевод составлен мной уже более трех лет тому назад, но мысль состязаться с уже прославившимся ориенталистом меня пугает...» [3, л. 264–265 об.]. Одно, что меня утешает, так это то, что, если я сам и не окажусь годным для университета, так по крайней мере библиотека, составленная мной для него, может служить другим в пользу. Здесь я не упускаю случая приобретать все, что только мне кажется годным, или, что могу отыскать — особенно китайских книг у меня большая коллекция, все важные исторические сочинения, между которыми 100 томов (не книгами) истории всех династий, я не упустил даже прозаических и поэтических китайских сочинений. Китайский Ганжур и Данжур тоже

почти все 200 томов (китайский том равен почти двум, тибетским). Маньчжурские книги собраны почти все, сколько их есть в печати и в рукописях. По части тибетских книг (светского характера) я не совсем счастлив. Вообще же тибетских книг по части буддизма, его истории в Тибете, весьма немало... Из монгольских книг я отыскал еще меньше. После того, что Вы вывезли из Пекина, нечего и отыскивать в здешних лавках... В последнее время я приобрел множество монгольских красивых книг... среди них попались два тома из Данжура на монгольском языке и история желтошапочной школы, перевод одного знаменитого тибетского сочинения» [3, л. 264–265 об.]. Это письмо свидетельствует о том, что В. Васильеву нелегко было выполнять наставление по приобретению восточных книг. Дело в том, что к началу 40-х гг. XIX в. — времени отправления его в Пекин — Казанский университет имел уже богатую восточную библиотеку, собранную его преподавателями — участниками научных экспедиций в страны Востока. Одним из них был О. М. Ковалевский, который за время своего путешествия (1828–1833) вместе с монголоведом А. В. Поповым привез богатейшее собрание монгольских, китайских, маньчжурских книг и рукописей. Для В. Васильева необходимо было приобрести те собрания сочинений, которых еще не было в библиотеке.

В сентябре 1850 г. В. Васильев возвратился в Казань и представил Совету университета отчет о своих занятиях в Китае. Монголоведы О. М. Ковалевский и А. В. Попов, рассмотрев отчет В. П. Васильева, дали самую высокую оценку его трудам: «Магистр нашего университета [господин] Васильев ... по истечению 10 лет наш питомец возвратился к нам с драгоценными познаниями, которые свидетельствуют о его трудолюбии и даровании...» [2]. Однако по возвращении домой ученый столкнулся с новыми трудностями. Он не мог даже опубликовать свои труды, так как они были написаны на русском языке (в России это было время преклонения перед всем французским). Если бы его работы напечатали, то изучение буддизма «шагнуло бы на 30 лет вперед», позже написал С. Ф. Ольденбург [7, с. 543–544]. Сам В. П. Васильев так оценивал ситуацию: «Судьба светских членов Пекинской миссии оказывалась малоутешительной и по возвращении их в Россию; министерству иностранных дел не представлялось и надобности в их службе: все наши сношения с китайским правительством в продолжение столетий состояли почти исключительно в смене, чрез десять лет, духовной миссии. Во главе министерства иностранных дел стояли лица, не имевшие понятия о крайнем Востоке, и им не могла прийти в голову мысль о развитии сношений с Китаем, не смотря на то, что и тогда уже границы наши соприкасались с ним от восточного океана до Киргизских степей» [1].

Таким образом, переписка востоковедов О. М. Ковалевского и В. П. Васильева 40-х гг. XIX в. отражает сложный период становления научного востоковедения в России. В этот период наряду с академическим развитием получает и университетское монголоведение. Университеты организуют научные экспедиции в страны Востока, благодаря которым стала возможной фундаментальная подготовка ученых. Письма, наставления, инструкции ученых содержат материалы, отражающие задачи, стоящие перед научным востоковедением, уровень подготовки студентов и преподавания восточных языков. Из писем В. П. Васильева совершенно очевидно, что главной восточной дисциплиной того периода была филология. Изучение китайского, монгольского, тибетского и маньчжурского языков было важно не только с точки зрения науки, но и государственных интересов России. Кроме того, еще одной важной задачей, стоявшей перед ученым, было приобретение восточных книг и рукописей. Таким образом, В. П. Васильев продолжил работу по созданию источниковедческого фонда по изучению монгольских народов, начатую его предшественниками, что в целом было характерно для этого периода в истории научного монголоведения.

Литература

1. Васильев В. Воспоминание об И. И. Захарове // Журнал Министерства Народного просвещения. — 1885. — Ноябрь.
2. Институт восточных рукописей РАН. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Отзыв О. Ковалевского о В. Васильеве.
3. ЛГУ. ОРК. Архив Ковалевского. Д. 568. Папка № 2. Л. 255–255 об.; 256–256 об., 253–254 об., 261–262 об., 264–265 об.

4. НАРТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 22–28 об., 53, 146–147 об., 225–225 об; Оп. 3. Л. 207–208.
5. НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 8453. Л. 5–10.
6. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4195. Л. 161.
7. Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму // Известия Российской Академии наук. — 1918. — Сер. III, т. 12, № 7. — С. 536–544.
8. Полянская О. Н. Письма В.П. Васильева профессору О. М. Ковалевскому // Вестник Бурятского университета. — Сер. 4. История. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. — Вып. 3. — С. 117–127.
9. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия. — Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001.
10. Полянская О. Н. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. — 228 с.
11. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. — М., 1977.
12. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов. — Улан-Удэ, 1994.
13. ЦГИА. Ф. 733. Оп. 42. Д. 90. Л. 90.
14. Шастина Н. П. В. П. Васильев как монголовец // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Серия востоковедная. — Улан-Удэ, 1970. — Вып. 4.

References

1. Vasilyev V. Vospominaniye ob I. I. Zakharove [The memory of I.I. Zakharov]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya - Journal of the Ministry of National Education*. Noyabr 1885.
2. *Institut vostochnykh rukopisey RAN* (The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences). F. 29. Op. 1. D. 27.
3. LGU. ORK. Arkhiv Kovalevskogo. D.568. Papka № 2. L.255–255ob.; 256–256ob., 253–254ob., 261–262ob., 264–265ob.
4. NART (*Natsionalny arkhiv Respubliki Tatarstan*) (The National Archives of the Republic of Tatarstan). F. 92. Op. 1. D. 4814. L. 22–28ob., 53, 146–147ob., 225–225ob; Op. 3. L. 207–208.
5. NART. F. 977. Op. Sovet. D.8453. L.5–10.
6. NART. F. 92. Op. 1. D. 4195. L. 161.
7. Oldenburg S.F. *Pamyati Vasiliya Pavlovicha Vasilyeva i o ego trudakh po buddizmu* [Memory Vasily Pavlovich Vasiliev and his writings on Buddhism]. *Izvestiya Rossyskoy Akademii nauk - Proceedings of the Russian Academy of Sciences*. 1918. Ser. III. Vol. 12. No.7. Pp. 536–544.
8. Polyanskaya O.N. *Pisma V.P. Vasilyeva professoru O.M. Kovalevskomu* [Letters V.P. Professor OM Vasilyeva Kovalevsky]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Seria Istoriya - Bulletin of the Buryat University. Seria History*. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2000. Vyp. 3. Pp. 117–127.
9. Polyanskaya O.N. *Professor O.M. Kovalevsky i Buryatiya* [Professor OM Kovalevsky and Buryatia]. Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts publ., 2001.
10. Polyanskaya O.N. *Epistol'yarnoye i dnevnikovoye naslediyе mongoloveda O.M. Kovalevskogo (1828–1833)* [Epistolary and diary Mongolian heritage OM Kovalevsky (1828–1833)]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2008. 228 p.
11. Skachkov P.E. *Ocherki istorii russkogo kitayavedeniya* [Essays on the History of Russian Sinology]. Moscow. 1977.
12. Ulymzhiyev D.B. *Stranitsy otechestvennogo mongolovedeniya. Kazanskaya shkola mongolovedov* [Pages domestic Mongolian. Kazan School of Mongolian]. Ulan-Ude, 1994.
13. Central State Historical Archive, F. 733, Op. 42, D. 90, L. 90.
14. Shastina N.P. V.P. *Vasilyev kak mongoloved* [Vasilyev Mongolist]. *Materialy po istorii i filologii Tsentralnoy Azii. Seriya vostokovednaya - Materials on history and philology of Central Asia. Oriental Series*. Ulan-Ude, 1970. Vyp. 4.

УДК 792(09)(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-137-142

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР БУРЯТИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО ПЕРВОЙ ДЕКАДЫ ИСКУССТВА В МОСКВЕ

© Кириченко Светлана Викторовна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: l-a-n-a@mail.ru

В статье рассматривается история формирования и развития Бурятского театра от самодеятельного до профессионального, в котором были органично соединены традиции народного творчества с приемами и принципами русского (европейского по типу) театра. В 1920-е гг. в Верхнеудинске гастролировали Московский театр «Синяя блуза» и Театр революции, оказавшие огромное влияние на деятельность местных молодежных коллективов. Яркий след в культурной жизни республики оставила труппа Оргтеатра Международного Красного стадиона, созданного в 1922 г. в Москве под руководством режиссера Е. Н. Просветова. По просьбе городской общественности Оргтеатр после завершения своих гастролей по городам Сибири возвратился в Верхнеудинск и с некоторыми перерывами провел в Бурятии три театральных сезона. Это был первый профессиональный стационарный театр, соответствовавший требованиям своего времени. С деятельности Оргтеатра началась история Русского драматического театра в Бурятии. В Верхнеудинске в 1928 г. была организована Бурятская драматическая студия, а в 1930 г. открыт техникум искусств, который стал настоящей кузницей национальных кадров. В 1932 г. был открыт Бурят-Монгольский драматический театр. В статье уделено внимание первой Декаде бурят-монгольского искусства и литературы, с большим успехом прошедшей в Москве в 1940 г.

Ключевые слова: национальная культура, актеры, режиссеры, постановки, драматический театр, культура, искусство, декада.

PROFESSIONAL THEATER OF BURYATIA: FROM THE ORIGIN TILL THE FIRST DECADE OF ART IN MOSCOW

Svetlana V. Kirichenko

PhD in History, Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Russia

6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

In the article the history of formation and development of the Buryat theater — from amateur to professional is considered, where the traditions of national creativity were linked with methods and principles of the Russian (European by type) theater. In the 1920s the troupes of the Moscow theater “Blue Blouse” and the Theater of Revolution were on tour in Verkhneudinsk. They made considerable impact on the activity of local youth collectives. The bright trace in the cultural life of the republic was left by the Orgteatr’s troupe of the International Red Stadium founded in 1922 in Moscow under the leadership of the director E.N. Prosvetov. At the request of the city public after finishing the tours in the cities of Siberia Orgteatr came back to Verkhneudinsk and with some breaks conducted in Buryatia three theatrical seasons. It was the first professional stationary theater that met the requirements of time. The history of the Russian Drama Theater in Buryatia began from this theater activity. In 1928 the Buryat Drama Studio was organized in Verkhneudinsk, and the Technical College of Arts was established in 1930. It became the real smithy of national personnel. In 1932 the Buryat-Mongolian Drama Theater was opened. In the article the considerable attention is paid to the First Decade of the Buryat Art and Literature in Moscow, which had a great success in 1940.

Keywords: national culture, actors, directors, productions, drama theater, culture, art, decade (ten day period).

История становления национальной культуры народа не ограничивается сферой его происхождения, поэтому понятие «бурятская культура» не вполне совпадает с понятием «культура Бурятии». Культура Бурятии, кроме бурятской, охватывает культуры других народов,

исторически составивших население края. Искусство любого народа активно и плодотворно развивается в том случае, если оно питается не только духовным богатством своей нации, но и обогащается инонациональными культурными ценностями [3, с. 16–17]. История развития Бурятии более трех столетий неразрывно связана с многонациональной культурой российского государства, формировавшейся усилиями многих народов.

Во второй половине XIX в. в Иркутске, где уже имелись значительные силы русской интеллигенции, был открыт профессиональный театр. Он имел в своей труппе актеров, приехавших из Центральной России, в частности, из Москвы и Петербурга. В 1850-е гг. в Иркутске работал актер Малого театра А. Рассказов, в 1870–1880-е гг. — В. Глухарева-Каратыгина из Петербурга, П. Мартынов, А. Огарев, Е. Горева, а также известные провинциальные актеры Пузинский, Арди-Светлова, Карамазов [7, с. 41]. Наличие в Иркутске крепкого профессионального театрального коллектива не могло не отразиться на развитии любительского искусства и общем повышении интереса к театру в Бурятии.

Тяга к просвещению среди бурятской молодежи была поддержана представителями русской интеллигенции Иркутска, проводившими большую просветительскую работу. Одной из форм этой деятельности были этнографические вечера, положившие начало любительскому бурятскому театру. На одном из таких вечеров в 1908 г. в Иркутске была разыграна первая бурятская пьеса «Ухэл» («Смерть»), написанная учащимся Иркутской учительской семинарии Д. Абашеевым. Подобные этнографические вечера, регулярно устраиваемые в 1911–1914 гг. Обществом вспомоществования учащимся бурятам, организованным при Восточно-Сибирском отделении Русского географического общества, сыграли значительную роль в развитии бурятской драматургии и театра.

В Иркутске десятки самодеятельных трупп из учителей, бывших студентов и учащихся учебных заведений города ставили пьесы русских классиков. Самыми ранними и активными очагами распространения художественной самодеятельности среди бурят были Агинск, Хоринск, Кижинга, Иволга, а также бурятские аймаки Иркутской губернии. В 1918 г. в Агинске были открыты двухгодичные педагогические курсы, на которых преподавали опытные педагоги, знатоки и собиратели народного фольклора Б. Барадин, Д.-Р. Намжилон и Ч. Л. Базарон [2, с. 57]. С их именами, собственно, связано развитие в Агинске самодеятельного театра и рост его до уровня народного полупрофессионального сценического коллектива. Успех и популярность спектаклей Агинского театра объяснялись тем, что это был свой народный театр, близкий и понятный по своим идейным и эстетическим устремлениям каждому.

Самодеятельный театр, улусная драматургия, являясь самым доступным видом искусства, получили наибольшее развитие из-за отсутствия общенациональной письменности, издательской базы, общей неграмотности масс. В 1908–1914 гг. появились первые произведения бурятской драматургии, которые ставились учащимися духовной и учительской семинарий, городских училищ и школ. После Октябрьской революции распространение получила театральная армейская и улусная (сельская) самодеятельность. Постановка сатирических атеистических пьес во время молебствий производила на верующих громадное впечатление. От участников, безусловно, требовались смелость, решительность и большая убежденность в правоте своего дела. Среди авторов первых бурятских пьес были С. П. Балдаев, И. Г. Дадуев, Д.-Р. Намжилон, Б. Барадин, Х. Н. Намсараев, А. И. Шадаев. Успехом пользовались пьесы «О бедных и богатых» А. Тороева, «Ученье — свет, а не ученье — тьма» И. Дадуева, «Старик Барбадай» и «Революция» Х. Намсараева. Наибольший общественный резонанс вызвали исторические драмы Б. Барадина «Чойжид-хатан» и «Великая сестрица-шаманка», поставленные на сцене Агинского народного театра.

В дореволюционной Бурятии существовал особый вид театральных зрелищ — буддийская мистерия Цам, унаследовавшая традиции древнейшего танцевального и театрального искусства Востока, в ней были заключены определенные эстетические ценности, близкие народному духу. Продуманное либретто, символические и аллегорические образы, наличие масок, специальных одеяний, бутафории и прочего придавали Цаму характер театрально-

го действия. Тщательный отбор выразительных и изобразительных средств, складывание традиций народного искусства происходили на протяжении веков. Получившая развитие в Тибете, Монголии и Бурятии, эта форма начальной театральной культуры без сомнения обогатила ее.

В дореволюционном любительском театре бурят были органично соединены традиции народного творчества с приемами и принципами русского (европейского по типу) театра. При этом влияние народных традиций на становление и развитие бурятского драматического театра было очень сильным. Именно народные традиции определили своеобразие национальной драматургии и национальной школы актерской игры, в которых отразились черты, присущие характеру народа, особенности среды и уклада жизни, быта и народных обычаев.

Еще до революции 1917 г. Верхнеудинск превратился в культурный центр Забайкалья, имевший школы, музеи, частные библиотеки, периодические издания. В связи со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали город быстро рос, увеличивалось население, появились новые школы и гимназии, выросло число интеллигенции. Был создан любительский театр, в развитии которого большую роль сыграли русские политические ссыльные, местная интеллигенция. По свидетельству старожила Верхнеудинска, известного врача М. В. Танского, в 1880-е гг. в городе систематически ставились любительские спектакли в помещении общественного собрания, где была оборудована сцена. «Преимущественно это были пьесы А. Н. Островского, ставились они любительской группой из местной интеллигенции» [8, с. 24]. Ярким событием в культурной жизни города стали гастрольные выступления выдающейся русской актрисы В. Ф. Комиссаржевской в 1909 г.

В Верхнеудинске возникли новые объединения любителей: комсомольско-молодежные, профсоюзные, армейские, работал постоянный коллектив художественной самодеятельности при областном отделе народного образования. Появились новые виды театральных представлений: спектакль-диспут, спектакль-митинг, устраивались и литературные суды над героями драматических произведений. Почти сразу же после образования республики решение вопросов развития литературы и искусства было поставлено на государственный уровень. В 1924 г. для этого был создан специальный государственный орган — театральное бюро, реорганизованное затем в художественное бюро при политпросотделе Наркомпроса БМАССР. В задачи бюро входили выявление и поддержка литературных дарований и сбор произведений национального искусства. А в конце 1925 г. при Буручкеме была создана художественная секция, сыгравшая особую роль в становлении бурятской литературы и раскрытии творческого потенциала народа. При секции были организованы репертуарный совет, обсуждавший новые произведения, и литературный кружок, призванный способствовать росту литературно-творческих сил.

В начале 1921 г. в Верхнеудинске при Народном доме им. В. И. Ленина было организовано товарищество драматических артистов, состоявшее из актеров-профессионалов (П. Н. Маргер-Мерецкая, Д. Д. Лельский, Лельская, Вербо и др.) и полупрофессионалов-любителей, в числе которых были учительница Е. А. Танская, инженер железной дороги Немцев-Уваров. Репертуар был довольно пестрый: от классики до развлекательных пьес. Стремление расширить рамки свободы творчества порождало новые театральные формы. Прямой данью демократическим общественным настроениям были возникшие в это время политические обозрения. Для большинства актеров возможностью прямого разговора со зрителем стали благотворительные вечера.

В Верхнеудинске в 1920-е гг. гастролировали труппы Ячменева, Бунчука, «Творчество». В 1927 г. прошли гастроли Московского театра «Синяя блуза» и Театра революции, оказавшие значительное влияние на деятельность местных молодежных коллективов «Красная рубаха». В октябре 1928 г. в Верхнеудинске гастролировал совершенно особый театральный коллектив, оставивший большой след в культурной жизни республики, — труппа Оргтеатра международного Красного стадиона, возникшего в Москве в 1922 г. под руководством режиссера Е. Н. Просветова. Гастрольные выступления Оргтеатра открыли для верхнеудинских

зрителей малоизвестную, но чрезвычайно интересную область — советскую драматургию 1920-х гг. На подмостках жили, страдали, попадали в комические и драматические ситуации простые советские люди в комедиях В. Шкваркина «Вредный элемент», «Чужой ребенок», в пьесах А. Афиногенова «Волчья тропа» и «Малиновое варенье», В. Катаева «Квадратура круга», В. Державина «Молодежь и любовь», С. Левитина «Приговор», А. Файко «Человек и портфель» [3, с. 41–42].

По просьбе городской общественности Оргтеатр после завершения своих гастролей по городам Сибири возвратился в Верхнеудинск и с некоторыми перерывами провел в Бурятии сезоны 1928/29, 1930/31 и 1932 гг. Это был, по существу, первый профессиональный стационарный театр в Верхнеудинске, отвечавший требованиям времени. С деятельности Оргтеатра, собственно, и начинается история Русского драматического театра в Бурятии.

Директором русского театра стал режиссер А. В. Миронский, художественным руководителем А. Е. Ларионов, а затем Л. Ицков. В труппе работали талантливые актеры Е. Г. Перевалова, Е. Н. Ноздрин, В. А. Закатов, П. Р. Гофман, Л. И. Каверин. Позднее, в 1937 г., целый выпуск актерского отделения Ленинградского театрального института вошел в творческий состав русского театра. Среди них были актеры: К. М. Жуков, В. С. Гусев, затем долго работавшие в Улан-Удэ. Вся труппа русского профессионального театра принимала активное участие в подготовке кадров для будущего бурятского театра драмы.

В 1928 г. в Верхнеудинске была организована бурятская театральная студия, в 1930 г. на ее основе — техникум искусств с четырьмя отделениями — музыкальным, театральным, литературным и художественным. В 1932 г. усовершенствованы учебные программы техникума, приняты меры по повышению качества специальной подготовки учащихся. В техникуме преподавали Г. В. Бауэр (актерское мастерство), П. М. Берлинский (музыка), А. Добкина (ритмика и танец), С. П. Балдаев (история театра и обществоведение), П. Н. Дамбинов (русский язык и литература), М. А. Немлихер (биомеханика), А. И. Шадаев (бурятский язык), Н. Е. Левский (физкультура и акробатика). Много времени уделял занятиям со студентами режиссер Московского организационного синтетического театра Международного Красного стадиона Е. П. Просветов [4, с. 20]. Техникум стал настоящей кузницей национальных кадров. Среди его выпускников были артисты, режиссеры, композиторы и драматурги: М. Шамбуева, Н. Балдано, Г. Цыдынжапов, Н. Гендунова, М. Степанова, Б. Ямпиллов, Д. Аюшеев, Ж. Батуев и другие.

На основе решения обкома ВКП(б) и правительства республики 3 июня 1932 г. вышло постановление коллегии Наркомпроса об организации в Верхнеудинске Бурят-Монгольского государственного театра, имевшего в основном драматическо-музыкальное направление [1]. Приказом Наркомпроса директором и художественным руководителем театра был назначен заведующий театральным отделением техникума искусств режиссер М. В. Хаптагаев, который подготовил с выпускниками к открытию театра спектакль «Прорыв» по пьесе Н. Балдано. Этим спектаклем театр был открыт 7 июля 1932 г.

Артисты театра активно включились в работу при Бурпрофсовете, открыли художественно-методический кабинет, вели шефскую работу с коллективами самодеятельности, читали бесплатные лекции и доклады, выступали организаторами массовых театрализованных представлений и гуляний с бурятским народным хором — ехором, обслуживали праздники.

И это притом, что начало деятельности театра было сопряжено с преодолением громадных трудностей: слабая материальная база, отсутствие полноценных национальных пьес, квалифицированной режиссуры. Но, несмотря на это, даже с высоты сегодняшнего дня можно отметить значительные успехи в создании репертуара, который составили пьесы, вошедшие в историю театра. Это «Рычи, Китай!» С. Третьякова, «Барьеры» А. Шадаева и А. Миронского, «Мэргэн» А. Шадаева, «Один из многих» Н. Балдано, «Сэсэгма» Ж. Тумунова. Ставились произведения русской и советской драматургии, мировой классики. В этот период проявились яркие актерские дарования Н. Гендуновой, Ч. Генинова, Ж. Иванова, В. Халматова, М. Степановой, Ю. Шангиной, Ж. Пагбаина, Н. Балдано, У. Болдоновой [6, с. 38]. Весной 1933 г. Наркомпрос РСФСР направил в Верхнеудинск для оказания помощи бурятскому театру

выпускников режиссерского факультета ГИТИСа А. В. Африканова и С. А. Бенкендорфа, учившихся режиссерскому мастерству у Б. М. Сушкевича и внесших впоследствии значительный вклад в развитие культуры Бурятии. Говоря о наиболее ярких личностях бурятской театральной интеллигенции тех лет, нельзя обойти стороной М. Шамбуеву. С ней в театр пришла профессиональная режиссура. Ее постановки отличала сценическая культура и чистота, завершенность формы, продуманность и слаженность всех частей спектакля. М. Шамбуева обладала большой творческой фантазией, импровизаторским даром и наряду с этим остро ощущала внутреннюю форму постановки.

Обладая наибольшими возможностями массового воздействия, театр занимал особое место в обществе. Влияние, которое он оказывал на формирование общественных настроений, было велико. Творческая художественная интеллигенция, не являясь особенно многочисленной, тем не менее выделялась среди средних слоев городского населения своим специфическим положением и социальной ролью. Общественные позиции художественной интеллигенции выражались, прежде всего, в рамках самого художественного творчества и в меньшей степени через непосредственные общественно-политические выступления. Развитие национального театра было сложным и противоречивым. В театральной критике шли острые дискуссии о роли и месте национального искусства, новаторстве, взаимосвязи с жизнью.

В июне 1938 г. решением правительства БМАССР был открыт Республиканский колхозно-совхозный театр, призванный нести искусство в сельские районы республики. В его труппу входили выпускники театрально-музыкального училища Ц. Дарижапов, Б. Вампилов, И. Миронов, Д. Дагбаева, Ц.-Д. Балданов, Т. Гергесова, С. Балданов. Кроме них в труппу вошли одаренные представители художественной самодеятельности. Театр открылся спектаклем «Мэргэн» А. Шадаева в постановке М. Шамбуевой.

С 1938 по 1940 г. республика готовилась к декаде бурят-монгольского искусства в Москве. Ведущие музыканты и артисты объездили все районы республики, слушая народных певцов и музыкантов, приглашая наиболее одаренных молодых людей принять участие в декаде. В ней приняли участие Бурят-Монгольский музыкально-драматический театр, театрально-музыкальное училище, филармония, оркестр бурятских народных инструментов, а также самодеятельные коллективы — русский семейский хор села Большой Куналей, эвенкийский хор.

20 октября 1940 г. на сцене филиала Большого театра СССР премьерой оперы «Энхэ-Булат батор» состоялось открытие Первой декады Бурят-Монгольского искусства в Москве. Автором музыки первой национальной оперы стал композитор М. Фролов, профессор Свердловской консерватории. Автором либретто, созданного по мотивам бурятско-го улигера о Шоно-батаре, стал драматург, актер и режиссер Н. Балдано. Поставил оперу И. Туманов, художественный руководитель всей декады. Балетмейстером выступил И. Моисеев.

Непосредственной художественной предтечей оперы «Энхэ-Булат батор» стала поставленная в 1938 г. на сцене бурятского музыкально-драматического театра музыкальная драма «Баир» П. Берлинского и Б. Ямпилова на либретто Г. Цыдынжапова. Москвичам также были показаны музыкальная драма «Эржэн» В. И. Морошкина на либретто Н. Г. Балдано и М. В. Эделя, симфонические пьесы молодых национальных композиторов, песни. Был высоко оценен талант композиторов Д. Аюшеева, Б. Ямпилова, Ж. Батуева, певцов Б. Балдакова, Н. Петровой, К. Гомбоевой-Языковой, А. Арсаланова, Н. Батурина и других деятелей бурятской музыкальной культуры.

По итогам декады Бурят-Монгольский музыкально-драматический театр был награжден орденом Ленина, а его художественному руководителю Г. Цыдынжапову присвоено звание народного артиста СССР. Звания заслуженного деятеля искусства РСФСР были удостоены драматург Н. Балдано и художник Ц. Сампилов, звания заслуженного артиста РСФСР — Н. Гендунова, Ч. Генинов, Н. Гармаева, А. Ильин.

В газете «Бурят-Монгольская правда» была приведена беседа с корреспондентом ТАСС председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко, в которой он подчеркнул: «Декада бурят-монгольского искусства, только что закончившаяся в Москве,

явилась крупным событием в жизни советского искусства. В дни декады со сцены Большого театра СССР и его филиала прозвучали замечательные народные напевы. Были исполнены танцы, пленяющие своей красочностью и благородством. Это была демонстрация первых и вместе с тем значительных успехов молодого искусства бурят-монгольского народа...» [5].

В творческую атмосферу бурятского профессионального театра со дня его возникновения включились драматурги, режиссеры, композиторы, художники, принимавшие непосредственное участие в становлении национального театрального искусства. Театр Бурятии внес значительный вклад в формирование и развитие культуры и искусства республики.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 471. Оп. 7. Д. 1. Л. 1.
2. Балдано (Кириченко) С. В. Бурятская национальная интеллигенция: обретение и утрата социально-политического лидерства в начале XX века // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 7. История. — 2011. — С. 56–59.
3. Балдано (Кириченко) С. В. Развитие и формирование художественной интеллигенции. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007.
4. Балдано (Кириченко) С. В. Формирование национальной интеллигенции и становление художественной культуры Бурятии (XVIII — начало XX в.) // Власть. — 2011. — № 6. — С. 157–160.
5. Бурят-Монгольская правда. — 1940. — № 255.
6. Николаев П. Н. Монолог перед занавесом. — Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1984.
7. Маляревский П. Очерк из истории театральной культуры Сибири. — Иркутск, 1957.
8. Танский М. В. Странички из прошлого Улан-Удэ. — Улан-Удэ, 1963.

References

1. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya (GARB) (The State Archives of the Republic of Buryatia (GARB)), F. 471, Op. 7, D. 1, L. 1.
2. Baldano (Kirichenko) S.V. *Buryatskaya natsionalnaya intelligentsiya: obretniye i utrata sotsialno-politicheskogo liderstva v nachale XX veka* [Buryat national intelligentsia: the acquisition and loss of social and political leadership in the early XX century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria Istoriya - Bulletin of the Buryat State University. Series history*. 2011. No.7. Pp. 56–59.
3. Baldano (Kirichenko) S.V. *Razvitiye i formirovaniye khudozhestvennoy intelligentsii* [The development and formation of the artistic intelligentsia]. Ulan-Ude: Buryat State University publ., 2007.
4. Baldano (Kirichenko) S.V. *Formirovaniye natsionalnoy intelligentsii i stanovleniye khudozhestvennoy kultury Buryatii (XVIII — nachalo XX v.)* [Formation of the national intelligentsia and the formation of artistic culture of Buryatia (XVIII - beginning of XX century.)]. *Vlast — Power*. 2011. No.6. Pp. 157–160.
5. *Buryat-Mongolskaya pravda - Buryat-Mongolian truth*. 1940. No.255.
6. Nikolayev P.N. *Monolog pered zanesom* [Monologue before the curtain]. Ulan-Ude: Buryat publishing house publ., 1984.
7. Malyarevsky P. *Ocherk iz istorii teatralnoy kultury Sibiri* [Outline of the history of theatrical culture of Siberia]. Irkutsk, 1957.
8. Tansky M.V. *Stranichki iz proshlogo Ulan-Ude* [Pages from last Ulan-Ude]. Ulan-Ude, 1963.

УДК 336.244

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-143-148

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

© Шемелин Аркадий Валерьевич

доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-правовых дисциплин Забайкальского государственного университета
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
E-mail: shemelin75@yandex.ru

© Савосина Наталья Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и таможенного дела Забайкальского государственного университета
Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
E-mail: ngsav@mail.ru

Политика современной России формируется посредством наделения органов государственной власти полномочиями в соответствующих сферах деятельности. Поэтому ретроспективный анализ и изучение роли таможенных органов в реализации задач и функций государства являются одним из важнейших аспектов в формировании политико-правовой основы государственного устройства России. При этом сложные и подчас противоречивые управленческие процессы необходимо анализировать в контексте становления Российского государства. В статье представлена характеристика деятельности таможенных органов на территории исторического Забайкалья с точки зрения реализации ими основных приоритетов таможенной политики в приграничном регионе. Отмечено, что изучение деятельности таможенных органов в истории Российского государства имеет большое значение и позволяет восполнить существующие в науке пробелы.

Ключевые слова: государственная таможенная политика, приграничные регионы, таможня, ввоз товаров, вывоз товаров, Забайкалье, Китай.

PRIORITIES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF CUSTOMS: A HISTORICAL PRACTICE OF BORDER REGIONS

Arkady V. Shemelin

DSc in Political Science, Professor, Head of the department of social and legal disciplines, Zabaikalsky State University
30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039 Russia

Natalya G. Savosina

PhD in History, A/Professor, Head of the department of administrative law and Customs affairs, Zabaikalsky State University
30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039 Russia

The policy of modern Russia is formed by providing the public authorities the powers in relevant fields. Therefore, a retrospective analysis and study of the role of Customs authorities in the implementation of tasks and functions of the state is one of the most important aspects in the formation of political and legal foundation of the state system in Russia. However, the complex and sometimes contradictory management processes need to be analyzed in the context of the formation of the Russian state. The article presents the characteristic of the Customs authorities activities in the territory of historical Transbaikalia, from the point of view of their implementation of the main priorities of the Customs policy in the border region. It is noted that the study of the Customs authorities activities in the history of the Russian state is of great value and allows to fill the gaps in the science.

Keywords: Customs state policy, border regions, Customs, import of goods, export of goods, Transbaikalia, China.

Таможенная и торговая политика в научно-историческом, экономическом и политическом отношении представляет особый предмет изучения, что обусловлено рядом причин: во-первых, таможенная политика — это важнейшая составляющая системы удовлетворения

фискальных интересов государства, во-вторых, таможенная политика — это главное условие поддержки национальных производительных сил, в-третьих, таможенная политика — это составная часть государственной политики.

В истории Российского государства таможенная политика имела два направления — протекционизм и фритредерство, но в отношении к приграничным регионам, и, особенно к востоку России, государственная политика, в том числе таможенная, руководствовалась целями и соображениями, отличными от тех, которые применялись по отношению к европейским странам. Здесь «меркантильные» интересы Российского государства были напрямую связаны с масштабными политическими планами на будущее, поскольку торговля как инструмент государства позволяет усилить политическое влияние, а политика открывает новые направления, в частности для российского экспорта.

Историческая практика решения возникавших в России проблем в сфере таможенного дела является важной и значимой, так как накопленный годами опыт по реализации задач таможенной политики и развития таможенных органов позволяет найти некоторые пути разрешения существующих в современной действительности проблем и возможно предотвратит повторение ошибок прошлого. Не менее важной является проблема исследования особенностей таможенной политики на восточных рубежах Российской империи, ведь деятельность таможенных органов на востоке страны во многом способствовала укреплению позиций России в этом регионе.

Торговая и таможенная политика России на Востоке первоначально строилась исключительно на основе торговых отношений с Китаем. Первые договоры породили установление торговых отношений и способствовали развитию таможенных институтов. После подписания Нерчинского (1689 г.), а затем Буринского трактата (1727 г.) с Китаем в развитии торговли появилось новое направление — приграничная торговля. Ее центром стал населенный пункт Кяхта. Кроме Кяхты, торговля разрешена была в Цурухайтуе (Староцурухайтуй), но по причине особенностей его географического расположения особого распространения она там не получила.

Развитие Кяхты связано с рядом исторических событий. Так, в 1741 г. через Кяхту был открыт новый путь движения казенных товаров в Пекин, а в 1743 г. Кяхта получила статус торговой слободы. После ликвидации в 1754 г. всех внутренних таможен (за исключением Верхотурской) Кяхтинская таможня приобрела статус крупнейшей таможни на границе с Азией. По своему пограничному положению, объему поступающих в казну пошлин и ряду других факторов Кяхтинская таможня занимала в ряду таможенных органов особое место. Если в 1760 г. кяхтинский торг давал в российский бюджет 20,4 % всех таможенных поступлений, то в 1775 г. эта доля составляла 38,5 % [9, с. 36].

После введения порто-франко и легализации русской караванной торговли с Синьцзяном по Кульджинскому договору Кяхта постепенно утратила свое значение, что потребовало пересмотра таможенной политики в этом приграничном регионе. Требовались новые политические шаги. Одним из них стало заключение Айгунского договора с Китаем (1858 г.), который обеспечил России левый берег Амура, что поспособствовало оживлению русско-китайской торговли и таможенных процессов. Этим соглашением отменено большинство тех ограничений, целью которых являлось урегулирование, а точнее говоря устремить русскую торговлю с Китаем в узком направлении. Чтобы сразу «не отпугнуть» таможенными санкциями китайских поставщиков на рынках вновь приобретенных территорий, Россия декредитировала свободную экономическую зону, которая простиралась от озера Байкал на восток до Тихого океана, включая в себя Забайкалье, Амурскую и Приморскую области. Все это способствовало провозглашению на Дальнем Востоке политики открытых дверей, чем воспользовались в первую очередь сопредельные государства с целью увеличения экспорта своих товаров в Сибирь. Между тем беспошлинный ввоз импортных продуктов в дальневосточный регион не мог не вызвать определенного недовольства как мера, нарушающая интересы русской торговли.

В 1884 г. Забайкальская область Восточно-Сибирского генерал-губернаторства вошла в состав образованного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства. Это событие значи-

тельно отразилось на деятельности таможенных структур и реализации направлений таможенной политики.

В июне 1899 г. в четырех населенных пунктах Приамурского генерал-губернаторства был учрежден временный таможенный надзор. В границах Забайкальской области это были Кяхта и Сретенск. 15 мая 1900 г. Высочайше утвержденным мнением Государственного совета об устройстве таможенного надзора в Приамурском крае в Кяхте и Сретенске были учреждены таможни 1-го класса 2-го разряда. В их структуре для достижения целей таможенной политики стали создаваться таможенные заставы. Одна из них — Покровская. С момента учреждения работа Покровской заставы осуществлялась на основании указаний управляющему Сретенской таможней от 30 июня 1903 г. Следует отметить, что основной задачей заставы стало обеспечение экономической безопасности посредством борьбы с незаконным перемещением товаров через государственную границу.

В распоряжении управляющего Сретенской таможни было сказано, что «до получения из Департамента таможенных сборов правил для действия заставы и указания круга деятельности заставы и предоставленных ей правами застава должна следить за не водворением контрабанды как на судах, идущих с Амура в Покровку и далее по Шилке и Аргуни, так на судах, идущих из Аргуни в Амур и Шилку. В связи с этим застава имела право требовать остановки у Покровки всех проходящих по названным рекам судов, плотов, барж и лодок, предъявления ей всех грузовых документов, находящихся на них грузах, проверяя груз по наружному осмотру, и при наличии оснований вскрывать для установления действительно ли на этих судах провозятся только те товары, которые в документах значатся, и нет ли среди них других, особенно тайно укрытых пошлинных или премированных при вывозе за границу, задерживать названные товары для выяснения того, почему они не были показаны в грузовых документах, причем если будут данные, указывающие на злой умысел, то для конфискации их и взыскания с виновных установленного штрафа. По задержанию тайно провозимых товаров застава имела право принимать все доставляемые ей таковые товары, составлять описи и производить оценку. Собранные документы вместе с протоколом задержания передавались в Сретенскую таможню для «возбуждения преследования против виновных, а самые товары хранить у себя в пакгаузе впредь до особого распоряжения» [2, л. 23].

3 июля 1903 г. от Департамента таможенных сборов Сретенской таможней были получены особые распоряжения в отношении Покровской заставы. В циркуляре говорилось о том, что в связи с учреждением в текущем году на Амуре новых таможенных застав и распространением на Сибирь действия Таможенного устава по Европейской торговле в целях упрощения таможенных обрядностей необходимо вводить с учетом местных условий некоторые изменения в общие правила приема и отпуска судов и товарных транспортов, а также досмотра и оплаты пошлиной товаров. Для этого Департаментом таможенных сборов был разработан проект временных правил о таможенном надзоре за движением судов, привозом и вывозом товаров по Амуру и его притокам, причем в этот проект включены соответствующие постановления о взысканиях, вступающих в действие с 1 января 1904 г. [2, л. 45].

Указанные правила распространяли свое действие на ряд созданных таможенных учреждений, в т. ч. Покровскую заставу. Согласно названным правилам, досмотр и очистка пошлиной товаров производилась следующим образом:

1. Иностранные товары, назначенные в места, где имеются таможенные учреждения, подлежат досмотру в этих последних те же из означенных товаров, которые назначены в промежуточные пункты, где не имеется таможенных учреждений, досматриваются и оплачиваются в подлежащих случаях пошлиной во впускных заставах, а именно при следовании судов по Сунгари — в Ляхасусской, при следовании же с Аргуни, а также на Аргуни и Шилку — в Покровской.
2. Досмотр привозимых из Китая товаров как обложенных пошлиной, так и беспошлинных производится заставами без подачи письменных объявлений, с запискою результатов досмотра в установленные для этого книги.

3. Товары должны быть очищены пошлиной: в заставах Лахасусской и Покровской — немедленно вслед за досмотром на общем основании, а в Благовещенской и Хабаровской — в течение двух месяцев со дня их привоза [2, л. 45].

Окончание строительства Забайкальской железной дороги также наложило отпечаток на развитие таможенных учреждений. Это связано с отменой режима порто-франко и учреждением таможенных структур. В январе 1902 г. в пос. Маньчжурия была учреждена таможенная застава. Ее открытие произошло в марте 1902 г. Согласно распоряжению от 15 января 1902 г. об открытии на станции Маньчжурия, Китайской Восточной железной дороги, таможенной заставы по соглашению с министром иностранных дел и приамурским генерал-губернатором признано необходимым открыть на станции Маньчжурия, в конечном пункте Китайской Восточной железной дороги, таможенную заставу, с правом очистки пошлиной всех незапрещенных к ввозу товаров и утвердить следующий штат этой заставы: управляющий, заместитель управляющего (2 единицы) [7, л. 31].

Деятельность таможенных органов строилась на базовых требованиях государства, они непосредственно обеспечивали реализацию таких задач и целей таможенной политики, как защита и стимулирование экономического развития России, рост доходов государственного бюджета, упрочение торгово-политических позиций России, противодействие дискриминационным акциям иностранных государств, обеспечение экономической безопасности.

Предметом особого беспокойства руководства Забайкальских таможен были большие потоки контрабандного ввоза, причем контрабандным промыслом занималось местное население. Решение проблемы прежде всего виделось в увеличении числа досмотрщиков и учреждении постов. Это оказывало особое влияние на реализацию задач государства в целом и таможенных органов в частности. Об этом управляющий Сретенской таможенной сообщал в Департамент таможенных сборов от 18 июля 1903 г. № 2410: «Из донесения управляющего Покровской таможенной заставой и по собранным мною лично сведениям устанавливается, что жители лежащего при слиянии р. Аргуни с Шилкой поселка Усть-Стрелка почти все занимаются контрабандным провозом спирта, сплавляя его по реке Аргуни и в дальнейшем по направлению по рекам Амуру и Шилке, а один из жителей этого поселка Писарев даже открыл там при десяти домах во всем поселке оптовый склад вина и спирта, очевидно, для того чтобы, пользуясь своим правом, выдавать провозные свидетельства и этими свидетельствами прикрывать водворение контрабандного спирта. Это обстоятельство и, кроме того, возможность прохода лодок и плотов мимо Покровской заставы из р. Аргуни в Шилку ночью за темнотою, а в Шилку, кроме того, из-за отдаленности населения Покровки от места слияния рр. Шилки и Аргуни (до 6 вер.) требуют безусловного установления у поселка Усть-Стрелка от Покровской заставы надзора из трех досмотрщиков в виде ежедневного дежурства, дабы не допускать прохода мимо Покровской таможенной заставы лодок и плотов, и тем предотвратить провоз контрабандного спирта и других товаров как в поселок Усть-Стрелка, так и далее по р. Амуру и Шилке. На установление этого поста от заставы мною дано управляющему Покровской заставы распоряжение...» [2, л. 41].

Из рапорта управляющего Покровской таможенной заставой известно о почти поголовной занятости жителей Усть-Стрелки контрабандным промыслом. С целью пресечения незаконного промысла управляющим было принято решение организовать ежедневное дежурство в поселке Усть-Стрелка, где впоследствии был учрежден от Покровской заставы таможенный пост из 3 досмотрщиков [2, л. 115].

Местное население крайне враждебно отнеслось к предпринятым мерам по усилению таможенного надзора, что вынудило управляющего обратиться к военному губернатору Забайкальской области.

В обращении от 15 июля 1903 г. № 2355 Рутовский сообщал следующее: «Управляющий Покровской заставы рапортом от 5 сего июля за № 34 доносит мне, что отсутствие по гористым берегам Аргуни гужевых дорог от станицы Олочи до Покровки, вызывающее сплав всех товаров по той реке, и имеющиеся сведения о почти поголовном занятии жителей Усть-Стрелки

контрабандным промыслом понудили его установить там таможенный пост для наблюдения за проходящими по Аргуни судами, речными плотами и лодками». В письме также уделено внимание отношению со стороны местного населения к таможенным структурам. Он пишет, что установление таможенного поста вызвало враждебное отношение к чинам таможенного ведомства со стороны местного казачьего населения, которое выразилось не только в отказе предоставлять перевозочные средства по реке от Усть-Стрелки до Покровки, но и в отказе атамана этого выселка в содействии при досмотре проходившей по р. Аргуни лодки с различными товарами [2, л. 170].

Обращение подобного характера было вполне обосновано, ведь в соответствии со статьей 55 Таможенного устава чины местной полиции обязаны были оказывать полное содействие чинам таможенного ведомства при их действиях по задержанию водворяемых из-за границы неоплаченных пошлиной товаров.

Таким образом, борьба с незаконным контрабандным промыслом стала основным видом деятельности таможенных органов региона, при этом пресечение противоправных деяний осуществлялось и в отношении местного населения и подданных Китая. Отдельные факты таможенных действий, пресекающих контрабанду, находят отражение в архивных материалах. Так, например, 18 июля 1903 г. служащие Покровской заставы обратились в Сретенскую таможню с представлением протокола о выемке иностранных товаров, принадлежащих китайцам Фа-а-тай и Ли-сунь. В документе сказано, «Покровская застава имеет честь представить протокол, составленный о выемке в Покровке 15 сего июля иностранных товаров, принадлежащих китайским подданным Фа-а-тай и Ли-сунь. При этом застава имеет честь донести, что собранные ею сведения о личности хозяина квартиры, в которой задержаны товары, а также личности самих товарохозяев установить не представляется возможным» [2, л. 54]. Следует отметить, что подобные факты не были единичными, это обстоятельство подтверждает переписка между Покровской заставой и Сретенской таможней.

Анализ деятельности таможенных органов Забайкалья позволяет говорить о решении таможенными органами как фискальных, так и правоохранных задач. Тенденции роста товарооборота России и Китая в отдельные периоды времени показывают качественные результаты работы таможен по взиманию пошлин, что объективно доказано отчетной документацией за различные периоды времени. Реализация правоохранительной составляющей таможенной политики в регионе сопровождалась серьезными препятствиями, а именно: отдаленность пунктов пропуска, хозяйственная неустроенность таможенных органов, оснащенность, финансирование и прежде всего нехватка кадров. Подобные обстоятельства оказывали непосредственное влияние на то, что масштабы контрабандного ввоза товаров не уменьшались, а противоречие интересов таможенных органов и населения обострялось. При этом функционирование таможен Забайкалья в условиях их военно-стратегического расположения и необходимость обеспечения безопасности рубежей России, а также участие в развитии всестороннего сотрудничества с иностранными государствами способствовали сохранению особого мнения со стороны правящих властей к управлению приграничными регионами.

Литература

1. Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. — СПб.: Наука, 2001. — Т. 2. — 260 с.
2. ГАЗК. Ф. 42. Оп 1. Д. 13. Л. 23, 45, 41, 115, 170, 54.
3. История Восточного Забайкалья. Читинская область / отв. ред. И. И. Кириллов Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. — 283 с.
4. Корсак А. Историко-статистическое обозрение торгового оборота России с Китаем. — Казань, 1857. — 445 с.
5. Луконин Д. С. Создание и краткий обзор деятельности Сретенской таможни 1899–1905 гг. // Таможенное дело. — 2010. — № 2. — С. 36–40.
6. Марков Л. Н. Очерки по истории таможенной службы. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 1987. — 50 с.
7. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 411.

8. Таможня на Тихом океане: документы и материалы. Вып. 5. Таможня в Забайкалье. 1862–1926 гг. / сост. Н. А. Беляева, Н. А. Троицкая. — Владивосток: ВФ РТА, 2008. — 108 с.
9. Таможенное дело в Восточной Сибири и Забайкалья. — Иркутск, 1999. — 79 с.

References

1. *Vysshiy i tsentralnyye gosudarstvennyye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917 gg.* [Superior and Central State Institutions Russia. 1801-1917]. Sankt-Peterburg: Nauka publ., 2001. Vol.2. 260 p.
2. *State Archive of the Trans-Baikal Territory.* F. 42. Op 1. D. 13
3. *Istoriya Vostochnogo Zabaykalya. Chitinskaya oblast* [History of the Eastern Trans-Baikal. Chita region]. Irkutsk: Irkutsk State Academy of Economics publ., 2001. 283 p.
4. Korsak A. *Istoriko-statisticheskoye obozreniye trgovogo oborota Rossii s Kitayem* [Historical-Statistical Review of Russia's trade with China]. Kazan. 1857. 445 p.
5. Lukonin D.S. *Sozdaniye i kratky obzor deyatel'nosti Sretenskoy tamozhni 1899–1905 gg.* [Create and brief overview of Candlemas Customs 1899–1905 years]. *Tamozhennoye delo — Customs.* 2010. No.2. Pp. 36–40.
6. Markov L.N. *Ocherki po istorii tamozhennoy sluzhby* [Essays on the history of customs service]. Irkutsk: Irkutsk State unversitet publ., 1987. 50 p.
7. *Russian State Historical Archives of the Far East.* F. 702. Op. 1. D. 411.
8. *Tamozhnya na Tikhom okeane: dokumenty i materialy. Vyp. 5. Tamozhnya v Zabaykalye. 1862–1926 gg.* [Customs in the Pacific: documents and materials. Vol. 5. Customs in the Trans-Baikal region. 1862–1926 years.]. Vladivostok: Vladivostok Branch of Russian Customs Academy publ., 2008. 108 p.
9. *Tamozhennoye delo v Vostochnoy Sibiri i Zabaykalya* [Customs in Eastern Siberia and Baikal]. Irkutsk.1999. 79 p.

УДК 004:316(510)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-149-154

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ В ГОНКОНГЕ 2014 г.)

© **Зверев Андрей Леонидович**

кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1
E-mail: zveandr@mail.ru

© **Федоров Артем Павлович**

аспирант Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: z333e@ya.ru

Политическая активность общества проявляется в социальных сетях, которые позволяют пользователям с разными взглядами общаться друг с другом. Политики стали рассматривать социальные сети как арену информационной войны и орудие манипулирования общественным сознанием. Использование социальных сетей, к примеру, явилось причиной организации массовых протестов в Гонконге.

Ключевые слова: Интернет, Гонконг, Китай, выборы, социальная сеть, Twitter, Google, Instagram, FireChat, Occupy Central.

SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR MANIPULATING ON THE EXAMPLE OF ORGANIZING MASS PROTESTS IN HONG KONG IN 2014

Andrey L. Zverev

PhD in Political Science, A/Professor of the department of sociology and psychology, Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia

Artem P. Fyodorov

Research Assistant, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Political activity of society appears in social networks, which allow users with common views to communicate each other. Politicians started to consider social networks as an arena of information warfare and a tool for manipulating social consciousness. Obvious examples of the use of social networking in this way are organizing mass protests in Hong Kong.

Keywords: the Internet, Hong Kong, China, election, social network, Twitter, Google, Instagram, FireChat, Occupy Central.

В современном обществе роль социальных сетей возрастает, т. к. их основные характеристики (интерактивность и доступность) являются ведущими критериями для современного мира массовых коммуникаций социума. Для политических акторов социальные сети представляют интерес с точки зрения возможности осуществлять политическую и агитационно-пропагандистскую деятельность, содержащую механизмы обратной связи, демонстрирующие успешность функционирования сетевой политической коммуникации. Социальные сети привлекают внимание политиков и как инструмент политического манипулирования, и как арена информационного противоборства с другими акторами за расширение собственной электоральной базы в социуме. В настоящее время политическое манипулирование применяется не только для укрепления политической стабильности в обществе, не только как канал, способствующий снятию социальной напряженности путем формирования дискуссионной коммуникативной площадки для обсуждения текущей повестки дня информационной палитры современной политики, но и, напротив, для «расшатывания» политической ситуации в стране и снижения уровня легитимности действующей властной элиты. Современные ма-

нипуляционные технологии могут создавать в массовом сознании искусственный конструкт, способный стать симулякром, репрезентирующим формируемой средствами массовой коммуникации с помощью таких технологий виртуальную реальность окружающего мира [14], в которой знанию, полученному в результате социализации через исторический опыт, присваивается иной смысл, часто противоположный тому, что содержался в усвоенном ранее этом знании. Вот почему в последние годы во многих странах постсоветского пространства идет «борьба за историю» этих стран, в результате чего действующие политические элиты и их оппоненты пытаются вычлениить смыслы дальнейшего развития этих стран.

Одним из основных механизмов политического манипулирования в социальных сетях является воздействие на пользователей через механизм большинства общественного мнения, когда сетевым участникам пытаются внушить, что продвигаемые среди них оценки происходящих политических событий поддерживаются большинством граждан. В общем виде процесс подобного воздействия может осуществляться через следующие этапы формирования общественного мнения в социальных сетях:

- подготовка информационной базы влияния;
- создание провокационной ситуации и контролируемого процесса ее обсуждения в социальной сети;
- попытка убеждения пользователей, что предъявляемые в ходе дискуссии мнения поддерживаются большинством представителей социальной сети;
- реализация управляемых воздействий.

На начальном этапе происходит подготовка информационной базы. В ходе ее реализации закладываются сомнения в сложившиеся устои, освещается негативный опыт государственного управления, подрывается авторитет СМИ, формируется основа для создания лозунгов, которые будут использоваться в активной фазе противоборства. Затем в ходе возникновения провокационной ситуации, поддерживаемой антиправительственными СМИ, в социальных сетях создается контролируемый процесс ее обсуждения. В активной фазе влияния осуществляется непосредственное воздействие на участников социальной сети с призывами к активным действиям и готовности поддержать их со стороны большинства данной социальной сети [13].

Ярким примером использования подобной технологии являются акции протеста в Гонконге, организованные в 2014 г. В сентябре 2014 г. Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) принял решение произвести реформу избирательной системы в Гонконге в специальном административном районе Китайской Народной Республики (КНР), в котором действовало выборное законодательство со времен протектората над этой территорией Великобритании, предполагающей упразднение действующей системы выборщиков и перехода к всенародному голосованию с «муниципальным фильтром». Суть реформы сводилась к тому, что на выборах 2017 г. специальный комитет заблаговременно утвердит ряд кандидатов, за которых будет предложено проголосовать гонконгцам.

Различные группы активистов при поддержке некоммерческих организаций США заранее начали готовиться к объявлению новых правил голосования 2017 г. Они предложили правительству КНР несколько вариантов организации выборов, после чего был проведен независимый электронный референдум, в котором приняли участие около 22 % населения Гонконга. В ходе онлайн-голосования активисты собрали подписи более 800 тысяч человек за организацию прямых выборов без всяких предварительных условий. Руководство КНР объявило проведение такого референдума незаконным [10].

Не получив уступок со стороны китайского правительства, гонконгские студенты через социальные сети призывали бойкотировать школьные и университетские занятия, но затем количество протестующих начало увеличиваться, и, как итог, массовый протест вышел на улицы. Официальной датой начала протестной акции является 1 октября 2014 г., но уже 28 сентября 2014 г. центральный район Гонконга был стихийно занят студентами.

В ходе акций протеста для обмена информацией жители Гонконга активно использовали

социальные сети. Так, с 26 сентября по 31 декабря 2014 г. в Twitter зафиксировано свыше 100 млн сообщений, посвященных этим протестам. Посредством приложения Instagram¹ распространялись фотографии с демонстраций, на которых часто были изображены люди, прикрывающиеся от слезоточивого газа зонтиком, что стало символом массовых демонстраций, поэтому протесты начали называть «Революцией зонтиков»². Само движение получило название «Occupy Central». Еще одним символом протестов являлась желтая лента. Пользователи социальных сетей, поддерживающие «Occupy Central», размещали на своих страницах изображение желтой ленты на черном фоне.

Формирование этих образов и поток публикаций протестных сообщений в очередной раз подтвердили немаловажную роль социальных сетей в деле организации политических протестов даже в таком месте, как Гонконг, официально находившемся под протекторатом КНР — государства, имеющего в своем распоряжении самые совершенные структуры цензуры в Интернете [2].

Кроме того, еще в самом начале протестного движения, опасаясь ограничения доступа к Интернет-ресурсам, около 100 тысяч жителей Гонконга скачали приложение для обмена текстовыми сообщениями FireChat³, позволяющее обмениваться информацией без доступа к сети Интернет посредством Wi-Fi или Bluetooth [4; 8].

Этот факт представляет интерес с позиции анализа антиправительственных выступлений в 2011 г. в странах Северной Африки и в 2013 г. в Турции, когда руководство стран ограничило доступ к социальным сетям своим гражданам. Можно сделать предположение, что активисты в Гонконге учитывали этот опыт или им «помогли» его учесть специалисты по «ненасильственным методам» организации «цветных революций» из США. По мнению высшего военно-политического руководства РФ, в частности президента страны Владимира Владимировича Путина⁴, антиправительственные выступления в Северной Африке и Турции организовывались при поддержке США. Согласно публикациям авторитетных китайских СМИ, акции протеста в Гонконге также проходили не без внимания к этим событиям со стороны США. 10 октября 2014 г. издание «Жэньминь жибао»⁵ опубликовало статью об американском вмешательстве во внутренние дела Гонконга, в которой отмечается участие некоммерческой организации «Национальный фонд демократии»⁶ в поддержке сепаратистов в Гонконге, Синьцзян-Уйгурском автономном округе и Тибете. В ней также приводятся факты активного сотрудничества представителей американских структур в поддержку акций в Гонконге. В частности, сотрудником «Атлантического совета» и «Американского института мира» Марией Штефан была опубликована статья «Как протестующие в Гонконге могут победить», в которой даются практические рекомендации движению «Occupy Central». В своей работе М. Штефан обобщила исследовательские данные о «ненасильственных движениях», а также примеры опыта гражданских сопротивлений в нескольких десятках стран [5; 6; 7].

В то же время китайское руководство включилось в информационное противостояние с манифестантами. В ходе акции большинство китайских СМИ получило указания минимизировать освящение этих событий, и если официальные новостные порталы рассказывали о митингах, то называли их незаконными и вышедшими из-под контроля. Кроме того, властями КНР использовался метод ограничения доступа к социальным сетям. Так, впервые власти

¹Instagram — бесплатное приложение для обмена фотографиями и видеозаписями, позволяющее распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей.

²Umbrella Revolution.

³FireChat — клиент мгновенного обмена сообщениями для операционных систем Android и iOS2, работающий без доступа к сети Интернет. Устройства с установленным FireChat могут обнаруживать друг друга в радиусе до 70 м. Приложение было создано в марте 2014 г.

⁴Во время обращения в марте 2014 г. к Федеральному собранию России президент В. В. Путин заявил, что за «цветными революциями», в т. ч. и осуществленными в Северной Африке, стояли США.

⁵Жэньминь жибао — ежедневная газета, официальное печатное издание Центрального Комитета Коммунистической партии Китая. Является одной из самых влиятельных газет в КНР.

⁶The National Endowment for Democracy (NED) — организация, основанная в 1983 г. Конгрессом США для продвижения демократии в разных странах мира. Финансируется Конгрессом США в рамках бюджета Агентства США по международному развитию (USAID). Является двухпартийной, частной некоммерческой организацией.

Китай заблокировал доступ к Instagram в континентальной части страны, причиной блокировки стало размещение пользователями фотографий с акций протестов. Фраза «Оссуру Central» была внесена в «черный список» социальной сети Weibo, которая является китайским аналогом Twitter. В ходе своей контрпропаганды китайские СМИ уделяли внимание тому, что протестующие использовали зонт в качестве символа протеста, намекая на несамостоятельный характер проводимых акций со стороны манифестантов, т. к. зонтики являются символом организаций, которые работают, как правило, под прикрытием иностранных спецслужб [15].

Кроме того, китайские военные запустили в Гонконге станцию радиоэлектронной разведки¹. По данным базирующегося в Гонконге канадского аналитического агентства военных новостей «Kanwa»², станция способна перехватывать сигналы мобильных телефонов, факсимильной связи, Wi-Fi и других беспроводных сетей. Агентство отмечает, что подобная система позволит КНР следить за деятельностью гонконгских активистов и работой зарубежных консульств Гонконга [3; 11].

В дополнение к этому, 1 ноября 2014 г. участники XI-й сессии ПК ВСНП приняли закон «О контрразведке», который заменил ранее действовавший законодательный акт «О государственной безопасности». Согласно новому закону, в случае угрозы безопасности государства контрразведка КНР имеет право налагать арест или конфисковать денежные средства или предметы, используемые в целях шпионажа, в т. ч. телефоны и другие электронные устройства. По мнению экспертов, принятие этого закона может расширить возможности китайских специальных служб по борьбе с антиправительственными выступлениями [12].

Принятые меры позволили руководству Китая не допустить распространения протеста в другие проблемные регионы и ограничить информационный поток в материковую часть страны. По мнению экспертов аналитического агентства «Stratfor»³, от руководства КНР следует ожидать дальнейшего ужесточения цензуры, а от демонстрантов — ухода в социальные сети и усиления борьбы [9].

Вывод

Во-первых, до Интернета телевидение являлось наиболее эффективным средством политического манипулирования. Однако с появлением глобальной сети, часть аудитории телевидения в первую очередь молодежь всю свою коммуникацию с внешним миром выстраивает через Интернет. Расширение коммуникации через социальные сети позволило выработать эффективные методы сетевого взаимодействия с разными группами населения из других стран, способствующие тому, чтобы осуществлять идеологическое воздействие на пользователей, используя их этническую, религиозную и гражданскую идентичность в социальной сети. Ввиду этого, интернет-коммуникации стали площадкой для ведения «информационной войны» и попытками разных акторов установить доминирующий контроль за распространением информации в социальной сети.

Во-вторых, протестные акции в Гонконге продемонстрировали, что контролировать со стороны текущие манипуляционные процессы в социальных сетях достаточно проблематично и в настоящее время государственным органам трудно противодействовать запуску таких процессов. Руководство КНР не смогло предотвратить акции протеста, однако впоследствии, избрав верную стратегию контрпропаганды и используя ошибки западных политтехнологов⁴, сумело предотвратить эскалацию напряженности в регионе.

В-третьих, ввиду нестабильной политической ситуации в мире эта проблема становится особенно актуальной для России. В настоящее время проблема противодействия процесса манипулирования общественному мнению пользователей социальных сетей на общенацио-

¹Военный объект находится на самой высокой (957 м) в этой местности горе Таймошань.

²«Kanwa» также утверждает, что аналогичные станции были созданы в ряде других регионов Китая, в т. ч. в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах, на побережье Тайваньского пролива и на территории провинций Цзилинь и Хайнань.

³Strategic Forecasting Inc. — американская частная разведывательно-аналитическая компания, часто называемая теньвым ЦРУ. Основана в 1996 г. американским политологом Джорджем Фридманом, который возглавляет компанию до сих пор.

⁴Выбор зонтиков в качестве символа протеста.

нальном уровне практически не разработана. С учетом китайского опыта противодействия внешнего манипуляционного влияния извне в социальных сетях в РФ необходимо вырабатывать концептуальную стратегию по противодействию этим технологиям и рассмотреть возможность их использования для решения задач обеспечения, в т. ч. информационной безопасности государства.

Литература

1. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. — М.: Физматлит, 2010. — С. 2.
2. Shujie Leng, David Wertime Foreign Policy. Hong Kong's Protest, in Memes [Электронный ресурс]. — URL: <http://foreignpolicy.com/2014/09/29/hong-kongs-protest-in-memes/>
3. Stanley Cheung, Bear Lee. PLA has set up Chinese version of PRISM monitoring in H.K.: Kanwa [Электронный ресурс]. — URL: www.focustaiwan.tw/news/aip/201411170024.aspx
4. Юзбекова И., Дорохов Р. Гонконг протестует через FireChat [Электронный ресурс]. — URL: <http://rbcdaily.ru/society/562949992508296>
5. Hua Yiwen. Why is the US so keen on 'Color Revolutions'? [Электронный ресурс]. — URL: <http://en.people.cn/n/2014/1011/c98649-8793283.html>
6. Гилёв А. О. Многомерная война и новая оборонная стратегия. Россия в глобальной политике. — 2014. — Т. 12, № 5. — 47 с.
7. Бартош А. А. Модель адаптивного применения силы в цветных революциях. РИСИ, Проблемы национальной стратегии. — 2014. — № 6(27). — 113 с.
8. Юзбекова И., Дорохов Р. Мессенджер выпускника мехмата МГУ стал инструментом протеста в Гонконге [Электронный ресурс]. — URL: http://top.rbc.ru/technology_and_media/30/09/2014/542a70d8cbb20f3bd7068c7a
9. STRATFOR. Analytic Guidance: Monitoring Hong Kong's Anti-Mainland Sentiments [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.stratfor.com/analysis/analytic-guidance-monitoring-hong-kongs-anti-mainland-sentiments>
10. Революция зонтиков [Электронный ресурс] // Полит.ру. — URL: www.polit.ru/article/2014/10/01/hongkong_protests/
11. SPECIAL TOPICS: PLA Establishes Large Telecommunication Surveillance Station in Hong Kong [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kanwa.com/en/edr.php?month=2014-11>
12. China Daily: Китай принял закон о контрразведке [Электронный ресурс] // РИА «Новости». — URL: http://ria.ru/defense_safety/20141101/1031346749.html
13. Литвинов Д., Крикунов А. Формирование общественного мнения через социальные сети, как способ влияния на политические решения [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.catu.su/analytics/358-formirovanie-obwestvennogo-mnenija-cherez-socialnye-seti-kak-sposob-vlijaniya-na-politicheskie-resheniya>
14. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. — Тула, 2013.
15. Зонтик как оружие, или новое поколение «цветных» революций [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rosinform.ru/2014/11/10/zontik-kak-oruzhie-ill-novoe-pokolenie-tsvetnykh-revolutsiy/>

References

1. Gubanov, D. A., Novikov, D. A., Chkhartishvili, A. G. *Sotsial'nye seti: modeli informatsionnogo vliyaniya, upravleniya i protivoborstva* [Social Networks: Models of information influence, control and confrontation]. Moscow: Fizmatlit. 2010. P. 2.
2. Shujie Leng, David Wertime Foreign Policy. Hong Kong's Protest, in Memes. Available at: <http://foreignpolicy.com/2014/09/29/hong-kongs-protest-in-memes>.
3. Stanley Cheung, Bear Lee. PLA has set up Chinese version of PRISM monitoring in H.K.: Kanwa. AVAILABLE AT: www.focustaiwan.tw/news/aip/201411170024.aspx.
4. Yuzbekova Irina, Dorokhov Roman. *Gonkong protestuet cherez FireChat* [Gonkong protestuet cherez FireChat]. Available at: <http://rbcdaily.ru/society/562949992508296>.
5. Hua Yiwen. Why is the US so keen on 'Color Revolutions'? Available at: <http://en.people.cn/n/2014/1011/c98649-8793283.html>.
6. Gilev A.O. *Mnogomernaya vojna i novaya oboronnaya strategiya. Rossiya v global'noy politike*, tom 12 No. 5 sentyabr'-oktyabr' 2014. P. 47/
7. Bartosh A.A. *Model' adaptivnogo primeneniya sily v tsvetnykh revolyutsiyakh* [Model adaptive use of force in the color revolutions]. RISI, Problemy natsional'noy strategii. No. 6(27) 2014. P. 113.
8. Yuzbekova Irina, Dorokhov Roman. *Messendzher vypusknika mekhmeta MGU stal instrumentom protesta v Gonkonge* [Messenger graduate Mekhmat become a tool of protest in Hong Kong]. Available at: http://top.rbc.ru/technology_and_media/30/09/2014/542a70d8cbb20f3bd7068c7a.

9. STRATFOR. Analytic Guidance: Monitoring Hong Kong's Anti-Mainland Sentiments. AVAILABLE AT: <https://www.stratfor.com/analysis/analytic-guidance-monitoring-hong-kongs-anti-mainland-sentiments>.
10. Polit.ru. *Revolyutsiya zontikov* [Revolution umbrellas]. Available at: www.polit.ru/article/2014/10/01/honkong_protests/.
11. SPECIAL TOPICS: PLA Establishes Large Telecommunication Surveillance Station in Hong Kong. Available at: <http://www.kanwa.com/en/edr.php?month=2014-11>.
12. 12.IA «RIANOVOSTI». China Daily: Kitay prinyal zakon o kontrrazvedke. Available at: http://ria.ru/defense_safety/20141101/1031346749.html.
13. Litvinov Dmitriy, Krikunov Aleksandr. *Formirovanie obshchestvennogo mneniya cherez sotsial'nye seti, kak sposob vliyaniya na politicheskie resheniya* [Formation of public opinion through social networks as a way to influence policy decisions]. Available at: <http://www.catu.su/analytics/358-formirovanie-obwestvennogo-mnenija-cherez-socialnye-seti-kak-sposob-vlijaniya-na-politicheskie-resheniya>.
14. *Bodriyyar Zh. Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Tula. 2013.
15. *Zontik kak oruzhie, ili novoe pokolenie «tsvetnykh» revolyutsiy* [Umbrella as a weapon, or a new generation of "color revolutions"]. Available at: <http://www.rosinform.ru/2014/11/10/zontik-kak-oruzhie-ili-novoe-pokolenie-tsvetnykh-revoljutsiy/>

УДК 338:316.346.2(571.54)

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–7–155–160

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БУРЯТИИ В 1990–2000-Е ГОДЫ

© **Дашиева Аюна Дугаржаповна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета.

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: kafbur@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению социально-экономического положения женщин Республики Бурятия в 1990-е гг. Изучено влияние последствий радикальных экономических реформ на экономический статус женщин, а также изменение условий жизни женщин Бурятии в сфере экономического развития, социальной защиты, правовых установок и общественного самосознания. Исследование этого периода позволяет глубже понять социальные проблемы женщин в современной Бурятии, пути и методы их разрешения. Экономические и политические реформы в обществе в 1990-е гг. сопровождаются значительным ухудшением социально-экономического положения женщин Бурятии, перераспределением в структуре экономической занятости, доминированием женской безработицы, уменьшением численности женщин во властных структурах, феминизацией бедности. Переход к новой экономической системе сопровождался возникновением качественно новых проблем, которые заметно ухудшили социальное самочувствие женщин Республики Бурятия.

Ключевые слова: гендер, сегрегация, безработица, гендерные стереотипы, трансформация, рыночные отношения, реформы, женщины Бурятии, Бурятия.

TRANSFORMATION OF GENDER ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF BURYATIA ECONOMY IN THE 1990–2000s

Ayuna D. Dashieva

PhD in History, A/Professor of the department of the history of Buryatia, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article considers the socioeconomic status of women in the Republic of Buryatia in the 1990s. The consequences of radical economic reforms in the economic status of the women are studied. The changes in the living conditions of the women of Buryatia are in the field of economic development, social protection, legal systems. The study of that period allows a deeper understanding of the social problems of the women in modern Buryatia, ways and methods to solve them. The reforms in the economic and political relations in society in the 1990s were accompanied by a significant deterioration of the socioeconomic status of the women of Buryatia redistribution in the structure of employment and economic dominance of female unemployment, a decrease in the number of women in positions of power, feminization of poverty. The transition to a new economic system was accompanied by rise of qualitatively new problems that significantly deteriorated women's social well-being.

Keywords: gender, segregation, unemployment, gender stereotypes, transformation, market relations, reforms, women of Buryatia, Buryatia.

Социальные процессы, происходившие в Российской Федерации с начала 1990-х гг., положили начало процессам изменения всего комплекса условий жизни. Кардинальные экономические и политические реформы нашего общества внесли существенные изменения в систему общественных отношений и в статус женщины.

Реформирование экономических и политических отношений в обществе в 1990-е гг. происходило без учета интересов женщин, сопровождалось резким ухудшением их положения, вытеснением из сферы занятости, доминированием женской безработицы, отчуждением из властных структур, феминизацией бедности.

Переход к рыночным отношениям сопровождался и возникновением качественно новых проблем, которые заметно ухудшили социальное самочувствие женщин. Переход этот был

сопряжен со снижением уровня жизни, с безработицей, которая становится преимущественно женской проблемой, вытеснением женщин из сферы политики, падением рождаемости и малодетностью, которые привели к критическим демографическим показателям. И поэтому особенно важным становится переосмысление положения женщины в обществе.

В этот период привычные традиционные модели и ориентиры социальной реализации претерпели значительные изменения, вынуждая искать новые формы социального самоопределения. С одной стороны, возникли такие объективные условия, когда для женщин появились перспективы для выбора возможностей и собственного взгляда на свою социальную роль, свое социальное положение, с другой — этот процесс был затруднен последствиями «патерналистской», «эгалитарной» государственной социальной политики в отношении женщин, приведшей к существованию двойной нагрузки, высокой степени вовлеченности в общественное производство и закреплению за женщинами обязанностей за сохранение семьи и воспитание детей.

В 1990-е гг., когда состояние экономики Бурятии было критическим, что стало определяющим фактором отставания в развитии человеческого потенциала, несогласованная политика по социальной защите женщин привела к тому, что комплекс социальных, экономических, медико-санитарных, финансовых, юридических, организационных мер был недостаточным. Что не могло не повлиять на формирование негативных тенденций в социально-экономическом положении женщин: увеличение числа незанятых в экономике, массовое высвобождение женщин с индустриальных предприятий Бурятии и аграрного сектора экономики, где создавались новые формы собственности.

Сформировалась тенденция сокращения женщин, занятых в отраслях материального производства, это было обусловлено спадом производства в этих отраслях и сокращением численности рабочих. Среднесписочная численность занятых в этих отраслях в 1993 г. составила 87,9 % от уровня 1990 г. [1]. В то же время темпы увеличения численности занятых женщин в непроизводственной сфере намного меньше темпов сокращения числа занятых в материальном производстве. Высвобождение женщин из материального производства не сопровождалось их адекватным переходом в непроизводственную сферу.

В России за 1992–1999 гг. наблюдалось снижение в таких отраслях, как финансы, кредитование, страхование и пенсионное обеспечение, ранее считавшихся женскими. В Бурятии же численность женщин в экономике уменьшилась на 17,8 % с 1980 по 1991 г. [2, с. 35]. На протяжении 1992–1999 гг. численность занятых здесь женщин фактически оставалась стабильной, что, во-первых, было обусловлено тем, что в этой сфере еще была велика инерция «феминизированного» прошлого, когда наибольшее количество работников были женщины, а во-вторых, женщины находились на «младших» должностях. Численность женщин на руководящих должностях, особенно в банковской системе, была незначительна (1,7 %) [2, с. 35].

С 1991 по 1998 г. доля женщин в этих отраслях сократилась на 18 %, т. е. произошло сокращение численности женской рабочей силы с началом роста заработной платы, и, соответственно, сопровождалась увеличением числа занятых мужчин. С 1990 по 1995 г. происходил резкий рост заработной платы. Так, например, в 1993 г. средняя зарплата в банках в 2,5 раза превысила среднюю по всем отраслям народного хозяйства. Вытеснение занятых женщин происходило в вертикальной сегрегации.

Снижение численности женской рабочей силы в строительстве республики было обусловлено кризисным состоянием этой отрасли экономики с 1992 по 1999 г. Здесь наблюдалось преимущественное высвобождение рабочих как мужчин, так и женщин. За 1991–1996 гг. в строительстве прослеживалось самое большое сокращение численности рабочих. Причиной тому стало значительное уменьшение федеральных инвестиций, а собственных средств на строительство у республики было недостаточно. Трудовой потенциал строительства качественно уменьшился.

В сельском хозяйстве с 1992 по 1999 г. сокращение занятости населения происходило интенсивнее по сравнению с другими отраслями, что было обусловлено состоянием этого

сектора экономики в указанные годы. С 1992 по 1997 г. численность рабочих и служащих сельскохозяйственной отрасли сократилась на 41,8 %, а женщин — на 49,1 %. В сельских районах республики экономическое положение женщин отличалось негативными тенденциями. В результате проведенной реорганизации предприятий сельского хозяйства здесь был низкий уровень производства. Коллективные предприятия сельского хозяйства в основном представляли собой производственные кооперативы, находившиеся на грани банкротства.

Увеличилось число женщин в отраслях с низкой заработной платой и постоянными задолженностями по выплатам: образование — на 12,6 %, наука и научное обслуживание — на 20 % [3, с. 36]. В этих отраслях в первые годы реформ из-за низкой заработной платы высвобождались в основном мужчины. Численность женщин, замещавших должности государственной службы республики, в 1992–1999 гг. была сосредоточена на «младших» должностях — 75,3 %, «старших» — 66,7 %, «ведущих» — 59,6 %, «главных» — 33,3 %, «высших» — 12,5 %. Из занимающих руководящие должности 30 % женщин работали в министерствах: культуры, образования, труда и социального развития, здравоохранения. В муниципальных структурах доля женщин на выборных должностях составила 13,3 %. Наиболее женскими отраслями с 1992 по 1999 г. были здравоохранение, физическая культура и социальное обеспечение (82 %), образование (76 %), культура и искусство (59 %), торговля, общественное питание и материально-техническое снабжение (67 %) [3, с. 37]. В Бурятии численность женщин, занятых в науке и научном обслуживании, практически оставалась стабильной. Это было обусловлено тем, что в годы реформ отсюда уходили в основном мужчины из-за низкой заработной платы. Численность женщин здесь увеличилась до 61,2 % в 1995 г., против 42,0 % в 1980 г. [5, с. 34], что служит ярким примером того, что в бюджетных организациях происходит ускоренная феминизация состава работников.

Наибольшее количество женщин было занято в таких традиционно «женских» отраслях, как торговля, здравоохранение и просвещение. Образование стало той отраслью, где с 1991 г. была сосредоточена почти половина работников непромышленной сферы. Численность занятых женщин здесь увеличилась по сравнению с 1989 г., составив в 1995 г. 47 188 чел., или 80,2 % [5, с. 34]. И именно эти отрасли оказались наиболее уязвимы в новых условиях.

В связи со структурными преобразованиями в экономике Бурятии отраслевое движение рабочей силы носило стихийный характер, а целенаправленной переориентации в рыночную инфраструктуру не произошло. Это привело к значительному высвобождению женщин из сфер материального производства, которые являлись наиболее высокооплачиваемыми секторами экономики.

Количество женщин, работающих по найму в 1992–1996 гг., насчитывалось 49,4 %, работающих не по найму — 37,8 %, т. е. существовала тенденция снижения численности женщин в ненаемной рабочей силе. Женщин-работодателей не было. Среди всех женщин, работающих по найму, 46 % — рабочие и 54 % — служащие [6, с. 36]. В то же время необходимость в заработках заставляла женщин самостоятельно обеспечивать себя работой.

Результатом перечисленных выше тенденций в перераспределении женской рабочей силы между отраслями и секторами экономики стал рост профессиональной сегрегации и дискриминация «женских» отраслей и профессий по уровню оплаты труда. За 10 лет, с 1991 по 2001 г., возросла концентрация женщин в наименее оплачиваемых отраслях экономики, и увеличился разрыв в средней заработной плате мужчин и женщин.

На парламентских слушаниях в Совете Федерации РФ по проблемам положения женщин в марте 1994 г. отмечалось, что если до перехода к рынку средний уровень оплаты женского труда составлял 70 % от соответствующего уровня оплаты труда мужчин, то на этот год показатель составляет менее 40 % [7]. Как отмечают экономисты, доля собственно дискриминационной составляющей различий в заработной плате мужчин и женщин не превышала 20–23 %, что соответствовало 6–8 % различий в заработках. К 2000 г., по оценкам экспертов, эта доля возросла до 25–30 % [7].

Чем ниже доля женщин, занятых в отрасли, тем выше величина разрыва в заработках между полами. С 1992 г. этот разрыв имел тенденцию к увеличению («разбеганию» мужских и женских отраслей), что свидетельствует о том, что реформы, освободив заработную плату от каких-либо ограничений, кроме рыночных, привели к более низкой оценке женского труда. Средняя заработная плата женщин, в соответствии с официальной статистикой Госкомстата РФ, составляла 63,3 % от заработной платы мужчин.

В сельском хозяйстве, лесном хозяйстве и строительстве разница в заработной плате была незначительна, что обусловлено тяжелыми условиями труда, которые позволяли женщинам получать специальные надбавки. В информационно-вычислительном обслуживании женщины в основном работали на полторы-две ставки, что и привело к такому показателю заработной платы. Разница в оплате труда является одной из острых проблем женской занятости. Источником такой разницы в социально-экономической теории принято считать возраст, образование, профессию, время, опыт работы и пол.

В результате можно было наблюдать процесс постепенного оформления двухсекторной модели занятости и вытеснение женщин во вторичный сектор. В рамках подобной модели рынок труда делится на два неконкурирующих сектора — первичный и вторичный, мобильность между которыми была сильно затруднена. Работа в первичном секторе характеризуется относительно высокой оплатой, стабильной занятостью, хорошими условиями труда и наличием перспектив продвижения в должности. Работа во вторичном секторе, напротив, связана с низкими заработками, отсутствием стабильной занятости и перспектив роста, плохими условиями труда. Если в первичном секторе работодатели рассматривают затраты на обучение как перспективные в плане будущей отдачи, то во вторичном секторе такие затраты представляются чистым расточительством, ведь работодатель не рассчитывает на долговременные отношения с работником.

Ситуация, сложившаяся в России в первой половине 1990-х гг., начинала соответствовать модели двухсекторного рынка труда, с той лишь разницей, что первичному сектору соответствуют предприятия негосударственной формы собственности. В то же время вторичный сектор постепенно сдвигается в направлении государственных (или формально приватизированных) предприятий, для которых характерны регулярные задержки заработной платы и высокий уровень скрытой безработицы.

Процесс разделения рынка труда по половому признаку прослеживается и внутри отраслей с традиционно высокой долей женской занятости, таких как здравоохранение, образование, культура и искусство, страхование и др. За последние годы в этих отраслях на фоне общего снижения уровня заработной платы возникли и активно развиваются рыночные сегменты, предоставляющие соответствующие услуги по рыночным расценкам и обеспечивающие высокий уровень оплаты труда своих работников, которыми, как легко догадаться, чаще всего являются мужчины.

Качественную характеристику трудового потенциала женщин в 1990-е гг. составляет уровень образования. Работающие женщины Бурятии имели высокий уровень образования по сравнению с работающими мужчинами. Среди занятых в 1992 г. женщины с высшим образованием составляют 32,3 %, неполным высшим — 2,3 %, со средним специальным — 68,3 % [3, с. 40–41]. Не имеют полного среднего образования среди занятых женщин 12 %. В то время как среди занятых мужчин этот показатель составляет 20,5 % — высшее, 4,7 % — неполное высшее, 60,1 % — средне специальное, 14,7 % — не имеющие среднего [3, с. 29]. Женщины фактически лидировали по уровню образования среди всей численности занятого населения. Тем не менее высвобождение женщин из всех отраслей экономики было значительным.

В переходный период процесс перераспределения женских трудовых ресурсов из государственного сектора в альтернативные — еще один аспект для рассмотрения их положения в экономике. Из-за отсутствия статистических данных по занятости женщин на предприятиях различных форм собственности невозможно проанализировать все тенденции движения общей численности работающих. В Бурятии интенсивные изменения в занятости женщин

начались с 1988 г. в связи с появлением кооперативов. За 1991–1996 гг. занятость женщин на государственных предприятиях сократилась на 183,0 тыс. чел. (46,3 %) [3, с. 29], в то время как численность работающих в сфере частного предпринимательства увеличилась на 64,5 тыс. чел. (в 2,2 раза) [3, с. 38]. Тем не менее рост количества рабочих мест в частном секторе не мог компенсировать сокращение занятости женщин на предприятиях государственной собственности. В 1996 г. 52,0 % работников были заняты на предприятиях госсектора, 29,1 — в сфере индивидуального и частного предпринимательства и 18,1 % — на предприятиях смешанной формы собственности. За 1996–2000 гг. численность занятых на предприятиях со смешанной формой собственности увеличилась в 3,5 раза [8, с. 112]. Сокращение занятых в государственном секторе экономики республики происходило в основном в ходе приватизации, спада объемов производства и выхода работников на пенсию. В эти годы многие женщины вынуждены были уволиться по собственному желанию, не выдержав длительных отпусков без сохранения заработной платы. В 1996 г. увольнения по собственному желанию составили 14,5 % от численности работающих женщин на предприятиях государственной собственности. Досрочный выход на пенсию оформили 6 %, по сокращению штатов — 2 %, а принято на работу было 18,1 % [1].

В условиях общего кризиса экономики развитие предпринимательства в Бурятии происходило медленно, большинство предприятий разорялось. Только за 1996 г. каждое пятое предприятие разорилось. В 1996 г. в республике было 4 500 предприятий малого и среднего бизнеса с численностью занятых 32,1 тыс. чел., что составляет 9 % от всей численности занятых в экономике. К примеру, в России этот показатель равнялся 14–15 % [1]. Значительная часть малых предприятий занималась торговлей — 46,2 %, здесь численность занятых женщин была высокой. Свыше половины занятых женщин в этом секторе экономики были в торговле и общественном питании. Это было обусловлено следующими факторами: во-первых, дешевизной женской рабочей силы, во-вторых, эта сфера услуг традиционно являлась сферой, где преимущественно работали женщины, в-третьих, спрос на женскую рабочую силу в государственном секторе стал значительно меньше.

Все негативные процессы в женской занятости привели к тому, что создавались условия для перехода женщин в сферу неформальной экономики. Преимущественно это были женщины, торгующие на рынках, в палатках и с лотков, работающие в подпольных цехах и на дому, в разного рода кафе и «забегаловках». Здесь был распространен найм без договора, что затрудняет выявление численности занятых женщин, которые работали в тяжелых условиях ненормированного рабочего дня, отсутствия оплаты больничных листов и возможной пенсии в старости. Наиболее типичными и массовыми формами неформальной деятельности являлись следующие: уличная и рыночная торговля, услуги населению по ремонту и пошиву, репетиторство, различные виды надомного труда.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в 1990-е гг. положение женщин в экономике Бурятии претерпело значительные изменения, причинами чего можно назвать не только кризисные явления в экономике республики, спад производства, остановку предприятий промышленности и сельского хозяйства, банкротство предприятий государственной и частной собственности, но и проводимую в советское время «эгалитарную» политику в отношении женщин, которая во многом обусловила возникшие негативные тенденции.

Литература

1. Годовой отчет Министерства труда и социального развития Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 2000.
2. Женщины Бурятии в зеркале статистики // Госкомстат Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 2000. — С. 35.
3. Женщины и мужчины в Бурятии // Госкомстат Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 2000. — С. 34.
4. Основные показатели экономического и социального положения районов республики Бурятия // Госкомстат Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 1999. — С. 18.
5. Женщины Республики Бурятия // Госкомстат Республики Бурятия. — Улан-Удэ,

1998. — № 17–7. — С. 34.
6. Женщины и мужчины Бурятии // Госкомстат Республики Бурятия. — Улан-Удэ, 1998. — С. 36.
 7. Хоткина З. А. Гендерные аспекты труда и занятости России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gender-cent.ryazan.ru:8101/school/hotkina.htm>
 8. Женщины и мужчины России // Госкомстат. — М., 2000. — С. 112.
 9. Текущий архив Министерства труда и социального развития Республики Бурятия. Годовой отчет за 2000г.
 10. Текущий архив Министерства труда и социального развития Республики Бурятия. Годовой отчет за 2000 г.
 11. Текущий архив Министерства труда и социального развития Республики Бурятия. Годовой отчет за 2000 г.

References

1. Rasschitano po godovomu otchetu Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiya Respubliki Buryatiya za 2000.
2. *Zhenshchiny Buryatii v zerkale statistiki* [Women in the mirror statistics of Buryatia] Goskomstat Respubliki Buryatiya. Ulan-Ude. 2000. P. 35.
3. *Muzhchiny i zhenshchiny Buryatii* [Men and women of Buryatia]. Goskomstat Respubliki Buryatiya. Ulan-Ude. 2000. P.34.
4. *Osnovnye pokazateli ekonomicheskogo i sotsial'nogo polozheniya rayonov respubliki Buryatiya* [The main indicators of the economic and social areas of the Republic of Buryatia]. Goskomstat respubliki Buryatiya. Ulan-Ude. Sentyabr' 1999. P. 18.
5. *Zhenshchiny Respubliki Buryatiya Goskomstat Respubliki Buryatiya* [Calculated based on the collection of statistical summary Women of Buryatia]. № 17–7. Ulan-Ude, 1998. P. 34.
6. *Muzhchiny i zhenshchiny Buryatii* [Men and women of Buryatia]. Goskomstat Respubliki Buryatiya. Ulan-Ude. 1998. P. 36.
7. Khotkina Z.A. *Gendernye aspekty truda i zanyatosti Rossii* [Gender aspects of labor and employment Russia]. Available at <http://www.gender-cent.ryazan.ru:8101/school/hotkina.htm>
8. *Muzhchiny i zhenshchiny Buryatii* [Men and women of Buryatia]. Goskomstat Respubliki Buryatiya. Ulan-Ude. 2000. P.40–41.
9. *Tekushchiy arkhiv Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiya Respubliki Buryatiya* [The current archive of the Ministry of Labour and Social Development of the Republic of Buryatia]. Godovoy otchet za 2000.
10. *Tekushchiy arkhiv Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiya Respubliki Buryatiya* [The current archive of the Ministry of Labour and Social Development of the Republic of Buryatia]. Godovoy otchet za 2000.
11. *Tekushchiy arkhiv Ministerstva truda i sotsial'nogo razvitiya Respubliki Buryatiya*. Godovoy otchet za 2000.

УДК 94(571.6)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-161-168

МАНЗЫ И ХУНХУЗЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

© **Кружалина Анастасия Алексеевна**

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры политологии, истории и регионоведения Иркутского государственного университета

Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1

E-mail: kliokrua@yandex.ru

Интерес российского населения к сопредельным государственным образованиям, их политическому строю, социальной организации, культурным традициям является актуальным во все времена. Разумеется, один из ближайших и крупнейших соседей России на Востоке — Китай, не мог долгое время оставаться безынтересным для российской и, в частности, сибирской общественности. В рамках данной статьи было решено изучить и охарактеризовать проблему массового появления китайских мигрантов (манз и хунхузов) в Сибири и на Дальнем Востоке на материалах сибирской прессы. В статье нашли свое отражение проблемы взаимоотношения манз с хунхузами, коренного сибирского населения с китайскими переселенцами, русских «цивилизаторов», чиновников с манзами и хунхузами.

Ключевые слова: Сибирь, история XIX века, китайцы, пресса, манзы, хунхузы, Дальний Восток, Китай.

MANZI AND HUNGHUTZ IN DAILY LIFE OF THE FAR EAST (SECOND HALF of the XIXth CENTURY)

Anastasya A. Kruzhalina

PhD in History, Lecturer, department of political science, history and area studies, Irkutsk State University

1 Karl Marx St., Irkutsk, 664003 Russia

The interest of the Russian population to the neighboring state formations, their political system, social organization, cultural traditions was at all times. Of course, one of the nearest and largest neighbors of Russia in the East was China, it could not long remain without interest for Russia and, in particular, for the Siberian public. In this article, it has been decided to study and characterize the problem of mass emergence of the Chinese migrants (Manzi and Hunghutz) in Siberia and the Far East on the Siberian press materials. The article has reflected the problems of interrelations between Manzi and Hunghutz, the Siberian indigenous population with the Chinese settlers, the Russian «civilization providers», the officials with Manzi and Hunghutz.

Keywords: Siberia, history of the XIXth century, Chinese, press, Manzi, Hunghutz, the Far East, China.

История торговых контактов России и Китая уходит вглубь веков. Уже тогда российское население активно интересовалось загадочным восточным соседом. Интерес в основном удовлетворялся посредством рассказов торгового населения, побывавшего в Поднебесной и пересказывавшего свои эмоции и впечатления в частном порядке. Более широкое и детализированное освещение тема Китая получила лишь с развитием частной прессы в России, особенно в Сибири. Такие газеты, как «Сибирь», «Восточное обозрение», «Владивосток» и «Сибирская газета», стали флагманами сибирской прессы, трансляторами общественного мнения. Очевидно, что многогранная тема Китая не могла не привлечь внимание редакторов и сотрудников сибирской прессы.

Статья посвящена выявлению и описанию наиболее злободневных последствий соседства Дальневосточного региона с Китаем, вылившихся из неконтролируемой миграции манз и хунхузов в пределы Российской империи на основе материалов периодической печати региона второй половины XIX в.

Анализ статей периодической печати позволяет нам сделать вывод, что публикации си-

бирской прессы второй половины XIX в. по данной теме можно условно разделить на два периода. Так, если в период 60-х — начала 80-х гг. XIX в. сибирские издания наибольшее внимание уделяли этнографическим характеристикам китайского народа, описанию картин быта, исторического прошлого Китая, описанию и характеристике торгово-экономических связей Российской империи и Сибири, в частности с Китаем и его населением, то в период со второй половины 80-х гг. до конца XIX в. наблюдается поворот внимания печати непосредственно к внутреннему китайскому вопросу. «Приблизительно с 1885–1886 гг. начинается движение китайцев в наши пределы, преимущественно во Владивосток, — китайцев особого сорта и типа. <...> это не тот китаец, который приходил к нам и садился на землю, — китаец-пахарь, — нет; к нам повалила, в большинстве случаев, та ремесленная и чернорабочая гольтыба, которой в самом Китае не было ни дела, ни места» [11]. Именно в обозначенный период на страницах сибирской прессы появляются такие термины, как «желтый вопрос», «желтая угроза», «желтые и белые» и т. п. Причем о нарастающей остроте вопроса и его значимости для сибирской общности свидетельствует тот факт, что подобные публикации размещались в изданиях на всем пространстве Сибири, от Тобольска до Петропавловска. В данном контексте второй период наиболее интересен для нас, однако для полноты и достоверности описания вопроса попытаемся охарактеризовать публикации обоих периодов.

Тема китайских мигрантов, начиная с 80-х гг. XIX в., стабильно находилась в фокусе сибирской прессы. Последняя подробно и планомерно освещала не только масштабы китайской миграции, но и меры российского правительства в отношении прибывших китайцев. Издания настаивали на том, что необходимо трезво взглянуть на появившуюся проблему и принимать соответствующие меры для того, чтобы использовать миграцию китайцев в благих целях, превращая их всеми силами в полноправных граждан Российской империи, но одновременно с этим не допустить бесконтрольного притока нищих и разбойников из Поднебесной.

Сибирская печать всячески настаивала на формировании позитивного взгляда на китайских переселенцев: «Желательно, чтобы в среде нашего общества установилось более справедливое и гуманное отношение к китайскому населению взамен тем обобщениям, что “китайское население во всех отношениях признается вредным” [3]. Тем более, что их всеувеличивающееся присутствие в регионе было очевидно. Дополнительный стимул к этому дало строительство железной дороги. «Томский листок» свидетельствует, что «прибывающие во Владивосток на пароходах китайцы из Чжифу быстро разбираются подрядчиками на железную дорогу» [27], а «по всему тракту между Сретенском и Благовещенском движутся артели китайских рабочих на железнодорожные заработки» [8]. На «строительстве Уссурийской железной дороги добрая половина рабочих манзы [китайцы] и корейцы» [15]. Как и в других отраслях, тут они тоже с успехом конкурировали с русскими рабочими, соглашаясь работать за более дешевую плату: «У некоторых подрядчиков на ветке Восточно-Китайской дороги китайцы работали за 12 коп. в день» [24].

Издания изобилуют сообщениями о том, что «всякий, имевший дело с китайцами, скажет, что при справедливом к ним отношении, они являются трудолюбивыми, непритязательными и скромными работниками, с которыми легко ладить, тем более что китайцы являются в русские пределы не с пустыми руками: они приносят за собой земледелие и ремесленные знания, неутомимое трудолюбие и нравственные качества, которые во многом могут служить примером для русского населения» [14], «русский человек не так пунктуален и кропотлив в работе как китаец и не будет отделять каждую вещь до мелочей» [29], «китаец хотя работает медленнее русского, но, благодаря своей выдержке и нетребовательности, часто имеет перевес над ним» [13]. Все обозначенные суждения, безусловно, соответствовали действительности. Несомненно, многих «примерных» китайских рабочих-мигрантов, по свидетельству сибирских изданий, по большому счету не в чем было и упрекнуть. Однако именно их трудолюбие, смирение, качество выполняемой работы и довольствование скромными вознаграждениями за нее делали русских рабочих неконкурентоспособными. Тем более, что, с одной стороны, «русских рабочих подрядчики несколько побаиваются, опасаясь жалоб и энергичных протестов,

[с китайцами же] каждый наниматель считает возможным поступать по своему «разумению» [7]; а с другой — «экономическая выгода китайской конкуренции по отношению к частному предпринимательству слишком очевидна, а частно-хозяйственные интересы слишком меркантильны и эгоистичны, что идти наперекор общему течению, поступаясь личными выгодами в пользу общей национальной идеи» [15]. Все это вызывало озлобленность, а зачастую и гнев русского населения, который все чаще выражался в форме попыток прямой физической расправы над китайскими мигрантами. А это, по пророческим подозрениям сибирских корреспондентов, «может вызвать возникновение нежелательной племенной вражды», тогда как «со стороны местных властей не заметно сколько-нибудь энергичного вмешательства в эти распри» [28]. Между тем терпению китайцев тоже есть предел. В отличие от остальных сибирских инородцев они имеют «за своею спиною, в своем отечестве, возможность сравнивать; ему близко знакомы иные взгляды на право и иные способы его отстаивания <...> китаец особенно сильно должен чувствовать явную для него справедливость» [21].

Между тем «у нас, в большинстве случаев, особенно низший класс населения, относится с высокомерным презрением или с обидной снисходительностью, не подозревая, что в будущем они создадут массу сложных вопросов» [16]. «Сплошь и рядом [сибирские корреспонденты встречают] возмутительные расправы европейцев с этими хозяевами Азии. Дать на улице дорогу китайцу — позор; не выругать при случае черепахой — как-то нельзя; признать в нем человека — стыдно и т. д., а побить за пустяки палкой — доблесть, и это проделывает каждый мальчишка» [20]. «Достаточно посмотреть газеты Приамурского края, чтобы убедиться в существовании сильного неприязненного чувства, проявляемого русским населением относительно пришельцев из Китая. Хроника Благовещенска, также как Владивостока и других менее значимых пунктов, изобилует драками и насильственными расправами, в которых вызывающей и обыкновенно побеждающей стороной являются русские, между тем как безответные китайцы очень часто тщетно ищут защиты у тех, на обязанности которых это лежит» [14]. Таким образом, обругать, запустить в китайца камнем, перевернуть корзину с фруктами — «ровно ничего не значит. Этим занимаются не только уличные мальчишки, но и дети «благородных» родителей» [10]. Тогда как «нужно очень много для того, чтобы побудить [самих китайцев] к сопротивлению, но тогда они восстают все против несправедливости, и глубоко укорененное чувство солидарности придает им большую силу в борьбе» [14].

И все-таки не следует воспринимать китайских рабочих-мигрантов как исключительно однородную массу, были и среди них желающие периодически «разжиться чужим добром». Нельзя сказать, чтобы все они «были агнцами», но это, по указанию сибирской прессы, не дает русскому населению, а тем более «блустителям порядка» применять «кулачную расправу с манзами», «более сдержанное отношение к ним было бы справедливее» [32]. Законные санкции кажутся корреспондентам куда более уместными в отношении манз, чем физический произвол и неприкрытое насилие. Тем более, что было немало законных оснований к применению санкции в отношении «манзового произвола». Однако власти, как это зачастую бывает в таких ситуациях, свое восприятие отдельных вопиющих случаев переносили на взаимоотношения с остальными, даже неповинными китайцами-манзами, что корреспонденты также не считали разумным. Так «Владивосток» сообщает, что «идушие в порту на работу манзы, 12 человек, были взяты полицейским для очистки улиц в слободке, анализируя данное событие автор замечает, — Помимо того, что это может служить причиной остановки работ, едва ли справедливо забирать первого встречного чистить улицы. Понравилось бы нам если бы мы, идя по улице в Китае, были взяты и нас заставили бы чистить улицы» [31].

Справедливо заметить, что в отсутствии действенных мер правительства по контролю и регулированию притока китайских мигрантов в границы Российской империи, в Сибирь действительно хлынули не только «смирные и кроткие» рабочие-китайцы (манзы — так их именовали в сибирском обществе и прессе), но и те из них, которые позволяли себе совмещать законные заработки с разбоем, а также большое количество воров и шарлатанов из Поднебесной (хунхузы): «Ежегодно тысячи корейцев и китайцев, почти умирающих с

голода на родине, переселяются в русские пределы, надеясь найти работу, а в случае если их надежды не оправдаются, занимаются разбоем и грабежами. Нередко приходят известия о всевозможных насилиях, чинимых голодными [манзами и] хунхузами, — этими разбойниками, выходцами из пределов Небесной Империи» [1]: «фальшивые паспорта; курение опиума» [30]; другие «печальные факты варварских поступков со стороны манз, такие как нападения на русских, особенно в захолустных местах, где нет воинской охраны» [18]; «игорные китайские дома, опиокурильни и т. п. заведения, процветающие» [33] в регионе. От многочисленных происшествий подобного характера регион, по мнению автора газеты «Владивосток», могли спасти вполне конкретные меры: «Только строгая паспортная система и ограничение числа въезда в край манз, разрешение им жить исключительно в заселенных русскими местах, с точным определением занятий». Однако проблема заключалась в том, что полностью освободить край от рабочих-китайцев было невозможно, ввиду отсутствия достаточного количества русских рабочих. Необходимо было бы озадачиться массовым заселением края русскими, которые смогли бы реализовать существенный перевес русских над китайцами в большинстве отраслей экономики региона. Поэтому в перспективе на будущее автор поясняет, что «необходимо принять всевозможные меры избавиться от этой желтой расы, которая, хотя и оставляет у нас свой труд, зато причиняет много вреда и, пользуясь отсутствием русской рабочей силы, держит нас в некоторой зависимости» [18, с. 4].

Логично будет пояснить, кого сибирская пресса и общественность вообще относили к категориям «манзы» и «хунхузы». Тем более, что данные пояснения встречаются непосредственно в сибирских газетах исследуемого периода. Манзами в сибирском обществе и прессе было принято называть всех китайских мигрантов, приехавших на временные заработки в Сибирь. Хунхузами же именовали исключительно китайцев-разбойников, воров, убийц, осевших на малонаселенных пограничных территориях региона с целью обеспечить себе существование методом разбоя и грабежей. Причины, побуждавшие китайцев к подобным действиям, были вполне понятны сибирским корреспондентам: «Голодовка в Китае и трудность зарабатывания хлеба вызывали появление множества манз. Самая же главная причина существования на нашей границе хунхузов кроется в том, что из хунхузов многие есть китайские каторжники, которым невозможно оставаться в своем отечестве, а потому они и держатся глухих мест на нашей окраине, где безнаказанно большей частью грабят» [9]. «Голод, нужда, с одной стороны, произвол, полная деморализация — с другой, суровость, поборы и недостатки китайского правосудия, с третьей — те коренные причины, которые порождают это зло на нашей окраине», причем ситуация, по сообщениям сибирских изданий (основанных на 35-летнем опыте), складывалась таким образом, что пока у нас под боком будет пылать этот никогда непотухающий очаг разбойничьей заразы, до тех пор никакие усилия в борьбе с ними не приведут ни к чему» [2].

К концу XIX в. по незнанию и из охватившей сибиряков боязни часть населения под хунхузами стала понимать «всякого подозрительного» в русском смысле человека, начиная с того момента, как он переставал владеть установленным формальным свидетельством на право проживания в крае, иначе говоря, безбилетного манзу, с представлением о котором сразу же связывали такие понятия, как бродяга, вор, грабитель, убийца. По большому счету это было не вполне объективно, так как ситуация складывалась таким образом, что далеко не все приезжавшие на заработки китайцы имели «билет», однако не все из них становились разбойниками-хунхузами. Другие под хунхузами «разумели исключительно только разбойников большой дороги, подонков китайского общества, его преступные отбросы, отверженников, ускользнувших из рук правосудия и с ножом в руках, ведущих борьбу против общества, как дикие звери, которым не осталось никакого другого исхода». Третьи, вообще, усматривали в них «людей, составляющих до некоторой степени политическую ассоциацию, восставшую против русского владычества» [34]. Последнее мнение, безусловно, было весьма преувеличенным. Тем более, что свои разбойные нападения хунхузы преимущественно совершали против своих же соотечественников, а не против русских. Последнее, правда, было вызвано не «любезностью», а «простой боязнью и расчетливостью».

Интересно, что сами китайцы, страдавшие от набегов хунхузов, не спешили заявлять, а тем более выдавать своих обидчиков. Такие случаи, по мнению сибирских корреспондентов, были просто редкостью. Поэтому они воспринимались сибирской прессой как проявление бесстрашия и мужества со стороны мирных китайцев региона. О таком случае, например, сообщает «Восточный вестник»: «Один из китайцев-землекопов, работающих на Безымянной батарее, дал знать полиции, что шайка вооруженных хунхузов вымогает у него деньги под угрозой смерти» [23]; это поспособствовало поимке китайских разбойников полицейскими властями. В основном же «китайцы жаловались на хунхузов, но старательно скрывали их притоны и не содействовали их поимке», в связи с чем автор статьи настаивает, что «решительные меры должны быть приняты, чтобы в наших пределах китайцы не боялись мести хунхузов за их выдачу властям» [17], правда, какие конкретно не указывает.

Таким образом, заметим, что внутрироссийский китайский вопрос в конце XIX в. находился в фокусе сибирской общественности и региональных изданий, а его основная проблематика, обозначенная на II и III Хабаровских съездах, по данному вопросу сводилась к следующему [4]:

1. Китайцы понижают заработную плату в регионе и тем самым сгоняют с рынка русского рабочего.
2. Китайцы практически не потребляют ничего русского, унося весь свой заработок за границу, истощая тем самым количество денег в России.
3. Китайцы хищнически эксплуатируют естественные богатства края, тем самым подрывая его будущее благосостояние.
4. Большинство здешних китайцев отличается низкой нравственностью и представляет скопище бродяг, готовых при первом случае заняться разбоем.
5. Китайцы спаивают и эксплуатируют инородцев.
6. Китайцы никогда не ассимилируются, всюду сохранив свои обычаи и привязанность к родине.

Весьма существенно, что сибирская пресса соглашалась не со всеми обозначенными положениями, внося свои комментарии и пояснения. Довольно обстоятельная статья размещена во «Владивостоке» [5] и посвящена разбору и критике обозначенных пунктов. Прежде всего автор не отрицает того факта, что китайскую миграцию нужно контролировать на правительственном уровне. По его словам, совершенно недопустимо, что «мы не придаем никакого серьезного значения ходячему мнению на счет глобального влияния здесь китайской конкуренции, а также боязни пресловутого «стихийного» наплыва китайцев, <...> против которого должны приниматься решительные меры» [5, с. 4]. В остальном же В. П. отмечает, что «сами русские нисколько не уступают [китайцам]», «против китайцев, спаивающих и эксплуатирующих северных инородцев, стоят такие же точно хищники из коренных русских, получивших даже прозвище “королей” за свое безраздельное господство над обывательскими карманами в глухих медвежьих углах нашей окраины» [5, с. 5]. Что касается перспектив ассимиляции, то, ссылаясь на авторитетное мнение Васильева, автор указывает, что китайцы вполне способны к ассимиляции, нужны только действенные меры.

Итак, сибирская пресса не хотела и не могла отрицать факта всеувеличивающегося притока китайских мигрантов в регион. В связи с этим корреспонденты считали крайне необходимым планирование и реализацию действенных правительственных мер в отношении регулирования временных миграционных потоков, с одной стороны, с другой — по ассимиляции переселяющихся на постоянное жительство китайцев. Все это требует действенного участия не только местных властей, но и региональной общественности именно потому, что «если считается опасным допустить на окраину евреев, то тем более было бы опасно водворять здесь полноправных китайцев с правом открытой экономической борьбы против русского элемента. Мы не говорим, конечно, об исключительных случаях, но принцип должен быть проведен твердо, и вопрос о русском подданстве китайцев должен быть поставлен в настоящее время в совершенно особых условиях с принятием вообще нашего подданства иностранцами именно

потому, что китаизм у нас страшен своею массою и сплоченностью, против которых борьба обособленных единиц, в конце концов, немислима» [22].

Приток в регион китайских мигрантов, а именно всеувеличивающиеся его масштабы, заставили сибирскую общественность взглянуть на «Азиатского дракона» и его жителей не-много иначе. Просветительский этнографический интерес к Китаю сменяется обсуждением реальных социально-экономических проблем, вызванных присутствием в регионе «желтых» мигрантов. В связи с чем весомым аргументом являлось то, что «в то время как все остальные сибирские инородцы и даже корейцы стояли духовно и материально ниже русского населения Сибири при неравенстве общественно-бытовых и вообще внешних условий, подавляются также и духовною силою русского народа, являясь по отношению к последнему «этнографическим материалом», — китайцы, напротив, во всех своих сношениях с русскими выступали сами как сила, не только не отступающая, но всюду и везде явно идущая вперед». Вместе с тем автор данного комментария отмечает что существенно осложняет ситуацию то, что «китайцы до сих пор еще остаются у нас чем-то «полутерпимым», чем-то средним между «своими» и «иностранцами» без ясных прав и тех, и других; и без установившегося на них прочного административного взгляда» [35].

Многие из указанных на страницах сибирских газет исследуемого периода замечаний не утратили своей актуальности, правдоподобности. Более того, многие заявления сибирских корреспондентов оказались пророческими. В связи с чем ни в коем случае не стоит игнорировать такой массивный комплекс материалов, как региональная периодическая печать и ее видение обозначенных вопросов в контексте формирования современного взгляда на данную проблему. Очевидно, что Китай прочно вошел в сферу интересов не только политической элиты России, но и ее населения в целом, достойным подтверждением чему может служить кропотливая и многовековая работа сибирской периодической печати по конструированию и интерпретации образа Китая и населения Поднебесной на своих страницах.

Литература

1. 5 января 1897 г. // Сибирь. — 1897. — № 3. — С. 1.
2. 7 марта 1897 г. // Сибирь. — № 28. — С. 1.
3. В. Наши отношения с соседями // Владивосток. — 1887. — № 40. — С. 4.
4. В. П. Желтый вопрос в России // Владивосток. — 1889. — № 3. — С. 3–4.
5. В. П. Желтый вопрос в России // Владивосток. — 1889. — № 4. — С. 3–6.
6. Васильев В. Китайцыновые подданные России // Восточное обозрение. — 1884. — № 2. — С. 1–2.
7. Владивосток. — 1896. — № 19. — С. 5.
8. Движение китайцев в Забайкалье // Томский листок. — 1896. — № 117. — С. 2.
9. Действия охотничьих команд против хунхузов на р Уссури в 1896 г. // Приамурские ведомости. — 1896. — № 151. — С. 14.
10. Дети и инородцы // Восточный вестник. — 1899. — № 63. — С. 3.
11. Желтые и белые // Дальний восток. — 1895. — № 41. — С. 2.
12. Из Кульджи // Восточное обозрение. — 1882. — № 29. — С. 7.
13. Иностранцы в Приамурском крае. Китайцы // Приамурские ведомости. — 1896. — № 143. — С. 15.
14. Киранский. Китайцы в Приамурском крае // Сибирь. — 1897. — № 115. — С. 2.
15. Китайский вопрос // Дальний восток. — 1892. — № 14. — С. 2.
16. Л. С. Китайцы // Амурская газета. — 1897. — № 16. — С. 550.
17. Местная хроника. Дерзкое нападение хунхузов на городской скотопригонный двор // Владивосток. — 1898. — № 27. — С. 3.
18. Н. Убийства манзами в окрестностях Владивостока // Владивосток. — 1890. — № 47. — С. 3–4.
19. Наши недоразумения с китайцами // Сибирская газета. — 1883. — № 37. — С. 938.
20. Отношение русских и европейцев к китайцам и маньчжурам // Томский листок. — 1896. — № 222. — С. 2.
21. Панов В. Хунхузы // Дальний восток. — 1898. — № 75. — С. 2.
22. По поводу перехода китайцев в русское подданство // Дальний восток. — 1894. — № 1. — С. 3.
23. Поимка хунхузов // Восточный вестник. — 1898. — № 1. — С. 3.
24. Приморская область. Наплыв китайцев // Сибирская жизнь. — 1898. — № 216. — С. 1.
25. С китайской границы // Восточное обозрение. — 1884. — № 1. — С. 6.

26. Сибирские известия. Благовещенск на Амуре // Сибирская газета. — 1883. — № 34. — С. 870.
27. Спрос на китайцев // Томский листок. — 1896. — № 117. — С. 2.
28. Столкновения русских с иностранцами // Томский листок. — 1896. — № 154. — С. 2.
29. Суханов А. К вопросу об увеличении русских рабочих в амурском крае // Приамурские ведомости. — 1894. — № 6. — С. 9.
30. Хроника // Владивосток. — 1886. — № 15. — С. 4.
31. Хроника // Владивосток. — 1893. — № 9. — С. 5.
32. Хроника // Владивосток. — 1893. — № 27. — С. 3.
33. Хроника // Владивосток. — 1893. — № 28. — С. 4.
34. Хунхузы // Дальний восток. — 1893. — № 75. — С. 1.
35. Хунхузы // Дальний восток. — 1898. — № 75. — С. 2.

References

1. *5 yanvara 1897g* [5 January 1897]. *Sibir' Siberia*. Sankt-Peterburg. 1897. No. 3. P. 1.
2. *7 marta 1897g* [7 March 1897]. *Sibir' Siberia*. - Sankt-Peterburg. No. 28. P. 1.
3. *V. Nashi otnosheniya s sosedyami* [Our relations with neighbors] *Vladivostok Vladivostok*. Vladivostok. 1887. No. 40. P. 4.
4. *V. P. Zheltyy vopros v Rossii* [Yellow question in Russia]. *Vladivostok - Vladivostok*. Vladivostok. 1889. No. 3. P. 3–4.
5. *V. P. Zheltyy vopros v Rossii* [Yellow question in Russia]. *Vladivostok — Vladivostok*. Vladivostok. 1889. No. 4. P. 3–6.
6. *Vasil'ev V. Kitaytsy novye poddannye Rossii* [Chinese New Russian nationals] *Vostochnoe obozrenie — Eastern Review*. 1884. No. 2. P. 1–2.
7. *Vladivostok - Vladivostok*. Vladivostok. 1896. No 19. P. 5.
8. *Dvizhenie kitaytsev v Zabaykal'e* [Chinese Movement in Transbaikalia] *Tomskiy listok — Tomsk sheet*. Tomsk. 1896. No. 117. P. 2.
9. *Deystviya okhotnich'ikh komand protiv khunkhuzov na r Ussuri v 1896g.* [Actions against hunting teams hunghutz on the Ussuri River in 1896.] *Priamurskie vedomosti — Ppriamurskie Gazette*. Khabarovsk. 1896. No. 151. P. 14.
10. *Deti i inorodtsy* [Children and foreigners] *Vostochnyy vestnik — Vostochnyy vestnik*. Vladivostok. 1899. No. 63. P. 3.
11. *Zheltye i belye* [Yellow and white] *Dal'niy vostok Far East*. Vladivostok. 1895. No. 41. P. 2.
12. *Iz Kul'dzhi* [From Kuldja] *Vostochnoe obozrenie — Eastern Review*. 1882. No. 29. P. 7.
13. *Inostrantsy v Priamurskom krae. Kitaytsy* [Foreigners in the Amur region. Chinese] *Priamurskie vedomosti Amur list p.* Khabarovsk. 1896. No 143. P. 15.
14. *Kiranskiy. Kitaytsy v Priamurskom krae* [The Chinese in the Amur region] *Sibir' Siberia*. Sankt-Peterburg. 1897. No 115. P. 2.
15. *Kitayskiy vopros* [China Question] *Dal'niy vostok Far East*. Vladivostok. 1892. No 14. P. 2.
16. *L. P. Kitaytsy* [Chinese] *Amurskaya gazeta Amur newspaper*. Blagoveshchensk. 1897. No. 16. P. 550.
17. *Mestnaya khronika. Derzkoe napadenie khunkhuzov na gorodskoy skotoprigonnyy dvor* [Local Chronicle. Hunghutz daring attack on the city stockyard] *Vladivostok. Vladivostok*. 1898. No. 27. P. 3.
18. *N. Ubiystva manzami v okrestnostyakh Vladivostoka* [Murder Manzi around Vladivostok] *Vladivostok Vladivostok*. Vladivostok. 1890. No. 47. P. 3–4.
19. *Nashi nedorazumeniya s kitaytsami* [Our misunderstandings with the Chinese] *Sibirskaya gazeta Siberian newspaper*. 1883. No. 37. P. 938
20. *Otnoshenie russkikh i evropeytssev k kitaytsam i man' chzhuram* [The ratio of Russian and Chinese and Europeans to the Manchus] *Tomskiy listok Tomsk sheet*. Tomsk. 1896. No. 222. P. 2.
21. *Panov V. Khunkhuzy* [Hunghutz] *Dal'niy vostok Far East*. Vladivostok. 1898. No. 75. P. 2.
22. *Po povodu perekhoda kitaytsev v russkoe poddanstvo* [Regarding the transition of Chinese in Russian Far East] *Dal'niy vostok Far East citizenship*. Vladivostok. 1894. No. 1. P. 3.
23. *Poimka khunkhuzov* [Capture hunghutz] *Vostochnyy vestnik East Gazette*. Vladivostok. 1898. No. 1. P. 3.
24. *Primorskaya oblast'. Naplyv kitaytsev* [Maritime region. The influx of Chinese] *Sibirskaya zhizn' Siberian life Tomsk*. 1898. No. 216. P. 1.
25. *S kitayskoy granitsy* [With the Chinese border] *Vostochnoe obozrenie Eastern Review*. 1884. No. 1. P. 6.
26. *Sibirskie izvestiya. Blagoveshchensk na Amure* [Siberian new p. Blagoveshchensk on the Amur] *Sibirskaya gazeta - Siberian newspaper*. 1883. No. 34. P. 870.
27. *Spros na kitaytsev* [Demand for Chinese] *Tomskiy listok Tomsk sheet*. Tomsk, 1896. No. 117. P. 2.
28. *Stolknoveniya russkikh s inostrantsami* [Collision Russian brides] *Tomsk sheet*. Tomsk. 1896. No. 154. P. 2.

-
29. Sukhanov A. *K voprosu ob uvelichenii russkikh rabochikh v amurskom krae* [On the question of increasing the Russian workers in the Amur region] Priamurskie vedomosti Amur list p. Khabarovsk. 1894. No. 6. P. 9.
 30. *Khronika* [Chronicle] Vladivostok Vladivostok. Vladivostok. 1886. No. 15. P. 4.
 31. *Khronika* [Chronicle] Vladivostok Vladivostok. Vladivostok. 1893. No. 9. P. 5.
 32. *Khronika* [Chronicle] Vladivostok Vladivostok. Vladivostok. 1893. No. 27. P. 3.
 33. *Khronika* [Chronicle] Vladivostok Vladivostok. Vladivostok. 1893. No. 28. P. 4.
 34. *Khronika* [Chronicle] Dal'niy vostok. Vladivostok. 1893. No. 75. P. 1.
 35. *Khronika* [Chronicle] Dal'niy vostok. Vladivostok. 1898. No. 75. P. 2.

УДК 94:316(571.54)''1920/29''

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-169-173

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ БУРЯТИИ 20-х гг. XX в.

© **Убеева Ольга Александровна**

кандидат исторических наук Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: ubeieva-oa@yandex.ru

С момента образования Республики Бурятия происходит заметное увеличение всего городского населения, прирост которого был однозначно неравномерен в своем процессе. Данное явление объясняется началом интенсивного восстановления всего хозяйства и созданием базовой основы промышленности, а в силу этих причин и большим притоком населения в города. Рост городского населения был вызван в то время в значительной мере с интенсивным развитием отхода сельских жителей на заработки. Если в условиях 1917–1922 гг. усиливалось движение населения из городов Бурятии, то период с 1923 по 1939 г. (в связи с проводимыми модернизационными мероприятиями в экономике) характеризовался нарастанием отхода из деревни в город. При этом следует отметить, что систематический учет переселенцев в первой половине 1930-х гг. не велся, поэтому можно предполагать, что быстрый рост городского населения был вызван миграцией. До начала 30-х гг. XX в. обозначилась тенденция к уменьшению лиц свободных профессий, групп безработных и деклассированных элементов. Направление и темпы изменений в численности отдельных классов, социальных слоев и групп самодеятельного городского населения от 1920-х к 1930-м гг. были различны: для одних классов и социальных слоев характерным являлось увеличение численности, для других, наоборот, резкое сокращение.

Ключевые слова: город, население, миграция, численность, экономика, социальный состав, социальная структура, промышленность.

CITY SOCIAL REALITY OF BURYATIA IN THE 20s OF THE 20 CENT.

Olga A. Ubeeva

PhD in History, Deputy Dean of the Historical Faculty for academic activity, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

From the moment of formation of the republic a noticeable increase in the whole urban population took place which growth was clearly uneven in its process. This phenomenon is explained by the beginning of intensive restoration of the whole economy and creation of basic ground for industry, and these reasons caused a big inflow of the population to the cities. The growth of the urban population at that time was considerably concerned with intensive withdrawal of villagers to earnings. If in the conditions of 1917–1922 the migration of the population from the cities of Buryatia increased, then in the period from 1923 to 1939 (because of the modernization activities held in economy) it was the period of withdrawal increase from the village to the city. However it should be noted that a systematic record of settlers was not performed, that is why it could be supposed that the rapid growth of the urban population was caused by migration. On the other hand, prior to the beginning of the 30s of the XXth century the tendency to decrease the number of persons — freelancers, groups of unemployed and declassified elements was outlined. The direction and rates of changes in the number of separate classes, social groups and groups of amateur urban population from the 1920s to the 1930s were different: for some classes and social groups the increase in number was characteristic, for others, on the contrary, sharp decrease was characteristic.

Keywords: city, population, migration, number, economy, social composition, social structure, industry.

Целенаправленные политические и экономические преобразования в стране отразились коренным образом на перестройке социальной структуры общества, которые вели к серьезным изменениям численности, внутреннего состава всех основных слоев городского населения, к трансформации всей городской структуры в новое качество — социалистическое, что и являлось важнейшей задачей государственной стратегии, проводимой коммунистической партией и правительством. Переписи 1920-х гг. и другие документальные материалы позво-

ляют зафиксировать динамику этих перемен.

Статистический материал в переписях 1920-х гг. систематизировался по следующим социальным категориям: рабочие, служащие, прислуга, лица свободных профессий, хозяева с наемными рабочими, хозяева, использующие труд членов семей, хозяева-одиночки, безработные, деклассированные. В каждой из названных категорий выделялись еще более мелкие группы по профессиям, занимаемой социальной нише в сфере общественного производства и т. д. Подобная дробность социально-профессионального состава не способствовала выявлению четкой социально-классовой структурированности городского населения, но в то же время данные позволяют отследить и провести группировку сведений именно по классовому признаку, т. е. по отношению к средствам производства, роли в общественной организации труда, способу получения и размеру получаемого дохода. По этим признакам определялись основные элементы социальной структуры городского населения Республики Бурятия.

Городское население Бурятии проживало в Верхнеудинске (г. Улан-Удэ), рабочем поселке Нижняя Березовка, Троицкосавске (г. Кяхта), Баргузине (с 1925 г. пос. Баргузин). Общая численность городского населения составляла в 1917 г. 36,3 тыс. человек [1].

С образованием в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР значительно возросла не только общая численность, но изменилась и структура населения. В первые годы восстановительного периода происходят изменения в социальной структуре советского города. Во всей сложности и противоречивости она нашла отражение в материалах городской переписи 1923 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г., Всесоюзной переписи населения 1939 г. Основываясь на этих материалах, рассмотрим соотношение различных классов и социальных групп самодеятельного населения городов Бурятии в 20-е гг. XX в.

Статистические данные отразили существенные изменения, которые произошли в социальном составе населения от 1920-х к 1930-м гг. Как видно из таблицы (табл. 1), в 1920-е гг. в Бурятии, как и в РСФСР, основную массу городского населения составляли самостоятельные хозяева (хозяева с наемными рабочими, хозяева с помогающими членами семьи, хозяева-одиночки), занятые только в сельскохозяйственном производстве и кустарном промысле. Все вместе взятые хозяева составляли в 1923 г. около 33,8 %, а вместе с помогающими членами семьи — 88,9 %, в 1926 г. — 26,6 % и 84,6 % [1]. Данный факт можно объяснить тем обстоятельством, что страна на тот момент была слабо урбанизована, индустриализация только началась, и Бурятия не являлась исключением из правил. Даже по данным переписи 1926 г., в РСФСР число рабочих составляло всего 7 % [2] от всего населения, а служащих — немногим более 5 % [1]. Отмечены в переписи деклассированные (нищие, беспризорные, проститутки), большое число безработных.

Таблица 1

Социальный состав населения Бурятии по городской переписи 1923 г., Всесоюзной переписи населения 1926 г. (в %) [3]

Социальные группы	1923 г.	1926 г.
Рабочие	3,5	7,9
Служащие	5,3	5,9
Лица свободных профессий	0,1	0,1
Хозяева с наемными рабочими	0,8	0,8
Хозяева с помогающими членами семьи	30,5	23,0
Хозяева-одиночки	2,5	2,8
Помогающие члены семьи	55,1	58
Деклассированное население	0,2	0,2
Безработные	1,8	1,4
Прочее население	0,2	0,2
Всего	100	100

В самодеятельном населении еще преобладают и существенно мужчины; женщины сравнительно слабо вовлечены в общественное производство — $\frac{3}{4}$ мужчин, среди служащих их примерно столько же, лица свободных профессий, кроме прачек и акушерок, тоже преимущественно мужчины, женщины встречаются редко (в основном это вдовы в пожилом возрасте) [1]. Несколько больше лиц женского пола среди помогающих членов семьи (почти 68 %) [3], они составляли почти половину всех безработных и деклассированных.

Лица в молодом и среднем, самых трудоспособных возрастах были сосредоточены среди рабочих и служащих, хозяев-одиночек. Много подростков и молодежи среди деклассированных, молодые люди до 30 лет составляли половину всех безработных [4]. Хозяева с наемными рабочими и хозяева с помогающими членами семьи имели пожилой возрастной состав. Также представители данной возрастной группы встречались среди иждивенцев (0,06 %) [3] и деклассированных.

Незначительную часть городского населения составляли рабочий класс и служащие. В основном они были задействованы в 20-е гг. XX в. в государственном секторе хозяйства. Кооперативный сектор в промышленности и торговле был крайне слабым. Часть рабочих и служащих работала в торговле [1]. Основная масса самодеятельного населения к 1930-м гг. занята в разросшемся государственном секторе хозяйства.

С момента образования республики происходит заметное увеличение всего городского населения, прирост которого был однозначно неравномерен в своем процессе. Данное явление объясняется началом интенсивного восстановления всего хозяйства и создания базовой основы промышленности, а в силу этих причин и большим притоком населения в города. Рост городского населения был связан в то время в значительной мере с интенсивным развитием отхода сельских жителей на заработки. Если в условиях 1917–1922 гг. усиливалось движение населения из городов Бурятии, то период с 1923 по 1939 г. (в связи с проводимыми модернизационными мероприятиями в экономике) был периодом нарастания отхода из деревни в город. Удельный вес горожан увеличился за период с 1931 по 1937 г. с 10,4 до 24,6 % [1]. Ежегодно численность городского населения увеличивалась на 16,5 % [1]. При этом следует отметить, что систематический учет переселенцев в первой половине 1930-х гг. не велся, поэтому можно предполагать, что быстрый рост городского населения был вызван миграцией.

Особенностью структуры городского населения того времени была связь горожан с землей, которая характерна для всех социальных групп города. Но если рассматривать подобное явление 1920-х гг., то определенно выявляется, что категория хозяев связана с землей теснее всех других социальных категорий. Хозяева с помогающими членами семьи, хозяева с наемными рабочими и хозяева-одиночки не только владели и обрабатывали собственные подсобные хозяйства в городе, но еще участвовали в полевых работах и в деревне в отличие от остальных социальных групп. Прочная связь с землей существовала у лиц свободных профессий, владеющих наделами: 58 % семейных и 29 % одиноких обрабатывали землю [5]. Слабее эта связь выражена у рабочих: лишь 9,8 % семейных и 23 % одиноких обрабатывали земельные наделы [5]. Это самый низкий показатель среди всех категорий населения, т. к. даже служащих, использовавших землю, насчитывалось 30,1 % и 44,5 % [5].

В первой половине 20-х гг. XX в. доминирующей составной социальной структуры городского населения являлся мелкобуржуазный элемент. Хотя в целом политика ограничения и постепенного вытеснения по отношению к данным представителям продолжала проводиться, развернутое наступление на частный капитал было начато и осуществлено несколько позднее. В этих условиях, будучи далеко немалочисленной категорией в составе городского населения, хозяева сохраняли свою численность и свой удельный вес. Так, хозяева с наемными рабочими, представлявшими самую активную, предпринимательскую часть горожан Бурятии, сохранили свою численность в сравнении с 1923 г., в 1926 г. составив 0,8 % от всего самодеятельного населения городов Бурятии [7]. Часть торговцев, входившая по переписи в состав хозяев с помогающими членами семьи, уменьшается по численности и удельному весу, хотя и менее значительно. Сокращение их по абсолютной численности составило по сравнению с 1923 г.

2,3 %. Однако при учете удельного веса этой категории населения даже подобное сокращение было заметным, поскольку представляли 1/5 всего городского населения.

В социальной структуре городского населения также можно вычленилть и слой рантье, который к концу 1926 г. составил около 1,2 % городского населения. По стране в целом этот слой был несколько меньше, хотя к 1926 г. порядком увеличился и составил 0,1 % [7]. Таким образом, оставаясь по-прежнему самым значимым слоем городского населения, численно он не возрастал, как предпринимательская часть.

Учитывая все эти группы, представленные в переписи, можно сказать, что данные категории, несмотря на существующие условия 20-х гг. XX в., в численности кардинальным изменениям не подверглись.

Причем в городах Бурятии устоявшейся группой являлись хозяева, связанные с кустарной промышленностью и торговлей, тогда как в промышленно развитых районах увеличению подверглась группа хозяев, занятых в сельскохозяйственном производстве. Связано это было с тем, что в городах последней группы районов частнику приходилось конкурировать с крупной многоотраслевой государственной промышленностью, которая быстро восстанавливалась в этих районах и более успешно теснила мелкобуржуазный элемент. Это в значительной мере мешало разворачиванию частной предпринимательской деятельности, в т. ч. и мелкой кустарной промышленности. Хотя частник в этих условиях пытался искать лазейки для развертывания своей предпринимательской деятельности. Проще и надежнее было укреплять позиции в сельскохозяйственных занятиях, тем более что контролировать деятельность частника в этой области оказалось значительно сложнее.

Во второй половине 20-х гг. XX в. численность мелкой буржуазии все-таки претерпела изменения. Сопоставление двух переписей населения 1923 и 1926 гг. дает возможность сделать наблюдения не только о количественных, но и о качественных изменениях этого класса. Различные его группы изменялись неодинаково. Тенденция к удержанию численности объясняется поддержанием его экономического положения в связи с политикой поддержки мелкого кустарного производства со стороны Советского государства в 1920-х гг. Учитывая динамику всех групп мелкобуржуазной среды, можно сказать, что в целом удельный ее вес в социальной структуре городского населения продолжал оставаться заметным, достигая 1/3 от всего самодеятельного населения городов Бурятии.

В структуре городского населения Бурятии определенное место занимали и безработные, составлявшие около 1/5 от всего населения Бурятии, тогда как в СССР в целом их в 1926 г. насчитывалось 900,4 тыс. человек [7]. Большая часть безработных в городах республики имела стаж работы от года и выше, лишь 11 % среди них искало работу впервые [8]. Материалы переписи дают возможность проанализировать социальный состав безработных. На 64,5 % [9] это были рабочие и служащие. Остальная часть безработных была представлена бывшими хозяевами Отходников из деревень, прибывших в город в поисках работы, насчитывалось всего 13,8 % [10]. В 1926 г. в городах безработица имела длительный хронический характер: четвертая часть безработных не имела работы свыше года (среди рабочих — 18 %, а среди служащих — 20 %) [11, с. 42]. Таким образом, безработица была еще очень острой и сложной проблемой.

Однако по сравнению с 1923 г. наметилась тенденция к ее сокращению. Абсолютная численность безработных уменьшилась на 0,4 %. Следует отметить, что сокращение безработных среди городского населения шло более медленными темпами, чем по стране в целом, где сокращение безработных составило на 2,3 %. Однако необходимо отметить, что удельный вес среди самодеятельного населения заметно сокращается, что связано, видимо, с неинтенсивным притоком в города населения из деревень.

Численность деклассированных элементов не подверглась изменениям, и на удельном весе этой категории населения это не отразилось. Причины подобного явления кроются в пополнении категории за счет притока отходников из аграрного сектора.

Группа иждивенцев, входящая в категорию прочего населения, возрастает. Их прирост

был довольно значительным — 3,8 %. Необходимо отметить возросшее число учащихся, получавших пособия — 5,9 % [12, с. 52].

Несмотря на то, что сдвиги в абсолютной и относительной численности классов и социальных групп городского населения Бурятии на первый взгляд невелики, их направленность говорит о глубинных процессах, протекавших и в социальной структуре городского населения 1920-х гг. Прежде всего важно отметить, что дальнейшее укрепление и развитие ведущего в экономике республики социалистического уклада в ходе восстановления народного хозяйства вызвало повышение в структуре городского населения удельного веса связанных с ним рабочих и служащих. До начала 30-х гг. XX в. наметилась тенденция к уменьшению лиц свободных профессий, групп безработных и деклассированных элементов. Направление и темпы изменений в численности отдельных классов, социальных слоев и групп самодеятельного городского населения от 1920-х к 1930-м гг. были различны: для одних классов и социальных слоев характерным являлось увеличение численности, для других, наоборот, резкое сокращение.

Литература

1. НАРБ. Ф. Р. 196. Оп. 1, 4, 13. Д. 101, 104. Л. 1, 5–10, 13, 15–19, 23, 25, 38–40, 61–64.
2. НАРБ. Ф.1. Оп. 1. Д. 2105. Л. 3.
3. Всесоюзная перепись населения. — 1926. — Т. 34.
4. НАРБ. Ф. Р. 248. Оп. 2. Д. 43. Л. 19, 20, 21.
5. ГАРФ. Ф. 382. Оп. 7. Д. 399. Л. 9, 9 об.
6. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизм действия // Вопросы истории. — 1993. — № 7. — С. 37.
7. НАРБ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 124. Л. 2, 2 об.
8. Очерки истории бурятской организации КПСС. — Улан-Удэ, 1970. — 133 с.
9. Бурят-Монгольская правда. — 1932. — № 143(2722). — 20 июня.
10. Рабочий класс Бурятии (1917–1985). — Улан-Удэ, 1999. — С. 40–41.
11. Митупов К. Б.-М. Становление социалистической социальной структуры Бурятии 1938–1960 гг. — Новосибирск, 1986. — 134 с.

References

1. NARB [the National Archives of the Republic of Buryatia], F.R. 196, op. 1, l. 15, l. 16, l. 17, l. 18, l. 19, op. 13, l. 1, l. 6, l. 7, l. 8, l. 9, l. 25, l. l. 61, l. 62, l. 63, l. 64.
2. NARB [National Archives of the Republic of Buryatia], f.1-op.1,d.2105,P.3.
3. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [All-Union census of 1926]. Т. KhKhKhIV. P. 172.
4. NARB [National Archives of the Republic of Buryatia], F.R. 196, op. 1, l. 23, l. 25, l. 37, l. 38, l. 39, l. 40, op. 13, l. 1, l. 6, l. 7, l. 8, l. 9, l. 25.
5. GARF [State Archive of the Russian Federation], f. 382, op. 7, d.399, l. 9, l. 9 ob.
6. Korzhikhina T.P., Figatner Yu.Yu. *Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizm deystviya* [Soviet nomenclature: formation mechanism of action] *Voprosy istorii — Questions of history*. 1993. No. 7. P. 37.
7. NARB [National Archives of the Republic of Buryatia], F. 1-P, op. 1, d. 124, l. 2, l. 2 ob.
8. *Ocherki istorii buryatskoy organizatsii KPSS* [Studies in the History of the CPSU Buryat organization]. Ulan-Ude. 1970. 133 p.
9. «Buryat-Mongol'skaya pravda» — Buryat-Mongolian truth, 1932. 20 iyunya, No. 143(2722).
10. *Rabochiy klass Buryatii (1917 — 1985)* [The working class of Buryatia (1917 — 1985)]. Ulan-Ude. 1999. P. 40–41.
11. Mitupov K. B.-M. *Stanovlenie sotsialisticheskoy sotsial'noy struktury Buryatii 1938–1960* [The formation of socialist social structure of Buryatia 1938 — 1960]. Novosibirsk. 1986. P. 42.

УДК 94:329.78(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-174-179

МОЛОДЕЖЬ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР И КОМСОМОЛ В 1920-е гг.: ПРИЧИНЫ УЧАСТИЯ И НЕУЧАСТИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ

© **Соболева Анастасия Николаевна**

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: soboleva03_88@mail.ru

В статье рассмотрен процесс формирования и развития комсомола Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. Особое внимание уделено анализу причин участия/неучастия молодежи в комсомольской деятельности, очерчены контуры ее социальной активности и социальной апатии. Из общей массы молодого поколения 1920-х гг. выделено несколько типологических групп: приверженцы старых традиционных устоев, отвергавшие социалистические новшества, активисты и пассивные конформисты, замкнутые на своих собственных интересах. Социально-политические представления молодежи во многом носили переходный характер. С одной стороны, продолжался инициированный большевиками процесс отчуждения от реального прошлого России, с другой — важные элементы комсомола сохранялись в сознании всех молодежных групп, особенно крестьянской.

Ключевые слова: молодежь, комсомол, идеология, общество, молодежное движение, политическая социализация, молодежная политика, Бурят-Монгольская АССР.

YOUTH OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR AND KOMSOMOL IN THE 1920s: THE REASONS OF PARTICIPATION OR NON-PARTICIPATION IN ORGANIZATION

Anastasiya N. Soboleva

PhD in History, Junior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

This paper is devoted to the process of formation and development of the Young Communist League (Komsomol) in Buryat-Mongolia in the 1920s. The particular attention is paid to the analysis of the reasons for participation/non-participation of youth in the Komsomol activities, outlined the contours of her social activism and social apathy. Of the total mass of the young generation of the 1920s several typological groups are revealed: supporters of the old traditional habits, rejecting socialist innovations, activists and passive conformists, confined on their own behalf. Social and political views of young people were largely transient in nature. On the one hand, initiated by the Bolsheviks the process of alienation from the real past of Russia went on, on the other hand — its most important elements remained in the minds of all youth groups, particularly in peasants.

Keywords: youth, Komsomol (the Young Communist League), ideology, society, youth movement, political socialization, youth policy, Buryat-Mongolian ASSR.

С приходом к власти в октябре 1917 г. большевики старались взять под свой контроль процесс политической социализации молодежи. Влияние на молодое поколение предполагалось осуществлять прежде всего через Коммунистический союз молодежи. На территории Бурят-Монгольской АССР, так же как и по всей стране, началось формирование комсомольских ячеек. В начале 1920 г. Иркутский губком РКП(б) принял решение: «Признать организацию Коммунистического Союза Молодежи среди бурят необходимой и принять меры к проведению в жизнь Постановления VIII съезда партии о работе среди молодежи» [7, с. 23], а 5 мая 1924 г. в Верхнеудинске открылся первый республиканский съезд РКСМ БМАССР, принявший Постановление об объединении комсомольских организаций в одну организацию — Бурят-Монгольскую областную организация ЛКСМ.

Освещая и анализируя процессы становления молодежного движения и формирования массовых общественных организаций, молодежь прежде всего необходимо рассматривать не только как объект воздействия со стороны государства и его социальных институтов, но и как

активный субъект социальной жизни. Именно социальная активность самой молодежи во многом определяла ее желание участвовать в происходивших преобразованиях. Если вступление в комсомол было практически predetermined, то в дальнейшем степень активности индивидуального участия в работе зависела от самих молодых людей. Поэтому очень важно очертить контуры социальной активности и социальной апатии молодого поколения Бурят-Монгольской АССР, выделить причины его участия/неучастия в комсомольской деятельности.

В качестве одного из аргументов в пользу неуклонного роста авторитета и влияния РКСМ на молодое поколение в советской литературе часто приводились статистические данные о возрастающей численности комсомольцев. Действительно, внешне положительная динамика была очевидна как в целом по стране, так и в исследуемом регионе. Но при анализе численности в начальный период своего существования многие организации охватывали незначительное число молодых людей. Так, на первом республиканском съезде РКСМ БМАССР из числа молодежи присутствовало всего 47 человек [3, д. 58, л. 40, 42].

Одной из основных причин малочисленности молодежи в ячейках РКСМ в первое время являлся запрет родителей на вступление в комсомол. В газете «Бурят-Монгольская правда» писалось: «Организация молодежи натывается на ряд препятствий, и главным тормозом является темнота родителей» [5]. Комсомолка тех лет Т. Рыкова в своих воспоминаниях отмечала: «В первые годы нас, комсомольцев, было мало, так как многие родители запрещали молодежи вступать в комсомол. Большинство населения относилось к нам враждебно. Поэтому приходилось ходить гурьбой с комсомольских собраний и других мероприятий, в нас бросали камнями. Особенно трудно было девушкам, в их адрес неслись потоки матерщины и оскорблений. Были случаи и избиения комсомольцев» [16]. Некоторые родители приходили на комсомольские собрания и за волосы вытаскивали оттуда своих детей, говорили: «Скоро ваш союз распадется, а нам потом за это расплачиваться позором» [1].

Особенно тяжело ячейки комсомола создавались в старообрядческих деревнях республики, где чтили старые прадедовские обычаи, переходящие из поколения в поколение. Молодежь часто слышала от взрослых: «Отцы и деды наши так не жили, и ты не смей» [11]. Местные уставщики пытались влиять на молодежь через родителей: «Если ваши дети не будут молиться Богу и будут продолжать свою “культурку”, то и вы не ходите ко мне в церковь» [1]. В некоторых семьях молодые люди полностью находились под властью стариков. На предложение товарищей вступить в ячейку комсомола они отвечали: «Батяка не велит».

Другой причиной невступления молодежи в комсомол на начальном этапе его существования являлась недостаточность представления комсомольской организации. Многие из вступивших ребят не были достаточно информированы, обладали слабой теоретической подготовкой, заучивали полученные брошюры наизусть и поэтому иногда просто не могли заинтересовать население работой в комсомоле. «Выйдут выступать ребята-комсомольцы с докладом, растеряются и забудут, что нужно говорить. Не говоря уже об ответах, на возникающие вопросы. На этом и заканчивали свое выступление, прикрываясь сильной головной болью или же кашлем» [2]. Так, 7 февраля 1926 г. в Больше-Уринской избе-читальне с докладом выступил комсомолец-активист. Один из присутствующих молодых людей позже поделился впечатлениями: «Доклад состоял из малопонятных для крестьян слов. Люди плохо реагировали на его слова и предпочитали заниматься своими делами. Когда он закончил свой доклад, стоявший возле меня парень промолвил: «Хорошо, что его мало кто слушал, а то, пожалуй, кто и имел хоть какие-то представления о комсомоле, то выслушав его, совсем бы запутался» [4].

Многие комсомольцы не понимали названия тех или иных проводимых общественных кампаний, значение советских аббревиатур. Например, на вопрос «Что такое ОСОАВИАХИМ?» давался такой ответ, как «Серафим». Все это не прибавляло авторитета комсомольской организации.

Некоторые из молодых ребят не находили удовлетворения своим запросам в ячейках комсомола. «Что дает ячейка на сегодняшний день? Ничего. Сухие доклады» [18], «работа ограничивается постановкой спектаклей, зачастую совершенно не считаясь с данным момен-

том, а просто для удовлетворения личной потребности. Проще говоря, поставят спектакль, а после устраивают дискотеку, а нам не до танцулек и спектаклей, уж лучше дома родителям по хозяйству помогать» [8].

Вступлению в комсомол также мешал негативный образ комсомольцев как скандалистов и нарушителей спокойствия, сформированный поведением некоторых членов союза. Например, в 1924 г. двадцать комсомольцев Верхнеудинска решили сорвать крестный ход. Организованно подошли к церкви, стали материться и петь революционные песни [10].

Не прибавляло авторитета организации пьянство и распущенность некоторых комсомольцев. Житель с. Читкан Баргузинского аймака писал письмо в редакцию газеты «Бурят-Монгольская правда»: «Приехал к нам из города комсомолец, чтобы наладить дело в избе-читальне, да вот только не получилось. В избе-читальне постоянно холодно, а вечерами нет света. А ему “некогда”: выпившему гулять по улице с девушками куда интереснее» [13].

Многих представителей молодого поколения интересовали в первую очередь вопросы защиты личных интересов, а возможность отстаивания неких коллективных прав не осознавалась ими в полной мере. Поэтому главный тезис критики комсомольской деятельности на первых порах заключался в том, что она бесполезна. Среди причин невступления в комсомол юноши и девушки выделяли, например, такие: «не интересует работа комсомола», «в ячейках организации скучно и нечего делать», «работа ячейки не приносит удовлетворения», «отталкивает плохое отношение ребят-комсомольцев к девушкам». Действительно, девушек, а особенно сельских, очень трудно было вовлечь в комсомол. Во-первых, сами девушки боялись перешагнуть заветную черту своей жизни, помня слова родителей: «Там тебе делать нечего, не девичье это дело». Во-вторых, если они и решались вступить в ячейку организации, то им мешало пренебрежительное отношение юношей-комсомольцев, которые не видели в девушках равного себе товарища и тем самым отталкивали их от союза. Например, «в с. Кульске местная молодежь, в числе которой были и комсомольцы, свистом, криками, насмешками мешала вести делегатское собрание. У дверей снаружи они натянули веревки, и когда девушки расходились после собрания по домам, то падали, а парни задорно смеялись» [6].

Широкое распространение в 1920-е гг. получили проявления нонконформизма, т. е. уход в себя, в религию [14]. Часть молодежи тяжело переживала период 1920-х гг.: «нэп придавил», «мы сейчас лишние». Э. Эриксон назвал это состояние кризисом идентичности — психическое состояние, когда молодой человек не может найти себя [20]. Таким молодым людям порой казалось, что им в этой новой жизни нет места. Секретарь Тихоновской ячейки Боханского аймака пытался покончить жизнь самоубийством, причинами послужили семейный разлад, бедное хозяйство, «комсомол ничего ему не дал, и он больше не хочет иметь никакого отношения с ячейкой» [3, д. 382, л. 5].

Но, несмотря на существенные барьеры, комсомольское движение в стране и регионе активно развивалось. Об этом свидетельствовал возрастающий из года в год численный состав комсомольцев. Так, если в январе 1924 г. насчитывалось 1 417 комсомольцев, то уже в январе 1925 г. — 3 479 [7]. Значительно укрепились позиции рабочих, за год их количество в комсомольских ячейках возросло с 15,4 до 22,4 %, в первую очередь этому способствовало вступление в ряды комсомола батраков (сельскохозяйственных рабочих). Что касается крестьян, то здесь, напротив, происходит сокращение их численности. Нацеленность союза прежде всего на поддержание интересов молодых рабочих делала его малопривлекательным для крестьянской молодежи. Также необходимо подчеркнуть общественное восприятие эпитета «коммунистический», который в сознании крестьян ассоциировался с негативом.

Во многих селах и улусах республики организация комсомола была настолько непопулярной, что иногда дело доходило до избиения приехавших туда инструкторов. Комсомолец Р. Ширабон вспоминал: «Нас, деревенских комсомольцев, называли безбожниками и чертями. Грозили, что скоро советскую власть ликвидируют, и всех коммунистов, и комсомольцев посадят на колья за наши взгляды. В трудных условиях приходилось работать, но очень хотелось поучаствовать в борьбе за “светлое будущее”. Помню, с каким энтузиазмом члены нашей

ячейки взялись за ломку старого уклада жизни, за установление нового быта. Всем известно, что буряты — это скотоводы-кочевники, мы жили на большом расстоянии друг от друга, но, несмотря на это, регулярно собирались вместе, преодолевая пешком по шесть-семь километров. Засиживались порой до глубокой ночи, обсуждая насущные дела. После таких собраний мы шли в дома бедняков и середняков, рассказывали им о новой советской власти. Безусловно, нам не хватало теоретической подготовки и подчас элементарной грамотности» [19].

Вступление молодежи в комсомол чаще всего происходило из-за ее стремления получить статус взрослого, серьезного человека. Комсомолец тех лет Д. М. Мижидон вспоминал: «Когда мне выдали комсомольский билет, у меня словно выросли крылья, готов был идти и в огонь, и в воду» [15].

Большинство молодых людей становились членами организации из-за желания подражать значимому образу. Комсомолка Д. Ш. Цыбикова рассказывала: «Великий Октябрь я сравниваю с солнцем. В нашу далекую Оку пришла новая власть со своими новыми понятиями, новыми словами. Мы, молодежь, которым не было еще двадцати лет, слушая разговоры старших, уже задумывались о новой жизни. Когда начались разговоры о создании комсомольских ячеек, я была наслышана о подвигах комсомольцев времен Гражданской войны. Мне очень хотелось быть похожей на них. Поэтому я решила вступить в комсомол» [9].

Комсомолец из Думдо-Агинского сомона С. Цыренов на личные средства приобрел буквари и занимался с улусной молодежью. «За недостатком времени мы собирались по ночам в юртах. Иногда не хватало бумаги, и тогда мы использовали кое-какие лоскутки и даже газетные обрывки. От прежних гулянок, посиделок наша молодежь постепенно отходит и начинает интересоваться новостями науки и техники сельского хозяйства» [12].

Поэтому, анализируя мотивы участия, следует различать просто членство, связанное с выполнением ряда формальных требований, и активную работу в рамках организации. Иными словами, вступление в организацию и решение активно в ней работать могли быть мотивированы по-разному. Люди, вступившие в комсомол, позднее проявляли больше склонности к вступлению в другие общественные организации, и те, кто стал лидером в этих организациях, были лидерами в комсомоле. «Можно предположить, — отмечает исследователь С. Соланик, — что у того, кто решил стать активистом в комсомоле, были повышенные личные амбиции, в принципе способные привести к успеху и в других сферах деятельности» [17].

Несмотря на негативные моменты и откровенные «перегибы», комсомол тем не менее служил тем местом, где молодые люди могли ощутить свою значимость. В этой связи у некоторых членов союза появлялась убежденность в своем превосходстве.

Начиная с середины 1920-х гг. РКСМ–ВЛКСМ принимает деятельное участие во всех проводимых государством мероприятиях: коллективизация сельского хозяйства, индустриализация, ликвидация неграмотности и др. Постепенно завоевывая авторитет среди населения, он становился социально-политическим авангардом молодежи и массовой общественно-молодежной организацией. К началу 1930-х гг. на всей территории БМАССР насчитывалось 785 ячеек с общим количеством членов 10 826 [3, д. 835, л. 14]. В последующие годы также наблюдается стабильный рост комсомольской организации.

Таким образом, процесс создания единой республиканской комсомольской организации, состоявшей из первичных ячеек на местах, был сложным и неоднозначным. Ячейки комсомола то возникали, то распадались. Работа по формированию молодежных союзов осуществлялась в тяжелой политической обстановке, когда шла борьба за влияние на молодое поколение, которое было представлено достаточно неоднородно. Из общей массы выделялось несколько типологических групп. Одну из них составляла молодежь, пытающаяся найти себя в новых зарождающихся движениях государственно-политического направления. Ею руководило чувство ответственности не только за себя, но за те группы, в которых она состояла. В другую группу молодежи входили приверженцы старых традиционных привычек, обрядов и обычаев. Эти молодые люди хотели вернуться к устоявшимся религиозным ценностям и отвергали социалистические новшества. Имелась группа пассивных молодых людей, замкнутая пре-

жде всего на своих частных интересах и т. д. Поэтому Коммунистическому союзу молодежи, который в 1920-е гг. только начинал делать свои первые шаги по утверждению монополии в молодежном движении, приходилось активно бороться за вовлечение молодежи в свои ряды.

Литература

1. Божье вмешательство в мирские дела // Бурят-Монгольская правда. — 1924. — № 179. — 15 авг. — С. 2.
2. В начале пути // Молодежь Бурятии. — 1983. — 13 окт. — С. 24.
3. ГАРБ. Ф. П-36. Оп. 1. Д. 58, 382, 835. Л. 5, 14, 40, 42.
4. Горе-докладчик. Бурят-Монгольская правда. — 1926. — № 48. — 3 марта. — С. 3.
5. Деревенская молодежь и РКСМ // Бурят-Монгольская правда. — 1924. — № 136. — 20 июня. — С. 2.
6. Добринский В. Н. Бурятка. — М., 1928. — С. 61.
7. Дыльков Ю. Славный путь комсомола Бурятии. — Улан-Удэ, 1964.
8. Изба-читальня // Бурят-Монгольская правда. — 1924. — № 214. — 25 сент. — С. 3.
9. Краеведческий портал [Электронный ресурс]. — URL: <http://selorodnoe.ru/vid/show/id3632402/>
10. Левский Н. Е. Пекарь-большевик // Молодежь Бурятии. — 1987. — 7 нояб. — С. 4.
11. Лики деревни // Бурят-Монгольская правда. — 1925. — № 99. — 3 мая. — С. 3.
12. Неграмотность ликвидируется // Бурят-Монгольская правда. — 1925. — № 14. — 17 янв. — С. 3.
13. Не могут наладить дело // Бурят-Монгольская правда. — 1925. — № 14. — 17 янв. — С. 3.
14. Палецких О. В. Молодежь Тюменского региона в 1920-е гг.: дис. ...канд. ист. наук. — Тюмень, 2007. — С. 101.
15. Рождение бурятской комсомолки. — Улан-Удэ, 1968. — С. 56.
16. Рыкова Т. Те непростые годы // Молодежь Бурятии. — 1988. — 29 окт. — С. 22.
17. Соланик С. Истоки и следствия нового конфликта «отцов» и «детей» // Социс. — 1992. — № 6. — С. 57.
18. У нашей смены // Бурят-Монгольская правда. — 1926. — № 44. — 26 февр. — С. 3.
19. Ширабон Р. Запишите меня в комсомол // Молодежь Бурятии. — 1984. — 7 июня. — С. 19.
20. Эриксон Э. Г. Детство и общество. — СПб., 2000.

References

1. *Bozh'e vmeshatel'stvo v mirskie dela* [God's intervention in the affairs of the world] Buryat-Mongol'skaya Pravda — Buryat-Mongolian truth. 1924. No. 179. 15 avg. P.2.
2. *V nachale puti* [At the beginning of the path] Molodezh' Buryatii Youth of Buryatia. 1983. 13 okt. C. 24.
3. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia]. F. P-36. Op. 1. D. 58. L. 5, 24, 40, 42.
4. *Gore-dokladchik* [Mountain-Rapporteur]. Buryat-Mongol'skaya Pravda Buryat-Mongolian truth. 1926 g. No. 48. 3 mar. P.3.
5. *Derevenskaya molodezh' i RKSM* [Rural youth and the Revolutionary Communist Union of Youth] Buryat-Mongol'skaya Pravda Buryat-Mongolian truth. 1924 g. No. 136. 20 iyun. P.2.
6. Dobrinskiy V.N. Buryatka [Buryat woman]. Moscow. 1928.
7. Dylykov Yu. *Slavnyy put' komsomola Buryatii* [A nice way of Komsomol Buryatia]. Ulan-Ude. 1964.
8. *Izba-chital'nya* [The reading-room] Buryat-Mongol'skaya Pravda Buryat-Mongolian truth. 1924 g. No. 214. 25 sen. P.3.
9. *Kraevedcheskiy portal* [Local History portal]. <http://selorodnoe.ru/vid/show/id3632402>
10. Levskiy N.E. *Pekar'-bol'shevik* [Baker Bolshevik] Molodezh' Buryatii Youth of Buryatia. 1987. 7 noyab. P.4.
11. *Liki derevni* [Faces Village] Buryat-Mongol'skaya Pravda Buryat-Mongolian truth. 1925. No. 99. 3 maya. P.3.
12. *Negramotnost' likvidiruetsya* [Illiteracy is liquidated] Buryat-Mongol'skaya Pravda Buryat-Mongolian truth. 1925 No. 14. 17 yanv. P.3.
13. *Ne mogut naladii' delo* [Can't get things going] Buryat-Mongol'skaya Pravda Buryat-Mongolian truth. 1925. 17 yanv. No. 14. P. 3.
14. Paletskikh O.V. *Molodezh' Tyumenskogo regiona v 1920-e gg* [Youth of the Tyumen region in 1920].: di p. ...kand. ist. n. Tyumen's, 2007. P. 101.
15. *Rozhdenie buryatskoy komsomolii* [The birth of the Buryat Komsomol]. Ulan-Ude, 1968.
16. Rykova T. *Te neprostye gody* [Those difficult years] Molodezh' Buryatii Youth of Buryatia. 1988. 29 okt. P. 22.
17. Solanik P. *Istoki i sledstviya novogo konflikta «otsov» i «detey»* [The origins and consequences of

- a new conflict of the "fathers" and "children"]1992. No. 6. P. 57.
18. *U nashey smeny* [Our change] Buryat-Mongol'skaya Pravda Buryat-Mongolian truth 1926 No. 44. P.3.
 19. Shirabon R. *Zapishite menya v komsomol* [Write me in the Young Communist League] Molodezh' Buryatii Youth of Buryatia. 1984. 7 iyun.
 20. Erikson E. G. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. St. Petterbur. 2000.

УДК 94:316(571.5)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-180-184

ВОЕННОЕ ГУБЕРНАТОРСТВО ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.): СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

© **Малыгина Ольга Анатольевна**

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: kirienko-o@mail.ru

В статье на основе широкого круга архивных материалов представлен социокультурный портрет Забайкальского военного губернаторства второй половины XIX — начала XX в. Проанализировав послужные списки, автор выявляет особенности формирования губернаторского корпуса региона. Рассмотрены вопросы образования, материального положения начальника Забайкалья. В статье представлены основные виды деятельности высшей администрации области. Проанализировав имеющиеся формулярные списки военных губернаторов Забайкальской области, автор приходит к выводу, что они представляли собой оплот самодержавия на востоке страны, были носителями европейской культуры, «воспитателями» общества, посредниками между периферией и высшей властью в империи.

Ключевые слова: военный губернатор, Забайкальская область, наказной атаман, послужные списки, жалование, Забайкалье, губернаторство.

MILITARY GOVERNORSHIP OF TRANSBAIKALIAN REGION (II HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENT.): A SOCIO-CULTURAL PORTRAIT

Olga A. Malygina

PhD in History, Research Fellow, Institute of Inner Asia, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

In the article on the basis of a wide range of archival materials a socio-cultural portrait of the Transbaikalian military governorship of the II half of the XIXth — early XXth centuries is presented. The author on the basis of analysis of the track records reveals the peculiarities of the region's governorship formation. He considers education, financial position of the «Chief» Trans-baikalia. The article presents the main activities of the supreme administration of the region. After analyzing the available official lists of the military governors of Transbaikalian region, the author comes to the conclusion that they were a bulwark of the autocracy in the east of the country, were representatives of European culture, «educators» of society, as intermediaries between the periphery and the supreme authority of the empire.

Keywords: military governor, Transbaikalian region, ataman, track records, salaries, report, Transbaikalia, governorship.

В 1851 г. с выделением Забайкальской области из Иркутской губернии здесь учреждается должность военного губернатора, который «есть с тем вместе Наказный Атаман Забайкальского казачьего войска». Он назначался в область для «надзора за правильным и успешным действием всех местных установлений» [14]. Архивные источники позволяют нам утверждать, что с момента образования Забайкальской области до 1917 г. ею руководили 19 военных губернаторов [11, с. 215]. Все они были дворянского происхождения, за исключением четверых: И. В. Холщевников и В. И. Марков происходили из купеческих семей, А. И. Кияшко и П. И. Хорошхин — из кубанских и яицких казаков. Средний возраст военных губернаторов на момент назначения составлял 46 лет, из них в возрасте до 30 лет был назначен один, от 31 до 40 — два, от 41 до 50 — тринадцать, от 51 до 61 — три. Таким образом, 68,4 % губернаторов на момент получения назначения в Забайкалье были старше 40 лет. Это самый «губернаторский» возраст: ко времени своего назначения они уже были людьми достаточно опытными, но в то же

время еще не старыми.

Приграничное расположение Забайкалья, выполнявшего роль форпоста для утверждения России на Востоке, наличие здесь крупных воинских соединений, необходимость сочетания гражданского и военного управления в одном лице требовали на посту первого лица человека с хорошей военной подготовкой, способного самостоятельно принимать быстрые решения. Как видно из послужных списков, все 19 военных губернаторов Забайкальской области были профессиональными военными, причем 9 из них закончили Николаевскую академию Генерального штаба — особое учебное заведение, которое готовило военных разведчиков и контрразведчиков [11, с. 215]. Офицеры Генерального штаба (такую приставку они получали к своим общевоинским званиям) умели действовать в сложной ситуации [1, с. 20].

Законодательное оформление процесса назначения и увольнения военного губернатора во вновь образованной Забайкальской области не решило исторически сложившихся кадровых проблем отдаленной от центра территории, усугубленных тем фактом, что периферийный город Чита не отвечал предъявляемым ему требованиям областного центра. Для повышения привлекательности службы на восточных окраинах империи применялась система льгот и привилегий. Это система была действенной: часто чиновники ехали в отдаленные губернии, соблазнившись перспективой одновременного получения положенного годового жалованья и его последующего повышения за выслугу лет. По прибытии в область военному губернатору выплачивались прогонные и подъемные. При назначении 21 июня 1880 г. военным губернатором Забайкальской области Л. И. Ильяшевича ему было выдано 2 000 р. подъемных (для сравнения: в это же время назначенному Иркутским гражданским губернатором И. К. Педашенко было выделено только 900 р.) [5, л. 1, 2]. К началу XX в. сумма подъемных в Забайкальской области составляла 5 000 р. [7, оп. 2, д. 31, л. 56].

За выслугу лет в Забайкальской и Приморских областях во второе пятилетие предоставлялось право на получение прибавочного жалованья в размере 2 500 р. в год [6, д. 6178 л. 78]. Отдельно оплачивалась должность наказного атамана Забайкальского казачьего войска. При вступлении в должность первого военного губернатора генерал-майора П. И. Запольского «Его Величество изволило повелеть производить по одной только должности губернатора по четыре тысячи рублей серебром в год» [10, с. 5; 17, л. 215], оклад наказного атамана, «независимо от содержания, получаемого им по званию Губернатора», составил 2 799 р. 90 к. серебром в год [20, л. 2]. Итого П. Запольский получал 6 799 р. 90 к. в год, или 567 р. в месяц. Согласно штату областного правления, в начале XX в. оклад годового содержания военного губернатора Забайкальской области составлял 10 000 р. в год, а вице-губернатора — 6 000 р. в год [19, л. 249 об.]. Содержание военного губернатора Забайкальской области И. П. Надарова в 1902 г. составляло: жалованье — 10 000 р., столовые — 3 600 р., добавочные за сибирскую службу — 381 р., итого — 13 981 р. в год [6, д. 5178, 517, л. 35 об.].

Помимо жалованья и столовых, военные губернаторы получали квартиру с «полным обзаведением». Строительство губернаторского дома с баней, надворными постройками, обеспечение его мебелью, посудой и прочим в конце XIX — начале XX в. по смете составило 120 тыс. р. [15, с. 20]. По подсчетам Забайкальской администрации устройство крестьянского хозяйства среднего достатка с постройкой дома в это время обходилось в 300–600 р. [9, с. 40]. Впрочем, дом для губернатора так и не был построен. Также в качестве льготы высшим чиновникам на востоке предоставлялся долговременный оплачиваемый отпуск. К примеру, 3 января 1914 г. по соглашению с военным министром военному губернатору А. И. Кияшко был предоставлен четырехмесячный отпуск с сохранением содержания [7, оп. 2, д. 31, л. 182].

Сразу же после подписания указа о назначении военные губернаторы направлялись в Забайкалье. Прибытие в отдаленную область занимало около месяца, а то и двух [6, д. 3151, 6178, л. 1, 2, 9, 15; 7, д. 2, 31, л. 15, 293]. Срок службы военных губернаторов Забайкальской области был следующим: меньше года прослужили 3 губернатора, от года до пяти лет — 13, от шести до десяти лет — 3. С одной стороны, краткий срок службы большинства военных губернаторов, по-видимому, свидетельствовал о нежелании имперского правительства надолго

задерживать высшего чиновника на данной территории из опасения «обрастания» связями, с другой — частая смена «начальников» негативно сказывалась на ведении дел в области. Губернаторы тратили много времени на прибытие, ознакомление с делами и проблемами области, выстраивание взаимоотношений с генерал-губернатором и местной властью, обдумывание концепции развития региона, а после достижения готовности к управлению вверенной территорией их порой практически сразу переводили в другой регион.

В свою очередь, сами военные губернаторы не стремились «осесть» на отдаленной от центра территории и воспринимали назначение в область лишь как определенный этап в карьере. Они поддерживали постоянные связи с Центральной Россией, проводили там с семьями свои отпуска, старались там же отмечать семейные или большие православные праздники [6, д. 3151, л. 182; 7, оп. 2, д. 31, л. 102]. После отставки стремились вернуться в европейскую часть России [20, л. 21].

Анализ отчетов и переписки губернаторского корпуса Забайкалья позволяет говорить о том, что в поле зрения «начальника области» была вся жизнь вверенной ему территории, все направления ее деятельности. Губернатор также был неременным посредническим звеном в обширной переписке между населением области, чиновниками городской, уездной, волостной администрации, с одной стороны, и центральной или генерал-губернаторской властью — с другой. Субординация запрещала прямое обращение «наверх» с прошениями или предложениями. Одной из важнейших обязанностей губернатора было составление ежегодного отчета, роль которого выходила за рамки документа, информирующего центральную администрацию о состоянии области. Губернаторский отчет был одним из основных механизмов взаимодействия между центром и регионом, без которого невозможно построение четкой вертикали власти и правительственного контроля. Он задумывался прежде всего как средство коммуникации центра с периферией. Соответственно его шаблон был призван структурировать и корректировать эту коммуникацию [3, с. 167].

Кроме составления отчетов и ведения иной деловой переписки, инспектирования областных учреждений, военный губернатор Забайкальской области обязан был председательствовать в разного рода учреждениях. С каждым годом количество этих заседаний становилось все больше. В 1871 г. военный губернатор Н. П. Дитмар председательствовал в 6 Забайкальских областных комитетах, к 1895 г. военный губернатор Е. О. Мациевский был председателем 10 комитетов, к 1914 г. под председательством А. И. Кияшко работали уже 12 комитетов [15].

В начале XX в. быть на государственной службе становится уже не так престижно, а порой и опасно. Действия высших чиновников подвергаются безжалостной критике в печати [16, л. 50], они становятся объектом террористических нападений. 15 сентября 1912 г. террористка-одиночка Е. В. Смолянинова покушалась на военного губернатора А. И. Кияшко. Однако тот заверил министра внутренних дел А. А. Макарова, что «подобные выступления не изменят направления его деятельности, какова и впредь будет основана на строгом соблюдении законов и безграничной, не щадя живота, верноподданности обожаемому государю-императору» [12, с. 6; 7, д. 3151 л. 53].

Последним военным губернатором Забайкальской области был В. А. Мустафин. И хотя исследователи считают, что он даже не успел вступить в должность [2, с. 20; 10, с. 89; 12, с. 96], нам удалось обнаружить в архивах документ, согласно которому он по указанию комиссара Временного правительства получал жалованье за свою работу в размере 350 р. 74 к. до 30 апреля 1917 г. [8, л. 19, 22]. Впоследствии должность военного губернатора была заменена должностью Забайкальского областного комиссара.

Образование Забайкальской области и появление должности военного губернатора как ее административного начальника стало важным шагом имперского правительства к укреплению восточных территорий. Военный губернатор Забайкальской области сосредоточивал в своих руках всю полноту гражданской и военной власти, поэтому губернаторский корпус формировался из профессиональных военных, имеющих в то же время опыт гражданского управления. Имея высокое жалованье и значительные льготы по службе, военный губернатор

тем не менее рассматривал область только как возможность для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице. Власть забайкальских военных губернаторов была законодательно ограничена генерал-губернаторской властью. Однако обширные территории, географическая оторванность от имперского центра и центра генерал-губернаторства, отсутствие возможности оперативного согласования проблемных вопросов, упрощенная система административного управления в области при отсутствии коллегиального органа делали губернатора достаточно самостоятельной фигурой в принятии принципиальных решений.

Литература

1. Баринов А. Загадка «надаровщины» // Забайкальский рабочий. — 2007. — № 95. — 24 мая. — С. 20.
2. Баринов А. Невезучий // Забайкальский рабочий. — 2007. — № 68. — 12 апр. — С. 20.
3. Бикташева А. Губернаторский отчет как персональный текст (первая половина XIX в.) // Власть. — 2011. — № 3. — С. 167.
4. Василевский В. С кинжалом на губернатора // Народная газета. — 2000. — 1 нояб. — С. 6.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 1874. Л. 1, 2.
6. ГАЗК Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 6178, 3151. Л. 1, 2, 9, 15, 35 об., 78, 182.
7. ГАЗК Ф. 13. Оп. 2, 4. Д. 2, 31. Л. 15, 53, 56, 102, 293.
8. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1(о). Д. 5347. Л. 19, 22.
9. Иванов А. А., Кальмина Л. В., Курас Л. В. Забайкальская периферия на переломе эпох. — Иркутск, 2012. — С. 40.
10. Константинова Т. А. Губернаторы Забайкалья. 1851–1917 гг. — Чита, 2001. — 91 с.
11. Малыгина О. А. Военный губернатор в имперской системе власти России (на примере Забайкальской области): дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2012. — 222 с.
12. Павлов Ю. А. Военные деятели и гражданская служба на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. — Владивосток, 2006. — С. 96.
13. Памятная книжка Забайкальской области на 1871 г. — Чита, 1871; Памятная книжка Забайкальской области на 1895 г. — Чита, 1895. — Ч. 1; Памятная книжка Забайкальской области на 1914 г. — Чита, 1914.
14. Полный свод законов Российской империи (ПСЗРИ) Собр. II. 1851. Т. XXVI. № 25394.
15. Поломошнов Г. «Бездомные» губернаторы // Забайкальский рабочий. — 1974. — № 222. — 21 сент. — С. 20.
16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1482. Оп. 1. Д. 127.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1149. Оп. 4. Д. 50.
18. РГИА. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.
19. РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1005. Л. 249 об.
20. РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 133. Л. 21.

References

1. Barinov A. «Zagadka «nadarovshchiny» [“Mystery” nadarovschiny] Zabaykal'skiy rabochiy — Zabaikal'skii work. 2007. No 95 (24 maya). P. 20.
2. Barinov A. Nevezuchiy [Accident-prone] Zabaykal'skiy rabochiy — Zabaikal'skii work. 2007. No. 68 (12 apr.). P. 20
3. Biktasheva A. *Gubernatorskiy otchet kak personal'nyy tekst* (pervaya polovina XIX v.) [Governor's report as a personal text (the first half of the XIX century.)] *Vlast' — Power*. 2011. No. 3. P. 167.
4. Vasilevskiy V. *S kinzhalom na gubernatora* [With a dagger at the governor] *Narodnaya gazeta*. 2000. 1 noyab. P. 6.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykal'skogo kraya* [The State Archives of the Trans-Baikal Territory F. 1 (o). Op. 1. D.1874
6. GAZK [State Archive of the Trans-Baikal Territory]. F. 1(o). Op. 1. D. 6178. 3151. P. 1, 2, 9, 15, 35 ob., 78, 182.
7. GAZK [State Archive of the Trans-Baikal Territory]. F. 13. Op. 2. D. 2. 31. P. 15, 53, 56, 102, 293.
8. GAZK [State Archive of the Trans-Baikal Territory]. F. 1. Op. 1(o). D. 5347. P. 19, 22.
9. Ivanov A.A., Kal'mina L.V., Kuras L.V. *Zabaykal'skaya periferiya na perelome epoch* [Transbaikalskaya peripherals at the turn of epochs]. Irkutsk. 2012. P. 40.
10. Konstantinova T.A. *Gubernatory Zabaykal'ya*. 1851-1917 gg. [Gubernatory Zabaykal'ya. 1851-1917 gg.]. Chita. 2001. 91 p.
11. Malygina O.A. *Voennyy gubernator v imperskoy sisteme vlasti Rossii (na primere Zabaykal'skoy oblasti)* [The military governor of the imperial system of power in Russia (for example, the Trans-Baikal

- region)]: Diss....kand. ist. nauk. Ulan-Ude. 2012. P. 222.
12. Pavlov Yu.A. Voennye deyateli i grazhdanskaya sluzhba na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.: Dis p. ... kand. ist. Nauk [Military leaders and the civil service in the Far East of Russia in the second half of XIX - early XX centurie p.]. Vladivostok. 2006. P. 96.
 13. Podschitano: *Pamyatnaya knizhka Zabaykal'skoy oblasti* [It is estimated: Commemorative book the Trans-Baikal region]. 1871 g. Chita, 1871. P. 10, 13 - 15, 20, 40, 50; *Pamyatnaya knizhka Zabaykal'skoy oblasti na 1895 g. Ch. 1.* Chita. 1895. P. 8, 10, 14, 16, 17-20, 26, 32; *Pamyatnaya knizhka Zabaykal'skoy oblasti na 1914 g.* Chita. 1914. Pp. 266. 271 - 274.
 14. *Polnyy svod zakonov Rossiyskoy imperii (dalee — PSZRI)* [Full set of laws of the Russian Empire] Sobr. II. 1851. Part. 26. No. 25394.
 15. Polomoshnov G. «Bezdomnye» gubernatory [“Homeless” governors] *Zabaykal'skiy rabochiy — Zabaikal'skii work.* 1974. 21 sent. (No. 222). P. 20.
 16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv (dalee — RGVIA)* [The Russian State Military History Archive] F. 1482. Op. 1. D. 127.
 17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv (dalee — RGIA)* [The The Russian State Historical Archives (hereinafter - RSHA)] F. 1149. Op. 4. D. 50
 18. RGIA [The The Russian State Historical Archives]. F. 1265. Op. 1. D. 82.
 19. RGIA [The The Russian State Historical Archives]. F. 560. Op. 28. D. 1005.
 20. RGIA [The The Russian State Historical Archives]. F. 789. Op. 11. D. 133.

УДК 008

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-185-189

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК «ТЕКСТ» КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА

© **Миронова Гуля Александровна**

кандидат культурологии, консультант Министерства культуры Республики Бурятия
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 30
E-mail: udiana@mail.ru

Статья посвящена формированию культурного ландшафта в Бурятии с кочевой культуры до индустриальной, связанной с присоединением Бурятии к России. Обозначены основные периоды и этапы формирования культурного ландшафта Бурятии. Определено, что процесс изменения культурного ландшафта связан во многом с изменением государственного устройства, с развитием экономики, промышленности, культуры, с внедрением культурных инноваций. В теоретическом осмыслении понятие «культурный ландшафт» рассматривается как своеобразное «зеркало», отражающее определенное видение мира, мироощущение и историческое самосознание народа. Ландшафт — это множество метафор, символов, знаков, находящихся в коммуникативных отношениях. Культурный ландшафт отражает процесс формирования жизненного пространства — культурного, городского, сельского, индустриального, религиозного, сакрального. И, наконец, культурный ландшафт — это особая форма культуры, которая формируется в определенный исторический отрезок, на определенном этапе развития общества, в определенной природно-климатической зоне, у определенного этноса и представляет собой уникальный «текст» культуры.

Ключевые слова: ландшафт, ландшафтоведение, философские категории, локальная территория, степная и лесостепная зона, кочевая культура, индустриальная культура, культура советской эпохи.

CULTURAL LANDSCAPE AS A TEXT OF REGION'S CULTURE

Gulya A. Mironova

PhD in Culture studies, consultant of the Ministry of Culture of the Republic of Buryatia
30 Lenina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the formation of the cultural landscape in Buryatia since the nomadic culture to an industrial one, concerned with the joining of the Republic of Buryatia to Russia, the key periods and stages of formation of the cultural landscape of Buryatia are identified. It is determined that the process of change in a cultural landscape is mostly concerned with the change of government structure, with the development of economy, industry, culture, with the introduction of cultural innovations. In theoretical understanding of the concept «cultural landscape», it is regarded as a kind of «mirror» that reflects a certain vision of the world, worldview and historical consciousness of a people, so the landscape means in many ways, a lot of metaphors, symbols, signs, being in communicative relationship. The cultural landscape also reflects the process of formation of living space — cultural urban one and rural landscape, industrial, religious, sacral landscape. Finally, the cultural landscape as a special form of culture, that forms in a certain historical period, at a certain stage of society development, in a particular natural and climatic zone, in a certain ethnic group and represents itself a unique «text» of culture.

Keywords: landscape, landscape studies, philosophical categories, local area, steppe and forest steppe area, nomadic culture, industrial culture, culture of the Soviet era.

Процесс формирования культурного ландшафта в Республике Бурятия, если рассматривать с точки зрения ландшафтоведения, — это сравнительно новое научное направление, сложившееся во второй половине XX в. К исследованию необходимо «подойти» с позиций междисциплинарного подхода, философии, исторической географии, истории, культурологии, также с экономических и политических основ развития локальной территории.

Многие исследователи рассматривали категорию «культурный ландшафт» с различных позиций:

- С философских, например, О. А. Лавренева в исследовании, посвященном философским категориям культурного ландшафта. В гипотезе исследования автор выдвигает

один из тезисов, что культурный ландшафт представляет собой множество метафор, символов, знаков, находящихся в коммуникативных отношениях, и может быть интерпретирован и прочитан как текст в его широком культурологическом значении, обладающий сакральной, темпоральной, исторической семантикой и содержащий те или иные сообщения — «послания» культуры самой себе [1, с. 13].

- С культурологических, по мнению М. А. Махотловой, культурный ландшафт — своеобразное «зеркало», отражающее определенное видение мира, неповторимое мироощущение народа, сотворившего «рукотворную природу», представленную отдельными структурами и микроструктурами, совокупность которых образует содержательное строение окружающего мира, его целостную семантическую структуру. Культурный ландшафт — это особая форма культуры, которая формируется в определенный исторический отрезок, на определенном этапе развития общества, в определенной природно-климатической зоне, у определенного этноса и представляет собой уникальный «текст» [2, с. 3]. На всем пространстве Бурятии можно «прочитать» все эпохи от древности до наших дней.
- С точки зрения архитектуры формирование сибирских городов связано с освоением жизненного пространства. Так, М. В. Скуднева в диссертационном исследовании, касающемся в основном городов Западной Сибири, пишет, что природная среда всегда воспринималась народными зодчими как важное начало формирования жизненного пространства — культурного городского ландшафта. Природное окружение влияло на визуальное восприятие города, планировочные и композиционные приемы, местоположение крепости, посада, монастырских комплексов, высоту и взаиморасположение общественных, церковных и жилых построек, составляющих главные узлы города, архитектурные ансамбли которых можно было наблюдать с различных видовых точек, будь то реки или суша [3, с. 9].

Исторические исследования городов и сел в новейшей истории России представляют собой целый спектр. Так, в исследовании А. С. Бреславского современный город представляет собой метатекст: Улан-Удэ являет собой пример полисемантического пространства, в котором сосуществуют, изменяются и взаимодействуют различные культурные контексты, сформировавшиеся на протяжении всей истории города, от Удинского зимовья до столицы Республики Бурятия. Одновременно постсоветская модернизация вносит в формирующийся городской культурный «метатекст» новые коннотации и нюансы, во многом определяющие, с одной стороны, настроения и оценки горожан, а с другой — цели, направления и способы развития города в различных аспектах [4, с. 3].

Если рассмотреть процесс формирования культурного ландшафта в Бурятии, то можно определить несколько этапов и периодов, отразивших исторические процессы развития региона.

- I. Культурный ландшафт степной и лесостепной зоны с характерными чертами культуры кочевников Центральной Азии.
- II. Период освоения Сибири Российским государством, вылившийся в целостный исторический процесс «трансляции» русской культуры, связанной с сооружением военно-оборонительных укреплений-острогов, со строительством городов и деревень с характерными чертами русского деревянного зодчества, каменного строительства церквей и усадеб в XVII–XIX вв.
- III. Распространение буддизма с сопредельных стран Центральной Азии — Тибета, Монголии, Китая, на территорию региона связано во многом с формированием буддийской художественной культуры в XVIII–XIX вв., когда изменяется пространство собственно бурятской родовой структуры поселений-улусов, «отоков», где центральное место занимают уже дацаны, представляющие собой комплексы.
- IV. В начале XX в. идет активный процесс внедрения индустриальной культуры в ландшафт региона со строительством Транссибирской магистрали, заводов и фабрик, свя-

занных с первоначальной капитализацией общества.

- V. Изменение всего культурного ландшафта региона, связанное с преобразованиями советской эпохи, с формированием архитектуры жилых и общественных зданий и строительством фабрик и заводов в советскую эпоху, изменяется поселенческая структура региона, появляются моногорода, крупные административные районные центры, железнодорожные станции, а также новые символы-памятники, отражающие идеологию советского государства.
- VI. В конце XX — начале XXI в. в связи с изменениями общественно-политического устройства государства, с изменением экономической структуры общества появляются новые торговые комплексы из стекла и бетона в городах и селах региона, офисы различных компаний и фирм, изменяется в целом облик городов и сел, связанный с формированием исторического самосознания в обществе, характерны также инновации по внедрению скульптурных композиций в культурное пространство городов и сел.

Данная периодизация не может рассматриваться как нечто окончательное, здесь только попытка осмысления процесса формирования культурного ландшафта региона и отслеживание времени и основы формирования материального культурного и художественного наследия.

Если рассмотреть основные признаки и смыслы культурного ландшафта с позиций теории ландшафтоведения и с позиций развития общества, то можно выделить несколько характерных черт и примеров, касающихся каждого периода:

1. Для первоначального периода характерна территория традиционного проживания бурят, относящаяся к обширному монгольскому миру. По описанию Спафария, «юрты у братьев войлочные, а платья носят по-калмыцки, и скота всякого — коней, коров и овец — много» [5, с. 111]. Монголы «имеют над всеми тайшами начальника Очироя Саин-хана, а в духовных имеют большого жреца кутухту-ламу». Часть монголов кочует «неподалеку от Селенгинского острога, потому что у них городов и сел нет, и для того кочуют по степям в юртах войлочных для прокормления многого скота их» [5, с. 128].
2. Второй период связан с освоением Сибири Российским государством. Известно, что с основанием острогов начинает осваиваться путь в Забайкалье. После появления сети острогов следующей ступенью в развитии русской поселенческой системы стало появление сел, деревень. Это был процесс продвижения культуры русских городов в пределы Азии, в лесотепную и степную части Евразийского континента, повлекшее за собой изменение культурного ландшафта.
3. Третий период связан с продвижением буддийской художественной культуры и архитектуры в XVIII в. Согласно исследованиям К. М. Герасимовой, фактическая реконструкция архитектурного облика была произведена дважды: в первой трети XIX в. когда войлочные дуганы были заменены деревянными зданиями, и с последней четверти XIX — до конца первой четверти XX в., когда произошла стилевая реконструкция. Архитектура первых деревянных и каменных зданий дацанов отличалась влиянием русского церковного зодчества, позднее она стала носить «восточный стиль» с элементами тибетских и китайских традиций. Бурятский дацан представляет собой, по выражению К. М. Герасимовой, «стационарные поселки: их центральную часть занимал храмовый комплекс, огороженный стеной с главными воротами на южной стороне, второстепенными — на западной и восточной. С внешней стороны располагались субурганы, здания богословских школ, печатни, склады баров (ксилографических матриц для печатания книг и культовых изображений) и другие хозяйственные помещения дацана. Планировка расположения храмов на площади внутри монастырской стены в каждом дацане решалась по-своему, но цокчен (соборный храм) обычно располагался в центре» [6, с. 117].
4. Внедрение индустриальной культуры в ландшафт региона охватывает период в истории, названный многими авторами как период российской урбанизации, которая

положила начало промышленной революции, а также комплексу социально-экономических и политических преобразований 1860–1870-х гг. [7, с. 44–45]. Здесь можно согласиться с мнением автора с учетом того, что городское и промышленное освоение территорий Байкальского региона действительно связано с процессом освоения новых территорий.

5. Советская эпоха изменила практически весь облик городов и поселений. Ярким примером может служить площадь Советов г. Улан-Удэ, где центральное место занимают здания государственных учреждений и правительственных зданий, в облике зданий представлена символика Советского государства — памятник В. И. Ленину, улицы названы именами революционеров и героев Гражданской войны.
6. Постсоветский период характеризуется тем, что при содействии скульпторов, художников, мастеров по декоративно-художественному творчеству, культурный ландшафт Бурятии, особенно г. Улан-Удэ, получил новое звучание, свидетельствующее о развитии художественного творчества, о формировании национально-культурного и этнического самосознания, созданные ими скульптурные композиции и памятники истории и культуры можно отнести и к формированию материального художественного наследия в регионе.

На улицы, площади и парки городов и сел «выходят», безусловно, востребованные обществом художественные «вещи». Если рассмотреть художественную палитру городского культурного ландшафта г. Улан-Удэ — столицы Бурятии, то можно «прочитать» весь спектр «напластований» культур и эпох.

На появление новых исторических художественных памятников, композиций повлияло в первую очередь изменение общественно-политического формата общества, возможности исторической, политической и этнической идентификации посредством установки памятных знаков, символических памятников, отражающих историю и культуру народа. Названия памятников, скульптурных композиций, таких как «Мать-Бурятия», «Мэргэн», «Воины-стражники», «Орел», «Молодая Бурятия», «Лани», памятники мемориального характера, посвященные прима-балерине бурятского народа Л. Сахьяновой, свидетельствуют о многом. Есть памятные знаки — «сэргэ», коновязь «Гэсэра», на излучине реки Селенги, на сопке «Бага толгой» недалеко от г. Улан-Удэ, поставлены памятники о хождении хори-бурят к Петру I, отмечен в бронзе и проезд на о. Сахалин через г. Верхнеудинск известного писателя А. П. Чехова.

Таким образом, процесс изменения культурного ландшафта связан во многом с изменением государственного устройства, с развитием экономики, промышленности, культуры, с внедрением культурных инноваций, не характерных для традиционной культуры данного региона:

- культурный ландшафт — своеобразное «зеркало», отражающее определенное видение мира, мироощущение и историческое самосознание народа;
- культурный ландшафт представляет множество метафор, символов, знаков, находящихся в коммуникативных отношениях;
- культурный ландшафт как особая форма культуры, которая формируется в определенный исторический отрезок, на определенном этапе развития общества, в определенной природно-климатической зоне, у определенного этноса и представляет собой уникальный «текст» культуры;
- культурный ландшафт отражает процесс формирования жизненного пространства — культурного, городского, сельского, индустриального, религиозного, сакрального;
- культурный ландшафт — пример полисемантического пространства, в котором сосуществуют, изменяются и взаимодействуют различные культурные контексты.

И в заключение необходимо отметить, что сохранены традиции бурятского народа в культурном ландшафте. Сегодня культурный ландшафт региона представляет собой достаточно интересный и во многом сложносоставной ландшафт — это памятники древности, плиточные могилы и «херексуры», развивающиеся ленточки на деревьях, на всех горных перевалах, свидетельствующие об архаичном веровании бурят, почитающих «хозяев» местностей, духов

гор и скал, субурганы-ступы, сооруженные в память о буддийских иерархах, внесших значительный вклад в распространение вероучения, дацанские комплексы. Вместе с тем наблюдаются некоторые инновации в городах и селениях, где соседствуют православные храмы, буддийские дацаны, дуганы, мечеть, строятся юрточные комплексы для отдыха и приема туристов, кафе и закусочные, напоминающие очертаниями войлочные юрты. Промышленная застройка с советских времен остается доминирующей, хотя появляются офисы, торговые центры из стекла и бетона. Культурный ландшафт Бурятии — это «текст» культуры, который необходимо «читать».

Литература

1. Лавреница О. А. Семантика культурного ландшафта: автореф. дис. ... д-ра филос. Наук. — Москва, 2010.
2. Махотлова М. А. культурный ландшафт: этнический дискурс: автор. дис. канд. культурологии. — Краснодар, 2010.
3. Скуднева М. В. Культурный ландшафт исторического города Сибири: дис. ... канд. архитектуры. — Новосибирск, 2005. — 197 с.
4. Бреславский А. С. Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ (1991–2010 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Улан-Удэ, 2011.
5. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Записки Русского географического общества. — СПб., 1882. — Т. 10, вып. 1. Цит.: Л. Р. Павлинская. Буряты. Очерки этнической истории. Европейский Дом. — СПб., 2008.
6. Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XIX века. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. — Новосибирск: Наука, 1983. — 232 с.
7. Сенявский А. С. Модернизационный процесс в XX веке: общероссийские и региональные аспекты (теоретико-методологические проблемы). Индустриальное развитие Сибири в контексте модернизационных процессов: материалы науч. конф., посв. 85-летию проф. Е. Е. Тармаханова. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. — 158 с.

References

1. O. A. Lavrenitsa. *Semantika kul'turnogo landshafta. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora filosofskikh nauk* [The semantics of the cultural landscape. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philosophy]. Moskva. 2010
2. M. A. Makhotlova. *kul'turnyy landshaft: etnicheskyy diskurs p. avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata kul'turologii* [Cultural Landscape: ethnic discourse. thesis abstract on competition of a scientific degree of candidate of cultural]. Krasnodar. 2010.
3. Skudneva Marina Valer'evna. *Kul'turnyy landshaft istoricheskogo goroda Sibiri: dissertatsiya kandidata arkhitektury: 18.00.01* [The cultural landscape of the historic city of Siberia: the dissertation of the candidate of architecture]. Novosibirsk. 2005. 197 p. + Pril.(49 p.: il.).
4. A. P. Breslavskiy. *Kul'turnoe prostranstvo postsovetskogo Ulan-Ude (1991–2010gg). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The cultural space of the former Soviet Ulan-Ude (1991–2010gg). Abstract of dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Ulan-Ude.2011.
5. Spafariy N. *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhnyy dnevniki Spafariya s vvedeniem i primechaniyami Yu.V.Arsen'eva* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China Russian envoy Nikolai Spafariy in 1675. Travel blog Spafariy with introduction and notes Yu.V.Arseneva]. Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva. S-Peterburg. 1882. L.R. Pavlinskaya. Buryaty. Ocherki etnicheskoy istorii. Evropeyskiy Dom. Sankt-Peterburg. 2008. P.111,128.
6. Galdanova G. R, Gerasimova K. M, Dashiev D. B i dr. *Lamaizm v Buryatii XVIII-nachala XIX veka. Struktura i sotsial'naya rol' kul'tovoy sistemy* [Lamaism in Buryatia XVIII-early XIX century. The structure and the social role of the cult] Novosibirsk: Nauka. 1983. P. 232.
7. A. P. Senyavskiy. *Modernizatsionnyy protsess v KhKh veke: obshcherossiyskie i regional'nye aspekty (teoretiko-metodologicheskie problemy). Industrial'noe razvitie Sibiri v kontekste modernizatsionnykh protsessov* [Modernization processes in the twentieth century: national and regional aspects (theoretical and methodological problems). The industrial development of Siberia in the context of modernization processes] Proceedings of the conference, the 85th anniversary of passage of prof. E. E.Tarmahanova. Ulan-Ude. 2007. P.158.

УДК 94 (571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-190-194

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» БАМА: ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

© Байкалов Николай Сергеевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: baikalov@bsu.ru

Статья посвящена описанию советского мифа о БАМе, сформировавшегося в период сооружения магистрали в советской публицистике и прочно укоренившегося в сознании строителей. Автор анализирует основные атрибуты официального образа БАМа, такие как интернационализм, футуризм, военная символика и др. Описываются способы вписывания стройки века в общую историческую логику освоения Сибири и Дальнего Востока. Уделяется внимание характеристике путей и сценариев героизации биографий строителей в советской печати. Рассматриваются атрибуты неофициального образа БАМа, такие как привилегированное снабжение, большие заработки, спекуляции дефицитными товарами. Автор приходит к заключению, что неофициальный образ БАМа развивался по заданной официальной советской пропагандой траектории и в целом реализовывал идеологический концепт «БАМ — дорога в будущее». По этой причине с распадом СССР и деидеологизацией советского прошлого переосмысления БАМа в массовом сознании бамовцев не произошло. Напротив, на контрасте с депрессивными 1990-ми годами время сооружения магистрали стало восприниматься как «золотой век» в жизни населения бамовских городов и поселков. Сегодня этот миф выступает важным ресурсом коллективной идентичности и часто определяет выбор дальнейших стратегий развития локальных сообществ.

Ключевые слова: БАМ, мифология, советская пропаганда, публицистика, дискурс, стратегия развития, локальные сообщества.

«GOLDEN AGE» OF BAM: THE PROBLEMS OF THE SOVIET MYTH-MAKING

Nikolai S. Baikalov

PhD in History, A/Professor of the Buryatia History Chair, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article describes the Soviet myth of the BAM, formed during the construction of Baikal-Amur Mainline in Soviet journalism, and firmly entrenched in the minds of the builders. The author analyzes the main attributes of the official image of the BAM, such as internationalism, futurism, military symbolism etc. He describes the ways of incorporating of the BAM construction to the overall logic of the historical development of Siberia and the Far East. The article considers the glorification scenarios of builders' biographies in the Soviet press. There are informal attributes of the BAM image, such as privileged provision, high salaries, deficit goods speculation. The author concludes that the informal BAM image developed by given official Soviet propaganda trajectory and, in general, implemented the ideological concept of «BAM — the path to the future.» Consequently, with de-ideologization of the Soviet past after the collapse of the Soviet Union rethinking of BAM didn't happen in the BAMers consciousness. On the other hand, in contrast to the depressed 1990s the period of mainline construction was seen as a golden age in the life of the population in BAM cities and towns. Today this myth is an important resource of collective identity and often determines the choice of further strategies for the development of local communities.

Keywords: BAM, mythology, Soviet propaganda, journalism, discourse, development strategy, local community.

Байкало-Амурская магистраль проектировалась как составная часть комплексного проекта по освоению значительных природных богатств районов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Первоначально планировалось создание более десятка территориально-производственных комплексов вдоль магистрали. Распад СССР и рыночные реформы 1990-х гг. не позволили реализоваться данным планам. Многочисленные поселения зоны БАМа столкнулись с проблемой преодоления монопрофильной ориентации поселений через развитие

непроизводственных отраслей (туризма и сервиса) или привлечение инвестиций в освоение месторождений полезных ископаемых. Местные городские сообщества оказались в кризисной ситуации, характеризующейся официальными властями как депрессивность.

Ключевым ресурсом формирования городской идентичности и выработки новых стратегий выживания выступает миф о «золотом веке» — совокупность представлений о расцвете БАМа в прошлом, присутствующий во всех биографических интервью. Как отмечал Р. Барт, миф соединяет в себе рациональное и иррациональное, поскольку человек пытается достичь ясной картины окружающего мира и в мифе находит успокоение [1]. В то же время мифологическое не проверяется, ему нет соответствия в действительности. Синхронический аспект мифа выступает как средство объяснения настоящего. В данной работе предпринята попытка описать основные характеристики «бамовского» мифа.

Структурообразующим ядром официального дискурса о БАМе стала концепция всесоюзной ударной комсомольской стройки. Она определила критерии отбора атрибутов образа, такие как интернационализм, милитаризм, триумф человека над природой, молодежность, БАМ как путь к коммунизму.

Интернациональные идеи нашли отражение в таких тропах, как «всемирная стройка», «стройка дружбы», «БАМ строит вся страна» и т. д. Мультиэтнический состав строителей обеспечивался системой шефской помощи БАМу, когда за каждой союзной республикой закреплялось сооружение железнодорожной станции и населенного пункта вдоль магистрали. «Журналисты редко упоминали национальность строителя БАМа, если он являлся русским, украинцем или белорусом, и в то же время тщательно заботились, чтобы упомянуть родную республику любого бамовца неславянского происхождения» [2]. Однако скрытая напряженность в межэтнических отношениях часто встречается в биографических нарративах строителей. «Они (представители шефской республики — Н. Б.) всегда держались особняком, с местными держались высокомерно, не общались... У них было свое спецснабжение» [3].

Милитаризация образа БАМа выражалась в широком использовании лексики с военной семантикой в публицистических текстах. Журналисты представляли бамовцев как военный авангард, называли рабочих бойцами, а их производственные достижения — завоеваниями. Повсеместное распространение получил троп «ударная стройка». Каждый этап строительства посвящался годовщинам Октябрьской революции и Гражданской войны, Великой Отечественной войны. В организации рабочей силы использовалась система комсомольских отрядов с разветвленной титулатурой (командиры, комиссары и т. д.). Использование военной семантики, уподобление стройки века победе в Великой Отечественной войне романтизировало и героизировало БАМ, стимулируя сюда приток молодых рабочих.

В официальном образе БАМа получила реализацию модель постсталинского прометеизма, при котором завоевание природы технологиями рассматривалось как панацея от различных политических, социальных и экономических проблем. Строители БАМа успешно покоряли природу, несмотря на высокую сейсмичность, вечную мерзлоту, незаселенность большей части территории прохождения дороги. В СМИ постоянно приводились примеры прихода цивилизации в глухую тайгу, преувеличивалась комфортность условий труда и быта.

Основной идеологической задачей мегапроекта являлось укрепление ослабевающей веры граждан в советские социалистические идеалы, консолидация разочаровавшихся групп населения и канализация их социальной энергии в лояльное власти русло. Поэтому большое внимание уделялось мобилизации на БАМ молодежи, что нашло отражение в таких лозунгах, как «БАМ — дело молодых», «Мы строим БАМ, БАМ строит нас», «Дорога мужества», «Испытание трассой».

Миссия БАМа раскрывалась в концептах «дорога в будущее», «стройка века», «путь к коммунизму». «Для БАМа география и климат решающего значения не имеют. Потому что БАМ начинается в сердце и мыслях человека: с волнения в душе, с размышлений о месте и пути среди людей...» [4].

Великая стройка нуждалась в своей великой героической истории. В условиях «отсут-

ствия» добамовского прошлого у территории («район пионерного освоения») советская публицистика при конструировании исторического нарратива часто пыталась оттолкнуться от записок дореволюционных путешественников, политических ссыльных, от истории сооружения Транссибирской магистрали («Второй Транссиб»). Другим распространенным сюжетом стали геологоразведочные работы, ведущиеся в крае в 1930–1940-е гг. Эпизоды, связанные с историей местного населения, как непопадающие в официальный, колониционный дискурс, не привлекали внимания.

БАМ часто ставился в один ряд с другими советскими стройками-гигантами, такими как Турксиб, Беломорканал, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре или освоение целины. При этом история БАМЛАГа, уместная при подобных аналогиях, не озвучивалась.

Главным героем БАМа был строитель. Это сильный, открытый, бескорыстный человек, который способен перезимовать в армейской палатке, перенести любые бытовые неудобства, который не интересуется деньгами и никогда не оставляет запертой дверь своего дома. Образ строителя-первопроходца и строителя-передовика часто соединялся в публицистике с хрестоматийными героями-революционерами.

«Нет, еще не перевелись Павки Корчагины, и от этого сердце переполняется радостью, гордостью за мое поколение. Ты знаешь, я всегда завидовала тем, кто воевал, тем, кто строил Комсомольск-на-Амуре. Я преклоняюсь перед ними, но буду преклоняться и перед теми, кто вынесет на плечах БАМ...» [5]. По воспоминаниям строителей Таксимо, они планировали построить на месте старого поселка город Корчагин, но власти не одобрили это название, сославшись на невозможность называть советские города в честь литературных героев.

Официально публикуемые биографии бамовцев выдерживались, по выражению американского исследователя БАМа К. Уорда, в жанровых рамках православной агиографической литературы [2]. Типичный сценарий предполагал, что молодой человек с тревогой пытается обнаружить смысл жизни и, не обнаружив его в рутине столичной повседневности, попадает на БАМ. Там после испытания суровым климатом, тайгой и коллективом, он обретает подлинные ценности, совпадающие с лучшими советскими идеалами. Теперь новоиспеченный бамовец призывает читателей последовать его примеру.

«И когда под звуки марша из автобусов высыпают бойцы ударного комсомольского отряда, в новенькой зеленой униформе, при галстуках, с нашивками «БАМ» на груди и на рукаве... становится тесно среди провожающих и обидно от бессилия сбросить с себя пару десятков лет, выломиться из привычного уклада и встать под реюющие над головами бойцов транспаранты «Даешь Байкало-Амур!» [6].

Наряду с официальным дискурсом о БАМе существовал также полуофициальный и неофициальный, представленные районными СМИ, мемуаристкой, личной перепиской. Не расходясь с «генеральной линией» в оценке БАМа как закономерного этапа развития производительных сил Сибири и Дальнего Востока, акценты на региональном и местном уровнях переносились в личностное поле. В 1970-е — начале 1980-х гг. комсомольские идеалы все больше входили в противоречие с отравленной формализмом советской действительностью. Для многих БАМ, провозглашенный ударной комсомольской стройкой, стал символом истинной, неподдельной жизни. Молодые люди устремились на строительство магистрали не ради осуществления провозглашенных государством лозунгов, а в надежде обрести подлинный смысл жизни, преодолеть ее двойственность и формализм, проверить те идеалы, которые на большой земле уже давно стали заученными наизусть идеологическими лозунгами.

«Дорога... часто была подобна тому сказочному зеркалу, которое отражало, возвращало истинные ценности в первоначальном неискаженном виде... Мне могут возразить: а стоило ли ехать так далеко, чтобы понять всем известные вещи. Я отвечаю: стоило! Потому что их нужно не только понять, но и почувствовать сердцем» [7].

Возможность на конкретном деле почувствовать свою востребованность, справиться с трудностями жизни в тайге привело к усвоению ценностей коллективизма. В сознании большинства первостроителей прежде чужие абстрактные идеалы наполнились конкретным лич-

ным содержанием. Люди, с которыми пришлось на пустом месте строить новую жизнь, стали друг для друга самым ценным, самым сокровенным, что может быть.

Вместе с тем, следует учитывать, что образ БАМа внутри местного сообщества содержал кроме романтизации ряд других, в том числе и негативных характеристик. Старожилы и геологи, проживавшие на данной территории до начала сооружения магистрали, рассматривали БАМ как экологическую катастрофу, разрушение традиционного хозяйственного уклада, загрязнения, нещадную эксплуатацию природных ресурсов.

«Еще год и рыба БАМом будет полностью кончена... Не знаю, как еще сохранилась пушнина, тайга с весны и до глубокой осени полыхала пожарами... БАМ все «дотраивают», когда кончится достройка и все, кто придет осваивать кладовые в зоне БАМа, увидят выгоревшую пустыню...» [3].

Интересно обратиться к восприятию БАМа жителями соседних районов. У них первая ассоциация связана с привилегированным снабжением строителей дефицитными продуктами питания, промтоварами. На «большой земле» бамовцы казались богатыми людьми, которые одеты в импортную одежду, привыкли сорить деньгами.

«Я помню, они привезли в бутылочках кетчуп и спрашивают меня: «Кетчуп будете брать?» Я не знаю, что это такое. А сказать, что я не знаю, мне неудобно. Я говорю: «Кетчуп, да не знаю, брать — не брать». Он говорит: «Да вы что, конечно, берите, хороший болгарский кетчуп. Сколько вы будете брать?» Ну, я думаю, раз болгарский, значит, что-то из еды. Говорю: «Да, один». Он говорит: «Что один?» «Ну, одну штуку, как сказать, баночку, бутылочку». Он приносит и говорит: «Да вы что! У нас берут коробками. Мы коробку не всем даем. Но вам дадим коробку»... Пиво чешское они привозили. Конечно, одежда у них была очень хорошая, финская в основном...» [3].

Строители и занятые в обслуживающих отраслях могли «подписаться» на покупку автомобиля и в рассрочку в течение трех или пяти лет выплачивать его стоимость. Выплативший всю сумму, получал целевой талон, который разрешалось «отоваривать» в любой точке Советского Союза вне очереди. «Целевые», как называли их бамовцы, породили много толков. В 1978 г. в одном из номеров газеты «Нью-Йорк Таймс» была опубликована статья Д. Шиплера, где говорилось, что «мужественные парни в неимоверно сложных условиях пробиваются сквозь скалы, чтобы через три года лишений получить право на покупку малолитражного автомобиля» [10].

Советская печать издала серию возмущенных выступлений строителей. Было выпущено несколько работ, опиравшихся на данные соцопросов 1976 и 1981 гг., согласно которым 2/3 респондентов руководствовались при приезде на БАМ нравственно-патриотическими мотивами [11]. Сегодня в большинстве биографических нарративов бывшие строители подчеркивают свою неосведомленность относительно привилегированного снабжения, и тут же с энтузиазмом вспоминают, как изловчились заработать и получить 2–3 автомобиля.

Однако в целом неофициальный образ БАМа не противоречил официальному, а скорее продолжал и развивал его. Оба образа сходились в высшей точке — вере в светлое будущее, дорогой в которое является магистраль. От многих бывших строителей до сих пор можно услышать суждения о БАМе как отдельной республике, где коммунизм был построен.

В 1990-е гг. в рамках переоценки всего советского прошлого, БАМ стал рассматриваться как типичный советский долгострой, экономически неоправданный проект, вызванный к жизни скорее военно-политическим соперничеством с Китаем, нежели социально-экономическими потребностями освоения северных районов Сибири и Дальнего Востока [10]. В прессе появились статьи с заголовками «БАМ — дорога в никуда», «БАМ — памятник застою» и т. д.

Несмотря на несколько скептическое отношение самих бамовцев к официальному советскому дискурсу, попытки по-новому интерпретировать историю БАМа были восприняты населением враждебно. Чтобы не чувствовать себя вычеркнутыми из истории, ветераны стройки сторонились критики, выступали в прессе с протестными статьями, публиковали юбилейные сборники биографий тружеников, часто содержащие репринт советских статей. Контрастируя с жизнью бамовских поселков в 1990-е гг., основной период строительства БАМа (середина

1970-х — середина 1980-х гг.) стали идеализироваться в массовом сознании локальных сообществ, превратившись в своего рода миф о «золотом веке». На нем базируются многие современные экономические и поведенческие стратегии местных жителей, включая протестные настроения, виктимизацию, абсентеизм или рост общественно-культурной активности.

В настоящее время целостного образа БАМа не существует. БАМ не успел сложиться в единый регион ни в хозяйственном, ни в социокультурном смыслах. Границы восприятия БАМа задавались не столько экономико-географическим пространством изолированных от «большой земли» районов вечной мерзлоты, сколько эпическим образом стройки века. Соответственно, с окончанием строительства магистрали, исчезновением СССР и советской идеологии данный образ должен был себя исчерпать. Однако сколько-нибудь последовательной его трансформации в новых условиях не произошло.

Литература

1. Барт Р. Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс; Универс, 1994. — С. 72–130.
2. Ward Christopher J. Selling the 'Project of the Century': Perceptions of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM) in the Soviet Press, 1974–1984. — Canadian Slavonic Papers, 2001. — № 1. (March). P. 75–95.
3. Из интервью с жителями Северобайкальска, Таксимо, 2004–2008 гг.
4. Белоусов М. В. БАМ, до востребований... — Л.: Лениздат, 1981. — С. 5.
5. Испытание трассой. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. — С. 183.
6. Шинкарев Л. И. Байкало-Амурская магистраль. — М.: Советская Россия, 1975. — С. 6.
7. Ротенфельд Б. С. Земля доброй надежды. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — С. 138–139.
8. Проблемы строительства и хозяйственного освоения зоны БАМ на страницах советской и зарубежной печати // БАМ: первое десятилетие. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 198.
9. Железко С. Н. Факторы стабилизации кадров на строительстве БАМ // Социс. — 1980. — № 1. — С. 84–87; Воронов В. В., И. П. Смирнов Закрепление молодежи в зоне БАМа // Социс. — 1982. — № 2. — С. 16–21; Железко С. Н. Социально-демографические проблемы в зоне БАМа. — М.: Статистика, 1980; и др.
10. Байкалов Н. С. Последняя стройка коммунизма: дискуссионные проблемы истории БАМа // Преподавание истории в школе. — 2013. — № 6. — С. 36.

References

1. Bart R. Mif segodnya [Mythology today]. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika — Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress; Univers, 1994. Pp. 72–130.
2. Ward Christopher J. Selling the 'Project of the Century': Perceptions of the Baikal-Amur Mainline Railway (BAM) in the Soviet Press, 1974–1984. Canadian Slavonic Papers. 2001. No. 1 (March). Pp. 75–95.
3. Iz interv'yuu s zhitelyami Severobaikal'ska [From the interview with citizens of Severobaikalsk]. Taksimo, 2004–2008.
4. Belousov M. V. BAM, do vostrebovaniy... [The BAM, on demand...]. Leningrad: Lenizdat, 1981. P. 5.
5. Ispytanie trassoii [The test by track]. Ulan-Ude: Buryat book publ., 1978. P. 183.
6. Shinkarev L. I. Baikalo-Amurskaya magistral' [The Baikal-Amur Mainline]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1975. P. 6.
7. Rotenfel'd B. S. Zemlya dobroii nadezhdy [The land of good hope]. Irkutsk: East-Siberian book publ., 1983. Pp. 138–139.
8. Problemy stroitel'stva i khozyaistvennogo osvoeniya zony BAM na stranitsakh sovetskoi i zarubezhnoi pechati [Problems of construction and economic development of the BAM zone in the Soviet and foreign press]. BAM: pervoe desyatiletie — The BAM: first decade. Novosibirsk: Nauka, 1984. P. 198.
9. Zhelezko S. N. Faktory stabilizatsii kadrov na stroitel'stve BAM [The factors stabilizing manpower in the BAM construction]. Sotsis. 1980. No. 1. P. 84–87; Voronov V. V., Smirnov I. P. Zakreplenie molodezhi v zone BAMa [Youth's consolidation in the BAM zone]. Sotsis. 1982. No. 2. S. 16–21; Zhelezko S. N. Sotsial'no-demograficheskie problemy v zone BAMa [Socio-demographic problems in the BAM zone]. Moscow: Statistika, 1980; et al.
10. Baikalov N. S. Poslednyaya stroika kommunizma: diskussionnye problemy istorii BAMa [The last construction of communism: Debatable problems of the BAM history]. Prepodavanie istorii v shkole — History teaching in school. 2013. No. 6. P. 36.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 2:796(5)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-195-200

ЗООМОРФИЗМ ТОТЕМНЫХ ПСИХОТИПОВ ЛИСЫ И ВОЛКА В ИСТОРИИ БОЕВЫХ ИСКУССТВ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

© **Абаев Николай Вячеславович**

доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией синергетических исследований цивилизационной геополитики Евразии Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: kol-bugra@yandex.ru

© **Фельдман Владимир Романович**

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии Кызылского педагогического университета

Россия, 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, 3

E-mail: kol-bugra@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности психотипов тэнгрианских тотемных божеств — Небесная Лиса и Синий Небесный Волк (бур.-монг. *Хухэ Шоно*, тюркск. *Кек-берю*), которые использовались в призываниях и медитативной практике искусств боевого и спортивного единоборства тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, в частности бурят-монголов. Выявляя психоэнергетические, морально-психологические и психоэмоциональные характеристики зооморфных тотемных божеств, использовавшихся в искусствах единоборства древних скифов, теле-уйгуров, тюрков и бурят-монголов, автор приходит к выводу, что на основе этих психотипов создавались тайные воинские союзы, которые сыграли важную роль в истории военного дела и в формировании государственности кочевнических народов Внутренней, Северо-Восточной, Передней и Центральной Азии. В частности, хеттская держава, тюркские и уйгурские каганаты, Великая Монгольская империя (Хамаг Монгол Улс), а также кочевнические государства протомонголов — сяньбинцев и киданей, были организованы по принципу «волчьей стаи». Кроме того, у скифов в Древнем Египте и в государстве Амуру на Ближнем Востоке некоторые династии и воинские союзы были организованы на основе зооморфных психотипов Лисы.

Ключевые слова: зооморфизм, тотемные божества, психотипы, тэнгрианские божества, Небесный Боевой Волк, Небесная Лиса, Небесный Змей-Дракон.

ZOOMORPHISM OF FOX AND WOLF TOTEM PSYCHO TYPES IN THE HISTORY OF MARTIAL ARTS OF THE TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES OF INNER ASIA

Nikolai V. Abaev

DSc in History, Professor, Head of the laboratory of synergetic researches of civilization geopolitics of Eurasia, Institute of Inner Asia, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Vladimir R. Feldman

PhD in Political science, A/Professor, Head of the department of philosophy, Kyzyl State Pedagogical University

3 Lenina St., Kyzyl, 667000 Russia

The article considers the psycho types features of the Tengrian totem deities — a Heavenly Fox and a Blue Heavenly Wolf (Bur.-Mong. “Khukhe Shono”, Turk. “Kek-Beryu”) which were used in callings and meditative practice of the martial and sports arts of the Turkic-Mongolian peoples of Inner Asia, in particular, of Buryat-Mongols. Revealing the psycho energetic, moral and psychological and psycho emotional features of zoomorphic totem deities, used in the martial arts of the ancient Scythians, TeleUighurs, Turkic and Buryat-Mongols, the came to conclusion that basing on these psycho types the secret military unions were established, they played the important role in the history of military training and in the formation of statehood of the nomadic peoples of Inner, North-Eastern, Southwest and Central Asia. In particular, the Hittite empire, Turkic and Uighur kaganats, the Great Mongolian empire (Khamag Mongol

Uls), and also the nomadic states of protomongols — Xianbei and Khitans were organized according to the principle of “wolf pack”. Besides, in the Scythians, in the ancient Egypt and in the state Amuru in the Middle East some dynasties and military unions were organized on the basis of the Fox’s zoomorphic psycho types.

Keywords: zoomorphism, totem deities, psycho types, Tengrian deities, Heavenly Martial Wolf, Heavenly Fox, Heavenly Serpent Dragon.

Психотипы тэнгрианских тотемных божеств — Небесная Лиса и Синий Волк (Небесный Волк «Хухэ Шоно») — существенно различаются в силу особенностей своей биологической природы, определяющей зооморфизм биоэнергетической основы и психоэнергетической структуры «людей типа Лисы», а также разных религиозно-тотемистических функций в различных архаических (т. е. дотэнгрианских и добуддийских), этнокультурных традициях народов Центральной и Северо-Восточной Азии, в т. ч. бурят. В свою очередь, культовые особенности этих зооморфных и психоэнергетических типов, имеющих своеобразные биоэнергетические характеристики, несомненно, обусловили и стилевые особенности связанных с ними боевых искусств.

Так, известно, что в архаической, этнокультурной и религиозно-мифологической традиции общих предков протомонголов и тюрков Внутренней Азии люди, обладающие тотемным зооморфизмом Лисы, считались очень хитрыми, ловкими и осторожными, способными на всякие хитрые уловки, финты, обманные движения и вообще на всякие неожиданные для противника действия, что проявилось и в боевом искусстве скифов и азов, господствовавших еще в догуннскую эпоху в центральной части Евразии и распространивших свое боевое искусство на всю арийско-туранскую цивилизацию тюрков, монголов, финно-угров и др.

Кроме того, фольклорная и мифопоэтическая Лиса отличалась способностью к перевоплощениям, могла даже обращаться в человека, в частности в красивую девушку или женщину, и обольщать, соблазнять, коварно обманывать и губить к своей выгоде мужчин, используя свои хитрые уловки и магические чары.

Из всех зооморфных культов сибирских скифо-ариев и тюрко-монголов тотемный зооморфизм «людей типа Лисы» выделялся особой изворотливостью, коварством, изощренным умом, что нашло яркое отражение в античной греко-римской традиции, непосредственно соприкасавшейся с этно-культурными традициями скифов Причерноморья, протоболгаров, пратюрков и протомонголов. Отношение к Лисе в античном мире было как к существу исключительно коварному, связанному с блудом, сребролюбием, наслаждением и убийством [14].

При встречах и поединках с другими тотемными животными Лисица всегда выходит победителем, благодаря своей изощренности, оставляя их «в дураках» [14]. В связи с этим большой интерес представляет характеристика Лисы в латинской загадке: «Телом не велика я, но дух мой приметнее тела. Хитрая, с тонким чутьем, я на множество способна уловок. Даже умна, если можно назвать животное умным».

В бурят-монгольских сказках и баснях Лиса тоже отличается прежде всего находчивостью, изощренной хитростью и смекалкой. То же самое мы наблюдаем и в русском фольклоре («лиса-плутовка, рыжая огневка») и в устном народном творчестве практически всех евразийских народов, в т. ч. китайцев, японцев и др. Несомненно, центрально-азиатские номады, предки современных тюрков, бурят и монголов — скифы и азы, гунны-хунну, аланы, массагеты, болгары и многие другие, стали посредниками в распространении этого общеевразийского архетипа, в т. ч. в Европе и на Дальнем Востоке.

В боевом искусстве лисьего зооморфизма бойцы не нападают открыто на противника, которые намного сильнее их: нужны лисьи уловки, финты, коварство, даже вероломство. Если видишь, что враг намного сильнее, умнее и хитрее тебя, отступи, отойди на безопасное расстояние, понаблюдай за ним. Перехитри его, даже самый хитрый враг со временем теряет бдительность. Одной из характерных черт «людей типа Лисы» является осторожность, соединенная с любопытством. Напомним в связи с этим историю о встрече войск персидского

царя Дария с войсками скифов. Не принимая боя, скифы заманивали персов в свои открытые и бескрайние степи, постоянно маяча у них перед носом, подобно Лисе, которая своим хвостом приманивает гончих псов.

В то же время отряды скифов из укрытия внезапно нападали на персидские войска, нанося им молниеносные удары и мгновенно растворяясь в скифских степях. Это полностью соответствует поведению лисицы как зооморфного животного скифов. Заметив опасность, она стремглав убегает, и создается впечатление, что она убежала куда глаза глядят. Однако, убежав на безопасную дистанцию, лисица прячется и украдкой наблюдает за противником, при этом она продвигается навстречу ему, сохраняя допустимую дистанцию, и постепенно оказывается позади него. Именно такая тактика и позволила скифам одолеть непобедимую армию Дария.

Вместе с тем люди зооморфизма Лисы преданы своим близким, твердо держат воинскую клятву. Крупные женщины-лисицы становятся искусными и храбрыми воительницами, еще более жестокими, беспощадными и хитрыми, чем воины-мужчины. Крупные мужчины-лисы в бою могут становиться берсерками. Вообще у Лис силен гермофродитизм. Люди зооморфизма Лисы крайне мистичны, их гермофродиты всегда являются «шаманами» или жрецами [14].

Однако психотип Лисы, обладающий многими характерными особенностями, вполне достойными стать одним из знаков Зодиака, в Европе демонизировался и стал воплощением злой и коварной женщины-оборотня, вобравшей в себя все самые дурные качества архаического тотема. То же самое наблюдается в Средневековом Китае и других сопредельных странах конфуцианской цивилизации, где даосизм играл подчиненную роль, например, в Японии. Однако на уровне нарядной культуры, особенно в тэнгрианско-синтоистской и даосистской субкультурах, все еще виднеется слишком уж нестандартный с точки зрения официальной и официозной культуры этих стран образ древней Небесной Лисицы, атрибутом которой является радуга.

Как тэнгрианское божество в странах Северо-Восточной Азии тотем Лисы все же состоялся, хоть и не был возведен в ранг высших (или «верхних») божеств. Но и демоном в отличие от Средневековой Европы тоже не стал, хоть и архаичную амбивалентность (точнее, поливалентность) сохранил. Что касается психосоматических, биоэнергетических и других характеристик, то они настолько сложны, противоречивы, диалектически переменчивы, что их невозможно загнать и втиснуть ни в какую календарно-астрологическую систему. В заронарийском календаре тотем Лисицы (вместе с его антитотемом, т. е. «антиподом») присутствует, но содержит вполне стандартный набор популярных характеристик, не отражающих все богатство и диалектическую противоречивость этого мифологизированного психотипа, включающего в себя фактически несколько архаических психотипов (берсеркер, трикстер, первобытный «шаман» и т. д.).

Таким образом, если использовать дзен-буддийскую терминологию, связанную с даосизмом как китайской ветвью центрально-евразийского тэнгризма, то психотип Лисы является не «духом» в смысле «злой дух», «черт», «бес», «демон» или другим негативным биоэнергоинформационным явлением, не обладающим интеллектом, подобным человеческому, а скорее «духом-сознанием», «душой-сознанием», обладающими многими человеческими характеристиками, которые в совокупности и передаются китайским термином «синь», обозначающим некое средоточие психической жизни или, точнее, центр психической деятельности. Именно это энергоинформационное явление и имеет разнообразные психотипы, в которых обобщены их психоэмоциональные и умственные, интеллектуальные характеристики.

В Саяно-Алтае и Хакасии, которая является колыбелью арийско-туранской цивилизации, уже в глубокой древности существовал культ Небесного Змея как символа мудрости и многих полезных для человека знаний и умений, в т. ч. искусства врачевания, а также боевого искусства, Небесным Покровителем которого стал Змей-Дракон. В этот древнейший период возникают тайные академии и школы воинского искусства, покровителем которых стал Змей-Дракон и связанный с ним Небесный Волк.

Связь целительства и искусства врачевания с воинскими искусствами представляется нам

не случайной, поскольку, как утверждает мастер бурят-монгольской школы Шонын-баша Ц. С. Хобраков, который сам является врачом по первой профессии, человек, который умеет ломать кости, должен уметь и вправлять их; человек, который наносит урон человеческому организму, должен уметь и лечить его. Действительно, как мы знаем из многовековой истории боевых искусств Востока, обучение искусству единоборства и рукопашного боя всегда предполагало необходимость и овладение медицинскими знаниями [17].

Небесный Змей-Дракон был самым универсальным воинским тотемным божеством скифо-ариев и азов-хасха, а затем и тюрков, монголов, уйгуров и других кочевнических народов Евразии, который к тому же стал божеством врачевания и покровителем астрологических и прогностических знаний, построенных на искусстве диагностики психофизических и биоэнергетических типов личности, по отношению к которой осуществляется астрологический прогноз.

При этом считалось, что Дракон и Волк родственны и очень близки по своему психотипу. К тому же оба зооморфных психотипа, как и Лиса, отличаются способностью к оборотничеству (у древних славян существовало даже существо двойственной природы называвшееся «волкодлак», т. е. «вурдалак») и могут превращаться в другие существа, «заимствуя» и используя в боевых целях их силу и ловкость, а также искусство единоборства.

Поэтому бойцы бурят-монгольской школы Шоно-баша хотя основную часть приемов берут от своего тотемного предка и божественного покровителя, т. е. Небесного Волка, в случае необходимости могут использовать приемы и методы всех других звериных стилей. Вот почему именно это «волчье» боевое искусство и приняли на вооружение «хребетные монголы», самые прямые потомки Небесного Волка, используя его вместе со всеми другими стилями евразийских военно-прикладных искусств, но наиболее эффективные приемы держали в тайне и передавали как особый секрет мастерства только самым прямым генеалогическим потомкам Синего Волка, причем использовали его только в особо экстремальных ситуациях, как это делал мастер-наставник Ц. С. Хобракова — Мугу Лубсан [16].

По нашему мнению, стилевые особенности боевого искусства школы Шонын-баша и ее религиозно-тотемистическая генеалогия, а также психотип бойца этой школы связаны с архаическим культом Небесного Пса («Небесной Собаки»), который существовал у прототибетских племен цянов (кянов) и их потомков жунов, от союза (и смешения) которых, собственно, и образовалась протомонгольская общность. Известно, что у древних тибетцев, издревле нападавших на Китай с запада, были племена, так и называвшиеся «собачьи жуны», «люди-псы», которые отличались особой храбростью и при первом же столкновении с неприятелем сразу, без всякого промедления и предварительных церемоний, бросались в бой, атакуя даже многократно превосходящего по силам противника.

Таким же боевым характером отличались их пастушеские сторожевые собаки, которые, как и волки, стремительно атакывали врага, хватали его за горло и разрывали его. Точно так же бурят-монгольская сторожевая собака хотошо (хотоши), генетически связанная с тибетским боевым псом, по-видимому, получила это название от «хото» (бурят-монг. горло, гортань, пищевод от горла до диафрагмы человека). Именно за то, что в стремительном прыжке мгновенно хватает врага за горло и перекусывает его главную жизненную артерию. Боец же школы Шонын-баша должен всемерно оберегать свой собственный «жизненный центр», не допуская до него противника, и, более того, всегда опираться на этот канал жизненной силы (мун-гол) во всех своих действиях и постоянно тренировать его с целью увеличения в нем энергии. Как мы уже отмечали, с этим понятием «центр жизненной силы», который одновременно является и «каналом космической, небесной энергии», связан также метаэтноним — «монгол».

Отличие психотипа Небесного Пса от людей зооморфизма Лисы заключается, как мы думаем, в том, что, как и у Волка, психотип Собаки характеризуется прямодушием, храбростью и отвагой, стойкостью в бою, дисциплиной и самоорганизацией, выносливостью, хладнокровием в экстремальных ситуациях, гибким и острым умом, смекалкой и находчивостью, быстрой и адекватной реакцией, самоотверженностью и верностью долгу. Поэтому зооморфный психо-

тип псовых вообще считался враждебным лисьему и комплиментарным зооморфизму Волка. Как справедливо отмечает И. Кашкадамова, зооморфный символ Лисы противопоставлен психотипу Волка и всегда «идет против Волка» [13]. В истории даже известно противостояние и противоборство целых государств и империй, созданных, с одной стороны, людьми типа Волка, а с другой — лисьими психотипами.

Так, например, во II тыс. до н. э. люди зооморфизма Волка объединились в Хеттскую державу, создав ее по принципу волчьей стаи, а по-соседству находилось государство людей зооморфизма Лисы, позднее поглощенное хеттами — Амуру. Видимо, в жилах знаменитой египетской царицы женщины-фараона — Хатшепсут, текла лисья кровь. В этой связи И. Кашкадамова отмечает, что, как и люди зооморфизма тотемного Пса, люди зооморфизма Лисы через заключенные браки пытаются завоевать престол. Об этом пишут такие античные авторы, как Страбон, Павсаний; это же противоборство прослеживается в развитии взаимоотношений «волчьей империи» хеттов и «лисьего государства» Амуру, Египта, Сицилии, Скифии. На практике это выглядит так: женщина, принадлежащая к психотипу Лисы, выбирает себе в мужья слабого человека, но родственного правящему дому, через свою родню собирает войска и ставит мужа на престол. Естественно, правит она, поскольку муж изначально был подобран как слабый человек со слабой волей и здоровьем (еще лучше — вовсе не жилец) [14].

Культ Лисы получил особую популярность в странах Восточной Азии, где были распространены традиционные китайские учения, а также буддизм — в Японии, Корее, Вьетнам. В этих странах Лиса в основном фигурирует в демоническом облике злого оборотня женщины-соблазнительницы. Но, по-видимому, в дальневосточных странах существовали и боевые искусства, связанные с культом Лисы. В монгольском мире, как отмечалось выше, существовал и культ Небесной Лисы, но каких-либо связей этого тэнгрианского персонажа с боевым искусством не обнаружено. Видимо, это объясняется тем, что в боевых искусствах доминировал зооморфизм Волка и Небесного Пса, который был враждебен зооморфизму Лисы. Кроме того, боевые стили Небесного Волка и Небесной Собаки, судя по всему, многое позаимствовали из приемов, уловок и повадок Лисы, полезных для военного дела.

Литература

1. Абаев Н. В. Даосские истоки китайских ушу // Дао и даосизм в Китае. — М., 1982.
2. Абаев Н. В. Чань-буддизм и ушу // Народы Азии и Африки, 1983. — № 3.
3. Абаев Н. В. Психофизические упражнения ушу. — Улан-Удэ, 1989.
4. Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. — Новосибирск: Наука, 1989.
5. Абаев Н. В. Основы психологической и биоэнергетической саморегуляции в национальной религии тувинцев Ак Чаян (Белая Вера) или Бурган Чаян // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: материалы междунар. конф. XII Дульзонские чтения. — Томск: Изд-во ТГПУ, 2000. — Ч. 2.
6. Абаев Н. В. Отражение религиозно-мифологических представлений народов Саяно-Алтая в скифо-сакской мифологии // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. 16. Политология, культурология. — 2004. — Вып. 1.
7. Абаев Н. В. Небесный Змей-Дракон в воинских культурах тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии // Г. Н. Потанин и народы Алтае-Саянского Горного региона: через поколение в будущее. — Горно-Алтайск, 2005.
8. Абаев Н. В. Карма-йога в искусстве стрельбы из лука: некоторые метафизические и этико-психологические аспекты // Проблемы, перспективы подготовки высококвалифицированных спортсменов по стрельбе из лука: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Якутск: Изд-во СВФУ им. М. К. Аммосова, 2014.
9. Абаев Н. В., Цоктоев Б. Б.-Ц. Сравнительный анализ «шаманских» и буддийских боевых искусств // Социальные процессы в современной западной Сибири. — Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001.
10. Абаева Л. Л. Буддизм и культ гор в Бурятии. — М., 1992.
11. Абаева Л. Л. Этнокультурная традиция Евразии и буддизм // Теория и практика преподавания востоковедных дисциплин: материалы межвузовского научно-методического семинара (24 апреля 2014 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. — Вып. 12.
12. Кашкадамова И. Оборотни. — Ч. 3 — «Собаки». История и политика [Электронный ресурс]. —

- URL: <http://www.proza.ru/2013/01/03/1277>
13. Кашкадамова И. Оборотни. — Ч. 4 — «Волки». История и политика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.proza.ru/2013/01/18/1866>
 14. Кашкадамова И. Оборотни. — Ч. 6 — «Лисы». История и политика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.proza.ru/2013/02/13/1692>.
 15. Потаев В. С. Каратэ: от новичка до мастера. — Улан-Удэ: Изд-во БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2015.
 16. Хобраков Ц. Тэнгис, мун гол-тулга болохо нэрэнүүд // Буряад Унэн. — 2012.
 17. Хобраков Ц. Методика медитативного построения личной ступы в практике некоторых видов восточных боевых искусств. — Улан-Удэ, 2009.

References

1. Abaev N. V. *Daosskie istoki kitayskikh ushu* [Taoist origins of Chinese Wushu]. V sb.: *Dao i daosizm v Kitae*. Moscow. 1982.
2. Abaev N. V. *Chan'-buddizm i ushu* [Chan Buddhism and Wushu]. *Narody Azii i Afriki*, 1983. No. 3.
3. Abaev N. V. *Psikhofizicheskie uprazhneniya ushu*. Ulan-Ude. 1989.
4. Abaev N. V. *Chan'-buddizm i kul'turno-psikhologicheskie traditsii v srednevekovom Kitae* [Chan Buddhism and cultural-psychological traditions in medieval China]. «Nauka». 1989.
5. Abaev N. V. *Osnovy psikhologicheskoy i bioenergeticheskoy samoregulyatsii v natsional'noy religii tuvintsev Ak Chayaan (Belaya Vera) ili Burgan Chayaan* [Fundamentals of psychological and bioenergetic self-regulation in the national religion of Tuva Ak Chayaan (White Faith) or Burgan Chayaan] Comparative-historical and tipologichesoke study of languages and cultures: Materials of Int. Conf. XXII Dulzonovskie reading. Part. 2. Tomsk. 2000.
6. Abaev N.V. Otrazhenie religiozno-mifologicheskikh predstavleniy narodov Sayano-Altaya v skifosakskoy mifologii [Reflecting the religious and mythological ideas of the peoples of the Sayano-Altai in Scythian-Saka mythology] *Vestnik BSU*. — ser. 16. Politologiya, kul'turologiya. Issue. 1. Ulan-Ude. 2004.
7. Abaev N. V. *Nebesnyy Zmey-Drakon v voinskikh kul'takh tyurko-mongol'skikh narodov Sayano-Altaya i Tsentral'noy Azii* [Heavenly Serpent Dragon in military cults Turko-Mongol peoples of the Sayan-Altai and Central Asia] «G.N. Potanin i narody Altae-Sayanskogo Gornogo regiona: cherez pokolenie v budushchee». Gorno-Altaysk. 2005.
8. Abaev N. V. *Karma-yoga v iskusstve strel'by iz luka: nekotorye metafizicheskie i etiko-psikhologicheskie aspekty* [Karma Yoga is the art of archery, some metaphysical and ethical and psychological aspects] "Problems and prospects of training highly skilled athletes in archery." Int. scientific — Practical. conf. Yakutsk. Moscow. Ammosova. 2014.
9. Abaev N. V., Tsoktoev B. B.-Тр. *Sravnitel'nyy analiz «shamanskikh» i buddiyskikh boevykh iskusstv* [Comparative analysis of "shaman" and the Buddhist martial arts] «Sotsial'nye protsessy v sovremennoy zapadnoy Sibiri» - "social processes in modern Western Siberia. Gorno-Altaysk. 2001.
10. Abaeva L.L. *Buddizm i kul't gor v Buryatii* [Buddhism and the cult of the mountains in Buryatia]. Moscow. 1992.
11. Abaeva L. L. *Etnokul'turnaya traditsiya Evrazii i buddizm* [Ethnocultural traditions of Eurasia and Buddhism] Theory and practice of teaching oriental disciplines materials intercollegiate scientific and methodological seminar (24 April 2014) nauch. red. T.I. Garmaeva. — Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buryatskogo gosuniversiteta, 2014. Issue. 12.
12. Kashkadamova I. *Oborotni*. — Ch. 3 — «Sobaki» [Werewolves. — Part 3 - "Dogs"]. *Istoriya i politika — History and Politics*. — <http://www.proza.ru/2013/01/03/1277>
13. Kashkadamova I. *Oborotni*. — Ch. 4 — «Volki» [Werewolves. — Part 3 - "Wolves"]. *Istoriya i politika — History and Politics*. — <http://www.proza.ru/2013/01/18/1866>
14. Kashkadamova I. *Oborotni*. — Ch. 6 — «Lisy» [Werewolves. — Part 6 - "Fox"]. *Istoriya i politika — History and Politics*. <http://www.proza.ru/2013/02/13/1692>.
15. Potaev V. P. *Karate: ot novichka do mastera* [Karate: from novice to master]. Ulan-Ude. 2015.
16. Khobrakov Тр. Тэнгис, мунгол — тулга болокхо неренүүд «Buryaad Unen». 2012.
17. Khobrakov Тр. *Metodika meditativnogo postroeniya lichnoy stupy v praktike nekotorykh vidov vostochnykh boevykh iskusstv* [Method of constructing a personal meditation stupa in practice some kinds of martial arts]. Ulan-Ude. 2009.

УДК 271.2

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-201-207

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО ЭКЗАРХА НЕСТОРА (АНИСИМОВА)

© **Дроботушенко Евгений Викторович**

кандидат исторических наук, декан исторического факультета Забайкальского государственного университета.

Россия, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

E-mail: drzz@yandex.ru

В статье на основе документов Государственного архива Российской Федерации, с новых позиций воссоздается образ известного православного деятеля, в разное время бывшего епископом Камчатским и Петропавловским, экзархом Восточно-Азиатского экзархата, митрополитом Новосибирским и Барнаульским, Кировоградским и Николаевским, Нестора (Николая Александровича Анисимова). Дается характеристика имеющихся научных и научно-популярных публикаций, содержащих данные о биографии и жизненном пути Нестора. Основу исследования составляет предположение автора о наличии позитивного образа экзарха в отечественной литературе. Автором в научный оборот вводится ряд документов, неизвестных ранее. Делается попытка на фоне оценки ситуации с развитием православия в Китае во второй четверти XX в. в целом определить роль в истории китайского православия Нестора (Анисимова). На основе архивных документов автор приходит к выводу о противоречивости личности Нестора как православного деятеля.

Ключевые слова: православие, Русская православная церковь, экзарх, Китай, Восточно-Азиатский экзархат, Московский патриархат, Нестор (Анисимов).

ACTIVITY OF NESTOR (ANISIMOV), THE EAST-ASIAN EXARCH

Evgeny V. Drobotushenko

PhD in History, Dean of the historical faculty, Zabaikalsky State University

30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039 Russia

In the article on the basis of the documents of the Russian Federation State Archives the image of the most famous Orthodox Exarch Nestor is reconstituted. In different periods of his life he was the bishop of East-Asian Exarchate, the metropolitan of Novosibirsk and Barnaul, Kirovograd and Nikolaev. The peculiarities of scientific and popular science works containing data on Nestor's biography and life profile have been analyzed. The author's assumption of the positive Exarch's image in national literature is the background of the research. The author introduces some previously unknown documents into scientific use. An attempt has been made to define the role of Nestor (Anisimov) in the history of the Chinese Orthodoxy taking into consideration the assessment of the situation, concerning on the whole the development of Orthodoxy in China in the second half of the XXth century. The main conclusion is the opinion on inconsistency of Nestor's personality as the Orthodox representative. This conclusion has been made on the basis of the archives documents study.

Keywords: Orthodoxy, the Russian Orthodox Church, Exarch, China, East Asian Exarchate, Moscow Patriarchy, Nestor (Anisimov).

История православия в Китае в последние годы вызывает большой интерес у исследователей. Это связано с появлением возможности работать с ранее закрытыми документами и с тем, что в связи с либерализацией политики в отношении свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций, пусть медленное, но все же развитие само православие получило в последние годы в Китае. Несмотря на появление достаточно большого количества разноплановых публикаций, которые в той или иной степени затрагивают какие-либо аспекты истории «китайского православия».

В самом общем плане достаточно широко известно, что путь православия в Китае был сложен. Появившись там относительно давно, в XVII в., оно не получило широкого распространения. И это несмотря на то, что в стране действовала Пекинская духовная миссия, а в начальный период существования Советской России на территорию Китая бежало множе-

ство русских, несогласных с новым политическим устройством, а они являлись носителями православия. Ответ на вопрос, почему так вышло, возможен только при объективной, всесторонней оценке множества архивных источников. Их изучение позволило сделать вывод, что в истории православия в Китае существовало много спорных моментов, противоречивых личностей и действий со стороны православных иерархов.

Одной из противоречивых и неоднозначных в оценках личностей в истории китайского православия являлся Нестор (Николай Александрович Анисимов). Его сложный жизненный путь нашел отражение в ряде публикаций. Одним из известных исследователей жизненного пути Нестора (Анисимова) является А. К. Караулов. Он самостоятельно или в соавторстве издал ряд публикаций с биографией Нестора. Однако следует отметить, что исследования основываются не на архивных документах, а на имевшихся публикациях как научных, так и публицистических. Значительную часть их источниковой основы составляют статьи харбинских газет 40-х гг. XX в. На наш взгляд, историографическая и источниковая база исследований А. К. Караулова приводит к некоторой односторонности в оценках личности Нестора [12; 13; 14; 15].

Еще один автор, посвятивший не одно исследование личности Нестора, — это С. Фомин. Он является составителем библиографического сборника «Божией милостию архиереев Русской церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского» [7]. Позднее им была издана книга, содержащая жизнеописание святителя, «Апостол Камчатки. Митрополит Нестор» [19]. Книга содержит объемный фактографический материал, однако носит более научно-популярный характер. Также отметим, что изучению периода деятельности Нестора в Китае уделялось мало внимания [7; 19].

Книга Т. Н. Губской «Апостол Севера и Юга. Митрополит Кировоградский и Николаевский Нестор (Анисимов)» характеризует последний период жизни святителя [11].

Помимо работ названных исследователей, личность Нестора нашла отражение и в публикациях иных авторов. При этом отметим, что в некоторых случаях источниковая база публикаций расширена за счет архивных документов. Здесь примером может служить работа А. Белашова, но в ней отсутствует характеристика деятельности Нестора на посту экзарха [5].

Иные публикации научно-популярного характера — это самые разные статьи главным образом научно-популярного характера. Среди авторов можно назвать протоиерея Г. Бирюкова, К. Петроченкову, К. Новоселову, Т. Запеку и др. Однако период, когда Нестор был экзархом, рассматривается вскользь либо вообще не находит освещения. Особо же отметим, что основная масса работ основывается не на архивных источниках, а на имеющихся публикациях о личности Нестора [6; 16; 17].

Отдельно хотелось бы остановиться на статье С. Н. Бакониной [4]. В ней дается характеристика биографии Нестора в конце второго десятилетия XX в., т. е. время, которое не попадает в хронологические границы данной работы, однако интересен подход автора. С. Н. Баконина говорит о наличии в современной исследовательской литературе «идеологической мифологизации» отдельных периодов в жизни Нестора. Выводом же является замечание о том, что ряд современных авторов пытается политизировать историю православной церкви. Это отчетливо можно проследить на биографии Нестора. Он главным образом деятель православной церкви, святитель. Политическая же составляющая вторична. С. Н. Баконина в заключении отмечает: «...анализ нескольких публикаций, посвященных митрополиту Нестору (Анисимову), показывает, что изучение церковной истории в настоящее время настоятельно требует активной работы с первоисточниками и их непредвзятого прочтения» [4, с. 106]. Отметим, что сама С. Н. Баконина не использует в работе архивных источников, что вызывает вопрос в отношении итоговых замечаний автора. Биография Нестора в реальности очень сильно политизирована. Это касается и периода, когда он был Восточно-Азиатским экзархом. Более того, именно в значении политической составляющей и заключается основная особенность рассматриваемого периода в жизни Нестора. Отметим, что личности Нестора посвящены и иные публикации С. Н. Бакониной [1; 2; 3].

Таким образом, существует целый комплекс публикаций, характеризующих биографию Нестора, однако практически все они научно-популярные. Источниковая база ограничивает-

ся газетными публикациями. Очень кратко анализируется деятельность святителя в Китае в целом и в должности экзарха Восточно-Азиатского экзархата в частности. В оценке страниц биографии Нестора в данный период времени основополагающим источником являются документы Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ). Они не получили на сегодняшний день, на наш взгляд, должного широкого освящения в исследовательской литературе. Отсюда целью данной публикации является характеристика деятельности Нестора в должности экзарха Восточно-Азиатского экзархата Московской патриархии Русской православной церкви с основой на архивные материалы.

Хронологически рассматриваемый период — это время с 11 июня 1946 г. — день создания Указом № 664 Святейшего Патриарха Алексия I Восточно-Азиатского экзархата. Он появился путем преобразования Восточно-Азиатского митрополичьего округа, который был создан в декабре 1945 г. Митрополичий округ — это церковно-административная единица, основа которой в межъепархиальном объединении. Временным управляющим Восточно-Азиатским округом был как раз Нестор. Он же стал и первым экзархом Восточно-Азиатского экзархата Московской патриархии Русской православной церкви. Нестор был возведен в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского.

Вторая хронологическая граница — лето 1948 г. — время ареста митрополита Нестора китайскими властями.

Географически Восточно-Азиатский экзархат включал в себя приходы Китая и Кореи, однако данная статья посвящена главным образом Китаю, так как архивные документы практически не содержат данных о деятельности экзарха Нестора в Корее.

Следует уделить некоторое внимание названию «Восточно-Азиатский экзархат». В настоящее время можно встретить публикации, в которых наименование экзархата пишется слитно, одним словом «Восточноазиатский» или же двумя словами «Восточно-азиатский». Мы не говорим о правильности или не правильности написания, мы придерживаемся того написания, которое использовалось в официальных документах — «Восточно-Азиатский». То же касается и Восточно-Азиатского митрополичьего округа.

Документы ГАРФа содержат информацию как сугубо о биографии Нестора с кратким изложением фактов, так и значительные по объему отчеты, характеризующие развитие православия в Китае.

Условно документы, в которых встречается информация о личности Нестора, можно разделить на несколько групп:

1. Справки о состоянии РПЦ в Китае, о Восточно-Азиатском экзархе Несторе и др.
2. Письма Нестора на имя патриарха и ответы на них.
3. Переписка работников различных органов государственной власти, в том числе Совета по делам РПЦ, с иными органами государственной власти и переписка внутри Совета.
4. Различного рода небольшие записки с краткими данными о РПЦ в Китае.

Условность в предложенной классификации определяется субъективным подходом автора и имеющимися на сегодняшний день материалами. Возможно, дальнейшая работа расширит перечень групп документов, содержащих информацию по личности Нестора и приведет автора к мысли о перегруппировке документов.

Следует отметить, что отдельные документы собраны в фондах архива в объемные дела — наблюдательные дела по православию в Маньчжурии и Корее. Несмотря на то, что в документах затрагиваются вопросы, в той или иной мере характеризующие аспекты развития православия не только на севере Китая, отдельные дела в своих названиях содержат наименование «Маньчжурия».

Ко времени, когда Нестор являлся экзархом Восточной Азии, относятся объемные наблюдательные дела по православию в Маньчжурии и Корее за 1947 и 1948 г. Это дела № 277 и 434 первой описи фонда Р-6991 «Совет по делам религий при Совете министров СССР».

Документы первой группы — это небольшие по объему справки по какому-либо конкретному вопросу, касающемуся православия в Китае. Так, краткая характеристика личности Нестора содержится в «Справке о Восточно-Азиатском экзархе Никоне». Небольшими по

объему, но значимыми по содержанию являются справки Министерства иностранных дел «Об имуществе православной церкви за границей» за разные годы [8, л. 34; 10, л. 36, 37].

Справка о биографии Нестора была составлена старшим инспектором Совета по делам РПЦ товарищем П. А. Ананьевым в 1948 г. на основе одной из статей русской эмигрантской газеты «Луч Азии», издававшейся в Харбине (№ 26/10 от 1937 г.), в которой приводились краткие биографические данные Нестора. В ней отмечается, что Нестор в начале XX в. был в Крыму, где стал духовником Императрицы Марии Федоровны и Великого князя Николая Николаевича. Из Крыма через Индию он отправился в Омск, в ставку Колчака. Отмечается, что Нестором из рук Императора Маньчжоу-Го получен орден [10, л. 37].

Вторая группа документов — переписка Нестора с патриархом Алексием I содержит самую разную информацию по вопросам развития православия в Китае. Примером здесь может служить письмо экзарха Восточной Азии митрополита Нестора на имя Патриарха Московского и всея Руси Алексея о полученных средствах от Московской патриархии и создании в Харбине православного лицея Александра Невского [10, л. 7].

Примером документов третьей группы являются письмо начальника Восточного управления Министерства внешней торговли М. Сладковского на имя председателя Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР Г. Г. Карпова, записка от заместителя председателя Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР товарища Бельшева заведующему первым Дальневосточным отделом Министерства иностранных дел товарищу Тункину и письмо из генерального консульства в Харбине на имя заместителя Министерства иностранных дел СССР А. А. Громыко [10, л. 41].

Четвертая группа документов представлена значительным количеством небольших записок с краткой информацией по какому-либо вопросу. Например, записка с данными о посылке «Журнала Московской Патриархии» в Китай, записка о выдаче разрешений консульства СССР в Китае на поездку по территории страны и т. д. [10, л. 10, 38].

Все документы о биографии Нестора в бытность его экзархом Восточно-Азиатского экзархата можно, опять же условно, разделить на две большие части. Это документы, характеризующие его с позитивной стороны, и, соответственно, документы противоположного, негативного характера.

К первым можно отнести справки, характеризующие деятельность Нестора на поприще развития православия в Китае. Так, по прошествии чуть более года, после занятия должности экзарха, усилиями Нестора, при поддержке Московской патриархии был открыт православный лицей Александра Невского в городе Харбине. Это произошло в самом начале 1948 г. В лицее обучалось до 175 чел., из которых более 120 проживало там же. Около 30 чел. обучалось бесплатно. В 1948 г. были открыты краткосрочные пастырские курсы [10, л. 7, 13].

Следует отметить, что Нестором делались попытки изменить ситуацию с православным миссионерством в Китае. Исследователям известно, что, несмотря на наличие в стране духовной миссии, миссионерская деятельность православной церкви не получила значительного, широкого распространения. Для развития миссионерства бывшее Пекинское подворье в Харбине — Благовещенский храм, Нестор переименовал в миссионерскую Благовещенскую церковь. Способствовал большей эффективности миссионерства упомянутый выше лицей. Сделана попытка открытия школы-приюта для китайских детей. Данным вопросом под руководством Нестора занимался начальник Китайской духовной миссии — протоиерей Даниил Хэ. При митрополичьем подворье действовал Дом милосердия [10, л. 13, 14].

До создания Восточно-Азиатского экзархата данных о православии в Китае, особенно на севере страны, практически не было. В начале 1948 г. экзархат приступил к формированию данных о православии в Харбинской епархии. Подвижки в данном направлении связаны с появлением Указа экзарха Восточной Азии Нестора № 677. Согласно данному указу, создана Учетная комиссия по проведению полного учета имущества и состояния дел экзархата [10, л. 14].

Из архивных источников известно, что в Харбине издавался «Вестник Восточно-Азиатского Экзархата», причем информация о нем отрывочна и очень кратка. Однако в 1947 г. издание вы-

ходило в свет, и очевидно, что данная работа не могла вестись без участия экзарха [10, л. 31].

Деятельность Восточно-Азиатского экзархата осложнялась общей ситуацией с православием в Китае. Вторая половина 40-х гг. XX в. — это время отъезда из страны значительного количества представителей русского населения, которое являлось основным носителем православия. Уезжали они в СССР. Сокращение количества прихожан привело к ситуации, когда расширять деятельность православной церкви становилось все труднее и труднее.

Первое время экзархата Нестора было относительно спокойным в плане отношения к Нестору со стороны Совета по делам РПЦ. Однако уже в 1947 г. появляются первые критические замечания, а в 1948 г. количество их увеличивается. Складывается впечатление, что в это время начинается «подготовка» к последующему аресту и осуждению Нестора.

В одной из справок в Совет по делам РПЦ при СНК, входящей в «Наблюдательное дело по православию в Маньчжурии Корея» за 1948 г., отмечается, что Нестор не пользовался авторитетом ни среди духовенства, ни среди представителей «местной советской православной колонии». В нескольких документах говорится о его постоянном аморальном поведении, которое выражалось в пьянстве, «оргиях с женщинами». В справке также отмечается, что Нестор являлся одним из активных вдохновителей борьбы с советской властью. Практически на всех праздничных мероприятиях, где присутствовали представители российских эмигрантов, он выступал с речами против СССР. При этом следует отметить, что сам Нестор признавал за собой злоупотребления. Так, в «Справке о недостойном поведении Нестора» от 1947 г. он признается в пьянстве, наличии отдельных случаев поведения, не соответствовавших сану. Значительная часть православных высказывала свое недовольство тем, что Нестор оставался экзархом [9, л. 3; 10, л. 36].

В архивных источниках отмечается, что Нестор в своей деятельности на посту экзарха Восточно-Азиатского экзархата часто руководствовался собственным разумением, а не указаниями Московской патриархии. Так, в 1948 г. он проводил инвентаризацию имущества экзархата, инициировав ее сам, не получая никаких распоряжений из Москвы. Совет по делам РПЦ просил пресечь самовольную деятельность экзарха [10, л. 44].

В одном из документов говорится о том, что, согласно некоторым имеющимся сведениям, в руках Нестора оказались «все основные богатства, оставшиеся от атамана Семенова» [10, л. 37, 38, 140].

Старшим инспектором Совета по делам РПЦ П. Д. Ананьевым говорится о наличии у него предупреждения о стремлении Нестора покинуть Китай и бежать в США. Нестор собирался объехать с инспекторской проверкой Дальний Восток и Корею, откуда, предположительно, мог бежать. Высказывалось мнение о необходимости отзыва Нестора в СССР [10, л. 37].

Деятельность Нестора как экзарха Восточно-Азиатского экзархата закончилась арестом его китайской полицией в апреле 1948 г. и выдворением из Китая в СССР. Экзархом временно стал Никандр (Леонид Викторов), являвшийся с 1946 г. епископом Цицикарским [10, л. 141]. Указом Святейшего Патриарха от 22 августа 1950 г. № 1170 архиепископ Пекинский Виктор (Святин) назначен Патриаршим экзархом Восточно-Азиатского экзархата [18].

Над Нестором состоялся суд в г. Хабаровске с обвинением в антисоветской деятельности, где он признан виновным. Приговорен к десяти годам лишения свободы, срок отбывал в лагере в Мордовии, освобожден через восемь лет и вновь привлечен к руководству одной из епархий Русской православной церкви.

Выше приведена характеристика некоторых документов ГАРФа, содержащих информацию о биографии экзарха Восточной Азии Нестора. До настоящего времени многие из них не стали достоянием широкой научной общественности. Нами сделана попытка сгруппировать их для более простого восприятия. Однако главным является не то, какие документы хранятся в архиве, а то, что в ряде случаев они дают негативное представление о личности Нестора. Можно сделать только предположение, почему в отношении его личности архивные фонды содержат целый ряд документов с негативной характеристикой. Целенаправленная ли это политика Совета по делам РПЦ или данное явление обусловлено иными факторами, можно

сказать только при дальнейшей тщательнейшей работе с источниками. В то же время для создания более объективной картины, отметим, что один из архивных документов содержит справку, согласно которой сам Нестор признает за собой некоторые злоупотребления [9, л. 3].

Следует отметить, что, несмотря на наличие в архивных источниках значительного количества документов, содержащих негативные характеристики Нестора, для человека, знакомого с историей православия в Китае, очевидно, что главная заслуга святителя в самом факте появления Восточно-Азиатского экзархата Московской патриархии Русской православной церкви. На наш взгляд, о позитивной роли Нестора в истории «китайского православия» говорит и то, что сразу после отбытия наказания, в 1956 г., он становится митрополитом Новосибирским и Барнаульским, позже митрополитом Кировоградским и Николаевским. Думается, что если бы фигура Нестора была бы столь отрицательной, как это хотели показать авторы целого ряда записок, справок, биографий, вряд ли бы он стал правящим архиереем какой-либо митрополии.

Литература

1. Баконина С. Н. Воспитание милосердия: страницы биографии митрополита Нестора (Анисимова) // Православная русская школа: традиции, опыт, возможности, перспективы: материалы III науч.-практ. образов. конф. — Ярославль: Свято-Алексиевская пустынь, 2010. — С. 82–91.
2. Баконина С. Н. Русская Православная Церковь в Маньчжурии и местные китайские власти (страницы биографии епископа Камчатского Нестора (Анисимова), 1923–1928 гг.) // Общество и государство в Китае: материалы XXXIX науч. конф. — М.: Вост. лит-ра, 2009. — Вып. 1. — С. 346–355.
3. Баконина С. Н. Участие преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны в жизни Владивостокской епархии: по страницам биографии митрополита Нестора (Анисимова) // XIX Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: сб. материалов науч.-практ. конф. — М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2009. — С. 244–247.
4. Баконина С. Н. «Церковник, а не политик...». Несколько замечаний о биографии митрополита Нестора (Анисимова) // Вестник церковной истории. — 2008. — № 1(9). — С. 99–107.
5. Белашов А. Камчатский апостол Нестор (Анисимов) и святая семья императора Николая II // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. [Электронный ресурс]. — URL: http://ruskline.ru/analitika/2011/01/03/kamchatskij_apostol_nestor_anisimov_i_svyataya_semya_imperatora_nikolaya_ii/ (дата обращения: 23.01.2014).
6. Бирюков Г. Великое назначение русского человека. Памяти Митрополита Кировоградского и Николаевского Нестора (Анисимова; + 1962) // Православие.ru [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/1548.htm> (дата обращения: 28.01.2014).
7. Божией милостию архиереей Русской церкви. Три жизни митрополита Нестора Камчатского. — М.: Правило веры, 2002. — 558 с.
8. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 146. Л. 34.
9. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 277. Л. 3.
10. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 434. Л. 7, 10, 13, 14, 31, 36–38, 41, 44, 140, 141.
11. Губская Т. Н. Апостол Севера и Юга. Митрополит Кировоградский и Николаевский Нестор (Анисимов). — Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2011. — 44 с.
12. Караулов А. К., Коростелев В. В. Арест Экзарха // Русская Атлантида. — 2003. — № 10. — С. 11–26.
13. Караулов А. К. Митрополит Нестор. Камчатский миссионер. 1885–1962 // Петропавловск-Камчатский: Изд. Фонд компенсации (в пользу народов Севера), 2000. — С. 4.
14. Васильева С. В. Документы национального архива Республики Бурятия о старообрядчестве в Харбине в 1920–1930-е годы // Отечественные архивы. — М., 2010. — № 4. — С. 65–70.
15. Караулов А. К., Коростелев В. В. Экзарх Восточной Азии // Русская Атлантида. — 2003. — № 9. — С. 17–24.
16. Новоселова К., Запека Т. Апостол Камчатки [Электронный ресурс] // Свято-Елисаветинский монастырь в Минске. — URL: http://obitel-minsk.by/UserFiles/_oid100089836.html (дата обращения: 25.01.2014).
17. Петроченкова К. Миссионер, борец, епископ. Митрополит Нестор (Анисимов), просветитель Камчатки [Электронный ресурс] // Православие.ru. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/smi/1188.htm> (дата обращения: 23.01.2014).
18. Поздняев Дионисий, священник Дионисий (Поздняев), священник Православие в Китае (1900–1997). [Электронный ресурс]. — URL: http://orthodox.cn/localchurch/pozdnyayev/app3_ru.htm (дата обращения: 07.06.2013).
19. Фомин С. Апостол Камчатки. Митрополит Нестор (Анисимов). — М.: Форум, 2004. — 462 с.

References

1. Bakonina P. N. *Vospitanie miloserdiya: stranitsy biografii mitropolita Nestora (Anisimova)* [Education charity: page biography of Metropolitan Nestor (Anisimov)] Russian Orthodox School: tradition, experience, capabilities and prospects: Materials III scientific and practical educational conference. — Yaroslavl': Svyato-Aleksievskaya pustyn'. 2010. P. 82–91.
2. Bakonina P. N. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Man'chzhurii i mestnye kitayskie vlasti (stranitsy biografii episkopa Kamchatskogo Nestora (Anisimova), 1923–1928 gg.)* [Russian Orthodox Church in Manchuria and the local Chinese authorities (page biography bishop Kamchatka Nestor (Anisimov), 1923–1928.)] Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXIX nauchnaya konferentsiya. Uchenye zapiski Otdela Kitaya IV RAN. Vyp. 1. M.: Vostochnaya literatura, 2009. P. 346–355.
3. Bakonina P. N. *Uchastie prepodobnomuchenitsy Velikoy knyagini Elizavety Feodorovny v zhizni Vladivostokskoy eparkhii: po stranitsam biografii mitropolita Nestora (Anisimova)* [Participation of the Grand Duchess Elizabeth Feodorovna in the life of the Vladivostok diocese: the pages of the biography of Metropolitan Nestor (Anisimov)] XIX Annual Theological Conference of Saint Tikhon's Orthodox University: Proceedings 2009. Moscow. 2009. P. 244–247.
4. Bakonina P. N. «Tserkovnik, a ne politik...». *Neskol'ko zamechaniy o biografii mitropolita Nestora (Anisimova)* ["Churchman, not a politician ...". A few notes about the biography of Metropolitan Nestor (Anisimov)] Vestnik tserkovnoy istorii — Journal of Church History. 2008. No. 1 (9). P. 99–107.
5. Belashov A. *Kamchatskiy apostol Nestor (Anisimov) i svyataya sem'ya imperatora Nikolaya II* [Apostle Kamchatka Nestor (Anisimov) and the holy family of Emperor Nicholas II] Russkaya narodnaya liniya. Informatsionno-analiticheskaya sluzhba. [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: <http://ruskline.ru> analitika 2011 01 03 kamchatskiy_apostol_nestor_anisimov_i_svyataya_semya_imperatora_nikolaya_ii (data obrashcheniya: 23.01.2014)
6. Biryukov G., *protoierey velikoy naznachenie russkogo cheloveka. Pamyati Mitropolita Kirovogradskogo i Nikolaevskogo Nestora (Anisimova; + 1962)* [Archpriest of the great Russian human appointment. Memory Metropolitan Kirovograd and Nikolaev Nestor (Anisimov, + 1962)] Pravoslavie.ru [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru> smi 1548.htm (data poseshcheniya: 28.01.2014).
7. *Bozhiey milostiyu arkhierey Russkoy tserkvi. Tri zhizni mitropolita Nestora Kamchatskogo* [Grace of God bishop of the Russian Church. Three lives Metropolitan Nestor of Kamchatka]. Moscow. 2002. 558 p.
8. *GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii)* [SARF — State Archive of the Russian Federation], F. R-6991, Op. 1, D. 146.
9. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. R-6991, Op. 1, D. 277.
10. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], F. R-6991, Op. 1, D. 434.
11. Gubskaya T. N. *Apostol Severa i Yuga. Mitropolit Kirovogradskiy i Nikolaevskiy Nestor (Anisimov)* [The Apostle of the North and the South. Metropolitan Kirovograd and Mykolayiv Nestor (Anisimov)]. — Nikolaev: Izdatel'stvo Iriny Gudym. 2011. — 44 p.
12. Karaulov A. K. *Arest Ekzarkha* [Arrest Exarch] Russkaya Atlantida — Russian Atlantip. — 2003. No 10. P. 11–26.
13. Karaulov A. K. *Mitropolit Nestor. Kamchatskiy missioner. 1885–1962* [Metropolitan Nestor. Kamchatka missionary. 1885–1962] Petropavlovsk-Kamchatskiy: Izd. Fond kompensatsii (v pol'zu narodov Severa). 2000. — 4 p.
14. Vasil'eva P. V. *Dokumenty natsional'nogo arkhiva Respubliki Buryatiya o staroobryadchestve v Kharbine v 1920–1930-e gody.* [Documents National Archives of the Republic of Buryatia on the Old Believers in Harbin in 1920–1930-ies.] Otechestvennye arkhivy — Domestic archivep. Moscow. 2010. No 4. P.65–70.
15. Karaulov A. K. *Ekzarkh Vostochnoy Azii* A.K. Karaulov, V.V. Korostelev Russkaya Atlantida. 2003. No 9. P. 17–24.
16. Novoselova K., T. *Zapeka Apostol Kamchatki* [The apostle of Kamchatka] Svyato-Elisavetinskiy monastyr' v Minske. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: http://obitel-minsk.by/UserFiles_oid100089836.html (data obrashcheniya: 25.01.2014)
17. Petrochenkova K. *Missioner, borets, episkop. Mitropolit Nestor (Anisimov), prosvetitel' Kamchatki* [The missionary, a fighter, a bishop. Metropolitan Nestor (Anisimov), educator Kamchatka] Pravoslavie.ru [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.pravoslavie.ru> smi 1188.htm (data obrashcheniya: 23.01.2014)
18. Pozdnyaev Dionisiy, *Svyashchennik Dionisiy (Pozdnyaev), svyashchennik Pravoslavie v Kitae (1900–1997)* [The priest Dionysius (Pozdnyaev), Orthodox priest in China]. [Elektronnyy resurs]. — Rezhim dostupa: http://orthodox.cn/localchurch/pozdnyaev/app3_ru.htm (data poseshcheniya: 07.06.2013).
19. Fomin P. *Apostol Kamchatki. Mitropolit Nestor (Anisimov)* [The apostle of Kamchatka. Mitropolit Nestor (Anisimov)]. Moscow. 2004. 462 p.

УДК 299.5(571.54)

DOI: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-208-212

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ ФАЛУНЬГУН В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

© **Ахмадулина Светлана Зиннатовна**

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Всеобщей и Отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: lana_clio@mail.ru

В статье анализируются вопросы формирования и деятельность китайского движения Фалуньгун. Движение Фалуньгун возникло в 1990-е гг. в Китае изначально как сочетание различных оздоровительных практик, однако впоследствии популярность движения способствовала его эволюции в новое религиозное движение. Близость территориальных границ России с азиатскими странами приводит к такому явлению, как «религиозная экспансия», что вызывает необходимость изучения деятельности подобных религиозных движений, действующих на территории нашей страны. Особенности возникновения и функционирования религиозных объединений в каждом регионе носят индивидуальный характер, который определяется традициями, культурным наследием, менталитетом его жителей. В этом отношении Республика Бурятия выступает платформой для аккумуляции деятельности зарубежных проповедников из азиатских стран — Китая, Кореи, Монголии, что связано прежде всего со слабостью позиций Русской православной церкви, а также историко-культурными и геополитическими особенностями региона. Необходимость определения сущности Фалуньгун, проблем, связанных с региональной и правовой идентификацией движения, позволит адекватно реагировать на факты распространения и активизации деятельности последователей в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: Фалуньгун (Фалунь Дафа), Республика Бурятия, нетрадиционные религии, новые религии движения, новые синкретические религии, методика духовного и физического самосовершенствования, правовая идентификация.

ORIGIN AND HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CHINESE RELIGIOUS MOVEMENT FALUNGUN IN RUSSIA (ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Svetlana Z. Akhmadulina

PhD in History, Senior Lecturer of the department of general and Russian history, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article analyzes the issues of formation and the activities of the Chinese Falungun movement. The Falungun movement originated in the 1990s in China, initially as a combination of various healing practices, however, then the popularity of the movement contributed to its evolution into a new religious movement. The territorial proximity of Russia's borders with Asian countries leads to such phenomenon as «religious expansion», which causes the necessity of studying the activities of such religious movements conducting their activities in the territory of our country. The features of the emergence and functioning of religious associations in every region have individual nature, which is determined by traditions, cultural heritage and mentality of its inhabitants. In this regard the Republic of Buryatia is the platform for accumulation of foreign preachers' activities from the Asian countries — China, Korea, Mongolia, primarily due to the weak position of the ROC, and also historical and cultural, geopolitical features of the region. The necessity of determining the nature of Falungun, the problems concerning with regional and legal identification of the movement will allow to respond adequately to the facts of distribution and revitalization of followers in the region.

Keywords: Falungun, (Falun Dafa), Republic of Buryatia, non-traditional religions, new religious movements, new syncretic religion, a technique of spiritual and physical self-improvement, legal identification.

В 80-х гг. XX в. в российской истории стали временем «религиозного ренессанса», отличительной чертой которого выступило возникновение и широкое распространение новых религиозных движений, не связанных с культурно-историческими традициями нашей страны.

Системный кризис Российского государства в переходный период времени способствовал усилению богоискательских настроений россиян. Религиозному обращению жителей страны способствовали и законодательные изменения в области религиозного права. В частности, принятый в октябре 1990 г. Закон «О свободе вероисповеданий» создал благоприятные условия не только для возрождения традиционных религий, но и для деятельности религиозных новаций.

В связи с этим актуальным остается вопрос отношения к китайскому движению Фалуньгун, которое приобретает популярность в России. Необходимость определения сущности Фалуньгун, проблем, связанных с региональной и правовой идентификацией движения, позволит адекватно реагировать на факты распространения и активизации деятельности последователей в рассматриваемом регионе.

На одном из официальных сайтов движения дается ответ на вопрос о том, что собою представляет Фалуньгун: традиционное духовное учение, которое сочетает различные элементы — медитацию, энергетические упражнения, учение о нравственности как средство достижения совершенства тела и души человека, также определяется конечная цель — просветление или перерождение [2, с. 152–157; 11].

Движение Фалуньгун возникло в 90-е гг. XX в. в Китае изначально как сочетание различных оздоровительных практик, одной из которых является традиционная китайская гимнастика — цигун. Однако впоследствии признание движения способствовало его эволюции в движение с религиозно-политическим окрасом. О наличии элементов религиозности свидетельствуют следующие характеристики:

- 1) учение, которое представляет собой синкретическую систему в сочетании с элементами буддизма, индуизма, даосизма, народных верований китайцев, а также элементов, разработанных основателем — Ли Хунчжи;
- 2) обожествление живого наставника — Учителя Ли Хунчжи;
- 3) религиозная литература («Чжуань Фалунь» [«Вращение колеса закона»]);
- 4) «церковная организация» (практикующиеся, консультанты, лидер) и культовая практика (описана ниже, на примере Республики Бурятия — С. З.);
- 5) апокалипсические настроения и др.

Таким образом, мы видим тот неполный перечень признаков, характеризующий религиозность движения Фалуньгун. Переломным моментом в эволюции оздоровительной организации в религиозно-политическую считается публикация книги Ли Хунчжи «Чжуань Фалунь» в 1994 г. Основатель провозгласил себя божеством, в тысячи раз сильнее Будды Шакьямуни и Иисуса Христа, а свое учение — единственно «верным законом Вселенной», способным «привести человека в рай», лестницу в который поставил он сам [7].

Широкомасштабные апрельские демонстрации в Пекине в 1999 г. свидетельствовали и о антиправительственных настроениях организации, что вынудило Ли Хунчжи эмигрировать в США, где он проживает в настоящее время и находится под защитой правительственных структур этого государства, которые активно используют организацию Фалуньгун в качестве повода для вторжения во внутренние дела Китая [10, с. 11]. В связи с этим, а также ссылаясь на факты нарушения законодательства и общественного порядка, китайское правительство в июле 1999 г. официально запретило деятельность этой организации на территории страны. Необходимо отметить, что и на современном этапе коммунистический режим Китая оценивает Фалуньгун как ересь или лживое учение.

Сегодня Фалуньгун активно выступает с серьезными политическими заявлениями, в частности о начавшемся «Холокосте» XXI в. против последователей учения [12, с. 1]. В последнее время все чаще лидеры движения выдвигают политические требования, проводят антиправительственные акции, ведут активную антикитайскую пропаганду за рубежом, привлекая иностранных политиков и общественные организации, что, в свою очередь, оказывает влияние и на партнерские отношения Китая с другими странами. Подобная позиция лидеров Фалуньгун во главе с Ли Хунчжи нашла особую поддержку не только в США, но и в

других европейских государствах, где активно распространяются «свидетельства» жестоких преследований и расправ китайского правительства над членами движения.

Если говорить о России, то зачастую религиозная и политическая безграмотность населения позволяет принимать последователей Фалуныгун за хранителей традиционной китайской культуры. В частности, это демонстрируют последние события, связанные с проведением мероприятий в российских образовательных учреждениях [4].

Первые встречи и занятия приверженцев Фалуныгун на территории нашей страны начали проводиться в г. Санкт-Петербурге в конце 1990-х гг., а уже в 2003 г. был зарегистрирован Центр духовного и физического совершенствования Фалуны Дафа. К моменту официальной легитимизации движение было широко представлено во многих городах России (Краснодар, Рязань, Абакан, Новосибирск, Томск, Красноярск, Иркутск, Владивосток и др.) [2, с. 152–157].

Безусловно, особенности возникновения и функционирования религиозных объединений в каждом регионе носят индивидуальный характер, который определяется традициями, культурным наследием, менталитетом его жителей. В этом отношении Республика Бурятия выступает платформой для аккумуляции деятельности зарубежных проповедников из азиатских стран — Китая, Кореи, Монголии, что связано прежде всего со слабостью позиций Русской православной церкви, а также историко-культурными и геополитическими особенностями региона.

Деятельность движения в Республике Бурятия в основном сосредоточена в г. Улан-Удэ. Приверженцы обосновались в съемной квартире офисного типа, где они проживают и проводят встречи, которые можно условно разделить на три этапа:

1) ответы на интересующие вопросы присутствующих, при этом делая акцент на отсутствии религиозного характера движения, провозглашая основную цель — достижение физического и духовного самосовершенствования;

2) выполнение комплекса физических упражнений, сопровождающиеся музыкой и изречениями Учителя;

3) чтение книги «Чжуань Фалунь» [3, с. 96].

Подобные встречи проводятся ежедневно, по длительности занимают 2–3 часа. Все занятия бесплатны, однако желающие могут приобрести специализированную литературу и принять участие в ее распространении.

Сведения о теории и практике в Бурятии распространяются, как и во всем мире, в виде бесплатных газет и листовок, книг, лазерных дисков, видео- и аудиокассет, интернет-сайтов. Многие последователи характеризуют Фалуныгун как «прекрасную практику, которая помогла изменить жизнь». По их словам, главным является обучение практике и передача знаний другим людям. Они яростно заявляют об отсутствии религиозной подоплеку учения, однако при этом никого не смущает нимб, изображенный над головой лидера Ли Хунчжи в его книге «Чжуань Фалунь», и его призыв: «Дорожите! Осуществляется Промысел Божий. Дорожите! Это то, что вы ищете. Дорожите! Закон перед вами» [1, с. 141–147; 2, с. 152–157].

Также никого не беспокоит, что Учитель просит своих последователей пренебрегать жизнью и смертью для того, чтобы достичь «конечного совершенства». Он утверждает, что «божество не беспокоится о жизни и смерти, только смертный беспокоится о них». Находясь под влиянием проповедей Ли, многие последователи Фалуныгуна, страдавшие разнообразными заболеваниями, отказывались от получения квалифицированной медицинской помощи, существуют свидетельства массовых самоубийств, совершенных последователями движения [5; 8; 10; 13; 14].

Учитель требует от своих приверженцев выполнения строго установленных предписаний. Запретные меры касаются обучения другим практикам, исповедования других религий: «Практикующим запрещается вести пропаганду других религий, связывая их с самосовершенствованием по Великому Закону Фалуны» [7]. Если кто-то сомневается или критикует лидера — «это вмешивается дьявол», «дьявол подрывает учение» [14, с. 13]. Еще одно подтверждение религиозной направленности учения.

Критике подвергается и установка отрицания науки: «Наука не позволяет людям уважать мораль, совершать добро, она делает людей рабом своих страстей — эта наука есть ересь. Наука привела к разложению общественной морали человечества, современная наука подготавливает новое поколение людей, которые, не считаясь ни с чем, убивают людей, совершают поджоги; инопланетяне уже создали средства контроля над людьми, только Фалуьнгун способен быть вне их контроля» [7; 14, с. 2–3]. Ли Хунчи рассматривает науку прежде всего как преграду в проповедовании собственного учения. При этом в тексте доктрины встречаются искаженные научные факты и теории, это касается таких вопросов, как строение Вселенной, природа мышления, психология, сверхъестественные способности людей, связь характера и внешности человека, автор злоупотребляет псевдотеориями в отрасли медицины. В тексте содержатся безосновательные воззрения Учителя на «доисторическую цивилизацию», которые раскрывают его «собственную позицию» на историю человечества.

Содержание проповедей сводится к отождествлению лидера с Божеством, с Вселенной: «в конце концов, все Святые, Будды и Даосы поняли чем я занимаюсь, увидели прекрасный эффект», «моя основа укоренена во Вселенной. Кто посягает на тебя, тот посягает и на меня, то есть, если это так, то, значит, он посягает и на саму Вселенную», «если какая-нибудь проблема случится со мной, то в будущем в человечестве произойдет большое изменение», «чтобы помочь вам совершенствоваться, скажу, как поступить... Возьмите мою книгу... или же просто мою фотографию и, держа статую Будды в руках, попросите Учителя освятить изображение, как попросили бы меня. Достаточно лишь полминуты, и вопрос будет решен» [7, с. 30, 41, 59, 157].

Ли Хунчи, требуя признания собственного авторитета, расчленяет общество на людей, относящихся к «лучшим» и «худшим», обязывает приверженцев избегать близких отношений со своими семьями, требует отказаться от естественных желаний и чувств, от самостоятельности в принятии решений, активно спекулирует на стремлении быть здоровым, принуждая слушать и посещать его лекции и занятия. При всем этом пропагандируется насилие, одобряются давние жестокие обычаи: «Не хватает нравов, тогда бей его батогами, если серьезнее, то отруби ему голову. Этот человек уже не человек, тогда отруби ему голову. Не нужен такой, который унижает достоинство человека» [7, с. 58].

Таким образом, учитывая те немногие положения доктрины, приведенные в статье, функционирование движения Фалуьнгун вызывает определенные опасения. Проблема выявления сущности Фалуьнгун — серьезная научная задача, решение которой не может быть однозначным. По мнению российских исследователей-синологов, это яркий пример «новой синкретической религии», или «нового религиозного движения» [6, с. 150–155; 9, с. 267–271]. Приверженцы не рассматривают Фалуьнгун как религию (отсутствуют священнослужители, богослужение, храмы и церкви). Фалуьнгун для них это система самосовершенствования души и тела. Следовательно, с одной стороны, существует определенная опасность безосновательного запрета деятельности данной организации, что может повлечь за собой нарушение прав и свобод человека, а с другой — существующие факты деструктивного воздействия на людей должны обратить пристальное внимание российских органов государственной власти и общественности.

Литература

1. Ахмадулина С. З. Нетрадиционные религиозные объединения в Бурятии в 1990-е — начале 2000-х гг. — Саарбрюкен, 2012. — С. 141–147.
2. Ахмадулина С. З. Фалуьнгун: новая синкретическая религия или тоталитарная секта? (проблемы региональной и правовой идентификации) Религия — наука — общество: проблемы и перспективы взаимодействия: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (1–2 ноября 2012 г.). — Пенза — Саратов — Сеней, 2012. — С. 152–157.
3. Баторова Е. Б., Ахмадулина С. З. Нетрадиционные религии в Бурятии (1990-е — 2000-е гг.). — Улан-Удэ, 2010. — 192 с.
4. Информационный центр Фалуь Дафа [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.faluninfo.ru/> (дата обращения: 07.03.2015).
5. Книга о проблеме культа Фалуьнгун // Китайская ассоциация по изучению культов / пер. с кит.

- М. Сушко. — Киев, 2010. — 136 с.
6. Кухаренко Н. В. Фалуьгун — духовная практика или секта? / Н.В. Кухаренко // Религиоведение №4. — 2002. — С. 150–155.
 7. Ли Хунчжи. Чжуань Фалуь. — М., 1999. — 339 с.
 8. Мэйтас Д., Килгур Д. Отчет о проверке утверждений об извлечении внутренних органов у последователей Фалуьгун в Китае. — Оттава, 2006. — 41 с.
 9. Рабогошвили А. А. Религиозное движение Фалуьгун в контексте политических отношений КНР и США // Вестник Бурятского государственного университета. — Улан-Удэ, 2007. — Вып. 9. — С. 267–271.
 10. Фалуьгун — культ ненависти: сб. материалов / сост. Т. А. Квитковская. — Москва-Таруса: Общественный комитет по правам человека, 2008. — 50 с.
 11. Фалуь Дафа — это хорошо! [Электронный ресурс]. — URL: http://falundafa.udm.ru/fldfii_a_10.htm (дата обращения: 09.09.2009).
 12. Холокост — 2, длящийся 10 лет // Фалуь Дафа в мире. — 2009. — С. 1.
 13. Чжэн И. Зло и вред Фалуьгуна. — Пекин, 2007. — 72 с.
 14. Экстремизм секты Фалуьгун: сб. материалов. — М., 2008. — 62 с.

References

1. Akhmadulina S. Z. *Netraditsionnye religioznye ob'edineniya v Buryatii v 1990-e — nachale 2000-kh gg.* [Non-traditional religious associations in Buryatia in the 1990s - early 2000 p.]. Saarbrucken, Germany. 2012. P.141-147.
2. Akhmadulina P. Z. *Falun'gun: novaya sinkreticheskaya religiya ili totalitarnaya sekta? (problemy regional'noy i pravovoy identifikatsii)* [Falun Gong: A new syncretic religion or a totalitarian sect? (regional issues and legal identification)] Spirituality - Science - Society: Problems and prospects of interaction: Materials of the II International scientific and practical conference on November 1–2, 2012. Penza-Saratov-Seney, 2012. P.152–157. Dostup: URL <http://elibrary.ru/item.asp?id=18149075>.
3. Batorova E. B., Akhmadulina P. Z. *Netraditsionnye religii v Buryatii (1990-e-2000-e gg.)* [Non-traditional religions in Buryatia (1990s-2000s)]. Ulan-Ude. 2010. 192 p.
4. *Informatsionnyy tsentr Falun' Dafa* [Falun Dafa Information Center]. — ofitsial'nyy sayt organizatsii. Dostup: URL <http://www.faluninfo.ru>. Dafa obrashcheniya: 07.03.2015 g.
5. *Kniga o probleme kul'ta Falun'gun (per. s kit.)* [Falun Dafa Information Center] Kitayskaya aasotsiatsiya po izucheniyu kul'tov, per. s kit. M. Sushko. Kiev. 2010. 136 p.;
6. Kukharenko N. V. *Falun'gun — dukhovnaya praktika ili sekta?* [Falun Gong - a spiritual practice or a sect?] Religiovedenie — Religious №4. 2002. P. 150–155;
7. Li Khunchzhi *Chzhuan' Falun'* [Zhuan Falun] Moscow. 1999. 339 p.
8. Meytas D., Kilgur D. *Otchet o proverke utverzhdeniy ob izvlechenii vnutrennikh organov u posledovateley Falun'gun v Kitae* [Report into Allegations of Organ Harvesting of Falun Gong Practitioners in China]. Ottava. 2006. 41 p.
9. Rabogoshvili A.A. *Religioznoe dvizhenie Falun'gun v kontekste politicheskikh otnosheniy KNR i SShA* [Falun Gong religious movement in the context of the political relations between China and the US] Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta - Bulletin of the Buryat State University. Vyp. 9. Ulan-Ude. 2007. P.267–271.
10. *Falun'gun — kul't nenavisti: Sbornik materialov* [Falun Gong - a cult of hatred: Collection of materials] Sost. T. A. Kvitkovskaya. — Moscow. 2008. 50 p.
11. *Falun' Dafa — eto khorosho!* [Falun Dafa - it's good!] Dostup: http://falundafa.udm.ru/fldfii_a_10.htm Dafa obrashcheniya: 09.09.2009.;
12. *Kholokost — 2, dlyashchiysya 10 let* [Holocaust - 2, which lasts 10 years] «Falun' Dafa v mire» (2009 god). P. 1.
13. Chzhen I. *Zlo i vred Falun'guna* [The evil and harm of Falun Gong]. Pekin, 2007. 72 p.;
14. *Ekstremizm sekty Falun'gun: sb. Materialov* [Extremism of Falun Gong: Sat. materials]. Moscow. 2008. 62 p.

СООБЩЕНИЯ

УДК 327.2(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-213-215

ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

© **Хышиктуев Олег Валентинович**

кандидат юридических наук, профессор Бурятского государственного университета, заслуженный юрист РФ

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: arshan20@mail.ru

© **Баранова Наталия Сергеевна**

кандидат исторических наук, старший преподаватель Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

E-mail: arshan20@mail.ru

Статья посвящена изучению основных особенностей геополитического положения Республики Бурятия. Анализируются географические, экономические, политические, религиозные и культурные факторы развития региона. Бурятия является своеобразным рубежом между западной и восточной культурами. Особенности национального движения обуславливались тем, что никогда не принимали формы национально-освободительного движения. Традиции, геополитическое положение, национально-религиозный фактор способствуют тому, что и сегодня Бурятия — это единственный национальный регион России, который является зоной стабильности в этнополитическом развитии, где отсутствуют межнациональные конфликты. Уникальная природная среда является одной из главных особенностей и преимуществ геополитического положения Бурятии. Республика занимает особое географическое положение, так как находится в зоне непосредственного контакта с Азией. Поэтому роль Бурятии в реализации общенациональных интересов Российской Федерации велика и несомненна, и, на наш взгляд, она должна рассматриваться в контексте внешней политики России в целом.

Ключевые слова: геополитическое положение, культурная общность, приграничные связи, Бурятия.

THE FEATURES OF GEOPOLITICAL SITUATION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Oleg V. Khyshiktuev

PhD in Law, Professor of the Buryat State University, Honored Lawyer of Russian Federation
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

Natalia S. Baranova

PhD in Law, Senior Lecturer, Buryat State University
4 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article considers the main features of the geopolitical situation of the Republic of Buryatia. It analyzes geographical, economic, political, religious and cultural factors of the development of the Republic. Buryatia is a kind of boundary between Western and Eastern cultures. The peculiarities of the national movement were due to the fact that it never took the form of the national liberation movement. Traditions, geopolitical situation, national and religious factor contribute to the fact that today Buryatia is the only national region of Russia, which is the area of ethno-political stability in the development, and where there are no ethnic conflicts. The unique natural environment is one of the main features and advantages of the geopolitical position of the Republic of Buryatia. The Republic of Buryatia has a special geographical position, as it is in the zone of direct contact with Asia. Therefore, the role of the Republic of Buryatia in the realization of the national interests of the Russian Federation is great and undoubted, and in our opinion it should be considered in the context of Russia's foreign policy in general.

Keywords: geopolitical position, cultural identity, cross-border ties, Buryatia.

Геополитическое положение Бурятии обусловило особое развитие региона в политической, экономической, этнической, конфессиональной областях, особенно в области культуры. Еще в составе Российской империи Бурятия стала своеобразным рубежом между западной и восточной культурами. Русская культура шла на восток с переселенцами, политической ссылкой, со всей системой национальной политики империи. Азиатская же культура была представлена в системе религиозных верований и соответствовала укладу жизни и миропониманию коренного населения. Проявлением этого стала система дацанов и дуганов, учебно-просветительских учреждений и учреждений тибетско-восточного здравоохранения. Буддизм, дацаны как институты буддизма стали не только неотъемлемой частью национальной культуры, но и важнейшим фактором национального объединения [1].

Религиозный фактор всегда занимал особое место и в идеологии национального движения. Особенности национального движения обуславливались тем, что никогда не принимали формы национально-освободительного движения. Идея движения состояла в поиске социальной гармонии, где нет места социальным противоречиям и национальной элитарности. Это способствовало консолидации населения региона, возникновению национально-государственной идеи, созданию нации на полиэтнической основе. Геополитические и религиозные особенности привели к тому, что в 1917 г., несмотря на значительный революционный подъем, в Бурятии не было большевистских организаций, и весь революционный процесс пошел по пути реформаторства [2].

Традиции, геополитическое положение, национально-религиозный фактор способствуют тому, что и сегодня Бурятия — это единственный национальный регион России, который является зоной стабильности в этнополитическом развитии, где отсутствуют межнациональные конфликты. Многонациональная Бурятия — это пример разумной национальной политики, позитивного развития концепции культурно-национальной автономии, решения местных проблем на уровне местного самоуправления. Этот опыт показывает, что национальный вопрос не может быть решен только рыночными методами. Вместе с тем Бурятия могла бы стать для России «воротами» в Азию и активно участвовать в решении сложных политико-экономических вопросов России [3].

Уникальная природная среда является одной из главных особенностей и преимуществ геополитического положения Бурятии. Байкал как уникальная экосистема, которая имеет богатейшие в мире запасы пресной воды, способствует созданию в регионе развитой инфраструктуры и привлечению инвестиций для развития индустрии туризма и отдыха [4].

Одно из последствий распада СССР — возникновение десятков тысяч километров новых государственных границ и необходимость адаптации к ним российского хозяйства и всей жизни «вдруг оказавшихся пограничными» регионов Российской Федерации. Будущее России, подъем ее экономики и культуры напрямую зависят от усиления роли «периферийных» регионов, к числу которых относятся и приграничные территории. В свою очередь, одним из важнейших условий экономического развития региона является его географическое положение, в частности близость государственных границ, наличие морских путей сообщения и т. д. При этом экономически значимыми становятся такие факторы, как добрососедские отношения государств, наличие транзитного коридора к перспективным мировым рынкам сырья и сбыта готовой продукции и т. д. С этой точки зрения Бурятия занимает особое географическое положение. Республика Бурятия расположена в пяти часовых поясах по отношению к западным и восточным окраинам России, в одном поясе с Монголией и Китаем. Являясь самым восточным национальным образованием России, Бурятия находится в зоне непосредственного контакта с остальной Азией. Через территорию республики проходят три железнодорожные магистрали, связывающие запад и восток. При этом ответвление от Транссибирской магистрали на Улан-Батор является кратчайшим железнодорожным путем до Пекина и, соответственно, до крупнейших месторождений золота, каменного угля, меди, урана и других стратегических минерально-сырьевых ресурсов Монголии. Вместе с тем необходимо отметить, что к этим объектам проявляет особый интерес Китай, интенсивно развивающий на своих западных и

северных территориях транспортно-логистический путь с выходом в Среднюю Азию, который почти на две тысячи километров короче Транссиба. В этом коридоре сосредотачиваются трубопроводы, железная и автомобильная дороги для перевозки топлива, продовольствия из Казахстана и других среднеазиатских республик [5]. Геополитическое положение Бурятии позволило ей включиться в систему экономических связей и отношений всех регионов России. С точки зрения географического положения внешние связи республики наиболее интенсивно развиваются с Монголией и Китаем. Особое место здесь занимают отношения с Монголией. И этому способствует ряд причин. Во-первых, необходимо отметить, что Монголия — это единственное государство, с которым Республика Бурятия имеет общую границу протяженностью 1 275 км. Во-вторых, нельзя отрицать общность бурятского и монгольского народов в языковом, религиозном и историко-культурном аспектах развития. Эти факторы и определяют необходимость дальнейшего развития приграничных связей России и Монголии, имеющих давнюю историю.

Таким образом, роль Республики Бурятия в реализации общенациональных интересов несомненно должна рассматриваться в контексте внешней политики России в целом. Бурятия решает ряд социальных, экономических и культурных проблем, ее политика международного сотрудничества ведет к укреплению добрососедских отношений с приграничными государствами и имеет важное значение для политического и экономического развития всего государства.

Литература

1. Вардомский Л. Б. Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Приграничные районы, приграничное сотрудничество. — М., 2000.
2. Абаев Н. В., Балданов Б.-М. Б. Республика Бурятия и геополитика // Бурятия. — 1997. — 26 июня.
3. Абаев Н. В., Балданов Б.-М. Б. Республика Бурятия: стратегия развития в контексте геополитической ситуации в центральной и северо-восточной Азии // Вестник Евразии. — 1999. — № 1–2.
4. Вардомский Л. Б., Галицына И. И., Самбурова Е. Н. Государственные границы и региональное развитие: политико-географический аспект // Политическая география: современное состояние и пути развития. — М., 1989. — С. 35–46.
5. Тулохонов А. К. Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. — 2009. — № 6(373).

References

1. Vardomskiy L. B. *Prigranichnyy poyas Rossii: problemy i tendentsii razvitiya* [Border zone of Russia: problems and trends].
2. Abaev N. V., Baldanov B. M. B. *Respublika Buryatiya i geopolitika* [Republic of Buryatia and geopolitics] Buryatiya. Buryatia. 26 iyunya 1997 g.
3. Abaev N. V., Baldanov B.-M. B. *Respublika Buryatiya: strategiya razvitiya v kontekste geopoliticheskoy situatsii v tsentral'noy i severo-vostochnoy Azii* [Buryatia Republic: Development Strategy in the context of the geopolitical situation in the central and north-east Asia] Vestnik Evrazii. Bulletin of Eurasia. 1999. No1–2.
4. Vardomskiy L. B., Galitsyna I. I., Samburova E. N. *Gosudarstvennyye granitsy i regional'noe razvitie: politiko-geograficheskii aspekt. Politicheskaya geografiya: sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya* [The state border and regional development: the political-geographical aspect. Political geography: current status and development]. Moscow. 1989. P. 35–46.
5. Tulokhonov A. K. *Asimetriya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh territoriy Rossii i Kitaya*. [The asymmetry of the socio-economic development of the border areas of Russia and China] Analiticheskiy vestnik Soveta Federatsii FS RF — Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. No 6 (373) 2009 g.

УДК 001.89+930(5–015)

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–7–216–220

ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКИМИ ГЕОГРАФАМИ (ВСОРГО¹) ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

© **Арсеньева Любовь Георгиевна**

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: lyubaars@mail.ru

Статья посвящена географическим изучением территории расселения монгольских народов исследователями Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО). Основной задачей РГО и его Отделов были географические исследования малоизученных территорий в России, составление карт и маршрутов для дальнейшего освоения этих земель. Особый интерес представляли географические исследования приграничных регионов и соседних государств, что обуславливалось приоритетами внешней и экономической политики России, остро стоял вопрос о границе между Россией и Китаем, частью которого являлась Монголия. Для установления границы были необходимы точные сведения как о Монголии, так и об азиатской части России. В статье представлены материалы, характеризующие исследовательскую работу географов ВСОРГО с точки зрения выполнения как государственных, так и научных задач. Членами Отдела создавались программы для изучения географии, снаряжались экспедиции, по итогам которых составлялись карты и проекции, изучались геология, флора и фауна, делались барометрические вычисления изучаемых местностей. В статье показана плодотворная деятельность таких ученых, как Г. Н. Потанин, К. Ф. Будогоский, Ю. И. Штубендорф, Г. Ф. Кальмберг, Н. Башкевич и др.

Ключевые слова: Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества (ВСОРГО), география, геология, экспедиция, Бурятия, Монголия.

THE STUDY OF INNER ASIA BY THE RUSSIAN GEOGRAPHERS (ESORGU) (THE SECOND HALF OF THE XIXth CENT.)

Lyubov G. Arseneva

Research Assistant of the department of general and national history, Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the geographical study of the territory of the Mongolian peoples' settling by explorers of the East-Siberian department of the Russian Geographical Society. The main task of the Russian Geographical Society and its departments was the geographic researches of poorly studied areas in Russia, mapping and drawing up the route for further development of these lands. The main interest was the geographical study of border regions and neighboring countries, which was because of priorities of foreign and economic policy of Russia. Moreover, the acute issue was the border between Russia and China, part of which was Mongolia. The accurate data, both on Mongolia and the Asian part of Russia were needed to establish the boundaries. The article presents materials characterizing the research of geographers of the ESORGU from the point of view of both public and scientific problems. To accomplish these objectives, the members of the department made programs for the study of geography, offered expeditions which resulted in mapping and projection, studied geology, flora and fauna, made barometric calculations of the studied area. In the article the fruitful activity of some scientists, as well-known and forgotten is revealed, they are: G. N. Potanin, K. F. Budogosky, Y. I. Stubendorf, G. F. Kalmberg, N. Bashkevich and others.

Keywords: East-Siberian department of the Russian Geographical Society (ESORGU), geography, geology, expedition, Buryatia, Mongolia.

Географическое исследование территории расселения монгольских народов было предметом изучения российских путешественников разных времен. Участник IX Российской духовной миссии, известный востоковед Иакинф (Бичурин) во время путешествия по Монголии вел дневниковые записи, которые содержат сведения и по географии. В дневниках монголо-

¹ ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества. 17 ноября 1851 г. в Иркутске был открыт Сибирский отдел Русского географического общества, а в 1877 г. был переименован в Восточно-Сибирский отдел РГО.

веда О. М. Ковалевского, помимо лингвистических и этнографических данных, содержатся подробные описания пути следования XI Российской духовной миссии в Пекин, включающие географические материалы о Монголии и Бурятии [12]. Составили карты и собрали более подробные географические сведения об этих территориях путешественники Русского географического общества XIX в. — М. Н. Пржевальский, М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов и др. [13], а также члены Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (ВСОРГО).

С первых дней работы ВСОРГО изучение географии занимало одно из центральных мест его деятельности. Для более детального изучения территорий Восточной Сибири и Монголии и был создан ВСОРГО. Сбор географических сведений и дополнение их новыми, создание карт и подробных планов, изучение почв и геологии — все это стало первостепенными задачами этого Отдела. Изучение территории Монголии было актуально в связи с необходимостью развития торговых отношений. К середине XIX в. назрела потребность в уточнении географических названий и разработке более удобных маршрутов для перевозки грузов. Территория этнической Бурятии представляла для исследователей также особый интерес. Изучение монгольских народов в Отделе было постоянным, что обуславливалась его близостью к территории расселения этих народов.

Действительным членом ВСОРГО Ю. И. Штубендорфом¹ была создана программа для описания округов и составления путевых записок, И. С. Сельским² изучены вопросы, касающиеся географии, статистики и этнографии Нижнеудинского округа. Действительный член Г. Ф. Кальмберг при отъезде из Иркутска представил в Отдел вычисленную им и начертанную на 18 листах проекцию Восточной Сибири с нанесенными на нее 268 астрономически определенными пунктами. По части физической географии в Отдел были представлены следующие статьи: И. С. Сельский «Описание Гусинога озера», А. А. Мордвинов «Описание Заяблонья или Нерченского округа», П. А. Пежемский «Географическое описание Иркутской губернии», Ю. И. Штубендорф «Путевые заметки по дороге на Туркинские минеральные воды и в заштатный город Баргузин» [9, с. 35].

Описание реки Иркут от Тунки до впадения в Ангару было опубликовано в Записках ВСОРГО в 1856 г. Н. Башкевичем [1]. В статье автор подробно описал географию местности: направление Тункинского хребта, начало Иркуты и его течение; направление Саянского кряжа; направление и форма долины Иркуты, котловины Тункинская и Торская; происхождение Иркутской долины [1].

Член-сотрудник Отдела П. А. Кельберг³ в конце 50-х гг. XIX в. занимался исследованиями в Селенгинской и Чикойской местностях, заселенных бурятами. Им была собрана значительная и разнообразная коллекция минералов и предметов растительного царства этих мест [6, с. 6]. В 1862 г. П. А. Кельберг участвовал в осмотре провала в Саганской степи. Кроме того, проследил действие землетрясения по дороге от Селенгинска до Байкала, собрал сведения от жителей деревень, расположенных на этом пространстве, проследил линию землетрясения от села Дубинино до Селенгинска [6, с. 7].

Первые мероприятия Отдела по географии касались в основном территории этнической Бурятии. В дальнейшем круг интересов расширялся, задачей Отдела стало изучение Монголии. К середине XIX в. все направляемые экспедиции в Монголию предпринимались специально с политическими, торговыми или административными целями, но к экспедициям приурочивались и научные исследования. Главная заслуга Сибирского отдела ИРГО в том, что, преследуя указанные цели, Отдел обогащал науку новыми данными [8, с. 31].

Во время Уссурийской экспедиция 1859 г. было совершено отдельное путешествие на-

¹ Штубендорф Юлий Иванович (1811–1878) — первый правитель дел Сибирского отдела Русского географического общества, сыграл важную роль в его становлении.

² Сельский Илларион Сергеевич (1808–1861) — правитель дел ВСОРГО до 1861 г.

³ Кельберг Петр Андреевич (1818–1896) — член ВСОРГО, удостоен серебряной медали общества за 18-летние метеорологические наблюдения в Селенгинске. Участвовал в создании Читинского краеведческого музея. Автор более 10 работ по краеведению (Петряев Е. Д. Люди и судьбы. — Чита, 1957).

чальника экспедиции действительного члена Отдела К. Ф. Будогосского¹ из залива Посьета в Пекин, а оттуда через Монголию в Иркутск. Во время своего пребывания в Китае, Маньчжурии и Монголии К. Ф. Будогосский вел географические заметки [5]. Действительный член Общества капитан Турбин совершил поездку с Российской Духовной миссией из Иркутска в Пекин. В итоге он представил в Отдел описание пути между Кяхтой и Пекином и вертикальный разрез пройденной местности, сделал барометрическое вычисление возвышения Гоби над уровнем моря, также описал город Ургу [6, с. 3–5].

Интересные географические материалы о Монголии содержатся в статье Я. П. Шишмарева² «Поездка от города Урги на реку Онон» [19]. Статья написана по окончании экспедиции в 1862–1863 гг., ее задачей было исследование пути от Урги до реки Онон, сбор сведений о Монголии и топографические съемки реки Онон. В состав экспедиции кроме Я. П. Шишмарева входили чиновник Фролов, знакомый с монгольским языком и обычаями, и хорунжий Доржи Чаров, для топографических съемок. В заключении был сделан вывод, что от Урги до реки Онон, т. е. до впадения в нее реки Хурахи, в половодье можно сплавливать грузы. К статье прилагается карта с подробным маршрутом, зарисованная хорунжим Доржи Чаровым.

В первом томе «Известий СОИРГО» за 1870 г. опубликовано письмо М. Д. Бутина³ на имя правителя дел Отдела. Письмо написано в городе Нерчинске и датируется 26 июня 1870 г. [15]. В письме сообщаются основные цели и задачи, стоящие перед частной экспедицией в Восточную Монголию и Китай, организованной торговым домом братьев Бутиных. Экспедиция была снаряжена с целью узнать, насколько удобен путь от границ Нерчинского округа в Тянь-Цзинь для тележного транспорта. В программу экспедиции входило исследование пройденных местностей в географическом, этнографическом и естественно-историческом отношении, а также исследование экономического положения страны. В этом же томе «Известий» есть еще одна интересная заметка [11], в ней рассказывается, как осенью 1868 г. чиновник особых поручений князь Апакидзе по поручению генерал-губернатора Восточной Сибири отправился в поездку к границе Монголии и Минусинского края для разбора дел о сношении русских с китайскими подданными на границе. В статье описывается несколько вариантов пересечения границы России и Монголии, путь, проделанный князем, и довольно подробно описана местность.

Большое внимание наряду с географией Отдел уделял изучению геологии. Одним из них стало исследование А. Л. Чекановского⁴ по геологии Иркутской губернии (1874 г.) [16]. Данной работе предшествовали его труды, опубликованные в Известиях ВСОИРГО в конце 1860-х — начале 1870-х гг. [3; 17; 18]. С образования Восточно-Сибирского Отдела в 1877 г. правителем дел был М. В. Загоскин⁵. При нем был составлен план работы Отдела. Определены две основные задачи: 1. Исследование береговой полосы Байкала в геологическом отношении от ст. Култук; 2. Ботанические и дендрологические исследования в пределах Иркутской губернии. Выполнение первой задачи принял на себя И. Д. Черский⁶, вторую выполнять было поручено Н. Н. Агапиту [2, с. 75]. В Иркутске И. Д. Черский становится географом, геологом и исследователем территорий, заселенных бурят-монголами. В 1873 г. И. Д. Черским была организована экспедиция к Тункинским и Китойским хребтам Восточных Саян [10]. В ходе

¹Будогосский Константин Федорович — топограф и военный статистик. В 1859 г. участвовал в работе по разграничению Уссурийского края с Китаем, в 1860 г. в экспедиции СОИРГО для описания реки Китой и ее долины.

²Шишмарев Яков Парфеньевич (1833–1915) — посол, переводчик, генконсул России в Монголии, принимал участие в Амурских экспедициях, в переговорах при заключении Айгунского и Пекинского договора. По поручению СОИРГО участвовал в составлении одной из первых карт Восточной Монголии, занимался историей, переводами книг с санскрита и тибетского языков на монгольский, сбором этнографических коллекций (Единархова Н. Е. Я. П. Шишмарев — русский консул в Монголии // Сибирский архив. — Иркутск, 2000).

³Бутин Михаил Дмитриевич (1835–1907) — купец, меценат, ученый, коллекционер. В 1866 году с братом Николаем Бутиным открыл фирму «Торговый дом братьев Бутиных». В 1870 году снарядил экспедицию в Китай, участвовал в составлении предложений для русско-китайского торгового договора.

⁴Чекановский Александр Лаврентьевич (1833–1876), член ВСОИРГО, ученый, геолог, исследователь Сибири.

⁵Загоскин Михаил Васильевич (1830–1904), правитель дел ВСОИРГО, писатель, общественный деятель, создатель первых частных газет в Сибири.

⁶Иван Дементьевич Черский (1845–1892), член ВСОИРГО, географ, геолог, палеонтолог

экспедиции исследователь проделал путь от села Култук до острова Ольхон. На всем пути проводил геогностические и геологические исследования, он собрал материал для составления карт и профилей, а также большую петрографическую коллекцию. В последующие годы И. Д. Черский занимался вулканологическими исследованиями в Тункинской котловине, географическими исследованиями Сибирского почтового тракта, исследовал Нижнеудинскую пещеру [7, л. 8].

Знаменитый географ, этнограф Потанин Григорий Николаевич (1835–1920), с 1879 г. действительный член ВСОРГО, в 1887–1890 гг. правитель дел [7, л. 112], совершил ряд экспедиций в Монголию: в 1877–1878 гг., 1879–1880 гг., 1884–1886 гг., 1899 г. Итоги экспедиций составили два тома «Очерков Северо-Западной Монголии». Выпуск I «Очерков» содержит в себе материалы по физической географии и топографии Северо-Западной Монголии [14]. Во время экспедиции 1877–1878 гг. поручиком П. А. Рафаиловым¹ была составлена карта Северо-Западной Монголии, которая прилагается к «Очерку» Г. Н. Потанина и является основным картографическим материалом данного региона от озера Улюнгур до озера Косогол.

В 1883 г. была совершена поездка Я. П. Дуброва в Монголию, давшая кроме этнографических и географических сведения о Монголии. Маршрут экспедиции был опубликован в «Известиях ВСОИРГО» от 1884 г. [4]. В статье содержится информация о реках, горах, хребтах Монголии, расстояниях от одного пункта до другого. Отчетам экспедиции было посвящено еще несколько выпусков «Известий».

Таким образом, Сибирский, а позже Восточно-Сибирский, Отдел РГО во второй половине XIX в. создал базу и определил направления дальнейших исследований географии этнической Бурятии и Монголии. Экспедиции, осуществленные членами Отдела в указанный период, картографические материалы, путевые заметки, статьи составили основу научного изучения Восточной Сибири и Монголии. Собранные географические материалы, топографические сведения способствовали решению пограничных вопросов России с Монголией, Китаем.

Литература

1. Башкевич Н. Описание реки Иркута от Тунки до впадения в р. Ангару // Записки СОИРГО. — СПб., 1856. — Кн. I. — С. 1–53.
2. Виноградов Г. Этнографические изучения ВСОРГО 1851–1926 гг. // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1927. — Т. I, вып. 1. — С. 3–37.
3. Геологические исследования в Иркутской губернии. Письмо Чекановского к правителю дел Сибирского Отдела А. Ф. Усольцеву // Известия ИРГО. — СПб., 1869. — Т. V. — Отд. II. — С. 24–25.
4. Дуброва Я. П. Маршрут экспедиции Я. П. Дуброва к берегам реки Селенги // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1884. — Т. XV, № 1–2. — С. 1–92.
5. Исследования и материалы. Описание лесов и мест удобных для русских поселений // Записки СОИРГО. — Иркутск, 1867. — Кн. IX–X. — С. 167–218.
6. Летопись Сибирского Отдела // Записки СОИРГО. — Иркутск, 1865. — Кн. VIII. — С. 1–33.
7. ОГУ ГАИО (Областное государственное учреждение Государственный архив Иркутской области). Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 17.
8. Обзор важнейших географических работ в России за 1865 год // Известия Императорского Русского географического общества. — СПб., 1866. — № 6. — С. 31.
9. Отчет о действиях Сибирского Отдела за первое полугодие 1852 г. // Записки СОИРГО. — СПб., 1856. — Кн. I. — С. 33–38.
10. Отчет ВСОИРГО за 1879 год // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1880. — Т. XI, № 1–2. — С. 8–83.
11. Поездка к границам Монголии кн. Апакидзе // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1870. — Т. I, № 1. — С. 53–55.
12. Полянская О. Н. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского. — Улан-Удэ, 2008. — 228 с.
13. Полянская О. Н. Эпистолярное наследие о монгольских народах Внутренней Азии российских путешественников конца XIX — начала XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. — 2008. — Вып. 7. — С. 131–137.

¹Рафаилов Петр Алексеевич (1848–1926) — генерал-майор, внес вклад в изучение Сибири, Алтая и Монголии. В 1876–1877 гг. составил 50-верстную карту Северо-Западной Монголии. Под его руководством осуществилось издание многих карт Азиатской России и сопредельных стран Востока / [Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Библиографический словарь. — М.: Вост. лит., 2005. — С. 201].

14. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1881. — Вып. I. — 425 с.
15. Частная экспедиция в Восточную Монголию и Китай для открытия товарного пути // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1870. — Т. I, № 1. — С. 6.
16. Чекановский А. Геологическое исследование в Иркутской губернии. — Иркутск, 1874. — 402 с.
17. Чекановский А. Местность у южной оконечности Байкала в отношении геологического характера // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1870. — Т. I, № 1. — С. 22–28.
18. Чекановский А. Краткий отчет о результатах исследований в лете 1871 г. // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1872. — Т. II, № 5.
19. Шишмарев Я. Поездка от города Урги на реку Онон // Записки СОИРГО. — Иркутск, 1865. — Кн. VIII. — С. 138–149.

References

1. Bashkevich N. *Opisanie reki Irkut ot Tunky do reki Angary* [Description of the Irkut river to the confluence with the Tunka district. Angara] Zapisky SOIRGO. SPb., 1856. B. I. P. 1–53.
2. Vinogradov G. *Etnograficheskie izucheniya VSORGO 1851–1926* [The ethnographic study ESDRGS 1851 – 1926 yearp.] Izvestiya VSORGO. Irkutsk. 1927. P.3–37
3. *Geologicheskie isledovaniya v Irkutskoy gubernii. Pismo Chekanovskogo k pravitelju del Sibirskogo otdela A.F. Usolcevu* [Geological studies in the Irkutsk region. Chekanowski Letter to the governor of the Siberian Division of AF cases Usoltsev] Izvestiya IRGO. St. Petterbur. 1869. V. 5 P. 24–253
4. Dubrova Ya.P. *Marshrut ekspedicii Ya.P. Dubrova k beregam reki Selengi* [The route of the expedition JP Dubrova to the banks of the river Selenga] Izvestiya VSORGO. Irkutsk. 1884. V. XV. No1–2. P. 1–92
5. *Isledovaniya i materialy. Opisanie lesov i mest udobnih dlya russkih poseleniy* [Research and Materialp. Description forests and places convenient for Russian settlements] Zapisky SOIRGO. Irkutsk 1867. P. 167–218
6. *Letopis Sibirskogo otdela* [Annals of the Siberian Division] Zapisky SOIRGO. Irkutsk 1865. P. 1–33.
7. *RI SAIR (Regional institutions of the State Archive of the Irkutsk region)* [Regional government agency State Archive of Irkutsk region].
8. *Obzor vazhneyshih geograficheskikh rabot v Rossii za 1865 god.* Izvestiya IRGO. St. Petterbur 1866. No.6. P.31
9. *Otchet o deystviyah Sibirskogo Otdela za pervoe polugodie 1852 goda* [Report on the activities of the Siberian Division of the first half of 1852] Zapisky SOIRGO. St. Petterbur. 1856. P. 33–38.
10. *Otchet VSORGO za 1879 god* [Report VSOIRGO for 1879] Izvestiya VSORGO. Irkutsk, 1880. V.XI. No. 1–2. P.8–83
11. *Poezdka k granitsam Mongolii knyazya Apakidze* [A trip to the borders of Mongolia Prince. Apakidze] Izvestiya SOIRGO. Irkutsk 1870. No.1. P.53–55
12. Polyanskaya O.N. *Epistoljarnoe i dnevnikovoe nasledie mongoloveda O.M. Kovalevskogo* [Epistolary and diary Mongolian heritage OM Kovalevsky]. Ulan-Ude. 2008. 228 p.
13. Polyanskaya O.N. *Epistoljarnoe nasledie o mongolskih narodah Vnutrenney Azii rossiiskih puteshestvenikov XIX — nachala XX veka* [Epistolary heritage of the Mongolian people of Inner Asia Russian travelers late XIX - early XX century] Vestnik Buryatskogo gosudarstvenogo universiteta Bulletin of the Buryat State University. Vol.7. Istoriya. 2008. P. 131–137
14. Potanin G. N. *Ocherky Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on the north-western Mongolia] St. Petterbur. 1881. 425 p.
15. *Chasnaya expeditiya v Vostochnuyu Mongoliyu i Kitai dlya otkritiya tovarnogo puty* [private expeditions to Eastern Mongolia and China to open commercial way] Izvestiya SOIRGO. Irkutsk. 1870. No.1. P.6
16. Chekanovskiy A. *Geologvheskoe isledovanie v Irkutskoy gubernii. Irkutsk* [Geological research in the Irkutsk region]. 1874. 402 p.
17. Chekanovskiy A. *Mestnost u yuzhnoy okonechnosti Baikala v otnoshenii geologicheskogo kharaktera* [The area at the southern tip of Lake Baikal in relation to the geological nature] Izvestiya SOIRGO. Irkutsk. 1870. No.1. P.22–28
18. Chekanovskiy A. *Kratkiy otchet o rezultatah isledovaniy v lete 1871* [Summary of the research in Summer 1871] Izvestiya SOIRGO. Irkutsk.1872.V.2. No.5
19. Shishmaref Y. *Poezdka ot goroda Urga na reku Onon* [The trip from the town of Urga River Onon] Zapisky SOIRGO. Irkutsk. 1865. P. 138–149.

УДК 316.344.273.4:338(571.54)

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–7–221–224

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В БУРЯТИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

© Горковенко Оксана Николаевна

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: oksana-nik@inbox.ru

Статья посвящена социальным процессам российского общества в условиях трансформации. Переход России к рынку привел к глубочайшей дифференциации общества и обострил экономические, политические и социальные проблемы. Социальное неравенство — это серьезная проблема развития российского общества и страны в целом. Ключевые тенденции развития и существования социальной сферы направлены лишь на углубление дифференциации, вследствие чего маргинализации части населения. Происходит наложение новых форм социального расслоения на существующие, в связи с чем группа маргиналов только увеличивается. Результатом является огромная разница в доходах необеспеченных слоев населения и немногочисленного верхнего слоя. Практически непреодолимой становится разница в возможностях доступа к ресурсам культурного и интеллектуального развития. Характер социального неравенства формирует отношение к труду, мотивирует на разного рода конфликты, приводит к разногласию и разобщенности в обществе.

Ключевые слова: социальное неравенство, безработица, социальное здоровье общества, трансформация, рыночные отношения, дифференциация, маргинализация населения, верхний слой, качество жизни, радикальные реформы, демографические проблемы.

SOCIAL CONDITIONS OF UNEMPLOYMENT IN BURYATIA AT THE TURN OF THE 20–21 CENTURIES

Oksana N. Gorkovenko

Research Assitant, Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

This article focuses on the social processes of the Russian society in the conditions of transformation. Russia's transition to a market economy has led to a profound differentiation of society and exacerbated the economic, political and social problems. Social inequality is a serious problem for the development of the Russian society and the country as a whole. Key trends in the development and existence of the social sphere are directed only at deepening differentiation and marginalization of the part of the population. Attaching of new forms of social stratification on existing ones takes place, that is why a group of only marginals increases. The result is an insurmountable difference of unsecured income segments of the population from a top stratum that is not numerous. The gap between these strata becomes almost insurmountable in the opportunities for access to the resources of cultural and intellectual development. The nature of social inequality shapes the attitude to work, motivates to various conflicts, leads to dissension and disunity in society.

Keywords: social inequality, unemployment, social health of society, transformation, market relations, differentiation, marginalization of population, top stratum, quality of life, radical reforms, demographic problems.

На рубеже XX–XXI веков наша страна находилась в непростых политических и социально-экономических условиях. Переход к новым общественно-экономическим отношениям был затруднен рядом факторов. Ментальность советского человека не принимала новые рыночные отношения. Российское общество в ходе радикальных преобразований находилось в неведении о перспективах такого реформирования. Это отразилось на понимании и оценке нового политического и экономического уклада. Несмотря на коммунистические идеалы старшего поколения, все дальше в историю уходит презрение к деньгам. Формирование новой рыночной среды оказывает существенное влияние на социальные и экономические

приоритеты общества — рост значимости материального обеспечения. Среди молодежи укрепилась установка на жизненный успех в сочетании с богатством и материальным благополучием. Деньги стали для молодого поколения не только средством удовлетворения потребностей и целью жизни, но и мерилем успеха. Переход России к рынку является закономерным явлением, но сложившаяся внутренняя обстановка приобрела неоднородный характер, отличающий нашу страну от многих других стран. Трансформация всех сторон жизни российского общества сказалась на социальном и демографическом положении населения. В современных условиях социально-культурных изменений, происходящих в России, изменилась и структура общества, произошла переоценка актуальности ценностей прошлого и настоящего времени. Во многом ценностная сфера россиян обусловлена спецификой советского времени, которая связана с сохранением уставов традиционного общества, особенно в социально-политической сфере. Распад Советского Союза и советской системы, кардинальные изменения социально-экономических условий оказали влияние на мировоззрение, перемену ценностей, социальных установок, а главное, трансформировалась структура общества. Это выразилось в крайней дифференциации, ухудшении здоровья, демографических показателей общества, безработицы и маргинализации большей части населения. Несмотря на негативное влияние радикальных реформ на жизнь общества, есть и благоприятные моменты перехода России к рынку.

Сегодня у всех есть мобильные телефоны, а не так давно это считалось роскошью. В 2000-е годы они были лишь у 11 % счастливых обладателей, в основном живущих в Москве. В 1990-е годы лишь единицы имели компьютеры, которые стоили целое состояние. Сегодня компьютерная техника доступна основной части работающего населения. В 2011 году около 7 миллионов россиян отдохнули за рубежом, тогда как всего 10 лет тому назад — 800 тысяч человек. Двадцать первый век дал возможность приобрести собственное авто. Более 2 миллионов человек купят новые автомашины, а в 2000-х годах — около 600–800 тысяч, при этом надо иметь в виду, что основная их часть в прошлом была подержанной [1]. Также нельзя не обратить внимание на внешний облик современного человека: большинство жителей страны достаточно хорошо и модно одеты.

В последние 10 лет люди стали ощущать некую стабильность в плане выплат заработной платы, социальных пособий, в том числе пенсий и стипендий. Большинство работающего населения страны может позволить себе приобрести в кредит необходимую бытовую технику и новую мебель.

Без тени сомнений, это позитивные моменты рыночных реформ, но радикальных изменений не случилось. Большинство граждан живут в тех же квартирах, что и 10 лет назад, на новых автомобилях мы ездим по старым дорогам. В России стало меньше аэропортов, а самолеты перестали производиться, мы покупаем технику за рубежом. Качественные характеристики здравоохранения и образования далеко не самые лучшие [2].

Экономические реформы стали результатом глубокого социального неравенства. Обращение к этой проблеме позволяет создать реальную картину социальных изменений в обществе, но выявить качественную сторону этого вопроса достаточно затруднительно. К сожалению, официальная статистика не дает полной информации по данной проблеме. Рассмотрение данной проблемы именно в этом русле дает возможность оценить социальные условия, качество и уровень жизни населения жителей Бурятии и всей страны в целом. Одной из главных социальных проблем современного общества является безработица и низкий уровень доходов.

Безработица — социальное явление в системе рыночных отношений, понимаемое как отсутствие работы для трудоспособных граждан. Безработный — гражданин, который может работать, но не работает по целому ряду объективных причин. Безработицу принято относить к числу кризисных ситуаций в жизнедеятельности человека. В Бурятии в 2009 году было зафиксировано пиковое значение уровня безработицы — 19,4 %, в 2012 году общая численность безработных сократилась в 2 раза и составила 53 тысячи человек [3]. В 2015 году министер-

ство труда прогнозирует рост безработицы на 7,8 %. Премьер-министр Дмитрий Медведев призывает правительство принять меры по сдерживанию ее на прежнем уровне. Экономисты предупреждают, что старые меры, принятые во время кризиса 2008–2009 годов, могут не подействовать. В 2014 году кризисное положение экономики ухудшилось из-за принятых антироссийских санкций и критически низких цен на нефть.

По данным Бурстата, уровень безработицы на февраль 2015 года составил 7,8 % из общего числа занятого населения. На первый взгляд, это не угрожающие цифры, однако безработица в Бурятии носит скрытый характер, а 7,6 % неработающих граждан — это только те, кто стоит на учете в службе занятости, поэтому реальное число безработных определить трудно. Во всяком случае, эта цифра не соответствует официально регистрируемому данным. Часть жителей республики предпочитают не оформляться безработными и занимаются поиском работы самостоятельно, кто-то пользуется услугами кадровых агентств, есть и такие граждане, которые не являются официально уволенными, а находятся в неоплачиваемом отпуске от своего предприятия, т. е. временно без работы. Есть определенный слой людей, которые годами не работают и не стремятся изменить свое положение. Как правило, это маргинализованные группы населения — «бомжи». Для этих людей работа не является фактором улучшения своего социального положения.

Безработица — это не только неуверенность в завтрашнем дне, но и экстремальная ситуация, которая не учитывается статистикой, такая как гибель человека. По данным Росстата, в 1990-е годы резко увеличилось число самоубийств людей трудоспособного возраста. Например, в США при повышении числа безработных граждан увеличивается и процент самоубийств. Это означает, что для конкретного человека потеря работы является фактором риска для жизни, здоровья и существования.

Число зарегистрированных безработных граждан РФ в конце 2011 года составило 1 595 тыс. человек. В начале 2012 года в 2,5 раза сократилась численность безработных, находящихся в режиме неполной занятости, по сравнению с тем же периодом 2011 года [4].

По данным Бурятстата, в 2012 году безработных мужчин было на две тысячи человек больше, чем женщин. В поисках работы ежегодно находится около 19,5 тысяч мужчин и 17,5 тысяч женщин, что составляет 40,1 % от всего трудоспособного населения республики. Статистика показывает, что в среднем каждый безработный житель Бурятии находится в поисках нового места работы около одного года. Лишь 20 % безработных находят ее в сравнительно короткие сроки от 3 до 5 месяцев. Для Бурятии примечателен тот факт, что в первую очередь о работе спрашивают у родственников, друзей, знакомых — так делает почти 60,3 % безработных [5].

Главной проблемой рынка труда Бурятии является его несбалансированность. На период 2013–2014 годов в службе занятости от 1 128 предприятий были поданы заявки на 10 126 вакансий. В большинстве вакансий востребованы рабочие специальности, сотрудники социальных, образовательных и медучреждений, а также специалисты в отрасли сельского хозяйства.

Средний возраст безработных россиян составляет 35,7 лет. Молодежь до 25 лет составляла среди безработных 26 %, в том числе в возрасте 15–19 лет — 6 %, 20–24 лет — 20 % [6].

Уровень безработицы напрямую зависит от социально-экономической ситуации в стране. В условиях экономического кризиса ситуация на рынке труда только ухудшается. Заработная плата обесценивается из-за падающего рубля и бесконтрольной продовольственной инфляции. Разница в доходах порождает социальное расслоение общества.

Разница в доходах групп населения составляет 18 раз, в то время как в среднем по стране — более 15 раз. По этому показателю республика ближе к менее развитым регионам Приволжского ФО, тогда как в развитых Самарской области, Пермском крае, Башкортостане и Татарстане разница составляет 14–19 раз [7]. Отраслевые различия в заработной плате стали одним из важнейших факторов неравенства доходов населения. Отставание оплаты труда в отраслях социальной сферы и агросекторе сопоставимо со средним по стране. Территориальные различия в оплате труда в промышленности проявляются довольно четко и зависят от специализации районов Республики Бурятия. Большая часть малообеспеченных

жителей республики сконцентрирована в сельской местности и малых городах, где катастрофически не хватает рабочих мест, а вследствие этого происходит массовая алкоголизация населения. Все еще высок уровень бедности в некоторых социальных группах (одиноким пенсионеры, многодетные и неблагополучные семьи). Для решения социальных проблем населения Бурятии необходим комплекс мер, программ по сокращению безработицы, социального неравенства, тем более что это происходит в период еще действующего экономического кризиса.

Литература

1. Митупов К. Б.-М., Горковенко О. Н. Социальные и демографические процессы в Бурятии на рубеже XX–XXI вв. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2014. — 166 с.
2. URL: <http://www.baikal-daily.ru>

References

1. Mitupov K. B.-M. Gorkovenko O. N. *Sotsial'nye i demograficheskie protsessy v Buryatii na rubezhe KhKh-KhKhI veka vv* [Social and demographic processes in Buryatia at the turn of the twenty-first century century]. Ulan-Ude. 2014. 166 p.
2. <http://www.Baikal-daily.ru>

УДК 351.74(091)(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-225-229

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ В XVIII в.

© **Евтехов Роман Артурович**

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: romachka1818@rambler.ru

Правоохранительная деятельность полиции в отношении гражданства осуществлялась в Российской империи не в полной мере. В статье рассматриваются основные нововведения в нормативно-правовых актах центрального правительства, направленных на регламентацию деятельности городской полиции. Источниками исследования послужили неопубликованные архивные материалы государственного архива Республики Бурятия и опубликованные законодательные акты, которые в целом составляют нормативную базу деятельности органов полиции города Верхнеудинска. Основные документы, рассмотренные в статье, позволяют определить правовое положение органов полиции, их функции, штат, структуру, подчиненность, ответственность за свою деятельность. Анализ функциональных обязанностей городской полиции и коменданта подвел автора к выводу об общей подчиненности полиции интересам государства, несмотря на то, что содержание ее относилось на счет городского населения.

Ключевые слова: городская полиция, правоохранительная деятельность, комендант, уездный город, Иркутская губерния, городничий, регламент.

LEGISLATIVE BASIS OF CITY POLICE ACTIVITIES IN THE 19th CENT.

Roman A. Evtekhov

Research Assistant of the department of general and national history, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The modern concept of the law enforcement of the police activities in relation to citizenship in the Russian empire didn't fully perform. Considering the basic legal regulations of the central government aimed at regulating the activities of the Metropolitan Police, the author describes the innovations introduced by them. The sources of the research were unpublished archival materials of State Archive of the Republic of Buryatia and published legislation Acts which generally constitute the regulatory framework of the police activities in Verkhneudinsk. The key documents discussed in the article allow us to determine the legal status of the police departments, their functions, personnel, structure, subordination, responsibility for their activities. The analysis of the functional responsibilities of the city police and commandant led the author to the conclusion that the total subordination of the police to the state interests, despite the fact that its maintenance was regarded to the account of the urban population.

Keywords: city police, law enforcement, commandant, county town, Irkutsk Province, mayor, regulations.

Актуальность исследований вопросов, связанных с организацией и функционированием полицейских органов Российской империи, обусловлена изменением взаимоотношений государства и общества в 90-е годы XX века и новыми тенденциями усиления полицейского контроля России в начале XXI века. Опыт организации и взаимодействия государства и общества в области правоохранительной деятельности может использоваться и на данном этапе, когда российское общество ищет новые пути корректирования своих взаимоотношений с силовыми органами.

Вопрос о качестве охраны прав и свобод гражданства определяется в том числе через нормативно-правовую базу, в которой четко оговариваются функции учреждения полиции. Нормативная база — это основа деятельности любого государственного учреждения. Изучение нормативных актов позволяет определить, каков основной функционал правоохранительных органов и какие основные тенденции он имеет. Являются ли органы правопорядка действительными защитниками прав и свобод либо это система контроля государства над обществом.

В Государственном архиве Республики Бурятия состоит на хранении несколько фондов, имеющих прямое отношение к деятельности полиции в конце XVIII–XIX веках. Среди них основные: фонд 90 — Верхнеудинская городская полиция, фонд 88 — Управление Верхнеудинского коменданта, фонд 20 — Верхнеудинский городской магистрат и фонд 11 — Верхнеудинская городская управа и городничий. В фонде 88 отложились делопроизводственные документы канцелярии коменданта (ведомости, рапорты), переписка (промемотии, сообщения) и нормативные документы (указы коменданта, губернского правления). В этом же фонде отложились акты центрального правительства (указы, штаты, уставы, инструкции, положения). В фонде 90 протоколы заседаний, приказы, указы, распоряжения городничего. В фондах 11, 20 отложились указы и сообщения Верхнеудинской городской полиции и городничего, указы Иркутского губернского правления. В этом объеме документов так или иначе присутствуют указания и ссылки на акты центрального правительства, регламентировавшие деятельность Верхнеудинской полиции.

Сравнительный анализ показывает, что функции современной полиции как системы охраны правопорядка, призванной предотвращать преступную деятельность и вести уголовное делопроизводство, не всегда совпадают с функционалом полиции Российской империи второй половины XVIII века — первой половины XIX века, которая не была ориентирована на охранение гражданства, важнейшую, на наш взгляд, задачу данной структуры. Об этом писал видный российский историк права И. И. Дитятин еще во второй половине XIX века. Описывая структуру полиции XVII века, он указывал, что «объезжие головы» (прообраз квартальных надзирателей) совершали объезд города не столько в интересах гражданства, сколько по казенным надобностям, так же как и пожароохранные мероприятия осуществлялись не для того, чтобы оградить посады от огня, а для того, чтобы не пострадали казенные здания и склады [3, с. 311].

Характерным для полицейского законодательства XVIII–XIX веков является понятие «благочиние», которое дословно обозначает «приличие, благопристойность, благоустройство, примерное поведение». Причиной этого является первоочередность задач, связанных с охраной интересов государства и обеспечения «внешнего» порядка. Среди наиболее ранних документов с упоминанием этого термина выделяется «Наказ о градском благочинии» (1649). Документ предписывал организацию уличного ночного и дневного дозора, пресечение хулиганства, драк, разврата, воровства. Большая часть документа посвящена противопожарным мерам, уголовно-следственная работа не предусматривалась.

К наиболее важным регламентирующим документам, обнаруженным среди описи документов, находящихся при Верхнеудинской полиции, относятся «Регламент главного магистрата» (1721), «Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам» (1728), «Устав управы благочиния» (1782). В описи документов указаны четыре законные книги — собрания указов Петра I, Екатерины Алексеевны, Петра II, «Учреждение для управления губерний» (1775), а также относящиеся к XIX веку. «О средствах к исправлению полиции в городах» (1803) и «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний (1862) [2, л. 20–21]. Здесь же собраны многочисленные инструкции, уставы, штаты, регламенты различных учреждений, документы, касающиеся санитарных, хозяйственных, военных и других сфер жизни города, которые были необходимы полиции для контроля над порядком и исполнением этих документов ведомственными присутствиями.

Вообще, вопрос использования и хранения столь важных документов очень интересен. Во-первых, точно известно, что в первой трети XIX века в городе еще не было архива для хранения документов. При вступлении на должность городничего П. А. Измайловым в одном из первых пунктов его «записки для памяти» был вопрос о состоянии архивов, подобраны ли, где хранятся, кто за ними смотрит [2, л. 7]. Для нового городничего были подготовлены обстоятельные ответы на его записку, в частности, по делу архивов было указано, что при полиции имелись дела с 1765 года. Здесь нужно оговориться, что эта дата совпадает с предполагаемым началом службы первого коменданта Удинска. Было ли в это время уже образовано

полицейское правление, сказать пока очень сложно, но если учесть, что в списке хранящихся при полиции в 1814 году законных книг многие относятся к военному ведомству, можно заметить, что часть их отложилась из канцелярии коменданта. Поэтому вполне возможно, что часть хранимых полицией документов является на самом деле документами канцелярии коменданта. Так или иначе было указано, что документы до 1808 года, провозглашенные от высшего начальства, были приведены в порядок городничим П. Е. Решетниковым и переданы им служащему при полиции подканцеляристу Стрелкову и хранились там же. При необходимости документы изыскивались и использовались в делопроизводстве, в том числе по прошениям других присутственных мест. Так, земский комиссар Левин, обращаясь к коменданту Константинову с просьбой о доставлении узаконений о моровой язве и скотском падеже, предположил, что такие документы должны храниться только в полиции или архиве.

«Регламент главного магистрата» 1721 г. — один из ранних документов, который предписывал создание «доброй полиции» как регулярной службы в государстве. В этом документе правительство Петра I попыталось отразить европейский вариант создания полиции — местными самоуправляемыми единицами — магистратами. Однако малочисленность и экономическая нестабильность городского населения не только не позволили этого сделать, но и впоследствии поставили магистраты под контроль полиции. Кроме того, местное самоуправление и полиция оказались в условиях некоего противоборства. Так, расширение компетенции городского самоуправления в XIX веке шло за счет уменьшения полномочий полиции [7, с. 48]. «Наказ губернаторам, воеводам и их товарищам» 1728 г. ограничивал функции воевод и губернаторов «татебных, разбойных и убивственных» делами, а также разбором гражданских жалоб. В помощь им определялись военные команды. Окончательное, юридическое подчинение полиции губернскому правлению было положено «Наставлением губернаторам» 1764 г. За исключением столицы полиция Российской империи подчинялась губернским канцеляриям, губернатор становился высшим полицейским звеном губернии.

Этот период совпал с перегруппировкой войск в Забайкалье в связи с указом императрицы Екатерины II от 28 ноября 1763 года, в котором отмечалась необходимость укрепления границы с маньчжурами. 11 октября 1764 года была образована Иркутская губерния. В этом же году изданный указ о гарнизонных батальонах с положением о штате определял для состояния в Удинске одну роту, поддержание порядка в котором поручалось коменданту в звании майора [1, л. 19]. Комендант, пришедший на смену воеводе, фактически полностью перенял его функционал. Он занимался административными, хозяйственными, санитарными, полицейскими, пожароохранными и прочими вопросами посадской части города. Часто к коменданту обращались как к высшему начальнику в городе за скорейшим разрешением частных городских вопросов. Как бы подчеркивая свою роль главы города, томский комендант так и писал «...а как здешнего города я старший...» [9, с. 29].

Согласно ордеру иркутского губернатора А. И. Бреля на имя коменданта майора Мертвцова, полицию должен возглавлять обер-комендант или комендант [2, д. 144, л. 17]. Впоследствии с учреждением Удинской провинциальной канцелярии в 1775 году, которая была обоснована Брилем, этот вопрос вновь был поднят воеводой. На основании многочисленных нормативных документов воевода артиллерии И. В. Тявешев требовал передачи полицейского правления в ведение провинциальной канцелярии и его лично как единственного в городе градоначальника. Комендант, секунд-майор И. А. Аппелегреин отвечал, что, «почитая и наводя справки», данное требование удовлетворить невозможно, мотивируя это указами Иркутской губернской канцелярии и отсутствием указаний руководства к передаче полиции под ведомство воеводы. Сложность этой ситуации заключалась в том, что со времени издания указа о возможности губернаторов избирать коменданта по своему усмотрению эта должность не имела строгой регламентации. В то же время их деятельность зачастую регулировалась особыми актами о должности, в которых прописывались их обязанности и задачи по управлению крепостью и городом, как, к примеру, общеизвестное описание должности коменданта

Тифлиса и прочих городов Грузии. В этом плане коменданты полностью копировали предшествующих им воевод.

Важнейшим документом для становления общих положений о полиции, ее структуре и функциях является «Учреждение для управления губерний» 1775 года. Этот документ вводил новое административно-территориальное деление страны, регламентировал создание сельской полиции. Общее руководство полицией возлагалось на наместническое правление (генерал-губернатор), непосредственное руководство — на комендантов, при их отсутствии — на городничих. Для этих должностей были более четко разработаны задачи по сохранению благочиния и порядка в городе, фактически они стали ответственными за сохранение порядка и благочиния. В функционал городничих и комендантов входило обеспечение безопасности, пожарной охраны, санитарная инспекция, досмотр за местными органами управления, исправностью коммуникаций, ведение делопроизводства, сбор рекрутов и другое. Вся эта деятельность осуществлялась при помощи полиции, городской команды и караула. Таким образом, документ устанавливал жесткий полицейский контроль над территорией города. Однако этот документ не устанавливал источников материального обеспечения полиции, средства и способы достижения порядка в городе.

Продолжение регламентации деятельности полиции связано с изданием в 1782 году «Устава благочиния или полицейского». Документ предписывал создание в городах коллегияльного органа полицейской охраны, возглавляемого комендантом (городничим) управы благочиния. Город делился на части для удобства ведения уличного надзора. К основным функциям управы относились сохранение порядка, добронравия и благочиния, контроль над исполнением обязательных указов и постановлений центрального правительства, поимка беглых и беспаспортных, контроль цен и торговли и прочие задачи, предписанные городничему по «Учреждению для управления губерний», а также оглашение постановлений правительства. Однако наиболее важной была подробная роспись штата городской полиции, его функционал и реализация: порядок ведения следствия, допроса, действий полиции при различных преступлениях. Данный документ скрупулезно регламентировал службу городской полиции, о чем свидетельствует факт действия устава вплоть до 1862 года без существенных изменений и дополнений.

Российская полиция в силу своей прямой подчиненности интересам государства не имела ориентированности на общество, хотя и содержалась местными (уездными, губернскими) городскими обществами. Это было установлено указом ЕИВ от 18 декабря 1797 года: «...по городам, где учреждены донныне городские полиции, содержание их относится на счет городов... таким же образом поступать и по другим губерниям, в коих по знатнейшим городам окажется нужно устроить подобную полицию» [8, с. 848]. В соответствии с данным указом было принято решение о создании Верхнеудинского городского полицейского присутствия, о чем коменданту С. А. Константинову был выслан соответствующий указ [1, д. 716, л. 8]. Утверждая штат городской полиции, Константинов руководствовался сведениями о городской полиции городов Новгородской губернии, которые имелись в его распоряжении. Наиболее подходящим оказался штат городской полиции города Старая Руса. С использованием этих и других нормативно-правовых баз и на основе устава благочиния под руководством коменданта 10 октября 1798 года была учреждена Верхнеудинская городская полиция.

Таким образом, основные нормативно-правовые акты, рассмотренные выше, являются источниками учреждения и функционирования городской полиции в окраинных уездных городах Российской империи. Эти документы регламентируют все детали деятельности полицейских органов на местах, объем штатов, материальное обеспечение, ежедневные обязанности, подчинение, отчетность и даже некоторую моральную составляющую. Стоит отметить, что полиция по уездным городам российской империи в целом была унифицирована, создавалась по общему утвержденному штату и пользовалась основным регламентирующим документом — Уставом благочиния.

Анализируя основные акты центрального правительства о структуре и деятельности

городской полиции, можно сделать вывод о том, что в последней трети XVIII века была заложена основная регламентирующая база, которая обеспечивала деятельность городской полиции в Российской империи. Основные функциональные обязанности полиции сводятся к контролю за миграцией, соблюдению противопожарных и санитарных норм, решению административных вопросов и разбору гражданских жалоб. Основная тенденция деятельности полиции была направлена на защиту интересов государства и контроль общества, но теми же документами были предусмотрены элементы правовой защиты населения от посягательств на их жизнь, имущество, честь и прочее.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 88. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАРБ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 138.
3. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. — СПб.: Тип. П. П. Меркульева, 1875. — 507 с.
4. История органов внутренних дел: сб. документов. Вып. 2. Общая полиция в России XVIII века / сост. А. Я. Малыгин, М. И. Сизиков. — Курск: РОСИ, 1998. — 38 с.
5. Кручинин В. Н. Становление и развитие законодательства о полиции в России в XVIII — начале XX вв.: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01 / Академия управления МВД России. — М., 1998. — 199 с.
6. «Наказ о градском благочинии» от 30 апреля 1649 года [Электронный ресурс]. — URL: <http://fireman.ru/myzei/istor1/uk1649.htm> (дата обращения: 17.12.2014).
7. Паликова Т. В. Культура городов Прибайкалья (вторая половина XIX века — 1917 год). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — Ч. 1. — 118 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. — СПб.: Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830. — Т. XX. — 1034 с.
9. Чернова И. В. Томская городская полиция в конце XVIII — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Томский гос. ун-т. — Томск, 2005. — 181 с.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya* [State Archive of the Republic of Buryatia]. f. 88. op. 1. d. 2.
2. *GARB* [State Archive of the Republic of Buryatia]. f. 90. op. 1. d. 138
3. Dityatin I. I. *Ustroystvo i upravlenie gorodov Rossii* [Design and management of cities in Russia]. — Sankt-Peterburg. 1875. P. 507.
4. *Istoriya organov vnutrennikh del : sbornik dokumentov. Vyp. 2. Obshchaya politsiya v Rossii XVIII veka* [The history of internal affairs: a collection of document p. Vol. 2. General Police in Russia XVIII century] sost. A.Ya. Malygin. M.I. Sizikov. Kursk. 1998. P. 38 .
5. Kruchinin V. N. *Stanovlenie i razvitie zakonodatel'stva o politsii v Rossii v XVIII — nachale XX vv. : di p. ... kand. jur. nauk : 12.00.01* [Formation and development of the law on police in Russia in XVIII - early XX centurie p. : Di p. ... Cand. legal Sciences] Akademiya upravleniya MVD Rossii. Moskva. 1998. P. 199.
6. «*Nakaz o gradskom blagochinii*» ot 30 aprelya 1649 goda ["Instructions on Gradskij deanery" from April 30. 1649] <http://fireman.ru/myzei/istor1/uk1649.htm> (data obrashcheniya - 17.12.2014)
7. Palikova T. V. *Kul'tura gorodov Pribaykal'ya (vtoraya polovina XIX veka — 1917 god)* [Culture Pribaikalye cities (the second half of the XIX century - 1917)]. Ulan-Ude. 2010. Part. P. 118.
8. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Tom XX. St. Petterbur. 1830. P. 1034 .
9. Chernova I. V. *Tomskaya gorodskaya politsiya v kontse XVIII — nachale XX vv. : di p. ... kand. Ist. Nauk : 07.00.02* [Tomsk city police in the late XVIII - early XX centurie p. : Di p. ... Cand. Historical. sciences]. Tomsk. 2005. P. 181.

УДК 930(571.54)“1918/22”

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-230-235

ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

© Минаева Вера Юрьевна

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: vera-minaeva.1990@mail.ru

Рассмотрение этапов формирования научного изучения представленной проблемы позволяет по-новому взглянуть на Гражданскую войну и иностранную интервенцию в Забайкалье. Анализ первых журнальных статей позволил выявить роль воспоминаний очевидцев в формировании общественного мнения по поводу событий, происходивших в сложный период становления советской власти в Забайкалье. В статье уделено особое внимание работам зарубежных и региональных авторов, которые в первую очередь опирались на архивные источники, воспоминания очевидцев и в которых отражено отношение населения к событиям Гражданской войны в Бурят-Монгольской АССР.

Ключевые слова: Сибирь, Забайкалье, Бурят-Монгольская АССР, гражданская война, иностранная интервенция, российская и зарубежная историография, региональные исследования.

HISTORIOGRAPHY OF THE CIVIL WAR AND FOREIGN INTERVENTION IN TRANSBAIKALIA (TO THE STATEMENT OF PROBLEM)

Vera Yu. Minaeva

Research Assistant of the department of general and national history, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The consideration of the stages of formation of the scientific study of the problem allows a fresh look at the Civil War foreign intervention in Transbaikalia. The analysis of the first magazine articles has revealed the role of eyewitnesses in shaping public opinion on the events that took place in a difficult period of Soviet power formation in Transbaikalia. The particular attention is paid to foreign and regional works, stressing that these works are primarily based on archival sources, memoirs of eyewitnesses and tried to reflect the mood of the public to events of the Civil War in the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic.

Keywords: Siberia, the Transbaikalia, the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, Civil War, foreign intervention, Russian and foreign historiography, regional studies.

Крупнейшая драма XX века — Гражданская война и иностранная интервенция в России — привлекает внимание ученых, политиков, писателей и просто людей, интересующихся историей и по сей день. Особенностью Гражданской войны было ее тесное переплетение с антисоветской военной интервенцией стран Антанты. Противники большевиков выдвигали собственные модели политического устройства как России в целом, так и Сибири в частности. Лидеры антибольшевистских сил стремились противопоставить советской власти и реализовать более значимую и приемлемую для населения страны идеологическую программу на основе европейских либеральных образцов.

Историческую литературу по рассматриваемой проблеме можно разделить на два периода — советский и постсоветский.

В советский период отечественная историография темы основывалась на базе марксистско-ленинской идеологии [24, с. 6]. В рамках этого периода выделяются несколько этапов. На первом этапе (с 1917 г. до начала 1930-х гг.) существовала некоторая свобода дискуссий в рамках действующей идеологии. Основной проблематикой исторических исследований являлось изучение военно-политической борьбы и политики большевистской партии в Забайкалье

в период Гражданской войны и военной интервенции. Деятельность ее противников рассматривалась отрывочно. Анализу программ политического устройства буферных государственных образований внимания практически не уделялось [16, с. 29].

В период 1930–1950-х гг. в историографии господствовала «сталинская концепция» Гражданской войны, идеологической основой которой стал «Краткий курс истории ВКП(б)» [12, с. 209]. Многие архивные источники оказались недоступными для исследователей, а авторы исторических работ подверглись репрессиям. Для исследований этого времени характерны обезличивание исторического процесса, отсутствие анализа идеологии и политических программ противников коммунистов.

С 1956 г. начался новый этап историографии проблемы, характеризующийся возрождением ленинской концепции истории Гражданской войны. В научный оборот были введены новые источники, опубликованы обобщающие работы по теме [13, с. 123].

Целенаправленное изучение отечественными учеными антибольшевистских сил в Сибири началось во второй половине 1960-х гг. В рамках рассматриваемой проблемы выделяются монографии Л. М. Спирина, в которых впервые были четко обозначены два основных, соперничающих друг с другом в идеологическом плане направления в антибольшевистском лагере — республиканское и монархическое [20, с. 56]. В работе Н. Г. Думовой показаны различия в представлениях о политическом устройстве России среди кадетов [9, с. 36]. В монографиях Г. З. Иоффе освещена идеологическая борьба внутри Белого движения и анализируются кадетские и монархические модели политического устройства страны [14, с. 89].

Исследованию правосоциалистической части антибольшевистского лагеря посвятили свои работы целый ряд историков, проанализировавших практическую деятельность эсеровских правительств и их взгляды на постреволюционное политическое устройство России в целом [5, с. 63].

Политика интервентов и их планы, касающиеся построения буферных государств под своим протекторатом на территории Сибири и Дальнего Востока, были рассмотрены в монографиях А. В. Березкина, Г. А. Гвишиани, С. С. Григорцевича, Е. И. Поповой и др. [8, с. 32]. Большое внимание советскими учеными было уделено истории создания и особенностям политической системы ДВР. Историография по этой теме включает работы Н. А. Авдеевой, Л. М. Папина, Н. П. Егунова и др. [1, с. 78–79]. В них показаны причины и цели образования ДВР, стремление коммунистов к широкой коалиции с правосоциалистическими и кадетскими элементами при проведении внутренней политики и в вопросах организации системы властных органов. Среди множества публикаций можно выделить работу Н. П. Егунова, которая стала одним из первых исследований модели политического устройства антибольшевистских государственных образований.

Важной проблеме посвящена работа Б. М. Шерешевского о режиме Г. М. Семенова [23, с. 103]. Автор подчеркивает его прояпонскую ориентацию и диктаторский характер правления, но не затрагивает проблему формирования институтов власти в Забайкалье. В рамках нашего исследования заслуживают внимания работы В. И. Василевского, который рассмотрел деятельность Г. М. Семенова в плане создания им системы органов власти на подконтрольной территории, а также его противоречивые проекты и идеи по созданию сепаратного панмонгольского государства под своим руководством [3, с. 105].

Со второй половины 1980-х гг. наметилось расширение источниковой базы и тематики исследований. Среди этих трудов следует выделить публикации В. Д. Зиминой, показавшей противоречия, с которыми столкнулись белые режимы при попытке создания индустриального общества [10, с. 39]. Особое внимание внутренней и внешней политике белых режимов в Дальневосточной республике уделено в монографиях Н. П. Бучко и Т. А. Орнацкой [18, с. 88].

Региональная историография представленной проблемы начинается с работ статейного характера. Одной из первых попыток научного исследования гражданской войны была работа П. Парнякова и В. А. Чащина, написанная на основе воспоминаний и материалов периодической печати [19, с. 6]. В этот же период немалую роль сыграл журнал «Жизнь национально-

стей», издававшийся в Москве. Для нашего исследования стал интересен материал статьи И. Архинчеева, в которой сделана попытка определения периодизации Гражданской войны в Бурятии [2, с. 55–57].

Привлекает внимание монографическое исследование П. И. Еврасимова и К. Б.-М. Митупова «Троицкосавская трагедия» и документальные материалы, основанные на личных воспоминаниях очевидцев борьбы за советскую власть в Троицкосавске, приведенные в статье И. П. Кожикова «Борьба за Советскую власть у ворот Монголии» [15, с. 38].

В этом же журнале опубликованы воспоминания командира 1-го эскадрона Кавказского полка И. Строда об освободительной миссии и характере борьбы с армией Семенова и Унгерна не только на территории Забайкалья, но и в Монголии [21, с. 126]. Огромный вклад в раскрытие заявленной темы внесли труды В. П. Гирченко [6, с. 78].

К юбилеям образования Бурят-Монгольской АССР, затем Республики Бурятия внимание региональных исследователей к освещению наиболее важных вопросов периода Гражданской войны и иностранной интервенции усилилось. Так, в 1955 году была опубликована рукопись 2-го тома «История БМАССР». Во второй главе, написанной П. Т. Хаптаевым, приводится большой фактический материал по истории Гражданской войны и иностранной интервенции в Забайкалье [22, с. 53].

Для исследуемой проблематики важным событием стал выход 3-го тома «Истории Бурятии. XX век». В этом труде на основе комплексного подхода анализируется внутренняя и внешняя политика антибольшевистских режимов, функционирование Дальневосточной республики, крах Белого движения и прекращение иностранной интервенции в регионе [11, с. 105–108]. Отечественную литературу по истории Гражданской войны середины 1980-х — 2000-х гг. дополняет историографическая работа Т. А. Немчиновой, в которой показаны новые направления в исследовании по теме и их источниковая база [17, с. 45].

Важное место в историографии проблемы занимают работы представителей эмигрантских кругов — Г. К. Гинса, С. П. Мельгунова, К. В. Сахарова, Г. М. Семенова, И. И. Серебренникова и др., в которых показаны разногласия внутри антибольшевистского лагеря по вопросу политического устройства как России в целом, так и отдельных ее регионов [7, с. 62]. Зарубежные историки акцентируют свое внимание, в первую очередь, на проблеме интервенции как составной части внешней политики «великих держав» в начале XX в. [4, с. 109].

Исследовательскую литературу по теме иностранной интервенции, как отечественную, так и зарубежную, можно условно разделить на две группы. К первой группе стоит отнести литературу общего характера и конкретно исторические исследования. Ко второй группе — литературу по исследованию средств массовой информации, коммуникации и пропаганды в годы интервенции и Гражданской войны в России. Долгое время самым распространенным источником для зарубежных исследователей также были официальные публикации дипломатических документов. На основе этих документов были написаны книги и статьи по истории Гражданской войны и интервенции в России, которые в разные годы выходили в США, Англии, Франции, Канаде и других странах, принимавших активное участие в этих событиях. В этой связи можно назвать работы таких известных американских исследователей, как Б. М. Унтербергер, Дж. Кеннан, Дж. Уайт, Р. Ульман, К. Смит и др. Анализ многих публикаций позволяет нам отметить тот факт, что западных историков история интервенции интересовала гораздо больше, чем сама Гражданская война. В целом для представителей данного направления были характерны попытки под разными предлогами оправдать сам факт вторжения стран Антанты и США на территорию Сибири. Исключение может составить работа Н. Перейры «Сибирь — политика и общество в гражданской войне». Как пишет сам автор, «эта книга — о провале контрреволюции (“демократической” и других) в Сибири».

Современная отечественная историография по истории иностранной интервенции базировалась главным образом на публикациях дипломатической переписки. Однако за последние десятилетия появилось большое количество историографических и источниковедческих работ, в которых нашли отражение основные направления современных исследований по исто-

рии Гражданской войны и иностранной интервенции. Этот этап отличается от предыдущего тем, что была расширена источниковая база исследований, в том числе за счет засекреченных прежде документов (российских) центральных и местных, а также зарубежных архивов.

В 1990-х гг. российскими исследователями основной упор был сделан на изучении хода вооруженного вторжения союзников в различных регионах бывшей Российской империи. Внимание историков также привлекли вопросы, связанные с взаимоотношениями «белых» правительств и интервентов. Это исследования С. П. Звягина, Г. А. Трукана, Д. Н. Шевелева, М. В. Шиловского, А. В. Шмелева и др.

Подводя итоги, необходимо отметить, что события Гражданской войны и иностранной интервенции получили широкое отражение в советской и зарубежной историографии. Материалы анализируемых исследований представляют несомненный интерес и дают возможность полнее реконструировать этот период в истории России.

Литература

1. Авдеева Н. А. Дальневосточная республика (1920–1922 гг.). — Хабаровск, 1957; Папин Л. М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. — М., 1957; Егунов Н. П. Очерки истории Дальневосточной республики. — Улан-Удэ, 1972. — 115 с.; Гавло Ю. М. Государственный строй Дальневосточной республики. — Томск, 1978. — 180 с.; и др.
2. Архинчев И. Бурят-монголы и Октябрьская революция // Жизнь национальностей. — 1921. — № 4.
3. Василевский В. И. Забайкальская белая государственность в 1918–1920 годах: Краткие очерки истории. — Чита, 2000. — 182 с.
4. Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. — М., 1960; Суэйн Дж. Перед схваткой (по поводу проблемы «третьего пути») // Гражданская война в России: перекресток мнений. — М., 1994. — С. 70–93; Пайпс Р. Три «почему» русской революции. — СПб., 1996. — 94 с.; Перейра Н. Г. О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. — М., 1996. — 196 с.; и др.
5. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств. — М., 1970. — 294 с.; Гусев К. В. История «демократической контрреволюции» в России. — М., 1973. — 64 с.
6. Гирченко В. П. Революционная деятельность иностранных интернационалистов военнопленных в Восточной Сибири. — Верхнеудинск, 1933; Его же. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.). — Улан-Удэ, 1940.
7. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 гг. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 672 с.; Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. — М.: Айрис-Пресс, 2004. — 580 с.; Устрялов Н. В. В борьбе за Россию. — Нью-Йорк, 1987; Сахаров К. В. Белая Сибирь // Дело не получило благословения бога. — Хабаровск, 1992. — 368 с.; Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. — М.: АСТ, 2002. — 378 с.; Серебрянников И. И. Гражданская война в России: Великий отход / сост. и предисл. В. А. Майера. — М.: АСТ; Ермак, 2003. — 695 с.
8. Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на Советском Дальнем Востоке и ее разгром (1918–1922 гг.). — М., 1957. — 199 с.
9. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. — М., 1982.
10. Зиминова В. Д. Белое движение в годы Гражданской войны. — Волгоград, 1997. — 485 с.; Её же. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. — М., 2006. — 467 с.; и др.
11. История Бурятии: в 3 т. / Правительство Респ. Бурятия, Учреждение Рос. акад. наук Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии Сиб. отд-ния РАН; гл. ред. и рук. проекта Б. В. Базаров; редкол.: А. П. Деревянко [и др.]. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
12. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. — М., 1938. — 352 с.
13. История гражданской войны в СССР: в 5 т. — М., 1957–1960. — Т. 3–5; Кузьмин Г. В. Гражданская война и военная интервенция в СССР. — М., 1958. — 360 с.; История Сибири. — Л., 1968. — Т. 4. — 389 с.; и др.
14. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. — М., 1977. — 320 с.; Его же. Колчаковская авантюра и ее крах. — М., 1983; и др.
15. Кожиков (Ивин) И. П. Борьба за Советскую власть у ворот Монголии // Пролетарская революция. — 1926. — № 9. — 161 с.
16. Майский И. М. Демократическая контрреволюция. — М., 1923; Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири. 1918–1920. — М., 1924; Строд И. Унгерновщина и семеновщина // Пролетарская революция. — 1926. — № 9; Ярославский Е. М. Третья сила. — М., 1932; и др.
17. Немчинова Т. А. Современная российская историография белого движения в Сибири. — Улан-

- Удэ, 2002. — 243 с.
18. Орнацкая Т. А. Внешняя политика Дальневосточной республики (1920–1922 гг.). — Хабаровск, 2008. — 258 с.; Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы, политика (1917–1922). — Хабаровск: Частная коллекция, 2009. — 256 с.
 19. Парняков П. О семеновщине. — Иркутск, 1918; Чашин В. А. Памяти В. М. Серова // Красная Голгофа: сборник. — Благовещенск, 1920.
 20. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). — М., 1967. — 438 с.; Его же. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1922 г.). — М., 1977. — 364 с., и др.
 21. Строд И. Унгерновщина и семеновщина (1920–1921 г.) // Пролетарская революция. — 1926. — № 9(56). — С. 98–150.
 22. Хаптаев П. Т. Бурят-Монголия в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.) // История БМАССР. — Т. 2. История Советского периода. — Улан-Удэ, 1955.
 23. Шерешевский Б. М. Разгром семеновщины. — Новосибирск, 1966. — 240 с.
 24. Шерман И. А. Советская историография гражданской войны в СССР (1920–1931). — Харьков, 1964. — 340 с.; Наумов В. П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР (1917–1922). — М., 1972; Берхин И. Б. Вопросы истории периода гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В. И. Ленина. — М., 1981; и др.

References

1. Avdeeva N. A. *Dal'nevostochnaya respublika (1920–1922 gg.)* [Far Eastern Republic]. Khabarovsk. 1957; Papin L. M. *Krakh kolchakovshchiny i obrazovanie Dal'nevostochnoy respubliki* [The collapse of Kolchak and the formation of the Far Eastern Republic]. Moscow. 1957; Egunov N. P. *Ocherki istorii Dal'nevostochnoy respubliki* [Essays on the history of the Far Eastern Republic]. Ulan-Ude. 1972. P. 115; Gavlo Yu. M. *Gosudarstvennyy stroy Dal'nevostochnoy respubliki* [The political system of the Far Eastern Republic]. Tomsk. 1978. P. 180.
2. Arkhincheev I. *Buryat-mongoly i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Buryat-Mongols and the October Revolution] *Zhizn' natsional'nostey*. 1921. No. 4.
3. Vasilevskiy V. I. *Zabaykal'skaya belaya gosudarstvennost' v 1918–1920 godakh: Kratkie ocherki istorii* [Transbaikalskaya white statehood in 1918–1920: A Short History]. Chita. 2000. P. 182.
4. Vil'yams V. E. *Tragediya amerikanskoy diplomatii* [The Tragedy of American Diplomacy]. Moscow. 1960.
5. Garmiza V. V. *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [The collapse of the Socialist-Revolutionary governments]. Moscow. 1970. P. 294.
6. Girchenko V. P. *Revolutsionnaya deyatel'nost' inostrannykh internatsionalistov voennoplennykh v Vostochnoy Sibiri* [The revolutionary activities of foreign internationalist prisoners in Eastern Siberia]. Verkhneudinsk. 1933
7. Gins G. K. *Sibir'. soyuzniki i Kolchak. Povоротnyy moment russkoy istorii. 1918–1920gg* [Siberia. allies and Kolchak. The turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow. Ayris-press. 2008. 672 p.
8. Grigortsevich P. P. *Amerikanskaya i yaponskaya interventsia na Sovetskom Dal'nem Vostoke i ee razgrom (1918–1922 gg.)* [The US and Japanese intervention in the Soviet Far East and its defeat (1918–1922 biennium)]. Moscow. 1957. 199 p.
9. Dumova N. G. *Kadetskaya kontrrevolyutsiya i ee razgrom* [Cadet counter-revolution and its defeat]. Moscow. 1982.
10. Zimina V. D. *Beloe dvizhenie v gody Grazhdanskoy voyny* [White movement during the Civil War]. Volgograd. 1997. 485 p.
11. *Istoriya Buryatii v 3-kh tomakh* [History of Buryatia in 3 volumes] *Pravitel'stvo Resp. Buryatiya. Uchrezhdenie Rop. akad. nauk. In-t mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sib. otd-niya RAN*; gl. red. i ruk. proekta B. V. Bazarov; redkol.: A. P. Derevyanko i dr. Ulan-Ude. 2011.
12. *Istoriya Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkiy kurs* [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short Course]. Moscow. 1938. P. 352.
13. *Istoriya grazhdanskoy voyny v SSSR. V 5-ti tomakh* [History of the Civil War in the USSR. In 5 volumes]. TT. 3–5. Moscow. 1957–1960; Kuz'min G. V. *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR [Kolchak adventure and its collapse]*. Moscow. 1958. 360 p.; *Istoriya Sibiri*. Vol. 4. Moscow. 1968. P. 389.
14. Ioffe G. Z. *Krakh rossiyskoy monarkhicheskoy kontrrevolyutsii* [The collapse of the Russian monarchist counter-revolution]. Moscow. 1977. P. 320.
15. Kozhikov I. P. (Ivin) *Bor'ba za Sovetskaya vlast' u vorot Mongolii* [The struggle for Soviet power at the gate of Mongolia] *Proletarskaya revolyutsiya*. 1926. No.9. P. 161.
16. Mayskiy I. M. *Demokraticheskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic counter-revolution]. Moscow. 1923

17. Nemchinova T. A. *Sovremennaya rossiyskaya istoriografiya belogo dvizheniya v Sibiri* [Modern Russian historiography of the White movement in Siberia]. Ulan-Ude. 2002. P. 243.
18. Ornatskaya T. A. *Vneshnyaya politika Dal'nevostochnoy respubliki (1920–1922 gg.)* [The foreign policy of the Far Eastern Republic (1920–1922 biennium)]. Khabarovsk. 2008. P. 258.
19. Paryankov P. *O semenovshchine* [About semenovschine]. Irkutsk. 1918.
20. Spirin L. M. *Klassy i partii v grazhdanskoy voyne v Rossii (1917–1920 gg.)* [Classes and parties in the civil war in Russia (1917–1920 biennium)]. Moscow. 1967. 438 p.
21. Strod I. *Ungernovshchina i semenovshchina (1920–1921)* [Ungernovschina and semenovschina (1920–1921)] *Proletarskaya revolyutsiya*. The proletarian revolution. 1926. No. 9 (56). P. 98–150.
22. Khaptaev P. T. *Buryat-Mongoliya v period inostrannoy interventsii i grazhdanskoy voyny (1918–1920 gg.) Istoriya BMASSR. tom. 2. Istoriya Sovetskogo perioda* [Buryat-Mongolia in the period of foreign intervention and the Civil War (1918–1920 biennium). BMASSR History. vol. 2. The history of the Soviet period]. Ulan-Ude. 1955.
23. Shereshevskiy B. M. *Razgrom semenovshchiny* [The defeat semenovschiny]. Novosibirsk. 1966. P. 240.
24. Sherman I. A. *Sovetskaya istoriografiya grazhdanskoy voyny v SSSR (1920–1931)* [Soviet historiography of the Civil War in the USSR (1920–1931)]. Khar'kov. 1964. P. 340.

УДК 351.74 (571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-236-240

МИЛИЦИЯ БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА НАЧАЛА 90-х ГОДОВ XX ВЕКА

© Балханов Владимир Юрьевич

соискатель кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета, начальник отделения анализа, планирования и контроля штаба Управления МВД России по г. Улан-Удэ Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: balkhanov1977@yandex.ru

В статье изложена краткая характеристика криминогенной обстановки в Бурятии в начале 1990-х годов, рассмотрена деятельность МВД Бурятии по противодействию преступности в условиях социально-экономического кризиса. Падение уровня жизни населения повлекло за собой значительную криминализацию общества. Была почти разрушена система профилактики преступлений и правонарушений, реальную угрозу стала представлять организованная преступность, активно распространялась наркомания. Происходившие процессы требовали эффективного реагирования со стороны милиции, находившейся в крайне сложном положении. В статье освещены основные этапы развития бурятской милиции в рассматриваемый период, принимаемые решения, знаковые события. Кратко описано участие сотрудников МВД Бурятии в Первой чеченской кампании. Приведены наиболее яркие примеры раскрытия резонансных преступлений и деятельности по обеспечению общественной безопасности, позволившей удержать криминогенную ситуацию в республике под контролем правоохранительных органов.

Ключевые слова: милиция, деятельность, преступление, правонарушение, преступность, криминогенная обстановка, подразделение.

BURYAT MILITIA IN THE CONDITIONS OF CRISIS IN THE EARLY 90's OF THE XX CENTURY

Vladimir Yu. Balkhanov

Competitor for scientific degree, Buryat State University, Head of the Department of Analysis, Planning and Control, Staff of Internal Ministry of Russia, Ulan-Ude
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article presents a brief description of the crime situation in the Republic of Buryatia in the early 1990's, reviews the activities of the Buryat Ministry of Internal Affairs on suppression local criminality in terms of socioeconomic crisis. After decline of living standards, a number of criminal organizations highly increased in the society. It was caused by the active promotion of the romantic way of thieves' life and the destruction of positive image of law enforcement divisions in the media. The criminality became a major social problem, it took new forms. A system of crimes prevention was nearly destroyed and the organized criminality became a real threat, the drug addiction actively spread in the society. These processes required the effective response by the militia which was in a very difficult situation. There was a lack of material support and the salaries were delayed. In addition, there was a mass dismissal of the experienced professionals and the professional level of militia officers decreased. This article highlights the key stages in the development of the Buryat militia in the period under review, the decisions which were made in that time and the most significant events. This article briefly describes the involvement of the MIA of Buryatia in the first Chechen campaign. The most striking examples are described on the disclosing the high-profile criminal cases and the different activities for ensuring public safety, which have allowed to keep the crime situation in the country under the supervision of law enforcement.

Keywords: militia, activity, crime, offence, criminality, crime situation, division.

В 1980-х гг. в МВД СССР был накоплен огромный опыт по борьбе с преступностью, за соблюдение законности и обеспечение правопорядка в стране. Имелась годами отработанная система подбора кадров: в милицию отбирали лучших по рекомендациям общественных организаций и трудовых коллективов, действовал институт поручительства. Система в целом была застрахована от случайных и «посторонних» лиц. Однако уже на рубеже 1990-х гг. в стране стали возникать локальные военные конфликты, начались криминальные «разборки»

в борьбе за передел сфер влияния и общенародной собственности. Системный кризис, поразивший общество, экономику и государство, самым негативным образом повлиял на различные сферы жизнедеятельности, наступил период серьезных экономических потрясений.

Сокращение оборонных заказов и переход к рыночным отношениям для большинства предприятий Бурятии оказалось фатальным. Снижение налоговых поступлений, рост неплатежей были обусловлены, прежде всего, повсеместным спадом производства. Число убыточных предприятий в 1994 году возросло до 490 из общего их числа 902 [1, с. 18].

По уровню жизни республика все более отставала от соответствующего среднероссийского уровня: если в 1990 г. отставание среднедушевого денежного дохода в регионе составляло 9 %, то в 1994 г. — уже 45 % [2, с. 2].

В 1990 г. уровень минимальной заработной платы составлял 80 р. На эти средства можно было приобрести 3,3 набора товаров и услуг, входивших в прожиточный минимум [3, с. 6]. Между тем розничные цены на продовольственные товары в течение только 1992 года выросли в 16,4 раза, на непродовольственные товары — в 15,2 раза [4]. Наряду со значительным ростом цен на продукты, промышленную продукцию, высокими тарифами на перевозки, энергоносители, жилищно-коммунальные услуги ситуацию усугубляла постоянная задержка выплаты заработной платы в бюджетной сфере.

Происходившие процессы усиливали социальную напряженность, люди все чаще принимали противоправные действия для решения накопившихся материальных проблем. Системная ломка механизмов государственного управления и катастрофическое снижение уровня доходов населения обусловили значительную криминализацию общества. В немалой степени этому способствовало активное продвижение тематики воровской романтики в средствах массовой информации и художественных произведениях того периода. Проводилась целенаправленная акция по разрушению положительного образа всех органов правопорядка в общественном сознании, по подрыву самоуважения офицерского корпуса. Переворот общественного сознания сопровождался активным процессом переоценки ценностей, в том числе и в сфере морально-этических норм, создавалась всеобщая иллюзия вседозволенности. Преступность превратилась в крупнейшую социальную проблему. Так, за два года количество преступлений, совершенных в Бурятии, увеличилось на 43 %: с 17 567 преступлений в 1990 г. до 25 176 преступлений в 1992 г. [5].

Под угрозой полного разрушения оказалась отработанная годами система профилактики детской преступности. Дети оказались предоставлены сами себе, многие из них влились в различные уличные группировки, постепенно превращавшиеся в кадровую базу преступности. Характерным для большинства группировок стали стиль и правила взаимоотношений, принятых в среде заключенных исправительно-трудовых учреждений, «блатной» сленг, осуществлялся принудительный сбор денег в «общак». Результатом отсутствия целенаправленной политики профилактики безнадзорности несовершеннолетних явился значительный рост подростковой преступности. Если в 1990 году несовершеннолетними на территории Бурятии было совершено 2 262 преступления, то в 1993 г. — уже 2 814 [6].

Серьезной проблемой стала организованная преступность, участились факты рэкета. Большая латентность данного вида преступлений способствовала быстрому разрастанию и обогащению разного рода преступных группировок, вскоре начавших борьбу между собой за передел сфер влияния и контроля над различными торговыми площадями.

Кроме того, начало девяностых обозначило глобальную проблему активного распространения наркомании, которая и по сей день является актуальнейшей для всего мирового сообщества. С 1990 по 1994 г. количество выявленных в Бурятии преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличилось вдвое (с 687 до 1301) [7].

Рост криминогенной активности населения требовал эффективного реагирования со стороны милиции, также находившейся в крайне сложном положении. Материальное обеспечение органов внутренних дел в тот период почти не осуществлялось. Сотрудники милиции по несколько месяцев не получали заработную плату, продовольственные пайки не выдавались.

Не хватало средств даже для обеспечения горюче-смазочными материалами служебных автомобилей. Личный состав органов внутренних дел республики нес службу на пределе своих физических и психологических возможностей. Заслуженный работник МВД СССР Г. К. Языков вспоминал: «Там, где должно быть по штату 515 следователей, числилось 230, где должно быть 615 сотрудников уголовного розыска, работали 227. Вместо 1000 милиционеров патрульно-постовой службы — только 338 человек» [8, с. 200].

В этих сложнейших условиях отсутствия финансирования было принято нестандартное решение бороться с преступностью за счет правонарушителей. Так, в 1992 г. был учрежден республиканский фонд «Правопорядок». В данный внебюджетный фонд перечислялись все штрафы, налагаемые на граждан и организации за административные правонарушения народными судами и органами внутренних дел республики.

Средства фонда «Правопорядок» оказали неоценимую помощь в деле противодействия преступности, обеспечивая бесперебойное функционирование правоохранительной системы республики. Благодаря фонду были построены и отремонтированы административные здания Селенгинского, Джидинского и Тарбагатайского районных отделов внутренних дел, помещения Советского и Иволгинского районных судов, здание СИЗО. Поддерживалась материально-техническая база, приобретались специальная и криминалистическая техника, транспорт и оружие, пишущие машинки и персональные компьютеры. В период с 1992 по 1994 г. на счет фонда «Правопорядок» поступило около 360 миллионов штрафных рублей, без преувеличения, сыгравших ключевую роль в профилактике и сдерживании преступности [8, с. 201].

В апреле 1990 г. в структуре аппарата МВД было создано подразделение по борьбе с организованной преступностью, зарекомендовавшее себя высокой эффективностью. Так, по итогам только 1992 г. было выявлено восемь организованных преступных групп. В том же 1992 г. впервые в республике было совершено заказное убийство — был убит улан-удэнский шоу-бизнесмен Павел Путин. Сотрудниками УБОП МВД Бурятии убийство было раскрыто, исполнители и заказчики (жители г. Хабаровска) арестованы и осуждены [9, с. 299].

В марте 1993 г. был создан отряд милиции особого назначения при МВД Бурятии, а в августе того же года республиканский ОМОН с честью прошел первое испытание, оказывая помощь населению во время наводнения, охраняя имущество жителей подтопленных домов от мародеров. Весной 1995 г. сотрудники ОМОН были задействованы в спецоперации по обезвреживанию вооруженных преступников, захвативших заложников и вертолет в аэропорту Улан-Удэ. Той же весной 1995-го группа вооруженных дезертиров бежала из военной части Гусиноозерска, убив нескольких сослуживцев. При проведении оперативно-разыскных мероприятий сотрудниками ОМОН дезертиры были задержаны.

С 1993 г. начинается укрепление милиции общественной безопасности. В рамках реализации требований нового Положения о милиции общественной безопасности штатная численность только отдельного батальона патрульно-постовой службы милиции МВД Бурятии увеличилась на 103 сотрудника, в 5 районах республики сформированы взводы, в семи — отделения ППС [10].

Одним из основных испытаний на прочность как для сотрудников МВД Бурятии, так и для всей российской милиции в тот период стало участие в первой чеченской кампании. Первым из бурятских милиционеров в Чечню прибыл 21 сотрудник специального отряда быстрого реагирования МВД Бурятии в конце декабря 1994 г. Они вошли в состав сводного отряда спецназа МВД России и принимали непосредственное участие в боях на улицах Грозного. В феврале 1995 г. был откомандирован сводный отряд отдельного батальона патрульно-постовой службы милиции МВД Бурятии в составе 35 человек. Вскоре в Чечню прибыли и сотрудники бурятского ОМОНа.

С первых дней нахождения на территории Чечни бурятские милиционеры зарекомендовали себя как профессионалы, решительные и мужественные, они показали высокий уровень боевой подготовки. В сложных условиях незнания местности, неприязни, а зачастую и враждебности мирного населения они проявляли необходимую выдержку, не поддавались

на провокации. При необходимости вступали в огневой контакт, четко исполняя поставленные задачи. Так, весной 1995 г. при зачистке населенного пункта Ведено сотрудниками МВД Бурятии была обнаружена штабная документация полевого командира Шамиля Басаева, списки боевиков и документы, удостоверяющие их личности. Все это было передано в службу контрразведки [11].

В декабре того же года в районе Гудермеса блокпост с бурятскими омовцами попал в окружение боевиков. Рядом с ними находились солдаты внутренних войск МВД России из Алтайского края. В течение десяти суток они были блокированы, без продуктов питания и дополнительного боекомплекта, но при этом продолжали выполнять свои боевые задачи. Командир отряда В. М. Мархаев лично выехал в качестве парламентария в расположение боевиков. Благодаря верно выбранной тактике переговоров, выдержке и мужеству ему удалось добиться разблокирования блокпоста без применения силы, сохранив тем самым жизни своих сотрудников и военнослужащих федеральных сил.

В целом же по Бурятии криминогенная обстановка оставалась под контролем правоохранительных органов. Если в 1991 г. сотрудниками бурятской милиции было раскрыто 11 тысяч преступлений, то в 1992 г. — 13 тысяч, а в 1993 г. — почти 15 тысяч преступлений. В результате проведенного комплекса профилактических мероприятий по итогам 1993 г. удалось сбить общий вал преступности: количество совершенных преступлений в сравнении с 1992 г. снизилось на 5,7 % и составило 23 739 преступлений [13]. Таким образом, МВД Бурятии в этих сложнейших условиях удалось сохранить основное профессиональное ядро опытных сотрудников, продолжавших успешно противостоять преступным проявлениям на территории республики.

Литература

1. Митупов К. Б.-М. Социальные процессы в Бурятии (90-е гг. XX в.). — Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001.
2. Гельман В. А. Экономическая трансформация Республики Бурятия в 1991–2000 гг. // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 8.
3. Боронова М. М. Социальные последствия рыночных реформ в Республике Бурятия в конце XX — начале XXI в. // Социально-экономическая трансформация Внутренней Азии (XVIII–XXI вв.): материалы межрегион. науч-практ. конф., посвящ. 90-летию Е. Е. Гармаханова / науч. ред. Т. Е. Санжиева. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012.
4. Социально-экономическое положение Республики Бурятия в 1992 году. Сообщение Госкомстата Республики Бурятия // Бурятия. — 1993. — 27 янв.
5. Текущий архив МВД по РБ. Материалы Информационного центра. Сборник статистических сведений о состоянии преступности за 1990 г., за 1992 г.
6. Текущий архив МВД по РБ. Материалы Информационного центра. Сборник статистических сведений о состоянии преступности за 1990 г., за 1993 г.
7. Текущий архив МВД по РБ. Материалы Информационного центра. Сборник статистических сведений о состоянии преступности за 1990 г., за 1994 г.
8. Языков Г. К. Так назначено судьбой. Милиция Бурятии: документы, воспоминания. — Улан-Удэ: Респ. тип., 2007.
9. Коробенкова Н. Д. Генеральские звезды. — Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. — Кн. 4.
10. Главное для нас — защитить честь и достоинство гражданина: интервью министра внутренних дел Бурятии С. Ф. Иванова // Бурятия. — 1994. — 26 янв.
11. За безопасность и правопорядок. ОМОН МВД Бурятии 10 лет // Бурятия. — 2003. — 29 мая.
12. Текущий архив МВД по РБ. Материалы Информационного центра. Сборник статистических сведений о состоянии преступности за 1992 г., за 1993 г.

References

1. Mitupov K. B.-M. *Sotsial'nye protsessy v Buryatii (90-e gg. XX veka)* [Social processes in Buryatia (90p. XX century)]. Ulan-Ude. 2001. P. 18.
2. Gel'man V. A. *Ekonomicheskaya transformatsiya Respubliki Buryatiya v 1991–2000 gg* [The economic transformation of the Republic of Buryatia in 1991–2000]. «Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya» - «Theory and Practice of Social Development». 2011 g. No. 8. P. 2
3. Boronova M. M. *Sotsial'nye posledstviya rynochnykh reform v Respublike Buryatiya v kontse XX-nachale XXI v.* [The social consequences of market reforms in the Republic of Buryatia at the end of XX-beginning of XXI century] Socio-Economic Transformation of Inner Asia (XVIII–XXI centuriep.):

- Mezhregion materialp. Scientific-practical conference. Conf., dedicated. 90th anniversary of Professor E. E. Tarmakhanova. nauch. red. T. E. Sanzhieva. Ulan-Ude: IZD-VO Buryatskogo gosuniversiteta. 2012. P. 6.
4. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Respubliki Buryatiya v 1992 godu. Soobshchenie Goskomstata Respubliki Buryatiya* [Socio-economic situation of the Republic of Buryatia in 1992. State Statistics Committee of the Republic of Buryatia] Buryatiya. Buryatia. 1993. 27 yanvarya.
 5. *Tekushchiy arkhiv MVD po RB. Materialy Informatsionnogo tsentra. Sbornik statisticheskikh svedeniy o sostoyanii prestupnosti za 1990 g.. za 1992 g.* [The current archive Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Materials Information Center. The collection of statistical data on crime for 1990. for 1992].
 6. *Tekushchiy arkhiv MVD po RB. Materialy Informatsionnogo tsentra. Sbornik statisticheskikh svedeniy o sostoyanii prestupnosti za 1990 g.. za 1993 g.* [The current archive Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Materials Information Center. The collection of statistical data on crime for 1990. for 1993].
 7. *Tekushchiy arkhiv MVD po RB. Materialy Informatsionnogo tsentra. Sbornik statisticheskikh svedeniy o sostoyanii prestupnosti za 1990 g.. za 1994 g.* [The current archive Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Materials Information Center. The collection of statistical data on crime for 1990. for 1994].
 8. G. K. Yazykov. *Tak naznacheno sud'boy. Militsiya Buryatii: dokumenty, vospominaniya* [Since appointed destiny. Police Buryatia: documents. memories]. – Ulan-Ude: OAO «Respublikanskaya tipografiya». 2007.
 9. N. D. Korobenkova. *General'skie zvezdy. Kniga 4* [General's star. book 4]. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya. 2005. P. 299.
 10. *Glavnoe dlya nas — zashchitit' chest' i dostoinstvo grazhdanina. Interv'yu Ministra vnutrennikh del Buryatii P.F. Ivanova* [The main thing for us - to protect the honor and dignity of the citizen. Interview with the Minister of Internal Affairs of Buryatia SF Ivanov] Buryatiya — Buryatia. 1994. 26 yanvarya.
 11. *Za bezopasnost' i pravoporyadok. OMON MVD Buryatii 10 let* [The security and law and order. OMON Buryatia 10 years] Buryatiya — Buryatia. 2003. 29 maya.
 12. *Tekushchiy arkhiv MVD po RB. Materialy Informatsionnogo tsentra. Sbornik statisticheskikh svedeniy o sostoyanii prestupnosti za 1992 g.. za 1993* [The current archive Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. Materials Information Center. The collection of statistical data on crime for 1992. for 1993].

УДК 930:323(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-241-245

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ (1991–2012 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© **Бухаев Олег Бадмаевич**

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул Ранжурова, 6

E-mail: oleg.bukhaev@mail.ru

В статье рассматривается история становления государственной молодежной политики в трудах ученых XXI в. На широком историографическом анализе показан процесс становления теоретических основ изучения моделей взаимодействия «государство — молодежь». Особый интерес представляют работы, вышедшие в последнее десятилетие, что связано в первую очередь с разработкой новых методологических подходов. Большое внимание уделено освещению вопросов региональных исследований, которые характеризуют изменения, происходившие в эти годы в самоопределении молодежи в связи с переменами в экономической, социальной, демографической ситуации в нашей стране. Проведен анализ опубликованных докладов государственных комитетов и ведомств по молодежной политике Российской Федерации и ее субъектов.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, историография, Республика Бурятия.

STATE YOUTH POLICY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA (1991–2012) IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY

Oleg B. Bukhaev

Research Assistant of the department of general and national history, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article considers the history of formation of the state youth policy in the works of the scientists of the XXI cent. The process of formation of the theoretical foundations of the study of models of interaction between state and youth has been revealed at the broader historiography analysis. The works published in the last decade are of the special interest, first of all it is concerned with the development of new methodological approaches. The great attention is paid to highlighting of the issues of the regional researches. In these works the most sufficient results are presented, they characterize the changes that happened in those years in the youth's self-determination because of the changes in economic, social, demographic situation in our country. The analysis of the published reports of the State Committees and Agencies for Youth Policy of the Russian Federation and its subjects has been made.

Keywords: youth, state youth policy, historiography, the Republic of Buryatia.

Перед правительством России в постсоветское время серьезно встал вопрос поиска новой модели государственного управления молодежью, от решения этой задачи зависит экономическое и культурное развитие страны. Одновременно с процессом становления новой модели взаимодействия «государство — молодежь» появляется необходимость в теоретическом осмыслении происходящего. В связи этим изучение процесса реализации молодежной политики в Российской Федерации и ее субъектах сегодня одна из весьма актуальных тем.

К наиболее ранним работам начала 1990–2000-х гг. можно отнести труды по молодежной политике М. А. Таранцева, П. В. Забелина, Е. Г. Слуцкого, В. Г. Игнатова, И. М. Ильинского [1]. Так, о необходимости преобразования всей государственной молодежной политики говорит М. А. Таранцев, он анализирует понятия «молодежная политика» и «региональная молодежная политика». И. М. Ильинский в своей работе дискутирует о существовании в России государственной молодежной политики. Исследователи этого периода рассматривали основные

аспекты всей политики государства в отношении молодежи, опираясь на социологические и социально-психологические методы.

Проблемы государственной молодежной политики в этот период нашли серьезное отражение в опубликованных докладах профильных департаментов и комитетов субъектов Российской Федерации [2]. В сообщения включены нормативные, информационные и аналитические документы, отражающие основы реализации государственной молодежной политики на примере конкретного региона. Приводится анализ действующих федеральных целевых программ.

2000-е годы характеризуются всплеском интереса к молодежной политике, молодежным движениям и организациям. Появляются работы П. В. Данилина, В. А. Смирнова, Р. И. Тимофеевой, С. Н. Чируна, Т. К. Ростовской, А. А. Зеленина, А. И. Клименко, О. В. Степанищенко, посвященные изучению структуры молодежных движений и анализирующие политическую составляющую российской молодежи [3], процесс институционализации региональной молодежной политики, рассматривающие проблемы, связанные с ее реализацией, акцентируя внимания на таком феномене, как молодежный экстремизм [4]. Исследователями предпринята попытка анализа политической активности молодежи. Представлены проекты реализации молодежной политики на отдельно взятом муниципальном районе, выделены критерии стратификации поколений, вопросы реализации государственной молодежной политики [5]. Отдельный интерес в контексте нашей работы представляет монография П. А. Меркулова, в которой на основе широкой источниковой и историографической базы рассмотрены исторические этапы появления и формирования понятий «молодежь» и «государственная молодежная политика» с 1649 по 1999 г. [6].

В 2015 г. на основе социологического проекта, начатого в 1965 г. В. Н. Шубкиным при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, выходит коллективный труд ученых Д. Л. Константиновского, М. А. Абрамовой, Е. Д. Вознесенской, Г. С. Гончаровой, В. Г. Костюк, Е. С. Поповой, Г. А. Чередниченко, в котором характеризуются изменения, происходившие в эти годы в самоопределении молодежи в связи с переменами в экономической, социальной, демографической ситуаций в нашей стране. Рассматриваются особенности социокультурного развития, устремления молодежи и ее действительные шаги при выборе пути после школы, особенности динамики социальной дифференциации при получении образования юношами и девушками разных поколений, основные компоненты, из которых у современной молодежи складывается представление о радикально меняющемся мире. Главное внимание уделено новым смыслам, которые современная молодежь вкладывает в формирование своих образовательных ориентаций и профессионального выбора [7].

Различным аспектам молодежной политики посвящены конференции, прошедшие за период с 2004 по 2014 г. в городах Улан-Удэ, Рязань, Москва, Волгоград, Чита и др. В дискуссиях этих мероприятий поднимались проблемы реализации государственной молодежной политики, избирательных прав молодых людей, вопросы влияния семьи, общества, школы на воспитание молодого поколения и многие другие насущные темы [8].

Все работы этого периода опираются в основном на современные социологические методы исследования. Историческую направленность носят лишь некоторые работы. Это связано в первую очередь с отсутствием временного промежутка между описываемыми событиями, а также тем, что перед исследователями стояли определенные задачи — выработка практических рекомендаций для профильных ведомств. Но следует отметить, что именно в этот период были заложены концептуальные основы для дальнейших исследований.

На региональном уровне молодежь и государственная молодежная политика в Республике Бурятия в начале XXI века были рассмотрены в работах С. В. Мантурова [9], А. З. Бадмаева [10], К. Б.-М. Митупова [11]. В исследованиях авторы проводят содержательный анализ стратегии государственной молодежной политики, принципов ее реализации на примере конкретного региона, критически освещают принципы и подходы федеральных и региональных органов власти в работе с молодежью, особое внимание уделяет также вопросам вовлечения молоде-

жи в социальную жизнь общества, противоречиям внутри самой молодежной структуры.

На региональном уровне особо стоит выделить работу Б. С. Гыргеновой, Ч. С. Мантуровой [12]. В своем исследовании авторы выявили главное направление деятельности государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровне, дали объективную оценку работе Государственного комитета Республики Бурятия по делам молодежи. В исследование четко прослеживаются этапы становления законодательной основы в отношении молодежи Бурятии. Это монография стала одним из основных обобщающих трудов по истории государственной молодежной политики республики в пореформенный период. Однако за прошедшее десятилетие появилась необходимость в обобщении и анализе новых источниковых данных и законодательной базы.

Значительный вклад в изучение отдельных аспектов жизни молодежи Республики Бурятия на современном этапе внесли работы Г. Е. Манзанова [13], А. Ю. Буяновой [14], В. В. Калашниковой [15], М. Д. Тезич [16], А. П. Воробьева [17]. На анализе архивных материалов, социологических исследований, мониторинге авторы попытались показать жизненные устои современной молодежи, ее этническую идентичность, религиозные взгляды, политическую активность, а также осветить проблемы формирования и развития неформальных объединений.

На современном этапе одним из приоритетных направлений деятельности государственной власти и органов местного самоуправления Российской Федерации стала реализация целей государственной молодежной политики. Анализ работ показал, что основная историографическая проблема изучения реализации государственной молодежной политики Республики Бурятия в XXI в. — это отсутствие обобщающих исторических исследований.

Литература:

1. Таранцов М. А. Региональная государственная молодежная политика. Взаимодействие государственных органов и общественных организаций в разработке и реализации региональной государственной молодежной политики: Вторая пол. 80-х — нач. 90-х годов XX в. — М.: Социум, 1996. — 157 с.; Забелин П. В. Молодежная политика: стратегия, идеи, перспективы. — М.: Луч, 1998. — 80 с.; Слуцкий Е. Г. Молодежная политика. История. Проблемы. Перспективы. — СПб.: ИСЭП РАН, 1999. — 87 с.; Игнатов В. Г., Нифанов А. Н., Беспаленко П. Н. Региональная молодежная политика: Проблемы и опыт становления. — Ростов н/Д.: Изд-во Сев.-Кавк. акад. гос. службы, 1999. — 239 с.; Ильинский И. М. Молодежь и молодежная политика. — М.: Голос, 2001. — 692 с.
2. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: документы, опыт, практика / Комитет Рос. Федерации по делам молодежи. — М., 1995. — Вып. 1. — 128 с.; Государственная молодежная политика в Российской Федерации. — М.: Логос, 2003. — 63 с.; Государственная молодежная политика в Хабаровском крае / Комитет по молодежной политике правительства Хабаровского края. — Хабаровск, 2004. — 33 с.; Молодежная политика в Кузбассе: сб. материалов / сост. О. А. Горяева, В. В. Ершов, И. А. Король; Департамент молодеж. политики и спорта Кемер. обл. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. — 174 с.; О ходе реализации молодежной политики в Российской Федерации. Студенчество России: задачи, перспективы развития: материалы выездного совещания Министерства образования и науки Российской Федерации в Уральском федеральном округе (18–19 марта 2004 года). — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2004. — 73 с.; Молодежь Республики Бурятия в 2006 году: государственный доклад / С. Д. Намсараев [и др.]; М-во образования и науки Респ. Бурятия, Ком. по молодежной политике. — Улан-Удэ: Респ. тип., 2007. — 227 с.; Анализ реализации государственной молодежной политики Республики Бурятия: доклад / подгот.: С. Д. Намсараев [и др.]; М-во образования и науки Респ. Бурятия. — Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. — 151 с.
3. Данилин П. В. Новая молодежная политика. 2003–2005. — М.: Европа, 2006. — 291 с.
4. Смирнов В. А. Региональная молодежная политика в условиях трансформации российского общества. — Кострома: Изд-во Костромской гос. с.-х. акад., 2007. — 228 с.; Тимофеева Р. И. Правовые основы государственной молодежной политики. — Стерлитамак: Изд-во Стерлитамак. фил. БашГУ, 2013. — 142 с.; Чирун С. Н. Молодежная политика в ситуации постмодерна: модели, механизмы, риски. — М.: Директ-Медиа, 2014. — 523 с.; Ростовская Т. К. Три кита управления государственной молодежной политикой в современной России. — М.: [б. и.], 2014. — 21 с.
5. Зеленин А. А. Молодежная политика Российской Федерации: инновационные технологии обеспечения и механизмы реализации. — М.; Кемерово: АСТШ, 2008. — 332 с.; Клименко

- А. И. Разработка основных направлений муниципальной молодежной политики. — М.: Перо, 2010. — 127 с.; Степанищенко О. В. Молодежь как объект государственной политики. — Краснодар: Изд-во Кубанск. гос. технол. ун-та, 2011. — 100 с.
6. Меркулов П. А. Государственная молодежная политика России — исторические этапы формирования. — СПб.: Алеф-Пресс, 2013. — 515 с.
 7. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д. Л. Константиновский [и др.]. — М.: ЦСПиМ, 2015. — 232 с.
 8. Молодежь Сибири на современном этапе: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию государственной молодежной политики Республики Бурятия (Улан-Удэ, 27 февр. 2002 г.) — Улан-Удэ, 2004; Проблемы молодежи и молодежной политики на этапе становления гражданского общества и правового государства в России: сб. науч. ст. (Рязань, 23 дек. 2005 г.) / отв. ред. Т. А. Батрова. — Рязань: Изд-во Рязан. обл. ин-та развития образования, 2006. — 146 с.; Будущее за молодежью: Межрегион. фестиваль молодого избирателя (Улан-Удэ, 20–23 июля 2006 г.). — Улан-Удэ: Респ. тип., 2007. — 151 с.; Молодежная политика: история, теория, практика: междунар. науч. конгресс / М-во спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, Российский гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма. — М.: Светотон, 2009. — 530 с.; Молодежь города в условиях модернизационных процессов Бурятии: материалы регион. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 23 апреля 2009 г.) / отв. ред. Е. Н. Палхаева; Бурятский гос. ун-т, Молодежная палата Народного хурала Респ. Бурятия, Совет молодых ученых г. Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. — 152 с.; Молодежная политика в условиях формирования гражданского общества и правового государства: материалы межвуз. студ. науч. конф. / Негос. образоват. учрежд. высш. проф. образования «Волгоградский ин-т бизнеса», юр. фак-т. — Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2012. — 224 с.; Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития: IV Междунар. науч.-практ. конф. (24–25 апреля 2014 г., г. Чита): сб. ст. / М-во образования и науки Российской Федерации, Федер. гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Забайкальский гос. ун-т». — Чита: ЗабГУ, 2014. — 177 с.; Правовые и социально-экономические аспекты молодежной политики в современной России: материалы IX Межвуз. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24–25 апреля 2014 г.) / Современная гуманитарная акад.; редкол.: Н. О. Васильев [и др.]. — М.: Изд-во СГУ, 2014. — 224 с.
 9. Этнонациональные ценности молодежи Бурятии (По результатам опроса молодежи) / П. И. Бабочкин, С. В. Мантуров, Е. Ф. Шуралева, В. А. Черняева. — М.; Улан-Удэ: Социум, 2000. — 58 с.; Мантуров С. В. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Республике Бурятия в начале XXI века. — Улан-Удэ, 2006; Мантуров С. В. Молодежь как социальный субъект в полиэтническом социуме. — М., 2006.
 10. Бадмаев А. З. Молодежное движение Бурятии (1985–2005 гг.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. — 103 с.; Бадмаев А. З. Стратегия государственной молодежной политики в РФ: попытка анализа // Вестник ВСГУТУ. — 2011. — № 3(34). — С. 32–38; Бадмаев А. З. Российский регион в осуществлении молодежной политики // Вестник Бурятского государственного университета. — 2011. — № 6. — С. 207–214.
 11. Митупов К. Б.-М. Группировки семидесятых: воспоминание: комментарии к статье А. Бадмаева // Вестник Евразии. — 2002. — № 1. — С. 105–110.
 12. Гыргенова Б. С., Мантурова С. Ч. Исторический опыт реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации (на материалах Республики Бурятия за 1991–2007 гг.). — Улан-Удэ: Бэлиг, 2011. — 141 с.
 13. Манзанов Г. Е. Религиозные традиции в ценностных ориентациях бурятской молодежи. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. — 114 с.
 14. Буянова А. Ю. Жизненные стратегии молодежи постсоветской Бурятии: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. — М., 2009. — 161 с.
 15. Калашникова В. В. Особенности формирования и развития молодежных субкультур Республики Бурятия в конце XX — начале XXI в.: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — Улан-Удэ, 2010. — 25 с.
 16. Тезич М. Д. Социокультурные факторы динамики этнической идентичности молодежи Бурятии и Тывы в постсоветский период: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 — СПб., 2012. — 26 с.
 17. Воробьев А. П. Электоральное поведение студенческой мол. в условиях современной России: на примере Республики Бурятия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. — Улан-Удэ, 2013. — 163 с.

References

1. Tarantsov, M. A. *Regional'naya gosudarstvennaya molodezhnaya politika. Vzaimodeystvie gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsiy v razrabotke i realizatsii regional'noy gosudarstvennoy molodezhnoy politiki : Vtoraya pol. 80 -kh - nach. 90- kh godov XX v.* [Regional state youth policy. The interaction of state bodies and public organizations in the development and implementation of the regional state youth policy: second floor. 80 -x - early. 90-ies of XX century] Moscow. 1996. P. 157.

2. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossiyskoy Federatsii: dokumenty, opyt, praktika. Kom. Rop. Federatsii po delam molodezhi. [Vyp. 1]* [The state youth policy in the Russian Federation: documents, experience, practice enter the Russian Federation Committee on Youth. [Issue 1]]. Moscow. 1995. P. 128.
3. Danilin P. V. *Novaya molodezhnaya politika. 2003–2005* [New youth policy]. - Moskva: Evropa, 2006. P. 291.
4. Smirnov V.A. *Regional'naya molodezhnaya politika v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Regional youth policy in the conditions of transformation of the Russian society]. Kostroma : Kostromskaya gos. p.-kh. akad. 2007. P. 228.
5. Zelenin A.A. *Molodezhnaya politika Rossiyskoy Federatsii: innovatsionnye tekhnologii obespecheniya i mekhanizmy realizatsii* [Youth Policy of the Russian Federation: innovative technologies and mechanisms to ensure the implementation]. Moscow. 2008. 332 p.
6. Merkulov P.A. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika Rossii - istoricheskie etapy formirovaniya* [State Youth Policy of Russia - the historical stages of formation]. Sankt-Peterburg : Alef-Press. 2013. 515 p.
7. Konstantinovskiy D. L., Abramova M. A., Voznesenskaya E.D, Goncharova G. P., Kostyuk V. G., E. P. Popova, G. A. Cherednichenko *Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya* [New strategies for educational meanings of youth: 50 years of research]. Moscow. 2015. 232 p.
8. *Molodezh' Sibiri na sovremennom etape* [Young people in Siberia at the present stage:] Materials Mezhrregion, scientific and practical. Conf., dedicated. 10th anniversary of the State Youth Policy of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude. 27 fevr. 2002 g. Ulan-Ude, 2004.
9. Babochkin P. I., Manturov P. V., Shuraleva E. F., Chernyaeva V. A. *Etnonatsional'nye tsennosti molodezhi Buryatii: (Po rezul'tatam oprosa molodezhi)* [Young people in Siberia at the present stage: Materials Mezhrregion, scientific-9. Ethno-national values of young people in Buryatia (According to a survey of young people)]. Moscow; Ulan-Ude : Sotsium, 2000. P. 58.
10. Badmaev A. Z. *Molodezhnoe dvizhenie Buryatii, (1985–2005 gg.)* [Youth movement Buryatia (1985–2005 biennium)]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosun-ta. 2006. P. 103.
11. Mitupov K.B-M. *Gruppirovki semidesyatykh: vospominanie — kommentarii k stat'e A.Badmaeva* [Groupings of the seventies: the memory - the comments to the article A.Badmaeva] Vestnik Evrazii - Journal of Eurasia. 2002. No. 1. P. 105–110
12. Gyrgenova B. P., Manturova P. Ch. *Istoricheskiy opyt realizatsii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii (na materialakh Respubliki Buryatiya za 1991–2007 gg.)* [The historical experience of the realization of the state youth policy in the Russian Federation (on materials of the Republic of Buryatia for 1991–2007.)] Ulan-Ude: Belig, 2011. P. 141.
13. Manzanov G. E. *Religioznye traditsii v tsennostnykh orientatsiyakh buryatskoy molodezhi* [Religious traditions in the value orientations of the Buryat youth]. Ulan-Ude. 1997. P. 114.
14. Buyanova A. Yu. *Zhiznennyye strategii molodezhi postsovetskoy Buryatii: dissertatsiya kand. ist. nauk - 07.00.09* [Life strategies of post-Soviet Buryatia youth: the dissertation of the candidate of historical sciences]. 2009. P. 161.
15. Kalashnikova V. V. *Osobennosti formirovaniya i razvitiya molodezhnykh subkul'tur Respubliki Buryatiya v kontse XX — nachale XXI vv.: avtoreferat kand. ist. nauk: 07.00.02* [Features of the formation and development of the youth subcultures of the Buryat Republic at the end of XX - beginning of XXI century .: author's PhD. History sciences]. Ulan-Ude. 2010. P. 25.
16. Tezich M. D. *Sotsiokul'turnye faktory dinamiki etnicheskoy identichnosti molodezhi Buryatii i Tyvy v postsovetskiy period: avtoreferat dip. ... kand sotp. nauk: 22.00.04* [Social and cultural factors affecting the dynamics of ethnic identity of young people in Buryatia and Tuva in the post-Soviet period: the author's abstract dip. ... PhD in Sociology]. Sankt-Peterburg. 2012. 26 p.
17. Vorob'ev A. P. *Elektoral'noe povedenie studencheskoy molodezhi v usloviyakh sovremennoy Rossii : na primere Respubliki Buryatiya : dissertatsiya kand. polit. nauk: 23.00.02* [Electoral behavior of student's youth in modern Russia: the case of the Republic of Buryatia: the dissertation of the candidate of political sciences]. Ulan-Ude. 2013. P. 163.

УДК 947.07. (571.5)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-246-252

ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

© Свиридова Наталья Борисовна

аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: delfin1979@list.ru

Статья посвящена анализу опубликованных источников по теме городского общественного управления последней трети XIX — начала XX в. Автор отмечает, что изучение по этому вопросу ведется со времени проведения городской реформы 1870 г. Поэтому для наиболее полного раскрытия данной проблемы используется трехчастная схема изложения материала, включающая дореволюционный, советский и современный периоды. На основе проведенной работы воспроизводится полная картина исследуемой темы на протяжении всех периодов. При рассмотрении дореволюционной и советской историографии автор приходит к выводу, что городскому управлению уделялось мало внимания. Лишь немногие ученые посвятили свои научные труды городскому общественному управлению последней четверти XIX в. — первой половины XX в. В статье подчеркивается, что в настоящее время выходит большое количество работ, посвященных городской реформе. Однако проблема изучения органов городского общественного управления в Забайкальской области еще не получила научной разработки и требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: историография, город, Забайкалье, органы городского общественного управления, городская реформа, последняя четверть XIX — первая половина XX в.

MUNICIPAL PUBLIC ADMINISTRATION IN THE TRANSBAIKAL REGION (HISTORIOGRAPHY REVIEW)

Natalya B. Sviridova

Research Assistant of the department of general and national history, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the analysis of the published sources on the topic of municipal public administration in the last third of the XIX — early XX cent. The author notes that the study on the subject is conducted since the municipal reform in 1870. Therefore, for the most complete revealing of the problem a three-part scheme of the material presentation is used, including a pre-revolutionary, Soviet and modern periods. On the basis of the work a complete view of the topic during all periods is reproduced. While considering the pre-revolutionary and Soviet historiography, the author concludes that less attention has been paid to municipal administration. Only a small number of scientists have devoted their scientific works to municipal public administration of the last quarter of the XIX century — the first half of the XX century. The article stresses that now a large number of works are being published at the national level, devoted to the municipal reform. However, the problem of the study of the municipal public administration in the Transbaikal region has not been developed in scientific researches yet and requires further study.

Keywords: historiography, city, Transbaikalia, public administration, municipal reform, the last quarter of the XIXth century — the first half of the XXth cent.

История изучения городского общественного управления в Забайкальской области последней трети XIX — начала XX в. в современных условиях реформирования местного самоуправления носит весьма актуальный характер. Поэтому вопрос об изученности проблемы является узловым и востребованным в современной исторической науке. Из возможных вариантов историографического обзора мы избрали хронологический, предполагающий трехчастную схему изложения материала, включающую дореволюционный, советский и со-

временный периоды.

Дореволюционная историография (1870–1917 гг.) вопрос о городском общественном управлении рассматривала с разных точек зрения. Данное обстоятельство связано с тем, что реформа касалась всех сторон жизни городского населения Российской империи, а авторы и были современниками городской реформы, и принимали непосредственное участие в ее реализации [1].

Исследователи городской реформы в своих трудах подробно изучали ее введение и применение на местах. Ими затрагивался процесс организации городского управления, его функции, особое внимание уделялось правовой базе Городских положений 1870, 1892 гг. При этом уже современники указывали на серьезные недостатки в городском законодательстве [2]. Одним из самых острых для многих авторов был вопрос о формировании избирательных собраний по имущественному признаку. Деление избирателей на три разряда констатировалось как неравенство и несправедливость избирательной нормы. Ведь налог с недвижимого имущества, поступавший в кассу города от избирателей 1 разряда, составлял 1/3 от суммы налога 2 и 3 разрядов, о чем свидетельствуют избирательные списки. Например, в Верхнеудинске в 1883 г. избиратели 1 разряда (12 человек) платили 610 р., 2 разряда (28 человек) — 475 р. и третьего (299 человек) — 500 р. [3, л. 44–62об.]. Вторым важнейшим вопросом, тесно связанным с первым, можно считать вопрос о городском бюджете. Городовое положение материальной основой деятельности городского общественного управления определило сбор податей и повинностей. Однако большинство городских дум столкнулись с дефицитом бюджетов: при постоянно растущих расходах доходы оставались почти неизменными, в результате чего проблемы городского благоустройства, народного здоровья или просвещения долгое время оставались нерешенными.

Дореволюционная историография, посвященная городскому общественному управлению Забайкалья, весьма скудна. Специальных исследований, посвященных городскому общественному управлению Забайкальской области или отдельным ее городам, не проводилось. Это связано с тем, что в регионе еще не был сформирован круг исследователей, отсутствовали научные учреждения, уровень образованности населения был ниже, чем в центральной части Российской империи.

Одной из немногих работ, затрагивающих вопросы городского управления, является труд А. И. Попова «Город Чита. Описание, путеводитель и справочник по городу Чите Забайк. области» [4]. Автор обращается к периоду введения Городового положения 1875 г. в Чите, освещая основные направления работы Читинской городской думы и управы. Однако информация носит поверхностный характер и не дает полного представления о деятельности городского управления, в том числе и потому, что жанр произведения — путеводитель и справочник — не предполагает анализа.

Ввиду отсутствия опубликованных материалов по истории городского управления в Забайкальской области в дореволюционный период большой вклад в изучение данного периода дают архивные источники, благодаря которым можно воспроизвести основные направления деятельности городских дум и управ.

В советский период (1917–1991 гг.) можно назвать небольшой ряд работ, предметом изучения которых стали вопросы городского самоуправления в Российской империи. Исследования советских авторов немногочисленны и затрагивают городское общественное управление отдельных городов Российской империи. Все они в большинстве своем опираются на марксистскую доктрину и идею классового противоречия.

Стоит отметить, что в начале 20-х гг. XX в. наблюдался интерес к теме с точки зрения подведения итогов деятельности городского управления, которые в целом учеными виделись крайне негативными. Так, Л. А. Велихов в своем труде, вышедшем в 1928 г., критиковал Городское положение 1892 г. в несистематичности, неясности терминов, неполноте компетенций городского управления, что в итоге и привело к разрушению городского хозяйства [5].

Основным специалистом по городскому общественному управлению в советский период

является В. А. Нардова, которая в своих монографиях проводит глубокий анализ правительственной политики в области городского самоуправления [6]. Автор приводит обширный статистический материал по городским выборам, достаточно подробно описывает подготовку и внедрение городской реформы, обозначает основные противоречия городского законодательства. По ее мнению, правительство, не желая усиления городского управления, существенно ограничивало его самостоятельность. В. А. Нардова использовала обширный архивный материал, и ее работы стали базисом для продолжения исследования городского общественного управления.

В Сибири проблеме городского самоуправления по-прежнему не уделялось должного внимания. Данная тема не входила в рамки исследований историков того времени, они в большей степени интересовались проблемами феодализма. К примеру, В. В. Рабцевич [7] в своей монографии анализирует социально-экономические сюжеты и моменты управления городами Западной Сибири 80-х гг. XVIII — первой половины XIX в. — т. е. период до введения Городового положения. Несмотря на то, что данные работы выходят за хронологические рамки нашего исследования, тем не менее материал, приведенный здесь, позволяет осуществить компаративное исследование и выявить тенденции развития городского законодательства и его реализацию в рамках до- и пореформенного времени.

В конце 1950-х — в 1960-е гг. увидел свет фундаментальный труд «История Сибири с древнейших времен до наших дней» под редакцией А. П. Окладникова [8]. В третьем томе издания излагаются основные положения городской реформы 1870 г., рассматриваются условия деятельности городских дум и управ в пореформенное время. Вместе с тем проблема изучения особенностей городского самоуправления еще не ставилась.

В советскую эпоху особый интерес вызывала региональная история, в рамках которой излагался весь накопленный материал об основных сферах жизнедеятельности региона. Так, в 1951 г. вышел первый том «История Бурят-Монгольской АССР» под редакцией А. П. Окладникова [9]. Исследование, безусловно, несло отпечаток времени, в которое оно было написано. Период второй половины XIX — начала XX в. назван автором «политикой царизма», что во многом означало отрицательное отношение к правительственной политике. В ней раскрываются вопросы развития капиталистической промышленности, описываются города и численность их населения. Однако о создании городского общественного управления, его деятельности и роли в городской жизни не упоминается.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что подробных и обстоятельных научных трудов о городской реформе и деятельности городского общественного управления в Забайкальской области в это время не создавалось. Городская реформа лишь упоминалась вскользь в рамках отдельных тем или обобщающих монографий [10]. В них можно найти информацию о городской думе Верхнеудинска, численности избирателей, проблемах благоустройства города, финансовых трудностях и т. п. Стоит отметить, что данные сведения, на наш взгляд, заполняли пробелы в разных отраслях сферы деятельности городского управления и вносили неоценимый вклад в изучение темы.

В современный период (с 1991 г.) исследование деятельности городского управления последней четверти XIX — первой четверти XX в. приобрела значительный научный интерес. Внимание к историческому опыту местного самоуправления в России и его деятельности очевидно. После практически семидесятилетнего вакуума, в рамках которого изучались лишь политически благонадежные темы, которые отвечали марксистской идеологии, ученые получили возможность изучать разные вопросы, исходя из собственных интересов. Изменившаяся политическая конъюнктура также диктовала свои условия. Возрастает внимание к малоизученной и вновь приобретшей популярность теме формирования гражданского общества, основой которого являются самоуправление и общественная инициатива в решении задач как на общероссийском, так и региональном уровне.

В последней четверти XIX — начале XX в. выходит большое количество монографий, периодических изданий, посвященных городскому управлению на примерах различных ре-

гионов, областей или городов Российской империи [11]. Исследования носят обстоятельный характер, в них изучена правовая база Городового положения, рассмотрена деятельность городских дум и управ, собран богатый статистический материал. Благодаря этим научным трудам мы можем провести сравнительный анализ отдельных городских дум Российской империи по экономическим, социальным или культурным показателям.

В последнее десятилетие по вопросам городского самоуправления были защищены кандидатские и докторские диссертации [12]. Данные научные труды касаются важнейших аспектов городских реформ 1870 и 1892 гг., финансовой политики, городского хозяйства, народного просвещения, здравоохранения, культуры и т. д. В них содержится большой объем информации, статистические данные, анализ и результаты деятельности городских дум отдельных губерний или городов.

Появляются исследования региональных историков об общественном управлении городов Забайкалья. Однако они касаются лишь отдельных проблем введения городского управления. На наш взгляд, данные работы помогают в более полном раскрытии разных черт исследуемой нами темы. Например, С. В. Евдокимова рассматривает источники формирования и сословный состав городского населения в Забайкалье в указанный период и приходит к выводу, что «в целом все городское управление подчинялось правительственной администрации, а в городском управлении были элементы самоуправления, выборность. И к концу XIX в. оформилась более устойчивая система городского управления» [13].

Т. В. Паликова на основе широкого архивного материала уделяет особое внимание отдельным проблемам деятельности городских дум и управ Забайкальской области, проводит анализ отдельных аспектов деятельности городского управления в городах Забайкальской области. В частности, формированию и составу органов городского управления, их финансово-хозяйственной деятельности [14].

В той или иной степени проблемы городского самоуправления затрагивались в исследованиях, напрямую не связанных с данной проблематикой [15]. Авторы рассматривали лишь отдельные стороны жизнедеятельности городов: благоустройство, образование, здравоохранение, городское призрение и благотворительность и т. п. Несмотря на то, что многие темы напрямую касаются деятельности городских дум и управ, в данных исследованиях отсутствует информация о городском общественном управлении Забайкальской области. Исключение составляет монография И. Ю. Замулы, которая проводит анализ городского самоуправления Верхнеудинска и приходит к выводу, что городская реформа 1870 г. дала положительные результаты, а верхнеудинские органы власти сыграли важную роль в развитии культуры города.

Немалый вклад в исследование городского управления вносит труд А. В. Константинова и Н. Н. Константиновой «История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года)» [16]. В ней тщательно проанализирована экономическая политика, вопросы образования, здравоохранения, культурная жизнь региона. Особое внимание уделено забайкальским городам и их населению. Например, говоря о купечестве, подчеркивается его важность в жизни городов Забайкалья, а многие выходцы из этого сословия сыграли значительную роль в городском управлении.

Статьи, связанные изучением городского общественного управления в Забайкальской области, выходят и в периодической печати, что, несомненно, важно, т. к. излагаемый материал становится достоянием широких масс населения. Стоит отметить, что эти публикации посвящены отдельным сферам деятельности городских дум и управ [17]. Так, О. П. Дамбаева затронула вопрос правового положения органов местного самоуправления в Забайкальской области, в связи с чем большое внимание уделено источнику — Городовому положению, а не деятельности региональных городских дум. С. А. Насибулин на основе архивного материала попытался проанализировать деятельность городских дум Забайкальской области в области народного просвещения на примере города Читы. И. В. Куриленко рассматривала основные направления деятельности Читинской городской думы, уделив особое внимание

благоустройству и электрообеспечению города. Г. Я. Тригуб изучал участие городских самоуправлений в развитии системы народного здравоохранения в городах Забайкальской области, В. Ю. Башкуев — санитарное состояние Верхнеудинска. На наш взгляд, появление в периодической печати материалов по исследованию проблемы городского управления вносит большой вклад в ее изучение и помогает воссоздать общую картину с отрицательными и положительными моментами деятельности городских дум и управ.

Таким образом, проведя историографический анализ опубликованных источников по теме городского общественного управления в Забайкальской области, мы можем сделать вывод, что они до сих пор носят фрагментарный характер. Дореволюционная и советская историография не уделяли должного внимания данной проблеме, всестороннего исследования по данной теме ученые не проводили. При этом стоит отметить, что была заложена основа для изучения деятельности городского управления, накоплен и введен в научный оборот определенный архивный материал. В современный период прослеживается тенденция повышения интереса к истории городского управления. Выходит довольно большое количество материалов по различным аспектам городского общественного управления общероссийского масштаба. Однако отдельной, комплексной работы по городскому общественному управлению Забайкальской области в последней четверти XIX — первой четверти XX в., которая затронула бы все стороны ее деятельности, в настоящее время пока не существует. Эта проблема еще не получила научной разработки, и специальной литературы, посвященной изучению 50-летнего опыта городского общественного управления в Забайкальской области, пока еще нет.

Литература

1. Новиков А. Записки о городском самоуправлении. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. — 222 с.; Фесенко И. О. К вопросу о реформе городских общественных управлений. — Харьков: Типография Южного края, 1890. — 126 с.
2. Василевский С. М. Городское самоуправление и хозяйство. — СПб.: Тип. С. М. Проппера, 1906. — 62 с.; Бальц Г. С. Несколько очерков по делам городского общественного самоуправления и другим вопросам Г. С. Бальца. — Одесса: Тип. и нотопечатня И. Копельмана, 1903. — 32 с.; Немировский А. О. Реформа городского самоуправления. — СПб.: Тип. В. Безобразов и К^е, 1911. — 174 с.; Страдомский Н. Ф. Основания реформы городского положения. — Киев: Тип. Петра Барского, 1905. — 58 с.; Семенов Д. Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. — СПб.: Электротип. Н. Я. Стойковой, 1901. — 390 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 374. Л. 44–62об.
4. Попов А. И. Город Чита. Описание, путеводитель и справочник по городу Чите Забайк. области. — Чита, 1907. — 263 с.
5. Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М.: Наука, 1996. — 480 с.
6. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Правительственная политика. — Л.: Наука, 1984. — 258 с.; Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX — начале XX века. — СПб.: Наука, 1994. — 160 с.
7. Рабцевич В. В. Социальный состав органов городского самоуправления Западной Сибири в 80-х гг. XVIII — первой половине XIX в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). — Новосибирск, 1977. — С. 80–97.
8. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма / под ред. А. П. Окладникова. — Л.: Наука, 1968. — 511 с.
9. Окладников А. П. История Бурят-Монгольской АССР. — Улан-Удэ: Бурят-Монг. гос. изд-во, 1951. — Т. 1. — 574 с.
10. Ким Н. В. Очерки истории Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. — 114 с.; Минерт Л. К. Архитектура Улан-Удэ. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. — 248 с.
11. Асанов Р. Ф., Иванютина Е. В. Городское самоуправление России во второй половине XIX в. — Нефтекамск: РИЦ БашГУ, 2007. — 108 с.; Виноградов В. Ю. Становление и развитие городского самоуправления в России в 1870–1914 гг. — М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2005. — 390 с.; Калинин В. Д. Из истории городского самоуправления в России (XVII — начало XX в.). — М., 1994. — 92 с.; Семенов А. К. Городское самоуправление провинциальных городов России и задачи имперской модернизации в конце XVIII — начале XX в. — Липецк: ЛЭГИ, 2005. — 202 с.
12. Архипова Н. Е. Организация и деятельность органов городского самоуправления Нижнего Новгорода в 1892–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Н. Новгород, 2008. — 25 с.; Лони́на С. Л. Становление и развитие городского самоуправления в Восточной Сибири

- в 1870–1917 гг. автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Красноярск, 2002. — 24 с.; Мамаев А. В. Самоуправление городов России в условиях революционного процесса. 1917–1918 гг. (На материалах городов Московской, Тульской, Вятской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2010. — 43 с.; Палин А. В. Томское губернское управление в 1895–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 2002. — 33 с.; Храмцов А. Б. Источники по истории городского самоуправления Тобольской губернии (последняя треть XIX — начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Тюмень, 2007. — 19 с.; и др.
13. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII–XIX вв. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. — 248 с.; Евдокимова С. В. Верхнеудинская городская дума и вопросы благоустройства в конце XIX — начале XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. — 2009. — № 7. — С. 26–31.
 14. Паликова Т. В., Кальмина Л. В., Мишакова О. Э. Купечество Верхнеудинск — Улан-Удэ. — Улан-Удэ: ЭКОС, 2007. — 190 с.; Паликова Т. В. Города Забайкалья второй половины XIX — начала XX в. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 312 с.; Паликова Т. В. Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX — начала XX в. // Ученые записки ЗабГГПУ. — Чита, 2010. — С. 80–84; Паликова Т. В. Финансово-хозяйственная деятельность городского самоуправления Забайкалья в последней трети XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. — Тамбов: Грамота, 2011. — № 7 (13), ч. I. — С. 91–96.
 15. Замула И. Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 — февраль 1917 гг.). — Иркутск: Облмашинформ, 2001. — 208 с.; Гурьянов В. К. Верхнеудинск XVII — начала XX века. Улицы, городские усадьбы и их обыватели. — Улан-Удэ, 2012. — 224 с.; Мантурова С. Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX — начале XX в. — Улан-Удэ: Респ. тип., 2005. — 232 с.; История Бурятии: в 3 т. / отв. ред. Б. В. Базаров. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — Т. 2. — 464 с.
 16. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). — Иркутск: Круг, 2011. — 272 с.
 17. Дамбаева О. П. Правовое положение органов местного самоуправления в Забайкальской области (историко-правовой анализ законодательства второй половины XIX в.) // Гражданское общество: история и современность: сб. ст.: в 2 ч. / Забайк. гос. гум.-пед. ун-т. — Чита, 2007. — Ч. 1. — С. 66–71; Насибулин С. А. Деятельность Читинской Городской Думы в области народного образования в 1875–1900 годах // Молодая наука Забайкалья: аспирантский сборник. — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 2005. — Ч. II. — С. 86–89; Куриленко И. В. Из истории Читинского городского самоуправления // Проблемы истории местного управления Сибири XVI — XXI вв.: материалы V Всерос. науч. конф. / под ред. В. В. Моисеева. — Новосибирск: НГАЭиУ, 2003. — Ч. II. — С. 46–48; Тригуб Г. Я. Участие городских самоуправлений, благотворительных обществ и частных лиц в развитии системы народного здравоохранения в городах Забайкальской области (вторая половина XIX — начало XX в.) // Ойкумена. — 2008. — № 2. — С. 40–48; Башкуев В. Ю. О некоторых проблемах санитарного состояния уездного города Верхнеудинска в последней четверти XIX в. // Власть. — 2014. — № 3. — С. 134–139.

References

1. Novikov A. *Zapiski o gorodskom samoupravlenii* [Notes on the urban self-government]. — Spb. : Tipografiya M. M. Stasyulevicha. 1904. 222 p.; Fesenko I. O. K voprosu o reforme gorodskikh obshchestvennykh upravleniy I. O. Fesenko. — Khar'kov : Tipografiya «Yuzhnogo kraya». 1890. p. 126.
2. Vasilevskiy P. M. *Gorodskoe samoupravlenie i khozyaystvo* [Municipal government and economy]. — SPb. : Tipografiya P. M. Proppera. 1906. — 62 p.
3. Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya [The State Archives of the Republic of Buryatia (SARB)]. F. 10. Op. 1. D. 374. L. 44–62 ob.
4. Popov A. I. *Gorod Chita. Opisanie. putevoditel' i spravochnik po gorodu Chite Zabayk. Oblasti* [The City of Chita. Description. a guide and a guide to the city of Chita region Zabaykoy]. Chita. 1907. P. 263.
5. Velikhov L. A. *Osnovy gorodskogo khozyaystva. Obshchee uchenie o gorode, ego upravlenii, finansakh i metodakh khozyaystva* [Fundamentals of urban management. General doctrine about the city, its management, finance and management methods]. Moskva. 1996. P. 480.
6. Nardova V. A. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh — nachale 90-kh godov XIX v. Pravitel'stvennaya politika* [Municipal government in Russia in the 60's - early 90-ies of XIX century. government policy]. — Leningrad : Nauka. 1984. — 258 p.; Nardova V. A. Samoderzhavie i gorodskie formy v Rossii v kontse XIX — nachale XX veka V. A. Nardova. St. Petterbur. 1994. P. 160.
7. Rabtsevich V. V. *Sotsial'nyy sostav organov gorodskogo samoupravleniya Zapadnoy Sibiri v 80-kh gg. XVIII - pervoy polovine XIX v.* [The social composition of the city administration of Western Siberia in the 80s of the XVIII - first half of the XIX c.]. — Chita: BNTs SO RAN, 2011. — 464 s.

- Siberia in the 80p. XVIII - the first half of the nineteenth century] *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII — nachalo KhKh v.)*. Novosibirsk. 1977. P. 80 — 97.
8. *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney*. [History of Siberia since ancient times to the present day]. pod. red. A. P. Okladnikov. — Sibir' v epokhu kapitalizma. T. 3. St. Petterbur. 1968. P. 511.
 9. Okladnikov A. P. *Istoriya Buryat-Mongol'skoy ASSR* [History of Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic]. — Ulan-Ude : Buryat-Mongol'skoe gosudarstvennoe izd-vo. 1951. Part. 1. 574 p.
 10. Kim N. V. *Ocherki istorii Ulan-Ude* [Essays on the history of Ulan-Ude]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo. 1966. P. 114.; Minert L. K. *Arkhitektura Ulan-Ude* L. K. Minert. — Ulan-Ude : Buryat. kn. izd-vo. 1983. P. 248.
 11. Asanov R. F. *Ivanyutina E. V. Gorodskoe samoupravlenie Rossii vo vtoroy polovine XIX v.* [Municipal government of Russia in the second half of the XIX century]. Neftekamsk : RITs BashGU. 2007. P. 108.
 12. Arkhipova N. E. *Organizatsiya i deyatel'nost' organov gorodskogo samoupravleniya Nizhnego Novgoroda v 1892 — 1917 gg. : avtoref. dip. ... kand. ist. Nauk* [The organization and the activities of the municipal government of Nizhny Novgorod in 1892 - 1917 yearp. : Author. Dip. ... The candidate of historical sciences]. N. Novgorod. 2008. P. 25.
 13. Evdokimova P. V. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie gorodov Zabaykal'ya v XVII — XIX vv.* [Socio-economic development of cities in the Trans-Baikal XVII - XIX centuries.]. — Ulan-Ude : Izd-vo Bur. Gop. Un-ta. 2007. P. 248.
 14. Palikova T. V., Kal'mina L. V., Mishakova O. E. *Kupechestvo Verkhneudinsk — Ulan-Ude* [Merchants Verkhneudinsk - Ulan-Ude]. Ulan-Ude : «EKOS». 2007. 190 p.
 15. Zamula I. Yu. *Gorodskaya kul'tura i obshchestvennyy byt Verkhneudinska (1875 — fevral' 1917 gg.)* [Urban culture and social life Verkhneudinsk (1875 - February 1917)]. Irkutsk : Izd-vo «Oblmashinform». 2001. P. 208.
 16. Konstantinov A. V., Konstantinova N. N. *Istoriya Zabaykal'ya (s drevneyshikh vremen do 1917 goda)* [History of Transbaikalia (from ancient times until 1917)]. Irkutsk. 2011. P. 272.
 17. Dambaeva O. P. *Pravovoe polozhenie organov mestnogo samoupravleniya v Zabaykal'skoy oblasti (istoriko-pravovoy analiz zakonodatel'stva vtoroy poloviny XIX v.)* [The legal status of local authorities in the Trans-Baikal region (historical and legal analysis of the legislation of the second half of XIX century.)] *Civil society: history and modernity: a collection of articles: v 2 ch Zabaykal. gop. gum.-ped. un-t. Chita. 2007. Part. 1. P. 66–71.*

УДК 930:070+281.9(571.54)

doi: 10.18097/1994-0866-2015-0-7-253-258

ГАЗЕТА «ПРАВОСЛАВНАЯ БУРЯТИЯ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

© **Фефелов Денис Сергеевич**

аспирант кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета.

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6

E-mail: denisfefeloff@mail.ru

Газета «Православная Бурятия» является одним из основных изданий, на страницах которого подробно освещается деятельность Улан-Удэнской и Бурятской епархии, а также публикуются сведения, являющиеся источниками исследования становления и формирования церковной структуры Русской православной церкви в регионе. Данное издание описывает жизнь приходов и дает оценку моральному облику современного общества, также в нем освещаются основные церковные события, праздники и памятные дни. Газета является источником, который помогает глубже понять и изучить развитие православия в Бурятии. Помимо церковных событий здесь описывается работа разных общественных деятелей, заинтересованных в возрождении традиций, которым изначально следовали люди, живущие в России, а это в первую очередь помощь нищим, больным и тем, кто оказался в сложной жизненной ситуации. В частности, идет описание разных приютов и благотворительных центров, рассказ о жизни людей, которым небезразлична судьба нуждающихся. Все это помогает глубже понять современное состояние региона и выбрать нужную информацию для изучения православия в Бурятии.

Ключевые слова: газета, православие, издания, учредитель, церковь, массовая информация, архиерейская служба, крещение, милосердие.

NEWSPAPER "ORTHODOX BURYATIA" AS A HISTORIOGRAPHY SOURCE (STATEMENT OF THE PROBLEM)

Denis S. Fefelov

Research Assistant of the Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The newspaper "Orthodox Buryatia" is one of the main editions on which pages the activity of the Ulan-Ude and Buryat diocese is in detail highlighted, and also the data which are the sources for the research of formation and development of a church structure of Russian Orthodox Church in the region are published. This edition describes life of parishes and gives an assessment to the moral image of modern society, the main church events, holidays and memorable days are also highlighted in it. The newspaper is that source which helps to understand and study more deeply the development of Orthodoxy in Buryatia. Besides church events, there is a description of activities of different public figures who are interested in revival of traditions which were initially inherent in the people living in Russia, and it first of all the help to the beggars, sick and those who are in a difficult life situation. In particular there is a description of different shelters and charitable centers, the story about life of the people who are not indifferent in the destiny of the indigent ones. All this helps to understand more deeply a current state of the region and choose the necessary information for studying Orthodoxy in Buryatia.

Keywords: newspaper, Orthodoxy, publications, founder, Church, mass media, Episcopal service, christening, charity.

Деятельность Русской православной церкви в регионе, в данном случае Улан-Удэнской и Бурятской епархий, получает свое отражение на страницах данной газеты, и те сведения, которые публикуются, являются источниками исследования становления и формирования церкви в новейшей истории России.

Согласно регистрационным данным, настоящее периодическое издание было основано в 2003 г. Регион издания: Республика Бурятия; адрес издания: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Куйбышева, 37; свидетельство издания: 13-1086; дата создания издания: 30 сентября 2003 г.; учредитель издания: местная православная религиозная организация Свято-Троицкий при-

ход г. Улан-Удэ центральной религиозной организации Читинской и Забайкальской епархии Русской православной церкви; телефоны издания: 21–64–45; территория распространения издания: Восточно-Сибирское управление; языки, на которых выходит издание: русский; периодичность издания: 2 раза в месяц; дата внесения в базу издания: 2012–02–25 11:39:29. Как и все средства массовой информации, настоящее издание проходит те же процедурные вопросы при регистрации.

Для жизнеспособности газеты необходимо было сформировать редакцию, редакционную коллегию, согласно сведениям, редакция «Православной Бурятии» создана на базе «Православной страницы», выходявшей в течение двух последних лет в правительственной газете республики «Бурятия». Интерес читателей к православной тематике убедил священников Бурятского благочиния и журналистов, выпускавших страницу, в актуальности выпуска отдельной газеты [1].

При создании самостоятельной Улан-Удэнской и Бурятской епархии в 2009 г. общество получает уже новое звучание и в юридическом статусе и в содержании, здесь ниже приведем паспорт газеты, где даны сведения о статусе газеты, его тематике, периодичности. Данный паспорт приводится по материалам межрегионального агентства подписки:

ПАСПОРТ ПЕЧАТНОГО ИЗДАНИЯ

На 1-е полугодие 2013 года

1.1. Полное наименование **Издателя**: *Централизованная религиозная организация «Улан-Удэнская и Бурятская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)»*

1.2. Полное наименование **Издания**: *Православная Бурятия*

Вид издания газета ISSN издания _____

1.3. Аннотация на Издание (до 250 знаков): *культурно-просветительская, религиозная газета*

1.4. Телефон для включения в каталог: (3012) 21–27–67

1.5. **ФИО главного редактора (полностью)**: **Корниенко Николай Николаевич**

1.6. **E-mail (для предоставления данных по подписке)**: *niknik-84@mail.ru*

1.7. **Периодичность выхода**: **два раза в месяц** **Всего выходов в полугодии**: **12**

1.8. **Минимальный срок подписки**: **один месяц**

1.9. **Тематика издания (до 3-х)**: *религия*

1.10. **Каталожная цена издания, р.:**

Индекс	Комментарий к индексу*	Система экспедирования	1 месяц	6 месяцев	12 месяцев			
			Цена с НДС	НДС**, р.	Цена с НДС	НДС**, р.	Цена с НДС	НДС**, р.
31119		Карточная	20	0	120	0		

*К единственному индексу комментариев не пишется. Все комментарии к изданию необходимо вносить в аннотацию.

**Ставка НДС согласно законодательству РФ на издание составляет _____%.

1.11. Характеристики издания, в зависимости от графика выхода

№	Подписной месяц	Вес 1 экземпляра, г ***	Полосность, стр.	Формат	Дни выхода	Количество выходов в месяц	Дата выхода
1, 2	январь	24	8	A3	1 и 3 четверг месяца	2	3, 17
3, 4	февраль	24	8	A3	1 и 3 четверг месяца	2	7, 21

5, 6	март	24	8	А3	1 и 3 четверг месяца	2	7, 21
7, 8	апрель	24	8	А3	1 и 3 четверг месяца	2	4, 18
9, 10	май	24	8	А3	1 и 3 четверг месяца	2	9, 23
11, 12	июнь	24	8	А3	1 и 3 четверг месяца	2	6, 20

***** Вес 1 экземпляра издания должен быть фиксированным.**

****** В случае изменения количества выходов, ликвидации издания, изменения периодичности и характеристик издания, все расходы Агентства, Управлений Федеральной почтовой связи и подписчиков возмещаются Издателем.**

1.12. Стоимость включения в «Каталог российской прессы «Почта России» регионов Республики Бурятия на 1-е полугодие 2013 г. 3 363.00 р.

1.13. Агентское вознаграждение составляет 00 р. 16 к. из расчета за один экземпляр.

1.14. Свидетельство о регистрации издания: № ПИ № ТУ 03-00166 от «08» апреля 2011 г.

Выдано Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Республике Бурятия

1.15. Договор на передачу прав на распространение Издания

№ _____ от _____ срок действия _____
 ия _____ (данный пункт заполняется, если учредитель Издания не является распространителем, заключающим договор с ООО «МАП»; предоставляется копия договора)

1.16. Адрес сдачи тиражей Изданий ФГУП «Почта России», г. Улан-Удэ, ул. Революции 1905 года, дом 35б

Телефон экспедирующего предприятия (83012) 21-27-67 E-mail: luud-eparh@mail.ru

1.17. Адрес типографии, печатающей тираж издания 670000, РБ, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 1

Телефон типографии (83012) 21-25-52

Настоящее Приложение вступает в силу после его подписания обеими Сторонами и действует до «31» декабря 2013 г.

От Издателя: _____ /С.М. Маркелов/ От Агентства _____ / М. И. Чечот/
 М. п. М. п.

В современной исторической науке, в исследованиях современных исторических процессов важным является расширение источниковой базы, извлечение новых информационных данных. Изучение материалов по деятельности церкви в регионе в газете, издаваемой церковными структурами, способствует вводу новых источников в научный оборот в исторических исследованиях, раскрывает деятельность церкви во всей его полноте.

Исследование публикаций на страницах «Православной Бурятии» позволяет выделить несколько направлений: новостная часть газеты в основном состоит из нескольких разделов, освещающих деятельность епархии в целом, в первую очередь представлены материалы о богослужбной деятельности епископа, о проводимых встречах с государственными и общественными деятелями, об архиерейской службе, на страницах газеты приводятся и пастырские наставления, поздравления; материалы социального служения церкви, церковнослужителей занимают значительную часть газетных полос, с конкретными примерами и адресной помощью; безусловно, дается хроника жизни приходов по всем районам Бурятии; востребованы детские странички, с кроссвордами и загадками, наиболее актуальны колонки редактора, которые в основном посвящены животрепещущим проблемам современного

общества, когда редактор опирается и на изречения, строки из Евангелия, духовных книг, статей, авторами которых являются священники, духовные наставники. Ниже представляем несколько примеров со страниц настоящего издания.

Об архиерейской службе. 16 марта 2014 г. во 2-ю неделю Великого поста в Свято-Одигитриевском соборе города Улан-Удэ Управляющий Улан-Удэнской и Бурятской епархией архиепископ Савватий совершил Божественную литургию. Правящий архиерей обратился к участникам богослужения с пастырским словом: «Всех вас, братья и сестры, поздравляю с воскресным днем, со второй неделей Великого поста. Сегодняшнее Евангельское чтение было о расслабленном, и я бы хотел эту евангельскую историю сделать предметом сегодняшнего нашего разговора. Господь, прежде чем исцелить расслабленного, говорит: “Дерзай чадо, прощаются тебе грехи твои”, но исцелил Он его, этого расслабленного, не по вере самого расслабленного, а по вере тех, кто его принес, по вере его друзей. Таким образом, сегодняшнее Евангельское чтение говорит, что причины наших телесных недугов — в том числе и в наших грехах. И пока Господь не простит нам наши грехи, мы не исцелимся. А второе — то, что мы можем и обязаны молиться за страждущих людей, пусть даже неверующих. И по нашей вере Господь посылает им спасение».

О милосердии. Единственный в Бурятии приют для бездомных женщин (дом временно-го пребывания) в с. Сотниково, возле храма в честь иконы Божией Матери Владимирской, открылся в 2010 году. Сюда стали принимать женщин без определенного места жительства и попавших в сложную ситуацию. Из разных районов Бурятии и регионов России. В приют обращаются женщины разного возраста и разного социального уровня. Здесь бывают бездомные со стажем, женщины, имеющие высшее образование и кандидатскую степень, одинокие и оставленные родственниками пенсионеры, молодые, ушедшие из семьи женщины, бывшие осужденные, не имеющие постоянного места жительства по разным причинам. Поступающих в приют женщин приходится «приводить в порядок» коменданту приюта — Марине Александровне Андреевой. Сначала, если необходимо, проводится санитарная обработка, иногда обработка от насекомых, обработка ран. Затем женщина получает постельные и гигиенические принадлежности и занимает свое место в комнате.

Приют функционирует благодаря помощи Свято-Никольского храма г. Улан-Удэ и благотворителей. В 2012 г. на субсидию из федерального бюджета для поддержки социальных проектов была отремонтирована крыша, утеплено и обшито здание приюта, а на средства, полученные от благотворительного фонда прп. Серафима Саровского, были закуплены продукты питания, медикаменты, средства гигиены, постельные принадлежности. Восстанавливать документы, оформлять пенсии, устраивать в больницу и в дома-интернаты помогает Автономное учреждение социального обслуживания «Республиканский центр социальной адаптации “Шанс”». За время работы приюта помощь получили более 120 человек. Сейчас в приюте проживают 15 человек. Многие женщины возвращаются в приют несколько раз, в основном это связано с тем, что им нужно больше времени для реабилитации и социализации.

О крещении. 13 марта благочинный Кабанского округа, наместник Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря игумен Николай (Кривенко) в детском саду села Тресково Кабанского района совершил по просьбе родителей таинство Крещения. Всего в таинстве приняли участие 15 детей до 6 лет и 1 взрослый.

О благотворителях. Разовую финансовую помощь бригады автобусного маршрута № 129 и большой самосвал угля, подаренный в пик январских морозов одним из местных предпринимателей храму Владимирской иконы Божией Матери в поселке Сотниково, его настоятель иерей Владимир Чащин приводит как яркие примеры благотворительности. Отвечая на просьбу рассказать о крупных меценатах прихода, отец Владимир, не скрывая грусти, улыбается: «Это проблема из проблем. Абсолютно все статьи расходов храма покрываются за счет частных пожертвований, собираемых с миру по нитке».

О праздниках. 27 апреля в Кабанском районном доме культуры прошел традиционный

У фестиваль «Пасхальная весна», посвященный Светлому Христову Воскресению. В фестивале приняли участие дети воскресных школ Кабанского района, ученики общеобразовательных школ и воспитанники детских домов творчества. По окончании праздника благочинный Кабанского округа игумен Николай (Кривенко) вручил памятные подарки участникам фестиваля [2].

Приведенные статьи газеты «Православная Бурятия» только небольшая часть примеров из жизни епархии, новостей епархии, в которых отражена жизнь приходов по всей Бурятии, соответственно, и хроника современной повседневной жизни жителей республики.

Помимо новостей из жизни приходов и прихожан имеются рубрики об истории православной церкви в России и за рубежом, а также поучительные и духовно-нравственные статьи. Например, одна из статей касается подачи милостыни нищим, бродягам и просто спившимся людям, с которыми каждый из нас сталкивается ежедневно. Из статьи Ольги Кожевниковой «Две стороны милостыни» в беседе с о. Алексеем Шевцовым, иереем Свято-Вознесенского храма: «По отношению к милостыне мы всегда можем найти немало рассудочных доводов, чтобы не дать просящему. Ведь нищие действительно оказываются не всегда так уж нуждающимися людьми, можно наблюдать, как с пренебрежением и досадой бросается под ноги поданный им хлеб, как все ими собранное тратится на спиртное и наркотики. Все это есть. Но в отношении милостыни нужно думать не о том, на что она пойдет, а о душе собственной, которая подобным отношением ожесточается, обрастает броней безучастия к другому человеку и тем самым удаляет нас от Бога. Ведь по христианским заповедям милостыня является нашей духовной обязанностью. А то, что нищие не служат образцом нравственности, так и во времена Христа они вряд ли были высоконравственными людьми». Также приводится пример с Тарасом Шевченко, который писал: «...Шел я в декабре по набережной. Навстречу босяк. Дай, говорит, алтын. Я поленился расстегивать свитку. Бог, отвечаю, подаст. Иду дальше, слышу — плеск воды. Возвращаюсь бегом, оказывается, нищий мой в проруби утопился... С того дня я всегда подаю любому нищему. А вдруг, думаю, он решил на мне измерить предел человеческой жестокости...» [3].

На страницах газеты есть и колонка главного редактора, иерея, кандидата богословия Николая Корниенко, в данном случае приведем материал «Церковь в медиапространстве»: «В истории православия находим немало Отцов и учителей Церкви, которые придавали средствам коммуникации большое значение. Одним из них является покровитель СМИ — предподобный Нестор Летописец, память которого празднуется 9 ноября. Журналисты, пишущие о православии, должны всегда помнить о том, что они не просто рассказывают об истории христианства или современной жизни общины верующих, а являются проповедниками правды Божией и церковного единства. Это и есть призвание православных журналистов, которые, как и их небесный покровитель Нестор Летописец, не просто пишут новости, а документируют ход истории, правдиво и ясно свидетельствуя миру о непреходящей красоте и истине Святого Православия.

С течением времени и прогрессом технологий в мире коммуникаций появились новые горизонты деятельности, а для Церкви одновременно и новые вызовы, на которые она должна дать ответ. Таким образом становится понятной необходимость создания религиозных СМИ, которые бы информировали христианское социальное сознание. Анализ содержания основных документов Русской православной церкви, посвященных средствам социальной коммуникации, позволяет сделать вывод о том, что Церковь со всей серьезностью относится к СМИ и расценивает их не только как важный, но и обязательный инструмент в нравственном воспитании современного общества и современный метод евангелизации, в котором, правда, следует хорошо разбираться и правильно использовать» [4].

Многие исследователи отмечают, что одним из основных типов исторических источников является периодическая печать. Особенность периодики состоит в ее синтетичности, что дает возможность извлекать разнообразную историческую информацию [5]. Мы полагаем, что действительно материалы газеты «Православная Бурятия» являются источником историче-

ского исследования о современной жизни церкви и общества.

Приложение к православию ряда глобальных тенденций, характеризующих современные религиозные процессы, такие как, прежде всего, рост значения публичных религиозных дискурсов, где духовенство играет ведущую роль, уровень и степень образованности священства — яркое свидетельство данного процесса. Складывание свободного рынка религий, функционирующего на принципе индивидуального спроса и выбора, налагает также ответственность на православное духовенство. Реакция РПЦ на «состояние глобальности» — это усилия в том числе и регионального священства: профессиональное ведение сайтов, публичные выступления в средствах массовой информации, взаимодействие с государственными и общественными организациями, это локальный ответ на глобализацию [6].

Таким образом, в исследовании ставятся перед нами следующие задачи:

1. Изучить влияние условий возникновения и становления газеты «Православная Бурятия», нормативно-правового обеспечения издания, его структуры и распространения на информационный потенциал и характеристики газеты как исторического источника.
2. Проанализировать содержание публикаций в газете по проблемам современного общества.
3. Исследовать состав социально-экономической информации, содержащейся в публикациях газеты «Православная Бурятия».
4. Изучить информацию газеты «Православная Бурятия» по проблемам истории, образования и культуры.

Источниковедческое изучение этой группы источников позволит выявить их характерные черты и особенности, которые необходимо учитывать при использовании материалов газеты в научных исследованиях, разработке средств и способов их научного изучения.

Литература

1. Православие // ИТАР-ТАСС. 2000.
2. Православная Бурятия. — 2014. — № 4.
3. Православная Бурятия. — 2014. — № 3.
4. Православная Бурятия. — 2014. — № 5.
5. Митина Р. В. Газета «Пермские губернские ведомости» (1838–1917 гг.) как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. — Барнаул, 2013.
6. Митыпова Г. С. Православное духовенство Бурятии в условиях постсоветской России // Вестник Бурятского государственного университета. — 2013. — Вып. 7. — С. 72.

References

1. ITAR-TASS [Information Telegraph Agency of Russia] Pravoslavie 2000
2. Gazeta «Pravoslavnaya Buryatiya» - Orthodox Buryatia No. 4. 2014 g.
3. Gazeta «PB» - Orthodox Buryatia fevral' No3,2014.
4. Gazeta «Pravoslavnaya Buryatiya» - Orthodox Buryatia. No. 5. 2014.
5. Mitina Rimma Vaizovna. *Gazeta "Permskie gubernskie vedomosti" (1838–1917 gg.) kak istoricheskiy istochnik: avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.09* [The newspaper "Perm province news" (1838–1917 gg.) As a historical source: the author's abstract dis. ... The candidate of historical sciences] Barnaul. 2013.
6. G. S. Mitypova. *Pravoslavnoe dukhovenstvo Buryatii v usloviyakh postsovetskoy Rossii* [Orthodox clergy Buryatia in post-Soviet Russia]. vypusk Istoriya.7. Vestnik BGU - Gazette of the Buryat State University. Ulan-Ude. 2013. p. 72.

УДК 378(091)(517.3)

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–7–259–262

МОНГОЛРАБФАК В ДЕЛЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ МОНГОЛОВ (1930–1940 гг.)

© Шойдонова Алтына Мункожаргаловна
аспирант Бурятского государственного университета
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: shoyd89@mail.ru

Статья посвящена изучению российско-монгольского сотрудничества в области образования в 1930–1940 гг. Важной вехой в установлении данного сотрудничества является деятельность Монгольского рабочего факультета в г. Верхнеудинске. В статье указаны основные аспекты деятельности Монголрабфака: причины создания рабфака на территории БМАССР, характеристика учебной и воспитательной деятельности. Освещены основные факты биографии учителей Монголрабфака, оказавших значительное влияние на становление национальных кадров Монголии в указанный период. Видные деятели просвещения и науки Бурятии вкладывали силы в научный, культурный и социальный прогресс не только родного края, но и соседней Монголии. В частности, неocenим вклад бурятских учителей в образование монгольской молодежи, которой суждено было стать в дальнейшем цветом национальной интеллигенции Монголии во второй половине XX в.

Ключевые слова: сотрудничество России и Монголии, научные кадры, интеллигенция, просвещение, международные связи.

MONGOLRABFAK IN EDUCATING THE MONGOLS (1930–1940)

Altyna M. Shoydonova
Research Assistant of Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article is devoted to the study of the Russian-Mongolian cooperation in the field of education in the 1930–1940s. An important milestone in the establishment of that cooperation is the activity of the Mongolian faculty for workers in Verkhneudinsk. The article has pointed at the main aspects of Mongolrabfak, the reasons for establishing workers' school in the territory of BMASSR, characteristic of educational and training activities. The key biographical facts of the Mongolrabfak's teachers are highlighted, they have made a significant impact on the formation of national manpower of Mongolia in that period. The prominent figures of education and science of Buryatia, they encouraged the scientific, cultural and social progress not only of the native land, but also of the neighboring Mongolia. In particular, the invaluable contribution was made by the Buryat teachers into education of the Mongolian youth, who were further destined to become the elite of the national intelligentsia of Mongolia in the second half of the XXth century.

Keywords: cooperation between Russia and Mongolia, brainpower, intelligence, education, international relations.

В конце 1929 года правительством СССР было решено создать в г. Верхнеудинске БМАССР монгольский рабочий факультет (Монголрабфак) для подготовки национальных кадров Монголии, а также для подготовки учащихся к поступлению в другие учебные заведения Советского Союза.

Обучение монголов в Бурятии было обусловлено несколькими причинами:

- 1) общностью регионов Монголии и Бурятии (географической, культурной и языковой: монгольским арадам было легче адаптироваться в родственном, братском регионе);
- 2) студентам из Монголии наглядно демонстрировали преимущества социалистического строя на примере Бурятии;
- 3) в г. Верхнеудинске имелась необходимая инфраструктура: два педагогических вуза; квалифицированные преподаватели, владеющие монгольским языком; помещения для различных нужд.

Перед Правительством БМАССР был поставлен ряд задач, которые необходимо было выполнить в ближайшие сроки:

1. Выделить помещения для проведения учебного процесса, для проживания студентов, которые отвечали бы санитарным требованиям того времени.
2. Определить педагогический состав Монголрабфака лучшими кадрами Бурятии, в частности, учителями, владеющими русским и монгольским языками.
3. Обеспечить Монголрабфак учебными пособиями и учебниками, переводя на монгольский язык существующие пособия и учебники по программе рабфаков.

За короткий срок были подготовлены помещения для учебных занятий, общежитие для студентов и библиотека. Также были приглашены одни из лучших педагогов республики.

Таким образом, 20 февраля 1930 года специально для представителей молодежи Монголии, Бурятии и Тувы монгольский факультет начал свои занятия. Факультет готовил работников средней квалификации для практической работы в различных отраслях народного хозяйства, народного просвещения, медицины и сельского хозяйства. Заведующим Монголарабфака был назначен Норбо Ринчинович Ринчино. Первый набор учащихся насчитывал более 70 человек. Из Тувинской республики на обучение были направлены две группы.

Монгольский рабочий факультет занимал особое положение среди рабфаков СССР. Он существовал на положении закрытого учебного заведения. Содержание одного студента в год обходилось в 2,5 раза дороже, чем содержание студента любого центрального вуза. Монголрабфак существовал на средства, отпускаемые Народным комиссариатом просвещения РСФСР и частично Народным комиссариатом просвещения БМАССР, и в административном отношении подчинялся указаниям Народного комиссариата просвещения РСФСР. В организационном порядке он был прикреплен к Иркутскому университету и Коммунистическому университету трудящихся Востока в Москве.

Обучение длилось шесть лет. Два года проходило на подготовительном отделении, еще четыре года на основных курсах. В течение этих лет студенты должны были проработать программу полной средней школы без каких-либо сокращений программы, с тем чтобы окончивший рабфак мог выдержать испытания в любой вуз. Студенты изучали следующие предметы: математика, физика, астрономия, химия, черчение, монгольский язык, русский язык, литература, обществознание, всеобщая история, история МНР, география, физкультура, военное дело. По каждой дисциплине учебный материал был установлен программами для 5–10 классов средней школы.

Первые годы существования рабфака преподавание протекало в экспериментировании и изыскании рациональных путей постановки учебного процесса. Преподавание велось на русском и монгольском языках, это было необходимо для эффективного усвоения учебного материала студентами. Большинство из них прибывали из далеких уголков Монголии и не были знакомы с городской жизнью. Среди них почти не было знающих хоть немного русский язык, не говоря уже о письменности.

Учитывая острую необходимость МНР в специалистах-животноводах, Наркомат земледелия СССР реорганизовал сельскохозяйственную школу при Монголрабфаке в самостоятельный зооветеринарный техникум. Но из-за отсутствия в Верхнеудинске необходимой материальной базы Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) постановил объединить его с Иркутским сельхозтехникумом на правах отделения. Техникум имел прекрасно оборудованную городскую ветлечебницу с учебными лабораториями, племенной скот, молочную ферму. Монгольское отделение существовало с 1934 по 1946 г., подготовив более 50 специалистов сельского хозяйства. Всего к 1940 г. было подготовлено 244 ветеринара.

При рабфаке имелись клуб со студенческим духовым оркестром, подсобное хозяйство. Руководство Монголрабфака внимательно следило за студенческой самоорганизацией. Студенческий комитет создал комиссии: хозяйственную, санитарную, культурную и учебную. На Монголрабфаке были созданы предметные и научные кружки: сельскохозяйственный, драматический, хоровой и танцевальный. Штатом было выделено два воспитателя для специ-

альной работы со студентами. Также особое внимание уделялось политико-воспитательной работе, что привело к созданию политического кружка. Регулярно работала студенческая агитбригада, вечера художественной самодеятельности проводились накануне каждого выходного дня. Студенты принимали активное участие в работе многих добровольных организаций: Осоавиахим, МОПР, общество «Долой неграмотность!».

За время своей деятельности рабочий факультет подготовил 1 912 человек, многие из них продолжили учебу в вузах Советского Союза, другие были направлены на работу в хозяйственные и культурные учреждения МНР. В целом проводилась политика, имевшая главной задачей формировать кадровый потенциал страны из представителей самого массового класса — аратства.

Обучение монголов в учебных заведениях СССР отличалось несколькими специфическими моментами:

- 1) необходимостью первичной адаптации студентов: перемена климата, питания, социокультурной среды;
- 2) возрастной дифференциацией студентов: возраст студентов колебался от 15 до 30 лет;
- 3) недостаточностью материальной базы учебного заведения: плохое материальное снабжение сказывалось на скудном питании, отсутствии учебных пособий на монгольском языке; плохом состоянии помещений для обучения и жилья;
- 4) образовательный уровень выпускников Монголрабфака зачастую не соответствовал требованиям учебных заведений Советского Союза.

Монгольский рабочий факультет просуществовал десять лет. В 1940 году факультет был реорганизован в Монгольское педагогическое училище. В него вошло Монгольское отделение Кяхтинского педучилища. В мае 1941 года по решению МНР и СССР Монгольское педучилище было переведено в г. Улан-Батор — столицу Монголии. Оборудование кабинетов, лаборатории, библиотека училища были преподнесены правительству МНР как подарок к двадцатой годовщине Монгольской народной революции.

Монголрабфак прославился своими знаменитыми выпускниками, здесь обучались: генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Ю. Цэдэнбал, заместитель председателя Совета министров МНР Д. Майдар, президент Академии наук МНР Б. Ширендыб и многие другие.

Не только выпускниками, но и своими педагогами славится Монголрабфак. Большой вклад Советского Союза, педагогов бурятской земли в дело просвещения Монголии бесценен. Поэтому более подробно необходимо остановиться на учителях Монголрабфака.

Основным недостатком педагогического коллектива заведения являлось то, что не все преподаватели владели монгольским языком и письменностью. Из 27 первых преподавателей владели языком 13 человек и не владели ни языком, ни письменностью 5 человек. Первые преподаватели Монголрабфака не только внесли большой вклад в дело подготовки педагогических кадров для Монголии, но и вели активную работу по повышению квалификации учительства Бурятской республики. В Монголрабфаке трудились известные деятели просвещения: А. И. Алексеев, Б. Б. Шагдыров, И. Д. Ханташкеев и другие.

Артемий Иванович Алексеев являлся заместителем директора Монголрабфака по учебной работе. В свое время он окончил Иркутскую духовную гимназию и Казанскую духовную академию по общему отделению, затем заведовал Нукутской школой II ступени, в которой преподавал монгольский (бурятский) язык. В 1924 г. становится директором Улан-Удэнского Бурятского педагогического техникума. С 1930 г. начал работать в Монголрабфаке и преподавать курс русской литературы. Он деятельно участвовал в подготовке кадров культуры для МНР. Стал жертвой политических репрессий. В 1937 г. был осужден на смертную казнь НКВД БМАССР, реабилитирован в 1956 г. Был награжден грамотой Министерства просвещения МНР.

Обязанности секретаря партийной ячейки рабфака выполнял Ананда Аюрзанаин. Один из его воспитанников Б. Ц. Намдаков рассказывал: «Ананда-багша учил нас по букварю

старобурятской (монгольской) письменности. Когда же малость начали читать, нам он дал книжку «Унаан сэсэг» Б. Барадина, выучивали тексты из нее. По этим двум книжкам обучил он нас монгольской грамоте. Ананда-багша был активным участником национальных игр. Под его руководством был поставлен зужэг-спектакль «Жигдэн», в котором он сыграл главную роль. Ананда Аюрзанаин тогда был совсем молодым человеком, но ровный, основательный характер делал его старше». Таким образом, можно сделать вывод, что Ананда Аюрзанаин был человеком творческим, поддерживающим художественную самодеятельность студентов. 1930-е гг. были временем повальной чистки рядов партии. За то, что Аюрзанаин выступал в защиту ни в чем не повинных жертв режима, он подвергся суровой критике и в мае 1933 г. был исключен из рядов ВКП(б) за «укрывательство враждебных элементов» в учебном заведении. Для него наступили трудные дни, но он продолжал бороться за справедливость. Вынужден был уйти из Монголрабфака.

Многолетний и плодотворный труд Ананда-багши все же был отмечен по достоинству. Ему были присвоены звания «Заслуженный учитель Бурятской АССР», «Заслуженный учитель РСФСР».

Жизнь и деятельность видных деятелей просвещения и науки Бурятии — пример служения Отечеству, его научному, культурному и социальному прогрессу, делу науки и народного образования. 15 июня 1940 г. Монголрабфак отмечал свое 10-летие. В связи с этим крупным празднованием Совет Министров МНР наградил и премировал преподавателей Монголрабфака за активную педагогическую, воспитательную, хозяйственную работу. Так, преподаватели С. А. Хамаганова, Боннэр были представлены к награждению орденом «Трудового Знамени МНР», 6 преподавателей — ручными часами с вручением золотой грамоты МНР (Шагдыров, Бобжаев, Алсынкова, Цендежапов, Забанов, Бадмаев).

Литература

1. ГАРБ. Ф. 462. Оп. 1, Д. 54. Л. 140.
2. ГАРБ. Ф. 462. Оп. 1, Д. 4. Л. 35.
3. ГАРБ. Ф. 462. Оп. 1, Д. 4. Л. 18.

References

4. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia] F. 462, op. 1, d.54, l. 140
5. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia] F. 462, op. 1, d. 4, l. 35
6. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia] F. 462, op.1, d.4, l.18

УДК 94:911.3 (519.5)

doi: 10.18097/1994–0866–2015–0–7–263–267

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (1966–2009 гг.)

© **Гомбоев Аюр Баирович**

аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
Email: bgom@binm.bsnet.ru

В статье рассмотрена инновационная политика Республики Корея и ее историческая и территориальная специфика. Показано, что формирование и реализация инновационной политики осуществлялись на основе сочетания усилий государственного и частного секторов. При этом происходила диверсификация модернизационных проектов в зависимости от их содержания — от направленных на развитие конкретных объектов экономики до касающихся интересов всего общества. Приведена территориальная и производственная структура инновационной экономики нового типа, которая иллюстрирует смену приоритетов социально-экономического развития регионов Южной Кореи с размещения конкретных объектов хозяйства на создание условий для восприятия новых знаний и передовых технологий. Показана историческая динамика разработки и реализации инновационной политики Южной Кореи. Дана характеристика основных направлений развития ключевых отраслей «экономики знаний» в Республике Корея в рамках новой промышленной политики, одной из основ которой является развитие НИОКР, что, в свою очередь, обеспечивает рост доли высокотехнологичной продукции в валовом внутреннем продукте.

Ключевые слова: Инновационная политика, историческая динамика, модернизация экономики, территориальная и производственная структура экономики, высокотехнологичная продукция, Республика Корея.

INNOVATIVE POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA: HISTORICAL AND TERRITORIAL SPECIFICITY (1966–2009)

Ayur B. Gomboev

Research Assistant, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047 Russia

The innovative policy of the Republic of Korea and its historical and territorial specific are considered in the article. It is shown that formation and implementation of the innovative policy have performed on the basis of combination of state and private sectors efforts. Thus there was diversification of modernization projects depending on their maintenance — from the aimed at the development of certain objects of economy to those, concerning in the interests of the whole society. A territorial and productive structure over of a new type innovative economy is presented, it illustrates changing of priorities in socioeconomic development of South Korea regions from placing of certain objects of economy to conditioning for perception of new knowledge and front-rank technologies. The historical dynamics of development and realization of innovative policy of South Korea is shown. The description of basic directions of key industries development of «economy of knowledge» in the Republic of Korea is given within the framework of new industrial policy, whose one of bases is the NIOKR development, that, in its turn, provides the growth of the share of hi-tech products in a gross domestic product.

Keywords: innovative policy, historical dynamics, modernization of economy, territorial and productive structure of economy, hi-tech products, the Republic of Korea.

Разработка и реализация инновационной политики в последние десятилетия становится одним из ключевых факторов социально-экономического развития государств с различным уровнем благосостояния. Модернизация экономики становится трудно реализуемой без широкого внедрения инноваций. Республика Корея является показательным примером того, как

реализация грамотной инновационной политики позволила этому государству за короткий исторический период войти в число экономически развитых стран.

Развитием собственной базы научных исследований и технологии занимаются министерство науки и техники, Корейский институт науки и технологии и более 20 поддерживаемых правительством научных институтов. Однако до сих пор научные разработки Южной Кореи являлись либо усовершенствованием прошлых технологий, либо приспособлением импортированных технологий к местным условиям. В начале 1990-х годов затраты на НИОКР превысили 2 % ВВП Южной Кореи, что относительно немного, если сравнивать с положением в передовых промышленных странах.

С 1982 г. южнокорейское правительство взяло на себя осуществление проектов и исследований, необходимых для развития ключевых отраслей промышленности, которые пока были обременительны для частного предпринимательства. Критериями перспективности и важности проекта являлись его техническая новизна, преимущества по сравнению с соответствующими иностранными аналогами, степень освоения местных ресурсов, учет социальной значимости. Проекты, непосредственно ориентированные на развитие промышленности, осуществлялись совместными усилиями частного сектора, государственных учреждений и правительства; те же из них, которые представляли интерес для всего общества и касались, например, вопросов здоровья и охраны окружающей среды, развития энергетики и добычи природных ресурсов, осуществлялись силами одного государственного сектора.

Правительство Южной Кореи также осуществляло ряд мер в интересах частных предпринимателей, которые в условиях свободной рыночной экономики начинают играть ведущую роль в развитии промышленной технологии. Так, в 1980-е годы правительство настоятельно рекомендовало крупным компаниям создавать научно-исследовательские центры, а мелким и средним — организовывать своего рода консорциумы для проведения исследований в смежных областях. Правительство стимулировало научно-исследовательские разработки частного сектора путем предоставления скидок, финансовых субсидий, долгосрочных ссуд на цели развития под невысокий процент, гарантий государственных поставок, освобождения от налогов. Вся эта система поощрений способствовала быстрому росту количества частных научно-исследовательских учреждений: в 1980 г. их было 52, в апреле 1992 г. — уже 1445. За этот же период появилось 68 совершенно новых научно-исследовательских консорциумов.

Вследствие целенаправленной политики южнокорейского руководства значение науки и техники для развития экономики страны постоянно росло. Если в 1966–1976 гг. вклад технологии в ускорение экономического развития был небольшим (6 % по данным исследования Корейского института развития), то с переходом в 1990-е годы от трудоемкого производства к наукоемким отраслям вес технологических новшеств поднялся до 13 %.

В 1999 г. в Южной Корее была инициирована широкомасштабная программа структурных преобразований, в рамках которой начала действовать новая промышленная политика в качестве инструмента выравнивания существующих диспропорций, как на уровне провинций, так и между регионами в целом и столичным административным округом. Изначально эта политика была связана не с содействием становлению нового технологического уклада в стране, а с изысканием и задействованием собственных ресурсов для стабилизации национальной экономики и возвращения ее на траекторию устойчивого роста. Однако именно выработанные в тот период принципы сбалансированного самоподдерживающегося развития на местах и были заложены в основу новой индустриальной политики [1].

В концептуальном плане ее прообразом стал пилотный национальный проект 1999 г. по оказанию поддержки местной промышленности в крупнейших городах страны — Тэгу (текстильная промышленность), Пусане (производство обуви), Кванджу (оптическая электроника), провинции Кенгсан-Намдо (машиностроение). Спустя 3 года (в 2002 г.) данный проект по содействию точечной отраслевой диверсификации охватил все провинции и остальные крупные города особого подчинения, а его осуществление продолжилось по схеме «4 (первых по хронологии субъектов-участников) + 9 (единиц, присоединившихся впоследствии)», которая

и выступает основой промышленной политики страны (табл. 1).

Таблица 1

Территориальная и производственная структура инновационной экономики нового типа в Республике Корея [2, р. 19]

Регион	Базовые отрасли местной промышленности в рамках программы «4+9»			
г. Сеул	Интеллектуальные компьютерные технологии	Биопроизводство	Цифровые компоненты	Финансовые и деловые услуги
г. Инчхон	Интеллектуальные компьютерные технологии	Автомобилестроение	Машиностроение и металлургия	Логистика
провинция Кенгидо	Интеллектуальные компьютерные технологии	Биопроизводство	Культура	Международная логистика
г. Пусан	Визуальные компьютерные технологии	Производство автозапчастей	Туризм	Портовая логистика
г. Тэгу	Текстильная промышленность	Мехатроника (роботостроение)	Мобильные и наноприборы	Биопроизводство
г. Кванджу	Оптическая электроника	Производство автозапчастей	Дизайн и культура	Бытовая электроника
г. Тэджон	Информационные технологии	Биопроизводство	Производство высокотехнологичных деталей и материалов	Мехатроника (роботостроение)
г. Ульсан	Автомобилестроение	Экология	судоостроение	Химическая промышленность
провинция Канвондо	Производство медицинского оборудования	Биопроизводство	Производство новых видов материалов и предотвращение стихийных бедствий	Туризм
провинция Чхунчхон-Пукто	Производство полупроводников	Биопроизводство	Средства массовой коммуникации	Производство сотовых технологий нового поколения
провинция Чхунчхон-Намдо	Электронное оборудование	Биопроизводство	Производство автозапчастей	Культура хай-тек, визуальные ИКТ
провинция Чолла-Пукто	Автомобиле и машиностроение	Биопроизводство (пищевая промышленность)	Альтернативные источники энергии	Туризм
провинция Чолла-Намдо	Производство новых видов материалов для судоостроения	Биопроизводство (пищевая промышленность)	Логистика	Туризм
провинция Кенсан-Пукто	Производство новых видов материалов для машиностроения	Традиционная китайская медицина	Электроника и оборудование для ИКТ	Туризм
провинция Кенсан-Намдо	Интеллектуальное машиностроение	Производство биоматериалов	Интеллектуальное бытовое приборостроение	Мехатроника (роботостроение)
провинция Чэджудо	Цифровые компоненты	Биопроизводство (косметическая промышленность)	Экологически ориентированное сельское хозяйство	Туризм

Механизмы реализации проекта также были взяты на вооружение при разработке новой стратегии, поскольку в отличие от всех предыдущих программ проект «4+9» предусматривает вложение средств не столько в те или иные приоритетные направления, сколько в развитие передовых технологий в регионах. Очевидно, что при определенном (достаточно высоком) уровне социально-экономического развития территорий становится меньше строго детерминированных направлений деятельности, а появляется больше свободы в выборе тех направлений, которые могут обеспечить условия наиболее эффективного их развития. Как видно из табл. 2, не менее половины общего бюджета на каждом этапе программы было инвестировано в формирование инфраструктуры для инноваций и повышение качества трудовых ресурсов.

Таблица 2

Основные направления развития ключевых отраслей «экономики знаний»
в Республике Корея в рамках новой промышленной политики (млрд вон) [2, р. 20]

Основные направления инвестирования по программам	В 4 регионах на:		В 9 регионах (2002–2007 гг.)	В рамках программы развития региональной инфраструктуры	Итого по программам
	первой стадии (1999–2004 гг.)	второй стадии (2004–2008 гг.)			
Развитие инновационной инфраструктуры	3,302	3,075	5,212	1,194	12,783
НИОКР	1,903	5,162	1,810	367	9,269
Техническая поддержка корпораций	1,791	1,091	—	59	2,941
Специалисты в области планирования развития промышленности	—	168	440	—	0,608
Итого по направлениям	7,023	9,496	7,462	1,619	25,600

Как уже отмечалось, первоначально политика страны в области науки и технологий была сосредоточена в основном на внедрении, освоении и применении иностранных технологий. С 2000 г. инновации вышли на первое место среди стоящих перед страной задач. Для внедрения новейших технологий в промышленности Республика Корея проводит политику, направленную на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности и расширение сотрудничества между крупными компаниями и малым и средним бизнесом.

По данным на конец 2007 г., общие инвестиции в развитие науки и технологий достигли 33,6 млрд долларов США, что составило 3,47 % от ВВП. Республика Корея также активно делает капиталовложения в развитие технологий, способствующих повышению общественного благосостояния и улучшению качества жизни, а также тех технологий, которые могут привести к созданию новых отраслей промышленности.

В 2008 г. по уровню развития информационно-коммуникационных технологий (индекс ИКТ) в мире Южная Корея заняла второе место, уступив лишь Швеции.

Продукты ИТ, такие как компьютерные микросхемы и мобильные телефоны, составляют 30 % от объема южнокорейского экспорта, и почти каждый житель страны в возрасте старше 12 лет имеет по крайней мере один мобильный телефон. Кроме того, почти каждая семья имеет широкополосный доступ в Интернет и все сферы жизни южнокорейского общества — от индустрии общественного питания до системы общественного транспорта — прочно связаны с компьютерами и ИТ.

Важнейшим условием, способствующим экономической модернизации, а через нее и укреплению внешней торговли, является развитие НИОКР. В Республике Корея данному условию уделяется особенно большое внимание.

В 2008 г. расходы на НИОКР в стране составили 28 млрд дол., или 3,37 % от ВВП, что на 10 % больше, чем в 2007 г. [3]. По данному показателю страна заняла 6-е место среди стран, входящих в ОЭСР. Даже в кризисный 2008 год частный сектор и государство не сокращают расходы на научно-исследовательские разработки, что отражает стратегическую важность инновационного развития для экономики Кореи. Расходы США составили 368,8 млрд дол., что в 11,8 раз больше расходов Кореи, а затраты Японии составили 150,7 млрд дол. — сумму, превышающую корейскую в 4,8 раз [3].

Министерство образования, науки и технологий Республики Корея провело исследование, связанное с расходами на научно-исследовательские разработки в 2009 году, изучив

статистические данные 23 310 исследовательских институтов, высших учебных заведений и частных компаний. В результате исследования было выяснено, что расходы частного сектора составили 75,4 % от общих затрат на НИОКР, а государственные расходы и расходы университетов составили 13,5 и 11,1 % соответственно. 95,9 % всех расходов были инвестированы в разработки в сфере науки и технологий, в то время как 4,1 % — в гуманитарные и социальные науки. Если рассмотреть отраслевую структуру, то можно увидеть, что 33,8 % расходов были инвестированы в сферу информационных технологий, 12,3 % — в развитие нанотехнологий, 7,6 % — в биотехнологии, и 8,5 % в технологии по защите окружающей среды.

Необходимо отметить, что с 1988 г. происходил непрерывный рост доли высокотехнологичного экспорта к ВВП, средние темпы роста которого за 1988–2009 гг. составили 23,8 % [4].

Правительство Республики Корея уделяет огромное внимание развитию НИОКР, расходы на которые в период 1988–2009 гг. составили 2,57 % [5]. По данным Всемирного банка, объемы товарного экспорта в 2008 г. в Корею составили 422 млрд дол. США, что равно 44 % ВВП страны. Необходимо отметить, что доля товарного экспорта в среднем по миру равна 26,6 %, у стран с низкими и средними доходами она составляет 29 %, а у стран с высокими доходами — 26,9 %. Доля обрабатывающей промышленности в экспорте Кореи составляет 88 %, что выше среднемирового уровня на 16 %. Экспорт высокотехнологичной продукции также значительно выше среднемирового значения и составляет 33 % от общего объема товарного экспорта, почти вдвое превышая среднемировой показатель. По такому индикатору, как экспорт товаров на душу населения, Южная Корея вплотную приблизилась к странам с высоким уровнем дохода. Так, данный показатель составляет 7 540 ед., в 3,12 раз превышая среднемировой уровень. Согласно статистическим данным Корейской международной торговой ассоциации, в 2008 г. основными товарами, экспортируемыми за рубеж, были сотовые телефоны, оперативная память, процессоры и контроллеры для компьютеров.

Таким образом, при отсутствии богатых природных ресурсов, ограниченности территории, пригодной для ведения эффективного сельского хозяйства, наличии избыточной рабочей силы, выгодном торгово-географическом положении и природно-климатических условиях Республика Корея выбрала стратегию социально-экономического развития, основанную на инновационной политике как основном факторе и условии модернизации экономики.

Литература

1. Абдурасулова Д. Промышленная политика Южной Кореи // Экономист. — 2009. — № 1.
2. Kim Y. S. *Regional Industrial Policy in Korea — its outcomes and implications* // KIET Industrial economic review. 2008. No. 2.
3. URL: http://www.koreaherald.co.kr/NEWKHSITE/data/html_dir/2009/09/16/200909160034.asp
4. World Bank. *World Development Indicators*, 2010.
5. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS/countries>

References

1. Abdurasulova D. *Promyshlennaya politika Yuzhnoy Korei. Ekonomicheskii portal* [Industrial policy of South Korea. The Economic portal]. 2012.
2. Y.S. Kim. *Regional Industrial Policy in Korea - its outcomes and implications*. KIET Industrial economic review. No. 2. 2008.
3. http://www.koreaherald.co.kr/NEWKHSITE/data/html_dir/2009/09/16/200909160034.asp
4. Istochnik: World Bank. *World Development Indicators*. 2010.
5. <http://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS/countries>

ЮБИЛЕИ

СЛИШКОМ РАНО ПОГАСЛА ЗВЕЗДА ИСТОРИКА-ФРОНТОВИКА: ВОСПОМИНАНИЕ СОРАТНИКОВ И КОЛЛЕГ О Б. М. МИТУПОВЕ

Санжиев Гармажап Лудупович
доктор исторических наук, профессор
Тармаханов Ефрем Егорович
доктор исторических наук, профессор

Среди ярких имен, внесших значительный вклад в бурятскую историографию, особое место занимает рано ушедший из жизни фронтовик Бато Михайлович Митупов. Наряду с такими учеными-историками, как И. А. Асалханов, Е. М. Залкинд, П. Т. Хаптаев, Б. Д. Цибилов, олицетворяющими советскую историографическую традицию, в становлении республиканской исторической науки отдельно стоит его фигура.

Прошло уже более 40 лет с того времени, как ушел из жизни заведующий кафедрой истории КПСС БГСХА им. В. Р. Филипова, кандидат исторических наук, доцент Бато Михайлович Митупов. 70 лет назад поколение фронтовиков, достойно выполнив свой долг, защитив Родину от вражеского нашествия, вернувшись с фронта, трудилось на благо страны. Так поступил и фронтовик Б. Митупов. Вернувшись в родную Агу инвалидом, стал работать и помогать родным. Позже молодого коммуниста направили в межобластную партийную школу в г. Иркутске. Одновременно с учебой в партшколе он заочно окончил историко-филологический факультет педагогического института. Получив высшее образование, работал в Бурятском обкоме КПСС и министерстве просвещения республики.

Однако жажда научного познания заставила его дерзнуть, и в 1954 г. он поступает в аспирантуру Московского университета, которая дала Б. М. Митупову очень многое. Особый отпечаток наложила успешная защита кандидатской диссертации, которая состоялась после XX съезда партии в 1957 г.

С 1958 г. Б. М. Митупов работал старшим научным сотрудником Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР. Он пользовался большим авторитетом в коллективе института, избирался секретарем партийной организации.

Б. М. Митупову принадлежит более 50 научных трудов по истории Бурятии и Сибири. Они характеризуются широким кругом архивных и других материалов, глубиной анализа, обоснованностью и новизной научных выводов и положений.

В 1958 г. вышла в свет монография Б. М. Митупова «Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.)». Этот труд был первым крупным исследованием по данной проблеме и получил высокую оценку научной общественности Бурятии, Сибири, страны. Материалы и выводы этой книги были использованы во II томе «История Бурятской АССР».

В 1961 г. Б. М. Митупов совместно с Г. Л. Санжиевым издали монографию «Руководство Бурятской организации КПСС культурной революцией в республике». Сложный, трудный и интересный процесс культурного строительства в Бурятии в 1920–1930-е гг. впервые получил широкое освещение.

В 1974 г. был издан второй том крупного коллективного труда «Очерки истории культуры Бурятии», посвященный советскому периоду. Большой вклад в его подготовку внес Б. М. Митупов. Он участвовал в выработке концепции и обоснования основных выводов и особенностей культурного строительства в республике.

Много лет посвятил Б. М. Митупов изданию коллективного труда «Очерки истории Бурятской организации КПСС», вышедшего в свет в 1970 г. Он являлся автором многих глав

и заместителем ответственного редактора. Именно он после смерти ответственного редактора А. У. Хахалова завершил подготовку труда к изданию. Эта работа была высоко оценена Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и признана одной из лучших работ по истории региональных партийных организаций.

В научном творчестве Б. М. Митупова большое место занимали исследования истории Сибири и ее национальных районов. Он был членом авторского коллектива IV тома «Истории Сибири», являлся ответственным за ряд разделов этого фундаментального труда. Этот том вышел в свет в 1968 г. в издательстве «Наука». Как известно, авторский коллектив пятитомной «Истории Сибири» был удостоен Государственной премии СССР.

Б. М. Митупов принял участие в подготовке книги «История рабочего класса Сибири». В VI томе использованы его научные материалы и опубликованы отдельные разделы.

Расширяя и углубляя тематику своих исследований, он занимался изучением истории формирования рабочего класса в республиках Советского Востока, в республиках Средней Азии и Казахстана. Его доклад по этой теме на научной конференции в Институте истории Академии наук СССР вызвал широкий резонанс среди историков страны. Известные советские историки Р. П. Дадыкин, А. В. Митрофанова, В. Е. Полетаев и другие с большим интересом отметили работу Б. М. Митупова, опубликованную в материалах конференции в 1962 г.

Его многочисленные статьи касались актуальных проблем истории Сибири и Бурятии, побуждали исследователей к размышлениям. Б. М. Митупов завершил докторскую диссертацию, посвященную проблемам индустриального развития национальных районов Сибири, но, к сожалению, не успел защитить и опубликовать.

Фанатично преданный науке — истории, умеющий работать по 16 часов в сутки, очень организованный и, что немаловажно, верящий в светлую идею коммунизма, он внес значительный вклад в разработку проблемы модернизации традиционного общества бурят. По сути впервые попытался вывести эту сложнейшую проблему на уровень теоретических обобщений в области модернизации общественных отношений коренных народов Центральной Азии. Будучи марксистом, сторонником экономического детерминизма, он сумел увидеть в сложнейшей проблеме перехода от традиционного общества к индустриальному не только политическую составную, но и большую научную проблему. Сумел доказать, что закономерности истории развития «отсталых» народов Средней Азии, Сибири, т. е. всей Центральной и Внутренней Азии, едины. Ограниченный рамками идеологических подходов, он не сумел их преодолеть в своих работах, но один из первых в стране понял, что сталинский примитивный марксизм не позволяет продуктивно решать сложные проблемы истории, загоняя их в узкие рамки политических клише, подгоняя их под общую схему шаблонных решений. Именно поэтому его работы последних лет становятся все более пространными, в них появляются общие теоретические места, явно идущие вразрез с официальной идеологией КПСС. Понимание директивными органами КПСС догматических норм сталинских построений вызывали у него внутренний протест. В узком кругу специалистов-историков, пытаясь найти понимание, он часто высказывал «крамольные» мысли о несостоятельности «застойных идеологических лозунгов», несших все больше мертвые, схоластические идеи, подобные лозунгам о «развитом социализме».

Профессор Г. Д. Басаев, ректор БГПИ 1980-х гг., вспоминая об этом периоде его жизни, отмечает, что Бато Михайлович фактически детально моделировал распад коммунистической системы, как мировой, так и региональной. Для него это был мучительный процесс осознания тупиковости развития советской модели социализма. Отсутствие будущего у бурятской государственности в колониальной системе разваливающейся «империи зла» вызывали явную тревогу за будущее народа. Будучи ярким приверженцем коммунизма — единственно возможного пути выхода многих отсталых народов на новый уровень — он считал, что проблема носит глобальный характер, более того, основной проблемой, по его мнению, были просчеты неграмотных, недалеких, необразованных, вороватых марксистских лидеров всех уровней.

В частых «кухонных дискуссиях», так характерных для застойных лет, мы обсуждали

эти животрепещущие вопросы политической жизни страны и республики, явственно ощущая тщетность своих попыток доказать властям предрержающим пагубность реальной практики избранного пути. И по сей день считаем, что потенциал советской модели социализма не был исчерпан, не был использован полностью на благо людей, более того, был извращен и представлен в его худшем, слабейшем варианте.

Ограниченность историческими рамками жизни общества не мешала ему как умному исследователю выстраивать смелые проекты и предположения, научные гипотезы, которые подтверждаются и по сей день. Вот уже более 40 лет его с нами нет, но его мысли, смелые высказывания, политическое и научное продвижение заставляют возвращаться к его наследию.

Прошедший тяжелые испытания, он с воодушевлением воспринял идеи XX съезда партии. Как уже упоминалось, его диссертация, защищенная в 1957 г., сразу же после съезда, была наполнена новыми идеями, которыми были насыщены новые работы «постсталинского» периода. Реакция на освобождение от сковывающих рамок цензуры тоталитарного государства в условиях оттепели была однозначной — в стране появилось огромное количество книг, заставивших людей иначе взглянуть на многие события прошлого.

Следующее десятилетие 1960-х годов было наполнено противоречивыми процессами в стране и обществе. Первая половина, прошедшая под знаком волюнтаризма в решениях руководства страны и внутренней борьбы, завершилась отставкой Н. С. Хрущева.

Восстановление основных принципов авторитарного руководства страной привело к появлению ряда серьезнейших проблем, связанных с национальными отношениями в Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе и Сибири.

1970-е годы — это время кризиса неосталинской авторитарной системы, восстановленной Л. И. Брежневым, которая с новой силой возобновила давление на людей, имеющих собственное мнение и не боявшихся говорить об этом. «Дети XX съезда», «шестидесятники» оказались в тяжелой ситуации, и если в Центре, т. е. в Москве, они имели хоть какой-то шанс быть услышанными, то в глухой провинции — месте для ссылок — на это рассчитывать не приходилось.

Партийные деятели на местах как могли пытались доказать свою преданность сталинским идеям, возрожденным Л. И. Брежневым. Работа над докторской диссертацией — вновь открытые архивные документы, исследование глубинных социальных, политических процессов — привела к пониманию тупиковости развития советской системы социализма. Это открытие для Б. Митупова оказалось тяжелейшим испытанием. Практически вся жизнь, лучшие молодые годы были посвящены борьбе за победу коммунистической идеи, борьбе за чистоту помыслов. Однако в условиях повышения уровня жизни, улучшения условий труда и жизнедеятельности общества произошло удивительное явление — народ, перенесший самые тяжелые испытания и с честью вышедший из сложнейших исторических коллизий, не справился с испытанием достатком. Партократическая бюрократия с удовольствием стала наслаждаться результатами многолетних усилий народа. Дорвавшись до «сладкой жизни» они уже не захотели возвращаться к «утопической идее» равенства. Возможно, с позиции сегодняшнего дня можно судить об этом как о закономерном явлении, но в тот момент для многих это было крушением «иллюзорных» представлений о светлом будущем, кризисом жизненных установок в связи с предательством и обманом высшего эшелона власти. Все СМИ — газеты, радио и телевидение — продолжали активно вещать о достижениях в народном хозяйстве, культуре и т. д., народ ударно трудился, уже смутно осознавая, что что-то не так, но продолжал слепо верить в несокрушимость советского строя — великого победителя фашизма. В этих условиях даже мысли о начале конца могли показаться крамольными. Однако по прошествии более 30 лет многие соратники вспоминали об откровенных разговорах, в которых Б. Митупов прямо говорил о коррупции в институтах власти и четко рисовал модель распада советской системы, возлагая вину на формальное отношение к своим обязанностям партийно-государственных бюрократов.

Понимание безысходности, бессилия перед огромной государственной машиной привело к тяжелому личному кризису. Внутренний конфликт не давал возможности писать то, что

требовала государственная идеология, желание осветить реально происходившие события и явления наталкивалось на политические препоны. Все это привело к творческому кризису и уничтожению рукописи докторской диссертации. Родные после его смерти не смогли найти диссертацию, хотя незадолго до этого трагического дня, ученый обсуждал ее с ведущим специалистом в этой области профессором А. С. Московским — заведующим отделом Института истории, этнографии и археологии СО АН СССР. Кстати, ученые-историки из Новосибирского Академгородка, высоко ценившие исследования Б. Митупова, неоднократно обращались к вдове покойного Е. К. Бадашкеевой с просьбой передать рукопись для публикации.

В целом, не преувеличивая достижения Б. М. Митупова в области социальной истории, надо отметить, что в эпоху жесткой идеологической цензуры он сумел продемонстрировать высокие результаты социалистической модернизации в Бурятии, осветить как сильные, так и слабые стороны этого явления.

В рамках марксистской идеологии, постулатов советской обществоведческой мысли Б. Митупов доказал, что большевикам удалось создать новую социальную структуру, соответствующую политическим задачам пролетарского государства. В то же время он подчеркивал, что индустриализация как одно из мероприятий модернизации завершилась успешно. Создание в отдаленной республике собственной экономики, которая позволила выпускать высококачественную продукцию, преобразования в социальной и экономической сфере привели к радикальным изменениям в образе жизни бурят. Кочевой народ Внутренней Азии приобщился к европейскому образу жизни. Можно по-разному относиться к этому, но то, что в современных условиях европейские достижения определяют мировую историю, это не подлежит сомнению. Неомарксист Иммануэль Валлерстайн поделил весь мир на центр, полупериферию, периферию, имея в виду экономические достижения. Байкальская Азия — это глубокая периферия, попытка большевиков вывести ее из этого положения — их основная заслуга. В рамках явного экономического детерминизма такой подход для своего времени позволил Б. М. Митупову сделать серьезные научные, хотя и политизированные выводы. Однако глубокий анализ ситуации позволил ему понять, что колониальная система в условиях царской России повторилась, видоизменившись в тоталитарной централизованной экономике Советского Союза, попытка Н. С. Хрущева демократизировать систему не увенчалась успехом. А партийно-бюрократическая машина Л. И. Брежнева не захотела отказываться от хорошо отрегулированной и сулящей постоянные барыши системы советской экономики, которая больше уже тормозила, чем способствовала развитию страны. В этой ситуации новый дискурс исторического развития, навязанный большевиками стране, в конечном итоге привел к воспроизведению отсталости и зависимости Бурятии от бюрократического Центра.

К такому выводу исследователь пришел через сложную ломку косных представлений о развитии советских национальных республик. Однако его мысли, предложенные для обсуждения своим друзьям, коллегам, вызвали явное отторжение и, более того, непонимание и подозрение в политической незрелости. Это еще больше усилило кризис научного и политического мировоззрения Б. Митупова.

Его работы по сей день несут заряд своего времени, но отдельные положения звучат свежо и видятся по-новому. Нельзя не отдать должное его глубокому и прозорливому предвидению, не отметить его умение увидеть эти сложнейшие противоречия. Это отразилось и на его личном конфликте с властями предрежащими, вызвавшем серьезный творческий кризис. Это лишний раз подтверждает тупиковость развития общества, одурманенного лишь одной идеей, лишь одной линией развития научной мысли. Рано погасла его звезда на небосклоне исторической науки. За этим стоит трагедия не одного человека, а целого поколения, внесшего неопределимый вклад в развитие своего народа, своей страны.

Б. М. Митупов с 1962 г. до самой кончины в 1974 г. заведовал кафедрой истории КПСС Бурятского сельскохозяйственного института, занимал должность профессора. Он пользовался большим авторитетом как принципиальный руководитель, прекрасный лектор-преподаватель и умелый воспитатель студенческой молодежи.

У Б. М. Митупова было много друзей и товарищей. Многие ученые и исследователи Бурятии и Сибири сохраняют добрую память о нем как о ярком и глубоком исследователе, высокопорядочном человеке, отзывчивом товарище. Мы много лет дружили с Бато, работали над учебниками по истории Бурятии для средних школ, занимались переводами на бурятский язык учебников истории для национальных школ, вместе учились в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова и работали в БКНИИ СО АН СССР. Много дней и ночей трудились над нашими совместными научными публикациями, а их немало. Верная и горячая дружба с Бато осталась в нашей памяти как светлые страницы послевоенной жизни.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (К 60-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А. Д. ЦЫБИКТАРОВА)

Палхаева Елизавета Николаевна

доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой всеобщей и отечественной истории Бурятского государственного университета

Редакционная коллегия «Вестника Бурятского государственного университета. История», коллеги сердечно поздравляют доктора исторических наук, профессора кафедры всеобщей и отечественной истории Александра Дондоповича Цыбиктарова с шестидесятилетним юбилеем.

А. Д. Цыбиктаров родился 2 марта 1955 г. в с. Шарагол Кяхтинского района Бурятской АССР в семье работников маслозавода колхоза им. Ц. Ранжурова Д. Ю. и Д. Л. Цыбиктаровых. Детство прошло в с. Кудара-Сомон. В 1966 г. семья переехала в г. Кяхту, где в 1972 г. Саша окончил среднюю школу № 1. В школьные годы активно участвовал в олимпиадах по разным предметам, много занимался краеведением, спортом. Учителя-предметники Л. С. Пальчикова, Г. М. Фильшин, Э. М. Тяхт, В. И. Снедкова, Е. Д. Дондопова и другие дали ему хорошие знания по гуманитарным и естественным наукам. В краеведческом кружке увлекался археологией, биологией, географией, геологией. Но в конечном итоге из всех привязанностей победила археология.

После окончания школы А. Цыбиктаров поступил на историко-филологический факультет Томского государственного университета, где в то время преподавали известные в Сибири и СССР ученые, доктора наук, профессора И. М. Разгон, Б. Г. Могильницкий, З. М. Бояршинова, М. Е. Плотникова, С. С. Григорцевич и др. Его учителем в области археологии был доктор исторических наук, профессор В. И. Матюшенко, один из крупнейших специалистов в области археологии Западной Сибири. В университетские годы каждое лето до сентября он проводил в экспедициях, выезжая домой уже поздней осенью на ноябрьские праздники. Во время учебы Цыбиктаров принял участие в экспедициях Томского университета, Института археологии АН СССР, Ленинградского отделения ИА АН СССР в Томской, Тюменской областях, Ханты-Мансийском национальном округе, Тувинской АССР, Хакасской автономной области от побережья Обской губы за полярным кругом на севере до Западных Саян на границе с Монголией на юге. В этих экспедициях он получил опыт полевой археологической практики, который нельзя обрести никаким другим путем — на учебных занятиях или в библиотеках. Благодаря этому ему удалось перенять опыт у ведущих специалистов в области западно-южносибирской и центральноазиатской археологии из различных научных центров страны.

Во время учебы в университете А. Цыбиктаров участвовал в региональных и всесоюзных археолого-этнографических студенческих конференциях (РАЭСК). В 1976 г. он получил дипломы 1-го места за доклады на РАЭСК зоны Сибири и Дальнего Востока в НГУ (г. Новосибирск) и Всесоюзной археологической студенческой конференции в МГУ (г. Москва) по секции «Бронзовый век».

В 1977–1979 гг. после окончания Томского университета А. Цыбиктаров работал стажером-исследователем в Бурятском институте общественных наук БФ СО АН СССР. Затем был вынужден покинуть академическое учреждение и в 1979–1980 гг. преподавал историю и географию в Чажемтовской средней школе Колпашевского района Томской области. В 1980 г. по приглашению Бурятского объединенного музея А. Д. Цыбиктаров вернулся в Бурятию и до 1990 г. работал в Кяхтинском краеведческом музее им. акад. В. А. Обручева. В годы работы в музее заочно учился в аспирантуре Института археологии АН СССР (г. Москва) и в 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии». Затем судьба вновь вернула его в Западную Сибирь, а с 1996 г. по настоящее время творческий путь Александра Дондоповича связан с Бурятским

государственным университетом. Сначала он работал старшим преподавателем, доцентом кафедры Истории Бурятии, в 2004–2011 гг. — заведующим кафедрой всеобщей истории, а позже и до настоящего времени — профессором кафедр всеобщей, всеобщей и отечественной истории. В 2003 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Север Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа (конец III — середина I тыс. до н. э.)» в Институте археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск).

В университетские годы у А. Д. Цыбиктарова определились научные интересы. Они были связаны с эпохой бронзы и раннего железа евразийских степей. Это нашло отражение и в тематике, содержании научных работ юбиляра. Им опубликовано более ста работ, в том числе 4 монографии. Он является одним из авторов «Историко-культурного атласа Бурятии», 1 тома трехтомной «Истории Бурятии», «Истории Улан-Удэ», школьных учебников по «Истории Бурятии» и «Истории Улан-Удэ».

В научной сфере главным направлением деятельности Александра Дондоповича являются бронзовый и ранний железный века Центральной Азии в пределах Южного Забайкалья, Монголии, Северного Китая, Тувы и юго-востока Горного Алтая. В своих трудах ученый, опираясь на данные палеоэкономики, особенности памятников археологических культур (селенгинско-даурской, гобийской, хэнтэйской, афанасьевской, культур плиточных могил и херексуров), палеоантропологические, палеогеографические и другие материалы, реконструировал культурно-историческую ситуацию в регионе по периодам эпохи раннего металла, бронзового и раннего железного веков. Им были пересмотрены устоявшиеся и предложены новые датировки культуры плиточных могил, культуры херексуров, обосновано выделение ряда археологических культур в качестве самостоятельных культурных образований: селенгинско-даурской, гобийской, хэнтэйской.

Не вдаваясь в археологические детали, отметим, что А. Д. Цыбиктаров разработал новую концепцию развития и смены культур на протяжении эпохи бронзы и раннего железа в Центральной Азии в пределах Монголии и Забайкалья. В ней были показаны общие и особенные для разных областей региона тенденции культурно-исторического развития их населения в разные исторические эпохи. Ученым были освещены причины встречных крупномасштабных миграций монголоидных племен культуры плиточных могил и европеоидных племен культуры херексуров в конце II — начале I тыс. до н. э., этапы и особенности их взаимоотношений по ним. Полученные результаты имеют большое значение для изучения истоков происхождения центральноазиатской расы, этногенеза монголов и бурят.

Характеризуя хозяйственные занятия населения Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа, юбиляр впервые в отечественной и зарубежной историографии обосновал положение о формировании кочевого скотоводства в регионе в середине II тыс. до н. э., тогда как ранее это датировалось скифской эпохой — VIII–VI вв. до н. э. или предположительно концом бронзового века, началом I тыс. до н. э. Научные разработки ученого нашли поддержку в различных фондах РАН, Министерства образования и науки РФ и РБ, РГНФ, ФЦП «Интеграция».

Особое место в научной деятельности юбиляра занимает разработка и реализация международного интеграционного проекта ежегодной международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая». Инициировав его в 2008 г., он провел большую организационную работу и сумел при поддержке своих коллег из разных стран объединить в рамках проекта вузовские и академические учреждения России, Монголии и Китая. В 2010 г. первая из конференций прошла в г. Улан-Удэ на базе БГУ, а в 2011–2014 гг. — в Иркутске, Улан-Баторе, Чите и Кызыле на базе ИрГТУ, МонГУ, ЗабГУ, ТувГУ. В 2015 г. конференция состоится в г. Хух-Хото в КНР на базе Музея и Института археологии Внутренней Монголии. Проект нашел активный отклик у ученых многих стран мира. В конференциях приняли участие не только археологи, но и этнографы, этнологи, палеоантропологи, палеонтологи, палеогеографы, геологи, историки науки из России, Монголии, Китая, Японии, Южной Кореи, Казахстана, Германии, Англии, Франции, Венгрии, Бельгии, США, Канады, Австралии.

Деятельность А. Д. Цыбиктарова нашла отражение во втором томе крупной обобщающей работы В. И. Матюшенко по истории археологической науки в Сибири «300 лет сибирской археологии» (2001). В Улан-Баторе готовится справочное издание об иностранных археологах, внесших наибольший вклад в изучение археологии Монголии. Монгольские специалисты сочли нужным поместить в этой работе статью о нашем юбиляре.

Другое крупное направление научных исследований А. Д. Цыбиктарова связано с изучением древней истории Бурятии и ее популяризацией. В 1999 г. он опубликовал книгу «Бурятия в древности», которая впервые после выхода в 1951–1954 гг. I тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» (раздел по древности был написан академиком А. П. Окладниковым) явилась обобщающим исследованием достижений исторической науки за прошедшие полвека. Автор в доступной для широкого круга читателей форме осветил древнюю историю территории этнической Бурятии от древнекаменного века (около 300–400 тыс. лет назад) до вхождения края в состав России в XVII в. Широкодоступная манера изложения и подачи материалов обеспечила массовый успех «Бурятии в древности», которая была переиздана 5 раз. Эта региональная тематика затем нашла свое развитие в ряде коллективных научно-популярных и учебных изданий: «Историко-культурном атласе Бурятии», трехтомной «Истории Бурятии», «Истории Улан-Удэ», школьных учебниках по истории Бурятии и Улан-Удэ.

Александр Дондопович на протяжении многих лет является членом диссертационного совета Д 212.022.07 при ФГОУ ВПО «Бурятский государственный университет», редколлегии журнала «Вестник БГУ (серия История)». Научная деятельность А. Д. Цыбиктарова была высоко оценена присуждением ему почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия» в 2007 г., почетной грамотой Народного хурала РБ в 2015 г., а также ведомственной наградой Министерства образования и науки Республики Тыва — памятным знаком «В честь 100-летия единения России и Тувы» в 2014 г. за большой вклад в развитие научных связей в области археологии.

Еще один профиль творческой деятельности Александра Дондоповича связан с музейной сферой. Эта сторона воплотилась в создании с коллективом сотрудников Кяхтинского музея серии выставок, постоянных экспозиций, в обработке и пополнении фондов музея, научно-просветительной работе среди населения. Здесь, по его словам, особенно запомнились работа и сбор материалов по истории российских и советских географических открытий в Центральной Азии. В Москве и Ленинграде ученый встретился с крупнейшими советскими исследователями этой области докторами географических наук Э. М. Мурзаевым и Н. Т. Кузнецовым, родственниками выдающихся, но уже ушедших в мир иной путешественников и деятелей ИРГО конца XIX — начала XX в. П. К. Козлова и Г. Е. Грум-Гржимайло, докторов наук советского времени — академика А. П. Окладникова, палеонтолога и писателя-фантаста И. А. Ефремова, биологов А. Н. Формозова и А. Г. Банникова. В фонды музея были привезены мемориальные вещи этих путешественников и исследователей Центральной Азии. Совсем недавно, в 2014 г. доктор исторических наук, профессор Е. А. Окладникова по инициативе и просьбе А. Д. Цыбиктарова передала в фонды Кяхтинского музея крупную коллекцию документов и предметов экспедиционного снаряжения отца: удостоверение Героя Социалистического труда, дипломы доктора наук и академика АН СССР, фотоаппараты, полевую форму и другие материалы.

Вместе с супругой Е. Е. Поповой, сотрудником отдела фондов Кяхтинского музея, а позже преподавателем Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, юбиляром была написана монография «История Кяхтинского краеведческого музея им. акад. В. А. Обручева и его естественнонаучного собрания (1890–1990 гг.)» (2003 г.). В ней подробно освещены деятельность и развитие музея за столетний период от его основания до конца XX в. За заслуги в развитии музейного дела в республике в 1990 г. он был удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры Бурятской АССР».

Много времени и энергии А. Д. Цыбиктаров отдает преподавательской деятельности в университете, студентам-историкам. Ведя занятия по истории первобытного общества, ар-

хеологии и истории Древнего мира он дает студентам глубокие знания по этим дисциплинам. На лекциях и семинарских занятиях Александр Дондопович прививает студентам навыки отбора источниковых материалов и информации, их систематизации и анализа, осмысления полученных данных, т. е. тем азам, которые становятся для них первыми кирпичиками в фундаменте профессии историка. Студенты, изучая ранние этапы истории Бурятии и Байкальского региона в древности и средневековье, занимаются по учебному пособию «Бурятия в древности», написанному ученым. Совершенно отдельной и памятной страницей в воспоминаниях о студенческих годах для выпускников факультета является полевая археологическая практика, которую они неизменно проходят под руководством А. Д. Цыбиктарова в Бурятии или Монголии.

А. Д. Цыбиктаров воспитал двух кандидатов наук, еще одна диссертация подготовлена его аспирантом к защите. Ученый оппонировал диссертации, составлял отзывы БГУ как ведущей организации, а также отзывы на кандидатские и докторские диссертационные работы по археологии Забайкалья, Прибайкалья, Монголии и Китая специалистов из различных научных центров нашей страны и Монголии. Педагогическая деятельность была высоко оценена присуждением ему звания «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации» в 2011 г.

Общеизвестно, какое большое значение в истории и культуре бурятского народа имел и имеет до сих пор буддизм. Огромную роль в утверждении буддийской религии среди бурят сыграл Дамба Даржа Заяев — первый пандито хамбо-лама буддийской религии в России. До недавнего времени была известна местность Нарин хундуй в долине р. Чикой ниже с. Шарагол, в которой родился Д.-Д. Заяев, но без точного месторасположения аила его родителей. В начале 2000-х гг. глава буддийской конфессии России пандито хамбо-лама Дамба Аюшеев установил предположительное место у подножия горы Отсон-хан, где аил мог располагаться. Но для окончательной уверенности необходимо было получить надежные данные, подтвержденные наукой. В этих целях Д. Аюшеев пригласил А. Д. Цыбиктарова для экспертизы месторасположения юрты родителей Д.-Д. Заяева. 27–28 мая 2006 г. группа представителей буддийского духовенства и общественности во главе с пандито хамбо-ламой Д. Аюшеевым осуществила раскопки на данном месте. В результате анализа А. Д. Цыбиктаровым полученных находок и информации было установлено точное место, где в конце XVII — начале XVIII в. находилась юрта родителей I Пандито хамбо-ламы Д.-Д. Заяева и где в 1702 г. он родился. В настоящее время здесь создан мемориальный комплекс, посвященный Дамба-Дарже Заяеву.

Таков в самом общем виде портрет юбиляра.

ДОБРОЕ ИМЯ (К 85-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА МАКСИМА НИКОЛАЕВИЧА ХАЛБАЕВА)

Боронова Маргарита Максимовна

доктор исторических наук, профессор Бурятского государственного университета

Аларская земля дала стране и Бурятии многих известных деятелей науки и образования. Достаточно назвать имена А. М. Ильина — академика РАН, доктора физико-математических наук, М. В. Мохосоева — члена-корреспондента АН СССР, доктора химических наук, А. Б. Соктоева — члена-корреспондента РАН, доктора филологических наук, Г. Д. Санжеева — доктора филологических наук, профессора, А. Ц. Шаракшанэ — доктора технических наук, генерал-лейтенанта, М. Г. Абахаева — доктора технических наук, профессора, П. Н. Матханова — доктора технических наук, профессора. О них и о многих других славных сыновьях аларской земли повествует книга доктора исторических наук, профессора Г. Д. Басаева «Ученые из Аларского и Нукутского районов Усть-Ордынского Бурятского автономного округа». В их числе достойное место занимает имя известного ученого-историка, педагога, доктора исторических наук, профессора Максима Николаевича Халбаева. В прошлом году ему исполнилось бы 85 лет.

Выдающийся персидский писатель и мыслитель XIII в. Саади сказал однажды: «Из всех даров мира остается только доброе имя». Эти слова в полной мере относятся к той памяти, которую оставил о себе мой отец Халбаев Максим Николаевич. Он прожил недолгую, но очень яркую и содержательную жизнь, оставив светлый след в душе у тех, с кем работал, общался, дружил. Прошло уже 23 года, как нет его с нами, но и сегодня люди с уважением, теплотой и признательностью произносят его имя.

Детские и юношеские годы Максима Николаевича прошли в деревне Жалгай Черемховского района Иркутской области. Дата его рождения совпадала с датой известного в истории события — Кровавого воскресенья, поэтому обычно друзья поздравляли его шуточным четверостишием:

«В день Кровавого воскресенья,
В одну из суровых зим,
Возвестил о своем рождении
Наш друг Халбаев Максим...»

Он родился 9 января 1929 г. в многодетной крестьянской семье. Его отец Николай Могзолович рано ушел из жизни, и семерых детей воспитывала мать Алена Антоновна. Детство было трудным, как у большинства людей того поколения. С ранних лет приходилось много работать, помогать матери по дому, в хозяйстве. В военные годы подростком отец, как и многие его сверстники, начал трудиться в колхозе. Полученная в детстве трудовая закалка осталась с ним на всю жизнь. С детских лет Максим Николаевич проявлял неподдельный интерес к знаниям, был любознателен и активен. Учился всегда хорошо, успевал заниматься спортом, общественной работой. После окончания Голуметской средней школы планировал стать горным инженером, однако из-за сильной простуды опоздал на вступительные экзамены в Горный институт и решил подавать документы на историко-филологический факультет Иркутского госуниверситета.

Много лет спустя его однокурсник Владимир Ханташкеев вспоминал: «Максим отличался среди нас удивительным качеством общения. Весельчак, шутник, он быстро сблизился с каждым из нас. Со второго курса стал неизменным инициатором и заводилой всех коллективных мероприятий курса и отделения, будь то субботник, посещение театров, музеев, выставок и т. д. Благодаря ему мы не пропускали выступления приезжих мастеров литературы и искусства.

В то же время Максим не забывал главное — учебу. Часто рассказывал, какую интересную книгу отыскал в библиотеке, но не рекламировал, что надо читать ее или изучать. Однако после ребята шли в библиотеку и спрашивали эту книгу. Отстающим по тем или иным предметам наш друг всегда оказывал помощь. Просил позаниматься с ними тех из нас, кто лучше всех разбирался по данному предмету. Студент, устранив свое отставание, благодарил того, кто занимался с ним, даже не зная, что помощь-то исходила от Максима».

Свою трудовую деятельность молодой специалист начал в 1953 г. в Большеусовской средней школе учителем русского языка и литературы. Бывшие ученики с большим уважением и теплотой вспоминают своего классного руководителя, который к тому же был капитаном их школьной хоккейной команды.

В 1957 г. он переезжает в Улан-Удэ и поступает на работу в Бурятский сельскохозяйственный институт. Здесь в течение пяти лет работает начальником учебной части. В этой должности, по мнению ветеранов БГСХИ, Максим Николаевич проявил себя прекрасным организатором и был, по мнению ветеранов, одним из лучших начальников учебной части этого старейшего в республике вуза. Однако, отдавая много сил учебной и административной работе в институте, отец мечтал продолжить свое образование в аспирантуре.

В 1962 г. он становится аспирантом Воронежского государственного университета. Не так давно, разбирая домашний архив, я обнаружила газету «Воронежский университет» от 9 февраля 1966 г., где прочла статью о защите кандидатской диссертации Максима Халбаева. Ее автор А. Купавин пишет: «...Много пришлось потрудиться Максиму Николаевичу. Он привык все делать основательно, накрепко. Проверял полученные сведения, анализировал их. Каждые каникулы Максим Николаевич проделывал длинный путь в Бурятию. Приезжал, шел в партийные и хозяйственные органы, собирал материал, разговаривал с людьми...».

Действительно, в исследовательской работе отец выше всего ценил научную достоверность и объективность, поэтому любил все делать основательно, проверял и перепроверял полученные данные. Этому он впоследствии учил и своих учеников, молодых исследователей.

После успешной защиты кандидатской диссертации Максим Николаевич возвратился домой и начал работать в недавно открытом Восточно-Сибирском технологическом институте. С 1965 г. и до конца дней вся его жизнь была связана с этим вузом.

В истории ВСТИ/ВСГУТУ 1960–1980-е годы стали периодом становления и возмужания. В те годы молодому вузу приходилось преодолевать немалые трудности: решать проблемы подготовки научно-педагогических кадров, создавать учебную, научную и материальную базу, строить объекты социальной инфраструктуры. Большой вклад в становление института внес первый ректор Д. Ш. Фролов, сформировавший вокруг себя сплоченный коллектив единомышленников, людей, которые не жалели ни времени, ни сил для развития своего института.

Максим Николаевич с присущей ему энергией и ответственностью включился в эту работу. Долгие годы он был бессменным секретарем парткома ВСГТИ. На этом посту ему приходилось решать самые разные вопросы из жизни коллектива. Он был в числе тех, кто стоял у колыбели института и своим трудом сделал его одним из ведущих вузов нашей республики и Восточной Сибири в целом.

В те годы деятельности кафедр гуманитарного цикла придавалось особое значение. Максим Николаевич внес большой вклад в становление и развитие кафедры истории (тогда «истории КПСС») ВСТИ. Свыше 20 лет он возглавлял эту кафедру, создал сплоченный, работоспособный коллектив. Особое значение он придавал вопросу укрепления кадрового потенциала кафедры, подготовке высококвалифицированных специалистов через аспирантуру и докторантуру. В 1970–1980-х годах на кафедре были подготовлены два доктора и двадцать кандидатов наук. В те годы это была единственная кафедра, где все преподаватели имели ученую степень.

Являясь заведующим кафедры, Максим Николаевич уделял большое внимание систематическому повышению квалификации своих сотрудников. Без этого, считал он, невозможно

быть высококвалифицированным преподавателем, отвечающим современным требованиям. Сам постоянно работал над повышением своего профессионального уровня, неоднократно выезжал на курсы ФПК при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Он любил и уважал свой предмет, был строгим, принципиальным и требовательным преподавателем. В то же время его отличала особая доброжелательность, открытость и отзывчивость, а хорошее чувство юмора помогало разрядить обстановку в самых разных ситуациях. Благодаря своей эрудиции, высокой профессиональной подготовке, деловым и личным качествам он заслужил глубокое уважение коллег, аспирантов и студентов.

Педагогическая деятельность Максима Николаевича тесно сочеталась с научной работой. Он известный ученый, чьи труды знают не только в Бурятии, но и за ее пределами. Областью его научных интересов стала история индустриального развития национальных районов Сибири. В 1970–1980-х годах эта тема вызывала живой интерес у исследователей, что было обусловлено реальными успехами в социально-экономическом и культурном развитии коренных народов Сибири в советский период.

Работая над этой темой, Максим Николаевич проводил исследования в Якутии, Туве, Горном Алтае, Хакасии, много писал и о промышленном развитии Бурятии. Результаты его кропотливого труда не утратили своей научной ценности и в наши дни. В 1979 г. он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук в Иркутском государственном университете. Это была первая защита докторской диссертации на только что открытом специализированном совете при ИГУ.

М. Н. Халбаев — автор более 100 научных публикаций, в том числе монографии «Индустриальное развитие национальных районов Сибири» (Новосибирск, 1978 г.), коллективных фундаментальных исследований: «История рабочего класса Сибири» (Новосибирск, 1988 г.), «Очерки истории Бурятской АССР периода развитого социализма» (Новосибирск, 1983 г.). Научные труды Максима Николаевича получили заслуженное признание коллег — ученых сибирского региона, он пользовался авторитетом и уважением в научной среде.

Большое внимание Максим Николаевич уделял подготовке научных кадров. Он был научным руководителем целого ряда аспирантов и соискателей, в числе которых Ю. П. Шагдуров, В. П. Бартуков, В. Б. Санжиев, Л. Б. Жабаева и другие. Многие из его учеников ныне успешно продолжают заниматься научной деятельностью, стали известными учеными и педагогами.

С 1981 г. Максим Николаевич являлся членом Специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций при Иркутском государственном университете. Для многих он был оппонентом, консультантом, рецензентом при защите кандидатских и докторских диссертаций.

Много сил и энергии отдавал Максим Николаевич общественной работе. Известно его активное участие в жизни института, города и республики. Исполнял обязанности секретаря парткома ВСТИ многие годы был председателем секции обществоведов Совета ректоров вузов города, являлся членом экспертной комиссии по истории Восточно-Сибирского региона, был председателем научно-методической секции республиканского общества «Знание». Активно занимался пропагандой исторических знаний, много ездил по районам республики, выступая с лекциями в трудовых коллективах.

Многогранная научная и педагогическая деятельность М. Н. Халбаева была по достоинству оценена. Ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Бурятии», он награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд», многими грамотами и дипломами.

В повседневной жизни отец был очень позитивным, коммуникабельным и веселым человеком, умел легко и просто общаться с самыми разными людьми, а его неиссякаемый юмор всегда поднимал настроение. Его хобби были шахматы. Им он обычно посвящал свое свободное время. Помнится, в нашем доме устраивались многочасовые шахматные турниры, которые всегда сопровождались розыгрышами, смехом, беззлобными шутками над проигравшими. Отец умел создавать вокруг себя атмосферу радостного, приподнятого настроения. Вместе с тем он был принципиальным и строгим, не умел подстраиваться под обстоятельства, никогда

не менял своих убеждений, не боялся идти против течения, отстаивая свою правоту.

Его основным человеческим качеством было удивительно позитивное восприятие жизни и доброе отношение к людям. Он умел искренне радоваться успехам других, был глубоко равнодушен ко всему, что происходило вокруг него. Никогда не проходил мимо чьей-то беды, всегда был готов помочь, даже если об этом не просили. В этом смысле был человеком душевно очень богатым и щедрым. Многим открыл «зеленую дорогу», помог найти свое место в жизни. И сегодня эти люди с большой теплотой и благодарностью вспоминают о нем.

Стремительно летит время. Меняется страна, на смену одному поколению приходит другое. Что же остается в памяти потомков о тех, кого, увы, уже нет с нами?

Остается доброе имя как истинное мерило ценности прожитой жизни. Доброе имя — это тот человеческий капитал, который не подвластен времени и переменам. Уверена, что доброе имя моего отца Халбаева Максима Николаевича еще долго будет жить в сердцах и памяти всех тех, кто был знаком, трудился, общался и дружил с ним.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БУРЯТСКОГО НАРОДА ДАБА-ЦЫРЕН ДАМБАЕВИЧ НИМАЕВ (1952–2014)

Балдано Марина Намжиловна

доктор исторических наук, профессор, зав. отделом истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Бураева Ольга Владимировна

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Ушел из жизни известный ученый, доктор исторических наук, доцент Даба-Цырен Дамбаевич Нимаев. Ушел рано, не успев осуществить многие свои замыслы. Но то, что он сделал, — масштабно. Пройдя свой жизненный путь, он оставил в науке светлый и долгий след. Находясь в кругу коллег и делая общее дело, он жил в собственном мире, шел своим путем.

Даба-Цырен Дамбаевич родился 26 февраля 1952 г. в с. Ташир Селенгинского района Бурятской АССР в трудолюбивой семье ветерана тыла Дамбы Гомбоевича Нимаева и Героя Социалистического Труда доярки колхоза им. Карла Маркса Пэлжэд Бальчиновны Жалсановой.

Еще в годы учебы на бурятском филологическом отделении Иркутского государственного университета Д.-Ц. Нимаев стал приобщаться к изучению культуры и быта бурятского населения Байкальского региона, благодаря регулярным летним фольклорно-этнографическим экспедициям под руководством известных ученых, профессоров Н. О. Шаракшиновой и А. Г. Митрошкиной. Удачный дебют на Всероссийской студенческой этнографической конференции в Москве в 1973 г., успешная защита дипломной работы по теме «Микротопонимия Селенгинского района Бурятской АССР» во многом предопределили характер его будущей научной деятельности.

Принятый в августе 1976 г. старшим лаборантом в отдел истории, этнографии и археологии БИОН Д.-Ц. Нимаев при поддержке известных ученых И. А. Асалханова, Е. М. Залкинда и Т. М. Михайлова всерьез занялся освоением основ этнографической науки. Он был направлен в аспирантуру Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, где прошел прекрасную школу под руководством доктора исторических наук С. И. Вайнштейна, имел счастливую возможность общения с С. А. Токаревым, В. П. Алексеевым, И. С. Гурвичем и другими светилами этнографической науки. В августе 1981 г. на диссертационном совете этого института Д.-Ц. Нимаев успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проблемы этногенеза бурят».

За время работы в Бурятском институте общественных наук (позже Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) Д.-Ц. Нимаев последовательно прошел почти все ступени служебной лестницы: младший научный сотрудник, научный сотрудник, заведующий сектором этнографии, ведущий научный сотрудник. А в 2000 г. на диссертационном совете ИМБТ СО РАН успешно защитил докторскую диссертацию «Буряты: этногенез и этническая история». Этногенез бурят — одна из наиболее сложных и актуальных проблем современного бурятоведения. Для разработки темы необходимо комплексное исследование различных видов источников, требующее кропотливой и квалифицированной работы по обработке, изучению и сопоставлению обширного фактического материала. Неравномерность изученности различных источников, спорность некоторых важных положений, недостаточная разработанность требовали от автора чрезвычайной концентрации исследовательских усилий. И он блестяще справился с этой сложной задачей.

Примерно в это же время он приступил к изучению современных этнических процессов в Бурятии, что позволило получить разностороннее представление об этносе на протяжении всей его истории. Научные интересы Д.-Ц. Нимаева многообразны — он занимался вопросами

этногенеза, этнической истории халха-монголов, ойратов, киданей, баргутов, дагуров, эвенков, якутов. Значительное внимание уделял проблеме присоединения Бурятии и сопредельных регионов Сибири к России, не поддающейся однозначной оценке. Касаясь вопроса времени присоединения Бурятии к России, он справедливо отмечал, что соответствующие для этого условия возникли в основном после заключения Бурунского и Кяхтинского трактатов 1727 г. Его тексты отличаются точностью формулировок, хорошим научным стилем. Д.-Ц. Нимаев опубликовал более ста научных работ, в том числе три монографии, несколько учебных и научно-популярных книг. Он один из основных авторов таких фундаментальных коллективных трудов, как «Буряты» (М., 2004), «История Бурятии»: в 3 т. (Т. 1. Древность и средневековье; Т. 2. XVII — начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011).

Не особо стремясь к личным почестям, он выполнял каждодневную нелегкую работу, из которой и рождается настоящая наука. Много времени и кропотливого труда научного редактора потребовала подготовка к изданию серии библиографических работ, посвященных этнографии бурятского народа. Д.-Ц. Нимаев считал задачей первостепенной важности подготовить издания подобного плана и многое сделал для этого. Работа сама по себе неблагодарная и не может принести сиюминутных лавров исследователю. Однако практическое значение ее трудно переоценить. Указателями широко пользуются исследователи, аспиранты, студенты и все, кто интересуется этнической историей бурятского народа.

Д.-Ц. Нимаев — активный участник и организатор полевых этнографических исследований в составе советско-монгольской этнографической экспедиции 1983 и 1985 гг., историко-культурной экспедиции Бурятского института общественных наук. Ему удалось побывать в разных аймаках Монголии, АРВМ Китая, Хакасии, Якутии, объехать всю этническую Бурятию — от Качуга до берегов Онона, от горной Оки и Закамны до таежного Курумкана.

В течение многих лет Д.-Ц. Нимаев преподавал в Бурятском госуниверситете и Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств (ВСГАКИ), где читал лекционные курсы «Этнография народов Центральной Азии», «История Сибири», «Восточный этикет», «Современный монгольский язык». Он был близок своим юным коллегам — студентам, аспирантам. Для подопечных занятия с ним были приобщением к научному знанию. Он не только преподавал, но и проводил консультации, учил своих студентов навыкам научного ремесла, способности постигать мудрость печатного текста, анализировать и излагать свои мысли.

Д.-Ц. Нимаев активно сотрудничал с обществом «Знание», пропагандируя научные и общественно-политические знания среди широкого круга населения, регулярно выступал в средствах массовой информации со статьями на различные, в том числе проблемные темы.

Он был неизменным членом диссертационных советов Д 003.027.01, Д 003.027.02 при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН и Д 210.002.02 при ВСГАКИ. Многолетняя научная, научно-организационная и педагогическая деятельность Д.-Ц. Нимаева отмечена присвоением почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», многочисленными грамотами руководства Республики Бурятия, президиумов РАН и СО РАН.

Даба Дамбаевич никогда не имел и не искал покровителей, он сам стремился помогать молодым как мог, способствуя их росту и закреплению в сфере науки. Он никогда не называл себя громким словом «ученый», он был вечным учеником и тружеником науки. Он так и не научился беречь себя, и это сформировало в нем особенное отношение и к жизни, и к смерти. Он ушел из жизни в один из холодных зимних дней. Остались его родные и близкие, коллеги, ученики. Осталась память — в людях, в текстах, том вкладе, который он внес в историческую науку Бурятии.

Основные публикации Д. Д. Нимаева:

1. Проблемы этногенеза бурят. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. — 169 с.
2. Буряты: этногенез и этническая история. — Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000. — 190 с.
3. Этногенез и этническая история // Буряты. Сер. Народы и культуры. — М.: Наука,

2004. — С. 13–61.
4. Гл. 11 / П. Б. Коновалов, Б. З. Нанзатов, Д. Д. Нимаев // История Бурятии: в 3 т. — Т. 1. Древность и средневековье. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. — С. 253–285.
 5. Гл. 1, § 1, 2; Гл. 2, § 3; Гл. 3, § 1, 3; Гл. 6, § 2 // История Бурятии: в 3 т. — Т. 2. XVII — начало XX в. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
 6. Монгольские народы. Этническая история и современные этнокультурные процессы. — Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. — 192 p.
 7. Сибирь в панораме веков: учеб. пособие / М-во образования и науки РФ, Бурят. гос. ун-т, Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии, Сиб. отд-ние РАН. — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — 90 с.
 8. Современные этнические процессы у бурят (в соавт.) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. — М., 1985.
 9. Об ойратско-бурятских этнических связях // Проблемы этногенеза калмыков. — Элиста, 1984.
 10. О средневековых хори и баргутах // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1993.
 11. Буряты: диалектика этнического и государственного // Народы Сибири: права и возможности. — Новосибирск, 1997.
 12. Некоторые особенности и итоги этногенетических процессов среди монгольских народов в средние века // Исследователь монгольских языков (К юбилею Б. Х. Тодаевой). — Элиста, 2005.
 13. Этнические последствия присоединения Бурятии к России // Этносоциальные процессы в Сибири. — Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2006. — Вып. 7.
 14. Буряты на рубеже тысячелетий // Этносоциальные процессы в Сибири: тематич. сб. — Новосибирск, 2007. — Вып. 8.
 15. Этническая ситуация в Прибайкалье на рубеже XVI–XVII вв. // Сибирь: этносы и культуры. Вып. 11: Этническая история и этническая культура. — М.; Улан-Удэ, 2009.
 16. Дауры и баргуты: проблемы этнической истории // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2010. — № 2.
 17. Объединительные процессы в Бурятии: предпосылки, движущие силы и тенденции развития // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — Т. 4. История. — 2010. — № 4.
 18. Этнокультурные и этнодемографические процессы в Сибири (XVII — начало XX в.) (в соавт.) [и др.] // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2011. — № 2.
 19. Основные факторы формирования бурятской диаспоры в Монголии и особенности ее социокультурной адаптации // Вестник ВСГТУ. — 2013. — № 1. — С. 179–182.
 20. Новое в исследовании алтайских языков // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 2. — С. 261–266.
 21. Об исторических связях бурят и баргутов (в соавт.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. — 2013. — № 3. — С. 18–25.

С. В. ДАНИЛОВ. IN MEMORIAM**Бураев Алексей Игнатьевич**

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

13 августа 2014 года скоропостижно скончался Сергей Владимирович Данилов, доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В течение многих лет он преподавал археологию историкам БГУ, неоднократно был председателем государственной аттестационной комиссии на историческом факультете.

Для того чтобы понять место и роль С. В. Данилова в археологии Бурятии и Центральной Азии, необходимо отметить основные вехи его жизненного пути. С. В. Данилов родился 7 апреля 1950 года в Улан-Удэ. В этом году ему исполнилось бы 65 лет.

В 1974 году он окончил историко-филологический факультет Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова. В 1974–1976 гг. преподавал историю в школах Бичурского и Селенгинского районах Республики Бурятия, в 1979 г. окончил аспирантуру при Институте археологии АН СССР (г. Москва). С 1979 по 1981 г. работал в Бурятском научном центре, с 1981 г. и до последних дней жизни — в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии (ранее Бурятский институт общественных наук) СО РАН.

С. В. Данилов — автор более 100 научных работ, в том числе монографий «Города в кочевых обществах Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2004), «Киданьский город Чинтолгой балгас» (М., 2011), «Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны» (Улаанбаатар, 2013) и др.

Сергей Владимирович — признанный в России и за рубежом исследователь древней и средневековой истории кочевых народов Центральной Азии — памятников бронзового, скифского, хуннского и средневекового периодов. Им исследовались погребальные и культовые памятники, поселения и городища широкого хронологического диапазона.

С 1981 г. Сергей Владимирович проводил археологические раскопки на территории Бурятии и сопредельных территорий, а с 1992 г. руководил экспедиционными исследованиями лаборатории археологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. С 1999 г. начал проводить экспедиционные исследования на территории Монголии, вначале в составе международной экспедиции «Трансформация кочевых народов народов Центральной Азии», затем в качестве руководителя международной российско-монгольской археологической экспедиции по изучению киданьских и хуннских городов.

Мне повезло в течение многих лет работать бок о бок с этим выдающимся ученым, обладавшим несомненным организационным талантом. Сергей Владимирович был руководителем с большой буквы, имел непререкаемый авторитет у всех участников экспедиций. Начальники археологических экспедиций и отрядов знают, как непросто обеспечить бесперебойное проведение раскопок, а это тяжелая работа по обеспечению нормального питания и технического снабжения участников, контроль за дисциплиной и создание комфортного психологического климата в коллективе. Все это блестяще удавалось Сергею Владимировичу!

Особо хотелось бы подчеркнуть сугубо уважительное отношение исследователя к своим научным предшественникам, учителям и коллегам. В своих работах он опирался на труды Г. П. Сосновского, С. В. Киселева, Х. Пэрлээ, А. В. Давыдовой и других ученых. С. В. Данилов творчески использовал советы С. А. Плетневой, Л. Р. Кызласова, П. Б. Коновалова, учеником которых он являлся. Он был всегда открыт для обмена информацией, дискуссий, учитывал полезные замечания коллег, среди которых в первую очередь надо упомянуть Н. Н. Крадина, А. Очира, А. В. Харинского, Б. Б. Дашибалова, А. Д. Цыбиктарова и многих других археологов, этнографов, антропологов.

Обратим внимание на разносторонность археологических интересов С. В. Данилова. В на-

чале научной карьеры, он исследовал вопрос о жертвоприношениях животных в погребальных обрядах древних племен Забайкалья. Автором был собран и осмыслен значительный фактологический материал на основе этнографических данных, предложена своя интерпретация этого древнего обычая. В 1983–1985 гг. под его руководством был исследован археологический комплекс у с. Нижний Бургултай в Джидинском районе Республики Бурятия. Были раскопаны несколько плиточных могил и два кургана-херексура. Их изучение позволило глубже понять конструктивные особенности памятников подобного типа и, что касается херексуров, уточнить их хронологию. Здесь же был исследован крайне интересный с научной точки зрения ритуальный комплекс эпохи бронзы. На значительной площади под практически сплошной каменной кладкой были захоронены конские черепа. Автором раскопок сделаны существенные выводы о хронологии и функциональном предназначении памятника.

В статье «In memoriam» позволительно упомянуть о визите в Нижний Бургултай Л. Р. Кызласова. Осмотрев раскопки, маститый археолог заметил: «Тщательно и профессионально работают бурятские археологи». Разумеется, в первую очередь, лестный отзыв относился к автору работ — С. В. Данилову.

Другим крупным погребальным комплексом, изучение которого продолжил С. В. Данилов, является всемирно известный могильник хунну — Ильмовая падь. Автор исследовал один из так называемых царских курганов (№ 54). Были выявлены конструктивные особенности поминального сооружения, сделаны предположения по вопросам происхождения впечатляющих некрополей на юге Бурятии. Были также продолжены работы по составлению общего плана могильника.

Из погребальных сооружений, исследованных С. В. Даниловым, а их было немало, необходимо особо отметить курган Шороон Дов в Центральном аймаке Монголии, раскопанный в 2009 г. совместно с монгольскими коллегами. Тем более что это последний погребальный памятник, в раскопках которого участвовал ученый. Уникальный памятник представляет собой кенотаф, где погребены глиняные и деревянные статуэтки людей и животных. При входе из дромоса в погребальную камеру обнаружены две каменных плиты, на которых указаны биографические данные правителя, в честь которого и был сооружен курган, а также дата погребения — 678 г. н. э. Изучение памятника расширило наши представления о погребальной обрядности средневековых тюрок и в целом об их мировоззрении.

С. В. Данилов является одним из основателей приоритетного научного направления «Социально-политические и экономические предпосылки формирования городов и городской культуры в кочевых обществах Центральной Азии на основе археологических изысканий». К этой теме, ставшей, по существу, главной в его научной деятельности, Сергей Владимирович приступил с 1986 г. Вслед за А. П. Окладниковым Сергеем Владимировичем было продолжено изучение городов и поселений кочевников Центральной Азии: проведены раскопки Сутайской феодальной усадьбы и начаты работы на развалинах зданий в с. Нарсатуй. Основываясь на многочисленных аналогиях, обнаруженных при раскопках Каракорума, Кондуя и др., автор отнес памятники к XIII–XIV вв., времени расцвета Монгольской империи.

С 1995 г. под руководством С. В. Данилова проводились масштабные работы на городище Баян-Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия. По результатам исследований автор обосновал хуннскую принадлежность памятника и предположил, что городище являлось ставкой правителя окружающей территории.

Особое место в исследовательской деятельности ученого занимают археологические памятники Монголии как метрополии для всего центральноазиатского мира. С 2004 г. в составе интернационального коллектива исследователей он принимает участие в раскопках на городище Чинтолгой балгас в Булганском аймаке. Авторы работ подтвердили киданьскую принадлежность памятника. Опираясь на археологические материалы и данные письменных источников (Ляо ши), исследователи констатировали наличие бохайцев среди населения городища.

В 2007–2008 гг. международной российско-монгольской экспедицией под руководством

С. В. Данилова и А. Очира, проводились раскопки на городище Тэрэлжин Дэрэвэлжин. Памятник был датирован хуннским временем. По мне нию авторов работ, здесь располагалось здание культового назначения. Вывод сделан на основании практического отсутствия находок (кроме огромного количества ханьской черепицы) и оригинального строения здания с галечной дорожкой по его периметру.

Все известные материалы по поселениям городского типа в регионе были собраны и тщательно проанализированы автором в обобщающей монографии «Города в кочевых обществах Центральной Азии», как представляется, одной из лучших работ по заявленной тематике.

В последние годы Сергей Владимирович занимался картированием и созданием электронной карты городов и поселенческих комплексов Монголии, Тувы и Бурятии. Исследования, проведенные по широкой археологической тематике, позволили ему приступить к теме «Древние кочевники Центральной Азии», при разработке которой исследуются предпосылки возникновения в регионе производящей экономики, пути и время становления кочевого скотоводства, эволюция социально-политических систем в кочевых обществах и становления государственности.

С 1992 г. Сергей Владимирович возглавлял лабораторию археологии, с 2001 по 2005 г. работал в должности заместителя директора по научной работе, в 2007–2009 гг. — заместителем директора по международным связям, с 2009 г. — заведующим отделом истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН. Он участник и организатор многих международных и всероссийских научных конференций. Под руководством и редакцией С. В. Данилова изданы многочисленные сборники статей; он являлся редактором и рецензентом ряда монографий, в том числе был ответственным редактором I тома трехтомного издания «История Бурятии», изданного в 2011 г.

С. В. Данилов — заслуженный деятель науки Республики Бурятия (2000), лауреат Государственной премии Республики Бурятия в области науки и техники (2004), был награжден юбилейной медалью в честь 100-летия В. Р. Филиппова (2013) и др. Заслуги Сергея Владимировича были отмечены государственными наградами Монголии: в 2006 г. Президентом Монголии ему была вручена Почетная медаль «800-летие Великого Монгольского государства», в 2012 г. — «Золотая медаль Хубилай хана» Академии наук Монголии.

Разумеется, приведенные данные не исчерпывают весь спектр научных интересов С. В. Данилова. В статье, посвященной его светлой памяти, отражены наиболее значимые, по мнению автора, аспекты его многогранной научной деятельности. Трудно переоценить вклад Сергея Владимировича в археологию Бурятии, Сибири и Центральной Азии. Его работы занимают достойное место в отечественной и мировой историографии, они, несомненно, будут востребованы новыми поколениями студентов, аспирантов, ученых и послужат дальнейшему развитию исторических исследований в регионе.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1945)

Боронова М. М. В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ КОВАЛАСЬ ПОБЕДА: ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)	3
Васильева С. В. ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДРЕВЛЕПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	7
Доржеева В. В. ЖЕНЩИНЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	14
Балакирев А. Н. ТИМУРОВЦЫ: МАЛЕНЬКИЕ ВОЛОНТЕРЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ	19
Желаева С. Г. РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)	24
Исаев А. А., Федирко О. П. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА К ОБОРОНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	30
Семенова Е. Е. ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БУРЯТИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ И В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД ...	37
Фартусов Д. Б. РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	43

ИСТОРИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Тармаханов Е. Е., Будаев Д. А. УГОЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ БУРЯТИИ В 1960–1991 гг.	48
Балдано М. Н. ШЭНЭХЭНСКИЕ БУРЯТЫ: ПО ТУ И ЭТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ	52
Цыбиктаров А. Д. ПРИРОДА И ДРЕВНЕЕ ОБЩЕСТВО В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА В РЕГИОНЕ И ЕГО ВЛИЯНИЯ НА КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ)	60
Митупов К. Б.-М., Гармаева Т. И. БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ВОСТОКЕ	66
Санжиева Т. Е. РОЛЬ БУРЯТ В РАЗВИТИИ ПОЧТОВОЙ СВЯЗИ (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ, КОНЕЦ XVII–XIX вв.)	71
Номогоева В. В. ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТИИ)	76
Гельман В. А. РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ БИЗНЕСА	82
Паликова Т. В. ЮГО-ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ XIX — НАЧАЛА XX в. В УСЛОВИЯХ ТРАНСГРАНИЧЬЯ ..	86
Цыренова З. Е. ОПЫТ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ (1920–1990-е гг.)	91
Палхаева Е. Н., Жукова Н. Е. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БУРЯТИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1920-х гг.)	96
Крупянка А. А. ПАЛЕОЛИТ ПРИМОРЬЯ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ	101
Протасов Е. Т. ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ АППАРАТА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ БУРЯТИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	110
Санданов Ю. Б. НОМАДНОЕ ХОЗЯЙСТВО У БУРЯТ XVIII — НАЧАЛЕ XX в.	119
Цыремпилов Н. В. РОССИЙСКО-ЦИНЬСКИЕ ДОГОВОРЫ XVII–XVIII вв. И СТАТУС ТИБЕТО-МОНГОЛЬСКОГО БУДДИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	125
Полянская О. Н. ПЕРЕПИСКА ВОСТОКОВЕДОВ О. М. КОВАЛЕВСКОГО И В. П. ВАСИЛЬЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ	130
Кириченко С. В. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР БУРЯТИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО ПЕРВОЙ ДЕКАДЫ ИСКУССТВА В МОСКВЕ	137
Шемелин А. В., Савосина Н. Г. ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ	143
Зверев А. Л., Федоров А. П. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ В ГОНКОНГЕ 2014 г.)	149

Дашиева А. Д. ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ БУРЯТИИ В 1990–2000-е ГОДЫ.....	155
Кружалина А. А. МАНЗЫ И ХУНХУЗЫ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)	161
Убеева О. А. ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ БУРЯТИИ 20-х гг. XX в.	169
Соболева А. Н. МОЛОДЕЖЬ БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР И КОМСОМОЛ В 1920-е гг.: ПРИЧИНЫ УЧАСТИЯ И НЕУЧАСТИЯ В ОРГАНИЗАЦИИ	174
Малыгина О. А. ВОЕННОЕ ГУБЕРНАТОРСТВО ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX в.): СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ	180
Миронова Г. А. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК «ТЕКСТ» КУЛЬТУРЫ РЕГИОНА	185
Байкалов Н. С. «ЗОЛОТОЙ ВЕК» БАМА: ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА	190

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Абаев Н. В., Фельдман В. Р. ЗООМОРФИЗМ ТОТЕМНЫХ ПСИХОТИПОВ ЛИСЫ И ВОЛКА В ИСТОРИИ БОЕВЫХ ИСКУССТВ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ	195
Дроботушенко Е. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО ЭКЗАРХА НЕСТОРА (АНИСИМОВА) .	201
Ахмадулина С. З. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КИТАЙСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ ФАЛУНЬГУН В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)	208

СООБЩЕНИЯ

Хышиктуев О. В., Баранова Н. С. ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ.....	213
Арсеньева Л. Г. ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКИМИ ГЕОГРАФАМИ (ВСОРГО) ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.).....	216
Горковенко О. Н. СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В БУРЯТИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ.....	221
Евтехов Р. А. ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ В XVIII в.....	225
Минаева В. Ю. ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНОСТРАННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В ЗАБАЙКАЛЬЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....	230
Балханов В. Ю. МИЛИЦИЯ БУРЯТИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА НАЧАЛА 90-х ГОДОВ XX ВЕКА	236
Бухаев О. Б. ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ (1991–2012 гг.) В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	241
Свиридова Н. Б. ГОРОДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	246
Фефелов Д. С. ГАЗЕТА «ПРАВОСЛАВНАЯ БУРЯТИЯ» КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)	253
Шойдонова А. М. МОНГОЛРАБФАК В ДЕЛЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ МОНГОЛОВ (1930–1940 гг.)	259
Гомбоев А. Б. ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (1966–2009 гг.).....	263

ЮБИЛЕИ

Санжиев Г. Л., Тармаханов Е. Е. СЛИШКОМ РАНО ПОГАСЛА ЗВЕЗДА ИСТОРИКА-ФРОНТОВИКА: ВОСПОМИНАНИЕ СОРАТНИКОВ И КОЛЛЕГ О Б. М. МИТУПОВЕ	268
Палхаева Е. Н. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (К 60-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА А. Д. ЦЫБИКТАРОВА).....	273
Боронова М. М. ДОБРОЕ ИМЯ (К 85-ЛЕТИЮ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА МАКСИМА НИКОЛАЕВИЧА ХАЛБАЕВА).....	277
Балдано М. Н., Бураева О. В. ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БУРЯТСКОГО НАРОДА ДАБА-ЦЫРЕН ДАМБАЕВИЧ НИМАЕВ (1952–2014)	281
Бураев А. И. С. В. ДАНИЛОВ. IN MEMORIAM	284

CONTENTS

TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Boronova M. M. THE VICTORY WAS HAMMERED IN REAR: THE INDUSTRY OF BURYATIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945).....	3
Vasileva S. V. CHANGE IN STATE POLICY CONCERNING THE OLD ORTHODOX CHURCH UNDER THE CONDITIONS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR	7
Dorzheeva V. V. WOMEN OF THE LOCAL MINOR NATIONS OF THE NORTH-EAST OF THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	14
Balakirev A. N. TIMUROVTSY: YOUNG VOLUNTEERS OF THE GREAT WAR.....	19
Zhelaeva S. G. YOUNG WORKERS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)	24
Isaev A. A., Fedirko O. P. PUBLIC POLITICAL ORGANIZATIONS' ACTIVITY ON PREPARING THE POPULATION OF THE FAR EAST TO DEFEND THE COUNTRY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	30
Semenova E. E. SCHOOL EDUCATION OF BURYATIA DURING THE WAR AND IN THE POSTWAR PERIOD....	37
Fartusov D. B. REPRESSIVE POLICY IN THE BURYAT-MONGOLIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	43

HISTORY, HISTORIOGRAPHY, SOURCES STUDIES

Tarmakhanov E. E., Budaev D. A. COAL INDUSTRY OF BURYATIA IN 1960–1991	48
Baldano M. N. SHENEKHEN BURYATS: ON THAT AND THIS SIDE OF THE BORDER	52
Tsybiktarov A. D. NATURE AND ANCIENT SOCIETY IN THE BRONZE CENTURY OF CENTRAL ASIA (TO THE PROBLEM OF FORMATION OF NOMADIC PASTORALISM IN THE REGION AND ITS INFLUENCE ON CULTURAL AND HISTORICAL PROCESSES)	60
Mitupov K. B.-M., Garmaeva T. I. BURYAT STATE UNIVERSITY AS A TOOL OF EDUCATIONAL POLICY OF RUSSIA IN THE EAST.....	66
Sanzhieva T. E. THE ROLE OF BURYATS IN THE DEVELOPMENT OF POSTAL SERVICES (WEST TRANSBAIKALIA).....	71
Nomogoeva V. V. VILLAGE READING ROOMS IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET POWER (ON THE EXAMPLE OF BURYATIA).....	76
Gelman V. A. RUSSIAN-MONGOLIAN COOPERATION IN THE FIELD OF BUSINESS.....	82
Palikova T. V. SOUTH-WESTERN TRANSBAIKALIA OF THE 19th — EARLY 20th CENT. UNDER THE TRANS-BOUNDARY CONDITIONS	86
Tsyrenova Z. E. EXPERIENCE OF PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF TRADITIONAL CULTURE OF INDIGENOUS PEOPLES (1920–1990s)	91
Palkhaeva E. N., Zhukova N. E. ACTIVITY OF PUBLIC ORGANIZATIONS OF BURYATIA (THE SECOND HALF OF THE 1920s).....	96
Krupyanko A. A. PALEOLITHIC AGE IN PRIMORYE: THE PROBLEMS OF DIVISION INTO PERIODS.....	101
Protasov E. T. PROBLEMS OF FORMATION OF STATE ADMINISTRATION AUTHORITIES OF BURYATIA IN NATIONAL HISTORIOGRAPHY	110
Sandanov Yu. B. NOMADIC ECONOMY OF BURYATS IN THE 18th — EARLY 20th CENT.....	119
Tsyrempilov N. V. RUSSIA-QING TREATIES OF THE 17–18th CENT. AND THE STATUS OF TIBETAN-MONGOLIAN BUDDHISM IN THE RUSSIAN EMPIRE	125
Polyanskaya O. N. ORIENTAL STUDIES SCHOLARS O. M. KOWALEVSKY'S AND V. P. VASILIEV'S CORRESPONDENCE AS A SOURCE ON THE HISTORY OF MONGOLIAN STUDIES	130
Kirichenko S. V. PROFESSIONAL THEATER OF BURYATIA: FROM THE ORIGIN TILL THE FIRST DECADE OF ART IN MOSCOW	137
Shemelin A. V., Savosina N. G. PRIORITIES OF STATE POLICY IN THE FIELD OF CUSTOMS: A HISTORICAL PRACTICE OF BORDER REGIONS	143
Zverev A. L., Fyodorov A. P. SOCIAL NETWORKS AS A TOOL FOR MANIPULATING ON THE EXAMPLE OF ORGANIZING MASS PROTESTS IN HONG KONG IN 2014	149
Dashieva A. D. TRANSFORMATION OF GENDER ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF BURYATIA ECONOMY	

IN THE 1990–2000s	155
Kruzhalina A. A. MANZI AND HUNGHTZ IN DAILY LIFE OF THE FAR EAST (SECOND HALF of the XIXth CENTURY)	161
Ubeeva O. A. CITY SOCIAL REALITY OF BURYATIA IN THE 20s OF THE 20 CENT.	169
Soboleva A. N. YOUTH OF THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR AND KOMSOMOL IN THE 1920s: THE REASONS OF PARTICIPATION OR NON-PARTICIPATION IN ORGANIZATION	174
Malygina O. A. MILITARY GOVERNORSHIP OF TRANSBAIKALIAN REGION (II HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENT.): A SOCIO-CULTURAL PORTRAIT	180
Mironova G. A. CULTURAL LANDSCAPE AS A TEXT OF REGION'S CULTURE	185
Baikalov N. S. «GOLDEN AGE» OF BAM: THE PROBLEMS OF THE SOVIET MYTH-MAKING.....	190

RELIGION STUDIES

Abaev N. V. , Feldman V. R. ZOOMORPHISM OF FOX AND WOLF TOTEM PSYCHO TYPES IN THE HISTORY OF MARTIAL ARTS OF THE TURKIC-MONGOLIAN PEOPLES OF INNER ASIA.....	195
Drobotushenko E. V. ACTIVITY OF NESTOR (ANISIMOV), THE EAST-ASIAN EXARCH.....	201
Akhmadulina S. Z. ORIGIN AND HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CHINESE RELIGIOUS MOVEMENT FALUNGUN IN RUSSIA (ON MATERIALS OF THE REPUBLIC OF BURYATIA).....	208

REPORTS

Khyshiktuev O. V., Baranova N. S. THE FEATURES OF GEOPOLITICAL SITUATION OF THE REPUBLIC OF BURYATIA	213
Arseneva L. G. THE STUDY OF INNER ASIA BY THE RUSSIAN GEOGRAPHERS (ESORGU) (THE SECOND HALF OF THE XIXth CENT.).....	216
Gorkovenko O. N. SOCIAL CONDITIONS OF UNEMPLOYMENT IN BURYATIA AT THE TURN OF THE 20–21 CENTURIES.....	221
Evtekhov R. A. LEGISLATIVE BASIS OF CITY POLICE ACTIVITIES IN THE 19th CENT.	225
Minaeva V. Yu. HISTORIOGRAPHY OF THE CIVIL WAR AND FOREIGN INTERVENTION IN TRANSBAIKALIA (TO THE STATEMENT OF PROBLEM).....	230
Balkhanov V. Yu. BURYAT MILITIA IN THE CONDITIONS OF CRISIS IN THE EARLY 90's OF THE XX CENTURY	236
Bukhaev O. B. STATE YOUTH POLICY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA (1991–2012) IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY	241
Sviridova N. B. MUNICIPAL PUBLIC ADMINISTRATION IN THE TRANSBAIKAL REGION (HISTORIOGRAPHY REVIEW)	246
Fefelov D. S. NEWSPAPER "ORTHODOX BURYATIA" AS A HISTORIOGRAPHY SOURCE (STATEMENT OF THE PROBLEM)	253
Shoydonova A. M. MONGOLRABFAK IN EDUCATING THE MONGOLS (1930–1940)	259
Gomboev A. B. INNOVATIVE POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA: HISTORICAL AND TERRITORIAL SPECIFICITY (1966–2009)	263

JUBILEES

Sanzhiev G. L., Tarmakhanov E. E. THE STAR OF WAR VETERAN, HISTORIAN WENT OUT TOO EARLY: MEMORIES OF ASSOCIATES AND COLLEAGUES ON B. M. MITUPOV	268
Palkhaeva E. N. RESEARCHER OF THE BRONZE AND EARLY IRON AGES OF CENTRAL ASIA (TO THE 60th ANNIVERSARY OF A. D. TSYBIKTAROV)	273
Boronova M. M. DECENT NAME (TO THE 85th ANNIVERSARY OF MAKSIM NIKOLAEVICH KHALBAEV, DSC (HISTORY), PROFESSOR)	277
Baldano M. N., Buraeva O. V. DABA-TSYREN DAMBAEVICH NIMAEV (1952–2014), THE RESEARCHER OF ETHNIC HISTORY OF THE BURYAT PEOPLE	281
Buraev A. I. S. V. DANILOV. IN MEMORIAM	284

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты дис-сертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2015 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)
гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95
эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru
2. Экономика. Право (февраль)
гл. ред. Атанов Николай Иванович – тел. 21-37-44
эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru
3. Химия, физика (март)
гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58
эл. адрес: khakhinov@mail.ru
4. Биология, география (март)
гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48
эл. адрес: vestnik_biology@bsu.ru
5. Психология, социальная работа (апрель)
гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49
эл. адрес: decspf@mail.ru
6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)
гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62
эл. адрес: intellige2007@rambler.ru
7. История (май)
гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47
эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru
8. Востоковедение (май)
гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатъевич – тел. 44-25-22
эл. адрес: railia@mail.ru
9. Математика, информатика (июнь)
гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57
эл. адрес: vestnik_bsu_math@rambler.ru
10. Филология (сентябрь)
гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91
эл. адрес: 223015@mail.ru; mar1955@mail.ru
11. Романо-германская филология (сентябрь)
гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98
эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru
12. Медицина, фармация (октябрь)
гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55
эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru
13. Физкультура и спорт (октябрь)
гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89
эл. адрес: gaskov@bsu.ru
14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)
гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62
эл. адрес: intellige2007@rambler.ru
15. Теория и методика обучения (декабрь)
гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57
эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью. Рецензенты должны являться признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Автор статьи обязан заключить лицензионный договор о предоставлении неисключительных прав на использование созданного им произведения (статьи) ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет». Образец лицензионного договора представлен на сайте БГУ.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. Аннотация (авторское резюме) должна заключать от 100 до 250 слов. После аннотации дать ключевые слова (не менее семи слов) на русском и английском языках. Несоответствие между русскоязычным и англоязычным текстами не допускается. Выполнить транслитерацию русского текста литературы латиницей.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое – 15 мм, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ – 5 мм. Интервал – полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля – 14 пт. Список литературы и аннотация – 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Краткие сообщения – до 3 с., статьи на соискание ученой степени кандидата наук – 8–12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 10–16 с. Название статьи должно содержать не более 10 слов.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, страна, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

• Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.

• Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются. Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат. ВУЗ».

• Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией выпуска «Вестника БГУ». Корректура авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

• Статьи принимаются в течение учебного года.

• Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.

• Формат журнала 60x84 1/8.

• Рисунки и графики должны иметь четкое изображение. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi. Диаграммы, рисунки, графики должны прилагаться отдельными файлами, чтобы издательство имело возможность ввести в них правки. Математические формулы в текстах должны быть выполнены в MathType. Если работа содержит примеры на старославянском языке или языках народов, то отправить соответствующие символы.

Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.

Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.

Факс (301-2)-21-05-88

Оплата производится при получении счета от бухгалтерии БГУ.